

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

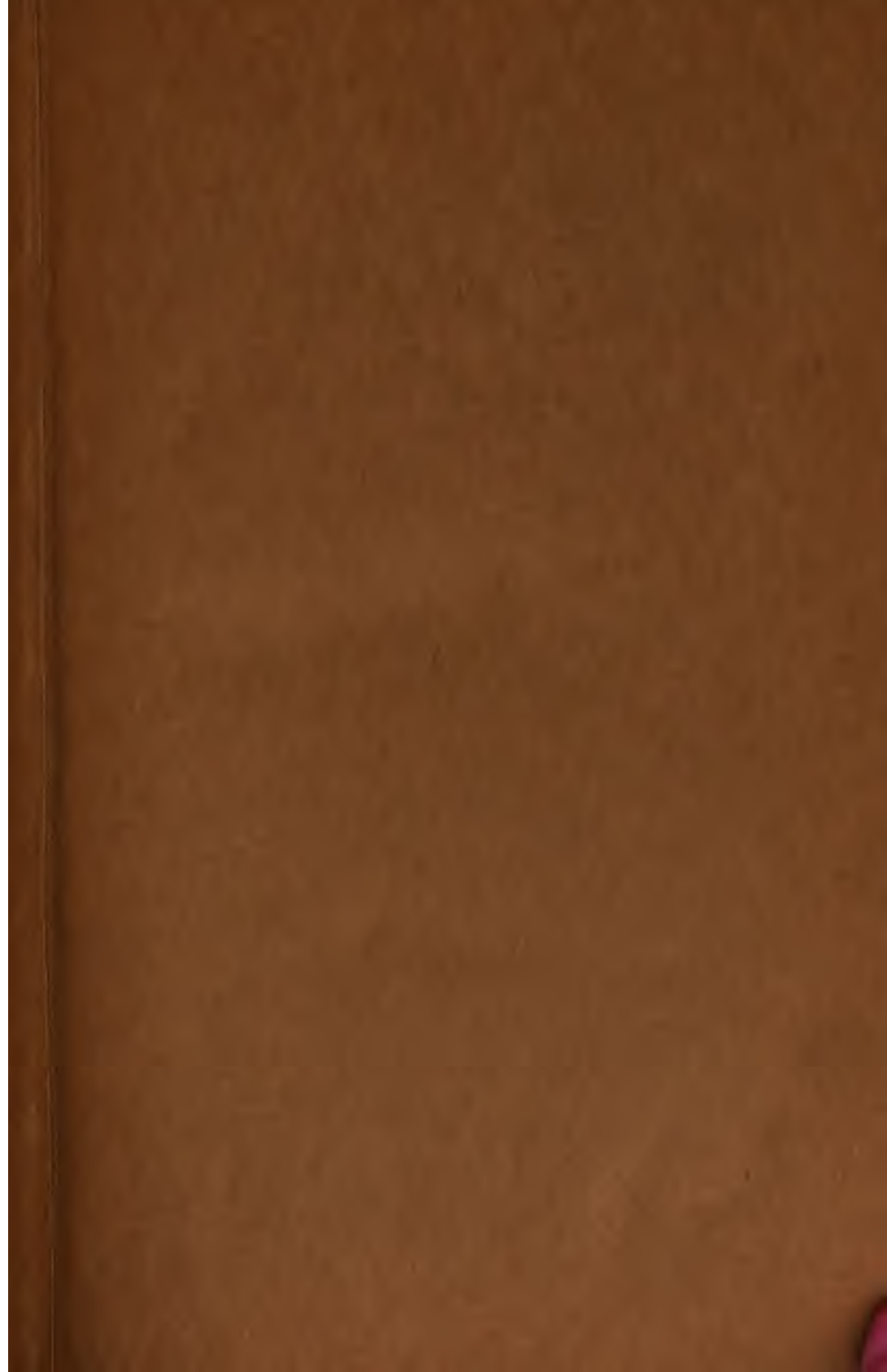
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Plow 620.5 ($\frac{1896}{5}$)

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

BOUGHT FROM THE
AMEY RICHMOND SHELDON
FUND

М А Й.

1896.

РУССКОЕ ПОГЯТСТВО

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 5.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Фонтанка 92.

1896.

Δ

✓ P 8aw 620.5 ($\frac{1896}{5}$)

Letcher, J. L.

СОДЕРЖАНІЕ.

• СТРАН.

Высочайшій манифестъ.	
1. Въ міръ отверженныхъ. Записки бывшаго каторж- наго. <i>Л. Мельмина</i> . (Окончаніе).	5—23
2. Борцы. Романъ <i>К. С. Баранцевича</i> . (Окончаніе). .	24—51
3. Отрывки изъ заграничныхъ воспоминаній. <i>С. Я. Ел- патъевскаго</i>	52—89
4. Маленькіе рассказы про маленькихъ людей. I. Гришка. II. Добытчикъ. II. <i>Хотимскаго</i>	90—110
5. Уголовное Уложеніе (По поводу проекта Редакціон- ной Комиссіи). <i>Н. А. Соколовскаго</i>	111—152
6. Конецъ старины. Романъ <i>Поля Бурда</i> . Переводъ съ французскаго. I—VI.	153—195
7. Я былъ высоко, далеко отъ земли. Стихотвореніе <i>Allegro</i>	196
8. Народно-хозяйственные наброски. <i>Н. А. Карышева</i>	1—26
9. Новый курсъ политической экономіи. <i>Б. Э.</i>	26—45
10. Съ береговъ Лемана. (Швейцарская національная выставка) <i>И. Н. Стверова</i>	45—58
11. Изъ Германіи. <i>А. Коврова</i>	58—75
12. Изъ Австріи. <i>Л. Василевскаго</i>	76—96
13. Изъ Франціи. <i>Н. К.</i>	96—114
14. Новыя книги:	

Починъ. Сборникъ Общества любителей російской словесно-
сти.—Сборникъ въ пользу еврейскихъ начальныхъ школъ.—Меж-
дународная библіотека: Ш. Летурно. Прошедшее и будущее ли-
тературы.—М. Гюйо. Принципы искусства и поэзіи.—М. Лацарусъ.
Взаимодѣйствіе души и тѣла.—Юридическая библіотека: Я. Кан-
торовичъ. Средневѣковые процессы о вѣдьмахъ.—Дѣло мултан-

- скихъ вотяковъ. — Э. Ф. Баллинь. Судебно-медицинская экспертиза въ дѣлѣ мултанскихъ вотяковъ. — П. Богаевскій. Мултанское моленіе вотяковъ. — Гр. Джалишевъ. Судъ надъ судомъ присяжныхъ. — Библіотека экономистовъ: Давидъ Юмъ и Іеремія Бен-тамъ. — Франсуа Кенэ. — Ж. Б. Сэ. — Фредерикъ Бастіа. — Левъ Бухъ. Основные элементы политической экономіи. — Новые книги, поступившія въ редакцію 114—142
15. Литература и жизнь. *Н. К. Михайловскаго* 142—172
16. Хроника внутренней жизни: I. Современная самозванщина. *В. Г. Короленко*. II. Вопросъ о всеобщемъ обученіи въ московскомъ губернскомъ земствѣ. Старая и новая школа. *О. Б. А.* 172—208
17. Отчетъ конторы редакціи «Русскаго Богатства».
18. Извлеченіе изъ отчета секретаря и казначея литературнаго фонда.
19. Объявленія.
-

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Наволеніемъ и милостію Господа Вседержителя, совершивъ въ сей торжественный день обрядъ Священнаго Коронованія и воспріявъ Святое Миропомазаніе, повергаемся къ Престолу Царя Царствующихъ съ усерднымъ моленіемъ, да благословитъ Онъ Царствованіе Наше на благо возлюбленнаго Отечества и да утвердитъ Насъ въ исполненіи священнаго обѣта Нашего—вѣрно и неуклонно продолжать унаслѣдованное отъ Вѣнценосныхъ Предковъ дѣло строенія Земли Русской и укрѣпленія въ ней вѣры, добрыхъ нравовъ и истиннаго просвѣщенія.

Вникая въ нужды всѣхъ Нашихъ вѣроподданныхъ и обращая взоры Наши въ особенности на страждущихъ и обремененныхъ, хотя бы и по собственной винѣ или нерадѣнію, слѣдуемъ влеченію сердца даровать и имъ возможныя облегченія, дабы, въ сей достопамятный день Священнаго Вѣчанія Нашего на Царство, они, вступивъ на стезю обновленной жизни, могли радостно участвовать во всенародномъ ликованіи.

Въ сихъ видахъ Всемилостивѣйше повелѣваемъ:

І. Даровать нижеслѣдующія облегченія по разнаго рода сборамъ:

1. Сложить со счетовъ всѣ числящіеся къ 1-му января 1896 года недоимки:

а) въ губерніяхъ Европейской Россіи — государственнаго поземельнаго налога, и

б) въ губерніяхъ Царства Польскаго — поземельнаго налога, поземельнаго на содержаніе гминныхъ судовъ сбора и подымной подати крестьянской, посадской и дворской.

2. Въ теченіе десяти лѣтъ, начиная съ 1896 г., взимать исчисляемый со всѣхъ сословій государственный поземельный налогъ въ Европейской Россіи въ размѣрѣ половины нынѣ установленныхъ среднихъ по губерніямъ окладовъ, а въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ средній подесятинный окладъ превышаетъ десять копѣекъ на десятину, — пять коп. съ десятины.

3. Въ теченіе указаннаго въ предыдущемъ п. 2 срока взимать въ половинномъ размѣрѣ въ губерніяхъ Царства Польскаго—крестьянскій, посадскій и дворскій добавочный поземельный налогъ и поземельный на содержаніе гминныхъ судовъ сборъ.

4. Если въ теченіе указаннаго въ пп. 2 и 3 десятилѣтняго срока послѣдуетъ уменьшеніе поименованныхъ въ смѣхъ пунктахъ сборовъ,—взимать до истеченія означеннаго срока половиною вновь установленнаго уменьшеннаго оклада.

5. Сложить со счетовъ всѣ числящіеся ко дню Боронованія Нашего недоимки по отмѣненнымъ въ Европейской Россіи подушной и оброчной податямъ и лѣсному налогу.

6. Сложить со счетовъ по подушной и оброчной податямъ въ Сибирѣ ту часть недоимокъ, которая къ 1-му января 1896 г. числится на личной отвѣтственности плательщиковъ; остальную недоимку, числящуюся къ тому же сроку, по смѣхъ податямъ, а равно по поземельному налогу въ Туркестанскомъ краѣ, по подымной подати съ сельскаго населенія Кавказа и по подати кибиточной—разсчитать съ такимъ разсчетомъ, чтобы въ уплату на каждый годъ причиталось не болѣе одной десятой части годоваго оклада.

7. Сложить съ евреевъ-земледѣльцевъ Екатеринославской губерніи недоимку оброчной подати, образовавшуюся до 1-го января 1887 года.

8. Сложить со счетовъ числящіеся къ 1-му января 1896 г. недоимки по прямымъ податямъ и окладнымъ сборамъ, взимаемымъ въ возсоединенной съ Россіею, по Берлинскому трактату 1878 г., части Бессарабіи (свод. зак., т. V, уст. о прям. налог., изд. 1893 г., ст. 3).

9. Сложить со счетовъ числящіеся къ 1-му января 1896 г. недоимки:

а) по взимаемому съ туземнаго населенія Кавказа налогу, взамѣнъ исполненія воинской повинности натурою, и

б) по подымной подати съ городского населенія Кавказа.

10. Сложить и исключить изъ счетовъ ту часть накопившихся къ 1-му января 1896 г. недоимокъ по лѣсному налогу, платимому крестьянами въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ не выданы владѣнные записи, и населеніемъ горнозаводскихъ округовъ, которая превышаетъ годовой окладъ этого налога, исчисленный въ размѣрѣ оклада 1895 г., съ тѣмъ: а) чтобы неподлежащая сложенію часть означенныхъ недоимокъ взыскивалась затѣмъ ежегодно въ размѣрѣ не менѣе одной пятой части годоваго оклада, и б) чтобы лица, коимъ предоставлена была уже разсрочка недоимки на срокъ свыше пяти лѣтъ, пользовались этою льготою и впредь за уменьшеніемъ общей суммы недоимки въ указанномъ выше размѣрѣ.

11. Сложить всю числящуюся по 1-ое января 1896 г. на калмыкахъ, кочующихъ въ Астраханской губерніи, а также на калмыкахъ Большедербетовскаго улуса; Ставропольской губерніи, недоимку кибиточнаго сбора, взимаемаго на основаніи Высочайше утвержденнаго, 16-го марта 1892 г., мнѣнія Государственнаго Совѣта.

12. Простить всѣ причитающіяся по 1-е января 1896 года недоимки по ясачному сбору и оброчной подати, платимымъ кочевыми, бродячими и осѣлыми инородцами Кабинету Нашему.

13. Изъ недоимокъ по полупроцентному сбору, взимаемому на содержаніе с.-петербургской пригородной полиціи, простить съ каждаго плательщика по триста рублей.

14. Оставить безъ взысканія тѣ недоимки по окладнымъ сборамъ, поиме-

нованнымъ въ предшествующихъ пп. 1—13 настоящей статьи I, которые слѣдовали къ поступленію за время по 1-е января 1896 г., но по какимъ-либо причинамъ не зачислены по день Коронованія Нашего по счетамъ казначействъ.

15. Оставить безъ взысканія и сложить со счетовъ всѣ безъ исключенія недоимки, накопившіяся по 1-е января 1895 г. и почему бы то ни было не взысканныя по день Коронованія Нашего, въ платежахъ за земельныя угодья, предоставленныя въ пользованіе по уставнымъ грамотамъ населенію казенныхъ горныхъ заводовъ, хотя бы угодья эти и не было еще окончательно отведены въ надѣлъ тому населенію.

16. Сложить недоимки по земельному оброку, образовавшіяся по день Коронованія Нашего за крестьянами изъ бывшихъ горнозаводскихъ людей и ихъ семействъ алтайскаго и нерчинскаго округовъ вѣдомства Кабинета Нашего по уставнымъ грамотамъ и за пользованіе землями вообще сверхъ уставныхъ грамотъ.

17. Сложить въ полной суммѣ недоимки съ пенею, числящіяся по день Коронованія Нашего за переселенцами, водворенными на казенныхъ земляхъ на основаніи Высочайше утвержденныхъ, 10-го Іюля 1881 г. и 17 февраля 1884 г., положеній Комитета Министровъ, по арендной платѣ за эти земли за время пользованія таковыми, до уменьшенія, на основаніи Высочайше утвержденного, 28-го ноября 1894 г., мнѣнія Государственнаго Совѣта, первоначально назначенныхъ на нихъ платежей.

18. Сложить съ переселенцевъ, на которыхъ распространяется дѣйствіе статей 19—24 прилож. къ ст. 33 (прим. 2) общ. пол. о крест. (свод. зак. т. IX, особ. прим. I, по прод. 1891 г.), всѣ по день Коронованія Нашего недоимки въ казенныхъ сборахъ, числившіяся по прежнимъ обществамъ и переведенныя по мѣсту новой приписки недоимщиковъ.

19. Сложить изъ причитающихся къ поступленію въ казну за время до 1-го января 1896 г. сборовъ съ торговли и промышленности (свод. зак. т. V, уст. о прям. налог., изд. 1893 г., ст. ст. 213—454), за исключеніемъ лишь дополнительнаго процентнаго сбора, — тѣ, которые не превышаютъ пятидесяти рублей; суммы же сборовъ, превышающія означенный размѣръ, уменьшить на пятьдесятъ рублей каждую.

20. Сложить всѣ образовавшіяся къ 1-му января 1896 года недоимки въ горныхъ податяхъ, въ отдѣльности не превышающія пятидесяти рублей, по недоимкамъ же въ сихъ податяхъ на большую сумму исключить по пятидесяти рублей изъ каждой статьи.

21. Простить не взысканныя по день Коронованія Нашего суммы суходоходнаго и шоссейнаго казенныхъ сборовъ не свыше трехсотъ рублей на каждое отдѣльное лицо.

22. Оставить безъ взысканія недоимки въ пошлинахъ съ жетовыхъ плавовъ и книгъ, опредѣленныхъ ко взысканія за пять и болѣе лѣтъ до дня Коронованія Нашего.

23. Сложить числящіяся по день Коронованія Нашего на служащихъ въ алтайскомъ и нерчинскомъ округахъ вѣдомства Кабинета Нашего недоимки по случаю увеличенія окладовъ содержанія и пенсій изъ заводскихъ суммъ; не начисленные же по сей день недоимки въ сихъ сборахъ не начислять.

24. Простить всѣ недоимки съ начетами и пенями, опредѣленныя ко взысканію въ пользу казны на основаніи дѣйствовавшихъ въ губерніяхъ

Царства Польскаго, до введенія въ оныхъ устава о питейномъ сборѣ, законоположеній по питейной части.

II. Простить причитающіеся, но еще не взысканные по день Коронованія Нашего:

1. Всякаго рода штрафы и пени по взимаемымъ въ казну прямымъ налогамъ (свод. зак., т. V, уст. о прям. налог., изд. 1893 г., ст. 1), кромѣ упомянутыхъ въ п. 2 сей статьи II, а также по пошлинамъ крѣпостнымъ и съ безсуднаго перехода имуществъ.

2. Штрафы, не превышающіе трехсотъ рублей, за совершенныя по день Коронованія нашего нарушенія правилъ о налогахъ съ торговли и промышленности (свод. зак., т. V, уст. о прям. налог., изд. 1893 г.; ст. 213—454), правилъ о сборѣ съ паровыхъ котловъ (Высочайше утвержденное, 14-го марта 1894 г., мѣніе Государственнаго Совѣта, отд. VII, ст. 5) и статей 153—155 устава о промышленности (свод. зак., т. XI, ч. 2, изд. 1893 г.); штрафы же, превышающіе означенную сумму, уменьшить на триста рублей каждый.

3. Взысканія за совершенныя по день Коронованія Нашего нарушенія устава о гербовомъ сборѣ—въ размѣрѣ не свыше трехсотъ рублей по каждому нарушенію; по взысканіямъ, превышающимъ означенную сумму, сложить триста рублей по каждому нарушенію; взысканія же по такимъ нарушеніямъ, совершеннымъ за пять и болѣе лѣтъ до дня Коронованія Нашего и обнаруженнымъ до сего дня, простить на всякую сумму.

4. Пени, начисленныя за несвоевременный взносъ пособій Государственному Казначейству.

5. Начтенные на частныхъ горнопромышленниковъ: а) пени за несвоевременный взносъ подесятинной платы за площади, отведенныя подъ разработку ископаемыхъ, и за несвоевременный взносъ подати за добытую руду, и б) штрафы за нарушеніе горнаго устава.

6. Пени за несвоевременный взносъ подесятинной платы съ расположенныхъ на казенныхъ земляхъ приисковъ.

7. Тѣ части взысканій, не свыше трехсотъ рублей съ каждого лица, наложенныхъ, но еще не взысканныхъ по 1896 г., съ нарушителей уставовъ о рыбныхъ и тюленьихъ промыслахъ въ водахъ Каспійскаго моря и восточной части Закавказскаго края, кои, на основаніи примѣч. 2 къ ст. 646 и ст. 769 уст. сел. хоз. (свод. зак., т. XII, ч. 2, изд. 1893 г.), слѣдуютъ къ поступленію въ доходъ казны.

8. Штрафы за неправильное вѣнчаніе тяжбъ и исковъ и слѣдующую въ пользу казны половину штрафовъ за неправую апелляцію, которые наложены до дня Коронованія Нашего.

9. Наложенныя въ порядкѣ административномъ взысканія за самовольныя отлучки за границу, за исключеніемъ части сихъ взысканій, подлежащей обращенію въ доходъ городовъ и въ инвалидный капиталъ.

III. Сложить изъ недоимокъ по неоплаченнымъ сборамъ, пошлинамъ и взысканіямъ, не подходящимъ подъ дѣйствіе предыдущихъ статей I и II, а также по издержкамъ на содержаніе и пересылку арестантовъ и выдачамъ изъ казны, на счетъ виновныхъ, кормовыхъ и суточныхъ денегъ и прогоновъ, образовавшихся по день Коронованія Нашего, какъ числящихся по счетамъ, такъ и не начисленныхъ или разсроченныхъ, — тѣ, которыя въ отдѣльности не превышаютъ пятидесяти рублей; по недоимкамъ же на большую сумму исключить по пятидесяти рублей изъ каждой статьи.

IV. Дѣйствіе предыдущихъ статей I, II и III не распространяется:

- а) на суммы, казнь не принадлежащія и хотя находящіяся въ распоряженіи Правительства, но имѣющія специальное назначеніе;
- б) на взысканія по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ;
- в) на недоимки по патентнымъ и акцизнымъ сборамъ и таможеннымъ пошлинамъ;
- г) на капиталныя суммы пособій Государственному Казначейству, — и
- д) на недоимки третнаго жалованья состоящихъ на службѣ лицъ, получающихъ оное.

V. Сложить образовавшіяся за десять и болѣе лѣтъ до дня Коронованія Нашего недоимки по арендѣ отъ казны дохода отъ пропинаціи на крестьянскихъ земляхъ въ губерніяхъ Царства Польскаго; изъ недоимокъ же этого рода, образовавшихся за время отъ пяти до десяти лѣтъ до сего дня, исключить по триста рублей, по каждой статьѣ; штрафы, пени и проценты за несвоевременный взносъ платежей по арендѣ означеннаго дохода, причитающіеся, но еще не взысканные по день Коронованія Нашего, простить сполна.

VI. Простить всѣ образовавшіяся по 1-е января 1896 года недоимки на лицахъ, перебравшихъ пенсіи изъ казны, а равно содержаніе и пенсіи изъ заводскихъ суммъ алтайскаго и нерчинскаго округовъ вѣдомства Кабинета Нашего, и на лицахъ, виновныхъ въ неправильной выдачѣ таковыхъ пенсій и содержанія, если противъ означенныхъ лицъ не возбуждено обвиненія въ причиненіи ими ущерба завѣдомо съ корыстною или иною противозаконною цѣлью.

VII. Сложить со счетовъ убытки, причиненные казнѣ по день Коронованія Нашего неправильными назначеніями и выдачами отставнымъ нижнимъ чинамъ, ихъ женамъ и вдовамъ установленныхъ единовременныхъ и пожизненныхъ пособій.

VIII. Сложить образовавшіяся на разныхъ лицахъ, обществахъ и учрежденіяхъ и не взысканныя по день Коронованія Нашего недоимки за лѣченіе, призрѣніе и содержаніе больныхъ во всѣхъ госпиталяхъ, лазаретахъ, лѣчебницахъ и приемныхъ покояхъ казенныхъ, дворцоваго вѣдомства и алтайскаго и нерчинскаго округовъ вѣдомства Кабинета Нашего, а равно въ учрежденіяхъ вѣдомства Императрицы Маріи, представляющихъ на разсмотрѣніе Опекунскаго Совѣта свои смѣтныя росписанія.

IX. Оставить безъ взысканія и сложить со счетовъ:

1. числящіяся къ 1-му января 1896 г. въ недоимкѣ за дворянствомъ разныхъ губерній суммы, слѣдующія за содержаніе пансіонеровъ дворянства въ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія;

2. причитающіяся за вторую половину учебнаго 1895—1896 года къ поступленію въ казну или въ спеціальныя средства казенныхъ учебныхъ заведеній деньги за ученіе, за слушаніе лекцій и за содержаніе въ пансіонахъ какъ въ мужскихъ, такъ и въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, не внесенныя въ назначенный правилами сихъ заведеній срокъ и до дня Коронованія Нашего не пополненныя; въ тѣхъ же случаяхъ, когда до сего дня послѣдовала уже уплата просроченнаго взноса, предоставить начальству учебнаго заведенія уплату сію засчитывать въ слѣдующій срочный платежъ, если имъ признано будетъ, что воспитанникъ, по недостаточности у него имущественныхъ средствъ и по своимъ нравственнымъ качествамъ, достоинъ этой льготы;

3. накопившіяся за время до 1-го января 1896 г. и не взысканныя по день Коронованія Нашего недоимки въ платѣ за обученіе и воспитаніе въ учрежденіяхъ вѣдомства Императрицы Маріи, представляющихъ на разсмотрѣніе Опекунскаго Совѣта свои смѣтныя росписанія, — и

4. недомки, образовавшіяся по день Коронованія Нашего на служащихъ алтайскаго и керченскаго округовъ, по взносу платы за ученіе и содержаніе дѣтей ихъ въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ, находящихся въ вѣдѣніи Кабинета Нашего.

Сверхъ сего, лицъ, окончившихъ курсъ въ университетахъ и подвергающихся экзаменамъ въ испытательныхъ комиссіяхъ въ теченіе 1896—97 учебнаго года, отъ взноса платы (двадцати рублей) за испытаніе, въ случаѣ представленія ими отъ подлежащаго университета удостовѣренія о бѣдности, — освободить.

Х. Освободить держателей казенныхъ удѣльныхъ, Государевыхъ, дворянскихъ и принадлежащихъ Кабинету Нашему имѣній всѣхъ наименованій и оброчныхъ статей отъ разнаго рода взысканій въ нижеслѣдующихъ размѣрахъ:

1. Сложить въ полной суммѣ съ арендаторовъ имѣній и земельныхъ оброчныхъ статей недомки арендныхъ платежей, числившіяся къ 1-му января 1893 г. и не взысканныя по день Коронованія Нашего; а изъ образовавшихся послѣ указаннаго срока и не взысканныхъ по 1-е января 1896 г., какъ съ этихъ лицъ, такъ и со арендаторовъ казенныхъ рыбныхъ промысловъ, а въ прибрежной полосѣ Каспійскаго моря съ арендаторовъ земельныхъ участковъ для устройства на оныхъ промысловыхъ заведеніяхъ — недомки арендныхъ платежей, въ размѣрѣ не свыше шестисотъ рублей на каждое лицо; если же означенные имѣнія, оброчныя статьи, промыслы или участки находятся въ содержаніи крестьянскаго или мѣщанскаго общества, а также товариществъ въ составѣ не менѣе трехъ лицъ, — то по двѣсти рублей съ каждаго домохозяина или члена товарищества; съ товариществъ же изъ двухъ лицъ — по триста рублей съ каждаго лица.

2. Простить не взысканные по день Коронованія Нашего убытки, начеты и штрафы за неисполненіе или нарушеніе контрактныхъ условій пользованія имѣніями и оброчными статьями, а именно: за неправильную или излишнюю распашку земли, за посѣвъ неподлежащихъ хлѣбамъ и растений, неудобреніе земли, непосадку деревьевъ, порубку произрастающихъ на статьяхъ лѣсныхъ насажденій, за разстройство строеній и всякаго рода сооружений, за неправильное веденіе хозяйственныхъ счетовъ, несправку принадлежащаго къ имѣніямъ и оброчнымъ статьямъ движимаго имущества и т. п. — въ размѣрѣ не свыше трехсотъ рублей на каждое лицо; если же имѣніе или статьи находились въ содержаніи крестьянскаго или мѣщанскаго общества, а также товариществъ въ составѣ не менѣе шести лицъ, — то по пятидесяти рублей съ каждаго домохозяина или члена товарищества; при составѣ же товарищества изъ пяти или менѣе лицъ — триста рублей со всего товарищества. Равнымъ образомъ не налагать взысканій по перечисленнымъ въ настоящемъ пунктѣ нарушеніямъ, произведеннымъ до дня Коронованія Нашего.

3. Не взыскивать убытковъ, происшедшихъ по день Коронованія Нашего отъ недодержанія имѣній и оброчныхъ статей до окончанія контрактныхъ сроковъ и послѣдовавшаго затѣмъ уменьшенія арендной платы за эти имѣнія и статьи при новой ихъ переобработкѣ, а равно не взыскивать убытковъ, понесенныхъ по таковымъ же имѣніямъ или оброчнымъ статьямъ, по причинѣ отказа съемщиковъ отъ заключенія контрактовъ, за исключеніемъ той части убытковъ, которая необходима для покрытія удержаніемъ залоговъ держателей.

4. Сложить въ полной суммѣ съ арендаторовъ имѣній и оброчныхъ статей недомки по день Коронованія Нашего пени за

несвоевременный взносъ какъ арендныхъ платежей, такъ и платы по содержанию соляныхъ источниковъ, смолокуренныхъ и дегтярныхъ заведеній.

XI. Предоставить по возврату ссудъ, произведенныхъ въ разное время лицамъ, обществамъ и сословіямъ, нижеслѣдующія облегченія:

1. Сложить съ заемщиковъ бывшаго закавказскаго приказа общественнаго призрѣнія, получившихъ ссуды подъ залогъ какъ городскихъ недвижимыхъ имуществъ, такъ и сельскихъ земельныхъ имѣній, одну пятую часть общей совокупности числящихся за каждымъ изъ нихъ на 1-е января 1896 г. капитальнаго долга, процентовъ и другихъ недоимокъ по ссудамъ, на слѣдующихъ основаніяхъ:

а) слагаются сперва недоимки, а затѣмъ уже капитальный долгъ;

б) остающаяся затѣмъ сумма капитальнаго долга погашается въ прежній срокъ по банковымъ правиламъ, по расчету изъ пяти процентовъ годовыхъ, могущіе же остаться на счету проценты и недоимки взыскиваются на существующемъ основаніи;

в) для тѣхъ изъ заемщиковъ, коимъ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, 20-го февраля 1888 г., часть долга отсрочена на пятнадцать лѣтъ, уменьшеніе капитальнаго долга относится на сумму, погашаемую въ первое пятнадцатилѣтіе, планъ же погашенія на второе пятнадцатилѣтіе остается безъ измѣненія, — и

г) исчисленныя на сихъ основаніяхъ суммы остающагося за каждымъ заемщикомъ долга на 1-е января 1896 г. и размѣръ годоваго платежа утверждаются Министромъ Финансовъ.

2. Простить и со счетовъ сложить числящіеся по день Коронаванія Нашего долги по ссудамъ, выданнымъ изъ Государственнаго Казначейства, бывшаго заемнаго банка и капиталовъ разныхъ Министерствъ: на постройку церквей, на возобновленіе зданій, разрушенныхъ землетрясеніями; помѣщикамъ Могилевской губерніи, по займу 1847 г., — на покупку хлѣба вслѣдствіе неурожаа; павловскимъ, Нижегородской губерніи, Горбатовскаго уѣзда, ссудосберегательнымъ товариществамъ и складочной артели, по Высочайшимъ повелѣніямъ 23-го іюля и 29-го декабря 1872 г. и 30-го ноября 1873 г., — на поддержаніе ихъ; тунгусамъ и якутамъ, Якутской области, по Высочайшимъ повелѣніямъ 8-го сентября 1887 г. и 20-го декабря 1889 г., — на покупку скота и рыболовныхъ снастей; жителямъ Закавказскаго края изъ Высочайше разрѣшеннаго, 4-го марта и 24-го іюня 1880 г., въ распоряженіе бывшаго Намѣстника Кавказскаго, кредита въ 1.500.000 руб., — на продовольствіе; лицамъ, служившимъ на упраздненныхъ нынѣ казенныхъ фабрикахъ, — на разные предметы.

3. Сложить сполна долги по ссудамъ, выданнымъ изъ казны лицамъ и обществамъ по случаю пожаровъ до 1890 г.

4. По ссудамъ, выданнымъ изъ казны по день Коронаванія Нашего:

а) лицамъ и обществамъ, по случаю пожаровъ, наводненій и другихъ несчастныхъ случаевъ, кромѣ поименованныхъ въ п. 3 сей статьи XI;

б) жителямъ Мочидловской низменности, Варшавской губерніи, коимъ была выдана ссуда на устройство дамбы, разрушенной разливомъ рѣки Вислы, и

в) лицамъ, служившимъ въ туркестанскомъ генералъ-губернаторствѣ, на постройку домовъ —

сложить со счетовъ и простить всѣ недоимки и проценты за просрочку, числящіеся на такихъ заемщикахъ, съ которыхъ поступившіе по день Коронаванія Нашего платежи, вмѣстѣ съ процентами и пенею, покрываютъ пер-

воначальный капитальный долгъ, а съ прочихъ заемщиковъ сложить по таковымъ ссудамъ проценты за просрочку платежей, равно числящіеся по день Коронованія Нашего недоимки, не превышающія по каждой отдѣльной ссудѣ трехсотъ рублей; съ тѣхъ же заемщиковъ, на коихъ недоимки по сказаннымъ ссудамъ превышаютъ этотъ размѣръ, исключить изъ недоимки триста рублей съ cadaго заемщика. По ссудамъ, вполнѣдствіи пересроченнымъ, сложенію подлежатъ только недоимки новыхъ срочныхъ платежей, хотя бы въ разсроченномъ вновь капиталѣ и заключались причисленные къ оному при такой пересрочкѣ недоимки срочныхъ платежей по первоначальной разсрочкѣ.

5. По ссудамъ, выданнымъ изъ казны переселенцамъ разныхъ наименованій на домообзаведеніе, сложить со счетовъ числящіеся по день Коронованія Нашего проценты за просрочку, равно и недоимки, не превышающія по каждой отдѣльной ссудѣ пятидесяти рублей; съ заемщиковъ же, недоимки коихъ превышаютъ указанный размѣръ, исключить изъ недоимки по пятидесяти рублей съ cadaго заемщика.

6. Переселенцамъ изъ внутреннихъ губерній Европейской Россіи, поселеннымъ до дня Коронованія Нашего въ алтайскомъ и нерчинскомъ округахъ на земляхъ Кабинета Нашего и получившимъ на обзаведеніе изъ суммъ округовъ ссуды деньгами, а также хлѣбомъ и другими припасами и матеріалами, уплату отсрочить на два года со дня выдачи ссуды, съ тѣмъ, чтобы выданная имъ ссуда была погашена въ послѣдующія шесть лѣтъ по равной части въ каждый годъ.

7. Сложить окончательно со счетовъ недоимки, образовавшіяся по день Коронованія Нашего по ссудамъ, изъ казны выданнымъ, мурманскимъ переселенцамъ и поморамъ, на основаніи Высочайше утвержденныхъ, 22-го ноября 1868 г. и 14-го мая 1876 г., положеній Комитета Министровъ и Высочайше утвержденного, 18-го марта 1886 г., мѣтнія Государственнаго Совѣта.

8. Не подвергать взысканію не отработанные и не возвращенные ко дню Коронованія Нашего задатки и припасы натурою, выданные впередъ рабочимъ и мастеровымъ казенныхъ горныхъ заводовъ и рудниковъ, равно рабочимъ и мастеровымъ алтайскаго и нерчинскаго округовъ вѣдомства Кабинета Нашего по разнымъ случаямъ и въ счетъ заработка; а также сложить образовавшіяся по день Коронованія Нашего на мастеровыхъ и рабочихъ разныхъ сословій и нижнихъ служителяхъ казенныхъ горныхъ заводовъ, казенныхъ заводовъ и техническихъ заведеній военнаго вѣдомства и заводовъ, рудниковъ, прісковъ и учрежденій алтайскаго и нерчинскаго округовъ вѣдомства Кабинета Нашего долги какъ по личному найму, такъ и по поставкамъ и перевозкамъ разнаго рода матеріаловъ и припасовъ, — на сумму не свыше ста пятидесяти рублей съ cadaго въ отдѣльности или съ каждой артели; по недоимкамъ же въ сихъ долгахъ на большую сумму исключить по сто пятидесяти рублей по каждой статьѣ.

9. Сложить по алтайскому и нерчинскому округамъ вѣдомства Кабинета Нашего долги съ подрядчиковъ, образовавшіяся по день Коронованія Нашего, при неисполненіи ими: подрядовъ поставки матеріаловъ и припасовъ, земляныхъ работъ, перевозки рудъ, угля и проч., на сумму не свыше пятидесяти рублей съ cadaго въ отдѣльности.

10. Сложить числящіеся по день Коронованія Нашего на умершихъ членахъ ликвидир�уемыхъ горнозаводскихъ товариществъ бывшего казеннаго богословскаго округа долги, подлежащіе взысканію въ возмѣщеніе сдѣланныхъ казною въ вспомогательныя кассы упомянутыхъ товариществъ взносов, со-

главно ст. 67 положенія, Высочайше утвержденнаго 8-го марта 1861 г., о горнозаводскомъ населеніи, а равно подлежащіе взысканію въ пользу казны же начеты и взысканія съ должностныхъ, по кассамъ товариществъ, лицъ за упущенія по должностямъ.

11. Простить и со счетовъ сложить числящіеся по день Коронованія Нашего долги Государственному Казначейству за населеніемъ состоящихъ въ залогъ казнь частныхъ горныхъ заводовъ, образовавшіеся вслѣдствіе перевода на это населеніе части долга владѣльцевъ заводовъ, взамѣнъ слѣдовавшихъ въ пользу сихъ владѣльцевъ оброчныхъ платежей.

12. Проценты, накопившіеся по день Коронованія Нашего на стоимость выданнаго въ долгъ лѣса по Княжеству Ловичскому и алтайскому и нерчинскому округамъ вѣдомства Кабинета Нашего, простить и исключить изъ счетовъ.

13. Сложить со счетовъ суммы, израсходованныя консулами за границею на содержаніе, лѣченіе и возвращеніе въ Россію русскихъ мореходцевъ, числящіеся по день Коронованія Нашего въ недоимку какъ за сими мореходами, такъ и за судохозяевами.

14. По ссудамъ, выданнымъ изъ Государственнаго Казначейства въ разное время, по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ, земствамъ и городамъ на выполненіе смѣтныхъ расходовъ, на борьбу съ эпидеміями, эпизоотіями и вредными насѣкомыми, на устройство и улучшеніе путей сообщенія, на оросительныя работы, на укрѣпленіе береговъ рѣкъ и устройство дамбъ, а равно на подкрѣпленіе страховыхъ средствъ, — простить и со счетовъ сложить числящіеся по день Коронованія Нашего проценты за просрочку срочныхъ взносовъ по симъ ссудамъ.

15. Изъ числа остающихся невзысканными по день Коронованія Нашего процентовъ за просрочку платежей по ссудамъ, выданнымъ изъ Государственнаго Казначейства и изъ фундушеваго капитала частнымъ лицамъ и обществамъ, по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ и на основаніи закона о ссудахъ изъ фундушеваго капитала, — простить и изъ счетовъ исключить сумму таковыхъ процентовъ, накопившуюся за время не даѣе десяти лѣтъ, а съ тѣхъ заемщиковъ, на которыхъ упомянутые проценты числятся за большее время, сложить эти проценты лишь за десять лѣтъ.

16. Простить пеню, причитающуюся, но еще не взысканную по день Коронованія Нашего, по долгамъ помѣщиковъ по выкупной операціи.

17. Простить и изъ счетовъ исключить сумму пени, накопившуюся до дня Коронованія Нашего на владѣльцахъ полуховныхъ имѣній въ губерніяхъ Царства Польскаго за несвоевременный взносъ срочныхъ платежей по купче-продажнымъ долгамъ за означенныя имѣнія.

18. Силу предыдущихъ п.п. 2—5, 11, 14 и 15 настоящей статьи XI распространить лишь на непосредственныхъ заемщиковъ и ихъ наследниковъ.

XII. Простить и сложить на нижеслѣдующихъ основаніяхъ не взысканные еще по службѣ какъ казенные, такъ и вѣдомства учреждений Императрицы Маріи начеты (зачисленные въ недоимку и не зачисленные), ущербы и утраты, а равно переборы, образовавшіеся отъ неправильной выдачи служащимъ въ государственныхъ учрежденіяхъ лицамъ разныхъ видовъ личнаго денежнаго довольствія (жалованья, столовыхъ, квартирныхъ, суточныхъ, порціонныхъ, прогоновъ и т. п.), когда сіи начеты, ущербы, утраты и переборы причинены такими дѣйствіями или упущеніями, которыя послѣдовали до дня Коронованія Нашего.

1. Тѣ начеты, ущербы, утраты и переборы, по которымъ дѣла ко дню Коронованія Нашего еще окончательно не рассмотрѣны или не начаты, оставить безъ преслѣдованія, когда сумма оныхъ составляетъ не болѣе трехсотъ рублей на каждое подлежащее отвѣтственности лицо по каждой отдѣльной отчетности за годовой періодъ времени.

2. Изъ начетовъ, ущербовъ, утратъ и переборовъ, кои ранѣе дня Коронованія Нашего уже предписаны ко взысканію или дѣла по коимъ окончательно рассмотрѣны, сложить тѣ, которые въ первоначальномъ составѣ или въ остаткахъ за произведеннымъ пополненіемъ, обращеніемъ взысканныхъ суммъ въ доходъ казны или сложеніемъ не превышаютъ, какъ общую суммою, такъ и по раскладкѣ ихъ на отвѣтственные лица трехсотъ рублей съ каждаго лица.

3. Изъ начетовъ, ущербовъ, утратъ и переборовъ, превышающихъ означенную въ предыдущихъ п.п. 1 и 2 настоящей ст. XII сумму, сложить съ каждаго лица, взысканію подлежащаго, триста рублей.

4. Начеты за выдачи безъ разрѣшенія надлежнаго начальства и внѣ установленнаго порядка наградъ и пособій всякаго рода какъ изъ остатковъ отъ канцелярскихъ и штатныхъ суммъ, такъ и изъ другихъ источниковъ, назначенныхъ на этотъ предметъ, произведенные до дня Коронованія Нашего, оставить безъ преслѣдованія на всякую сумму. Дѣйствіе сего п. 4 распространяется также и на случаи выдачи наградъ и пособій изъ суммъ, и не назначенныхъ на этотъ предметъ или имѣвшихъ иное специальное назначеніе, съ тѣмъ, чтобы сумма слагаемаго взысканія ограничивалась тремястами рублями, по каждой отдѣльной отчетности за годовой періодъ времени.

5. По ущербамъ и утратамъ, причиненнымъ по день Коронованія Нашего упущеніями по службѣ, равно по перетребованію по сей день денегъ или иного имущества, когда признанный недостатокъ подлежитъ взысканію въ пользу казны или вѣдомства учреждений Императрицы Маріи съ виновныхъ, или съ поручителей ихъ, или же съ другихъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ вдвое, — взыскать только одну капитальную сумму.

6. Процентовъ, гдѣ таковыя за нарушеніе интересовъ казны или вѣдомства учреждений Императрицы Маріи полагаются и кои еще не поступили куда слѣдовало, не взыскивать за время до дня Коронованія Нашего, независимо отъ суммы ихъ, и ограничить взысканіе въ сихъ случаяхъ одною лишь капитальною суммою причиненнаго казнѣ или вѣдомству учреждений Императрицы Маріи ущерба.

7. Всѣ денежные начеты по службѣ, падающіе на наследниковъ лицъ, подлежавшихъ взысканію и умершихъ прежде настоящаго дня, а равно и на пенсіи вдовъ и сиротъ ихъ, простить, не подвергая взысканіямъ и тѣхъ лицъ, которыя, въ случаѣ недостатка имѣнія означенныхъ наследниковъ, должны были за нихъ отвѣтствовать.

8. Всѣ начеты, подлежащіе пополненію съ лицъ, привлекаемыхъ къ денежной отвѣтственности, вслѣдствіе несостоятельности или нерозысканія прямыхъ отвѣтственныхъ лицъ, а также и наследниковъ ихъ, по ущербамъ, убыткамъ, утратамъ и переборамъ, причиненнымъ до дня Коронованія Нашего, сложить безъ ограниченія суммы.

9. Всѣ по службѣ начеты, убытки, ущербы и переборы, причиненные дѣйствіями или упущеніями, со времени которыхъ до дня Коронованія Нашего протекло не менѣе десяти лѣтъ, оставить безъ преслѣдованія.

10. Простить и не взыскивать начтенные на должностныхъ лицъ или съ нихъ причитающіеся, но еще не поступившіе до дня Коронованія Нашего,

штрафы, независимо отъ суммы ихъ, за нарушеніе правилъ устава о гербовомъ сборѣ, взыскавъ въ сихъ случаяхъ лишь ordinарную сумму гербового сбора въ той части ея, которая не подходитъ подъ дѣйствіе п. п. 1—3 настоящей статьи XII.

11. Сложить со счетовъ всѣ числящіеся по день Коронованія Нашего, за служащими на казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ, безъ ограниченія размѣра, начеты по контрольнымъ выправкамъ, возникшимъ изъ дѣлъ по недоборамъ и вообще вслѣдствіе неправильнаго примѣненія тарифа и правилъ перевозки.

12. Всякіе штрафы и пени по дѣламъ, не связаннымъ съ ущербомъ казны или вѣдомства учреждений Императрицы Маріи, наложенныя, но еще до дня Коронованія Нашего не взысканныя, а равно и тѣ, кои будутъ слѣдовать ко взысканію за неисправности и упущенія по службѣ, совершенныя до дня Коронованія Нашего, въ томъ числѣ штрафы и пени за недоставленіе въ установленный срокъ отчетности, документовъ и проч., а равно слѣдующія на основаніи ст. 30 положенія о контролѣ вѣдомства учреждений Императрицы Маріи—простить и не взыскивать.

13. Силу предыдущихъ пунктовъ настоящей статьи XII не распространять: а) на суммы, казнѣ не принадлежащія и хотя находящіяся въ распоряженіи Правительства, но имѣющія специальное назначеніе, за исключеніемъ, однако суммъ поступающаго въ спеціальныя средства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ процентнаго сбора съ гуртовъ рогатаго скота и сбора со скотовладѣльцевъ въ губерніяхъ Царства Польскаго, а равно и составляющихъ спеціальныя средства Министерства Финансовъ суммъ квартирнаго сбора въ тѣхъ же губерніяхъ: по сборамъ этимъ оставить безъ преслѣдованія и взысканія начеты, ущербы и утраты, которые въ первоначальномъ ихъ составѣ или въ остаткахъ за произведеннымъ уже взысканіемъ или по раскладкѣ ихъ на разныя лица не превышаютъ съ каждаго трехсотъ рублей и возникли по дѣламъ, начавшимся до дня Коронованія нашего: б) на благотворительныя и спеціальныя капиталы, на суммы, находящіяся въ распоряженіи вѣдомства учреждений Императрицы Маріи, но ему не принадлежащія, составляющія частную собственность (залогъ и пенсія воспитываемыхъ, залогъ подрядчиковъ и проч.); в) на похитившихъ или растратившихъ казенную или принадлежащую учрежденнымъ отъ Правительства установленіямъ какого-либо рода собственность, когда храненіе оной было имъ ввѣрено постоянно или временно; г) на причинившихъ ущербъ казнѣ или учрежденнымъ отъ Правительства установленіямъ съ завѣдомо корыстною или иною противозаконною цѣлью, и д) на дѣйствія, по которымъ отчеты еще не представлены ко дню Коронованія Нашего.

14. Прекратить всѣ возбужденныя Государственнымъ Контролемъ дѣла объ убыткахъ казны, происшедшихъ вслѣдствіе отнесенія по существу правильныхъ расходовъ на неподлежащія смѣтнымъ подраздѣленія государственной росписи, если по симъ дѣламъ не возникнетъ обвиненій въ растратахъ или злоумышленіи съ причиненіемъ ущерба казнѣ съ завѣдомо корыстною или иною противозаконною цѣлью, и оставить означенные убытки безъ преслѣдованія.

15. Дарованныя п.п. 7 и 8 настоящей статьи XII милости распространяются на поименованныхъ въ оныхъ лицъ, хотя бы и привлекаемыхъ къ отвѣтственности за похитившихъ или растратившихъ казенную или принадлежащую учрежденнымъ отъ Правительства установленіямъ какого-либо рода

собственность или причинившихъ казнѣ или смиръ установленіямъ ущербъ съ завѣдомо корыстною или преступною цѣлью, но относительно наслѣдниковъ прямыхъ отвѣтственныхъ лицъ прощаются тѣ лишь начеты, которые, за неимѣніемъ у нихъ иного имущества, падаютъ на пенсію вдовъ и сиротъ ихъ; въ остальныхъ такіе наслѣдники пользуются льготой, опредѣляемою ст. XV еего Манифеста.

16. Дѣйствіе предыдущихъ пунктовъ настоящей ст. XII распространить на лицъ, состоящихъ на службѣ въ государственныхъ учрежденіяхъ по вольному найму, а также на частныхъ врачей, ветеринаровъ и студентовъ, командированныхъ временно для прекращенія эпидемій и эпизоотій и по другимъ случаямъ.

XIII. Лицамъ, учинившимъ по день коронаванія нашего преступленія и проступки, даровать милости и льготы на нижеслѣдующихъ основаніяхъ.

1. Всѣхъ, совершившихъ преступныя дѣянія, за которыя опредѣлены въ законѣ, какъ высшее наказаніе: внушеніе, замѣчаніе, выговоръ, денежное взысканіе не свыше трехсотъ рублей, арестъ, заключеніе въ тюрьмѣ или крѣпости, не соединенное съ лишеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, или служебныя взысканія въ п. п. 2—9 ст. 65 улож. наказ. исчисленныя, всѣхъ виновныхъ въ учиненія лѣсомстрѣленій и другихъ нарушеній правилъ о лѣсахъ государственныхъ, лѣснаго и горнаго вѣдомствъ, Государевыхъ, дворянскихъ и удѣльныхъ, постановленій о лѣсахъ Бѣлоставскаго и алтайскаго и нерчинскаго округовъ вѣдомства Кабинета Нашего и правилъ о сохраненіи лѣсовъ (свод. зак., т. XV, уст. наказ., ст. ст. 57², 57³, 57⁴, 57⁵, 57⁶, по прод. 1895 г.), хотя бы таковыя лица подлежали за сіи дѣянія денежнымъ взысканіямъ свыше трехсотъ рублей, — противу коихъ по день Коронаванія Нашего не было возбуждено уголовнаго преслѣдованія, или не послѣдовало судебнаго приговора, или постановленный о коихъ обвинительный приговоръ не приведенъ въ исполненіе, или кои еще отбываютъ опредѣленные за сіи дѣянія судомъ взысканія, — отъ суда и наказанія, равно и отъ предусмотрѣннаго статьею 158¹ уст. наказ. (по прод. 1895 г.) взысканія двойной стоимости похищеннаго, самовольно срубленнаго или поврежденнаго лѣса или противозаконно заготовленныхъ лѣсныхъ издѣлій, освободить.

2. Простить всѣхъ, совершившихъ присвоеніе и растрату ввѣреннаго по службѣ имущества на сумму не свыше тысячи рублей, осужденныхъ за сіе преступленіе или отбывающихъ за оное наказаніе, если присвоенное и растратченное полностью возвращено ими до дня Коронаванія Нашего.

3. Освободить отъ суда и наказанія лицъ, виновныхъ въ совершеніи преступленій, предусмотрѣнныхъ ст. ст. 193, 194, 194¹ и 1.575 улож. наказ. (свод. зак., т. XV, изд. 1885 г. и по прод. 1895 г.).

4. Всѣмъ, совершившимъ по день Коронаванія Нашего болѣе тяжкія, чѣмъ указанныя въ п. 1 сей статьи XIII, преступныя дѣянія, за которыя они будутъ приговорены судомъ къ аресту, заключенію въ тюрьмѣ или крѣпости, безъ лишенія нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, а равно всѣмъ, присужденнымъ къ смиръ наказаніямъ и отбывающимъ оныя, уменьшить назначенные судомъ сроки заключенія на двѣ трети.

5. Лицамъ должностнымъ, подвергнутымъ по день Коронаванія Нашего на основаніи судебнаго приговора или по распоряженіямъ ихъ начальствъ взысканіямъ, въ п. п. 2—9 ст. 65 улож. наказ. исчисленнымъ, не считать таковыя взысканія препятствіемъ къ дальнѣйшему прохожденію службы и къ

полученію пенсій и наградъ, за исключеніемъ знаковъ отличія безпорочной службы и ордена св. Владиміра за выслугу лѣтъ.

6. Всѣхъ, кои до изданія закона 12-го іюня 1886 г. были оставлены по суду въ подозрѣніи, равно и въ сильномъ подозрѣніи, освободить отъ послѣдствій сей судимости.

7. Освободить отъ суда и наказанія всѣхъ совершившихъ преступленіе или проступокъ, подсудные волостному суду, противъ коихъ по день Коронованія Нашего не было возбуждено преслѣдованія или не послѣдовало рѣшенія суда, или рѣшеніе не приведено въ исполненіе, или кои нынѣ отбываютъ наложенное волостнымъ судомъ взысканіе.

8. Со всѣхъ, приговоренныхъ по день Коронованія Нашего къ денежному взысканію, не превышающему трехъ сотъ рублей и поступающему въ пользу казны, удѣла, дворцоваго вѣдомства и Кабинета Нашего, или въ капиталы: а) на устройство мѣстъ заключенія, б) мірскіе и в) образуемый на основаніи ст. 736 уст. горн. (свод. зак., т. VII, по прод. 1895 г.) о коихъ приговоръ вошелъ въ законную силу, но не приведенъ въ исполненіе, — сіе взысканіе сложить. Всѣмъ же, совершившимъ по сей день дѣянія, за которыя опредѣлено, какъ наказаніе, денежное взысканіе свыше трехъ сотъ рублей, подлежащее обращенію въ тѣ же источники, назначать оное съ уменьшеніемъ на триста рублей.

9. За совершенныя по день Коронованія Нашего дѣянія, подлежащія такимъ денежнымъ взысканіямъ, кои поступаютъ въ пользу казны, удѣла, дворцоваго вѣдомства и Кабинета Нашего, а равно въ капиталы: а) на устройство мѣстъ заключенія, б) мірскіе и в) образуемые на основаніи ст. 736 уст. горн. (свод. зак., т. VII, по прод. 1895 г.) и ст. 861 уст. лѣсн. (свод. зак., т. VIII, ч. 1, изд. 1893 г.), въ случаѣ несостоятельности виновныхъ къ уплатѣ оныхъ, — личному задержанію и отдачѣ въ общественныя работы или заработки не подвергать; тѣхъ же, къ коимъ нынѣ примѣняются сіи мѣры взаимнѣ означенныхъ выше денежныхъ взысканій, отъ личнаго задержанія и работъ освободить.

10. Милости, даруемыя пп. 1, 4, 5, 7, 8 и 9 настоящей статьи XIII, не распространяются: на лицъ, совершившихъ кражу, мошенничество, присвоеніе и растрату ввѣреннаго имуществва, ростовщичество, издомство и лихоимство; на внавшихъ по неосторожности въ торговую несостоятельность; на учинившихъ преступленія противъ чести и преслѣдуемыя въ порядкѣ частнаго обвиненія посягательства на тѣлесную неприкосновенность и здравіе; на подлежащихъ тюремному заключенію взаимнѣ исключенія изъ службы или наказаній, соединенныхъ съ лишеніемъ и ограниченіемъ правъ состоянія, а равно на совершившихъ дѣянія (кромя нарушенія правилъ о сбереженіи лѣсовъ), по коимъ денежные взысканія поступаютъ не въ пользу казны, удѣла, дворцоваго вѣдомства и Кабинета Нашего и не въ капиталы: а) на устройство мѣстъ заключенія, б) мірскіе и в) образуемый на основаніи ст. 736 уст. горн. (свод. зак., т. VII, по прод. 1895 г.). Совершившимъ же по день Коронованія Нашего упомянутыя въ семъ п. 10 дѣянія, а равно осужденнымъ и отбывающимъ наказанія за таковыя — уменьшить назначаемые или опредѣленные судомъ размѣры наказанія на одну треть.

11. Учинившимъ преступныя дѣянія, за кои они по приговору суда будутъ подлежать заключенію въ арестантскомъ отдѣленіи, крѣпости или тюрьмѣ, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ или нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, а равно всѣмъ, приговореннымъ по день Коронованія На-

шего къ таковымъ наказаніямъ или уже отбывающимъ оныя, уменьшить размѣръ наказанія на одну треть.

12. Лицъ должностныхъ, исключенныхъ по день Коронованія Нашего изъ службы (ст. 65, п. 1, улож. наказ.) за преступленія, не изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ содѣянныхъ, считать отрѣшенными отъ должности, а подможащихъ исключенію изъ службы за такія же преступленія, совершенноны по сей день, отрѣшить отъ должности. Милость сія распространяется и на лицъ должностныхъ, осужденныхъ по сей день на временное заключеніе въ крѣпости съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ (ст. 50 улож. наказ.), независимо отъ сокращенія на одну треть срока заключенія, согласно п. 2 настоящей статьи XIII.

13. Освобожденіе за силою сего Манифеста отъ наказанія не избавляетъ виновнаго отъ обязанности вознагражденія за вредъ и убытки, отъ уплаты стоимости патента, торговаго или промысловаго свидѣтельства, причитающагося акциза или иного сбора отъ уплаты присужденныхъ въ возмѣщеніе расходовъ казны судебныхъ издержекъ, если таковыя не подлежатъ сложенію вполнѣ или частью по предыдущимъ статьямъ сего Манифеста, и не освобождаетъ отъ отобранія въ установленныхъ закономъ случаяхъ вещей и предметовъ или взысканія ихъ стоимости, отъ обязанности сложенія и исправленія неправильно построеннаго и отъ исполненія упущеннаго. Дѣла о нарушеніяхъ лѣсного устава въ общихъ казенныхъ и частныхъ владѣльцевъ дачахъ, а равно спорныхъ между казною и частными лицами и вѣзжихъ должны быть приводимы къ окончанію по установленнымъ для того правиламъ, для опредѣленія мѣры вознагражденія, которое можетъ при томъ слѣдовать частнымъ лицамъ или сословіямъ.

14. Освобожденнымъ по день Коронованія Нашего отъ заключенія, съ отдаленіемъ подъ особый надзоръ мѣстной полиціи или ихъ обществъ, сократить опредѣленный ст. ст. 48 и 49 улож. наказ. срокъ такого надзора на одну треть.

15. Всѣмъ совершившимъ по день Коронованія Нашего преступныя дѣянія, за кои они будутъ подлежать ссылкѣ на житье въ Сибирь или въ отдаленныя губерніи, кромѣ сибирскихъ, а равно осужденнымъ или отбывающимъ нынѣ сіи наказанія, даровать, для сосланныхъ въ отдаленныя губерніи, кромѣ сибирскихъ, по истеченіи десяти лѣтъ, а для сосланныхъ на житье въ Сибирь—по истеченіи двѣнадцати лѣтъ со времени прибытія ихъ въ мѣсто ссылки, право свободнаго избранія мѣста жительства въ предѣлахъ Европейской и Азіятской Россіи, за исключеніемъ столицъ и столичныхъ губерній, и безъ возстановленія въ правахъ. Сосланнымъ же на житье въ Сибирь или отдаленныя, кромѣ сибирскихъ, губерніи съ заключеніемъ или, вмѣсто онаго, съ назначеніемъ безотлучнаго пребыванія въ опредѣленномъ для жительства мѣстѣ, сверхъ того, сократить время заключенія или безотлучнаго пребыванія на одну треть.

16. Лицамъ, учинившимъ по день Коронованія Нашего преступленія, за кои они будутъ подлежать ссылкѣ на поселеніе, а равно приговореннымъ къ сему наказанію или отбывающимъ оное; лицамъ, перешедшимъ по нынѣ изъ каторжныхъ работъ въ разрядъ ссыльно-поселенцевъ, а равно имѣющимъ быть переведенными изъ каторги въ названный разрядъ, если они совершили преступленіе до дня Коронованія Нашего, сокращать до четырехъ лѣтъ назначенный закономъ для перечисленія ссыльно-поселенцамъ въ крестьянне десятилѣтній срокъ; а ссыльно-поселенцамъ, пробывшимъ въ ссылкѣ не ме-

нѣе четырнадцати лѣтъ, разрѣшать избраніе мѣста жительства, за исключеніемъ столицъ и столичныхъ губерній, съ отдачею ихъ на пять лѣтъ подъ надзоръ мѣстной полиціи и съ признаніемъ ихъ, взаимѣнъ лишенія всѣхъ правъ состоянія, лишенными по ст. 43 улож. наказ. всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ, однако безъ восстановленія правъ по имуществу.

17. Осужденнымъ къ каторжнымъ работамъ уменьшать назначенные судомъ сроки каторги на одну треть, безсрочную же каторгу замѣнить срочною на двадцать лѣтъ. Милость эта распространяется также на лицъ, которые будутъ приговорены къ ссылке въ каторгу за преступленія, учиненныя до дня Коронованія Нашего.

18. Милости, дарованныя пп. 15 и 16 настоящей статьи XIII, распространитъ и на лицъ, понесшихъ по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ, до дня Коронованія Нашего послѣдовавшимъ, исключенныя въ сихъ статьяхъ наказанія взаимѣнъ опредѣленныхъ имъ по суду болѣе строгихъ взысканій.

19. Лицамъ, коимъ дарованы уже предшествовавшими Всемиловѣйшими Манифестами облегченія участи, означенныя въ пп. 10, 11, 15, 16 и 17 настоящей статьи XIII, предоставить слѣдующія льготы:

а) присуждаемымъ къ временному заключенію или безотлучному пребыванію въ назначенномъ мѣстѣ жительства, а также приговореннымъ къ симъ наказаніямъ и отбывающимъ оныя, сокращать на треть срокъ заключенія и безотлучнаго пребыванія изъ той части наказанія, которая слѣдуетъ виновному по примѣненію къ нему соотвѣтствующихъ льготъ Всемиловѣйшаго Манифеста 14 ноября 1894 г.;

б) сосланнымъ на житье въ Сибирь или въ отдаленныя губерніи, кромѣ сибирскихъ, по освобожденіи ихъ отъ ссылки въ силу Всемиловѣйшаго Манифеста 14-го ноября 1894 года, разрѣшать выдачу паспортовъ безъ наименованія «изъ ссылныхъ»; лицамъ, приобретшимъ уже право на льготы, исчисленныя въ п. 13 в ст. IV Всемиловѣйшаго Манифеста 14-го ноября 1894 года, сокращать срокъ обязательнаго пребыванія въ ссылкѣ на одинъ годъ;

в) поселенцамъ, приобретшимъ право на перечисленіе въ крестьяне, дозволить приписываться къ городскимъ мѣщанскимъ обществамъ Сибири, въ случаѣ согласія сихъ послѣднихъ, безъ права, однако, вѣзда въ предѣлы Европейской Россіи до разрѣшенія имъ сего въ порядкѣ, опредѣленномъ Всемиловѣйшимъ Манифестомъ 14-го ноября 1894 года, а приобретшимъ уже право на льготы, исчисленныя въ п. 13 в ст. IV Всемиловѣйшаго Манифеста 14-го ноября 1894 года, сокращать срокъ обязательнаго пребыванія въ Сибири на одинъ годъ,—и

г) каторжнымъ сократить срокъ работъ на одинъ годъ.

20. Льготы, даруемыя настоящимъ Манифестомъ каторжнымъ, арестантамъ разряда исправительныхъ отдѣленій, ссыльно-поселенцамъ, сосланнымъ на житье и отбывающимъ тюремное заключеніе, не ограничиваютъ правъ названныхъ лицъ на сокращеніе сроковъ и на преимущества, предоставленныя имъ Высочайше утвержденными, въ 7-й день мая 1894 года и 9-й день мая 1895 года, правилами о привлеченіи арестантовъ и ссылныхъ на работы по постройкѣ сибирской желѣзной дороги.

21. Осужденныхъ или подлежащихъ осужденію за преступленія, содѣянные по день Коронованія Нашего въ несовершеннолѣтнемъ возрастѣ, въ

каторгу на срокъ менѣе четырехъ лѣтъ,—отъ каторжныхъ работъ освободить, съ перечисленіемъ въ разрядъ ссыльно-поселенцевъ.

22. По всѣмъ преступленіямъ и проступкамъ, по коимъ уголовное преслѣдованіе на основаніи сего Манифеста не подлежитъ прекращенію и кои учинены до дня Коронованія Нашего, уменьшить сроки давности, законами уголовными установленные, на одну треть.

23. Примѣненіе льготъ, изъясненныхъ выше въ п. п. 16, 17, 18 и 19 (лит. б, в и г) настоящей статьи XIII, предоставить по принадлежности Министру Юстиціи (по Главному Тюремному Управленію) и генералъ-губернаторамъ Иркутскому и Примурскому, по удостовѣреніи въ добромъ поведеніи осужденныхъ.

XIV. Лицъ, учинившихъ такія противозаконныя дѣянія или такія нарушенія установленныхъ правилъ, за которыя они подлежатъ или подвергнуты денежному взысканію, налагаемому въ порядкѣ административномъ,—освободить отъ такового взысканія въ тѣхъ же размѣрахъ и съ тѣми изъятіями, которые опредѣлены въ п. п. 1 и 8 предыдущей статьи XIII сего Манифеста, если только взысканія эти не подлежатъ сложенію въ большемъ размѣрѣ по другимъ статьямъ сего Манифеста.

XV. Наслѣдниковъ виновныхъ лицъ, а также подлежащихъ отвѣтственности вслѣдствіе несостоятельности самихъ виновныхъ отъ денежной передъ казною отвѣтственности освободить, если со времени преступнаго дѣянія до дня Коронованія Нашего истекло десять лѣтъ.

XVI. Лѣсныхъ чиновъ и стражей лѣсовъ государственныхъ, лѣснаго и горнаго вѣдомствъ, Государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ, а равно лѣсовъ Княжества Ловичскаго и алтайскаго и нерчинскаго округовъ вѣдомства Кабинета Нашего, или,—при несостоятельности сихъ чиновъ и стражей,—крестьянъ всѣхъ наименованій, подвергнутыхъ или подлежащихъ денежнымъ взысканіямъ за недосмотръ неизвѣстно кѣмъ совершенныхъ до дня Коронованія Нашего лѣсонстребленій или другихъ нарушеній дѣйствующихъ по отношенію къ тѣмъ лѣсамъ законоположеній и правилъ,—отъ означенныхъ взысканій освободить. Сія милость не распространяется на лѣсныхъ чиновъ и стражей, за вѣдомо дозволившихъ кому-либо нарушить существующія на лѣсной части постановленія.

XVII. Освободить отъ суда и наказанія учинившихъ до дня Коронованія Нашего самовольную добычу на земляхъ алтайскаго и нерчинскаго округовъ вѣдомства Кабинета Нашего каменнаго угля, камней, песку, глины, и проч.

XVIII. Освободить какъ отъ взысканій, такъ и отъ слѣдствія и суда лицъ, уклонившихся отъ отбыванія воинской повинности, если они явились до дня Коронованія Нашего или явятся не поздиѣе, какъ въ теченіе одного года отъ сего дня.

XIX. Осужденнымъ по день Коронованія Нашего за бродяжество, въ случаѣ обнаруженія ими званія своего и состоянія, по удостовѣреніи таковыхъ судомъ, въ округѣ коего лица эти имѣютъ пребываніе,—дозволить возвратиться въ ихъ общества, или дозволить приписаться къ другимъ обществамъ, буде тѣ или другія общества изъяснятъ на то согласіе; лицамъ же, не обязаннымъ приписаться къ обществамъ, дозволить возвратиться въ предѣлы Европейской Россіи, за исключеніемъ столицъ и столичныхъ губерній.

XX. Возстановить право на полученіе легитимационныхъ билетовъ лицамъ, лишеннымъ сего права на основаніи п. 2 ст. 1510 уст. там. (свод. зак., т. VI, изд. 1892 года), буде они въ теченіе десяти лѣтъ до дня Коро-

нованія Нашего не подверглись никакимъ взысканіямъ за нарушение постановленій устава таможенного.

XXI. Лицамъ, сосланнымъ или подлежащимъ ссылкѣ въ Сибирь въ административномъ порядкѣ по приговорамъ обществъ, состоявшимся до дня Коронаванія Нашего, а равно не принятымъ въ общество послѣ отбытія наказанія за преступленія, совершенныя до сего дня, если они одобряются въ поведеніи, разрѣшить, до истеченія трехъ лѣтъ со времени ихъ водворенія въ мѣстахъ поселенія, дозволенный имъ закономъ (свод. зак., т. XIV, уст. ссылн., изд. 1890 года, ст. 520), переходъ въ другія губерніи и общества, за исключеніемъ только тѣхъ, изъ которыхъ они удалены.

XXII. Туземцамъ Кавказа, Туркестана, Степного края и Закаспійской области, высланнымъ по день Коронаванія Нашего по распоряженію начальства за совершеніе общеуголовныхъ преступленій и порочное поведеніе и водвореннымъ въ губерніяхъ Европейской и Азіатской Россіи, при одобрительномъ поведеніи въ ссылкѣ, даровать: для высланныхъ безсрочно—по истеченіи двѣнадцати лѣтъ, для высланныхъ на срокъ, превышающій пять лѣтъ,—по истеченіи пяти, а для высланныхъ на пять и менѣе лѣтъ,—по истеченіи половины опредѣленнаго срока ссылки,—освобожденіе отъ надзора полиціи и право избранія мѣста жительства, за исключеніемъ столицъ, столичныхъ губерній, Кавказскаго, Туркестанскаго и Степного края и Закаспійской области, для разрѣшенія жительства въ которыхъ должно быть получено въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ предварительное согласіе вышняго поддѣвающей мѣстности начальства.

XXIII. Не изъемаю и государственныхъ преступниковъ отъ облегченій, даруемыхъ п. п. 1, 4, 6, 11, 15, 16, 17, 18, 19 и 21 ст. XIII лицамъ, учинившимъ общеуголовные преступленія и проступки:

1. Разрѣшаемъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, по согласенію съ Министромъ Юстиціи, о тѣхъ, учинившихъ по день Коронаванія Нашего преступленія государственныя, кои, по свойству ихъ вины или раскаяніемъ въ совершенныхъ ими преступленіяхъ и добрымъ поведеніемъ, заслуживали бы смягченія, превышающаго размѣры, въ вышеприведенныхъ п. п. 1, 4, 6, 11, 15—19 и 21 ст. XIII указанныя, входить съ особыми всеподданнѣйшими докладами, а равно представлять на благовозвращеніе Наше ходатайства о восстановленіи въ прежнихъ правахъ происхожденія тѣхъ бывшихъ ссылныхъ, кои, по окончаніи срока обязательнаго пребыванія въ Сибири, отличались безупречнымъ поведеніемъ и трудовымъ образомъ жизни.

2. Предоставляемъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ повергать на усмотрѣніе Наше участь лицъ, кои за преступленія государственныя отбываютъ наказанія, нынѣ наложенныя на нихъ въ административномъ порядкѣ, и кои по одобрительному поведенію и свойству ихъ вины или по проявленному ими раскаянію, заслуживаютъ снисхожденія, а равно освободить отъ воспрещенія жительства въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ тѣхъ изъ подвергшихся сему ограниченію, возвращеніе коихъ въ эти мѣстности совмѣстимо съ требованіями общественнаго порядка и спокойствія.

3. Тѣ дѣла о преступленіяхъ государственныхъ, по закону давности не подлежащія (ст. 161 улож. наказ.), кои по день Коронаванія Нашего въ теченіе пятнадцати лѣтъ оставались безгласными, повелѣваемъ предать забвенію и противъ виновныхъ въ сихъ преступленіяхъ уголовнаго преслѣдованія не возбуждать.

4. Повелѣваемъ также предать забвенію дѣла о преступленіяхъ, преду-

смотрящих въ статьяхъ 246—248 улож. наказ., кои по день Коронаванія Нашего оставались безгласными. Лицъ, обвиняемыхъ въ сихъ преступленіяхъ или отбывающихъ за вину свою наказанія, отъ отвѣтственности и наказанія со всѣми онаго послѣдствіями освободить, даровавъ осужденнымъ къ лишенію правъ состоянія, вмѣстѣ съ законными дѣтьми, рожденными послѣ произнесенія надъ родителями ихъ приговоровъ, всѣ права, имъ лично и по состоянію до осужденія принадлежавшія, токмо безъ правъ на имущество.

5. Разрѣшаемъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ представлять на благовозрѣніе Наше ходатайства тѣхъ, самовольно по день Коронаванія Нашего оставившихъ Отечество, кои, удалившись за предѣлы Государства вслѣдствіе совершенныхъ ими государственныхъ преступленій, не изобличаются въ злодѣяніяхъ, наказуемыхъ по ст. 241 улож. наказ., а между тѣмъ пожелаютъ возвратиться на родину и вѣрностью Престолу и Отечеству искупить свою прежнюю вину.

6. Примѣненіе милостей, указанныхъ въ пп. 16, 17, 18 и 19 (лит. б, в и г), ст. XIII, къ лицамъ, отбывающимъ наказанія за государственныя преступленія, предоставляемъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ (по департаменту полиціи), по удостовѣреніи въ добромъ поведеніи осужденныхъ. При примѣненіи п. 16, ст. XIII къ ссыльно-поселенцамъ этой категоріи, которые, по неободрительному поведенію въ ссылкѣ или по другимъ причинамъ изъяты были отъ дѣйствія милостей, установленныхъ предшествующими Манифестами для сего разряда ссыльных, срокъ обязательнаго для нихъ пребыванія въ Сибири повелѣваемъ исчислять не со дня прибытія въ ссылку, а опредѣлять таковой, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, по соглашенію Министра Внутреннихъ Дѣлъ съ Министромъ Юстиціи.

7. Выходцевъ изъ губерній Царства Польскаго и Западнаго края, не совершившихъ для содѣйствія польскому мятежу убійствъ, истязаній, грабежей и поджоговъ, повелѣваемъ, по возвращеніи въ Отечество и принятіи вѣрноподданнической присяги, надзору полиціи, установленному п. 11, ст. XIV Манифеста 15-го мая 1883 г., не подвергать, съ разрѣшеніемъ имъ свободнаго избранія мѣста жительства; тѣхъ же изъ нихъ, кои, для содѣйствія мятежу, совершили одно изъ вышеуказанныхъ уголовныхъ преступленій,—по возвращеніи въ Отечество и принятіи вѣрноподданнической присяги, преслѣдованію за участіе въ мятежѣ не подвергать, водворивъ лишь подъ надзоръ полиціи на три года въ мѣстности по усмотрѣнію Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

XXIV. Состояніе подъ слѣдствіемъ и судомъ, которые, за силою сего Манифеста, подлежатъ освобожденію отъ суда и наказанія, но по убѣжденію въ своей невинности пожелаютъ оправдаться передъ судомъ, могутъ, въ теченіе одного мѣсяца со дня объявленія въ установленномъ порядкѣ опредѣленія судебнаго мѣста о прекращеніи производства о нихъ, просить о возобновленіи надъ ними слѣдствія и суда. Равнымъ образомъ, кто за дѣянія, совершенныя до дня Коронаванія Нашего, вполнѣдствіи будетъ подлежать, по силѣ сего Манифеста, освобожденію отъ слѣдствія и суда и не пожелаетъ тѣмъ воспользоваться, можетъ въ тотъ же срокъ просить объ окончаніи дѣла сего въ установленномъ закономъ порядкѣ. Тѣ и другія лица, въ случаѣ обвиненія ихъ, уже не могутъ подлежать прощенію по силѣ сего Манифеста.

XXV. Платежи, уже поступившіе ко дню Коронаванія Нашего на пополненіе упомянутыхъ въ настоящемъ Манифестѣ денежныхъ взысканій и не-

доимокъ по всѣмъ сборамъ и платежамъ, за исключеніемъ упомянутыхъ въ пп. 1—13 ст. I сего Манифеста, а равно суммы въ наличныхъ деньгахъ или процентныхъ бумагахъ, имѣющіяся на пополненіе оныхъ въ распоряженіи разныхъ правительственныхъ учреждений, возврату или зачету за другіе платежи не подлежатъ; но арестованіе денежныхъ суммъ въ обезпеченіе начетовъ, упадающихъ на должностныхъ лицъ, не считается препятствіемъ къ возвращенію этихъ суммъ по принадлежности, въ случаѣ сложенія самаго начета, въ силу сего Манифеста.

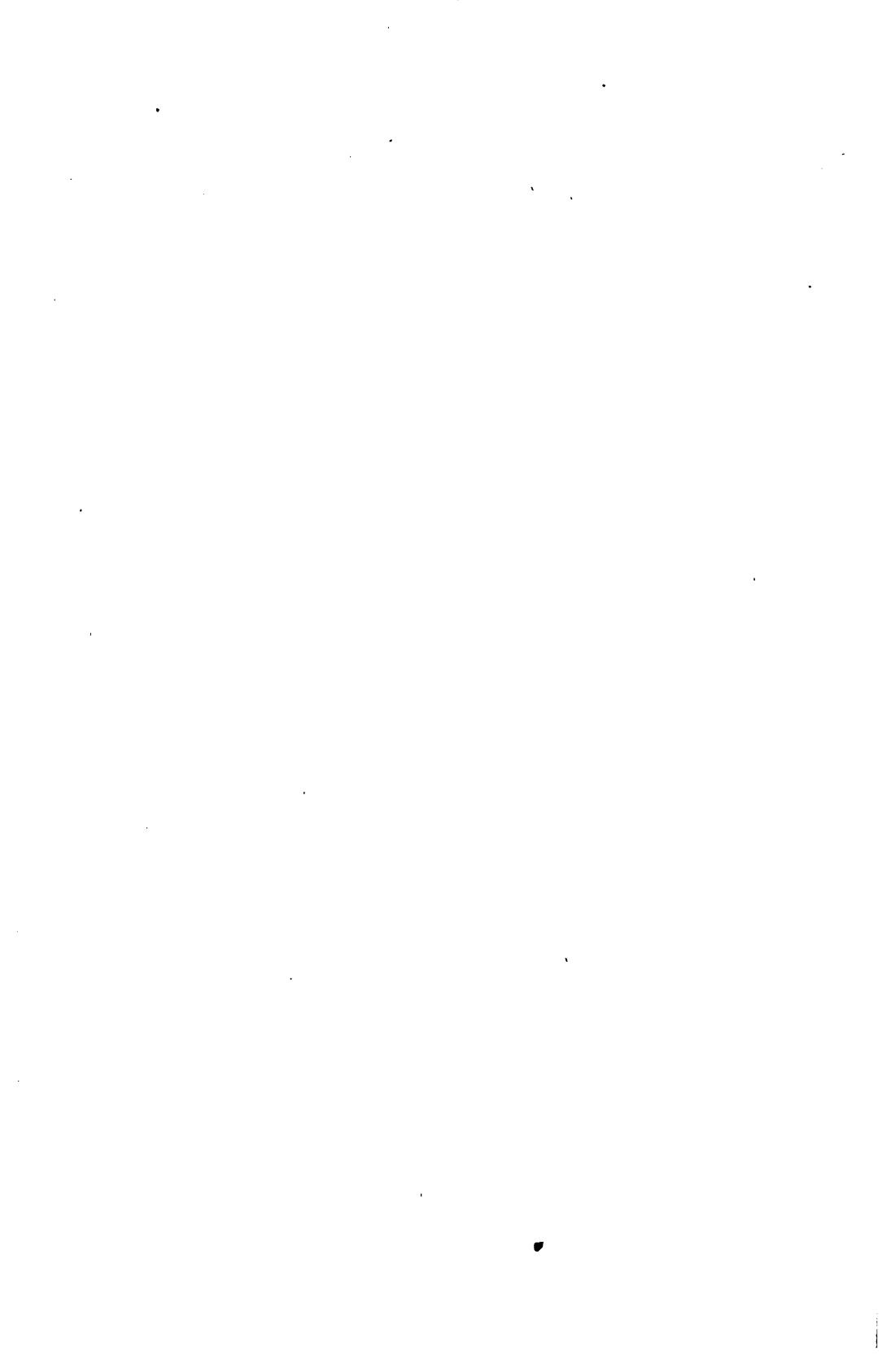
XXVI. О могущихъ возникнуть, относительно примѣненія правилъ сего Манифеста, сомнѣніяхъ всѣ правительственныя мѣста обязаны входить съ представленіями въ I департаментъ Правительствующаго Сената, а по начетамъ и взысканіямъ суммъ, слѣдовавшихъ къ поступленію въ пользу вѣдомства учреждений Императрицы Маріи, — черезъ Главноуправляющаго Собственною Нашею Канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи — въ Опекунскій Совѣтъ. Правительствующій Сенатъ и Опекунскій Совѣтъ, въ случаяхъ, превышающихъ ихъ власть, испрашиваютъ Наше разрѣшеніе установленнымъ порядкомъ.

XXVII. О льготахъ и другихъ облегченіяхъ для подданныхъ Нашихъ Великаго Княжества Финляндскаго издается особое постановленіе.

Данъ въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ, въ 14-й день мая, въ гѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ девяносто шестое, Царствованія же Нашего во второе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«НИКОЛАЙ».

Въ конторѣ журнала «РУССКОЕ БОГАТСТВО»

(Петербургъ, Бассейная ул., 10)

и въ отдѣленіи конторы журнала

(Москва, Никитскія ворота, д. Галарина)

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

- Н. Гаринъ.** Очерки и рассказы. Т. I. Изд. второе. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
— Очерки и рассказы. Т. II. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
— Гимназисты. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
Вл. Короленко. Въ голодный годъ. Изд. второе. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
— Очерки и рассказы. Книга первая. Изд. седьмое. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
— Очерки и рассказы. Книга вторая. Изд. третье. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
— Слѣпой музыкантъ. Этюдъ. Изд. пятое. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.
Н. К. Михайловскій. Критическія статьи:
— Левъ Толстой. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
— Щедринъ. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.
— Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья. Ц. 1 р., съ пер., 1 р. 25 к.
Н. В. Шелгуновъ. Сочиненія. Два тома. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 60 к.
— Очерки русской жизни. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 40 к.
М. А. Протопоповъ. Литературно-критическія характеристики. Ц. 2 р. 20 к., съ перес. 2 р. 50 к.
С. Н. Южаковъ. Соціологическіе этюды. Т. I. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
— Соціологическіе этюды. Т. II. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
— Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
Д. Маминъ-Сибирякъ. Горное гнѣздо. Романъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
— Уральскіе рассказы. Два тома. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.
— Три конца. Романъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 35 к.
С. Я. Елпатыевскій. Очерки Сибири. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
- К. М. Станюковичъ.** Откровенные. Романъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
— Морскіе слуги. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.
Н. Сѣверовъ. Рассказы, очерки и наброски. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
В. Сѣрошевскій. Якутскіе рассказы. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.
Ю. Безродная. Офорты. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
А. Шабельская. Наброски карандашомъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
Н. А. Лушманова. Двадцать лѣтъ назадъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
П. Добротворскій. Рассказы, очерки и наброски. Два вып. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.
Э. Арнольдъ. Свѣтъ Азіи: жизнь и учение Будды. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.
Э. Реклю. Земля. Шесть выпусковъ. Ц. 6 р. 80 к., съ пер. 8 р. 50 к.
И. И. Дитятинъ. Статьи по исторіи русскаго права. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 90 к.
Г. Гиббинсъ. Промышленная исторія Англіи. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.
Ш. Летурно. Соціологія, основанная на этнографіи. Вып. I. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.
М. С. Корелинъ. Паденіе античнаго міросозерцанія. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.
С. Сигеле. Преступная толпа. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.
Н. А. Карышевъ. Крестьянскія внѣзачинныя аренды. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.
— Вѣчно-наслѣдственный наемъ земель на континентѣ Зап. Европы. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.
Н. И. Карѣвъ. Историко-философскіе и соціологич. этюды. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

С. Н. Кривенко. На распутыи. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Э. К. Ватсонъ. Этюды и очерки по общ. вопросам. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Н. А. Рубакинъ. Этюды о русской читающей публикѣ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

С. Я. Надсонъ. Литературные очерки. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

В. Острогорскій. Изъ исторіи моего учительства. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Р. Левенфельдъ. Графъ Л. Н. Толстой. (на простой бумагѣ). Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.
— (на веленовой бумагѣ). Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

А. Н. Анненская. Анна. Романъ для дѣтей. Изданіе второе. Ц. 60 к., съ пер. 77 к. (Можно послать почт. марками).

Дж. Мармери. Прогрессъ науки. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Э. Реклю. Земля и люди. Швеція и Норвегія. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

И. К. Блунчли. Исторія общаго государственнаго права и политики. Цѣна (амство 3 р.) 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к. Большой уступки не дѣляется.

Дж. Леббокъ. Какъ надо жить. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

В. А. Гольцевъ. Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 45 к.

Съ благодѣтельной цѣлю:

Путь-дорога. Художественно-литературный сборникъ. (На простой бумагѣ). Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.
— (На веленовой бумагѣ). Ц. 5 р., съ пер. 6 р.

О. Петерсонъ. Семейство Бронте. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Въ добрый часъ. Сборникъ. (Въ обложкѣ). Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 85 к.

— (Въ переплетѣ). Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р. 10 к.

Т. Жиггинсонъ. Здравый смыслъ и женскій вопросъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Подписчики «Русскаго Богатства», при покупкѣ книгъ, пользуются уступкой въ размѣрѣ стоимости пересылки.

Черезъ Контору редакціи и Московское отдѣленіе конторы можно выписывать только книги, означенныя въ этомъ спискѣ.

Другія книги высылаются въ видѣ исключенія и не иначе, какъ по номинальной цѣнѣ книжныхъ магазиновъ и съ платежомъ за пересылку. Въ этомъ случаѣ уступки никакой не дѣляется.

Полные экземпляры журнала «Русское Богатство» за 1893, 1894 и 1895 года.

Цѣна за годъ: безъ перес. 8 р., съ перес. 10 р. 50 к.

Г И М Н А З И С Т Ы

Н. Гарина.

Изданіе редакціи журнала «Русское Богатство».

Цѣна 1 р. 25 к., съ пересылкой 1 р. 50 к.

СКЛАДЫ ИЗДАНІЯ:

Въ Петербургѣ—Контора журн. «Русское Богатство»—Бассейная ул., 10.
Въ Москвѣ—Отдѣленіе конторы журнала «Русское Богатство»—Никитскія ворота, д. Гагарина.

Обращающіеся въ складъ за пересылку не платятъ.

СОЧИНЕНИЯ

Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО.

- Томъ I.** Жертва старой русской исторіи.—Аналогическій методъ въ общественной наукѣ.—Суздальцы и суздальская критика.—Преступленіе и наказаніе.—Вольтеръ человекъ и Вольтеръ мыслитель.—Естественный ходъ вещей. *Цѣна 2 р.*
- Томъ II.** Литературныя замѣтки 1872 и 1873 гг.—Письмо къ графу Орлову-Давыдову.—Марксъ передъ судомъ г. Жуковскаго.—Графъ Бисмаркъ.—Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха. *Цѣна 2 р.*
- Томъ III.** (*Въ двухъ выпускахъ*). Записки профана. *Цѣна 3 р. 75 к.*
- Томъ IV.** Что такое прогрессъ? — Въ перемежку. (*Этого тома съ продажей больше нѣтъ*).
- Томъ V.** Теорія Дарвина и общественная наука.—Борьба за индивидуальность.—Вольница и подвижники. *Цѣна 2 р.*
- Томъ VI.** Экспериментальный романъ.—Жестокій талантъ.—О Тургеневѣ.—О Глѣбѣ Успенскомъ.—Палка о двухъ концахъ.—Дамскія воспоминанія о великихъ людяхъ.—Герои и толпа. *Цѣна 2 р.*

Подписчики «Русскаго Богатства», при покупкѣ этихъ книгъ, пользуются уступкой 50%.

Складъ изданія: книжный магазинъ А. Я. Панафидина. — Москва, Фуркасовскій пер., д. 10.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Критическіе опыты: { Левъ Толстой. Ц. 1 р.
Щедринъ. Ц. 1 р.
Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья. Ц. 1 р.

ПРОДАЮТСЯ: въ Конторѣ журнала «Русское Богатство» — Петербургъ, Бассейная ул., 10 и въ Отдѣленіи конторы — Москва. Никитскія ворота, д. Гагарина.

Литература и жизнь. Цѣна 1 р. Складъ въ книжномъ магазинѣ Луковникова — Петербургъ, Лештуковъ пер.

Литературно-критическія характеристики

М. А. Протопопова.

В. Г. Бѣлинскій.—Левъ Толстой. — Н. В. Шелгуновъ.—Всеволодъ Гаршинъ.—С. Т. Аксаковъ.—А. М. Жемчужниковъ.—Глѣбъ Успенскій.—Ф. М. Рѣшетниковъ.—Н. Н. Златовратскій.—Н. Е. Петропавловскій (Каровичъ).

Изданіе редакціи журнала «Русское Богатство».

Цѣна 2 р. 20 к., съ перес. 2 р. 50 к.

СОЧИНЕНІЯ

ВЛ. Г. КОРОЛЕНКО

Очерки и рассказы. Книга первая. 7 изданіе. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Очерки и рассказы. Книга вторая. Изданіе третье. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Въ голодный годъ. Изданіе второе. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Слѣпой музыкантъ. Этюдъ. Изданіе пятое. Ц. 75 к. съ перес. 90 к.

СКЛАДЫ:

Контора журнала «Русское Богатство» — С.-Петербургъ, Бассейная ул., 10 и Отдѣленіе конторы журнала «Русское Богатство» — Москва, Никитскія ворота, д. Гагарина.

Подписчики «Русскаго Богатства» за пересылку не платятъ.

Кн. магаз. журнала «Русская Мысль» — Москва, уголь Леонтьевского пер. и Большой Никитской, № 2—24.

СБОРНИКЪ

ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ЗНАНІЙ

подъ редакціей В. П. Безобразова и при ближайшемъ содѣйствіи профессоровъ М. Е. Андреевскаго, М. И. Горчакова, А. Д. Градовскаго, Ф. Ф. Мартенса, В. И. Сергѣевича, Ю. Э. Янсона, Г. А. Леера, П. В. Калачова и Ф. Г. Тернера.

ВОСЕМЬ томовъ. Цѣна 26 руб.

Подписчики „Русскаго Богатства“ платятъ ЧЕТЫРЕ рубля, съ перес. 6 руб. 70 к.

ПРОДАЕТСЯ:

Въ Петербургѣ — контора журнала «Русское Богатство» — Бассейная ул., 10.

Въ Москвѣ — отдѣленіе конторы журнала «Русское Богатство» — Никитскія ворота, д. Гагарина.

НОВАЯ КНИГА:

СОЦІОЛОГИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ

С. Н. Южакова.

Томъ II. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Обращающіеся въ контору журнала «Русское Богатство» — Петербургъ, Бассейная ул., 10 или въ Отдѣленіе конторы — Москва, Никитскія ворота, д. Гагарина за пересылку не платятъ.

Складъ изданія: въ кн. магаз. М. М. Стасюлевича — Петербургъ, Вас. Остр., 5 линія, 28.

ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ.

Вторая серія.

XXX.

Отбой.

Лѣто съ его короткими ночами и увеличеннымъ рабочимъ днемъ было всегда наиболѣе труднымъ періодомъ въ жизни обитателей Шелайскаго рудника. Особенно тяжелы были работы на канавѣ, о которыхъ я говорилъ уже. Мнѣ лично пришлось испытать удовольствіе огородничества. Со словомъ «огородъ» принято обыкновенно связывать представленіе о сравнительно легкомъ и, главное, пріятномъ трудѣ на открытомъ воздухѣ, полезномъ для укрѣпленія физическихъ силъ и возбужденія аппетита. Но отрѣштесь на минуту отъ этого обычнаго представленія. Вообразите себѣ, читатель, что васъ, невыспавшихся и усталыхъ, подняли на ноги въ три часа утра, «выгнали» на довольно холодный еще утренній воздухъ, окружили цѣпью вооруженныхъ штыками солдатъ и заставили копать тупой желѣзной лопатой твердую, подчасъ состоящую сплошь изъ камней землю. Если вы недовольны необозримой величиной назначеннаго «урока», то извольте копать «отъ звонка до звонка», т. е. до семи часовъ вечера. Уставшіе арестанты хотѣтъ покурить, присаживаются отдохнуть. Проходитъ минуты двѣ, и «стоящій надъ душой» надзиратель уже кричитъ, что пора приниматься за работу. Одно, два слова возраженія — и угроза карцеромъ.

Но вотъ солнышко поднимается все выше и выше. Арестанты все нетерпѣливѣе поглядываютъ на небо, въ надеждѣ, что вскорѣ долженъ ударить благодѣтельный звонокъ на обѣдъ. Спрашиваютъ, наконецъ, надзирателя, который часъ, и получаютъ отвѣтъ: «половина десятаго».

— Господи! Еще цѣлыхъ полтора часа остается!

Солнце припекаетъ все сильнѣе и сильнѣе; потъ начинаетъ струиться цѣлыми потоками съ лица и шеи; ноги устали налегать на плохо подающуюся въ землю лопату... Вдругъ раздается команда:

— Смирно! Шапки долой!

Всѣ въ испугѣ останавливаются, бросаютъ на землю лопаты, какъ полагается по инструкціи, и поспѣшно обнажаютъ головы. Тогда только робко озираются вокругъ и видятъ приближающагося съ тростью въ рукѣ Шестиглазаго.

— Шапки надѣть, работу продолжать!—слышится его крикъ, и арестанты, быстро накрывъ головы, снова берутся за лопаты. Работа въ присутствіи начальника закипаетъ усердіемъ прежняго. Лучезаровъ подходитъ. Онъ все знаетъ, онъ во всякой работѣ мастеръ. Если вѣрить его словамъ, то онъ былъ и огородникомъ, и хлѣбопашцемъ, и садоводомъ; умѣетъ и слесарничать, и кузнечить, и плотничать, класть печи, проводить дороги. Въ Читѣ онъ оставилъ собственнаго издѣлія книжный шкафъ и телегу съ какими-то необыкновенно хитро устроенными колесами. Онъ громко разспрашиваетъ надзирателя о свойствахъ данной почвы, причемъ тутъ-же рассказываетъ случаи изъ своей жизни гдѣ-то на золотыхъ приискахъ. Надзиратель на все подобострастно поддакиваетъ и всему удивляется. Но среди этого разговора всевидящія очи Лучезарова не дремлютъ, и онъ не упускаетъ замѣтить Петину, что нужно глубже забирать лопатой, а Ногайцеву, что онъ лѣнитса.

— Дай-ка сюда лопату, я покажу тебѣ, какъ слѣдуетъ рыть.

Онъ беретъ лопату изъ рукъ Ногайцева и пробуетъ надавить ее своимъ изящнымъ лакированнымъ штиблетомъ. Но напрасно вся дебелая фигура браваго штабсъ-капитана напрягается, тужится, краснѣетъ; напрасно, пыхтя и крахтя, съ сердцемъ ударяетъ онъ ногой по лопатѣ: упрямая лопата туго погружается въ землю и не хочетъ «показать, какъ слѣдуетъ рыть».

— Совсѣмъ каменится земля, господинъ начальникъ,—осмѣливается замѣтить Ногайцевъ:—урокъ черезчуръ великъ заданъ.

— Вадоръ изволишь говорить, братецъ!—сердито отзывается невозмутимый Лучезаровъ:—причина простая—кузнецъ плохо лопату отостригъ. Такъ и есть: остріе—лепешка лепешкой! Онъ тоже лодорничаетъ, должно быть, каналья. Кто у насъ кузнечить сегодня?—обращается онъ съ вопросомъ къ надзирателю.

— Водянинъ!—подскакиваетъ Змѣиная Голова, дѣлая рукой подъ козырекъ:—молотобоецъ—Ефимовъ.

— Ага! знаю я этихъ артистовъ.. Вотъ я самъ схожу къ нимъ, посмотрю.

И Лучезаровъ, недовольный и пасмурный, удаляется по направлению къ кузницѣ. Изъ груди всѣхъ вырывается вздохъ облегченія.

— Надо отдохнуть, Василій Андреевичъ,—говорятъ рабочіе и, ужъ не дожидаясь разрѣшенія, садятся на землю и закуриваютъ. Но въ ту же минуту раздается звонокъ на обѣдъ, и всѣ съ радостнымъ гадѣньемъ и жужжаньемъ поднимаются съ мѣстъ, выстраиваются и отправляются въ тюрьму. Обѣденный звонокъ отдѣляется лѣтомъ отъ новаго звонка на работу тремя часами отдыха. Это—

время наибольшаго зноя, когда земля раскаляется подобно желѣзной сковородѣ, когда пылающая голова трещитъ отъ нестерпимой боли, и усталыя ноги едва способны передвигаться. Благо тому, кто обладаетъ счастливымъ умѣньемъ спать днемъ, у кого не ходятъ ходенемъ нервы, не кипятъ ключомъ желчь и не болитъ до крика душа! Тотъ повалится, какъ мертвый, на нары и пролежитъ эти три часа, не шевелясь, безъ памяти, безъ сознанія, во снѣ безъ сновидѣній. Но этотъ полдневный сонъ мало освѣжаетъ. Просыпаешься съ страшною болью въ вискахъ и съ дико глядящими на свѣтъ воспаленными глазами. Два часа дня: въ ухахъ еще раздается звонъ разбудившаго васъ колокольчика. Солнце стоитъ еще высоко и нещадно палитъ своими гнѣвными лучами. Опять надо работать, работать и работать вплоть до семи часовъ вечера подъ тѣми-же штыками, подъ той же грозой надзирательскихъ и Лучезаровскихъ окриковъ, работать для того, чтобы, проспавъ сномъ убитаго короткую лѣтнюю ночь, проснуться утромъ для такого же мучительнаго каторжнаго дня... Нѣтъ, безъ невольнаго содроганія во всемъ тѣлѣ я не могу вспомнить объ огородахъ Шелайской тюрьмы!

Когда къ половинѣ іюня кончалась посадка капусты и другихъ овощей, и группу горныхъ рабочихъ опять начинали посылать въ рудникъ, я всегда чувствовалъ радость и облегченіе, не смотря на то, что и въ рудникѣ лѣтнія работы имѣли свои волчцы и терніи. Въ шахтахъ было холодно, какъ въ ледяномъ погребѣ; съ отмерзлыхъ лѣстницъ и стѣнъ струилась повсюду вода, попадая бурильщикамъ за шею и обливая сапоги. Для буренья приходилось подкладывать подъ себя доски; но и тѣ скоро заливались накоплявшейся постепенно водой. Тогда нужно было вылезать наверхъ, чтобы выкачать нѣсколько кибелей набравшейся воды и получить возможность бурить впредь до новой отливки... Мракъ, холодъ, вода, онѣмѣвшія отъ усталости руки, дрожь во всемъ тѣлѣ! О, проклятый, безчеловѣчный міръ труда и неволи. Вылезешь, бывало, со дна угрюмой шахты на вольный свѣтъ, гдѣ столько вокругъ лазури, тепла и солнечнаго блеска, гдѣ шумитъ и зеленѣетъ невдалекѣ душистый лиственничный лѣсъ, а еще подальше красивымъ полукругомъ возвышаются сопки, почти сплошь одѣтыя лиловымъ, точно кровавымъ цвѣтомъ богуньника, — и при видѣ всего этого великолѣпія торжествующей природы заходить въ душѣ желчь, закипитъ негодованіе! Да, не разъ отъ всего сердца ненавидѣлъ я и проклиналъ эту безотвѣтную, бездушную красавицу, способную только цвѣсти и радоваться передъ лицомъ великой человѣческой скорби и муки, при живыхъ еще воспоминаніяхъ о пролитыхъ тутъ же потокахъ слезъ, а быть можетъ, и крови!

За горами гори,
Хмарю повіти,
Засіяни горемъ,
Кровію полити...

— Эхъ, кабы денечекъ хоть на вольной пишишь теперь посидѣть!—мечтаетъ вслухъ кто-нибудь изъ арестантовъ при видѣ жирныхъ монаховскихъ свиней и поросятъ, бѣгающихъ у подошвы горы:—тогда-бы можно, пожалуй, и въ этой породѣ десять вершковъ выбурить! А то гдѣ-жъ тутъ? Не двужильные мы!

— Вотъ чудакъ! съ отощалаго брюха нешто можно работу спрашивать? Пущай въ карецъ сажаетъ, толстое его пузо, а я больше шести верховъ не стану ему бурить. Душа изъ его воня! Лучше-жъ я такъ на солнышкѣ провалиюсь, погрѣюсь.

— Да, не мѣшало-бъ теперь вольнаго питанія въ душу пропустить,—продолжаетъ первый:—на шестиглазовскомъ-то бульонѣ замрещь. Прижимъ, говорить, каторжный для васъ полагается... На то каторжная тюрьма... Да лопни твои шары окаянныя! Почему-же въ другихъ рудникахъ не говорятъ этого? Почему тамъ всякую пишку пропускаютъ? Были-бъ деньги, а то покупай на здоровье, чего хочешь: и молока, и свинины, и баранины, и ягудъ, чего только вздумаешь. Какое можетъ быть вредительство отъ цишки? Пишша только на пользу можетъ идти человѣку.

— Пишша?! Она, братъ, очищеніе крови дѣлаетъ, разбитіе и волнованіе. Если-бъ теперь, къ примѣру, фунтиковъ пять хорошаго мяса за одинъ присѣсть одолѣть, много-бъ отъ его здоровья по костямъ разошлось!

— А слышалъ, что говорятъ? Будто новый губернаторъ рудники объѣзжаетъ! Вотъ-бы пожаловаться!

— Слыхать-то я слышалъ; только не арестантское-ль это бумо? *) Залилъ кто-нибудь, а ему и повѣрили. А то, конечно, жаловаться бѣ надо.

— Не жаловаться, а просто-на-просто переводки просить! Пущай хоть на край свѣта посылають, лишь бы отседова прочь!

Таковы были обычныя мечты арестантовъ. Добрая половина всего населенія Шелайской тюрьмы, при малѣйшей возможности, съ удовольствіемъ перевелась бы на невѣдомый Сахалинъ, въ Хабаровку, на Кару, въ Зерентуй, въ Кадаю, куда угодно, лишь бы подальше отъ Шестиглазаго съ его «пищевымъ режимомъ» и тошнотворно-скучными порядками, царившими въ тюрьмѣ, гдѣ не было ни игръ, ни пѣсенъ, ни майдановъ, ни всего, что веселитъ душу безнадежно-долгосрочнаго арестанта. Большинство, конечно, роптало лишь втихомолку, про себя тая свои мечты о переводѣ въ другія тюрьмы: проситься о переводѣ бесполезно, а больше что же подѣлаешь? Но было человѣкъ десять такихъ, которые во что бы то ни стало рѣшили «отбиться»... Ихъ поощрялъ примѣръ

*) Въ арестантскомъ жаргонѣ есть много словъ несомнѣнно французскаго происхожденія. Такъ, «бумо» (сплетня, вымышленный слухъ, острота) есть, конечно, исковерканное *bon mot*; «Мотя» (доля, часть)—*moitié* и т. п.

Прим. авт.

Дюдина, который такъ успѣлъ надѣсть Шестиглазому, что тотъ самъ хлопоталъ объ отсылкѣ его на Сахалинъ. Думали, что стоитъ только надѣсть—и съ ними сдѣлаютъ то же самое. Первыми изъ пошедшихъ по этому пути былъ нѣкто Комлевъ и знакомый уже намъ Петинъ-Сохатый. Долгое время они надѣялись миромъ покончить съ Лучезаровымъ, почти на каждой вечерней повѣркѣ обращаясь къ нему съ просьбой о переводѣ на Сахалинъ. Лучезаровъ, отвѣтивъ нѣсколько разъ, что онъ въ этомъ дѣлѣ не при чемъ, потому что никакой власти надъ Сахалиномъ не имѣетъ, пересталъ вскорѣ и выслушивать всѣ подобныя просьбы. Тогда Петинъ и Комлевъ, заключивъ союзъ между собой, приступили къ систематическому отбою путемъ непрерывныхъ ссоръ съ надзирателями, преднамѣренной лѣнности, отказовъ отъ работы и проч. Здѣсь рельефнѣе всего обнаружились характеръ и внутренняя стоимость того и другого изъ союзниковъ. Лучезаровъ отвѣтилъ на первыя выходки отбивающихся обычнымъ отвѣтомъ — карцеромъ. Союзники не унялись и продолжали вести свою линію. Тогда Комлеву первому объявлено было лишеніе скидокъ.

— Эка важность!—сказалъ Комлевъ:—мнѣ отъ роду сорокъ два года, а на шеѣ у меня тридцать пять лѣтъ каторги. Нешто могу я эстолько прожить и молодымъ остаться? Не все-ль мнѣ одно, если къ этакой прорвѣ и еще пять, десять лѣтъ прибавятъ? Хоть сто пущай набавляютъ—все едино! Не на вольныя команды и манифесты нашему брату разсчитывать, а на свою голову, да на свою волю. Самъ я себѣ манифестъ дамъ!

— Значить, вы по-прежнему будете отбиваться? — полюбопытствовалъ я спросить Комлева.

— А то какъ же,—отвѣчалъ онъ.

— Ну, а если... если Шестиглазый къ другимъ мѣрамъ прибѣгнетъ?

— Это къ плетямъ, то есть? Хорошо я знаю, что теперь ему плети и розги остается въ ходъ пустить. Такъ что-жь, на здоровье! Какой бы я арестантъ былъ, если-бъ плетей боялся? Я ни во что такого арестанта ставлю. Коли каторги не боялся—ничего на свѣтѣ не бояся!

Комлевъ и во всей исторіи своего «отбоя» держался въ высшей степени просто, безъ той вызывающей шумливости, которою отличалось поведеніе его союзника и пріятеля Петина. Последній, отказываясь отъ работы, каждый разъ рычалъ, жестикулировалъ, угрожалъ и словами, и жестами. Комлевъ, напротивъ, преспокойно лежалъ на нарахъ, дожидаясь, когда дежурный подобно бышеному звѣрю прибѣжитъ звать его на работу.

— Комлевъ! тебя долго еще ждать? Всѣ выстроились, стоять подъ воротами, а тебя все нѣтъ. Живой рукой собирайся!

— Куда?—медленно, равнодушно, не возвышая голоса, спрашивалъ Комлевъ.

— Какъ куда? Говорять тебѣ, на работу.

— Я не пойду сегодня!

— Какъ не пойдешь? Ты развѣ нездоровъ?

— Нѣтъ, здоровъ.

— Такъ ты что-жъ это? Шутки со мной шутить вздумалъ, или въ карецъ захотѣлъ?

— Въ карецъ — такъ въ карецъ. Пойдемте, — отвѣчалъ онъ тѣмъ же ровнымъ голосомъ, поднимаясь съ мѣста, и шелъ въ карцеръ.

Сохатый былъ не таковъ. Несмотря на его шумливость и вѣшний задоръ, было очевидно, что онъ куда «дешевле» Комлева: признавали это и арестанты, и надзиратели. Не замедлилъ подтвердить это фактами и самъ Петинъ. Въ то время, какъ Комлевъ непреклонно и неустанно продолжалъ гнуть одну и ту же линію, требуя перевода въ другую тюрьму, отказываясь отъ работъ и не пугаясь даже перспективы плетей и розогъ и тѣмъ внушая начальству серьезное къ себѣ уваженіе и страхъ, Петинъ въ самыя критическія минуты, когда дѣло принимало серьезный оборотъ, каждый разъ трусилъ и отступалъ... Плетей и розогъ онъ ужасно боялся... Поэтому въ поведеніи его не было никакой послѣдовательности: то онъ былъ лодыремъ и грубияномъ, стоялъ на дурномъ счету у надзирателей, то превращался въ ретиваго работника и тихаго, покорнаго арестанта. Начальство видѣло, что онъ не опасенъ, и страхомъ можно съ нимъ все сдѣлать.

Нашъ старый знакомецъ Семеновъ былъ также изъ числа тѣхъ, которые мечтали отбиться поскорѣе отъ Шелайскаго рудника и, подобно Комлеву, не дрогнули бы ни передъ какими мѣрами и угрозами Шестиглазаго. Но ему оставалось меньше года до выхода въ вольную команду, и велъ онъ себя чрезвычайно сдержанно и благоразумно. Тѣмъ не менѣе, совершенно для всѣхъ неожиданно, а больше всѣхъ для самого Семенова, разыгралась исторія, выставившая его въ глазахъ начальства однимъ изъ наиболѣе опасныхъ и нежеланныхъ для Шелайской тюрьмы арестантовъ.

Лѣтнія ночи были страшно коротки. Въ 8 часовъ вечера производилась повѣрка; въ случаѣ присутствія на ней самого Лучезарова она тянулась не меньше часу, и заснуть удавалось не раньше 10. Въ половинѣ четвертаго утра уже раздавался свистокъ надзирателя приготавливаться къ новой повѣркѣ. Истомленные работой и плохимъ питаніемъ арестанты встаютъ, бывало, какъ дикіе, съ опухшими глазами, отказывающимися глядѣть на свѣтъ, съ болью въ вискахъ, съ ломотой во всемъ тѣлѣ. Но надзиратель Безыменныхъ, отъ всей души ненавидѣвшій арестантовъ и на каждомъ шагѣ любившій имъ «пакостить», въ дни своего дежурства сокращалъ даже и это недостаточное для сна время. Еще въ совершенной темнотѣ, за часъ или за полтора до повѣрки (полагавшейся лѣтомъ въ 4 утра) онъ ходилъ уже подъ окнами камеръ, стучалъ въ нихъ изъ

всей силы кулаками или даже ключами и, будя всѣхъ, кричать нечеловѣческимъ голосомъ:

— Староста! Лампы тушить!

Семеновъ былъ въ это время старостой въ одномъ изъ номеровъ и однажды такъ крѣпко спалъ, что не услышалъ даже и этого адскаго стука. Черезъ двадцать минутъ Безыменныхъ подошелъ къ дверной форточкѣ и, видя, что лампа все еще не потушена, принялся барабанить пальцами по стеклу и громко называть Семенова по имени. Но тотъ продолжалъ спать, какъ убитый. Другіе арестанты, отпуская насмѣшливыя остроты изъ-подъ своихъ халатовъ, притворялись тоже спящими и не двигались съ мѣста.

— Ну, ладно, я покажу же тебѣ, негодяй!—сказалъ Безыменныхъ, потерявъ терпѣніе и отходя прочь.

Когда наступила утренняя повѣрка, арестанты почему то забыли предупредить Семенова о случившемся, и Безыменныхъ безъ всякихъ объясненій повелъ его въ карцеръ. Ничего не подозревавшій, ошеломленный Семеновъ молча повиновался, но когда пришелъ въ карцеръ и узналъ въ чемъ дѣло, то, пользуясь отсутствіемъ свидѣтелей, съ страшною бранью и стиснутыми кулаками бросился на врага. Безыменныхъ едва ноги уволокъ и еле успѣлъ затворить за собой на задвижку дверь карцернаго корридора. Онъ побѣжалъ къ старшему дежурному докладывать о покушеніи Семенова на его жизнь. Немедленно явился въ карцеръ конвой: Семенова заковали въ поручни и посадили въ строгое заключеніе. Ожидали, что ему дорого обойдется эта исторія... Другъ Семенова Гончаровъ ходилъ мрачный и задумчивый.

— Теперь пропала Петькина вольная команда,—говорилъ онъ мнѣ грустно,—а пропала команда—и головушка его пропала! Если набавятъ ему нѣсколько лѣтъ срока, тогда Безыменныхъ не жалецъ больше на бѣломъ свѣтѣ... Петька ужъ не попустится забыть ему такую обиду!

Больше мѣсяца сидѣлъ Семеновъ въ карцерѣ, готовая къ самому печальному рѣшенію своей участи...

Но каково же было общее удивленіе, когда въ одинъ прекрасный день изъ управленія получился приказъ,—засчитавъ Семенову въ наказаніе мѣсяцъ тяжкаго заключенія въ карцерѣ, перевести его вмѣстѣ съ Комлевымъ въ Зерентуйскую каторжную тюрьму. Семеновъ, вѣроятно, отъ души перекрестился, покинувъ въ тотъ же день ненавистный ему Шелайскій рудникъ, а товарищи, оставшіеся во власти Шестиглазаго, отъ души же позавидовали его «фарту».

Но были еще и другіе типы отбывающихся. Я уже рассказывалъ, напримѣръ, какой искусный планъ составленъ былъ Соколицевымъ и какая неудача постигла его первый опытъ. Каждый дѣйствовалъ согласно съ своимъ темпераментомъ и способностями. Такъ цѣлая масса арестантовъ прикидывается въ каждомъ рудникѣ страдающими какой-нибудь безнадежной болѣзнію, дѣлающею ихъ не

годными ни къ какой физической работѣ, и, благодаря этому, раньше срока вылетаетъ въ вольную команду или переводится въ богадѣльню. Во всякой каторжной тюрьмѣ находится постоянно изрядный процентъ минимохромыхъ, сухорукихъ, слабосилыхъ и одержимыхъ всевозможными недугами. Не такъ, однако, легко быть симулянтомъ, какъ это представляется съ перваго взгляда. Не надзиратели и не доктора являются главнымъ препятствіемъ для подобныхъ больныхъ, а своя же «кобылка»: къ каждому хроническому больному, освобожденному отъ работъ, рождается вскорѣ зависть въ средѣ своихъ же; начинаются подозрѣнія, сплетни, пересуды, систематическое шпионство за нелюбимымъ товарищемъ (а нелюбимъ почти каждый каждымъ), подозрѣваемымъ въ притворной болѣзни. Одинъ замѣтилъ, что сегодня онъ хромаетъ совсѣмъ не на ту ногу, что вчера, другой видѣлъ ночью, какъ минимый больной, полагая, что никто за нимъ не наблюдаетъ, или же позабывъ со сна о своей хромотѣ, всталъ и прошелся, какъ здоровый, не ковыляя ни на ту, ни на другую ногу... Скоро подобныя подозрѣнія, часто совсѣмъ ложныя, превращаются въ полную увѣренность, и темный слухъ доходить неизвѣстно какими путями до самаго начальства. Къ дѣйствительному или минимому «богодуду» начинаютъ придираться, начинаютъ, несмотря на болѣзнь, гнать на работу... Тяжела бываетъ подчасъ жизнь и настоящихъ больныхъ, у которыхъ нѣтъ по несчастью явныхъ для невѣжественнаго глаза признаковъ болѣзни: цѣлы руки, цѣлы ноги, нѣтъ широко зияющихъ ранъ, отвратительныхъ болячекъ. Только такіе признаки и уважаетъ кобылка, а заодно съ нею и большинство фельдшеровъ. Все остальное, кашель, лихорадка, головная боль, слабость, ревматическія и сердечныя боли—все это можетъ быть простой симуляціей! Въ Шелайскомъ рудникѣ были, между прочимъ, двѣ спеціальныя причины, усиливавшія обычную неприязнь арестантовъ къ хроническимъ больнымъ и слабымъ, не ходившимъ на работу. Вслѣдствіе небольшихъ размѣровъ тюрьмы и сравнительно ничтожнаго количества арестантовъ, порціи мяса не дѣлились въ ней, какъ принято въ другихъ рудникахъ, на рабочія и богодульскія, а всѣмъ выдавались ровныя. Съ другой стороны, лазаретъ былъ тѣсенъ и малъ и могъ вмѣщать только весьма ограниченное количество больныхъ. По совокупности всѣхъ этихъ причинъ арестанты, рѣшившіеся отбиваться отъ работъ на основаніи притворной болѣзни, должны были обладать изряднымъ запасомъ храбрости и искусства. Такимъ смѣльчакомъ и искусникомъ явился раньше другихъ старикъ Гончаровъ.

Прележавъ нѣсколько недѣль въ лазаретѣ, благодаря дѣйствительно серьезной болѣзни, онъ сталъ вскорѣ жаловаться на постоянную боль въ ногахъ, потомъ охромѣлъ, а наконецъ, и совсѣмъ сѣлъ на нары... Последнее обстоятельство совпало какъ разъ съ увозомъ изъ Шелайскаго рудника Семенова. Никакихъ видимыхъ признаковъ этой странной болѣзни не было; однако пріѣзжавшій время отъ

времени врачъ не могъ также констатировать съ чистой совѣстью и симуляцію: не малое впечатлѣніе производила, конечно, и старость больного, его мощная львиная голова съ сильно посѣдѣвшими въ послѣднее время волосами... Въ концѣ-концовъ на Гончарова махнули рукой, отстранивъ его отъ всякихъ работъ. Вѣрили ему въ началѣ и арестанты... Но время шло, и не высказываясь открыто въ присутствіи Гончарова (такъ боялись всѣ его физической силы и остраго, какъ топоръ, злого языка), многіе стали и его подозревать. Случалось, что во время ссоры подозрѣнія эти бросались и въ лицо; тогда Гончаровъ впадалъ въ жалобный, столь несвойственный ему прежде слезливый тонъ. Онъ съ горечью вспоминалъ доброе старое время, когда у него были ноги и сила, когда на каждую обиду онъ могъ отвѣтить стократной обидой, когда враги трепетали его, и онъ имѣлъ деньги, друзей и пріятелей... Слыша эти жалобы и упреки судьбѣ, я чувствовалъ иногда, какъ сердце поворачивается у меня въ груди отъ состраданія, и собственные мои подозрѣнія таяли, какъ воскъ. Я видѣлъ въ Гончаровѣ дѣйствительно безпомощнаго, несчастнаго старика, котораго всякій можетъ обидѣть и никто не защититъ. Нерѣдко мнѣ приходилось даже распинаться за него, парируя яростныя (заочныя, конечно) нападки арестантовъ. Каково же было мое удивленіе, когда Гончаровъ самъ завелъ однажды со мной дружескій откровенный разговоръ по поводу своей болѣзни.

— Гдѣ то теперь Петька мой?—началъ онъ, вздыхая: — эхъ, Иванъ Николаевичъ! кабы въ вольную команду меня выпустили... Ужъ я безпремѣнно сходилъ бы въ Зерентуй, добился бы свиданія съ нимъ.

— Гдѣ же съ вашими ногами ходить такую даль?—спросилъ я удивленно.

— Ну, да неужто онѣ вѣчно болѣть у меня будутъ?—отвѣчалъ старикъ,—дастъ же Богъ, направятся когда-нибудь. Особенно ежели на волѣ. Тамъ все же заработать что-нибудь можно, я ремеселъ много знаю: я и сапожничать, и портняжить, я и корзинны плести могу и уголь жечь... Пища вольная да свобода...

— Да вотъ что, Миколантъ, я скажу тебѣ,—вдругъ заговорилъ онъ таинственнымъ полушопотомъ:—отъ тебя то таиться мнѣ нечего. Ты вѣдь не нашъ братъ, кобылка, не повредишь. Меня корятъ, что я притворяюсь, порціи, вишь, ихъ рабочія заѣдаю... Бѣдно мнѣ было въ началѣ, шибко бѣдно слышать эти попреки, потому ноги у меня взаболъ болѣли... Ну, а теперь я ужъ озлился! Теперь ногамъ точно лучше. Теперь я даже такъ скажу: я ходить бы я могъ и работать не хуже каждаго изъ нихъ... Только я такъ думаю въ себѣ: къ чему мнѣ это? Больше нѣняго, что ли, мнѣ надо? Милость я какую отъ начальства заслужу, медаль мнѣ на шею повѣсятъ, что-ль, что я стану работать, какъ боекъ, жилы изъ себя тянуть? Мнѣ бы въ вольную команду только, Иванъ Миколантъ, выйти; а

большого то скорѣе вѣдь выпустить, потому Шестиглазому въ тюрьмѣ я вовсе ненужный человѣкъ, а тамъ, на волѣ, и я могу на что-нибудь пригодиться: амбары караулить, али уголь для кузницы жечь. Вотъ объ чемъ я мечтаю, Иванъ Миколанчъ. Ну, а втапоры, вѣстимо, я ужъ не жилище у нихъ! недолго повидить меня Шелайская тюрьма! Петька въ вольную команду скоро выйдетъ: спаримся мы—и прощай, каторга-матушка, прости, Байкалъ батюшка!..

Я свято сберегъ, конечно, тайну Гончарова и отъ всей души посочувствовалъ, когда завѣтная мечта его сбылась, и въ сентябрѣ мѣсяцѣ Лучезаровъ выпустилъ его раньше срока въ вольную команду и посадилъ сторожемъ при амбарахъ. Я такъ и рѣшилъ, что только зиму перезимуетъ старикъ и съ первой же веской поступить на службу къ генералу Кукушкину. Но къ удивленію моему случилось это значительно раньше: онъ бѣжалъ въ первыхъ числахъ октября, какъ только выдали арестантамъ теплую «лопотъ», шубу, штаны, рукавицы... Шелайское начальство страшно негодовало на хитраго старика, который такъ ловко съумѣлъ провести его, вчера еще ползалъ на коѣвникахъ, а сегодня уже пустился бродяжить; надзиратели громко ликовали по поводу дурно выбраннаго бѣглецомъ времени года, которое несомнѣнно должно было вскорѣ предать его въ руки правосудія.

— Ужъ тогда мы покажемъ ему! И впрямь будетъ боленъ—не повѣримъ.

— И дернула жъ съдого черта нелегкая въ такую пору идти, говорила промежъ себя кобылка: лѣсъ вездѣ обнаженъ, укрыться негдѣ, пропитаніе найти трудно, подходить холода... Того и гляди, снѣгу на дняхъ навалитъ!

Но старые бывалые арестанты только посмѣивались себѣ въ усь, слыша такіа рѣчи.

— Теперь-то и идти, отвѣчали они на мои разспросы:—Гончаровъ тожа вѣдь не дуракъ... къ тому-же самъ челдонъ-сибирякъ... Онъ не пойдетъ зря! На поляхъ теперь народу нѣтъ, потому все убрано, дорога скатертью лежитъ, никто не приважится. Потомъ съ присковъ теперь ребята возвращаются домой — опять меньше подозрѣнія, что идетъ незнаемый человѣкъ. Будто тоже съ присковъ идетъ старичокъ почтенный.

Но что бы ни толковали опытные люди, мнѣ всетаки казалось страннымъ, что такой уминый человѣкъ, какъ Гончаровъ, выбралъ для побѣга такую позднюю пору; августъ и отчасти, пожалуй, сентябрь были еще подходящимъ временемъ для бродяжества, но ужъ отнюдь не октябрь. Чѣмъ-то невольнымъ и вынужденнымъ отымалось отъ подобнаго побѣга...

И точно, въ скоромъ времени прошелъ по тюрьмѣ какой-то неясный сначала шорохъ: въ одномъ изъ большихъ рудниковъ случилось въ вольной командѣ убійство, послѣ котораго нѣсколько человѣкъ бѣжало. Потомъ стали называть въ числѣ бѣглецовъ Семенова...

Говорили, что смотритель Зерентуйскаго рудника, находясь въ распрѣ съ Лучезаровымъ, въ пику ему немедленно по переводѣ выпустилъ Семенова въ вольную команду; тамъ, въ ссорѣ изъ-за картъ, Семеновъ убилъ одного татарина и, преслѣдуемый пустившейся по пятамъ погоней, бѣжалъ. Нѣкоторое время я все-таки недоумѣвалъ, какое отношеніе имѣлъ слухъ объ этомъ побѣгѣ къ побѣгу Гончарова, но вскорѣ дошло до меня еще и другое извѣстіе (довѣренное, впрочемъ, подъ большимъ секретомъ). Семеновъ прибѣжалъ послѣ своего убійства въ Шелайскій рудникъ и нѣсколько дней былъ укрываемъ земляками и друзьями своими, Гончаровымъ и Ракитинымъ. Послѣ этого все стало мнѣ понятно. При видѣ закадычнаго друга, почти сына, которому волей-неволей приходилось бѣжать, въ старомъ таежномъ волкѣ заговорила кровь, проснулась неудержимая жажда простора и воли, которой не могли одолѣть никакіе совѣты благоразумія... Ослѣпительно ярко блеснула мечта о родинѣ, о семьѣ и, быть можетъ, о мести, и вотъ, несмотря на годы, на приближающіеся холода и зиму, онъ, пропустивъ въ горло стаканчикъ другой оживляющей влаги, собрался въ путь-дорогу и смѣло пошелъ навстрѣчу всѣмъ опасностямъ и случайностямъ бродяжеской жизни...

Попались-ли бѣглецы въ лапы забайкальскихъ казаковъ, сложили-ль свои буйныя головы подъ пулями дикихъ тунгусовъ, или благополучно ушли за «Святое Море»—Байкаль, у меня нѣтъ объ этомъ никакихъ свѣдѣній. Думаю, впрочемъ, что оба они не дешево продадутъ свою жизнь и свободу тѣмъ, кто на нихъ покусится.

XXXI.

Шелайскіе посѣтителі.

Слухъ о пріѣздѣ новаго губернатора оказался, между тѣмъ, не пустымъ арестантскимъ «бумо». Въ тюрьмѣ начинались дѣятельныя приготовленія къ пріему сановнаго посѣтителя. Даже бравый штабсъ-капитанъ, гордившійся тѣмъ, что вѣранный ему рудникъ постоянно готовъ «къ посѣщенію его самимъ государемъ», обнаруживалъ замѣтные признаки безпокойства и волненія: извѣстно, что новая метла всегда чище мететъ, а главное—одинъ Богъ знаетъ, каковъ нравъ и каково направленіе новаго властелина края... Онъ не унижился, правда, до того, чтобы лично вмѣшаться и вникнуть во всѣ мелочи, тайники внутренней тюремной жизни, но надзирателямъ, очевидно, даны были строгія инструкціи. Цѣлые дни, съ утра до поздняго вечера, шныряли они по всѣмъ закоулкамъ зданія, поднимая каждую соринку и распекая арестантовъ за малѣйшее упущеніе въ чистотѣ и опрятности. Полы, мывшіеся прежде два раза въ недѣлю, теперь скреблись и мылись черезъ день, а

послѣ мытья красились охрой, которая придавала имъ дѣйствительно красивый видъ, но зато, просохнувъ, превращалась вскорѣ въ мелкую пыль, заставлявшую всѣхъ при подметаніи чихать и кашлять. А подметали камерные старосты чуть не каждыя полчаса...

Явившись на одну изъ вечернихъ повѣрокъ, Лучезаровъ обратился къ арестантамъ съ слѣдующею рѣчью:

— Вотъ что! Вы уже слышали, вѣроятно, что на дняхъ долженъ быть здѣсь новый военный губернаторъ. Прислушивайтесь къ свистку, который будетъ поданъ дежурнымъ надзирателемъ, соблюдайте порядокъ и чистоту. Затѣмъ не беспокойте губернатора нелѣпыми просьбами и жалобами. Я знаю, вы любите разговаривать со всякимъ новымъ начальствомъ: дескать, купить не удастся, а поторговать можно... Я буду взыскивать за нелѣпые разговоры. Каждый, кто хочетъ говорить, долженъ сегодня же, когда я буду обходить камеры, предварительно сообщить мнѣ объ этомъ. Я рѣшу—дѣльная или вздорная претензія, кромѣ того не завтра—послѣ завтра посѣтить еще нашу тюрьму иностранецъ, путешествующій съ религіозной цѣлью,—проповѣдникъ. И по отношенію къ нему также ведите себя прилично, не вздумайте обращаться къ нему съ какими-нибудь просьбами. У васъ хватить ума. Онъ совершенно чуждое лицо, не облеченное никакой властью. Да вотъ что еще сказать вамъ. Въ камерахъ отвратительный запахъ. Оно и немудрено. Я сейчасъ стоять не могъ во время молитвы позади Ногайцева... Вы совсѣмъ не умѣете вести себя. Вздоръ это, будто животь пучить съ хлѣба и капусты, вздоръ! Я самъ ѣмъ черный хлѣбъ и люблю щи... Поддержаться всегда можно, но вы просто-на-просто не хотите!

Огоротивъ арестантовъ такой проповѣдью, Лучезаровъ сталъ обходить камеры. Почти вездѣ обращались къ нему съ заявленіями, что собираются говорить съ губернаторомъ. Въ нашемъ номерѣ прежде всего выступили Петинъ и Сокольниковъ.

— О чемъ хотите говорить? сумрачно спросилъ ихъ Лучезаровъ.

— Проситься о переводкѣ на Сахалинъ, господинъ начальникъ.
— Зачѣмъ?

— Да никакъ невозможно, господинъ начальникъ, отбыть нашъ срокъ въ этой тюрьмѣ, очень строго. А на плечахъ по тридцати, по сорока лѣтъ каторги.

— А на Сахалинѣ развѣ срокъ уменьшится? Вздоръ говорите. Нечего лѣзть съ такими глупыми просьбами. Да если бы губернаторъ и вздумалъ удовлетворить ихъ, то вы сами бы раскаялись. Сахалинъ въ десять разъ хуже Шелайской тюрьмы; туда ссылаются, кромѣ Забайкальскихъ уроженцевъ, только особо важные преступники, въ видѣ наказанія.

— Все таки дозвольте, господинъ начальникъ, изложить нашу просьбу.

— Пожалуй, излагайте. Только знайте, что она не будетъ уважена. Ты что, Луньковъ, вертишься?

— Я, господинъ начальникъ... такъ какъ я не въ мѣру понесъ наказаніе, то... позвольте просить.

— Жаловаться?

— Гм... Да.

— Не совѣтую. Ты полагаешь, что тебя наказали несправедливо, а я думаю, что вполне справедливо.

И съ этими словами Лучезаровъ удалился въ другія камеры. Больше часу продолжался этотъ обходъ. Вездѣ просились на Сахалинъ и въ другіе рудники и всѣ получили отказъ. Тѣмъ не менѣе у многихъ назрѣло твердое рѣшеніе говорить съ губернаторомъ, какъ бы ни озлился на нихъ за это Шестиглазый. На слѣдующій день къ вечеру, неожиданно для всѣхъ, явился въ тюрьму иностранецъ-проповѣдникъ со своимъ переводчикомъ, въ сопровожденіи одного лишь старшаго надзирателя: Лучезарова не было дома—онъ куда-то отлучился. Высокій сгорбленный старикъ съ сѣдой бородою, въ черномъ сюртукѣ и съ грудой евангелій подъ мышками, началъ обходить камеры и читать арестантамъ нѣмецкую проповѣдь, которую переводчикъ дословно переводилъ на русскій языкъ.

— Эта книга—великая книга, одинаково необходимая какъ для крестьянина, такъ и для императора. Ученіе, заключающееся въ этой книгѣ, истинно. Оно не только истинно, но также и въ высшей степени практично, полезно. Стоитъ искренно увѣровать и попросить Бога—и онъ исполнитъ всѣ наши просьбы и желанія..

Только что успѣлъ проповѣдникъ произнести въ нашемъ номерѣ эти слова, какъ раздалась команда: Смирно!! и въ камеру влетѣлъ запыхавшійся, весь сіяющій, Лучезаровъ. Иностранецъ смутился и замолкъ.

— Начальникъ Шелайской тюрьмы, штабсъ-капитанъ Лучезаровъ! отрекомендовался ему бравый штабсъ-капитанъ.

Старикъ назвалъ свою фамилію, поклонился, подавъ руку и тотчасъ же вытащилъ изъ кармана бумагу, свидѣтельствовавшую о пѣляхъ его путешествія и о разрѣшеніи посѣщать каторжныя тюрьмы. Съ наивною, доходившею до остроумія, арестанты рассказывали послѣ, что Шестиглазый, какъ только явился, сейчасъ же потребовалъ у иностранца «пачпортъ».

— Вотъ молодчина-то! говорили про него не то съ насмѣшкой не то съ дѣйствительнымъ восхищеніемъ.

— Онъ никому не уважить. Онъ и самому губернатору, пожалуй, двадцать очковъ впередъ дастъ!

— Ну что-жъ, сказалъ Лучезаровъ послѣ нѣсколькихъ секундъ неловкаго молчанія, возвративъ старику его «пачпортъ»:—вы ужъ переговорили съ ними?

Старикъ, узнавъ отъ переводчика смыслъ вопроса кивнулъ го-

ловой въ знакъ согласія и началъ раздавать арестантамъ книги, спрашивая напередъ, грамотны они или нѣтъ. Но всѣ назывались грамотными, даже и тѣ, которые знали лишь азбуку. Послѣ этого посѣтителі отправились въ другіе номера, при чемъ при входѣ въ каждый изъ нихъ раздавалось оглушительное «смирно». Иностранцу, вѣроятно, не сильно понравилось проповѣдывать при такихъ условіяхъ. Онъ поспѣшилъ удалиться, а арестанты принялись со всѣхъ сторонъ судить и ридить его. Къ сожалѣнію, я не слышалъ среди этихъ сужденій ни одного слова о томъ, ради чего посѣтилъ онъ тюрьму и что говорилъ. Толковали о его внѣшности, объ одеждѣ.

— Вотъ такого-бъ гуся на дорогѣ встрѣтить, — бравировалъ Андрюшка поварь: — небось, съ одного-бъ слова все отдашь, что при емъ есть, и часы, и сюртукъ, и деньги!

— Деньжонки-то у него, надо быть, водятся, — подтверждали другіе.

— А чего-бъ ему стоило намъ десятку, другую подарить? На-те, молъ, ребята, за мое здоровье обѣдъ хорошій сварите. Скупой, видно.

Тяжело было слышать подобныя рѣчи, больно думать, что для такихъ именно результатовъ пріѣзжалъ за тысячи верстъ этотъ старикъ, быть можетъ, искренно вѣрившій въ святость и значеніе своей миссіи, отъ всего сердца любившій этихъ людей и мечтавшій заронить въ ихъ душевную тьму искру того божественнаго свѣта, которымъ горѣло собственное его сердце... Но кого было и винить съ другой стороны? На что негодовать?

Розданные арестантамъ евангелія въ большинствѣ получили, какъ водится, совсѣмъ не то назначеніе, какое имъ давалъ проповѣдникъ, и пошли на курево и на другія, еще болѣе низменныя потребности...

Наконецъ, наступилъ день, въ который ожидали пріѣзда губернатора. Съ ранняго утра надзиратели, нарядившіеся въ палахи, праздничные мундиры и бѣлыя перчатки, въ необыкновенномъ волненіи бѣгали по тюрьмѣ и раздавали арестантамъ свои распоряженія. Прежде всего опять приказали мыть и бросать охрой полы, накануне только что вымытые. Но когда ихъ вымыли, явилась невалъ забота: успѣютъ-ли они просохнуть? Раскрыли настежъ всѣ окна въ камерахъ и корридорахъ, всѣ двери... И все-таки волновались и ежеминутно бѣгали смотрѣть, какъ подвигается просушка. День былъ вѣтряный и пасмурный. Пообѣдали, отдохнули; все не было ни слуху, ни духу о губернаторѣ. Всѣ чувствовали себя утомленными отъ необычнаго душевнаго напряженія. Наконецъ, когда уже вернулись изъ рудника горные рабочіе, пролетѣлъ слухъ, что со станціи прискакалъ вѣстникъ:

— Ъдетъ!...

Все опять заволновалось и закопошилось. Но и послѣ этого

только черезъ полтора часа прѣхалъ губернаторъ, и тогда арестантамъ велѣли, наконецъ, собраться въ камеры, одѣться въ халаты и построиться... У воротъ, дѣйствительно, раздался оглушительный свистокъ, мы построились. Только самые бойкіе стояли еще въ корридорѣ и засматривали на дворъ, гдѣ должна была появиться начальствующая свита. Соглядатами отъ нашей камеры были Луньковъ и Петинъ. Оттуда приходили одна за другой «телеграммы». По первому извѣстію, губернаторъ былъ высокаго роста мужчина съ рыжей бородой и сердитымъ взглядомъ, по позднѣйшему — толстенькій и маленькій, чернявый... Такъ же противорѣчивы были телеграммы и о внѣшнемъ видѣ Шестиглазаго. Луньковъ сообщилъ, что онъ блѣденъ и ровно не въ себѣ, тянется передъ генераломъ и держитъ руку подъ козырекъ, что по всѣмъ признакамъ нагоняй большой получаетъ! Сохатый, влюбленный въ военную выpravку Лучезарова, утверждалъ, напротивъ, другое.

— Трещачь! Мараказъ паршивый! Чего врешь? Шестиглазый герой героемъ глядитъ. Развѣ видали гдѣ въ другомъ мѣстѣ такого артиста? Ему развѣ штабсъ-капитаномъ бы быть? Онъ за самого фельдмаршала сойти-бъ могъ!

— Губы еще не обошли у твоего Шестиглазаго. У насъ въ Воронежѣ одинъ частный есть: такъ за поясъ можетъ всѣхъ ихъ такихъ заткнуть! Усы, какъ смоль, черные, походка точно что геройская... А этоть жиромъ заплылъ!

— Волванъ, что ты понимаешь? Въ умѣ дѣло, а не въ рождѣ.

— А чѣмъ онъ уменъ, твой Шестиглазый?

— Тѣмъ, что въ страхѣ умѣетъ вашего брата держать, скидокъ лишаетъ, поретъ... Самого Бога не боится!

— Брось смѣяться! Это васъ, дешевыхъ, запугать онъ можетъ, а мы не испугаемся. Я вотъ жаловаться стану губернатору, а посмотримъ, какъ ты ни живъ, ни мертвъ стоять будешь.

— Болванъ!..

— Да бросьте вы, черти... Патоку когда вздумали тереть! Вѣдь придутъ сейчасъ.

Идутъ, идутъ! — кинулись со всѣхъ ногъ вѣстники, стоявшіе въ корридорѣ.

Всѣ построились, откашлялись, встали — точно аршинъ проглотили.

— Смир-рно!! скомандовалъ надзиратель, и въ камеру вошли: губернаторъ, его адъютантъ, завѣдующій каторгой, Лучезаровъ, исправникъ, прокуроръ и много другихъ лицъ высшаго и низшаго разбора. Губернаторъ оказался человѣкомъ средняго роста, пожилой, съ просѣдою въ бородѣ. Онъ обошелъ выстроившіеся ряды арестантовъ, пристально вглядываясь каждому въ лицо и, затѣмъ, повернувшись, спросилъ, нѣтъ-ли у кого просьбъ или претензій. Лучезаровъ указалъ на Петина и Сокольца.

— Что нужно? — спросилъ губернаторъ, подходя къ Сохатому.

— Ваше превосходительство, явите божескую милость.

— Какую именно?

— Отправьте на Сахалинъ.

— Это для чего-же?

Петинъ замолчалъ.

— Срокъ очень большой, ваше превосходительство, — вмѣшался Лучезаровъ: — такъ онъ надѣется, основываясь на арестантскихъ слухахъ, что тамъ сразу выпустятъ его на волю.

— Ты очень ошибаешься, дружокъ, — сказалъ губернаторъ: — законъ вездѣ одинаковъ. Да къ тому же я не знаю еще дѣйствующихъ порядковъ. Имѣю-ли я власть сдѣлать это? — обратился онъ къ заведующему каторгой: — какъ у васъ это дѣлается?

— Получаются время отъ времени затребованія, и тогда производится къ веснѣ выборка здороваго и годнаго народа. Обыкновенно же посылаются только забайкальскіе уроженцы.

— Вотъ видишь-ли, голубчикъ, — обратился губернаторъ къ Петину: — и сдѣлать-то это трудно. Впрочемъ, если будетъ требованіе...

— Ваше превосходительство, — заговорилъ внезапно Ногайцевъ, который не заявлялъ Лучезарову о своемъ желаніи говорить съ губернаторомъ. Бравый штабсъ-капитанъ даже вздрогнулъ отъ этой неожиданности и, насунивъ брови, поднялъ изумленное лицо.

— Ваше превосходительство, — храбро продолжалъ Ногайцевъ: — и меня тоже отправьте на Сахалинъ... Будьте такъ любезны... Окажите такую любезность...

— Оказать тебѣ любезность? Видите, чего захотѣли! — улыбулся губернаторъ, обращаясь къ свитѣ: — ну, почему-же ты хочешь на Сахалинъ? Почему онъ такъ любитъ васъ?

— Да такъ, ваше превосходительство. Чтобъ ужъ къ одному, значить, берегу пристать.

— То есть, какъ это къ одному берегу?

— Такъ. Кругомъ, значить, вода и некуда дѣться... Путаться бы ужъ пересталъ тогда по бѣлому свѣту.

— Путаться? Можно, и здѣсь оставаясь, бросить путанье. Кто еще что-нибудь имѣетъ?

Лучезаровъ указалъ на Сокольцева.

— Вотъ тоже на Сахалинъ просится... Ихъ полторыны такихъ наберется... Любятъ путешествовать!

— Ага! а каково ихъ поведеніе?

— Особенно дурного пока ничего нѣтъ, — покривилъ душой Лучезаровъ, метнувъ изъ-подъ очковъ взглядъ въ сторону арестантовъ.

— Больше никто ничего не имѣетъ заявить?

— Ваше превосходительство, — заговорилъ дѣтски-пискливый голосокъ Лунькова.

— Что такое?

— Изнуряютъ насъ здѣсь непосильной работой... взысканія несправедливыя налагаютъ...

— Въ чемъ дѣло, расскажи подробнѣе.

— Мы роемъ канаву..., Уроки очень большіе задаются... Я не могъ выработать... Меня лишили скидокъ и дали сто розогъ...

— Правда это? — обратился губернаторъ къ завѣдующему каторгой, положивъ въ то же время руку на плечо Лунькову. Что-то мягкое, сочувственное къ этому хорошенькому арестантнику, почти еще мальчику, мелькнуло, казалось, въ лицѣ стараго генерала.

— Онъ лжетъ, ваше превосходительство, — подскочилъ бравый штабсъ-капитанъ: — господину завѣдующему хорошо извѣстно, что онъ наказанъ не за плохую работу, а за оскорбленіе, нанесенное надзирателю.

Завѣдующій каторгой подтвердилъ эти слова.

Губернаторъ снялъ руку съ плеча Лунькова и спросилъ его:

— Затѣмъ же ты врешь, голубчикъ? Это нехорошо.

Опѣшавшій Луньковъ молчалъ. Губернаторъ, видимо недовольный, вышелъ вонъ, съ тѣмъ, чтобы направиться въ другія камеры.

Сожители мои сдвинулись въ одну кучу и принялись шопотомъ обсуждать случившееся. Луньковъ съ Петинимъ тотчасъ же поругались, начавъ критиковать одинъ другого. Петинъ обывалъ Лунькова болваномъ за то, что онъ не смѣлъ оправдаться.

— Какъ дошло до дѣла, и воды въ ротъ набрать! Точно обухомъ его по лбу стукнули! У, трепачъ, хвастунишка... Вотъ ужъ поплатишься теперь, маракавъ проклятый!

— Я-то маракавъ, а вотъ ты-то, Иркулесъ-великанъ, Со-ха-тый по прозванью, какъ ты-то не умѣлъ своего дѣла обсказать? Не могъ объяснить, затѣмъ на Сахалинъ просишься...

— Оселъ! Идіотъ! да затѣмъ мнѣ объяснять, коли за меня самъ начальникъ мазу держалъ? Ну, что! Согласенъ теперь, что штабсъ-капитанъ Лучезаровъ герой передъ ними всѣми? Какой это губернаторъ? Ни дородства, ни осанки, ничего... А у того, по крайней мѣрѣ, тѣла сколько! Румянецъ въ лицѣ... И развязность есть!

Споръ разгорался все жарче и жарче, начавъ переходить отъ шопота къ галдѣнью, когда пронесся наконецъ слухъ, что губернаторъ уже вышелъ изъ тюрьмы. Тогда всѣ кинулись изъ камеры въ корридоръ, гдѣ столпилась вся тюрьма и сообщались новости. Оказывалось, что въ каждомъ почти номерѣ просидѣли два-три человека на Сахалинъ, и что губернаторъ въ одномъ изъ нихъ сказалъ завѣдующему: «Что-жъ! отправьте ихъ къ веснѣ». Ликование было полное.

— А я слышалъ другое, — объявилъ вдругъ сапожникъ Звонаренко, по прозванью Кожаный Гвоздь, глава тюремныхъ вѣстниковъ: — я слышалъ, какъ завѣдующій сказалъ губернатору въ корридорѣ: «Врядъ-ли слѣдующей весной будетъ выборка». А онъ отвѣчалъ: «Пуцай надѣются! Чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, лишь бы

не плакало». Вотъ и надѣйтесь теперь, что отправятъ васъ на Сахалинъ!

Это извѣстіе подѣйствовало въ первую минуту на мечтателей, какъ ушатъ холодной воды; но такъ какъ вѣрить хотѣлось тому, что сулило какую-нибудь надежду въ жизни, а никакъ не тому, что было вѣрнѣе, то въ слѣдующую минуту общее негодование обрушилось уже на самого вѣстника. На несчастнаго Кожанаго Гвоздя, невѣстно за что, посыпалась такая отборная ругань, что онъ едва успѣвалъ отгрызаться. Дѣло чуть не кончилось дракой. Она прервана была новымъ извѣстіемъ, что Лунькова и Ногайцева повели въ карцеръ.

— Какъ? за что? Кто велѣлъ посадить?

— Шестиглазый. За неправильные и самовольные разговоры. Всѣ на мгновеніе онѣмѣли.

— Ну, теперь пропишетъ имъ Шестиглазый, думалось каждому:—будутъ помнить кузькину мать!..

XXXII.

Ночь.

Ночь. Уже прошло больше часа послѣ барабаннаго боя, всѣ разговоры давно замолкли, и сожители мои лежать въ повалку, кто на нарахъ, кто на полу, забывшись крѣпкимъ сномъ. Тишина мертвая и въ камерѣ и въ корридорахъ тюрьмы; изрѣдка только раздается чей-нибудь храпъ, кто-нибудь повернется на другой бокъ, проворчитъ или простонетъ во снѣ, брякнетъ кандалами,—и опять все тихо, какъ въ могилѣ... Лампа, висящая на стѣнѣ, запоетъ порою тонкимъ комаринымъ голосомъ—и тоже опять затихнетъ, точно сама испугавшись своего невѣрнаго пѣнія. Но я все еще бодрствую, одинъ среди множества живыхъ и распростертыхъ передо мною тѣлъ, и мучительная тоска постепенно овладѣваетъ моею душою, поднимаясь, какъ морской прибой, волна за волною, съ тихимъ, но все усиливающимся ворчаньемъ и ропотомъ...

— Здравствуй, знакомая гостыя, дитя тюремной безсонницы! Я знаю, что ты опять промучишь меня сегодня вплоть до утренняго разсвѣта, опять истерзаешь мои нервы, тѣло и душу! Мнѣнческій Протей! сколько у тебя измѣнчивыхъ формъ и образовъ, сколько орудій пытки. То это—мертващая скука,—чудовище съ ледяными объятіями и бездонными темными ямами вмѣсто глазъ; то чувство томительнаго одиночества, отъ котораго такъ хочется плакать, плакать и кричать, безъ надежды быть кѣмъ-нибудь услышаннымъ; то, наконецъ, страхъ, поднимающій волосы на головѣ и пробѣгающій морозомъ по всему тѣлу...

Мрачныя думы встаютъ одна за другою, неизвѣстно изъ какихъ глубинъ мозга, и длинной похоронной процессіей проходятъ передъ

моими глазами картины прошлаго, милого, дорогого прошлаго, которое воскресить невозможно. А страшное, тяжелое, проклятое прошлое, вѣчно живое, стоитъ безсмѣнно тутъ, у моего изголовья со всѣми своими ошибками, паденіями, обидами...

Однако... что за страшная галлюцинація? Гдѣ я? Какіе это трупы лежатъ возлѣ меня—и справа, и слѣва и тамъ, внизу, подъ ногами? Неужели я одинъ живой среди мертвыхъ? О, радость, кто-то изъ нихъ пошевелился... Значить, я не одинъ живой... Да, да, припоминаю... Стоить мнѣ крикнуть, не совладавъ съ своимъ ужаснымъ видѣніемъ,—и эти трупы вскочатъ на ноги, зазвенятъ оковами, заговорятъ, задвигаются, и улетятъ всѣ призракы ночи... Но зачѣмъ? Они вѣдь и живые мертвы для меня. Къ чему закрывать глаза на горькую правду? Я—одинъ. Одинъ, какъ челнокъ въ океанѣ, какъ былинака въ пустынѣ, одинъ, одинъ! Мнѣ нѣтъ здѣсь товарищей, какъ бы ни жалѣлъ я этихъ бѣдныхъ людей, какъ бы ни хотѣлъ перелить въ нихъ часть своего духа; нѣтъ сердца, которое билось бы въ тактъ моему сердцу, нѣтъ руки, на которую я довѣрчиво могъ бы опереться «въ минуту душевной невзгоды». О, горе, горе! съ кѣмъ я? Зачѣмъ попалъ я въ эту смрадную яму, надъ которой носится дыханіе разврата и преступленія?.. Что общаго между мною, который порывался къ свѣтлымъ небеснымъ высямъ, и міромъ низкихъ невѣждъ и корыстныхъ убійцъ? Да, кровь кругомъ, разбитые вдребезги черепа, перерѣзанныя горла, удушенныя шеи, прострѣленные груди... И надо всѣмъ витать тѣни погибшихъ, отыскивая своихъ убійцъ, отравляя ихъ сны черными видѣніями.

О, какъ изболѣла душа... Какъ усталъ я хранить видъ равнодушнаго философа! Какъ страстно хотѣлось бы отдохнуть на близкой, родимой груди! Имѣть возлѣ себя товарища,—хоть плохонькаго, хоть завалащенькаго, но способнаго думать тѣ же думы, ощущать тѣ же чувства... О, сколько говорили бы мы—

О Шиллерѣ, о славѣ, о любви!..

Всего два года, а какъ давно уже, кажется мнѣ, оторванъ я отъ того, чѣмъ живеть образованный міръ. Что случилось тамъ за это время? Быть можетъ, измѣнилась фізіономія всего политическаго міра...

Л. Мельшинъ.

БОРЦЫ.

Романъ.

XVIII.

— Ну, вотъ, я тебѣ говорилъ, что ты везешь меня въ какой то притонъ!—ворчалъ графъ, озираясь на темныя, грязныя улицы, по которымъ ѣхалъ извозчикъ,—посмотри пожалуйста! Отъ каждаго такого угла пахнетъ развратомъ, грабежомъ и убійствомъ! И вы, ваше общество бываетъ здѣсь?

— Да, иногда! Кто насъ здѣсь знаетъ? Всѣ эти улицы заселены простымъ, рабочимъ народомъ. Это очень удобно! Въ каретѣ... *incognito*...

— Рабочій народъ грабить, конечно, не станетъ, но посмотри на эти фizioноміи, почти на каждомъ углу. Этакой молодецъ давно ничѣмъ не занимается и ищетъ только удобнаго случая. Какъ называется учрежденіе?

— «Огненная земля»... Вонъ, видишь электрическій фонарь? Мы скоро придемъ.

— Хорошенькое названіе для такой трущобы! Посмотримъ, посмотримъ! Гм! «Огненная земля!»—бормоталъ графъ.

Извозчикъ остановился у входа въ садъ. Фосфорическій свѣтъ фонаря освѣщалъ широкія лужи и грязь, покрывавшія тротуаръ. Кучка людей въ пиджакахъ и картузахъ стояла у входа, щелкая подсолнухи. Изъ сада доносились звуки военнаго оркестра.

— Вотъ какъ!—воскликнулъ Никъ, пробѣгая афишу, сунутую ему въ руки услужливымъ «унтеромъ»,—мы попали на интересную вещь, дядя! Сегодня Самсоновъ борется съ новымъ атлетомъ.

— Другъ мой, все, что ты говоришь, для меня совершенно непонятно! Самсоновъ... кто такой Самсоновъ?

— Первый русскій силачъ, пользуется огромной популярностью. Войдемъ, однако, что же мы стоимъ.

Они вошли въ садъ и направились по главной, немного темной аллеѣ, выходившей на площадку, гдѣ были какъ бы

нарочно собраны всѣ увеселительныя приманки заведенія: и театр, обращенный къ площадѣ фасадомъ, и безпроигрышная лотерея, и два павильона. Густая толпа народа двигалась взадъ и впередъ по площадѣ и аллеямъ, сплошною стѣной стояла передъ кіоскомъ лотереи и наполняла оба пивныхъ павильона. Въ бесѣдкѣ, на возвышеніи, по всей вѣроятности на крышѣ какого нибудь погреба, игралъ военный оркестръ, а немного въ сторонѣ, въ танцевальномъ павильонѣ, черезъ толпу видно было, какъ прыгали головы танцовавшихъ. Музыка немного фальшивила, но это нисколько не мѣшало публикѣ чувствовать себя прекрасно, а танцорамъ выдѣлывать замысловатые прыжки. Въ недвижномъ, спокойномъ воздухѣ, подъ темнымъ, усыяннымъ звѣздами, небомъ стоялъ гулъ тысячной толпы, ревѣли трубы оркестра и откуда то издали слабо доносились визгливыя всхлипыванія гармоники.

— Странное... очень странное заведеніе!—пробормоталъ графъ, беря молодого человѣка подъ руку,—пойдемъ, осмотримъ все это.

Они свернули въ сторону, куда не достигалъ слабый электрическій свѣтъ съ площадки, и, въ полутьмѣ, шли къ балаганчику лилипутовъ. Тутъ тоже было много публики, изъ-подъ ногъ которой безпрестанно вывертывались дѣвочки-подростки въ коротенькихъ кофточкахъ и ситцевыхъ платкахъ на головѣ. Двѣ такія шли прямо на графа и Ника, не посторонились, какъ то ухарски толкнули графа въ бокъ и звонко разсмѣялись.

Графъ остановился пораженный.

— Послушай, Никъ, что же это такое?—заговорилъ онъ,—дѣтская шалость, или... зачѣмъ здѣсь дѣти?

— Шалость, конечно, но далеко не дѣтская!—отвѣчалъ тотъ.

— Что? И эти дѣвочки...

Графъ остановился, затрудняясь произнести должное слово.

— Ну, конечно!—разсмѣялся Никъ,—что это тебя такъ удивляетъ? Не вѣришь? Хочешь убѣдиться? Прослѣдимъ за дѣвочками и увидимъ ихъ кавалеровъ.

«Кавалеры» оказались по близости. Это были мальчики-подростки отъ 12 до 16, 17 лѣтъ въ блузахъ, рваныхъ пиджакахъ, многіе въ опоркахъ на босу ногу. Они стояли въ сторонѣ отъ дорожки, на травѣ, образуя кругъ и слѣдя за борьбою двухъ, находившихся въ центрѣ круга мальчиковъ. Въ моментъ появленія графа, мальчикъ побольше, въ рваной кацавейкѣ, повалилъ противника на траву и съ улыбающимся, торжествующимъ видомъ сѣлъ ему на голову. Зрители-мальчики криками привѣтствовали побѣдителя.

— Прочь! Что это за безобразіе!—воскликнулъ графъ, быстро подходя и стаскивая побѣдителя за его кацавейку.

— У насъ борьба!—простодушно отвѣчалъ побѣжденный, поднимая отъ земли красное, исцарапанное, но тѣмъ не менѣе весело улыбавшееся лицо.

— Какая борьба? Кто вамъ позволилъ? Что за безобразіе!—горячился старикъ.

— Васъ не спросили!—угрюмо произнесъ стоявшій въ сторонѣ подростокъ лѣтъ 17-ти.

— Пойдемъ, дядя! Не стоитъ! Наговорятъ дерзостей и больше ничего,—сказалъ Никъ, подъ руку увлекая дядю.

Свади дѣйствительно посыпались остроты, перемѣшанные съ бранью.

— Но это гадость, мерзость!—волновался графъ, — этого не нужно допускать! Гдѣ же полиція, чего она смотритъ?

— Полиціи здѣсь впору смотрѣть за взрослыми!—отвѣчалъ Никъ.

— Ахъ, какая гадость! Какая порча народа! Видишь, другъ мой, это все ваши! Вы ввели въ моду этотъ спортъ, но вѣдь вы только смотрите, какъ борются люди, а народъ поналъ по своему и люди начали калѣчить другъ друга.

— Дядя, но мы вовсе не думали и не думаемъ о народѣ!

— О, это я знаю! Бѣдный народъ, некому тебя научить ничему хорошему!

— Но, дядя, мы вовсе не призваны учить народъ...

— Да? Ты думаешь? Зачѣмъ же вы тогда называете себя образованными людьми, интеллигенціей?

— Странное дѣло, дядя! Потому, что я интеллигентъ,—я не могу позволить себѣ никакого развлеченія изъ боязни, что народъ перейметъ и у него выйдетъ безобразно, нелѣпо, даже вредно!—горячо возразилъ Никъ.

— Это софизмъ, другъ мой! И ты, и всѣ ваши отлично знаютъ, что состоятъ еще до сихъ поръ опекунами народа! Отчего народу не позволяютъ веселиться по своему, какъ онъ хочетъ, гоняютъ его изъ парковъ, садовъ, рабочему человѣку въ праздничный день не позволяютъ посидѣть гдѣ нибудь на травкѣ, на берегу рѣки?

— Я думаю потому, что это было бы безобразно!

— Ну а это... (Графъ остановился и обвелъ вокругъ рукою) это по твоему красиво, прилично? Что рабочій научится плясать кадрили, выучитъ пошлые куплеты, что поются здѣсь, будетъ смотрѣть развращающій водевилъ, гдѣ жена ставитъ рога мужу,—это хорошо? По моему лучше никакой опеки, нежели такая!

Графъ говорилъ громко, горячо жестикулируя, и началъ уже обращать на себя вниманіе публики.

— Лучше никакой культуры, нежели ея опивки!—про-

должалъ онъ,—въ народѣ есть здравый смыслъ, есть совѣсть, честь,—оставьте его, если не умѣете научить ничему доброму,—онъ выработаетъ себѣ культуру самъ!

— Дядя, отчего мы все ходимъ? Пойдемъ, сядемъ въ мѣста!—предложилъ Никъ съ цѣлью увести старика изъ круга прислушивавшейся къ его словамъ публики и тѣмъ предотвратить возможный скандалъ,—сейчасъ начнется представленіе!

— Мерзости! Жалкая пародія на Аркадіи и Акваріумы и вредъ, страшный вредъ!—ворчалъ старикъ, увлекаемый къ театру.

На сценѣ появился хоръ русскихъ пѣвицъ. Графъ слушалъ, смотрѣлъ по сторонамъ и гадливо пожималъ плечами.

— Не понимаю... не понимаю, что тутъ такого!—бормоталъ онъ,—чего эти люди смѣются? Никъ, если бы у меня были деньги, я бы далъ этимъ несчастнымъ дѣвушкамъ по пяти, по десяти рублей и попросилъ бы ихъ удалиться. Потому эти пѣсни? Какъ ты полагаешь, благопристойно это?

Хоръ пѣвицъ смѣнила «русская деревня». Очевидно, къ концу сезона «деревня» спилась до послѣдней степени. Орава мужчинъ, женщинъ и подростковъ выбѣжала на сцену съ гикомъ, толкаясь и даже, кажется, бранясь. Человѣкъ съ наметельникомъ былъ и теперь въ дребезги пьянъ; онъ чуть не сбѣгнулся драться съ запѣвалой, сѣлъ на обрубокъ, началъ икать въ хохотавшую публику, упалъ, и чья то рука въ солдатскомъ обшлагѣ, должно быть пожарнаго, высунувшись изъ за кулисы, увлекла его.

Графъ содрогнулся отъ этой сцены. Онъ всталъ и хотѣлъ уйти, но снисходя къ просьбамъ Ника, уцѣпившагося за его пальто, сѣлъ, отвернулся въ сторону и просидѣлъ весь «номеръ», ни разу не взглянувъ на сцену.

Наконецъ «деревня» удалилась, не вызвавъ особеннаго одобренія. Только въ заднихъ рядахъ долго еще хлопалъ одинъ мѣщанинъ, довольно оригинально, какъ по командѣ, поднимая обѣ ладони высоко надъ головой, быстро опускаая и поднимая снова.

— Мой бѣдный народъ!—услышалъ подлѣ себя Никъ не то шопотъ, не то вздохъ графа.

Онъ посмотрѣлъ на дядю, и ему показалась, что въ глазахъ того что-то блеститъ, будто слезы.

«Старикъ разстроился! подумалъ Никъ,—пожалуй, не слѣдовало его сюда приводить! Ну, да какъ нибудь до конца!»

На подмосткахъ явились два любимца публики,—куплетисты: Занозинъ и Погремушкинъ. Оба были одѣты въ лохмотья; у Занозина на головѣ торчала фуражка съ краснымъ околышемъ.

Графъ остановилъ взглядъ на куплетистахъ и сталъ слу-

пать. Эти были знаменитые куплеты «Бывало», но старикъ не вслушивался въ стихи и ловилъ только смыслъ. О, какъ это было ужасно, какъ жестоко било прямо по сердцу старика то, что они пѣли! И кто заставилъ ихъ пѣть эти грязные, унижительные куплеты? Купецъ Разуваевъ, толстосумъ, нажившійся за кабацкимъ прилавкомъ, открывшій вертепъ, въ которомъ развращаетъ народъ! И въ этомъ, пропитанномъ водкой и пивомъ вертепѣ, люди позволяли себѣ докладывать невѣжественной, испорченной «заведеніями» толпѣ о томъ, какъ кутили прежде дворяне, какъ бывало они на тройкахъ ѣздили въ Самаркандъ, а теперь какъ приходится имъ унижаться, просить подаенія... О, отчего, отчего же они не поютъ, какъ подло спавать народъ въ кабакахъ, обмѣривать и обвѣшивать, брать въ закладъ послѣднюю рухлядь бѣдняка, скупать имѣнія, вырубать лѣса, обсчитывать рабочихъ и кормить ихъ гнильемъ. Ничего такого не дѣлали дворяне, прожигавшіе жизнь и такъ жестоко, такъ дорого заплатившіе за свое увлеченіе. Въ ихъ же старыхъ, разоренныхъ гнѣздахъ поселились «добродѣтельные» Разуваевы и прижатый къ стѣнѣ судомъ и рублемъ мужикъ позналъ широкую купеческую натуру...

Графъ хотѣлъ встать и уйти, несмотря ни на что, ни на какія упрасивинья Ниеа: онъ уже сдѣлалъ движеніе, приподнялся, и вдругъ какъ то грузно, всѣмъ тѣломъ осѣлъ. Публика стояла повсюду стѣной, смѣялась, аплодировала и все требовала новаго и новаго повторенія куплетовъ. Казалось, ей было мало тѣхъ насмѣшекъ и униженій, которыя были въ пропѣтыхъ куплетахъ, и она требовала еще, какъ бы желая насладиться казнью.

— Казнь!—шепталъ графъ,—да, казнь до конца!.. Такъ нужно... и этого всего слѣдовало ожидать... Народъ не знаетъ искупленія, онъ или любитъ или казнить... сегодня меня, завтра этого купца... И тому придетъ своя очередь! Ничто, ничто не пропадаетъ на свѣтѣ,—ни одна капля слезъ!

Куплетисты ушли и вся толпа вдругъ, какъ одинъ человекъ, затихла. Сидѣвшій подлѣ графа и все время хохотавшій до слезъ человекъ въ картузѣ сдѣлался вдругъ серьезенъ и мраченъ. Какой то алчный огонекъ засвѣтился въ его широко открытыхъ глазахъ.

— Сейчасъ будетъ борьба-съ!—шепнулъ онъ, наклонясь къ старику.

— Что вы говорите?—спросилъ тотъ, не сразу отрываясь отъ думъ.

— Борьба будетъ сейчасъ!—захлебывающимся голосомъ повторилъ картузъ.

— Слышно, Чернухинъ большой силы человекъ!—отозвался

сидѣвшій съ другой стороны человекъ въ котелкѣ, съ серьгою въ ухѣ и черными, заскорузлыми кончиками пальцевъ.

— Чего-съ! вступился картузь, — Чернухинъ? Куда ему супротивъ Самсонова! Посмотрите, одна грудь чего стоитъ!

— Ноги тонки! съ сокрушеніемъ покачивая головой замѣтилъ котелокъ.

— Ничего не обозначаетъ-съ! опровергъ картузь, — возьмите то въ понятіе: ловкость, увертка эта самая-съ!

— Это вѣрно! шепнулъ въ затылокъ графа чей то голосъ и моментально распространилъ запахъ алкоголя, — ловкость... это самое... то-ись главное! Потому, какъ ни будь, то ись, силенъ человекъ...

— Оставьте! сердито махнулъ рукой котелокъ и, отвернувшись, прошепталъ: ишь дыхнулъ какъ... водищей!

Сзади и спереди, въ силошной толпѣ, кто шептался, кто говорилъ громко, нѣкоторые смѣялись. Вездѣ обсуждались шансы борцовъ. У всѣхъ въ глазахъ свѣтился тотъ же алчный огонекъ, какъ и у человека въ картузѣ. Женщины волновались не менѣе мужчинъ. Глаза всѣхъ были прикованы къ спущенной занавѣси, отдѣлявшей зрителей отъ того, что приготовлялось за сценой и чего такъ жадно жаждали сейчасъ вотъ, сію минуту, увидѣть всѣ.

— *Faitem et circenses!* шепнулъ, наклоняясь къ дядѣ, Никъ.

Старикъ только покачалъ головой.

Явились музыканты, и какъ только заиграли, всѣ ложи на противоположной сторонѣ наполнились публикой. Эта публика и костюмомъ и видомъ своимъ рѣзко отличалась отъ остальной. Никъ навелъ туда бинокль и поклонился двумъ изящнымъ молодымъ дѣвушкамъ, сидѣвшимъ съ тремя почтенными господами. Въ одной ложѣ, крайней, сидѣла брюнетка, въ памятный вечеръ «взявшая въ плѣнъ» Капитона, но на этотъ разъ не одна, а съ какимъ-то, убѣленнымъ сѣднями, сановитымъ старцемъ.

Музыка замолкла.

— Пора! — крикнулъ кто-то сзади и толпа, какъ какое чудовищное, тысячеголовое животное, сочувственно отвѣтила на этотъ вызовъ неяснымъ рокотомъ.

И опять все стихло. Слышно было какъ гдѣ-то; въ углу сада, тихо тиликала гармонія и грохоталъ силомѣръ, какъ за заборомъ «Огненной земли» дребезжали проѣзжавшія дрожки.

Занавѣсъ началъ подниматься. Толпа зрителей словно нагнулась впередъ, стало еще тѣснѣе.

Въ глубинѣ сцены, за длиннымъ столомъ сидѣли «судьи»; съ боковъ стояли какіе то господа, образуя кругъ. Въ этотъ кругъ, въ одно время справа и слѣва, вступили борцы. Появленіе Капитона въ его обычномъ, розовомъ трико было при-

вѣтствовало взрывомъ аплодисментовъ. Борецъ подошелъ къ авансценѣ и началъ раскланиваться. Аплодисменты продолжались. Казалось, публика хотѣла вдосталь насладиться видомъ своего любимца. А онъ стоялъ гордо, неподвижно, какъ античная статуя, и только наклоненіемъ головы выражалъ благодарность. Его великолѣпный торсъ съ широкой, приподнятой грудью массивными, словно отлитыми изъ чугуна мускулами рукъ и живота, легко и свободно держался на красивыхъ, съ немного узкою колѣнною чашкою, ногахъ.

Онъ взглянулъ въ ложу, гдѣ сидѣла бронеетка, слегка улыбнулся и, повернувшись къ противнику, тоже прекрасно сложенному человѣку немного выше его ростомъ, протянулъ ему руку. Совершивъ «salut», противники схватились «en garde», согнувшись голова къ головѣ, а затѣмъ выпрямились и отскочили другъ отъ друга. Приѣмъ Чернухина—измять мускулы противника съ цѣлью ихъ ослабленія—не удался. Нужно было готовиться къ болѣе серьезной борьбѣ, тѣмъ болѣе, что Капитонъ въ слѣдовавшей затѣмъ схваткѣ, употребилъ свой излюбленный приѣмъ—«ceinture de derrière». Благодаря, однако, высокому росту и длиннымъ рукамъ Чернухина, приѣмъ этотъ не удался. Чернухинъ закинулъ руки за спину Капитона, опрокинулся вмѣстѣ съ нимъ, сдѣлалъ «front» и оба снова отскочили другъ отъ друга.

Эти постоянныя отскакиванья, перебрасыванья черезъ себя, схватыванья другъ друга за голову, на графа, невидавшаго никогда борьбы, производили непріятное, отталкивающее впечатлѣніе. Ему казалось, что эта,—въ сущности самая разумная, основанная на цѣломъ рядѣ правилъ—французская борьба, есть ни болѣе, ни менѣе, какъ соревнованіе въ хитрости и лукавствѣ, словомъ, что-то такое, что напоминало поединокъ котовъ. Ни приѣмы, ни самая быстрота нападеній не нравились ему. Онъ, напримѣръ, совершенно недоумѣвалъ, затѣмъ Капитонъ произвольно становился на четвереньки, а его противникъ старался отнять одну изъ его рукъ отъ пола; увидя Чернухина лежавшимъ на полу, онъ думалъ, что борьба окончена, а между тѣмъ тотъ вскакивалъ и поединокъ продолжался.

Кромѣ того, ему вообще было какъ то не по себѣ. Его угнетала эта страшная масса, казавшихся ему дикими, людей, что сгрудилась плотную, воедино позади него и, казалось, сдавала его своимъ горячимъ, лихорадочнымъ дыханіемъ. Прошло десять минутъ послѣ первой схватки и съ каждой, слѣдовавшей затѣмъ секундой, графъ чувствовалъ, какъ та мелкая, нервная дрожь, которая явилась у него въ началѣ борьбы только въ подбородкѣ—быстро распространялась по всему тѣлу. Онъ весь дрожалъ какъ въ лихорадкѣ, не понимая при-

чины этой дрожи, такъ смутны были его ощущенія. Возмущалась ли его нѣжная, благовоспитанная натура видомъ борьбы двухъ, казавшихся голыми, людей, дѣйствовалъ ли на него непріятно цинизмъ нѣкоторыхъ положеній, или ему было жаль борцовъ и онъ скорбѣлъ и негодовалъ за *человѣка*,—графъ, какъ ни напрягалъ свой мыслительный аппаратъ,—не могъ дать себѣ яснаго отчета. Онъ сидѣлъ какъ пригвожденный къ стулу, исподлобья слѣдилъ за борьбой и былъ, несомнѣнно, самый несчастнѣйшій изъ всѣхъ, находившихся здѣсь.

А борцы дѣлали свое дѣло. Оба «работали» одинаково усердно, съ одинаковыми ловкостью и быстротою, съ одинаковымъ шансомъ на успѣхъ; именно работали, дѣлая всѣ приемы съ изумительной точностью какъ опытные рабочіе, исполняющіе свой урокъ. Особенно хорошо вышелъ у Капитона «*tour de tête*». Противникъ схватилъ его сзади, онъ обѣими руками, закинутыми назадъ, быстро сцѣпилъ Чернухина за голову, быстро опустился на колѣно и, хотя тотъ держалъ его за животъ, положилъ его на полъ; но тотъ во время успѣлъ сдѣлать «*роупъ*» и вывернулся. Возбужденіе публики достигло высочайшихъ степеней. Всѣ видѣли, что съ Чернухинымъ не такъ то легко сладить, что пожалуй онъ «побьетъ рекордъ» и слава Капитона затмится. Въ заднихъ рядахъ всѣ уже давно стояли, вытянувъ впередъ головы, обдавая другъ друга горячимъ, возбужденнымъ дыханіемъ, мужчины и женщины безъ разбора. Отъ обоихъ павильоновъ, гдѣ публика вначалѣ смотрѣла борьбу съ комфортомъ, за чаемъ и напитками, неслись восклицанія подвыпившихъ субъектовъ:

- Самсоновъ, наддай!
- Чернухинъ, не робѣй!
- Такъ, такъ его! Вертани! Эхъ, молодца! Люблю!
- Эхъ, братъ, оплошалъ!
- Смотри, смотри, какъ перекувырнулся!
- Самсоновъ—ура!

За столиками уже происходилъ невообразимый кавардакъ. Тутъ почти никто не сидѣлъ, всѣ стояли, опираясь другъ другу на плечи, нѣкоторые забрались на стулья, даже на столики, опрокидывая бутылки, разбивая посуду. Затертые въ толпѣ слуги имѣли крайне смущенный, безпомощный видъ. Отсюда больше всего неслось криковъ и поощреній борцамъ.

А тѣ все еще боролись, и оба съ одинаковой быстротой и силой. Казалось, ничто не могло утомить ихъ, даже дыханіе обоихъ не было особенно тяжело, порою кто-нибудь отдыхалъ, стоя на четверенькахъ, но это продолжалось всего нѣсколько секундъ, и борьба возобновлялась съ новой энергіей. И ни одинъ изъ нихъ, втеченіе всей этой, порядкомъ затянувшейся борьбы, не забывалъ правилъ, и судьи, которымъ вообще всегда очень

трудно слѣдить за исполненіемъ ихъ, были, пожалуй, излишни. Они какъ будто забыли свое назначеніе, просто, какъ зрители, слѣдя за борьбой. Въ этой борьбѣ интересы двухъ борцовъ были поставлены на карту: одинъ боролся за сохраненіе достигнутыхъ уже имъ извѣстности и славы, — другой оспаривалъ и ту и другую для себя. Тысячная толпа понимала это и тѣшилась зрѣлищемъ борьбы. Вѣчно алчущая видѣть и прославлять однихъ побѣдителей, она, эта измѣнчивая въ своихъ симпатіяхъ толпа, готова была въ одну минуту сорвать ореолъ славы съ головы своего всегдашняго любимца и покрыть имъ его счастливаго соперника.

Графъ уже не могъ смотрѣть на лица борцовъ, а смотрѣлъ на ихъ упругіе, переплетавшіеся между собою мускулы. Ему казалось, что на лицахъ борцовъ должны были отражаться ихъ внутреннія ощущенія, что эти лица должны быть искажены злобой, завистью, боязнью.

Дрожь не унималась, наоборотъ, теперь она уже овладѣла всѣмъ тѣломъ графа; зубы его стучали и онъ нарочно, до боли въ челюстяхъ, сжималъ ихъ, голова кружилась и горѣла, во рту пересохло, нервные спазмы сжимали горло.

«Борьба... во всемъ, вездѣ борьба,—думалъ графъ,—и вотъ ея иллюстрація, ея грубое, реальное воплощеніе! Сама жизнь есть борьба ужасная, тяжелая... И въ моей жизни она была, и я оказался побѣжденнымъ, униженнымъ, раздавленнымъ!».

— Долгонько-съ борятся! — шепнуть, наклонившись къ графу, картузъ,—что нибудь да будетъ!

— А что-же?

— Да ужъ!—неопредѣленно махнулъ рукою картузъ.

— Чернухинъ побѣдитъ!—громко и безапелляціонно замѣтилъ котелокъ.

Это заявленіе было такъ непривычно-странно для всѣхъ, что многіе оглянулись. «Неужели Чернухинъ?» промелькнуло въ глазахъ нѣсколькихъ человѣкъ.

— Ну да! Гдѣ ему!—раздался чей-то неувѣренный голосъ.

— Смотрите-съ, смотрите!—воскликнулъ картузъ, наклоняясь къ графу,—какъ его Чернухинъ-то захватилъ! Теперь пабашъ, не выпустить!

Это былъ одинъ изъ высоко интересныхъ моментовъ борьбы, такъ называемый «tour de hanche à terre».

Чернухинъ лежалъ, упираясь колѣнями и лѣвою рукою въ полъ; правою онъ крѣпко схватилъ голову Капитона, лежавшаго на его спинѣ, поперекъ. Казалось, еще одинъ моментъ и Капитонъ, перевернувшись, долженъ лечь на спину. Тотъ, дѣйствительно, перевернулся и сдѣлалъ «pont». Противникъ все еще держалъ его за голову, но это продолжалось

всего нѣсколько секундъ. Капитонъ ловко подsunулъ ему руку подъ плечо и отбросилъ отъ себя.

Толпа апплодировала какъ одинъ человѣкъ; но это были короткіе, спѣшные апплодисменты,—всѣ съ нетерпѣніемъ ждали конца.

— Они меня измучили болѣе нежели самихъ себя!—замѣтилъ Никъ по французски старику,—знаешь, дядя, страшный, страшный захватъ! О если бы ты зналъ...

Тотъ взглянулъ на него. Онъ былъ блѣденъ, глаза горѣли, ноздри расширились, и его тоже, кажется, трепала лихорадка.

Борцы снова сошлись. Лица ихъ были красны, какъ при опьяненіи; на свѣжестъ, ночью воздухъ видно было, какъ изъ ихъ ртовъ струйками вылетаетъ паръ. Но сила и ловкость не покидали обоихъ.

Въ этой борьбѣ двухъ человѣкъ равной силы и почти одинаковаго роста трудно было рѣшить, кто будетъ побѣжденъ, и зрители съ замираніемъ сердца слѣдили за движеніями обоихъ.

Чернухинъ попробовалъ сдѣлать «collier», схвативъ обѣими руками за шею противника, но когда онъ сталъ на колѣни, чтобы положить Капитона, тотъ, упершись обѣими руками въ его бока и поставивъ вверхъ ногами свое тѣло вертикально, тотчасъ сдѣлалъ «pont», послѣ котораго ему не стоило большихъ усилій встать на четвереньки съ цѣлью отдохнуть. Чернухинъ тотчасъ снова напалъ на него. Желая употребить приѣмъ, называемый «tour de tête à genoux», онъ всталъ на колѣни; правою рукою подцѣпилъ противника подъ его правую руку, которую и положилъ ему на шею, а лѣвою старался схватить лѣвую руку противника, съ цѣлью лишить его точки опоры и опрокинуть на спину. Въ слѣдующій затѣмъ моментъ ему удалось повернуть Капитона на одинъ бокъ; теперь ему нужно было только окончательно лишить противника той слабой точки опоры, которая была въ его, лежавшей на полу и поддерживавшей тѣло лѣвой рукъ, но вмѣсто того, чтобы оттянуть эту руку и такимъ образомъ повернуть сильно вытянутое, напряженное тѣло противника на полъ, Чернухинъ перемѣстилъ центръ тяжести собственного тѣла и, очевидно, не рассчитывая вытащить руки Капитона или забывши правило, всей тяжестью налегъ на его животъ.

Передніе ряды зрителей слышали слабый стонъ; противникъ Чернухина лежалъ на полу, все еще имѣя подъ собою свою лѣвую руку, вершка на два не касаясь правымъ плечомъ пола, не падалъ и не поднимался, а Чернухинъ, смущенный, растерянный стоялъ передъ нимъ на колѣняхъ.

Въ первую минуту публика недоумѣвала, но когда Чернухинъ всталъ съ колѣнъ и отошелъ, вниманіе, съ которымъ зри-

тели слѣдили за борьбой, и недоумѣніе смѣнилось взрывомъ какого то бѣшеннаго восторга и толпа неистово заревѣла.

— Браво! Ура, Чернухинъ!—кричали одни.

— Самсоновъ, bravo!

— Борьба не кончена! Кончайте борьбу! протестовали сзади.

— Кончайте борьбу!

— Кончайте же! Мы деньги заплатили!

Изъ всѣхъ рядовъ публики бурной и грозной волною прихлынула къ сценѣ. Многіе въ страшномъ раздраженіи, потрясая зонтиками и палками, вытаращивъ глаза, брызгая слюной, кричали о чемъ то, чего въ шумѣ нельзя было разобрать. Мальчишки гикали и свистали. На сценѣ судьи окружили лежавшаго Капитона и начали его поднимать.

— Продолжайте борьбу! Мы требуемъ!—ревѣла толпа.

— Борьба неправильная!

— Не кончена борьба! Пусть лежитъ! Оставьте!

— Деньги назадъ! У-гу-гу!

Подъ ревъ толпы, гиканье, ругательства, свистки, опустился занавѣсъ. Но это еще пуще раздражило публику: она плотно стояла у подмостковъ, жестикулируя, крича, угрожая, требуя борцовъ. Болѣе благоразумные, желавшіе удалиться, обезсиленные, затертые въ массѣ, не могли этого сдѣлать.

— Что то случилось съ Самсоновымъ! Пойду узнаю! — наскоро бросилъ старику Никъ и исчезъ.

— Что случилось? Что случилось!—подхватили ближайшіе и вѣсть, что съ однимъ борцомъ произошло несчастіе, облетѣла въ одно мгновеніе весь садъ.

— Самсонова, Самсонова!—ревѣла толпа, — подавай Самсонова!

Занавѣсъ поднялся, вышелъ Чернухинъ.

— Чернухинъ, bravo, ура!

— Прочь Чернухина! Самсонова давай! Самсоновъ ура!

— Борьба не кончена! Неправильная борьба!

— Деньги назадъ!

Чернухинъ, смущенный, удалился. вмѣсто него вышелъ блѣдный, растерявшійся распорядитель. Толпа на минуту стихла. Распорядитель началъ говорить, но ничего нельзя было разобрать, да и никто не хотѣлъ его слушать.

Толпа только сдѣлала маленькую передышку, чтобы снова бѣсноваться.

— Самсонова, Самсонова!

— Подавай Самсонова!

— Живого или мертваго—под-авай! — выдѣлился чей то голосъ.

— Распорядителя, Самсонова! Деньги назадъ!

Вдругъ подъ дикій акомпаниментъ криковъ откуда то въ

занавѣсь полетѣлъ цвѣточный горшокъ, за нимъ другой, потомъ комья земли. Что то затрепало въ рядахъ,—соломенный стулъ взметнулся въ воздухъ, ударился въ суфлерскую будку и разлетѣлся на куски; моментально потухли огни, послышались женскіе визги. Въ темнотѣ толпа, подобно многоголовому, многоногому чудовищу, ревѣла и ворочалась, то волною приливая къ сценѣ, то отхлынивая, то вздымаясь на скамьи и перила, и опускаясь, и снова подымаясь...

Ожидая возвращенія Ника, графъ рѣшился не покидать своего мѣста, но не прошло и пяти минутъ, какъ все вокругъ сдвинулось, перепуталось, толпа оттѣснила старика съ его стуломъ далеко отъ сцены, прижала къ периламъ, сломала спинку у стула, и графъ, испуганный, безпомощный, съ подгибающимися колѣнными очутился въ самой серединѣ водоворота.

— Полиція идетъ!—пронеслось въ толпѣ.

Отъ сцены, сверкая значками шапокъ и эфесами пашекъ, надвигался отрядъ полицейскихъ. Толпа шарахнулась на площадку, но тамъ встрѣтилъ ее другой отрядъ и оттѣснилъ въ заднюю аллею, гдѣ предусмотрительный Спиридонъ Поликарповичъ устроилъ широкія ворота въ темный переулочекъ. Въ эти ворота, теперь открытыя, и повалила толпа, по инерціи увлекая съ собою графа. Когда послѣдній изъ толпы очутился за воротами, городовые быстро закрыли ихъ на засовъ.

Въ темнотѣ, слабо освѣщавшейся чуть брезжившимъ фонаремъ, возбужденіе толпы сразу упало и она, перебрасываясь шутками, начала расходиться.

— Ловко, нечего сказать!—слышались возгласы.

— Да ужъ, братъ, на то взять!

— Выперли!

— Очинно просто!

— Сенька, двинемъ въ «Отраду»?

— Поздно, черти!

— Ахъ, дуй те горой!

— Слѣдовало бы этого самого... хорошенько!

— Кого?

— А этого... какъ его...

— Самъ не знаешь! Чортъ!

— А Самсоновъ, братцы, сдалъ.

— Сдашь, коли кнѣзю попортилъ!

— Ну, чтожъ, ребята, по домамъ, что-ли?

— По домамъ, такъ по домамъ!

XIX.

Увлеченный водоворотомъ толпы въ переулочекъ, графъ долго стоялъ, прислонившись къ стѣнѣ какого то дома, не бу-

лучи въ состояніи отдать себѣ отчетъ, гдѣ онъ и что съ нимъ. Мимо него мелькали человѣческія фигуры, въ ухахъ раздавались топотъ удалявшихся, восклицанія, смѣхъ, но все это было какъ во снѣ. Яснѣ всего онъ ощущалъ непривычное, сильное біеніе сердца и странную слабость во всемъ тѣлѣ, не позволявшую отойти отъ стѣны.

Были моменты, когда ему казалось, что все, что онъ видѣлъ и слышалъ тамъ, въ саду,—дикая, животная борьба двухъ человѣкъ, отношеніе къ этой борьбѣ зрителей, плотоядное выраженіе ихъ возбужденныхъ лицъ, ихъ крики, ихъ буйство, и даже самое нахожденіе его, одинокого, въ этомъ глухомъ, темномъ переулкѣ,—ничто иное какъ сонъ. Но онъ видѣлъ живыхъ, проходившихъ мимо него людей, ощущалъ штукатурку стѣны, о которую опирался,—вотъ проѣхалъ извозчикъ, вотъ приближается медленно дворникъ въ овчинномъ тулупѣ, вотъ, наконецъ, изъ-за длиннаго облака выплыла луна и отбросила тѣнь отъ его собственной фигуры,—и старикъ убѣждался, что все пережитое и перечувствованное имъ—одна дѣйствительность.

Ужасная дѣйствительность! Этотъ народъ, который графъ, въ припадкѣ неизъяснимой нѣжности называлъ «своимъ» народомъ, превратился вдругъ въ звѣря! Эти люди, въ близкомъ общеніи съ которыми старикъ прожилъ послѣднія двадцать лѣтъ своей жизни, эти бѣдные, тихіе, забытые нуждою люди, такъ сердечно всегда относившіеся къ бѣдѣ и страданьямъ ближняго, всегда помогавшіе другъ другу и словомъ, и дѣломъ,—въ поверженномъ борцѣ не узнали своего ближняго, не узнали *человѣка* и съ грубымъ неистовствомъ требовали, чтобы онъ былъ добитъ. Гдѣ же разгада: такого безчеловѣчнаго отношенія къ ближнему? Не лежитъ ли она въ самыхъ этихъ, противныхъ человѣческому достоинству, зрѣлищахъ въ этихъ бояхъ и спортсменскихъ упражненіяхъ, гдѣ человѣкъ, съ его непомѣрно развитой мускулатурой и машино-подобными ногами, уподобляется животному, манекену со скрытымъ внутри двигательнымъ механизмомъ? И въ этихъ крикахъ толпы: «кончай борьбу, раздави, уничтожь его!» не слышится ли инстинктивно протестъ духовной природы человѣка противъ тѣхъ, кто развилъ въ себѣ только физическую силу, могущественную на видъ, но обреченную на недолгое существованіе?

— Господинъ, подвезти, что ли?—крикнулъ графу проѣзжавшій извозчикъ.

Старикъ сдѣлалъ движеніе отъ стѣны. Извозчикъ остановился.

— Пожалуйте, господинъ.

— На Петербургскую!—чуть слышно пробормоталъ графъ.

— Въ какую улицу?

— Плуталову.

— Шесть гривенъ положьте!

Старикъ молча сѣлъ въ пролетку и безпомощно откинулся къ спинкѣ сидѣнія. Извозчикъ дернулъ возжами.

Слабость, овладѣвшая старикомъ, не уменьшалась. Были моменты, когда онъ чувствовалъ, что начинаетъ терять сознание, но онъ дѣлалъ надъ собой неимоверныя усилія, смотрѣлъ на дома, на выѣски, старался думать о чемънибудь постороннемъ, простомъ, что попадалось на глаза, и ему удавалось преодолевать слабость.

Старикъ понималъ, что это состояніе, которое онъ испытывалъ теперь, есть состояніе болѣзненное, — не даромъ у него такъ сильно билось сердце и ощущеніе безпредметной тоски все росло и ширилось. Онъ зналъ и причину, вызвавшую эти явленія, — волненіе, противъ котораго его уже давно предостерегали врачи. Это волненіе могло убить его сейчасъ, въ каждую минуту, и графъ думалъ только объ одномъ, какъ бы поскорѣй добраться домой.

А извозикъ, какъ нарочно, ѣхалъ очень медленно и путь былъ не близокъ.

— Да поѣзжай ты, ради Бога, скорѣй! — болѣзненно выкрикивалъ старикъ, хватаясь за бока.

Извозчикъ выпрямлялъ голову (онъ спалъ, и ему снилось, что хозяинъ будить его, приказывая запрягать), дергалъ возжами и черезъ минуту снова опускалъ голову на грудь.

«Боже мой, Боже мой!» думалъ графъ, «какъ бы мнѣ поскорѣе хотѣлось быть дома».

Помимо воли онъ съ тоскою и нѣжностью вспоминалъ о Маланѣ Осиповнѣ, и это ему казалось чѣмъ-то роковымъ. Десять лѣтъ онъ прожилъ у этой бывшей извозопромышленницы и отношенія между ними были очень странныя. Старикъ иначе не относился къ ней, да и вообще ко всему его окружавшему, какъ юмористически, и ничто не могло его сбить съ этого тона. Какихъ только эпитетовъ не давалъ онъ добродушной, толстой женщинѣ, издѣвался надъ ея толщиной и любовью поѣсть, выпучивалъ ея чисто деревенское невѣжество и въ то же время цѣнилъ ея доброту и заботы о немъ. Маланья Осиповна въ свою очередь не оставалась въ долгу, въ глаза называла графа «сумасшедшимъ старикомъ», бранилась, въ раздраженіи била посуду, но была, какъ говорится, «отходчива», и черезъ нѣсколько минутъ послѣ перепалки, въ которой грозились «согнать со двора стараго чорта», со свирѣпостью въ лицѣ приносила въ комнату графа стаканъ кофе. Не проходило дня, чтобы между ними не затѣвалось ссоры и брани, но стоило Маланѣ Осиповнѣ, обѣявшись соленой осе-

триной, лечь въ постель и начать охать, старикъ уже мчался за докторомъ, въ аптеку, самъ приготавливалъ горчичники.

И вотъ теперь Маланья Осиповна не выходила у него изъ головы, и онъ чуть ли не черезъ каждыя двѣ, три минуты будилъ и торопилъ извозчика.

Надоѣло ли послѣднему дремать и ничего болѣе интереснаго не видѣть кромѣ хозяина, яслей, сарая, да извозицѣй «матки», нарѣзавшей огромные ломти хлѣба, или совѣсть зазрила парня, да и старичокъ ужъ очень тревожился,—неизвѣстно, толико извозчикъ вдругъ пріободрился, выпрямился на козлахъ и такъ энергично и настойчиво повелъ себя съ клячей, что та, вспомнивъ свою молодость, пустилась чуть не вскачь.

Громкое дребезжанье пролетки встревожило покой Плуталовой улицы; нехотя, сквозь сладкій сонъ, она отвѣтила на него сильнымъ лаемъ нѣсколькихъ дворовыхъ псовъ да раннимъ пѣніемъ пѣтуха и снова погрузилась въ дремоту.

Графъ съ трудомъ сошелъ съ пролетки, отдалъ извознику всѣ, имѣвшіяся у него деньги, разбудилъ спавшаго у воротъ мальчишку—дворника Петьку и побрелъ по пустынному двору къ зеленому домику. Старикъ шелъ домой почти наобумъ—все кружилось и плясало вокругъ него и ему казалось, что у него точно чужія ноги. У крыльца что то съ легкимъ, радостнымъ визгомъ бросилось ему на грудь, что то теплое, мокрое коснулось его руки,—старикъ съ трудомъ могъ сообразить, что то было привѣтствіе его вѣрнаго Сбогара,—и, ухватившись за проволоку звонка, дернулъ разъ, другой.

За дверью раздалось тяжелое, мягкое шлепанье, посыпались сопѣнье, голосъ, съ просонковъ пробормотавшій «шатуны окаянные» и еще что то нелестное для старика, громыхнуло крякъ и на порогъ обнаружилась съ лампочкой въ рукахъ дебелая фигура Маланьи Осиповны въ откровенномъ, хотя и мало-соблазнительнымъ дежабиле.

— Ишь шатунъ! Людямъ спать не даетъ!—грубо привѣтствовала Маланья Осиповна своего жильца и вдругъ отшатнулась,—Господи, что это съ вами?

Графъ съ бѣлымъ, какъ мѣлъ, лицомъ стоялъ, держась обѣими руками за притолоку.

— Мнѣ дурно, Маланья Осиповна!..—безсвязно, заплетавшимся языкомъ пробормоталъ старикъ и покачнулся...

Уже лежа на своемъ диванѣ, заботливо обложенный подушками, съ мокрымъ полотенцемъ на головѣ, старикъ, послѣ обморока, пришелъ въ себя и попросилъ:

— Пошлите за Никитой Ивановичемъ... Петьку!...

Бѣлый разсвѣтъ брезжить въ оконце комнаты графа. Съ

необычайной строгостью, даже суровостью на лицѣ, въ скрутокѣ и чистой крахмальной сорочкѣ, Никита Иванычъ сидитъ и наблюдаетъ странныя движенія на лицѣ лежащаго пластомъ старика. Глаза графа закрыты, но вѣки дрожатъ и подергиваются, подергиваются лѣвая щека и концы губъ. Тутъ цѣлая гамма выраженій, но даже Никита Иванычъ понимаетъ, что выраженія эти не настоящія, не тѣ, какія бываютъ у нормальнаго, здороваго человѣка, по собственному желанію изображающаго и гнѣвъ, и удовольствіе, и страданіе, и смѣхъ. Нѣтъ, тутъ все безпорядочно, все перемѣшано въ какомъ то хаосѣ: улыбка похожа на страданіе, удовольствіе на отвращеніе. Тутъ воля человѣка отсутствуетъ совершенно, и человѣкъ превращенъ въ паяца, котораго зря и некстати кто то дергаетъ за шнурокъ.

Этотъ «кто-то» надо полагать скоро кончитъ свою недостойную забаву; объ этомъ знаетъ врачъ, все время принимающій, для очистки совѣсти, медицинскія мѣры, но объ этомъ также знаетъ Никита Иванычъ, принявшій «свои» мѣры и уславшій Маланью Осиповну за священникомъ.

Терпѣливо и съ благоговѣніемъ Никита Иванычъ ждетъ прибытія послѣдняго. Все лишнее, житейское, все, что въ ночномъ переполохѣ было натаскано и разбросано по комнатамъ Маланьей Осиповной—Никита Иванычъ толково, не спѣша, прибралъ и удалилъ, приготовилъ для священника кресло и все необходимое и облекъ умирающаго въ чистое бѣлье.

И теперь Никита Иванычъ ждетъ.

Разсвѣтъ все шире и шире. Вотъ ужъ и совсѣмъ стало свѣтло. Равнодушные олеандры и герани спятъ во всей красѣ на окнѣ; по двору уже бродятъ вороны, какой то пьяный мастеровой остановился въ воротахъ, досталъ изъ штановъ деньги, сосчиталъ и, счастливый, весело ушелъ.

Кто то слегка повизгиваетъ и царапается у крыльца. Это Сбогаръ, подвергнутый строгому остракизму въ виду ожидаемаго прихода батюшки.

Конвульсивныя движенія въ лицѣ постепенно прекращаются, умирающій открываетъ глаза и смотритъ на Разсудова благодарнымъ взглядомъ.

«Славу Богу!» думаетъ Никита Иванычъ, «въ себя пришелъ! Можетъ и обойдется? Теперь бы какъ разъ батюшку».

Взглядъ умирающаго выражаетъ мольбу; онъ силится что то сказать, но издаетъ одни невнятные звуки.

— Лучше вамъ, ваше сіятельство?—наклонившись, спрашиваетъ Никита Иванычъ.

Глаза остаются безучастными.

— Не нужно ли вамъ чего? спрашиваетъ Никита Иванычъ.

— Да, да!—съ живостью отвѣчаютъ глаза.

— Попить, можетъ, хотите?—предлагаетъ Разсудовъ стаканъ съ водою.

Глаза пребываютъ неподвижными.

— Батюшку... священника, можетъ хотите? Послали, сейчасъ придетъ.

Никакого отвѣта. Но черезъ минуту глаза скашиваются на этажерку, стоящую подлѣ дивана, останавливаются на Никитѣ Иванычѣ, потомъ снова скашиваются туда же.

— Подать вамъ что?—Никита Иванычъ смотритъ на этажерку съ истрепанными книгами, видитъ на верхней полкѣ маленькую шкатулочку, изъ тѣхъ, что продаютъ на вербахъ, и спрашиваетъ:—шкатулочку подать?

— О, да, да!—отвѣчаютъ глаза.

Никита Иванычъ беретъ шкатулку съ торчащимъ изъ замочной скважины ключикомъ и, въ недоумѣніи, держитъ ея нѣкоторое время въ рукахъ.

«Какъ же это подать,—думаетъ онъ,—если у него руки, какъ плети, не поднимаются? И почему это занеболѣла ему шкатулочка? Достать изъ нея хочетъ что, что-ли?»

Глаза графа внимательно, съ напряженіемъ слѣдятъ за руками Никиты Иваныча.

— Открыть, ваше сіятельство? Достать что? — неувѣренно спрашиваетъ тотъ.

— Открыть, открыты!—отвѣчаютъ глаза.

Никита Иванычъ берется за ключикъ и внезапная мысль, какъ откровеніе, озаряетъ голову,—мысль совершенно въ духѣ и въ натурѣ Никиты Иваныча,—старикъ спряталъ въ шкатулку грешницу, чтобы заплатить священнику! Это ясно! Никита Иванычъ открываетъ шкатулку и находитъ небольшой бумажный сверточекъ. Онъ беретъ его въ руки,—тяжелъ. Должно быть золотой!—думаетъ Никита Иванычъ, не рѣшаясь развернуть бумажки.

Но глаза старика настойчиво требуютъ этого. Тогда Разсудовъ медленно разворачиваетъ бумажку, на которой написано нѣсколько строкъ, и находитъ золотой, съ эмалью медальонъ.

«Вотъ такъ штука!—думаетъ Никита Иванычъ,—тутъ что-то не то! Прочитать развѣ?»

Онъ смотритъ на графа, и спрашиваетъ:

— Прикажете прочитать, ваше сіятельство?

— Прочитать, непременно прочитать!—такъ и горятъ требованіемъ глаза старика.

Никита Иванычъ разглаживаетъ бумажку и читаетъ вслухъ:

«Дорогому Никитѣ Ивановичу Разсудову, служащему офиціантомъ въ трактирѣ «Маренго», что на Обводномъ каналѣ, дарю этотъ медальонъ съ своимъ портретомъ, о чемъ и оповѣщаю всѣхъ, на случай моей смерти,—въ знакъ моего уваже-

нія и въ благодарность за оказанныя имъ. Разсудовымъ, мѣ, Анатолю Гмызову, добрыя дѣла. Носи, Никита Ивановичъ, никогда не закладывай, какъ это дѣлывалъ азъ многогрѣшный, и помни любящаго тебя графа Анатоля Гмызова».

— Ваше сіятельство... ваше!..—воскликаетъ Никита Ивановичъ и, сквозь собственныя, навернувшіяся на глаза слезы, видитъ, какъ изъ обоихъ меркнувшихъ глазъ старика выступили и медленно, медленно текутъ по исхудалымъ щекамъ двѣ крупныя, тяжелыя слезинки,—ваше сіятельство... да за что же... да я... Господи!

Никита Ивановичъ опускается на колѣни, хватаетъ блѣдную, сухую руку графа, покрываетъ ее поцѣлуями и чувствуетъ, какъ все холодѣетъ и тяжелѣетъ эта рука; смотритъ на его лицо съ крѣпко сомкнутыми глазами и видитъ, какъ на немъ, подобно слабому отблеску отдаленной, стихающей грозы, пробѣгаетъ послѣдняя судорога...

— Помяни, Господи, душу усопшаго раба Твоего, боярина Анатоля!—крестясь, произноситъ Никита Ивановичъ и слышитъ позади себя возгласъ вошедшаго, съ дарами священника:

— Аминь!

XX.

— Написалъ, что-ли?

— Погоди! Торопливъ больно! Въ емназіи не обучался, самъ до всего доходилъ! Ну, «тетушкѣ Аринѣ Марковнѣ» нѣжающій пок—лонъ»... Такъ! Сяди дальше!

— Чего садить! Кончатъ пора! Да и перезабылъ ихъ всѣхъ-то. Племяннику, впрочемъ, напиши!

— Какъ племянника-то?

— Никешка.

— «Никешкѣ» не ладно какъ будто! «Никешѣ» — напишемъ.

— Пиши Никешѣ,—все едино.

— Едино то едино, да нужно поласковѣ!

— Пиши поласковѣ.

Гладко остриженная голова больного солдата склонилась надъ четвертушкой захватаннаго, покрытаго кляксами, листкѣ почтовой бумаги и конецъ толстой ставочки неувѣренно заковылялъ, повинаясь движеніямъ державшей перо широкой, молистой руки.

Капитонъ повернулся на больничной койкѣ и закрылъ глаза, стараясь припомнить, кому бы еще слѣдовало послать поклонъ. Но, вмѣсто родного села, родныхъ избъ съ ихъ бѣдными, гру-

быми обитателями, въ его воспоминаніи промелькнули роскошный, драпированный шелками и кружевами, пропитанный запахомъ духовъ будуаръ и въ немъ воздушная фигура красавицы съ темными, огнемъ прожигающими душу глазами.

— Написалъ! Кому еще?

— Что?—очнулся Капитонъ,—поклоны-то? Некому... некому больше! Кончай, Яковъ Егорычъ, кончай! Да пропиши еще разокъ, чтобы батюшка-то прѣхалъ. Пропиши, будь добренькій. О, Господи!

— Писалъ ужъ! Чего!—возразилъ Яковъ Егорычъ, поднимая отъ шкафчика, за которымъ сочинялъ письмо, широкое, добродушное и сильно вспотѣвшее лицо,—вона какъ! Словно изъ бани!

— Ну, ладно! Да и темнѣть стало! Спасибо, Яковъ Егорычъ! Теперь значить, адресъ... вонъ съ той бумажки спишешь, а тамъ и въ ящикъ.

— А вотъ мы сейчасъ!—сказалъ Яковъ Егорычъ, примачиваясь къ конверту со ставочкой, которую держалъ нѣсколько въ угрожающемъ положеніи, и для начала смахивая на него огромную кляксу,—ахъ, будь тебѣ неладно! Никакъ еще не научился, чтобы, значить (онъ слизалъ кляксу языкомъ), этихъ пакостевъ не дѣлать! А что мнѣ въ башку взбрело, Капитонъ Семенычъ?

— Что же именно?—спрашиваетъ тотъ и, подъ вліяніемъ ли утомленія отъ боли или сгущающихся, окрашивающихъ палату съ ея койками и больными въ сѣрый, тоскливый тонъ сумерекъ,—впадаетъ въ странное, полудремотное, полубодрующее состояніе.

— Пишу я это, письмо, значить, а въ башку мнѣ стихъ... тукъ, да тукъ, такъ и стучить! Пра-аво! Стихъ-то хорошій, чувствительный. «Перо», слышь, «мое писало, не знаю для кого, а сердце», слышь, «подсказало: гля друга моего».

«Другъ!» мелькаетъ въ сознаніи Капитона.—Гдѣ же этотъ твой далекій, забывшій тебя другъ? Гдѣ та чудная женщина, что сжимала твою голову въ своихъ горячихъ, маленькихъ ручкахъ, огненными поцѣлуями жгла твои губы и, впиваясь черными, жгучими глазами въ твои глаза, шептала восторженно, страстно: «я твоя, твоя на вѣки!» Нѣтъ ея около, она далека, какъ мечта, какъ призракъ, какъ тѣ призраки прошлой веселой, свободной жизни, что съ наступленіемъ сумерекъ толпою сбѣгаются къ койкѣ Капитона и дразнить и мучать его воспоминаніями до утра, когда грубая дѣйствительность, въ лицѣ палатнаго сторожа Михѣя, пройдетъ по рядамъ коекъ и начнетъ открывать фрамуги.

Иногда, въ глухую полночь, Капитонъ вдругъ просыпается отъ знакомаго шума. Его зоветъ толпа, кричить: «Самсонова,

Самсонова, Самсоновъ, ура!» Онъ видитъ ясно эту тысячную волнующуюся толпу, живетъ однимъ одушевленіемъ съ нею и, проснувшись, прислушивается, не повторится ли крикъ...

Нѣтъ, все тихо въ палатѣ. Лампа слабо мерцаетъ. За окномъ шумитъ и злится мартовская вьюга и голыя, обмерзшія вѣтви деревьевъ стучатся въ стекла.

Иногда онъ видитъ себя въ полномъ блескѣ славы и любитъ собою. Какъ онъ статенъ, красивъ! Какъ идутъ къ нему закрученные въ стрѣлку усы и прическа съ проборомъ по срединѣ и это розовое трико, гладко облегающее могучее, стальное тѣло! Сколько ловкости, силы, веселья въ каждомъ его шагѣ, движеніи! И какъ хорошо кругомъ! Снопъ электрическаго свѣта упалъ на него, и онъ чувствуетъ, что изъ мрака сада, гдѣ шумитъ и двигается толпа, на немъ однимъ сосредоточены тысячи мужскихъ и женскихъ глазъ, въ честь его играетъ тушъ музыка, его имя переходитъ изъ устъ въ уста, повторяется все громче и громче и потрясаетъ весь садъ:

— Самсоновъ! Самсоновъ, ура!

И снова пробужденіе, снова тяжелая, скучная дѣйствительность.

— Господи, Боже мой! Когда же?—сдавленнымъ стономъ вырывается изъ его груди.

Когда же, наконецъ, онъ поправится, и поправится ли,—никто не можетъ этого сказать, никто ничего не понимаетъ, не знаетъ. Полгода прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ уже не въ качествѣ «перваго борца Самсонова», а просто какъ крестьянинъ Тверской губерніи, Новоржевскаго уѣзда Капитонъ Полоротовъ легъ на эту койку, но и тогда, какъ теперь,—ничего не извѣстно. Не одинъ,—трое, четверо врачей стояли у его койки, шупали, мяли, одинъ глубокомысленно гладилъ лмыну, другой потиралъ переносицу, третій чесалъ за ухомъ и никто ничего не могъ узнать. Одинъ съ осторожностью, свойственной людямъ современной науки, предполагалъ растяженіе какой нибудь изъ внутреннихъ связокъ, другой—съ усиленной осторожностью что-то намекалъ на діафрагму, третій—съ сверхестественною осторожностью сомнѣвался относительно правильности расположенія кишекъ и всѣ отнеслись съ явнымъ пренебреженіемъ къ мужицкому невѣжеству Капитона, заявившаго, что онъ «страхнулъ сердце». Извѣстно, что люди изъ народа предполагаютъ нахожденіе этого высшего органа какъ разъ тамъ, гдѣ у нихъ обрѣтается желудокъ!

Одно, что было извѣстно и ясно всѣмъ какъ Божій день,—это что Капитонъ прогрессивно теряетъ въ вѣсѣ и худѣетъ; но это, при всемъ невѣжествѣ, чувствовалъ отлично самъ больной, чувствовалъ, какъ мякнуть и дрябнуть его упругіе мускулы, какъ онъ все «легчаетъ» и ослабѣваетъ и какъ все боль-

нѣе и мучительнѣе становятся для него изслѣдованія врача. И врачи,—даже тѣ, которые относились къ нему какъ къ интересному клиническому «матеріалу»,—оставили его въ покоѣ. Только главный врачъ, толстый, пожилой нѣмецъ, при обходѣ палаты, дарилъ его иногда недружелюбнымъ взглядомъ. Дѣло въ томъ, что Францъ Богдановичъ, очень пунктуальный и очень ученый человекъ, называвшій больницу, которою завѣдывалъ, «моя больница», ставилъ себѣ въ заслугу то обстоятельство, что въ его больницу люди не залеживаются, а выздоравливаютъ или уходятъ *ad patres*. Известную латинскую поговорку онъ сокращалъ такъ: «*quod medicamenta non sanant—moris sanant*», опуская и «*ferunt*», и «*ignis*»; «хрониковъ» же ненавидѣлъ до глубины души, какъ заклятыхъ враговъ, будучи убѣжденъ, что хроническое теченіе болѣзни вызывается тѣмъ, что субъектъ раньше предавался неумѣренному употребленію спиртныхъ напитковъ. При этомъ Францъ Богдановичъ былъ искренно убѣжденъ, что каждый крестьянинъ есть прирожденный алкоголикъ; таковымъ, конечно, долженъ былъ оказаться и Капитонъ, занимавшійся притомъ ремесломъ «фигляра». Никакіе доводы молодыхъ врачей не могли разубѣдить Франца Богдановича относительно возможности исцѣленія Капитона и когда, наконецъ, тѣ отказались отъ надежды поставить больного на ноги, Францу Богдановичу оставалось только самодовольно улыбнуться да замѣтить сквозъ зубы, державшіе конецъ толстой, рижской сигары:

— Nun, das hab'ich gesagt!

Наступленіе весны—самое критическое время для всѣхъ больницъ; та, которой завѣдывалъ Францъ Богдановичъ, въ этомъ отношеніи ничѣмъ не отличалась отъ другихъ. Только что петербургскія мостовыя стали освобождаться отъ ледяной коры—усилились эпидеміи, въ больницу повалили пневмоники и чахоточные. Все, что кое какъ еще крѣпилось и держалось зимою, кашляя по сырмъ угламъ чердаковъ и подваловъ,—вдругъ ослабло, раскисло и запросилось на больничную койку. Больница переполнилась. Приходилось отказывать въ мѣстахъ и даже класть чахоточныхъ въ хирургическую палату. Тогда Францъ Богдановичъ принялся за своихъ исконныхъ враговъ—хрониковъ. Капитону, одному изъ первыхъ, былъ поставленъ ультиматумъ: выписаться и ѣхать въ деревню. Чтобы хоть сколько нибудь поднять ослабѣвшій организмъ, больному была прописана лучшая и питательнѣйшая, по мнѣнію врачей и эконома, порція.

Капитонъ и самъ пожелалъ на выписку; съ этой цѣлью онъ продиктовалъ въ деревню письмо, прося старика-отца простить ему грѣхъ сыновняго невниманія и пріѣхать за нимъ. Затѣмъ онъ сталъ ждать. Дни шли, старикъ не пріѣзжалъ и

не отвѣчалъ на письмо. Это тревожило Капитона: онъ боялся, что отецъ не прійдетъ и не вышлетъ даже денегъ на дорогу. А между тѣмъ, каждый день его могли выписать. Куда дѣваться, гдѣ преклонить голову калѣкъ? Работать онъ не могъ, идти въ швейцары, газетчики, — но вѣдь и тѣ работаютъ; кромѣ того, чтобы получить такія занятія, нужны протекція и деньги для залога. У кого онъ могъ добиться протекціи? У тѣхъ, которые видѣли его въ блескѣ «славы», завидовали его успѣхамъ? Отъ нихъ меньше всего можно было ожидать помощи, да и гдѣ ихъ найдешь? Въ теченіе шести мѣсяцевъ ни одинъ изъ прежнихъ друзей ни разу не зашелъ къ Капитону, да и что это были за «друзья», вѣчно искавшіе выпивки и угощенья. Ни Никита Ивановичъ, ни Порфирій не могли, да пожалуй и не захотѣли бы помочь Капитону. Вѣдь онъ отошелъ отъ нихъ въ короткіе дни своей славы, въ особенности отъ Никиты Ивановича. Когда ему везло и онъ много зарабатывалъ, подумалъ ли онъ хоть разъ помочь старику, хлопотать о лучшемъ для него мѣстѣ? Онъ не думалъ тогда ни о чемъ, не думалъ, что когда нибудь могутъ и для него наступить черные дни. Все, что получалось имъ, истрачивалось почти тотчасъ на пьянство, угощенія, разгулъ, — словно деньги, которые получалъ Капитонъ, были какія то нечестныя, проклятыя деньги, такія, которые жгли руки, и отъ нихъ нужно было какъ можно скорѣе отдѣлаться. А между тѣмъ, ему платили ихъ за его тѣло... Теперь это тѣло никуда не годилось.

Въ апрѣльскій, солнечный день Капитонъ, охая, поднялся съ койки, всунулъ сухія, какъ палки, ноги въ туфли, облекъ свою тощую фигуру въ халатъ и вышелъ на барачное крыльцо. Въ бараки, биткомъ набитомъ больными, которые капляли чуть не всѣ заразы, плевали, стонали, а двое даже умирали, становилось ужъ очень скверно.

На террасѣ была скамейка. Капитонъ сѣлъ на нее, положилъ обѣ худыя руки на перила, на нихъ голову, и сталъ смотрѣть въ садъ. Дорожки были сырыя, черныя; ихъ еще не успѣли расчистить и посыпать пескомъ; кое гдѣ, сорванные весенней бурей, валялись сухіе сучья деревьевъ. Но сами деревья уже наливались сокомъ, верхнія вѣтки позеленѣли, сдѣлались гибкими и качались отъ вѣтра на фонѣ голубого неба. На кустахъ появились почки и молодая трава, пучками, то тутъ, то тамъ выбивалась изъ подъ сухой и длинной прошлогодней травы.

Капитонъ долго смотрѣлъ на кусты и деревья, прислушиваясь къ громкому чириканью воробьевъ, о чемъ то хлопотавшихъ подъ навѣсомъ терассы. Солнце пригрѣло его и старая, грызущая боль внутри какъ будто отошла. Что то нѣжное, ласкающее проникало въ его душу и манило куда то, суля

покой. Покорный вѣдრившемуся въ него недугу, онъ уже не ропталъ, не ждалъ выздоровленія и возвращенія прежнихъ силъ. Онъ даже пересталъ вспоминать о прошломъ, грезить въ сумерки призраками былого, а всѣ его сны, короткіе, съ длинными перерывами тоскливаго бодрствованія, шли отъ одного источника—неизбывной, грызущей боли внутри.

Это была злая дѣйствительность, которую онъ чувствовалъ каждую минуту, отъ которой страдалъ, а то, прошлое, казалось какимъ то отдаленнымъ, фантастическимъ сномъ. «Огненная земля» съ ея временными обитателями, Порфирій Ильичъ, Сашенька, Поросенковъ, сперва гордый сознаниемъ своего превосходства какъ «хозяина», затѣмъ рабски-угодливый передъ «любимцемъ публики», всегда эта жадная на зрѣлища, измѣнически-легковѣрная публика, кричавшая ему «ура» и требовавшая, чтобы его добили въ послѣднюю минуту, и наконецъ женщина,—живое воплощеніе толпы,—дарившая ему свои ласки, свою любовь, пока онъ представлялъ собою силу, и отвернувшись, забывшая его, когда онъ сдѣлался немошнымъ,—все представлялось ему теперь въ какомъ то туманѣ, было настолько чуждо ему, словно не онъ былъ тутъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, а кто то другой.

Тотъ, другой, остался распростертымъ на подмосткахъ сцены передъ глазами тысячной, волнующейся толпы, а этотъ больной, истощенный, свѣсивъ голову на исхудавшія руки, смотрѣлъ, какъ ложились на дорожку сада тонкія тѣни вѣтокъ, какъ хлопотливо, съ соломенной въ кляуѣ, прыгали воробей и на ступенькѣ террасы, съузивъ зрачки, лѣниво грѣлся на солнцѣ барачный котъ Рыжикъ...

Вдругъ Капитонъ встрепенулся, приподнялся и, уцѣпившись руками за перила, подался впередъ. Глаза его засверкали.

— Батюшка!.. Батюшка!—закричалъ онъ.

Медленно и неуверенно шедшій по тротуару вдоль рѣшетки сада сѣдобородый старикъ въ сѣромъ, мужицкомъ кафтанѣ, мужицкихъ сапогахъ и картузѣ, приостановился, взглянулъ на худую, длинную фигуру Капитона и побрелъ дальше.

— Батюшка, стой!.. Стой же!..

Держась за перила, весь дрожа, путаясь въ полахъ халата, Капитонъ сходилъ съ лѣстницы.

— Батюшка!

— Господи! Да неужели?.. Капитоша?

Старикъ смотрѣлъ прямо въ исхудавшее, желтое, какъ шафранъ, прильнувшее къ рѣшеткѣ лицо сына и не узнавалъ его.

— Сюда... сюда пройди, батюшка... въ подъѣздъ... а тамъ черезъ сѣни... въ садъ!—задыхаясь говорилъ Капитонъ,—а я тебя ждалъ... ждалъ, батюшка, тебя... ждалъ...

Через минуту оба сидѣли на крыльцѣ, окруженные группой больныхъ, бродившихъ по саду и явившихся посмотреть свиданіе отца съ сыномъ.

— Не красить болѣзнь то, не красить, нѣтъ! — говорилъ старикъ, положивъ одну руку на колѣни сына, а другою гладя его по стриженной головѣ, — изъ за болѣзни то, вишь, не призналъ тебя, сынокъ! Ай, похудалъ, похудалъ! Ну да авось... Богъ не безъ милости. Да ты плачешь то чего, дурачокъ? Плакать не надо... чего плакать... Богъ то, говорю, не безъ милости! Такъ то... Въ деревнѣ то духъ не тотъ... легкій, ну и опять, будемъ такъ говорить: молочко. Молочко то... оно поправляется!

— Молоко? Это... точно... дѣйствительно! — замѣтилъ сидѣвшій на той же скамейкѣ чахоточный портной, — вотъ и мнѣ, однимъ словомъ, все это самое молоко прописывается. А только здѣшнее молоко, я вамъ скажу, однимъ словомъ, не пользительно! Разбавляютъ! — заключилъ онъ, наклонившись къ самому уху старика, и скосилъ глаза.

— Какое здѣсь молоко! Одно званіе! — подтвердили въ группѣ больныхъ.

— А вы, значитъ, за сыномъ пріѣхали? — допытывался портной.

— То-то и оно, милый человѣкъ! — подтвердилъ Семенъ, — пріѣхалъ то я, вишь, третьеводни, а сюда то, вишь, въ больницу, второй день навѣдываюсь. Вотъ дѣло то какое!

— Какъ же это такъ? Позвольте...

— Да ужъ... какъ тебѣ сказать... Порядки! Пришелъ, это, вчера, вонъ туда же, въ стеклянную дверь толкнулся... А этотъ, въ галунахъ то у васъ который, сейчасъ опросъ: кого надоть? «Сына, говорю, Капитона...» Сегодня, говорить, выпуска нѣтъ! Приходи завтра!

— Оно точно... однимъ словомъ: порядки! — замѣтилъ портной.

— Порядки! — вздохнулъ старикъ, — ну, что жъ, нужно правду говорить, я ему гривенничекъ далъ, чтобы онъ, значить, это самое мнѣ изъяснилъ, какъ, значить, и что... Только онъ, по моему, вовсе человѣкъ непонимающій, ему бы вотъ... за докторами бѣгать, какъ я посматрѣлъ, да пальты снимать... тросточку принять... это точно.

— Да, ужъ это... — согласился портной.

— Сталъ на счетъ сына спрашивать, — тоже, вижу, толку мнѣ отъ него не добьешься. Взялъ вѣдомости, читаетъ, и вниманія того нѣтъ, чтобы, значить... Кажись, говорить, такого у насъ нѣтъ! Вотъ такъ — такъ! Что же я заведу дѣлать? А адресъ то этотъ, точно, этотъ самый.

— Ну, еще бы! — мотнулъ головою портной, закашляясь и схватился за грудь.

— Спроси, говорить, у фершала! А я, милый человекъ, этого самаго ихняго фершала видадь... проходилъ онъ какъ то, черезъ сѣни... Что твой волежъ! Взглядъ супротивный такой...

— Фершалъ!—воскликнулъ портной и вытянулъ худую шею съ очевиднымъ намѣреніемъ излить все негодованіе, что накопилось у него противъ человека съ волчьимъ взглядомъ, но вдругъ закаплялся и, схватившись за грудь, перегнулся пополамъ.

— Ахъ ты, болѣзненный, какъ капляешь-то, а!—погладилъ и его по головѣ старикъ,—ну, сынокъ, что-же, собирайся, что-ли, да и того...

Но въ этотъ день имъ не удалось уѣхать; помѣшали порядки, заключавшіеся въ томъ, что безъ осмотра главнымъ докторомъ нельзя было выписать больного. Капитонъ долженъ былъ провести еще одну мучительную ночь, втеченіе которой не сомкнулъ глазъ. Ночью у человека разыгрывается фантазія и все кажется нѣсколько иначе, нежели днемъ. Капитону лѣзали въ голову странныя мысли: то ему казалось, что приходъ отца и весь разговоръ его съ нимъ былъ ничто иное, какъ бредъ, то онъ боялся, что старикъ заплутается и не найдетъ больницы, то вдругъ ему приходило въ голову, что отца отговорятъ люди, онъ не повезетъ больного катѣку-сына, лишній ротъ въ семьѣ, и уѣдетъ одинъ.

Даже утромъ онъ тревожился и не сходилъ съ террасы, слѣдя за каждымъ проходившимъ.

Но вотъ пріѣхалъ старикъ, всѣ формальности были соблюдены, и Капитону было выдано его платье. Съ удивленіемъ и съ какимъ то не то смущеніемъ, не то страхомъ онъ смотрѣлъ на приличную, почти новую поджачную пару, лаковые ботинки и сѣрую, мягкую шляпу, и готовъ былъ не признать это одѣяніе своимъ, еслибы не вспомнилъ, что оно дѣйствительно было на немъ въ то утро, слѣдующее послѣ борьбы, когда Атлантовъ посадилъ его на извозчика и привезъ въ больницу.

Шатаясь, поддерживаемый отцомъ, Капитонъ вышелъ на подъѣздъ и оглянулся. Съ террасы ему кивали сѣрыя шапочки больныхъ. Портной старался что-то прокричать, но закаплялся и махнулъ рукой.

У крыльца ждалъ извозникъ. Въ пролеткѣ лежала котомка старика, которую онъ взялъ на руки, чтобы дать мѣсто сыну. Извозникъ дернулъ возжами и кляча тронула малой рысцой.

— Батюшка,—началъ Капитонъ, задыхаясь отъ тряски и чувствуя все ту же, постоянную боль внутри,—ты видишь на мнѣ эту одежду?

— Вижу, сынокъ, а что?

— А что же ты меня не спросишь: какъ я жилъ, что дѣлалъ?

— Чего же мнѣ спрашивать? Хорошо, по Божески жить, худого не дѣлалъ,—чего спрашивать,—а худо жить, несправедливо,—твое дѣло, твой и отвѣтъ. Богъ съ тебя спроситъ!

— Худого я, батюшка, не дѣлалъ,—прошепталъ Капитонъ.

— А и слава Богу, сынокъ!

— Только я тебѣ потомъ все, батюшка, расскажу.

— Расскажи, коли хочешь.

— Обиды никому не дѣлалъ,—снова прошепталъ Капитонъ.

— Слава Богу, Капитоша! Ты ужъ не вереди себя, дай срокъ поправиться, здоровьемъ, значить, поправиться.

Капитонъ молча покачалъ головой.

Сзади нихъ нѣкоторое время слышался басистый, тягучій крикъ, этотъ крикъ все приближался и вскорѣ къ нему примѣшался конскій топотъ.

— А-а-а! Па-а-ди!—кричалъ настигавшій ихъ голосъ.

Извозчикъ оглянулся, торопливо задергалъ возжами, свернулъ къ тротуару и остановился.

— Скачетъ!—сказалъ онъ.

Мимо, размахивая нагайкой, проскакалъ пожарный; тотчасъ за нимъ прогрохоталъ обозъ. Люди останавливались и смотрѣли на пожарныхъ, нѣкоторые бѣжали слѣдомъ.

— Пожажай, милый человѣкъ, намъ бы того — на поѣздъ поспѣть!—сказалъ старикъ,—поѣздъ бы намъ того... не профукать!

Извозчикъ тронулся за пожарными. Издали былъ виденъ густой клубъ дыма.

— Это надо быть заведеніе горить,—сказалъ извозчикъ, обернувшись.

— Какое такое заведеніе?—спросилъ старикъ.

— Садъ... «Огненная земля» проывается. Надо быть онъ самый. Да вотъ мимо пройдемъ. Не затерло бы какъ!

— Какой же это садъ-то?—допытывался старикъ.

— Какой! Говорятъ тебѣ заведеніе! Ну!—съ нѣкоторыхъ раздраженіемъ отвѣчалъ извозчикъ,—увеселительное.

— Такъ, такъ! Что же тамъ собственно...

— Что? Представленія разныя... тятръ... Самъ-то я не былъ, а ребята сказывали: занятно! Лѣтось борьба была... А теперь вотъ горить. Ишь какъ валяется!

Дѣйствительно, рѣзвое пламя съ какою-то ненасытимую алчностью пожирало затѣйливыя постройки «Огненной земли». Въ кучкѣ зрителей причину пожара объясняли тѣмъ, что плотники, исправлявшіе къ предстоявшему сезону настилку пола на сценѣ, заронили въ стружки папиросу; зрители-скептики качали головами и, подмигивая въ сторону присутствовавшего тутъ же и спокойно созерцаващаго пламя Поросенкова, попо-

— Спроси, говорить, у фершала! А я, милый человекъ, этого самаго ихняго фершала видалъ... проходилъ онъ какъ то, черезъ сѣни... Что твой волкъ! Взглядъ супротивный такой...

— Фершалъ!—воскликнулъ портной и вытянулъ худую шею съ очевиднымъ намѣреніемъ излить все негодованіе, что накопилось у него противъ человека съ волчьимъ взглядомъ, но вдругъ закашлялся и, схватившись за грудь, перегнулся пополамъ.

— Ахъ ты, болѣзненный, какъ капляешь-то, а!—погладилъ и его по головѣ старикъ,—ну, сынокъ, что-же, собирайся, что-ли, да и того...

Но въ этотъ день имъ не удалось уѣхать; помѣшали порядки, заключавшіеся въ томъ, что безъ осмотра главнымъ докторомъ нельзя было выписать больного. Капитонъ долженъ былъ провести еще одну мучительную ночь, втеченіе которой не сомкнулъ глазъ. Ночью у человека разыгрывается фантазія и все кажется нѣсколько иначе, нежели днемъ. Капитону лѣзли въ голову странныя мысли: то ему казалось, что приходитъ отца и весь разговоръ его съ нимъ былъ ничто иное, какъ бредъ, то онъ боялся, что старикъ заплутается и не найдетъ больницы, то вдругъ ему приходило въ голову, что отца отговорятъ люди, онъ не повезетъ больного калѣку-сына, лишній ротъ въ семьѣ, и уѣдетъ одинъ.

Даже утромъ онъ тревожился и не сходилъ съ террасы, слѣда за каждымъ проходившимъ.

Но вотъ пріѣхалъ старикъ, всѣ формальности были соблюдены, и Капитону было выдано его платье. Съ удивленіемъ и съ какимъ то не то смущеніемъ, не то страхомъ онъ смотрѣлъ на приличную, почти новую пиджачную пару, лаковые ботинки и сѣрую, мягкую шляпу, и готовъ былъ не признать это одѣяніе своимъ, еслибы не вспомнилъ, что оно дѣйствительно было на немъ въ то утро, слѣдующее послѣ борьбы, когда Атлантовъ посадилъ его на извозчика и привезъ въ больницу.

Шатаясь, поддерживаемый отцомъ, Капитонъ вышелъ на подъѣздъ и оглянулся. Съ террасы ему кивали сѣрыя шапочки больныхъ. Портной старался что-то прокричать, но закашлялся и махнулъ рукой.

У крыльца ждалъ извозчикъ. Въ пролеткѣ лежала котомка старика, которую онъ вzialъ на руки, чтобы дать мѣсто сыну. Извозчикъ дернулъ возжами и кляча тронула мелкою рысцою.

— Батюшка,—началъ Капитонъ, задыхаясь отъ траски и чувствуя все ту же, постоянную боль внутри,—ты видишь на мнѣ эту одежду?

— Вижу, сынокъ, а что?

— А что же ты меня не спросишь: какъ я жилъ, что дѣлалъ?

— Чего же мнѣ спрашивать? Хорошо, по Божески жилъ, худого не дѣлалъ,—чего спрашивать,—а худо жилъ, несправедливо,—твое дѣло, твой и отвѣтъ. Богъ съ тебя спроситъ!

— Худого я, батюшка, не дѣлалъ,—прошепталъ Капитонъ.

— А и слава Богу, сынокъ!

— Только я тебѣ потомъ все, батюшка, расскажу.

— Расскажи, коли хочешь.

— Обиды никому не дѣлалъ,—снова прошепталъ Капитонъ.

— Слава Богу, Капитоша! Ты ужъ не вереди себя, дай срокъ поправиться, здоровьемъ, значить, поправиться.

Капитонъ молча покачалъ головой.

Сзади нихъ нѣкоторое время слышался басистый, тягучій крикъ, этотъ крикъ все приближался и вскорѣ къ нему примѣшался конскій топотъ.

— А-а-а! Па-а-ди!—кричалъ настигавшій ихъ голосъ.

Извозникъ оглянулся, торопливо задергалъ возжами, свернулъ къ тротуару и остановился.

— Скачеть!—сказалъ онъ.

Мимо, размахивая нагайкой, проскакалъ пожарный; тотчасъ за нимъ прогрехоталъ обозъ. Люди останавливались и смотрѣли на пожарныхъ, нѣкоторые бѣжали слѣдомъ.

— Поѣзжай, милый человѣкъ, намъ бы того — на поѣздъ поспѣть!—сказалъ старикъ,—поѣздъ бы намъ того... не профукать!

Извозникъ тронулся за пожарными. Издали былъ виденъ густой клубъ дыма.

— Это надо быть заведеніе горить,—сказалъ извозникъ, обернувшись.

— Какое такое заведеніе?—спросилъ старикъ.

— Садъ... «Огненная земля» прозывается. Надо быть онъ самый. Да вотъ мимо пройдемъ. Не затерло бы какъ!

— Какой же это садъ-то?—допытывался старикъ.

— Какой! Говорятъ тебѣ заведеніе! Ну!—съ нѣкоторымъ раздраженіемъ отвѣчалъ извозникъ,—увеселительное.

— Такъ, такъ! Что же тамъ собственно...

— Что? Представленія разные... тятръ... Самъ-то я не былъ, а ребята сказывали: занятно! Лѣтось борьба была... А теперь вотъ горить. Ишь какъ валаетъ!

Дѣйствительно, рѣзвое пламя съ какою-то ненасытимою алчностью пожирало затѣйливыя постройки «Огненной земли». Въ кучкѣ зрителей причину пожара объясняли тѣмъ, что плотники, исправлявшіе къ предстоявшему сезону настилку пола на сценѣ, заронили въ стружки папиросу; зрители-скептики качали головами и, подмигивая въ сторону присутствовавшего тутъ же и спокойно созерцавшаго пламя Поросенкова, попо-

— Спроси, говорить, у фершала! А я, милый человекъ, этого самого ихняго фершала видалъ... проходилъ онъ какъ то, черезъ сѣни... Что твой волкъ! Взглядъ супротивный такой...

— Фершалъ!—воскликнулъ портной и вытянулъ худую шею съ очевиднымъ намѣреніемъ излить все негодование, что накопилось у него противъ человека съ волчьимъ взглядомъ, но вдругъ закашлялся и, схватившись за грудь, перегнулся пополамъ.

— Ахъ ты, болѣзненный, какъ кашляешь-то, а!—погладилъ и его по головѣ старикъ,—ну, сынокъ, что-же, собирайся, что-ли, да и того...

Но въ этотъ день имъ не удалось уѣхать; помѣшали порядки, заключавшіеся въ томъ, что безъ осмотра главнымъ докторомъ нельзя было выписать больного. Капитонъ долженъ былъ провести еще одну мучительную ночь, втеченіе которой не сомкнулъ глазъ. Ночью у человека разыгрывается фантазія и все кажется нѣсколько иначе, нежели днемъ. Капитону лѣзли въ голову странныя мысли: то ему казалось, что приходъ отца и весь разговоръ его съ нимъ былъ ничто иное, какъ бредъ, то онъ боялся, что старикъ заплутается и не найдетъ больницы, то вдругъ ему приходило въ голову, что отца отговорятъ люди, онъ не повезетъ больного калѣку-сына, лишній ротъ въ семьѣ, и уѣдетъ одинъ.

Даже утромъ онъ тревожился и не сходилъ съ террасы, слѣдя за каждымъ проходившимъ.

Но вотъ пріѣхалъ старикъ, всѣ формальности были соблюдены, и Капитону было выдано его платье. Съ удивленіемъ и съ какимъ то не то смущеніемъ, не то страхомъ онъ смотрѣлъ на приличную, почти новую пиджачную пару, лаковые ботинки и сѣрую, мягкую шляпу, и готовъ былъ не признать это одѣяніе своимъ, еслибы не вспомнилъ, что оно дѣйствительно было на немъ въ то утро, слѣдующее послѣ борьбы, когда Атлантовъ посадилъ его на извозчика и привезъ въ больницу.

Шатаясь, поддерживаемый отцомъ, Капитонъ вышелъ на подъѣздъ и оглянулся. Съ террасы ему кивали сѣрые шапочки больныхъ. Портной старался что-то прокричать, но закашлялся и махнулъ рукой.

У крыльца ждалъ извозчикъ. Въ пролеткѣ лежала котомка старика, которую онъ взялъ на руки, чтобы дать мѣсто сыну. Извозчикъ дернулъ возжами и кляча тронула мелкой рысцой.

— Батюшка,—началъ Капитонъ, задыхаясь отъ тряски и чувствуя все ту же, постоянную боль внутри,—ты видишь на мнѣ эту одежду?

— Вижу, сынокъ, а что?

— А что же ты меня не спросишь: какъ я жилъ, что дѣлалъ?

— Чего же мнѣ спрашивать? Хорошо, по Божески жить, худого не дѣлалъ,—чего спрашивать,—а худо жить, несправедливо,—твое дѣло, твой и отвѣтъ. Богъ съ тебя спроситъ!

— Худого я, батюшка, не дѣлалъ,—прошепталъ Капитонъ.

— А и слава Богу, сынокъ!

— Только я тебѣ потомъ все, батюшка, расскажу.

— Расскажи, коли хочешь.

— Обиды никому не дѣлалъ,—снова прошепталъ Капитонъ.

— Слава Богу, Капитоша! Ты ужъ не вереди себя, дай срокъ поправиться, здоровьемъ, значить, поправиться.

Капитонъ молча покачалъ головой.

Сзади нихъ нѣкоторое время слышался басистый, тягучій крикъ, этотъ крикъ все приближался и вскорѣ къ нему примѣшался конскій топотъ.

— А-а-а! Па-а-ди!—кричалъ настигавшій ихъ голосъ.

Извозникъ оглянулся, торопливо задергалъ возжами, свернулъ къ тротуару и остановился.

— Скачеть!—сказалъ онъ.

Мимо, размахивая нагайкой, проскакалъ пожарный; тотчасъ за нимъ прогрохоталъ обозъ. Люди останавливались и смотрѣли на пожарныхъ, нѣкоторые бѣжали слѣдомъ.

— Поѣзжай, милый человѣкъ, намъ бы того — на поѣздъ поспѣть!—сказалъ старикъ,—поѣздъ бы намъ того... не профукать!

Извозникъ тронулся за пожарными. Издали былъ виденъ густой клубъ дыма.

— Это надо быть заведеніе горить,—сказалъ извозникъ, обернувшись.

— Какое такое заведеніе?—спросилъ старикъ.

— Садъ... «Огненная земля» прозывается. Надо быть онъ самый. Да вотъ мимо пройдемъ. Не затерло бы какъ!

— Какой же это садъ-то?—допытывался старикъ.

— Какой! Говорятъ тебѣ заведеніе! Ну!—съ нѣкоторыхъ раздраженіемъ отвѣчалъ извозникъ,—увеселительное.

— Такъ, такъ! Что же тамъ собственно...

— Что? Представленія разныя... тятръ... Самъ-то я не былъ, а ребята сказывали: занятно! Лѣтось борьба была... А теперь вотъ горить. Ишь какъ валяется!

Дѣйствительно, рѣзвое пламя съ какою-то ненасытимою алчностью пожирало затѣливыя постройки «Огненной земли». Въ кучкѣ зрителей причину пожара объясняли тѣмъ, что плотники, исправлявшіе къ предстоявшему сезону настилку пола на сценѣ, заронили въ стружки папиросу; зрители-скептики качали головами и, подмигивая въ сторону присутствовавшего тутъ же и спокойно созерцавшаго пламя Поросенкова, попо-

— Спроси, говорить, у фершала! А я, милый человекъ, этого самаго ихняго фершала видадь... проходилъ онъ, какъ то, черезъ сѣни... Что твой волкъ! Взглядъ супротивный такой...

— Фершалъ!—воскликнулъ портной и вытянулъ худую шею съ очевиднымъ намѣреніемъ излить все негодованіе, что накопилось у него противъ человека съ волчьимъ взглядомъ, но вдругъ закашлялся и, схватившись за грудь, перегнулся пополамъ.

— Ахъ ты, болѣзненный, какъ кашляешь-то, а!—погладилъ и его по головѣ старикъ,—ну, сынокъ, что-же, собирайся, что-ли, да и того...

Но въ этотъ день имъ не удалось уѣхать; помѣшали порядки, заключавшіеся въ томъ, что безъ осмотра главнымъ докторомъ нельзя было выписать больного. Капитонъ долженъ былъ провести еще одну мучительную ночь, втеченіе которой не сомкнулъ глазъ. Ночью у человека разыгрывается фантазія и все кажется нѣсколько иначе, нежели днемъ. Капитону лѣзали въ голову странныя мысли: то ему казалось, что приходъ отца и весь разговоръ его съ нимъ былъ ничто иное, какъ бредъ, то онъ боялся, что старикъ заплутается и не найдетъ больницы, то вдругъ ему приходило въ голову, что отца отговорятъ люди, онъ не повезетъ больного калѣку-сына, лишній ротъ въ семьѣ, и уѣдетъ одинъ.

Даже утромъ онъ тревожился и не сходилъ съ террасы, слѣдя за каждымъ проходившимъ.

Но вотъ пріѣхалъ старикъ, всѣ формальности были соблюдены, и Капитону было выдано его платье. Съ удивленіемъ и съ какимъ то не то смущеніемъ, не то страхомъ онъ смотрѣлъ на приличную, почти новую пиджачную пару, лаковые ботинки и сѣрую, мягкую шляпу, и готовъ былъ не признать это одѣяніе своимъ, еслибы не вспомнилъ, что оно дѣйствительно было на немъ въ то утро, слѣдующее послѣ борьбы, когда Атлантовъ посадилъ его на извозчика и привезъ въ больницу.

Шатаясь, поддерживаемый отцомъ, Капитонъ вышелъ на подъѣздъ и оглянулся. Съ террасы ему кивали сѣрыя шапочки больныхъ. Портной старался что-то прокричать, но закашлялся и махнулъ рукой.

У крыльца ждалъ извозчикъ. Въ пролеткѣ лежала котомка старика, которую онъ взялъ на руки, чтобы дать мѣсто сыну. Извозчикъ дернулъ возжами и кляча тронула мелкой рысцой.

— Батюшка,—началъ Капитонъ, задыхаясь отъ тряски и чувствуя все ту же, постоянную боль внутри,—ты видишь на мнѣ эту одежду?

— Вижу, сынокъ, а что?

— А что же ты меня не спросишь: какъ я жилъ, что дѣлалъ?

— Чего же мнѣ спрашивать? Хорошо, по Божески жилъ, худого не дѣлалъ,—чего спрашивать,—а худо жилъ, несправедливо,—твое дѣло, твой и отвѣтъ. Богъ съ тебя спроситъ!

— Худого я, батюшка, не дѣлалъ,—прошепталъ Капитонъ.

— А и слава Богу, сынокъ!

— Только я тебѣ потомъ все, батюшка, расскажу.

— Расскажи, коли хочешь.

— Обиды никому не дѣлалъ,—снова прошепталъ Капитонъ.

— Слава Богу, Капитоша! Ты ужъ не вереди себя, дай срокъ поправиться, здоровьемъ, значитъ, поправиться.

Капитонъ молча покачалъ головой.

Сзади нихъ нѣкоторое время слышался басистый, тягучій крикъ, этотъ крикъ все приближался и вскорѣ къ нему примѣшался конскій топотъ.

— А-а-а! Па-а-ди!—кричалъ настигавшій ихъ голосъ.

Извозникъ оглянулся, торопливо задергалъ возжами, свернулъ къ тротуару и остановился.

— Скачеть!—сказалъ онъ.

Мимо, размахивая нагайкой, проскакалъ пожарный; тотчасъ за нимъ прогрохоталъ обозъ. Люди останавливались и смотрѣли на пожарныхъ, нѣкоторые бѣжали слѣдомъ.

— Поѣзжай, милый человѣкъ, намъ бы того — на поѣздъ поспѣть!—сказалъ старикъ,—поѣздъ бы намъ того... не профукать!

Извозникъ тронулся за пожарными. Издали былъ виденъ густой клубъ дыма.

— Это надо быть заведеніе горить,—сказалъ извозникъ, обернувшись.

— Какое такое заведеніе?—спросилъ старикъ.

— Садъ... «Огненная земля» прозывается. Надо быть онъ самый. Да вотъ мимо пройдемъ. Не затерло бы какъ!

— Какой же это садъ-то?—допытывался старикъ.

— Какой! Говорятъ тебѣ заведеніе! Ну!—съ нѣкоторымъ раздраженіемъ отвѣчалъ извозникъ,—увеселительное.

— Такъ, такъ! Что же тамъ собственно...

— Что? Представленія разныя... тѣатръ... Самъ-то я не былъ, а ребята сказывали: занятно! Лѣтось борьба была... А теперь вотъ горить. Ишь какъ валяется!

Дѣйствительно, рѣзвое пламя съ какою-то ненасытимую алчностью пожирало затѣливыя постройки «Огненной земли». Въ кучкѣ зрителей причину пожара объясняли тѣмъ, что плотники, исправлявшіе къ предстоявшему сезону настилку пола на сценѣ, заронили въ стружки папиросу; зрители-скептики качали головами и, подмигивая въ сторону присутствовавшего тутъ же и спокойно созерцавшаго пламя Поросенкова, шопо-

— Спроси, говорить, у фёршала! А я, милый человекъ, этого самаго ихняго фёршала видалъ... проходилъ онъ, какъ то, черезъ сѣни... Что твой волкъ! Взглядъ супротивный такой...

— Фёршалъ!—воскликнулъ портной и вытянулъ худую шею съ очевиднымъ намѣреніемъ излить все негодованіе, что накопилось у него противъ человека съ волчьимъ взглядомъ, но вдругъ закаплялся и, схватившись за грудь, перегнулся пополамъ.

— Ахъ ты, болѣзненный, какъ капляешь-то, а!—погладилъ и его по головѣ старикъ,—ну, сынокъ, что-же, собирайся, что-ли, да и того...

Но въ этотъ день имъ не удалось уѣхать; помѣшали порядки, заключавшіеся въ томъ, что безъ осмотра главнымъ докторомъ нельзя было выписать больного. Капитонъ долженъ былъ провести еще одну мучительную ночь, втеченіе которой не сомкнулъ глазъ. Ночью у человека разыгрывается фантазія и все кажется нѣсколько иначе, нежели днемъ. Капитону лѣзали въ голову странныя мысли: то ему казалось, что приходъ отца и весь разговоръ его съ нимъ былъ ничто иное, какъ бредъ, то онъ боялся, что старикъ заплутается и не найдетъ больницы, то вдругъ ему приходило въ голову, что отца отговорятъ люди, онъ не повезетъ больного калѣку-сына, лишній ротъ въ семьѣ, и уѣдетъ одинъ.

Даже утромъ онъ тревожился и не сходилъ съ террасы, слѣда за каждымъ проходившимъ.

Но вотъ пріѣхалъ старикъ, всѣ формальности были соблюдены, и Капитону было выдано его платье. Съ удивленіемъ и съ какимъ то не то смущеніемъ, не то страхомъ онъ смотрѣлъ на приличную, почти новую пиджачную пару, лаковые ботинки и сѣрую, мягкую шляпу, и готовъ былъ не признать это одѣяніе своимъ, еслибы не вспомнилъ, что оно дѣйствительно было на немъ въ то утро, слѣдующее послѣ борьбы, когда Атлантовъ посадилъ его на извозчика и привезъ въ больницу.

Шатаясь, поддерживаемый отцомъ, Капитонъ вышелъ на подъѣздъ и оглянулся. Съ террасы ему кивали сѣрыя шапочки больныхъ. Портной старался что-то прокричать, но закаплялся и махнулъ рукой.

У крыльца ждалъ извозчикъ. Въ пролеткѣ лежала котомка старика, которую онъ взялъ на руки, чтобы дать мѣсто сыну. Извозчикъ дернулъ возжами и кляча тронула мелкой рысцой.

— Батюшка,—началъ Капитонъ, задыхаясь отъ тряски и чувствуя все ту же, постоянную боль внутри,—ты видишь на мнѣ эту одежду?

— Вижу, сынокъ, а что?

— А что же ты меня не спросишь: какъ я жилъ, что дѣлалъ?

— Чего же мнѣ спрашивать? Хорошо, по Божески жить, худого не дѣлалъ,—чего спрашивать,—а худо жить, несправедливо,—твое дѣло, твой и отвѣтъ. Богъ съ тебя спроситъ!

— Худого я, батюшка, не дѣлалъ,—прошепталъ Капитонъ.

— А и слава Богу, сынокъ!

— Только я тебѣ потомъ все, батюшка, расскажу.

— Расскажи, коли хочешь.

— Обиды никому не дѣлалъ,—снова прошепталъ Капитонъ.

— Слава Богу, Капитоша! Ты ужъ не вереди себя, дай срокъ поправиться, здоровьемъ, значить, поправиться.

Капитонъ молча покачалъ головой.

Сзади нихъ нѣкоторое время слышался басистый, тягучій крикъ, этотъ крикъ все приближался и вскорѣ къ нему примѣшался конскій топотъ.

— А-а-а! Па-а-ди!—кричалъ настигавшій ихъ голосъ.

Извозникъ оглянулся, торопливо задергалъ возжами, свернулъ къ тротуару и остановился.

— Скачетъ!—сказалъ онъ.

Мимо, размахивая нагайкой, проскакалъ пожарный; тотчасъ за нимъ прогрохоталъ обозъ. Люди останавливались и смотрѣли на пожарныхъ, нѣкоторые бѣжали слѣдомъ.

— Поѣзжай, милый человѣкъ, намъ бы того — на поѣздъ поспѣть!—сказалъ старикъ,—поѣздъ бы намъ того... не профукать!

Извозникъ тронулся за пожарными. Издали былъ виденъ густой клубъ дыма.

— Это надо быть заведеніе горить,—сказалъ извозникъ, обернувшись.

— Какое такое заведеніе?—спросилъ старикъ.

— Садъ... «Огненная земля» проывается. Надо быть онъ самый. Да вотъ мимо пройдемъ. Не затерло бы какъ!

— Какой же это садъ-то?—допытывался старикъ.

— Какой! Говорятъ тебѣ заведеніе! Ну!—съ нѣкоторымъ раздраженіемъ отвѣчалъ извозникъ,—увеселительное.

— Такъ, такъ! Что же тамъ собственно...

— Что? Представленія разныя... тятръ... Самъ-то я не былъ, а ребята сказывали: занятно! Лѣтось борьба была... А теперь вотъ горить. Ишь какъ валяется!

Дѣйствительно, рѣзвое пламя съ какою-то ненасытимую алчностью пожирало затѣйливыя постройки «Огненной земли». Въ кучкѣ зрителей причину пожара объясняли тѣмъ, что плотники, исправлявшіе къ предстоявшему сезону настилку пола на сценѣ, заронили въ стружки папиросу; зрители-скептики качали головами и, подмигивая въ сторону присутствовавшего тутъ же и спокойно соверцаващаго пламя Поросенкова, попо-

томъ сообщали, что почтеннаго хозяина все равно ожидать «прогарь» и онъ, предпочитая сгорѣть сразу, *тою...* понимаете? Пожаръ былъ сильный, но при солнцѣ, среди бѣла дня, не представлялъ грандіознаго зрѣлища. Змѣйками взвивался огонь по стропиламъ построекъ, забирался внутрь, вытѣзалъ на крышу и постройка, разсыпая тучу искръ, валилась, какъ еостеръ. Такимъ образомъ сгорѣлъ театръ, оба пивные павильона, буфетъ и огонь добрался до другихъ построекъ. Пожарные работали вяло отъ сознанія ли тщетности своихъ усилій или потому, что пожаръ не представлялъ ни для кого опасности и самое пожарище было ограждено отъ сосѣднихъ строеній. Между тѣмъ охотниковъ поглазѣть собралось множество, — вся улица была запружена народомъ, люди смотрѣли съ балконовъ, изъ оконъ сосѣднихъ домовъ, даже на крышахъ видѣлись кучки любопытныхъ. На извозчикѣ подѣхалъ длинный, съ рѣденькой бородкой и какимъ-то желчнымъ, блѣднымъ лицомъ господинъ, быстро соскочилъ съ пролетки, торопливо сунулъ извознику плату и началъ пробираться черезъ толпу, къ воротамъ заведенія. У самыхъ воротъ, заложивъ руки въ карманы потертаго лѣтнаго пальто, на коротенькихъ ножкахъ, стоялъ небольшого роста толстякъ. Длинный сзади, по затылку, узналъ толстяка, подошелъ и слегка хлопнулъ его по плечу.

— Хрисанфъ Терентьичъ! — окликнулъ онъ, — и вы на поприщѣ пожара? Здравствуйте!

Ватрушкинъ оглянулся, прищурился отъ бившаго прямо въ глаза солнца и хриплой октавой отвѣчалъ товарищу по занятіямъ:

— Я, батенька, на всякихъ поприщахъ... по дѣламъ службы. Желая здравствовать!

И философски потянулъ изъ окурка очень толстой и очень скверно пахнувшей, даже на воздухѣ, сигары.

— Вотъ тутъ и посидимъ! Чайку попьемъ! — говорилъ старикъ, вводя Капитона въ буфетъ третьяго класса и усаживая его на скамейку, — времени то еще хватить. Малый, а малый! Милый человекъ, чайку намъ... на двоихъ! А я къ сторожу сбѣгаю... вещи кое какія оставлены!

Онъ ушелъ и вскорѣ вернулся съ объемистымъ мѣшкомъ, который свалилъ тутъ же на полъ. Капитонъ налилъ по чашкѣ чая. Старикъ разстегнулъ кафтанъ и отпустилъ поясъ, охватывавшій животъ поверхъ посконной рубахи. Лучъ солнца пробрался сквозь запыленное окно буфетнаго отдѣленія и заигралъ на широкой лысинѣ и красномъ, полномъ здоровья и силы, обросшемъ длинной, сѣдой бородой лицѣ старика. Широкіе рукава рубахи позволяли видѣть полныя, съ толстыми жилами, могучія руки старика.

Съ чувствомъ зависти и затаенной грусти Капитонъ смотрѣлъ на отца.

— Какой ты, батюшка, сильный! — вырвалось вдругъ у него.

— Старъ становлюсь, сынокъ, вотъ что! — покачалъ тотъ головою, — того то, прежняго, въ половину нѣтъ! Нѣтъ ужъ прежняго-то. Ну ка, сынокъ, плесни еще чашечку. А тамъ и въ вагонъ...

Въ вагонѣ Капитонъ помѣстился у раскрытаго окна. Старикъ долго возился съ мѣшками и котомками, наконецъ усталъ и принялся вытирать лысину и лицо деревенскимъ ручникомъ.

— Ишь парить то! Ровно лѣтомъ! — замѣтилъ онъ; — у окошечка то тебѣ, сынокъ, хорошо будетъ. Воздушкомъ провѣвать будетъ! Никакъ третій... звонокъ то? Ну, Господи благослови!

И онъ медленно и широко перекрестился. Поѣздъ тронулся. Замелькали колонки платформы, потомъ станціонныя зданія, будки стрѣлочниковъ, семафоры, затѣмъ все это словно отодвинулось назадъ, стало вдругъ больше простора и свѣта, поѣздъ выбѣжалъ въ поле и весело, бойко помчался впередъ.

Капитонъ сидѣлъ въ томъ же положеніи, какъ наканунѣ на больничной террасѣ, — положивъ обѣ руки на рамку окна, а на нихъ голову, — смотрѣлъ на поля, подернутыя легкимъ, нѣжнымъ пухомъ молодой зелени, на кудрявившіяся верхушки молодого осинника, на широкіе разливы сверкавшей при солнцѣ покой воды и чувствовалъ, какъ чистый, весенній воздухъ благотворными струями вливается въ его грудь, какъ онъ и крѣпитъ и пріятно опьяняетъ, и какъ, съ каждымъ глоткомъ этого воздуха, неутолимой жаждой жизни волнуется и трепещетъ все его молодое существо...

Н. Баранцевичъ.

Отрывки изъ заграничныхъ воспоминаній.

Посвящается памяти Н. А. Блочкова.

Встрѣтить весну въ Ниццѣ, посмотрѣть ее въ Италиі и Швейцаріи, потомъ взглянуть на весенній Парижъ и вернуться въ Россію въ май—русской весной—таковъ былъ мой планъ заграничнаго путешествія.

Въ половинѣ января я оставилъ Петербургъ, но онъ долго не покидалъ меня. Всю Германію меня преслѣдовало то же хмурое недовольное небо, тѣ же роняющія слезы деревья, тотъ же жагущійся вѣтеръ...

Заграница не дала мнѣ того свѣтлаго, того особаго—не русскаго настроенія, какого я невольно и неосновательно ждалъ отъ нея. Польская равнина, унылая и плоская, перешагнула въ Германію и тонула такая же однообразная и тусклая въ этомъ сѣромъ свѣтѣ какихъ-то весь день не проходящихъ сумерокъ.

А въ душѣ складывается отвратительное настроеніе. Чувствуешь себя чужимъ этимъ рядомъ съ тобой сидящимъ людямъ, этой природѣ, всей этой бѣгущей мимо оконъ вагона жизни.

Передъ Базелемъ глянуло солнце и свѣтлыя пятна побѣжали по рейнской долиנѣ, словно дрогнула улыбка на блѣдномъ печальномъ лицѣ. Теплѣе и свѣтлѣе сдѣлалось въ моемъ угрюмомъ холодномъ вагонѣ. Мнѣ почему то вспомнилась Сикстинская мадонна. Я долго стоялъ передъ ней въ Дрезденѣ и не понималъ ея.

Простенькое, милое лицо, доброе и ласковое—только и всего. Ничего значительнаго, возвышающаго и поднимающаго, чего я ожидалъ отъ нея. Мнѣ было пріятно смотрѣть на это милое лицо, какъ пріятно встрѣтить своего человѣка въ чужихъ краяхъ; но этого было слишкомъ мало для Сикстинской мадонны и я злился на свою духовную слѣпоту, злился, что не могу понять того, что, очевидно, такъ просто и такъ понятно для всѣхъ.

И вотъ теперь то ласковое лицо просвѣтлѣло и я понялъ его. Предо мной встало удивительно чистое лицо женщины, не перестававшей быть дѣвушкой, не русское, не итальянское, а обще-

человѣческое лицо и народное, а не лицо искусственно подобраннаго сословія, и встала предо мной вся прелесть, все очарованіе этого необыкновенно ласковаго лица. Я понялъ, что тайна очарованія въ этой *ласкѣ*, въ этомъ лучшемъ, человѣчнѣйшемъ выраженіи человѣческаго лица. Вспомнился и этотъ колѣнопреклоненный сѣденькій старичокъ, какихъ можно встрѣтить въ любой русской деревенской церкви—дрожащій отъ слабости, со всѣмъ умиленіемъ вѣрующаго и преданнаго сердца вперившій свои старческіе глаза въ это ласковое лицо и, кажется, готовый выговорить: «матушка, царица небесная!»..

Приходили на память другія картины Дрезденской галлерей. Вспомнилась Гольбейновская мадонна, какъ и Сикстинская поставленная въ отдѣльную комнату, эта мать Лютера, Шиллера — лучшаго изъ нѣмцевъ, но не Христа. Вспомнился голый цинизмъ безобразныхъ пьяныхъ тѣлъ Рубенса. Потомъ эти искаженные мукой лица и льющааяся изъ ранъ алая кровь, потомъ почему то собачьи зубы, бѣлыя и блестящія, впившіеся въ спину какого-то звѣря...

А ласковое человѣческое лицо все свѣтлѣло, все выдѣлялось рѣзче, поднималось выше и выше... Это былъ первый хорошій день моего заграничнаго путешествія. Въ свѣтѣ солнца весело выглядѣли покрытые виноградниками склоны горъ, ярко зеленныя озими, блѣдно голубая лента Рейна. Справа вдали видѣлись Вогезы, впереди вставали швейцарскія горы, словно преддверіе чего то хорошаго...

То скверное чувство чужого человѣка исчезло и я почувствовалъ, словно сдѣлалъ новое открытіе, что одно и то же солнце свѣтитъ и въ Уфѣ, и въ Базелѣ, и вездѣ съ одинаковой нѣжностью матери прижимаютъ къ груди своихъ дѣтей, и всюду совершенно одинаково и такая же алая и горячая льется кровь изъ человѣческихъ ранъ. Мнѣ даже подумалось, что придетъ время, когда слова «свой» и «чужой» потеряютъ смыслъ и исчезнетъ слово «заграница», такъ какъ сотрутся границы и Вогезы не будутъ такъ сурово смотрѣть на долину Рейна.

Богъ знаетъ откуда шли въ голову тѣ мысли, которыя совѣстно выговаривать вслухъ и которыя тѣмъ не менѣе все думаются и такъ много тепла вносятъ въ душу.

Не долго сіяла Рейнская долина. Тяжелыя облака закрыли солнце, и угрюмое небо снова повисло надо мной. Мнѣ подумалось, возможна ли такая свѣтлая неогорченная мадонна, съ такой безмятежной лаской несущая міру своего сына?

Неужели она не знаетъ, *на что* несетъ она міру своего сына? А если знаетъ,—какъ это неогорченное лицо могло не дрогнуть отъ жалости, боли, страданія? Предо мной встаетъ бѣдная русская деревенская церковь и грубо написанное лицо Божьей матери, скорбящей матери. Въ темномъ убрусѣ большое темное лицо... Катилась слеза по щекамъ и застыла...

Въ колышавшемся пламени восковыхъ свѣчей слеза дрожить и въ большихъ суровыхъ глазахъ скорбящаго лица мелькаетъ печаль. А передъ Заступницей такія же темныя скорбящія лица съ той же нескатившейся слезой, съ той же невысказанной жалобой въ глазахъ...

Въ Швейцаріи весь день свѣтило солнце, но это было холодное русское солнце и зимняя печаль лежала на голыхъ долинахъ, на свѣтлыхъ неподвижныхъ озерахъ, на маленькихъ деревушкахъ, такъ робко жавшихся по горнымъ ущельямъ. Скоро и это солнце ушло, исчезли долины и озера и человѣческое жилье, и остались только горы, — холодныя съ темными ребрами, засыпанными снѣгомъ вершинами. Темная ель покрыла всѣ склоны и шумѣла, какъ въ сибирской тайгѣ, а со дна глубокихъ пропастей ей вторилъ зеленый потокъ, бѣшено несшійся на встрѣчу поѣзду. Стало холодно, поѣздъ мчался, все выше и выше, пронизывая горы, перелетая черезъ мостики, повисшіе надъ глубокими пропастями. Мгла наполняла ущелья, въ синемъ небѣ засвѣтились одинокія блѣдныя звѣзды и розовымъ огнемъ догорали въ послѣднихъ лучахъ солнца высокія пики снѣговыхъ горъ, когда нашъ поѣздъ поглотила долгая и глубокая тѣма С.-Готардскаго туннеля...

А тамъ, по другую сторону туннеля, стояла глубокая ночь.

Ярко горѣли большія итальянскія звѣзды, смутно мерцалъ синій снѣгъ на горахъ, тихо вздыхала сонная ель и только гнавшійся за нами потокъ такъ же глухо ревѣлъ на днѣ глубокихъ ущелій. Густой туманъ поднимался изъ пропастей и, какъ блѣдныя привидѣнія, медленно двигались облака по горамъ.

Раннимъ утромъ подъѣхали мы къ Лугано. Взошло яркое солнце и туманъ сползъ съ горъ, опустился внизъ и, какъ море, растянулся надъ Лугано. Гдѣ то внизу тихо звонили «angelus» колокола невидимыхъ луганскихъ церквей, словно заблудившіеся люди окликались другъ друга, сходились, громко переговаривались, снова теряли другъ друга и звучали далекими одинокими голосами. Изрѣдка солнечный лучъ разрывалъ колышавшіяся сѣрыя волны и тогда на мгновенье мелькали голубой кусокъ Луганскаго озера, острый шпиль церкви, но туманъ снова, какъ волнующееся сѣрое море, покрывалъ Лугано.

Поѣздъ отходилъ отъ станціи, а колокола внизу все тревожно переговаривались и грустью и жалобой звучали мѣдныя итальянскіе голоса.

Окутанный такимъ же туманомъ всталъ передо мной Миланскій соборъ, словно необъятный каскадъ воды, страшной силой выброшенный изъ земли, разбившійся въ воздухъ на тысячи струй и такъ замершій въ своихъ недоступныхъ человѣческому воображенію очертаніяхъ, въ своихъ странныхъ, невѣроятныхъ узорахъ, которые только зимній морозъ умѣетъ рисовать на окнахъ.

Было холодно, темно и пусто внутри огромнаго храма. Терялись

во мракѣ длинныя ряды сѣрыхъ каменныхъ колоннъ, смутно высилась впереди алтарь съ расprostертой надъ нимъ громадной мантией и спускавшимися на цѣпяхъ тускло горѣвшими лампадами. Слова молитвъ доносились неяснымъ шопотомъ, и органъ звучалъ тревожно и глухо и безсильнымъ эхомъ замиралъ въ глубинѣ храма. Сквозь расписанныя стекла узкихъ стрѣльчатыхъ оконъ плыли внутрь какія-то странныя пятна свѣта, золотисто-желтыя, красныя и фіолетовыя, дрожащія, колеблющіяся. Нѣсколько десятковъ молящихся сиротливой сѣрой кучкой озябшихъ людей терялись между огромными колоннами. Время отъ времени торопливо проходили по собору женщины съ корзинками; онѣ останавливались всякая передъ своимъ образомъ, на мгновеніе опускались на колѣна, сложивши молитвенно руки, и тотчасъ вскакивали и уходили со своими корзинками. Передъ исповѣдальными стояли на колѣняхъ темныя фигуры женщинъ съ беззвучнымъ шопотомъ на губахъ, словно онѣ говорили свои тайны куда-то въ пространство кому-то незримому и безплотному, чей духъ виталъ за этими темными оконцами...

Въ глубинѣ храма, крѣпко охвативши руками колонну, на холодномъ полу лежалъ человѣкъ, котораго я принялъ сначала за груду забытыхъ кѣмъ-то лохмотьевъ. Отъ всей фигуры его вѣяло глубокимъ отчаяніемъ. Голова съ рассыпавшимися прядями черныхъ съ просѣдью волосъ безсильно лежала на ступенькѣ колонны, лицо было синее, закрытые глаза глубоко ввалились, ротъ крѣпко стиснутъ. Я долго ходилъ по крышѣ собора среди этихъ безчисленныхъ статуй святыхъ, по безконечнымъ лѣстницамъ между этими удивительными фантастическими колоннами и снова спустился внутрь. Месса кончилась. Въ храмѣ было свѣтлѣе, шире и просторнѣе. Ярче свѣтились разноцвѣтныя пятна на сѣрыхъ колоннахъ и блестящій лучъ солнца, тонкій, какъ стрѣла, прорвался сквозь разноцвѣтныя стекла и золотой полосой пронизалъ мракъ и глубь храма. Восемь человѣкъ, одѣтыхъ въ бѣлое, стояли высоко надъ землей передъ органомъ и трогательными итальянскими голосами пѣли передпрічастный гимнъ, полный призыва и надежды, и органъ вторилъ нѣжно, примиряюще и ободоряюще, а человѣкъ лежалъ въ той же позѣ, такой же неподвижный и съ тѣмъ-же отчаяніемъ на синемъ лицѣ...

За Миланомъ было какъ-то особенно тоскливо. Низко ползли по небу тяжелыя сѣрыя облака и дождь хлесталъ въ окна. Вагонъ угрюмо молчалъ. Было холодно, приходилось сидѣть въ тепломъ пальто, укутать ноги пледомъ и все-таки дрожать и пожиматься отъ этого сырого вѣтра, дувшаго въ окно.

И все, что видѣлось изъ вагона, казалось такъ бѣдно и жалко. Эти мутныя рѣки, текшія въ низкихъ берегахъ, маленькіе влочки голыхъ полей и между ними какія-то безобразныя деревья съ обрубленными вѣтвями, съ утолщеніями на концахъ, словно кула-

ками кому-то грозившими, и эти разбросанные тамъ и сямъ трехъ-этажные въ два окна домики безъ садика, безъ надворныхъ строений, словно нежилые...

Въ моихъ рукахъ были купленные въ Миланѣ газеты, полныя описаніемъ кровавыхъ ужасовъ, происходившихъ въ то время въ Сицилиі. У меня не выходилъ изъ головы тотъ миланскій человѣкъ съ синимъ лицомъ, и мнѣ все думалось, что также и сицилиецъ, съ тѣмъ же выраженіемъ отчаянія на лицѣ, долго лежалъ у подножія своихъ алтарей и все ждалъ, что Богъ вступится за него...

Это было такъ внезапно и неожиданно. Мы влетѣли въ какой-то туннель и когда вырвались изъ него, я долженъ былъ закрыть глаза отъ ослѣпительнаго свѣта, наполнившаго вагонъ. Я невольно открылъ окно и оглянулся.

Отъ насъ уходила назадъ сѣрая гора и разорванные куски хмурыхъ облаковъ, висѣвшихъ надъ ней, а надъ нами было южное небо, именно такое, какимъ я воображалъ его себѣ,—ярко синее, огромное и необыкновенно глубокое. Распускались и цвѣли какія-то незнакомыя деревья, зеленѣлъ лавръ за каменной стѣной, а вотъ настоящая пальма—я даже заглянулъ, не въ кадкѣ-ли она—огромная пирокколистная пальма.

Въ открытое окно вагона лился свѣжій теплый воздухъ. Стало жарко, воѣ скинули осеннія пальто и сбросили съ себя то угрюмое недружелюбное настроеніе, которое царилъ въ вагонѣ. Огромный итальянецъ съ бычачьей шеей и лицомъ патентованнаго бандита, все время сердито плевавшій куда ни попало и время отъ времени переругивавшійся со своимъ товарищемъ, откинулся въ уголъ вагона, нагнувъ на лобъ свою разбойничью широкополую шляпу, закурилъ бѣлую трубочку и тоненькимъ теноркомъ замурлыкалъ весьма нѣжную итальянскую арію. Худенькій нѣмчикъ, съ которымъ я ѣхалъ отъ Дрездена, всю дорогу степенно рассказывавшій, что онъ ѣдетъ въ Ниццу лечиться отъ такихъ-то и такихъ-то болячекъ, началъ громко смѣяться и жестиковать руками и признался мнѣ, что въ сущности онъ ѣдетъ не въ Ниццу, а въ Монте-Карло играть въ рулетку. Онъ даже сталъ убѣждать меня бросить Ниццу и обосноваться въ Монте-Карло, говоря, что въ Ниццѣ скучно, а въ Монте-Карло весело, и обѣщалъ посвятить въ тайну своей системы, надъ которой онъ работалъ два года и съ которой ѣдетъ играть на вѣрняка. Кто-то купилъ на станціи литръ вина и сталъ угощать своихъ сосѣдей.

Горячій воздухъ льется въ открытыя настежъ окна вагона, весело свищетъ повѣздъ, вдали свѣтится голубая линія Средиземнаго моря...

II.

Вотъ она, наконецъ, Ривьера, живая, настоящая Ривьера, та расфранченная блестящая красавица, какой рисуется она намъ!

Мнѣ вспоминаются какія-то декораціи, сцена, картины.

Поездъ мчится по взморью. Бѣлые гребни голубыхъ волнъ набѣгаютъ на берегъ и съ неяснымъ рокотомъ разбиваются о темные камни, изрѣдка донося брызги до вагонныхъ оконъ. Босоногіе мальчишки шлепаютъ по водѣ и чего-то ищутъ. Вдали бѣлѣетъ одинокій парусъ, словно доказательство, что это настоящее море и ни одна бутафорская принадлежность не пропущена, а еще дальше, тамъ, на самомъ горизонтѣ, сѣроватый дымокъ тянется по небу,—это изъ трубы морского корабля, возвращающагося откуда нибудь изъ Каира, Индіи, а быть можетъ изъ далекой, холодной Россіи..

Справа горы. Высокія скалистыя горы, одѣтыя по склонамъ сѣроватыми, точно вѣчно запыленными оливковыми деревьями и увѣчанными зелеными пниіями, кудравыя вершины которыхъ такъ красиво выдѣляются на синемъ небѣ. Горы громоздятся другъ на друга, острыми ребрами вдвигаются въ море и поездъ ныряетъ подъ ними туннелями и снова выбѣгаетъ, иногда только затѣмъ, чтобы на минуту взглянуть на голубое море и снова скрыться въ туннелѣ.

Изрѣдка горы уходятъ отъ моря и тогда открывается свѣтлая долина и огромный зеленый садъ, гдѣ красными и желтыми пятнами мелькаютъ лимоны и апельсины, виднѣются бѣлые домики, красныя черепичныя крыши. И опять туннель, опять мѣняется, вѣчно мѣняется картина.

Вотъ роскошная вилла, цѣлое море огромныхъ пальмъ окружаетъ ее, и темные стройные кипарисы и прозрачныя арокаріи такъ красиво высятся на фонѣ бѣлыхъ стѣнъ и синяго неба. А надъ ней на голой скалѣ, далеко вдвинувшейся въ море, сѣрая куча камней и полуразрушенная башня, иногда цѣлый городокъ, пріютившійся какъ орлиное гнѣздо, гдѣ въ доброе старое время добрые старые люди высматривали, нѣтъ-ли чѣмъ поживиться въ морѣ...

Надо всѣмъ этимъ ярко-синее небо, глубокое и блестящее, и кругомъ голубое море, уходящее изъ глазъ въ ту широкую даль, гдѣ цвѣта сливаются и гдѣ перестаешь различать море отъ неба. Какъ свѣтло, зелено и радостно кругомъ и какъ все выдѣляется ярко и выпукло! Все чужое, диовинное.

Огромные лимонные и апельсиновые сады, пальмы и мирты и лавры, и темный кипарисъ, и огромный эвкалиптусъ, какъ только что распустившаяся зеленая ветла... Глазъ не можетъ насмотрѣться и мечется отъ окна къ окну, чтобы полюбоваться на эти голубыя волны, бьющіяся о берегъ, на вырисовывающіеся впереди причудливыя заливы, и не пропустить того, что справа: новой горы, новыхъ красокъ и линій. О, конечно, это настоящая весна. Вотъ цвѣтетъ миндальное дерево, а это распускаются персики. Наша русская герань тутъ около вокзала, какъ польнь, какъ сорная трава, цвѣтетъ своими красными цвѣточками. Горы и каменные стѣны виллы покрыты тѣми спускающимися ползучими растеніями, что

такъ бережно вращиваются у насъ въ Россіи въ банкахъ, подвѣшенныхъ къ окну, а изъ расщелинъ скалъ вырываются, какъ пучки змѣй, эти страшныя агавы и изрѣдка мелькаютъ между ними высокіе, какъ прямые стволы ели, странныя цвѣты агавы, словно созданные мрачною фантазіей Эдгара Поэ.

Шумная и оживленная толпа постоянно мѣняется въ вагонахъ, непрестанно летаютъ поезда...

Я пріѣхалъ въ Ниццу 1-го февраля по нашему стилю, въ восторгъ отъ Ривьеры и отъ южной весны.

III.

Я передаю свои восторги Ривьерой моему знакомому, ниццкому старожилу.

— Какая прелесть у васъ весна!—говорю я и объясняю даѣе, какъ странно мнѣ было изъ холоднаго Петербурга перенестись на Ривьеру и какъ вдругъ блеснуло мнѣ южное солнце и южная красота. Онъ внимательно слушаетъ и поддакиваетъ мнѣ.

— Да, да, это вѣрно. Но только какая же теперь весна?

Я останавливаюсь и въ полномъ недоумѣніи спрашиваю:

— То-есть какъ—какая весна?

— Ну, конечно... Зима теперь. Весна еще мѣсяца черезъ полтора, черезъ два будетъ.

— Зима? А вотъ посмотрите,—удивлялся я:—у васъ даже купаются.—Мы шли по Promenade des Anglais и я указалъ моему спутнику на господина въ полосатомъ купальномъ костюмѣ, выходившаго изъ моря по направленію къ купальной будочкѣ.

— Да вѣдь это англичанинъ,—возразилъ онъ мнѣ.

Я пробовалъ отстоять свое мнѣніе болѣе убѣдительными доводами.

— А миндальныя деревья цвѣтутъ? а масса цвѣтовъ, которые всякое утро являются на рынкѣ?

— Ну что же цвѣты,—равнодушно отвѣтилъ мнѣ мой спутникъ—они здѣсь круглый годъ. Вотъ вы немножко опоздали,—съ сожалѣніемъ добавилъ онъ,—сезонъ розъ окончился, здѣсь ихъ много и прелестныя...

— Но что же въ такомъ случаѣ значить у васъ весна?

— Какъ вамъ сказать?—раздумчиво заговорилъ мой знакомый,—вообще весна. Тепло будетъ.

Мы шли безъ пальто въ однихъ пиджакахъ.

— И потомъ вотъ видите: платаны стоятъ голые.

Въ это время мы вышли на Avenue de la gare, платаны дѣйствительно стояли голые и вмѣсто листьевъ съ нихъ спускались гирляндами серпентины, оставшіяся отъ карнавала, за три дня до моего пріѣзда окончившагося въ Ниццѣ.

Меня заставляли вѣрить, но въ моей головѣ не умѣщалось по-

нате о зимѣ съ этимъ горячимъ солнцемъ, съ цвѣтущими и зеленеющими деревьями, зрѣющими въ садахъ апельсинами и лимонами, съ этимъ громаднымъ рынкомъ, ежедневно наполнявшимся полевыми цвѣтами...

Мнѣ хотѣлось понять эту чуждую мнѣ природу и я цѣлыми днями бродилъ въ окрестностяхъ Ниццы, въ особенности на Corniche, этой чудной дорогѣ по надъ взморьемъ, что тянется по Ривьерѣ, откуда такъ красива свѣтлая даль безконечнаго моря, роскошныя виллы, утопающія въ зелени тропическихъ растений. Когда мнѣ надобѣдала торная шоссейная дорога, гдѣ вѣчно мелькаютъ туристы, тянутся въ горы коляски, шныряютъ велосипедисты,—я уходилъ въ горы по узенькимъ тропинкамъ, вьющимся между рядами оливковыхъ деревьевъ, мимо одинокихъ бѣлыхъ домиковъ, затерявшихся въ горахъ.

Я надѣялся увидѣть что нибудь въ родѣ настоящаго лѣса, пашни, поля, луга. Ничего этого въ горахъ не оказалось. Вотъ какая-то капуста растетъ подлѣ бѣленькаго домика, изрѣдка встрѣтится маленький кусокъ зеленѣющаго поля и съ удивленіемъ узнаешь овесъ, собирающійся колоситься; въ маленькой рѣдкой травѣ цвѣтутъ дикіе гіацинты, нарцисы и виолетъ де-пармъ, а кругомъ все оливки, цѣлое море оливокъ.

Встрѣтишь мѣстнаго жителя съ мотыгой въ рукахъ и цѣлыми часами наблюдаешь, какъ управляетъ онъ съ своими горами. Голая скала. Въ одномъ мѣстѣ ложбина, тамъ застаивается вода, трескается и рыхлѣетъ камень. Занесенная вѣтромъ пылъ засѣла въ трещинахъ скалы и какіе-то цвѣточки выглядываютъ между камнями, вьется какое-то ползучее растеніе. Человѣкъ разбиваетъ желѣзной мотыгой рыхлые камни, подсыпаетъ земли, вотъ и готово поле, величиной въ мой письменный столъ. Рядомъ, въ другой ложбинѣ, такое же поле и тамъ уже растутъ какіе-то овощи, а пройдешь лѣтъ десять и на мѣстѣ дикой скалы окажется прекрасный огородъ, откуда будутъ доставлять легкомы въ Ниццу, или вытнутыя рядами оливковыя деревья,—это главное богатство горныхъ жителей; а быть можетъ явится роскошная вилла или шикарный отель для иностранцевъ, которые не выносятъ морского прибоа и стремятся въ горы.

Горы не разсѣяли моихъ недоумѣній. Ни оливковыя деревья, никогда не сбрасывающія всѣхъ листьевъ, ни цвѣтушіе гіацинты и нарциссы, ни овесъ, собирающійся колоситься въ февралѣ, не могли мнѣ ничего сказать ни про весну, ни про зиму.

Постепенно я пришелъ къ заключенію, что въ Ниццѣ настоящей природы нѣтъ.

Мои ницскіе знакомые рассказали мнѣ, что эвкалипты культивировалъ въ Ниццѣ нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ какой-то русскій князь, что агавы пересажены изъ Мексики, арокаріи изъ южной Америки, что пальмы и лавры и мирты и тропическая зелень пересажены

изъ разныхъ мѣстъ, что самая земля для посадокъ привозится на корабляхъ изъ Алжира. Я вспомнилъ изъ исторiи, что даже оливковое дерево, этотъ мужикъ Ривьеры, культивировано греками, устраивавшими колонiи на Ривьерѣ. Оказалось, что все это пышное растительное богатство, которымъ гордится Ницца, понатащено со всѣхъ концовъ міра, какъ теперешнее зимнее населеніе Ниццы образуется изъ иностранцевъ, понаѣхавшихъ тоже со всѣхъ концовъ міра.

Какъ эта сборная, разнокалиберная растительность до того заполонила всю Ривьеру, что изъ за этой растительности не видно мѣстной природы, такъ настоящая Ницца, эта кучка узенькихъ средневѣковыхъ улицъ, тѣснымъ кольцомъ окружившая гору и пугливо прижавшаяся къ тому шато, которое когда-то стояло на горѣ, — эта крохотная настоящая Ницца давно утонула въ огромномъ, далеко раскинувшемся новомъ городѣ съ его широкими авеню, съ бульварами и виллами, роскошными магазинами и дворцами-отелями. И вся Ницца съ ея окрестностями! производить впечатлѣніе чего-то сборнаго, разношерстнаго, не настоящаго города, не настоящей природы.

Каждое утро я прочитываю мѣстныя газеты и съ удовольствіемъ узнаю, что пріѣхалъ мистеръ Вилькинсъ изъ Мельбурна и два мистера изъ Нью-Йорка и баронъ изъ Петербурга, а изъ Англіи еще сэръ и баронетъ, въ добавленіе къ пріѣхавшимъ раньше серамъ и баронетамъ, и французскій дюкъ. Разъ я даже встрѣтилъ фамилію маловѣроятнаго графа Семипятова изъ Томска. Перечисляется, гдѣ они остановились: въ Британскомъ отелѣ, въ Швейцарскомъ, въ отелѣ Соединенныхъ Штатовъ, Русскомъ, Интернаціональномъ и пр. и пр.

Потомъ я перехожу къ утреннимъ раутамъ, такъ называемымъ *receptions*. Оказывается, наканунѣ былъ *reception* у виконтессы такой-то, гдѣ присутствовали: русскій князь, венгерскій графъ, испанскій грандъ, французскій дюкъ, братъ сіамскаго короля, какой-то родственникъ египетскаго хедива, *attaché* турецкаго посольства и опять — сэръ, баронетъ, мистеръ. А третьяго дня было *reception* еще важнѣе: ех-король неаполитанскій, который, признаюсь, сначала показался мнѣ такимъ-же маловѣроятнымъ существомъ, какъ и графъ Семипятовъ изъ Томска; потомъ ех-императрица такая-то и принцы разныхъ кровей.

Иарѣдка между этими гостями встрѣчаются фамиліи хозяевъ — мэръ города Ниццы, депутатъ округа, полковникъ мѣстныхъ войскъ.

Четвертая страница полна объявленіями о всевозможныхъ удовольствіяхъ, предлагаемыхъ публикѣ, и мнѣ становится жалко хозяевъ — ницскій муниципалетъ, изнемогающій въ усиліяхъ занять и наполнить пустое время этой огромной толпы праздныхъ людей.

Карнаваль — говорятъ, единственныя національныя праздники и настоящее веселье — кончился, но карнавальное настроеніе, очевидно, продолжается. *Bataille des fleurs* для дѣтей, *bataille des fleurs* для взрослыхъ, вечеръ отъ муниципалитета, гдѣ обязатель-

ный костюмъ—бѣлые балахоны, такой-же вечеръ съ полосатыми балахонами, грандіозный гесертіон, устроенный въ городскомъ казино отъ мѣстнаго офицерства. А въ видѣ ежедневной программы—въ театрѣ опера, въ городскомъ казино утромъ и вечеромъ оперетки и драмы; а въ казино, выстроенномъ надъ моремъ, тоже утромъ и вечеромъ концерты и комедіи, русскіе праздники чередуются съ китайскимъ балетомъ, на верандѣ играетъ оркестръ румынскихъ цыганъ, а вокругъ рулеточныхъ столовъ, наполняющихъ оба казино, продажныя женщины со всѣхъ концовъ міра.

Съ утра до ночи разноплеменная, разноголосая толпа наполняетъ бульвары и рестораны, театры и казино; и надъ Ниццей вѣетъ безсмертный духъ нижегородской ярмарки, съ ея острымъ букетомъ, съ ея особенностями, до арфистокъ включительно...

Единственное мѣсто, гдѣ мѣстные люди оказывались хозяевами, было кладбище, помѣщавшееся на Шато. Но и тамъ между мѣстными французскими и итальянскими фамиліями встрѣчаются нѣмецкія, англійскія и русскія и между разноцвѣтными, нелѣпыми стеклярусовыми вѣнками, которые украшаютъ французскія могилы и съ такой сентиментальной французской пошлостью врываються въ чистоту бѣлаго мрамора и строгую святость печальныхъ кипарисовъ, стоятъ темный чугунный русскій человѣкъ съ серьезнымъ лицомъ и усталыми грустными глазами, неподвижно устремленными не на Россію, а въ сторону Средиземнаго моря...

Цѣлый мѣсяцъ прожить я въ Ниццѣ, ни разу не скрывалось солнце за тучи, вѣчно синѣло небо и билась о берегъ голубая волна. Вѣчно зеленѣли деревья и каждый день знаменитый цвѣточный рынокъ Ниццы наполнялся ворохами роскошныхъ свѣжихъ цвѣтовъ.

Я не дождался весны въ Ниццѣ и рѣшилъ, что въ такомъ не настоящемъ мѣстѣ настоящей весны и не можетъ быть.

2-го марта я выѣхалъ въ Римъ.

IV.

— Это солнечная сторона?—спрашиваю я хозяйку маленькой квартиры, гдѣ отдавалась меблированная комната въ одной изъ узкихъ улицъ папскаго Рима.

— Sì, signore!

Я имѣю основаніе не довѣрять своему итальяно-французскому языку и снова спрашиваю:

— Здѣсь, въ этой комнатѣ, бываетъ солнце?

Хозяйка зажмуриваетъ глаза, какъ будто на нее хлынулъ потокъ ослѣпительнаго свѣта.

— О, signore! много солнца, очень много солнца!

Она открываетъ глаза, весело улыбается и дѣлаетъ широкій жестъ обѣими руками, какъ будто обнимаетъ уйму свѣта, которая

должна залить мою комнату. Я знаю, что въ это время года въ Римѣ нужно искать комнату непременно на солнечной сторонѣ и прежде, чѣмъ занимать мою *camera mobiliata*, осмотрѣлъ ее съ улицы, когда она была залита солнечнымъ свѣтомъ.

9 часовъ утра, я пью чай и жду солнца. Въ четверть десятого солнечный лучъ свѣтитъ на мѣдныхъ петляхъ моей рамы. Медленно, мнѣ кажется, ужасно медленно ползаетъ онъ въ мою большую темную холодную комнату; въ десять часовъ съ половиной лучъ доходитъ до той черточки, которую я сдѣлалъ карандашемъ на подоконникѣ,—наивысшее наполненіе моей комнаты солнечнымъ свѣтомъ, когда широкій и яркій свѣтлый снопъ занимаетъ цѣлыхъ полъ-окна и ярко освѣщаетъ умывальникъ, стоящій въ углу, и портретъ моей дочки на краю письменнаго стола и ножку моей кровати. Я помѣшаюсь съ своимъ стуломъ у окна и съ наслажденіемъ пью утренній чай и солнечные лучи. При этомъ я разсуждаю на философскія темы и главнымъ образомъ о томъ, какъ мало инициативы и такъ называемаго прогресса въ дѣятельности разныхъ пропріетеровъ, которыхъ начинаешь понимать и чувствовать по настоящему только за границей—если они не додумались до сего времени экспроприровать изъ общаго владѣнія солнце.

У меня вырастаетъ грандіозный планъ, какъ можно было бы небо задернуть чѣмъ нибудь темнымъ, надѣлать въ этомъ темномъ дырочекъ и отпускать солнечныя лучи въ такомъ-то объемѣ и на такое-то время и за такую-то цѣну—на поля, въ дома, лѣсъ, на площади.

Пока я занимаюсь приблизительнымъ вычисленіемъ будущихъ барышей, солнечный лучъ уходитъ и, мнѣ кажется, быстрее, чѣмъ входилъ, и въ одиннадцать часовъ его уже нѣтъ въ моей комнатѣ. Я невольно тянусь за нимъ, перевѣшиваюсь въ окно и слышу какъ потухаетъ окно за окномъ на моей солнечной сторонѣ, какъ быстро покидаетъ солнце мою *via Sistina*, долго блеснитъ на угловой вывѣскѣ маленькой *Trattoria*, въ которой я обѣдаю, и какъ холодно и темно и совсѣмъ по другому смотреть безъ солнца моя *via Sistina*.

За полтора часа солнце согрѣло мою комнату и, уходя, оставило послѣ себя что-то въ воздухѣ, на мебели, на стѣнахъ, отъ чего комната смотреть веселѣе и свѣтлѣе. Отъ васъ ушелъ милый другъ, но смѣхъ его еще дрожитъ въ воздухѣ, частичка его я осталась съ вами и вы продолжаете улыбаться, и вамъ весело и радостно.

Это недолго продолжается. Снова поднимается тотъ особенный, не сильный, но какой-то тяжелый давящій холодъ каменнаго, никогда не проталивающагося римскаго дома. Не смотря на неизбежный коверъ, ваши ноги стынутъ на каменномъ полу и это тяжелое ощущеніе холода не даетъ вамъ думать, заниматься, гонить вонъ къ тому солнечному лучу, который такъ ласково заглянулъ

вамъ въ лицо и такъ скоро покинулъ васъ. Онъ тамъ на Корео (главная улица Рима), на свѣтлыхъ римскихъ площадяхъ и вамъ сразу становится опять тепло и весело. А когда солнце совсѣмъ скрывается, оно оставляетъ много тепла въ этихъ улицахъ и свѣтлаго веселаго настроенія въ этой толпѣ, которая подхватываетъ васъ и которую вы оставляете только тогда, когда она покидаетъ васъ, и только затѣмъ, чтобы уснуть въ вашей хмурой неуютной комнатѣ.

Очевидно, не одинъ я такъ чувствую. Я съ большимъ интересомъ присматриваюсь въ жизни моихъ хозяевъ. Мужъ, портной, работающій на магазинѣ, жена гладитъ бѣлье, которое ей приносятъ изъ сосѣдней прачешной. Въ два-три часа они уходятъ обѣдать. Дома они не готовятъ ничего, кромѣ утренняго жиденькаго кофе. Они возвращаются въ квартиру въ 6—7 на часъ, на два и снова уходятъ изъ дому до 11—12 часовъ ночи.

Я пролежалъ нѣсколько дней больной и не помню ни одного вечера, когда бы мои хозяева были дома, какъ и не помню за три недѣли ни одного случая, чтобы у нихъ собрались гости.

Очевидно, улица—ихъ столовая, гостинная и мѣсто свиданія съ друзьями. Довольно грязный и неряшливый дома, синьоръ Панетти выглядѣлъ совсѣмъ иначе на улицѣ. Особенно великодушнѣе былъ онъ въ праздникъ. Его непременно встрѣтишь въ соборѣ Петра на торжественной мессѣ въ первый день Пасхи, на парадѣ войскъ, на какомъ нибудь уличномъ торжествѣ. Въ воскресенье отъ 4 до 6 ч. онъ въ Пинчю (общественномъ саду), когда непрерывной лентой дефилируютъ тамъ экипажи римской знати. У синьора Панетти прекрасная сѣдая голова, лицо джентльмена и манеры крупнаго рантье, который только потому не падаетъ въ собственноручный коляскѣ, что доктора прописали ему прогуливать печень.

Подъ руку съ нимъ идетъ жена въ бархатной мантии, изъ которой выглядываетъ золотой медальонъ на толстой цѣпочкѣ, вродѣ тѣхъ, которыя въ глухихъ углахъ носятъ у насъ старозавѣтные купчихи. Ея лицо, освѣщаемое въ обыкновенное время парой молодыхъ глазъ и никогда не оббѣгающей съ губъ улыбкой, теперь серьезно, она даже выпятила немножко впередъ нижнюю губу.

Въ толпѣ, окружавшей театръ, въ которомъ предстояло открытіе Международнаго медицинскаго конгресса, я встрѣтилъ синьора Панетти. Онъ узналъ меня, приподнялъ шляпу и приветливо улыбнулся. Черезъ минуту мимо него проѣхалъ король. Я наблюдаю какъ синьоръ Панетти также слегка приподнялъ свою шляпу и дружелюбно улыбнулся королю.

Вечеромъ онъ въ театрѣ. Онъ не свищетъ и не жестикулируетъ такъ отчаянно, какъ болѣе молодая публика. Въ качествѣ старика, синьоръ Панетти сидитъ съ достоинствомъ, изрѣдка подаетъ реплики актеру, забывшему свою роль, — посылаетъ на сцену

короткія замѣчанія, отъ которыхъ театръ хохочетъ, а когда находятъ, что Отелло не достаточно энергично душить Дездемону, онъ кричитъ «basta» (довольно). Театръ подхватывается и кричитъ: «basta, basta!..»

Когда театра нѣтъ, онъ толкается въ толпѣ, вѣчно наводняющей Корсо, или сидитъ въ маленькомъ кабачкѣ, потягиваетъ изъ соломки свой фреддо и читаетъ вечерній выпускъ «Трибуны». Онъ большой политикъ, поклонникъ Криспи и сторонникъ тройственного союза. Однажды онъ меня спросилъ:

— Что будетъ дѣлать Россія, если Германія съ Франціей будутъ воевать?

Я политику и говорю, что мы, русскіе, народъ смирный, драться не любимъ.

Коварный итальянецъ дѣлаетъ простодушное лицо и тономъ незаинтересованнаго человѣка говоритъ:

— Ну, конечно, зачѣмъ вамъ драться!

Французовъ онъ не любитъ, такъ какъ работалъ въ Ліонѣ и принужденъ былъ уѣхать оттуда изъ за недоразумѣній, которые возникли у него съ французскими коллегами. Къ сожалѣнію, мой итальяно-французскій языкъ очень скуденъ и я не могу вести продолжительныхъ разговоровъ съ синьоромъ Панетти.

V.

Я счастливъ уже и тѣмъ, что могу смотрѣть римскую улицу, могу немножко понимать ея языкъ, наблюдать эти новые для меня и оригинальные типы, это настроеніе римской улицы.

Вотъ уличный ораторъ, пѣвецъ, актеръ,—я не знаю какъ его назвать. Среди толпы, состоящей изъ кухарокъ съ корзинками и уличныхъ мальчишекъ, посыльныхъ, носильщиковъ—публики утренняго Рима, стоитъ молодой человѣкъ съ длинной шеей въ сѣренькомъ узенькомъ пиджачкѣ, очевидно, съ чужого плеча, и декламируетъ.

Я долго не понимаю въ чемъ дѣло.

— Сольдо, синьоры, сольдо!—рѣзко обрываетъ онъ свою декламацию.

Пять, шесть рукъ съ мѣдными монетами протягиваются къ пучку бѣлыхъ листочковъ, которые держитъ въ рукѣ ораторъ. Я также покупаю листочекъ. Оказывается длинное стихотвореніе подъ заглавіемъ «Ужасный поступокъ варварскаго сына, который убилъ родителей и сестру и потомъ сжегъ ихъ трупы». О! это была ужасная исторія! Жилъ въ деревнѣ, въ окрестностяхъ Турина, почтенный поселянинъ съ очень хорошимъ состояніемъ. У него была жена: олицетвореніе доброты и чистоты, была дочь ангелъ, былъ сынъ. Этотъ сынъ полюбилъ дѣвушку горожанку, на которой рѣшилъ жениться. Отецъ отказалъ въ согласіи и сказалъ сыну, что

въ такомъ случаѣ онъ не дастъ ему ни одного центезима. За симъ слѣдовали большіе разговоры сына съ своей возлюбленной, послѣ которыхъ молодой человѣкъ отправился въ свой домъ, убилъ родителей и сестру и поджегъ домъ. Потомъ, конечно, былъ арестованъ полиціей.

Чудный итальянскій голосъ, гибкій, властный и проникающій въ душу, звенѣлъ въ молчаливой, сосредоточенно слушающей толпѣ. Слышны были то негодующія, то умоляющія ноты, а когда мать подъ ножомъ стала говорить сыну: «о, неблагодарный сынъ, я тебя девять мѣсяцевъ носила во чревѣ своемъ»... ораторъ заплѣлъ и въ голосъ слышались слезы.

— «Больше я не могу говорить вамъ», закончилъ ораторъ упавшимъ голосомъ: «исторія кончена, но печаль снова встаетъ въ моемъ сердцѣ, когда я пою ее».

И опять рѣзкій, кричащій, чисто уличный голосъ:

— Сольдо, синьори, сольдо!

И опять нѣсколько закорючавыхъ рабочихъ рукъ, протянутыхъ съ мѣдными монетами.

Рядомъ со мною стояла старушка, очевидно, уже давно слушающая «*orribile fatto*». Я замѣтилъ, что она нѣсколько разъ вынимала изъ кармана и снова прятала мѣдную монету. Въ концѣ концовъ она не выдержала, отдала свой сольдо за бѣлый листочекъ и тихо побрела отъ толпы.

А «ужасный поступокъ варварскаго сына» снова разносился по римской улицѣ. Получившіе листочки расходились, на мѣсто ихъ становились другіе. Я продолжалъ слушать. Ораторъ, очевидно, въ значительной степени импровизировалъ, удлиняя одну часть, укорачивалъ другую, то дольше декламировалъ, то много пѣлъ.

Я удивлялся искреннему паѳосу, благороднымъ жестамъ, этому удивительному актеру, оратору и пѣвцу, всему этому богатству, которое такъ дешево продавалось въ 9 часовъ утра на римской улицѣ сѣрой публикѣ утренняго Рима.

Покою такую же толпу на одной изъ площадей въ бѣдномъ римскомъ кварталѣ. Надъ толпой возвышался какой-то помостъ, надъ когорымъ стоялъ почтенный старикъ съ сѣдой львиной головой. Передъ нимъ находился маленькій сундучокъ, окованный мѣдными украшеніями, испещренный какими-то таинственными знаками, а надъ сундучкомъ на длинномъ шестѣ висѣлся какой-то золоченый шаръ, вродѣ бунчука съ флагами или лентами. За толпой мѣ плохо было слышно, и я ловилъ только отдѣльныя выраженія. Почтенный старикъ съ благородными манерами, серьезнымъ, важнымъ голосомъ предостерегалъ публику, какъ много горя и несчастія стережетъ всѣхъ людей на жизненномъ пути. И главное изъ этихъ горей заключается въ разстройствѣ пищеваренія. Нокъ утѣшенію окрестъ стоящей толпы, въ таинственномъ сундучкѣ оказывалось

средство, избавляющее человечество от этого главного горя и стоящее всего два сольдо.

— Два сольдо, синьоры, два сольдо.

Помню, я ѣхалъ куда-то въ окрестности. Вагонъ третьяго класса былъ колонъ. Какъ только поѣздъ двинулся, одинъ господинъ всталъ и началъ рѣчь. Это былъ совсѣмъ не мелочной торговецъ, а блестящій профессоръ, читавшій лекцію предъ аудиторіей. Онъ предлагаетъ удивительныя вещи за удивительную цѣну. Стекло должно биться и вотъ падаетъ на полъ вагона и не бьется. Гребенка не можетъ гнуться и вотъ, видите: изгибается въ кольцо и не ломается. А вотъ замѣчательный замокъ съ секретомъ. Уходя по дѣламъ, вы можете запереть въ шкапушку или шкапъ все ваше состояніе, наконецъ, вашу честь, совѣсть, и у васъ никто этого не украдетъ. А это уже совершенно невѣроятныя инструменты! Въ немъ разныя ножички, и штопоръ, и ножницы, которыя рѣжутъ на вашихъ глазахъ и тонкій волосъ, и мокрую бумагу, и металлическую пластинку; а на кончикѣ инструмента шпичка, которая лучше алмаза длинными полосками рѣжетъ стекло. Конечно, публика можетъ удивляться поразительной дешевизнѣ вещей, но это объясняется очень просто. Одна огромная фирма, по причинамъ, о которыхъ ораторъ не считаетъ удобнымъ распространяться, поручила ему распродавать негласно свои товары. Этимъ-то и объясняется, что вотъ хоть этотъ инструментъ, стоящій въ Римѣ въ такомъ-то магазинѣ, на такой-то улицѣ, пять лиръ—вы можете справиться—онъ можетъ отдать за полторы лиры, даже, хотя это будетъ уже прямой убытокъ, за одну.

Публика равнодушна. Ораторъ не смущается и продолжаетъ стоять и говорить рѣчь, профессоръ знаетъ свою аудиторію. Вынимаются вещи все удивительнѣе, цѣны становятся все невѣроятнѣе. И такова власть этого проникающаго въ душу голоса, что ваша рука невольно лѣзетъ въ карманъ и вынимаетъ оттуда сольды и лиры. Раздаются голоса изъ одного угла вагона, изъ другого и постепенно публика приходитъ въ азартъ. Покупаются на расхватъ и не бьющееся стекло, и не ломающіяся гребенки, и секретныя замки, и универсальныя инструменты.

Чѣмъ больше я слушаю этихъ ораторовъ, тѣмъ больше удивляюсь чудному итальянскому голосу, этимъ благороднымъ уличнымъ манерамъ и невольно думаю, что всякія уличные движенія въ Италіи имѣютъ всегда готовый контингентъ ораторовъ и пѣвцовъ, которые сумѣютъ выразить всякіе «*orribile fatto*»...

Вечеръ спускается, глухія улицы затихаютъ. Тогда старинныя высокія дома вырастаютъ, улицы становятся уже и наполняются тѣмъ настроеніемъ тайны и давно минувшей жизни, которое всегда чувствуется въ старыхъ улицахъ папскаго Рима. Ни толпы, ни экипажей. Впереди меня идетъ юноша и тихо и задумчиво поетъ

арію изъ Трубадура. Изъ сосѣдняго переулка выходитъ темная высокая фигура, закутанная въ плащъ, и начинаетъ вторить.

Было-ли что-то особенное въ этой тишинѣ спускавшагося вечера, въ томъ таинственномъ настроеніи римской улицы, или голоса дѣйствительно были такъ прекрасны, только я слушалъ, какъ очарованный, этотъ импровизированный дуэтъ. И долго тянется онъ. Одинъ пѣвецъ идетъ по одному тротуару, другой по другому. Вотъ они разошлись, незнакомые, случайно встрѣтившіеся люди, въ разные переулки, гдѣ то вдали прозвенѣла послѣдняя, чистая, какъ серебро, нота тенора и мнѣ одѣлалось жутко въ этой насторожившейся улицѣ, между молчаливыми, темными домами...

Въ нижнемъ этажѣ старато, словно пороспатаго мхомъ, дома свѣтится окно и тихо плывутъ на улицу звуки мандолины. Я вхожу въ кабачокъ. У дверей сидитъ глубокой старикъ со сморщеннымъ пергаментнымъ лицомъ и молодой мальчикъ съ блестящими глазами и нечесанными лохмами черныхъ волосъ. Мальчикъ играетъ на мандолинѣ, старикъ вторитъ на гитарѣ. Надъ столами наклонились широкополыя шляпы, изъ подъ которыхъ видны давно небритыя и, мнѣ кажется, такіа грустныа итальянскія лица. Всѣ молчатъ. Старикъ, хозяинъ кабачка, въ рубашкѣ, заправленной въ штаны, съ длинной ситарой во рту, сидитъ на кривомъ табуретѣ противъ музыкантовъ и слушаетъ. Вотъ арія оборвалась, старикъ музыкантъ обошелъ со шляпой въ рукахъ столы, собралъ свои солди и спросилъ полъ-литра вина. Молча онъ и мальчикъ поднимаютъ кверху свои инструменты, такъ-же молча протягиваются руки изъ за сосѣдняго столика и снова другая, но такая-же грустная мелодія звучитъ въ кабачкѣ. Инструменты переходятъ изъ рукъ въ руки, отъ столика къ столу и я, право, не знаю, кто лучше играетъ,—присяжные-ли музыканты, или эти случайные посѣтители кабачка.

Снова старикъ и мальчикъ сидятъ у порога и играютъ какую-то веселую польку. Изъ за углового стола поднимается женщина въ фартукѣ, съ засученными локтями, должно быть торговка, ея талію обхватываетъ кавалеръ съ не вполне корректной перспективой задняго фаса костюма и они начинаютъ танцевать, медленно кружась между шестью столиками, составляющими все убранство кабачка и стараясь не задѣть двухъ дѣтей хозяина, спящихъ на одвинутыхъ стульяхъ въ этой же комнатѣ, которая служитъ и кабачкомъ, и спальней всего семейства. И еще пара поднялась на смѣну первой и также медленно стала кружиться между залитыми виномъ грязными столиками.

Когда я уходилъ, за мной опять понеслись на улицу жалобные звуки мандолины и широкополыя шляпы снова сосредоточенно наклонились надъ столами.

Слишкомъ жутко на улицѣ. Взошла луна и мрачные, старые дома рѣзкими тѣнями накрыли улицу. Я направляюсь къ Корсо

выхожу на площадь,—одну изъ тѣхъ маленькихъ уютныхъ римскихъ площадей, что кажутся большой комнатою безъ потолка. Въ срединѣ залитой луннымъ свѣтомъ площади столпилась маленькая кучка людей. Въ своихъ темныхъ, длинныхъ плащахъ, тѣсно наклонившись другъ къ другу, они показались мнѣ заговорниками изъ стараго Рима, немного неосторожно вышедшими изъ темныхъ закоулковъ на освѣщенную площадь. Изъ средины толпы доносился голосъ, сдержанно говорившій что-то,—словно начальникъ отдавалъ послѣднія приказанія къ мятежу.

Дѣло оказалось проще. Въ срединѣ толпы на подставкѣ находилась труба и монотонный голосъ уличнаго астронома предлагалъ за два сольдо показать луну, причемъ присоединялъ бесплатную лекцію о тѣхъ чудесахъ, которыя всякій желающій можетъ увидѣть на лунѣ въ его трубу.

А вотъ и Корсо. Я попадаю въ другой міръ. Бѣлый свѣтъ электрическихъ фонарей залилъ Корсо и огромную движущуюся толпу, занявшую не только тротуары, но и самую улицу. Въ большомъ, ярко освѣщенномъ ресторанѣ полно, я разыскиваю свободный столикъ на улицѣ предъ рестораномъ.

На римской улицѣ положительно уютно, какъ въ комнатѣ; я нахожу,—уютіе и теплѣе, чѣмъ въ моей сырой, холодной комнатѣ. Мнѣ невольно представляется, что совершенно такъ же, какъ осенній дождь, зимній морозъ и вьюги гонять у насъ въ Россіи людей съ улицы къ теплу и уюту нагрѣтой комнаты, кипячаго самовара и дружескихъ интимныхъ бесѣдъ, такъ холодныя стѣны римскихъ домовъ гонять людей къ теплу и уюту римской улицы, къ широкому шуму и яркому блеску оживленной римской толпы.

Цѣлыми часами идетъ мимо меня эта толпа и я не устаю смотрѣть на нее, не устаю любоваться красивыми, благородными итальянскими лицами. Оживленные, глубоко посаженные глаза, чудные лбы, тонкія, изогнутыя нервныя губы, твердые, суровыя подбородки, такъ характерныя для лицъ тѣхъ древнихъ римлянъ, что несмѣтной толпой наполняютъ залы Капитолія и Ватикана.

Я хочу прочесть на лицахъ этихъ идущихъ мимо меня людей, о чемъ они думаютъ, чѣмъ бьется ихъ сердце, и въ десятый разъ спрашиваю себя, неужели правы мои знакомые русскіе, давно живущіе въ Италіи, говорившіе мнѣ по поводу расхищенія итальянскаго банка, что въ Италіи симпатичны только низшіе классы, а высшіе состоятъ изъ мошенниковъ, панамистовъ, которыхъ всякій Криспи можетъ купить за соответствующее количество лиръ. Я мысленно повторялъ себѣ всю глубину, весь позоръ итальянской панамы и вмѣстѣ съ тѣмъ вспоминаю, что еще такъ недавно, на моей недолгой памяти сотни и тысячи вотъ такихъ-же изящныхъ лицъ бросали свои дѣла, торговлю, адвокатуру и шли подъ знамя Гарибальди и умирали за свою родину, за свои идеалы, не имѣвшіе ничего общаго съ Панамой...

— La Tri-bu-u-na!

Крикъ доносится издали, перелетаетъ съ тротуара на тротуаръ, рѣзко звучитъ въ толпѣ, наполнившей средину улицы. Мимо насъ проносится мальчикъ, разбрасывая во всѣ стороны экземпляры вечерняго выпуска газеты десяткамъ рукъ, жадно протянувшихся со всѣхъ сторонъ. Въ ресторанахъ водворяется тишина, во время которой всѣ съ жадностью пробѣгаютъ столбцы газеты. Въ этой толпѣ я чувствую, какъ событія всего міра въ одну минуту сдѣлались достояніемъ римской улицы,—кто побѣдилъ на дополнительныхъ выборахъ въ Англіи,—либераль или консерваторъ, что сказалъ русскій царь, какіе еще зигзаги выдѣлываетъ легкомысленный новый курсъ Германіи, какой оборотъ принимаютъ дѣла въ Сициліи. Я чувствую, что это не праздное любопытство, а кровный интересъ, свое собственное дѣло всей этой толпы,—и зигзаги и вообще и свои и чужія рѣчи.

За нѣсколько улицъ отъ Корсо есть шпекарный кафе-шантанъ, гдѣ гриммировавшійся фizioномистъ изображалъ различныхъ политическихъ дѣятелей. Я видѣлъ, какъ толпа судила ихъ, и слышалъ, какъ кафе задрожало отъ провъзгительнаго свиста и крика, когда фizioномистъ вышелъ, загриммированный Джіолиитти.

Эта толпа любить и ненавидитъ, хочетъ и можетъ и прежде всего знаетъ, что любить и что ненавидѣть...

VI.

И вотъ незамѣтно свѣтлая римская улица блѣднѣетъ и вспоминается другая темная улица, вмѣсто оживленной толпы безгласная толпа, и вспоминается тотъ человекъ, который называется не человекомъ, а жителемъ.

Иногда жителю становится скучно сидѣть за самоваромъ и вести интимные дружескіе разговоры и онъ идетъ гулять на улицу. Ему непривычно на улицѣ и немножко неловко, когда онъ зря шляется и идетъ не по дѣлу, — не въ участокъ, не въ лавку, не на службу; поэтому онъ дѣлаетъ особенное лицо и лицо это принимаетъ напряженно-глупое выраженіе. А на улицѣ все жители, — скучные, не совсѣмъ проснувшіеся отъ послѣобѣденнаго сна и съ тѣмъ же напряженно-глупымъ выраженіемъ на лицахъ. Чинно и молча, гуськомъ плетутся по улицѣ жители, сторонясь другъ отъ друга и взаимно обмѣниваясь подозрительными взглядами: «мало-ли какой народъ шляется по улицѣ!»

Жителю становится еще скучнѣе и онъ идетъ въ свой кафе. Тамъ нѣтъ политики, ни вѣшной, ни внутренней, и нѣтъ надобности въ газетахъ, ни въ вечернихъ, ни въ утреннихъ. Тихо въ кафе и всѣ жители кушаютъ и только изрѣдка наклонится житель къ жителю и на ухо сообщитъ послѣднія сенсаціонныя новости: такую

то особу соображаютъ удалить за русскую панаму, а въ такомъ-то уѣздѣ начальникъ маленько ошибся...

Потомъ житель идетъ въ свое жилище. Печка жарко натоплена, ворота крѣпко заперты, двойныя рамы плотно замазаны. Никакіе звуки не долетаютъ навнѣ, даже вьюга, что съ безконечныхъ смежныхъ равнинъ ворвалась въ городъ и съ воплями голоднаго звѣря носится по улицамъ, даже она только робкимъ плачемъ мандолины звучитъ въ теплой комнатѣ.

Житель философствуетъ. Онъ разлегнулся и лицо и тѣло его принимаютъ натуральное выраженіе жителя. День прошелъ и слава Богу... «Тише ѣдешь, дальше будешь»... «Такъ-то лучше,—ни ты мнѣ, ни я тебѣ»... «Не нами началось, не нами и кончится»... Постепенно выплываютъ и какъ теплый туманъ окутываютъ голову жителя правила и философія вѣками накопленной мудрости и ему становится еще теплѣе.

Иногда житель вспомнить про свою обиду. Бываетъ, что жители обижаютъ,—тяжко, до крови обижаютъ, случается, что его грабить до нитки, отнимаютъ самое дорогое, самое нужное. Вспомнить житель и не обидится. Поплачетъ, погорюетъ, а потомъ подумаетъ про Іова многострадальнаго и утѣшится. «Богъ дасть, Богъ и возьметъ»... «Лбомъ стѣны не прошибешь»... «Чего противиться злу?» «Да и велика-ли штука это зло?» Иногда даже съехидничаетъ. «Ты мнѣ вѣйшность раскровянилъ, а внутренность-то при мнѣ осталась, — что взять?» Утѣшившись, житель начинаетъ мечтать: «вотъ пріѣдетъ баринъ, баринъ насъ разсудитъ!..» И ему становится совсѣмъ хорошо, такъ какъ житель умѣетъ ждать и непоколебимо увѣренъ, что баринъ непременно пріѣдетъ и все наилучшимъ образомъ за него, жителя, разсудитъ. Бываетъ, что и возгордится потомъ,—оботреть кровь съ разбитаго лица и начать покрикивать: «разумѣйте языци и покоряйтесь, яко съ нами Богъ!»...

Житель засыпаетъ и все засыпаетъ кругомъ и становится тихо,—такъ тихо, что совершенно явственно слышенъ насмѣшливый шопотъ:

«На всѣхъ языкахъ все молчать,—бо благоденствую»...

Ночью въ холодной римской комнатѣ подъ матрацомъ, изображающимъ одѣяло, воспоминанія о родинѣ удивительно согреваютъ. И сны снятыя все русскіе. Русское лукоморье, и зеленый дубъ, и лѣшіе... На золотыхъ цѣпяхъ ходятъ кругомъ дуба ученые коты и сладкими голосами поютъ сладкія пѣсни... А кругомъ все житель,—въ несмѣтномъ количествѣ, въ натуральномъ видѣ и съ натуральными чувствами. И все кричитъ: «разумѣйте языци и покоряйтесь»... Тогда становится жарко и смертельно душно и радуешься, когда почувствуешь холодный римскій полъ подъ ногами...

VІІ.

Я все ищу весну. Третьяго марта въ день моего прїѣзда весь день гремѣла гроза и римскія улицы покрылись толстымъ слоемъ града..

— Это вы привезли съ собой холодъ,—говорили мнѣ мои римскіе знакомые.—Январь и февраль у насъ стояли чудные. Впрочемъ, утѣшали они, мартъ здѣсь всегда плохой. Будетъ холодно, пойдутъ дожди и вѣтра.

Къ счастью, они ошиблись. Только нѣсколько дней дулъ холодный вѣтеръ по улицамъ Рима и тяжелыя сѣрыя облака танули надъ городомъ, а потомъ снова разгорѣлось небо, пыльнымъ букетомъ стоялъ Пинчіо *), а только что распустившаяся плакучая римская ива наклонилась къ землѣ своимъ тоненькія вѣточки, словно расчесанные зеленые волосы.

Я все не могу рѣшить, какое время года. Зимнимъ холодомъ вѣетъ отъ моей сырой комнаты и теплымъ лѣтнимъ солнцемъ залиты улицы.

— У васъ весна? — рѣшаюсь я спросить у своихъ знакомыхъ.

— Те-есть, не весна, но вѣроятно скоро придетъ.

— Что-же у васъ такое весна?

— Известно, весна... Тепло будетъ.—Мой знакомый задумывается и потомъ, словно обрадовавшись, говоритъ:—въ полѣ краснѣйшій макъ покажется. И вотъ видите, платаны стоятъ голые.

Я поѣхалъ въ поле искать краснѣйшій макъ и не нашелъ его. Унылой осенью, печальной русской осенью нахнуло на меня отъ безотрадныхъ римскихъ окрестностей. Необработанная земля, бѣсъ пашень, луговъ и лѣса, голой пустыней тянется, начиная отъ городскихъ стѣнъ вплоть до бѣгущихъ сѣвомъ Сабинскихъ и Албанскихъ горъ. Бродятъ по сухой травѣ унылыя стада овецъ, какъ въ Екатеринославскихъ или Кубанскихъ степяхъ, ковыляются на трехъ ногахъ обросшая шерстью, какъ овца, и худая, какъ скелетъ; лошади—настоящая русская конница. Вотъ медленно тянется запряженный парой воловъ неулыбливъ возъ и рядомъ съ нимъ лѣниво шагаетъ итальянецъ,—такой-же бритый, чернѣйшій и чумазый, какъ какой-нибудь кобеневскій хохоль, и ухо невольно настораживается, не прозвучитъ ли «цобъ», «цобе» въ римской Кампаніи.

И все знакомое, родное. Вотъ видѣется жалкій перегибсокъ,—настоящая русская лѣсная вырубка,—что-то низкорослое, спутанное, неубранное... А дальше идутъ какіе-то бугры, болота,—что-то безлюдное, брошенное. На всемъ лежитъ печать нищеты и убожества.

И все это раззоренное мѣсто, которое называется римской Кампаніей, выглядитъ такъ убого и сиро, что не можешь понять, какъ

*) Общественный садъ въ Римѣ.

но не чувствовалъ ей. Мнѣ казалось, всегда шумить листьями пирамидальный тополь, всегда рвется мутными волнами бурная Рона, вѣчно гремѣть ручьи въ горахъ, вѣчно копаются въ своемъ полѣ швейцарецъ.

X.

Въ Швейцаріи я познакомился съ французами.

— «C'est très bon pour l'estomac!»

Одинадцать часовъ утра. Старикъ французъ приготовляетъ для меня абсентъ. Я попробовалъ абсентъ въ Ниццѣ, нашелъ его отвратительнымъ и имѣлъ неосторожность высказать свое мнѣніе. Теперь М-г Керси и жена его, — молодая дама неопредѣленнаго возраста, — рѣшили непременно посвятить меня въ тайны прелести абсента. Третъ стакана наполнена. водой, на стаканѣ, на чайной ложечкѣ лежить кусокъ сахара, черезъ который по каплѣ спускается въ воду, образуя въ ней бѣловатую муть, абсентъ. Всегда веселое и оживленное лицо моего знакомаго теперь необыкновенно серьезно. Время отъ времени онъ осторожно поднимаетъ стаканъ кверху и, прищуривши одинъ глазъ, внимательно разсматриваетъ на светѣ, какъ расходится въ водѣ бѣловатое облако абсента. М-ше Керси строго сжала губы, критически наблюдаетъ за манипуляціями мужа и время отъ времени останавливаетъ его:

— Pas trop... pas vite...

Абсентъ приготовленъ.

— C'est très bon pour l'estomac! — повторилъ мнѣ М-г Керси.

Я медленно пью отвратительную жидкость и стараюсь дѣлать пріятное и довольное лицо, чувствуя на себѣ двѣ пары строгихъ глазъ.....«Pour l'estomac» — первое слово въ лексиконѣ М-г Керси. Пробуетъ ли онъ швейцарскую водку, настоящую на какомъ-то альпійскомъ корнѣ, желаетъ ли оправдать предъ своей супругой необходимость не въ урочное время выпить стаканъ вермута или рюмку ликера, — онъ неизмѣнно говоритъ: «c'est très bon pour l'estomac». Къ этой фразѣ не менѣе часто присоединялись другія желудочныя слова: digestif и purgatif. Думы о digestif и purgatif никогда не покидали М-г Керси. Съ того собственнаго и пошла наша дружба. Когда онъ узналъ, что я докторъ, онъ часто обращался ко мнѣ съ вопросами о томъ и другомъ и почуствовалъ ко мнѣ большую симпатію, когда я сообщилъ ему достаточное количество purgatif и обогатилъ его умъ цѣнными свѣдѣніями по части русскихъ digestif. Особенно поправилась ему идея третьей рѣдки съ постнымъ масломъ.

Чистокровный парижанинъ, Monsieur Керси когда-то былъ коммивояжеромъ одной изъ круиныхъ парижскихъ винныхъ фирмъ, добился положенія управляющаго фирмой, петомъ сколотилъ капиталецъ, ликвидировалъ дѣла и за нѣсколько недѣль до меня пріѣхалъ

въ Швейцарію, чтобы купить маленькую виллу на берегу Женевского озера и доживать свою старость въ миломъ положеніи рантье́ра и пропріетера, о чемъ онъ вѣроятно мечталъ всю жизнь. М-ше Керси увѣряла меня, что они пріѣхали для воздуха. Она любила чувствительныя слова и, когда рассказывала о тулонскихъ и парижскихъ празднествахъ въ честь русскихъ, дѣлала губы сердечкомъ и смотрѣла на меня весьма ласковыми глазами. М-г Керси смотрѣлъ на дѣло проще. Во французской Швейцаріи онъ живалъ и раньше по дѣламъ своей фирмы и находилъ, что въ окрестностяхъ Женевского озера легче и пріятнѣе устроиться, нежели около Парижа, что вино въ Швейцаріи очень дешево и не фальсифицировано, рыбы сколько угодно,—онъ былъ страстный рыболовъ—и вообще считалъ, что въ Швейцаріи жить просторнѣе и шире. Повидимому, онъ смотрѣлъ на Швейцарію, какъ петербуржецъ на какую-нибудь далекую окраину.

Въ примѣръ отсталости и нѣкотораго несовершенства швейцарской культуры онъ приводилъ *escargots* *), свободно пользовавшихся свѣжимъ воздухомъ на швейцарскихъ дорогахъ. Онъ обстоятельно рассказывалъ мнѣ, какъ готовятъ *escargot* въ парижскихъ ресторанахъ, сколько стоитъ кило этихъ *ескаро* на центральномъ рынкѣ въ Парижѣ, что стоитъ провозъ отъ Швейцаріи, и приходилъ къ заключенію, что швейцарцы народъ отсталый, если позволяютъ такому добру свободно разгуливать по свѣту. А улитки словно дразнили М-г Керси и во время нашихъ прогулокъ по берегамъ Роны будто на зло ему вытягивали изъ раковинъ свои рожки.

— Цѣлый вагонъ можно бы отправить въ Парижъ!—горестно восклицалъ онъ.

Я очень любилъ разговаривать съ М-г Керси и восхищался его манерой непоколебимой увѣренности во всемъ, о чемъ бы онъ ни говорилъ. Разъ онъ сообщилъ мнѣ, что его жена знакома съ женой французскаго консула, который живетъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Когда я отвѣтилъ, что въ Н.-Новгородѣ никакого консула кромѣ персидскаго нѣтъ и не было, онъ очень удивился и спросилъ, въ какихъ же городахъ есть въ Россіи французскіе консулы. Я сталъ перечислить. На словѣ Одесса онъ остановилъ меня.

— Ну вотъ, вотъ. *C'est égale...* Это вѣдь такъ близко.

Когда я попробовалъ было замѣтить, что отъ Н.-Новгорода до Одессы нѣсколько подальше, чѣмъ отъ Женевского озера до Лондона, онъ остановилъ меня:

— Ну, да; ну, да. Я знаю,—большая ярмарка.

Въ такихъ случаяхъ я останавливался и съ восхищеніемъ наблюдалъ, какъ ни малѣйшей тѣни сомнѣнія не появлялось на невозмутимо ясномъ лицѣ М-г Керси. Я невольно сравнивалъ наше русское мямленье: «какъ вамъ сказать...» «изволите ли видѣть...»

*) Улитка, встречающаяся на лугахъ и у насъ весной.

и эти рѣшительныя, короткія реплики: такъ, такъ, такъ... хотя бы совсѣмъ было и не такъ и въ заключеніе:—«voilà tout».

И все мнѣнія М-г Керси отличались рѣшительностью и нѣкоторой аподиктичностью.

— O! c'est un brave homme!—отвѣтилъ онъ мнѣ на вопросъ о Золя и тутъ же рассказалъ, какъ онъ жилъ недалеко отъ Золя и какъ Золя прекрасно ухаживаетъ за цвѣтами.

— О, русскіе писатели великогѣпны!—и прибавилъ нѣсколько «très». Онъ зналъ о Достоевскомъ и Толстомъ. Толстого онъ даже читалъ.

Впрочемъ, вопросы литературы и политики не возбуждали въ М-г Керси большого интереса. По политическимъ убѣжденіямъ онъ былъ республиканецъ, но, повидимому, изъ тѣхъ республиканцевъ, любопытную характеристику которыхъ я прочиталъ въ Ниццѣ въ маленькой южно-французской газеткѣ.

Передовая статья газеты обвиняла тогдашнее правительство въ двухъ вещахъ: въ новыхъ пошлинахъ, которыя проводилъ тогда Мелинъ въ палатѣ и которыя, по мнѣнію газеты, разорать Францію, и въ существованіи анархистовъ, стремящихся уничтожить порядокъ и безопасность, причемъ очень ехидно проводилась мысль о причинной связи одного съ другимъ. Статья оканчивалась слѣдующей краснорѣчивой тирадой:

«Все чаще и чаще приходится выслушивать такія мнѣнія вполне почтенныхъ гражданъ: я люблю республику и я искренній республиканецъ, но у меня есть собственность и семья. Если республика не можетъ гарантировать мнѣ неприкосновенность одного и безопасность другого, я, какъ это мнѣ ни грустно, долженъ буду отказаться отъ нея въ пользу другой формы правленія».

Скучнымъ политическимъ матеріямъ М-г Керси предпочиталъ веселые разговоры и выраженіе «on s'amuse» занимало въ его лексиконѣ не меньшее мѣсто, чѣмъ estomac, digestif и purgatif. Его опредѣленія литературныхъ произведеній, парижскихъ театровъ и кафе-шантановъ сводились къ одному: забавно тамъ или нѣтъ.

Мы часто ходили съ нимъ ловить рыбу въ Ронѣ или въ одномъ изъ каналовъ, прорытыхъ параллельно съ немъ. Если насъ не сопровождала М-ме Керси, къ сожалѣнію тоже большая любительница рыбной ловли, мы проводили время очень весело. Послѣ нѣсколькихъ безплодныхъ попытокъ поймать непокорную швейцарскую форель, М-г Керси останавливался, съ серьезнымъ лицомъ прислушивался къ чему-то, что происходило внутри его, и произносилъ:

— Il faut prendre quelque chose....

Тогда мы соображали, въ какую деревню ближе зайти, входили въ кафе, М-г Керси съ серьезнымъ видомъ — у него всегда лицо становилось серьезнымъ, когда дѣло шло о желудкѣ—вынималъ изъ жилетнаго кармана пузырекъ съ темными пищевыми каплями, вливалъ ихъ въ вермутъ или въ свое любимое вино Иворнъ и на-

чиналъ мнѣ рассказывать веселыя французскія исторіи. При этомъ онъ любилъ возвращаться ко временамъ своей молодости, но главнымъ образомъ разъяснялъ мнѣ, какими средствами обладаетъ Парижъ, чтобы люди могли тамъ «s'amuser».

Слушая его рассказы, мнѣ невольно приходило въ голову, что у дѣловаго француза два періода въ жизни, — первый, когда онъ страшно работаетъ и «во всю» s'amuse, и второй, когда онъ думаетъ о digestif и purgatif, не отказывая себѣ въ кратковременныхъ экскурсіяхъ въ области amusement.

Эту мысль подтверждали мнѣ газеты. Въ швейцарскихъ и парижскихъ газетахъ, которыя я читалъ, — объявленія о лекарственныхъ веществахъ пищеварительнаго и чистительнаго характера занимали очень видное мѣсто, а критическіе разборы парижскихъ газетъ о новыхъ пьесахъ, имѣвшихъ успѣхъ, послѣ недолгихъ разсужденій о литературной сторонѣ ихъ и объ игрѣ актеровъ, въ большинствѣ случаевъ оканчивались неизмѣннымъ выраженіемъ: «on s'amuse».

М-г Керси пришесть проводить меня и на прощанье далъ мнѣ конвертъ, въ которомъ оказались два мелко написанныхъ листочка почтовой бумаги съ указаніями, гдѣ въ Парижѣ можно хорошо пообѣдать, — между прочимъ было указано два ресторана съ различными способами приготовленія эскарго, — и съ обозначеніемъ учреждений, гдѣ наилучшимъ образомъ «on s'amuse». Я уѣхалъ изъ Швейцаріи съ запасомъ обширныхъ свѣдѣній и съ благодарнымъ воспоминаніемъ о М-г Керси.

XI.

Въ Парижѣ я ѣхалъ съ совершенно особымъ чувствомъ, — какъ въ родной городъ, во что-то знакомое, милое. Въ одномъ вагонѣ со мной ѣхалъ русскій — большой человѣкъ, переѣзжающій изъ курорта въ курортъ, но постоянно живущій въ Парижѣ уже болѣе 10 лѣтъ. Мы разговорились о Франціи и о томъ противорѣчій, которое лежитъ между Франціей прошлаго — этою героическою, великодушною Франціей и всѣмъ тѣмъ отвратительнымъ, что даетъ современная жизнь ея.

— Вы хотите знать, что такое французъ, въ особенности парижанинъ? — заговорилъ мой спутникъ.

— Прежде всего довольный собой человѣкъ, — счастливецъ, не вѣдающій ни русской тоски сердца, ни нѣмецкой тоски ума. Это современный эллинь и удивительно уравновѣшенный человѣкъ; у него есть грусть и скептицизмъ, но все это окрашено тѣмъ жизнерадостнымъ настроеніемъ, которое неистребимо во французѣ. Если хотите, это страна вѣрующихъ скептиковъ и жизнерадостныхъ песимистовъ и никоимъ образомъ не Эклезіастовъ, не Свифтовъ, не Достоевскихъ. И потому у нихъ есть одна черта, для которой я никакъ не найду подходящаго слова, — назову ее «увѣренность». Фран-

кузъ всегда увѣренъ, — во всемъ и непоколебимѣйшимъ образомъ. Я говорю не про увѣренность его въ томъ, что онъ великая нація и призванъ руководить міромъ, что Парижъ лучшій городъ, а французская литература и женщина — безъ сравненій, — это смѣшно и больше ничего. Я хочу сказать о болѣе серьезномъ, — объ увѣренности, какъ настроеніи души. Представьте себѣ душевное настроеніе человѣка, непоколебимо увѣреннаго въ себѣ, въ своихъ мысляхъ, поступкахъ, представьте органическую, непреодолимую потребность находить немедленно всему — въ области-ли мысли, въ области практической дѣятельности — объясненіе, рѣшеніе, — быть можетъ мало обоснованное, но лишь бы выводъ, рѣшеніе, лишь бы освободиться отъ сомнѣнія, — этого необычнаго настроенія французской души — и вы поймете, какая страшная сила въ такомъ человѣкѣ и народѣ. Если для нѣмца, говорить, исканіе истины важнѣе самой истины, — то французу нужна сама истина и какъ можно скорѣе! Онъ долженъ чувствовать въ своемъ карманѣ реальный пятифранковикъ, а не вексель, не бумажную мечту, которую можно реализовать въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ.

А вѣдь не сомнѣваться и быть увѣреннымъ, — это значить рѣшаться и дѣлать, это значить немедленно проводить въ жизнь выводы ума и вѣтнія сердца. Вотъ почему французъ прежде всего реалистъ, чуждый туманной мечты, свѣтлый дѣловой умъ и гениальный практикъ. Этими же особенностями духа француза объясняется его международная роль. Французъ говоритъ и дѣлаетъ то, что другіе думаютъ и говорятъ. Пусть идеи родятся въ другихъ странахъ, но изъ идей фактами онѣ скорѣе всего сдѣлаются во Франціи, гдѣ люди такъ увѣрены и такъ рѣшительны. И для того, чтобы эти идеи сдѣлались всемірными, онѣ должны пройти чрезъ Францію — простите вульгарное сравненіе — должны одѣться у парижскаго портнаго, чтобы быть *comme il faut* и приняты въ общество. Такъ было когда-то съ англійскими идеями, такъ на нашихъ глазахъ происходитъ съ русской и скандинавской литературой и музыкой.

Присоедините къ этому выдающуюся талантливость и чисто эллинское чувство формы и вамъ будетъ понятно, почему Франція сдѣлалась улицей Европы и вѣроятно на долго, если не на всегда останется ею. Во Франціи есть выраженіе «интеллигентныя руки». Вотъ у французскаго рабочаго именно такія руки и онъ незамѣнимъ вездѣ, гдѣ требуется чувство формы и артистическое чутье. Обратите вниманіе на слогъ французскихъ авторовъ. Я не говорю уже о художественныхъ произведеніяхъ, — возьмите научныя, историческія, философскія сочиненія. Содержаніе нерѣдко легковѣсное, очень часто условное, шаблонное или узко тенденціозное, но форма, слогъ почти всегда безукоризненны. Повѣрьте, не одни историческія причины сдѣлали французскій языкъ международнымъ языкомъ, а также не случайное явленіе, что самая чуткая къ формѣ — жен-

ская половина человеческого рода получаетъ инструкціи по части костюма изъ Парижа.

И потомъ французъ—парадный человекъ Европы и знаетъ это и даже увѣренъ, что именно на него неустанно смотреть всѣ пирамиды и всѣ вѣка, поэтому соответственно и держится и всегда въ приподнятомъ настроеніи, какъ человекъ, собирающійся вѣхать на балъ.

— А противорѣчій во французѣ сколько угодно, продолжалъ мой спутникъ, когда я снова свелъ разговоръ на интересовавшую меня тему. Вотъ онъ считается рыцаремъ по отношенію къ женщинамъ, а конечно никто такъ глубоко въ сущности не презираетъ женщину, какъ культурный французъ,—это вы можете изъ ихъ романовъ видѣть. Вотъ также онъ обворожителенъ съ иностранцами—и вмѣстѣ съ тѣмъ каждое утро просыпается съ одной и той-же молитвой: «благодарю тебя, Господи, что я не таковъ, какъ всѣ эти англичане, нѣмцы, русскіе и прочіе, ихъ-же именна ты, Господи, вѣстъ». Потомъ этотъ величайшій реалистъ (удивительно сентименталенъ).

Я не знаю, натаживались-ли вы на любопытную психологическую черту, что именно дѣловые люди любятъ напускать на себя сентиментальность, на примѣръ умиляются какой-нибудь мелодрамой въ театрѣ? Быть можетъ въ концѣ концовъ становится скучно всегда быть увѣреннымъ и ни въ чемъ не сомнѣваться и на время потянуть къ чему-нибудь туманному, совсѣмъ не похожему на обычный циклъ идей и настроеній. Для француза такіе экскурсы не опасны,—какъ изъ за любовницы онъ не забудетъ своего *metier*, такъ изъ за буддійской обѣды онъ не перепутаетъ ни одной графы въ своихъ торговыхъ книгахъ.

Я не хочу, конечно, сентиментализмомъ дѣлового человека объяснить всѣ эти новѣйшія теченія французской жизни—декадентство, символизмъ, *petites religions*, пессимизмъ писателей и пр.;—все это, по моему, указываетъ прежде всего на духовное обнищаніе, на глубокое паденіе буржуазіи, какъ сословія. Вы знаете исторію ея,—она росла, развивалась, страдала, несла знамя новыхъ идей, совмѣщала въ себѣ высшую духовную силу страны, принесла плоды и завяла, какъ старая смоковница,—совершила всю свою эволюцію. Здѣсь обратная сторона французской увѣренности,—слишкомъ скоро успокаивается французъ, слишкомъ долго замираетъ въ своей увѣренности и, раздобывши пятифранковикъ, начинаетъ заботиться только о томъ, чтобы его не вынули изъ кармана. Въ этомъ отношеніи французская буржуазія самая тупая, самая неиниціативная, самая узкая и эгоистичная. Когда-то она написала на страницахъ исторіи великое знамя: *liberté, égalité, fraternité* и успокоилась. Жизнь къ каждому этому слову написала цѣлые томы примѣчаній и дополненій, а въ сердцахъ, или вѣрнѣе, головахъ французскаго буржуа они и теперь также неизмѣнны, какъ на фронтонахъ общественныхъ зданій.

Въ то время, какъ въ другихъ странахъ давно дѣйствуетъ фабричное законодательство, введенъ подоходный налогъ, практикуются многообразныя формы внимательства государства въ экономическія отношенія, годъ отъ году шире и шире развѣтывается общественная и частная инициатива въ сторону облегченія и улучшенія жизни низшихъ классовъ, — французскій буржуа, какъ попугай, твердитъ свое неизмѣнное «*Laissez faire, laissez passer*». Французская буржуазія пережила самое себя, она уже давно опирается только на матеріальную силу и не проявляетъ никакого движенія впередъ, никакой инициативы, никакой духовной жизни. Она вѣпилась въ свой пятифранковикъ и думаетъ только о томъ, чтобы его не отняли, чтобы не пришлось подвѣяться. Для этого она даже не прочь къ своему знамени *liberté* и проч. вписать примѣчанія и дополненія въ стилѣ *ancien régime* и въ этомъ въ сущности заключается вся исторія послѣднихъ 20, особенно 15 лѣтъ.

Такое настроеніе я и называю духовнымъ обнищаніемъ и паденіемъ буржуазіи, какъ сословія. Нужно назвать даже гибелью, такъ какъ всякое доминирующее въ государствѣ сословіе, потерявшее государственныя смыслъ и проводящее узко сословную программу, — тѣмъ самымъ подписываетъ себѣ смертный приговоръ. Вотъ на этой-то почвѣ духовнаго обнищанія и отсутствія идеаловъ и выросли эти новѣйшіе цвѣты французской жизни, — настроеніе современныхъ писателей, ихъ невысокаго калибра пессимизмъ, обращеніе къ католицизму, это аристократическое культивированіе утонченныхъ и извращенныхъ чувствъ и отгораживаніе себя отъ толпы и всѣ эти черныя и бѣлыя магіи и судорожныя, наполовину психопатическія, попытки сказать новое слово въ искусствѣ, сдѣлать что нибудь экстравагантное.

И подумайте, куда буржуа идти? Туда, куда зоветъ голосъ, если не правды и совѣсти, то по крайней мѣрѣ политической дальновидности? Но тутъ опять таки опасность потерять пятифранковикъ, а буржуа скорѣе кинется въ безумнѣйшую католическую реакцію или бросится въ объятія Орлеановъ, даже перваго уличнаго проходима, который гарантируетъ ему его *propriété*. А пока что, онъ удовлетворяетъ свои пресыщенные нервы экстравагантными ощущеніями и экстравагантнымъ развратомъ, который такимъ густымъ колеромъ окрашиваетъ всѣ эти такъ называемыя теченія мысли. Та-же исторія, что и сто лѣтъ назадъ. Когда авангардъ буржуазіи подкапывался подъ зданіе стараго режима, въ бель-этажѣ забавлялись съ графомъ Каллюстръ, такъ и теперь, когда четвертое сословіе организуется, буржуазія забавляется *petites religions*. Аналогія рискованная вещь, но слишкомъ много другихъ основаній думать, что современный порядокъ во Франціи не крѣпокъ.

— Вы думаете, я врагъ французовъ? говорилъ мой спутникъ въ концѣ разговора. Я ихъ ужасно люблю больше чѣмъ нѣмцевъ и англичанъ. Вѣдь за буржуазной Франціей есть просто Франція

и за буржуа-французомъ стоитъ просто французъ и просто французъ я очень люблю. И знаете, за что? Не за талантливость, не за свѣтлый умъ и артистическую натуру,—а за то, что онъ веселый человѣкъ. Веселый человѣкъ не можетъ быть жестокимъ и я считаю французовъ гуманнѣйшимъ и самымъ общительнымъ народомъ.

— Французы за послѣднюю четверть вѣка значительно потеряли свою увѣренность, хотите знать,—смѣялся мнѣ знакомый, когда мы выходили въ Парижѣ изъ вагона,—почему? Потому что ихъ нѣмецъ побилъ. Я желаю одного,—чтобы имъ не удалось въ скорости побить нѣмца. Вы только вообразите,—французъ сомнѣвается! И цѣлыхъ 25 лѣтъ! Уже одна эта необычная продолжительность сомнѣнія даетъ право надѣяться, что онъ что-нибудь придумаетъ. А побѣсть онъ нѣмца, тотчасъ получить увѣренность, — гребень къверху, хвостъ колесомъ и сейчасъ на заборъ,—возвѣщать міру, какая онъ превосходная птица...

XII.

Безконечныя длинныя улицы, широкіе бульвары, оригинальные, какъ-то легко поставленные дома, маленькія площади—звѣздами, отъ которыхъ расходится, шесть-восемь улицъ, оживленная толпа, яркая зелень только что распустившихся деревьевъ,—что-то широкое и грандіозное, но уютное и милое, что-то свѣтлое, веселое.

Въ Парижѣ я встрѣтилъ несомнѣнную весну,—дамы были въ весеннихъ шляпкахъ.

Въ Трокадеро я увидѣлъ весенній лугъ. Тамъ внизу мелькали палевыя розы и стройныя желтыя лиліи и милые Анютинны глазки. Видѣлись пятна разросшихся блѣдныхъ незабудокъ и краснаго маку, а кругомъ въ ложахъ — яркіе піоны и зеленые лопухи и пышные булденежи, а вверху пестрѣли голубые колокольчики, скромная бѣлая ромашка, застѣнчивый розовый горошекъ. Все яркія краски и невозможно пестрые тона, которые не рѣжутъ глаза только на фонѣ весенняго луга и на костюмахъ парижскихъ дамъ.

Напрасно вагнеровская музыка говорила о сѣверныхъ буряхъ, о бушующихъ подземныхъ и надземныхъ силахъ, о страшныхъ привидѣніяхъ, несущихся въ вихряхъ,—напрасно грозила она и гдѣ-то шумѣла,—веселая толпа оставалась въ весеннемъ настроеніи. Только время отъ времени шумъ аплодисментовъ, какъ порывъ вѣтра, проносился по огромному Трокадеро,—тогда горделивыя желтыя лиліи наклонялись и голубые колокольчики вздрагивали и мѣнялись волны цвѣтовъ, какъ въ пригибаемой вѣтромъ травѣ.

Платанъ распустился наконецъ...

Мечтательно зеленѣлъ молодой Булонскій лѣсъ, безумно пахла тамъ бѣлая акація, французскія милыя рѣчи шептали деревья, улыбалось небо, смѣялась зеленая трава, а парижскій скворецъ гово-

рилъ въ кустахъ двусмысленности. На большихъ бульварахъ вокругъ электрическихъ фонарей и ярко блестящихъ огромныхъ ресторановъ вились разноцвѣтныя бабочки, за ними ползли черные жуки и говорили тѣ самыя рѣчи, которыя жужжатъ жуки въ майскіе вечера.

Кругомъ толпа. Должно быть ее бѣдную долго держали въ заключеніи, въ темнотѣ и зимней стужѣ, и потому она вырвалась на улицы въ такомъ несмѣтномъ количествѣ и жадная, съ блестящими глазами, ринулась въ эти безчисленные кафе, во всѣ театры, запрудила огромные бульвары и оттого такъ возбуждена и смѣется и смотреть такъ весело и дружелюбно.

Въ полночь я возвращался домой и въ латинскомъ кварталѣ встрѣтилъ толпу студентовъ, шедшихъ съ дамами, очевидно, съ какого-нибудь студенческаго бала. Студенты были въ дамскихъ шляпкахъ и накидкахъ, а ихъ дамы въ цилиндрахъ и съ палками въ рукахъ. Впереди шелъ высокаго роста студентъ, на шеѣ котораго сидѣла верхомъ дѣвица въ мужской фуражкѣ, махавшая какимъ-то знаменемъ и пѣвшая скабрзную пѣсню. Очевидно, парижское студенчество было въ самомъ весеннемъ настроеніи и m-г Керси сказалъ бы: «on s'amuse, —voilà tout!»

Рѣшительно всюду «on s'amuse». Я былъ въ театрѣ. На сценѣ стоялъ почтенный господинъ — brave homme съ благородными манерами и въ прекрасно сшитомъ сюртукѣ. Онъ принималъ депутацію рабочихъ, устроившихъ стачку на его фабрикѣ, и черезъ своего вождя—сухая длинная фигура въ скверномъ костюмѣ, съ злымъ лицомъ и сѣдоватой щетинкой запущеннаго подбородка—требовавшихъ уменьшенія рабочаго времени и увеличенія заработной платы на сколько-то су.

Публика съ удовольствіемъ узнала, что почтенный фабрикантъ былъ самъ прежде рабочимъ и своими талантами, трудомъ, энергіей и, конечно, сбереженіями достигъ положенія хозяина; а вождь стачечниковъ—бывшій его товарищъ, очевидно; не обладавшій его талантами, не умѣвшій дѣлать сбереженій и потому завидовавшій и подстрекавшій рабочихъ къ бунту. Когда, его, какъ представителя рабочихъ, спросили, чѣмъ же вы хотите быть,—онъ отвѣтилъ: хозяевами. Веселый смѣхъ огласилъ залъ.

Почтенный фабрикантъ говорилъ благородно и убѣдительно. Онъ представлялъ рабочимъ условія рынка, говорилъ о французской промышленности, съ благороднымъ паеосомъ упомянулъ о *notre chère patrie* и когда въ заключеніе твердымъ мужественнымъ голосомъ произнесъ: «*jamaïs!*» — театръ задрожалъ отъ аплодисментовъ. Я ни минуты не боялся за исходъ борьбы и былъ вполне увѣренъ, что побѣдитъ, конечно, этотъ добродѣтельный человѣкъ въ хорошо сшитомъ сюртукѣ, а не тотъ злой, завистливый, скверно одѣтый бунтовщикъ; изъ-за нѣсколькихъ су подвергающій опасности фабрику добродѣтельнаго человѣка, даже французскую промышленность и даже *chère patrie*...

Рядомъ съ соціальною драмой шла любовная. Сынъ фабриканта — элегантный и милый *bon garçon* былъ влюбленъ въ воспитанницу вдовствующей герцогини и никакъ не могъ получить отъ своего отца согласіе на бракъ.

И соціальныя и любовныя дѣла шли превосходно, но у автора былъ въ запасѣ козырь, который онъ открылъ лишь въ послѣднемъ дѣйствіи. Въ то время, какъ рабочіе пришли оканчивать стачку, явилась сама великолѣпная герцогиня, и тутъ открылось, что фабрикантъ — герцогъ и притомъ законнѣйшій изъ законныхъ герцоговъ. *Bon garçon* получаетъ согласіе на бракъ, рабочіе соглашаются на всѣ условія хозяина, публика въ восторгѣ, а злобный бунтовщикъ съ позоромъ уходитъ со сцены, сердито хлопая дверью.

Публика много хлопала и на другой день рецензія газеты оканчивалась магическимъ словомъ: «*on s'amuse*».

Несмотря на сильныя драматическія коллизіи, я вышелъ изъ театра въ самомъ веселомъ настроеніи, — на меня повѣяло даже чѣмъ-то роднымъ, знакомымъ.

Вспомнился русскій фабрикантъ, простодушно говорящій: «около кормимъ» и недавно начавшій бормотать о какомъ-то «отечествѣ». Вспомнилось наше «національное собраніе» — всероссійско-нижегородское ярмарочное купечество, тоже неустанно говорящее о дорогомъ отечествѣ и также неустанно предъявляющее этому милому отечеству одно неизмѣнное слово: «давай ищю!» и только выговаривая менѣе членораздѣльно, чѣмъ *m-r* Мелинъ, свое «*encore*» своему милому отечеству.

Мнѣ удалось побывать въ палатѣ депутатовъ. Тамъ въ воздухѣ носились новыя вѣянія, то, что газеты называли тогда «*l'esprit nouveau*».

Въ центрѣ сидѣли такіе-же добродѣтельные люди и съ такими же благородными манерами, какъ тотъ, котораго я видѣлъ въ театрѣ. На эстрадѣ стоялъ первый человѣкъ палаты, съ злымъ, властнымъ, надменнымъ лицомъ и говорилъ, что для Франціи наступаетъ весна, новая эра. Нужно только примириться съ клерикалами и монархистами. Что раздѣляетъ насъ, хорошо сшитые сюртуки? Ничто. Что соединяетъ насъ? Все и пражде всего тѣ угрюмо стоящіе налѣво люди, которые хотятъ, чтобы рабочіе были хозяевами. Тутъ были и *chère patrie*, и свобода, и равенство, и братство. Зачѣмъ ландышу не цвѣсть подлѣ крапивы, отчего щукѣ не плавать рядомъ съ пискаремъ, волку не гулять съ зайцемъ по лѣсу? Ораторъ грозилъ центру — и его злое лицо сдѣлалось еще злѣе и надменнѣе — что онъ броситъ ихъ и уйдетъ.

Пашло театромъ, бульваромъ.

Справа, оттуда, гдѣ свѣтились тонзуры прелатовъ, ползли на эстраду черныя жуки и говорили, что они вовсе не жуки, а бѣлые голуби и притомъ съ самыми благородными намѣреніями. А засѣдавшіе въ центрѣ почтенные сюртуки, какъ тѣ бульварныя бабочки,

жадно смотрѣли въ глаза тому властному первому жуку, неистово аплодировали и вызывающе кричали: «я согласна»...

И по всей Франціи носился острый букетъ «esprit nouveau», какъ тѣ крѣпкіе бульварные духи, густо разрасталась крапива на поляхъ прекрасной Франціи и щучьи жаберы раздувались, а волчьи зубы щелкали...

Послѣднимъ впечатлѣніемъ отъ Парижа остался для меня Монмартръ.

На улицѣ мнѣ сунули въ руку афишку—скверненькій лоскутокъ сѣрой бумаги, на которой расплывающимся шрифтомъ было напечатано, что поэты Монмартра будутъ имѣть честь декламировать свои произведенія ежедневно, на такой-то улицѣ, въ такомъ-то кафе, отъ 10¹/₂ час. вечера.

Темная улица, грязноватый, старый низкій домъ, наглухо закрыты ставни. У двери стоялъ огромный верзило въ какомъ-то удивительномъ мундирѣ—оказалось національной гвардіи великой революціи—съ громадной медвѣжьей шапкой на головѣ. При нашемъ приближеніи онъ выхватилъ саблю изъ ноженъ и, отворивши дверь, съ саблей на-голо, проводилъ насъ внутрь къ одному изъ пустыхъ столиковъ кафе. Темный, довольно грязный кабачокъ, съ низкимъ потолкомъ, грубые столы тянутся въ длинной, непривѣтливой, какъ сарай, комнатѣ; впереди маленькая эстрада, съ боку піанино; за которымъ сидѣтъ молоденькая дѣвушка съ простенькимъ, милымъ лицомъ и гладко зачесанными волосами.

Кабачокъ пустъ. 15—20 человѣкъ, людей неопредѣленной профессіи, молчаливыхъ и хмурыхъ, одиночными группами въ кружкахъ пива сидятъ за грязными столами. Вскорѣ послѣ насъ опять отворилась дверь и снова нелѣпый верзило въ медвѣжьей шапкѣ и съ саблей на-голо провелъ въ комнату къ дальнему столу за піанино даму высокаго роста, лѣтъ за сорокъ, съ суровымъ лицомъ, какъ у дамъ центральнаго рынка, но съ добрыми сѣрыми глазами. Очевидно, это была торговка изъ какой-нибудь ближайшей лавочки—лицо, волосы и передникъ ея были въ мукѣ—и очевидно она была завсѣгдай кабачка. Она тотчасъ спросила себѣ вое пива, вынула и начала вязать чулокъ. Когда поэты Монмартра декламировали, она оставляла чулокъ, пристально смотрѣла своими добрыми глазами, раньше всѣхъ аплодировала и тотчасъ спрашивала «deux bocks!» И скромная дѣвушка за піанино, и поэты Монмартра были, очевидно, ея друзьями.

Между грязными столиками крупными шагами, съ гордо поднятой головой и съ помятымъ лицомъ буфетчика русскаго трактира, ходилъ поэтъ и съ дѣланымъ пафосомъ декламировалъ стихи объ Эльзасѣ и Лотарингіи и о belle France.

Все это вмѣстѣ взятое—и этотъ грязненькій кабачокъ, приторгивавшій поэтами, и этотъ нелѣпый верзило, и вся эта фран-

шуская чепуха воинственности и сентиментализма—все это было очень скучно и довольно плоско.

Мы хотѣли уходить. Но въ это время изъ-за одинокаго столика на маленькую эстраду взмошелъ юноша лѣтъ 19—20, съ худымъ лицомъ и заплатаннымъ локтемъ несвѣжаго костюма. Я видѣлъ, какъ улыбнулась ему глазами дѣвушка за пианино и дружески кивнула головой изъ-за своего бос'а меценатка Монмартра.

Юноша декламировалъ стихотвореніе подъ заглавіемъ: «Добрая собака».

«Я былъ голоденъ и пошелъ къ людямъ просить хлѣба—онъ перечисляетъ добродѣтельныхъ людей—мнѣ отказали они. Тогда я увидѣлъ собаку, которая грызла кость, и сказалъ ей: добрая собака, дай мнѣ поѣсть. И она отдала мнѣ свою кость.

Мнѣ было холодно. Я пошелъ туда, къ тѣмъ людямъ, и просилъ обогрѣть меня,—они оттолкнули меня. Тогда я увидѣлъ собаку, которая грѣлась отъ холода въ своей конурѣ, и сказалъ ей: добрая собака, пусти меня погрѣться. И она вышла и пустила меня въ свою конуру».

Толстая торговка энергично хлопала, жидкіе аплодисменты раздались въ публикѣ, молодая дѣвушка играла какой-то грустный вальсъ,—юноша декламировалъ второе стихотвореніе: «Парижская мостовая».

«Бываетъ: тяжелая туча повиснетъ надъ Парижемъ и свѣтъ цѣлыми днями холодный дождь и влажные листья деревьевъ парижскихъ бульваровъ неустанно капаютъ крупными каплями,—тогда парижская мостовая, кажется, сочится слезами.

Бываетъ: горячее солнце встаетъ надъ Парижемъ, свѣтлый день стоитъ надъ улицами, тогда парижская мостовая раскаляется и жжетъ подошвы рабочихъ»...

Мышцы худого лица дергались, сквозь стиснутые зубы какъ-то медленно пѣдились слова и рука съ заплатаннымъ локтемъ сжималась въ кулакъ.

И опять жидкіе аплодисменты, и торговка кричитъ: «deux bosc, s'il vous plait!»

XIII.

Парижъ уходитъ отъ меня. Долго, почти черезъ весь городъ везетъ меня сошелъ къ Лионскому вокзалу. И опять мимо меня бѣгутъ широкіе бульвары и площади—звѣзды и зеленые деревья и веселая толпа,—опять свѣтъ, просторъ, веселье и уютъ Парижа охватываютъ меня. Эйфелева башня,—эта нелѣпая, циничная и вульгарная башня, такимъ кричащимъ пятномъ врывающаяся въ свѣтлый гармоничный Парижъ, осталась позади и вмѣстѣ съ ней ушло назадъ все гнусное, циничное и вульгарное, чѣмъ полна теперешняя буржуазная Франція. Предо мной выросла свѣтлая

Парижъ, прекрасная Франція моихъ юношескихъ мечтаній,—эта неизмѣнная нянька всемирныхъ идей. Вотъ мелькнула, какъ вѣчно ющая мечта, со всей чистотой цѣломудреннаго сердца, несущаяся къ небу—воздушная прорѣзь Notre dame de Paris. Я начинаю припоминать историческія мѣстности и все то великое и героическое, что происходило на нихъ.

Какъ-то сразу суммируются тѣ разорванные клочки впечатлѣній, которыя я получилъ за недолгое пребываніе въ Парижѣ.

Я только теперь начинаю понимать лица безчисленныхъ статуй и барельефовъ общественныхъ зданій,—эти неправильныя, удлинненныя, одному Парижу принадлежащія, нервныя лица, которые такъ странно выглядели для меня послѣ классически правильныхъ римскихъ лицъ. Я вспомнилъ лица рабочихъ, которыхъ я видѣлъ за два дня предъ тѣмъ на рабочемъ праздникѣ, вспомнилъ особенное лицо парижской толпы и понялъ, что эти интеллигентныя, смѣлыя, а не умѣю подобрать лучшаго выраженія—великодушныя лица взяты художниками съ улицы и что въ нихъ воплощена душа Франціи. Я даже вспомнилъ, гдѣ я въ первый разъ видѣлъ это лицо, — вспомнилъ великолѣпную статую умирающаго Галла въ римскомъ Капитоліи.

Поездъ уноситъ меня отъ Парижа. Мимо меня бѣгутъ зеленые лѣса, свѣтлыя деревни, обработанныя поля, тихія рѣки. Справа и слѣва двумя стѣнами цвѣтеть бѣлая акація на желѣзнодорожной насыпи и лѣтъ волны ароматнаго воздуха въ открытыя окна вагона. И мнѣ все жалко, что я мало прожилъ въ Парижѣ, что предо мной все торчала гнусная Эйфелева башня и что я не успѣлъ взглянуть въ свѣтлый Парижъ, не успѣлъ разгадать его.

Все уходитъ отъ меня. Мимо таятся горы Тироля съ его пропастями и озерами и усѣянными цвѣтами чудными долинами, но весь этотъ земной рай уже не волнуетъ меня.

Я ѣду *домой* и испытываю такое ощущеніе, какъ будто послѣ продолжительной поѣздки въ большой городъ я возвращаюсь въ свою деревню, въ свое мѣсто. Все осталось позади—праздничныя лица и одежды, рѣчи, много свѣта и блеска, музыка и пѣніе и вся жизнь большого города, впереди выплываютъ будни своего мѣста, безмолвіе и тѣма своего угла. Промелькнетъ свѣтлое, праздничное воспоминаніе, но тотчасъ его потушить мысль, можно ли пробѣжать по своей дорогѣ,—не пошаливаютъ-ли въ томъ темномъ лѣсу, не проломится-ли тотъ мостикъ, что давно собирались починить. А въ душѣ такъ много всего, и того приподнятаго, что только что пережилъ, и Богъ знаетъ откуда набѣгающей грусти, и прежде всего тоски по своему мѣстѣ, того особеннаго тепла въ душѣ, когда вспоминаешь про него послѣ долгой разлуки.

Вдали смутно виднѣются горы, какъ облака, и облака, какъ горы, а кругомъ меня равнина развертывается все шире и шире.

Та свѣтлая, неогорченная Мадонна блѣднымъ силуэтомъ встаетъ

въ моемъ воспоминаніи, а въ темномъ убрусь темное, печальное и строгое лицо встаетъ все ярче, подходитъ все ближе...

XIV.

Тамъ, въ чужой сторонѣ, особенно живо встаетъ своя сторона и подъ чужимъ небомъ въ чужой природѣ особенно ярко рисуется русская весна, русская природа.

Прошли мартовскія вьюги, стало припекать солнышко, пошла капель съ соломенныхъ крышъ. Вотъ брызнулъ теплый дождь и начался бунтъ. Ночь тихая, облачная, томящаяся. Слышенъ смутный шорохъ, тихій шопотъ. Капля за каплей, миллиарды капель сочатся сквозь рыхлый снѣгъ и въ каждомъ сугробѣ идетъ стговоръ. А изъ подъ сугробовъ бѣгутъ ручейки, сливаются, снова разбѣгаются, ихъ прихватилъ ледяной коркой ночной заморозокъ и, то-ропливо перебивая другъ друга, говорятъ они слова неясныя, безсвязныя, но за то тамъ, гдѣ они слились и буйнымъ потокомъ падаютъ въ рѣку, съ крутого берега—тамъ уже ропотъ, угроза. Ледъ на рѣкѣ вздулся и посинѣлъ, лежитъ какъ трупъ, а ѣзжаная зимняя дорога переломилась и кривыми зигзагами смутно темнѣетъ вдаль.

Все прошло. Съ глухимъ стономъ ломался ледъ и заторомъ до дна загоразивалъ рѣки, снова шелъ и съ тупой яростью лѣзъ на берега. Все прошло, все смыла и унесла вѣшняя вода. Она переполнила рѣки и вышла изъ береговъ, и залила долины, луга и овраги. Вывился жаворонокъ надъ голой и черной землей и первое сопрано міра поетъ величайшую пѣснь земли.

А тамъ въ лѣсу, гдѣ вьется, то выбѣгая на луга, то снова скрываясь въ лѣсу, задумчивая рѣчка, окаймленная тихими ветлами и хрупкой ольхой, заросшая осокой и камышомъ,—тамъ гремитъ хоръ, все идетъ бунтъ. Всю, ночь не повышая тона, требовательно и повелительно говорить дергачъ свое единственное слово; изнемогая отъ страсти охрипшими голосами кричатъ лягушки; крикаетъ утка въ густыхъ камышахъ; тамъ дальше глухо вопить выпь, словно вздрагиваетъ туго натянутая струна виолончели, а въ глубинѣ лѣса всю ночь полная мечты тоскуетъ кукушка. Лѣсъ насто-рожился и стоитъ полный ожиданій. Зеленныя тучки брызнули по темной ели, напряжились и готовы раскрыться полныя почки березы, рябины и черемухи, смутный острый и горькій ароматъ наполняетъ лѣсъ. Неясный шорохъ идетъ по камышамъ, всплескивается рыба на гладкой, какъ зеркало, рѣкѣ. Какія-то птицы, звеня крыльями, несутся надъ вершинами деревьевъ.

Напряженный воздухъ полонъ криковъ, тоски, воплей. Міръ просыпается мятежный, громко говоритъ о своихъ правахъ на жизнь, властно требуетъ счастья. А сверху смотреть блѣдное небо

и протянулись тѣ нѣжныя, голубоватыя полосы, которыя являются только весной, какъ первая надежда, какъ робкая ласка.

Земля просыпается, счастье такъ близко.

Съ буйнымъ вѣтромъ, огнемъ и громомъ пронеслась весенняя гроза, разгорѣлось небо, горячій воздухъ какъ волны полился надъ полями, начинается великій пиръ міра.

Какъ невѣста, убралась земля. Цѣлый день сіяетъ солнце, гремитъ оркестръ, раздвѣаются зеленныя ленты весеннихъ одеждъ. Какъ безумная носится ласточка, рѣшетъ бабочка надъ цвѣтами, стрекочетъ въ травѣ влюбленный кузнечикъ, жужжитъ шмель надъ лугами, пляшетъ пьяный комаръ.

И ночью не кончается пиръ. Занавѣсъ полупущенъ, и колеблющійся свѣтъ бѣлой ночи встаетъ надъ землей. Лѣсъ стоитъ очарованный. Чудятся недосказанныя слова, не вырвавшіеся вздохи, блѣдныя силуэты безъ лицъ. Мечта бродитъ между деревьями, грезы рѣютъ надъ листьями. Ни звука кругомъ, только осина тихо шепчетъ свои пугливыя сны. Загремѣла пѣснь соловья и тоскующей страстью наполнился лѣсъ. Слушаетъ сладкіе стоны дѣвственный ландшафтъ, жадно протянула черемуха свои обремененныя цвѣтами вѣтви, словно руки для объятій, чутко насторожилась лѣсовая падь, гдѣ тѣсными рядами столпились темныя ели, гдѣ мигающимъ огнемъ свѣтятся Ивановъ червякъ и все мечтаетъ разцвѣсть зеленый папоротникъ.

Человѣку хочется вѣрить, что зима прошла и больше не воротится, хочется надѣяться, что все то, о чемъ онъ такъ долго мечталъ, сбудется. Безумныя надежды и восторги наполняютъ голову, а сердце тоскуетъ по счастью, которому конца не будетъ.

Праздникъ конченъ. Вино выпито, пѣсни допѣты, свѣчи погашены. Начинается страда.

Съ потускнѣвшимъ лицомъ, въ пыльныхъ одеждахъ, горячая и изнеможенная лежитъ земля. Пламеннымъ кругомъ обняло ее небо и все жжетъ, не даетъ дожда, не даетъ отдыха. Въ тяжкихъ мукахъ, съ безпримѣрнымъ напряженіемъ, не зная отдыха, не вѣдая ночи, работаетъ человѣкъ. Времени такъ мало, а дѣла такъ много. Нужно вскормить, что родилъ, и собрать, что посеялъ.

И вотъ земля устала жить. Устала бѣжать въ камышахъ рѣка и обмелѣвшая тихо льется прозрачной струей. Трава поблекла и приникла къ землѣ. Не шумятъ деревья, не поютъ птицы, перестали нахнууть цвѣты. А небо ушло отъ земли, поднялось выше и смотритъ холодное, блѣдное, безучастное. Давно журавль кинулъ землѣ свое тоскующее «проси», сиротливо лежатъ голыя поля и лѣсъ стоитъ покинутый. Такъ ясно и такъ пусто между голыми, нагими деревьями.

Тишина, покой, усталость. Гулко раздается одинокій крикъ запоздавшей птички, будто вдрогнетъ струна въ замолчавшемъ оркестрѣ, да изрѣдка сорвется съ дерева завялый листъ, словно

еще одна погибшая мечта... Человѣкъ ищетъ свои весеннія мечты, былия надежды... Сухимъ шумомъ шуршать подъ ногами поблекшіе листья... «Зачѣмъ жить, когда все изжито?» срывается съ губъ. Эхо пустого дѣла отвѣчаетъ: зачѣмъ?

А съ похолодѣвшаго неба на усталую землю смотритъ безстрастная смерть. Она придетъ. Заплачутъ зимнія вьюги. Заметать пути мятель, заснетъ земля, задремлетъ человѣкъ...

XV.

Нѣтъ весны въ южной Европѣ. Нѣтъ снѣга и льду, нѣтъ бунтующей весенней воды, безсонныхъ бѣлыхъ ночей, весенней тоскующей мечты. Вѣчно синѣетъ небо, вѣчно грѣетъ солнце, вѣчно бьется о скалы незастывающая морская волна, никогда не снимаетъ праздничныхъ одеждъ земля.

Никогда не останавливается жизнь, не перестаетъ работать человѣкъ, хлѣбъ за хлѣбомъ растить земля, скалу за скалой покоряетъ человѣкъ свои каменные горы, поколѣніе за поколѣніемъ идетъ непрерывающаяся работа человѣческой мысли. Эта неумирающая мысль, какъ снопы солнечнаго свѣта, разливается на землѣ по европейской улицѣ въ толпѣ вѣчно думающихъ и борющихся людей.

Такъ быстро оббѣгаютъ русскія вѣшнія воды...

Такъ скоро остываетъ чувство и замираетъ мысль и такъ легко все забывается. Сынъ не помнить дѣла отца и вникъ отрываясь новыя истины, давно сказанныя его дѣдомъ...

Съ заснувшей мыслью, остывшимъ сердцемъ, безъ воли и желаній медленно доживаетъ человѣкъ свою жизнь и только въ глубинахъ души тихо теплится мечта: придетъ-ли теплое времячко...

С. Елпатьевскій.

1894 г.

Маленькіе рассказы про маленькихъ людей.

I.

Гришка.

Гришка на полатахъ. Лежа на брюхѣ, подперевъ голову руками, а голыми ногами болтая по воздуху, Гришка внимательно слушаетъ, какъ мамка тятюку ругаетъ. Слушаетъ Гришка мамкину ругань и ждетъ не дождется,—когда-же, наконецъ, тятюка разсердится и ударить мамку? Это доставило-бы Гришкѣ большое удовольствіе, и по двумъ причинамъ: онъ сердить на мамку и сердить весьма основательно. Дѣло въ томъ, что, вставъ довольно рано, Гришка быстро одѣлся и побѣжалъ на улицу, куда закадычный пріятель Оедотка манилъ его рукой. Оедоткинъ носъ такъ смѣшно былъ приплюснутъ къ оконному стеклу, что Гришка еще въ избѣ началъ смѣяться, а очутившись на улицѣ, онъ съ разбѣгу налетѣлъ на Оедотку и сдѣлался бороться съ нимъ. Нѣсколько разъ они оба съ веселымъ смѣхомъ кувыркались въ снѣгу и, запыхавшись окончательно отъ возни, немного отдохнувъ, побѣжали на рѣчку кататься. На рѣкѣ народу было уже порядочно и Гришка немедленно началъ изумлять публику своимъ искусствомъ. Не имѣлъ онъ соперниковъ въ катаньи! Умѣлъ дѣлать такіе выкрутасы, что всѣ рты разѣвали; но и тутъ Оедотка, какъ вообще всякій пріятель, всегда подставлялъ ему ножку. Только что Гришка соберется сдѣлать какое нибудь удивительное колѣно, Оедотка тутъ какъ тутъ: либо толкнетъ, либо самъ подвалится подъ ноги и Гришка летитъ кубаремъ къ великому удовольствію, какъ самого Оедотки, такъ и остальныхъ ребятшекъ, которымъ завидно смотрѣть на Гришкино искусство. Нѣсколько разъ Гришка заявлялъ Оедоткѣ, что «такъ нельзя», но Оедотка не унимался, и Гришка вынужденъ былъ сначала поссориться, а потомъ и подраться съ нимъ. Разстались они, тѣмъ не менѣе, друзьями, сговорившись забѣжать домой закусить только

жалость и сейчас-же сойтись опять, захвативъ съ собой салазки. Быстро влетѣлъ Гришка въ избу и сталъ дергать мамкину юбку, заявляя, что онъ хочетъ «йсь». Мамка-же не только хлѣба не дала, но даже наградила Гришку двумя шлепками, пожелавъ ему «здохнуть». Крайне озадаченный такой встрѣчей, Гришка подумывалъ было, не заревѣтъ-ли ему, даже рожу скорчилъ соотвѣтствующую, но въ этотъ моментъ вошелъ тятка. Взглянувъ на него, Гришка рѣшилъ, что ему сейчасъ плакать не выгодно. Зналъ онъ по опыту, что когда у тятки такое лицо, то самое лучшее быть подальше отъ него, поэтому онъ и шмыгнулъ на полати.

Другая причина, почему Гришкѣ хотѣлось, чтобы мамка была побита—тоже основательная. Несмотря на то, что мамка крайне возбуждена и яростно нападаетъ на тятку, она все-таки не спускаетъ съ рукъ Анютку, которая, непонимая порывистыхъ движеній мамки, смотреть большими, синими, выпученными глазами въ недоумѣніи—плакать ей или нѣтъ? Пока она молчитъ, но Гришкѣ извѣстно, что послѣ перваго удара мамка безпремѣнно броситъ Анютку; та подниметъ отчаянный крикъ и это тоже доставило-бы Гришкѣ большое удовольствие! Анютка злѣйшій врагъ его! Начать хотя бы съ того, что она маленькая, такая маленькая, что даже ходить не умѣетъ и мамка кормитъ ее грудью. И вотъ съ ней, дѣвчонкой, только на томъ основаніи, что она сестра ему, заставляютъ Гришку нянчиться, качать ея зыбку, смотрѣть, чтобы она не расквасила себѣ носъ и т. п. И сколько непріятностей надѣлала она Гришкѣ, сколько шлепковъ получилъ онъ изъ-за нея! Не далѣе, какъ вчера: сговорился онъ съ Федоткой и остальными рябятишками слѣпить бабу изъ снѣга, забѣжалъ онъ въ горницу захватить рукавицы и бѣжать скорѣе, и вдругъ мамка велитъ ему покачать зыбку. Разумѣется, Гришка запротестовалъ: какое ему дѣло до Анютки и до того, что мамкѣ надо горшки мыть? У него-то дѣло, во всякомъ случаѣ, поважнѣе! Но протестъ этотъ не помогъ ему. Мамка успѣла схватить его, когда онъ былъ уже у самыхъ дверей, преболно дернула за ухо и усадила все-таки качать. Гришка былъ страшно золъ за такую несправедливость: какая-то Анютка можетъ разрушить всѣ его мечты! Да и какая она неугомонная! Совсѣмъ было затихла, Гришка и качать пересталъ, тихонько выбрался изъ-за зыбки, намѣреваясь улепетнуть, какъ вдругъ Анютка опять заревѣла и мамка опять усадила его качать. Со злости Гришка взялъ да уцѣпнулъ Анютку, но та подняла такой ревъ, что мамка и горшки бросила, подбѣжала къ зыбкѣ и какъ-то сразу отгадала Гришкину месть. Въ результатѣ, Гришка получилъ здоровую лупку и до вечера не могъ выбраться на улицу. Понятно, Гришка не могъ простить ни мамкѣ, ни Анюткѣ свои

вчерашня неудачи и съ нетерпѣніемъ ждалъ за нихъ возмездія. А что таковое не замедлитъ, Гришка не сомнѣвался. Положимъ, онъ не зналъ, за что собственно мамка такъ ругается; слышалъ онъ вчера, когда тятка вернулся домой пьяный, что мамка требовала какой-то платокъ, но что это за платокъ, куда онъ дѣвался, Гришка не успѣлъ узнать—успуль. А сегодня первыя слова мамки были слѣдующія:

— Принеси?

Тятка молчитъ.

— Тебя спрашиваютъ:—принеси, что-ли?

То же молчаніе въ отвѣтъ.

— Что же ты, идолъ, такъ и не отвѣтишь? — говоритъ мамка, раздражаясь все болѣе.

Молчаніе.

— Такъ ты, извергъ, даже и говорить не хочешь?—взвизгиваетъ мамка, все ближе подвигаясь къ молчащему мужу.— Думаешь, я тебѣ такъ и прощу? Говори, за сколько пропиль, говори, окаанный!

— Замолчи!—отзывается тятка глухимъ голосомъ.

— Не замолчу, извергъ! Не замолчу, окаанный! Не замолчу, чтобы тебя холера задавила!..

Гришка изумленъ. Обыкновенно, мамка ругается такъ, только когда тятка приходитъ домой пьяный, и ругается, по мнѣнію Гришки, совсѣмъ напрасно,—тятка пьяный такой добрый,—все плачетъ, да прощенія проситъ—«Жана! — кричитъ тятка, вваливаясь въ избу.—Прости меня, прости, Христа ради! Православные! простите меня! Гришка! Сынь ты мнѣ? Слышь—сынь ты мнѣ? Прости меня! Согрѣшилъ я передъ вами, окая-а-анный!» Плачетъ тятка, разливается горькими слезами, Гришкѣ его жалъ, а мамка не только не жалѣетъ, но еще и ругаетъ, вотъ, какъ сейчасъ. Но за то на завтра, когда у тятки такое лицо, какое у него теперь, мамка не только не ругается, но старается, какъ можно меньше разговаривать даже. А сегодня вдругъ такая смѣлая! Удивляется Гришка, но со вниманіемъ продолжаетъ слушать.

— Не замолчу!—кричитъ мамка даже съ хрипотой въ голосъ.—Всѣхъ православныхъ созову,—смотрите, люди добрые! Другіе, прочіе мужья все въ домъ, а мой-ать изъ дому!

— Замолчи, вѣдьма!—крикнулъ и тятка, поднимаясь съ лавки и стукнувъ кулакомъ по столу.

— Сказала: не замолчу! Разбойникъ! Безъ куска хлѣба оставить хочешь! По міру пустить!..

Гришкѣ опять непонятно. Какъ это тятка можетъ ихъ оставить безъ хлѣба, когда хлѣбъ всегда у мамки; она и печетъ, она и раздаетъ всѣмъ, не исключая и тятки. Но долго размышлять по этому поводу Гришкѣ не пришлось, произошло

то, чего онъ хотѣлъ и ожидалъ. Тятяка какъ-то сразу поднялся и прежде, чѣмъ мамка успѣла увернуться, съ силой ударилъ ее. Какъ предполагалъ Гришка, такъ и вышло: мамка закричала на своимъ голосомъ и бросила Анютку, которую мамкинъ крикъ и такъ перепугалъ, и теперь, съ размаху брошенная, она подняла отчаянный пискъ. Этотъ крикъ и пискъ, казалось, еще болѣе разъярили тятяку. Онъ повалилъ жену на полъ и сталъ наносить удары, не разбирая и, повидимому, не отдавая себѣ отчета, что онъ дѣлаетъ. Мамка уже не кричала, а хрипѣла, а побои все сыпались. Гришка уже съ ужасомъ смотрѣлъ на эту сцену, забывъ и обиду свою и голодъ свой. Широко раскрылись его глазенки; сильно, сильно бьется маленькое сердчишко ребенка... Но вотъ мамка и хрипѣть перестала, только стонетъ, да Анютка въ углу надрывается. Тятяка поднялся съ полу, мутными глазами оглядѣвъ избу и встрѣтился съ глазами сына. Нѣмой ужасъ остановившихся дѣтскихъ, устремленныхъ на него съ безумнымъ страхомъ глазъ поразилъ тятяку. Мгновеніе простоялъ онъ, тяжело дыша и не отрываясь отъ этого взгляда, потомъ крикнулъ: «ты что?» Въ этомъ хрипломъ крикѣ слышался скорѣе испугъ, чѣмъ угроза, но на Гришку онъ подѣйствовалъ страшно. Не понимая, что онъ дѣлаетъ, Гришка быстро свалился съ полатей и стрѣлой бросился къ дверямъ, мимо ногъ тятяки, который съ тѣмъ-же испуганнымъ крикомъ «куды?» кинулся за нимъ вслѣдъ. Забывъ, что онъ босикомъ, безъ шапки, въ одной продранной рубашенкѣ, летѣлъ Гришка по улицѣ, не чувствуя холода, не оглядываясь и ничего не видя передъ собой. Ему чудилось, что тятяка гонится за нимъ, отъ него-то онъ и бѣжалъ въ смертельномъ страхѣ, самъ не зная куда. Отъ быстрого бѣга и рѣзкаго вѣтра у него уже и ноги начали подкашиваться. Еще нѣсколько минутъ и Гришка упалъ-бы обезсиленный, но въ этотъ моментъ онъ съ размаху уткнулся головой во что то большое, черное, страшное. Гришкѣ показалось, что онъ именно на тятяку налетѣлъ, и онъ съ жалобнымъ стономъ повалился на сибѣ. Большое-же, страшное, такъ напугавшее Гришку, оказалось дядей Миронъ, который, въ благодушнѣйшемъ настроеніи, шелъ изъ кабачка отъ Потапыча. Дядя Миронъ даже крикнулъ, когда Гришка ткнулся ему въ брюхо. «Съ нами крестная сила!» — сказалъ онъ, разставляя ноги и съ изумленіемъ разглядывая комочкомъ свернувшагося у ногъ его мальчика. Оправившись немного, онъ нагнулся къ чему съ вопросомъ:

— Ты что?

Гришка молчитъ.

— Эй ты, малецъ, слышь! Ты кто?

— Гри-ишка, — дрожащимъ голосомъ отвѣтилъ тотъ.

— Гм... Гришка! А чей ты будешь Гришка?

— Оедоровъ.

— Оедоровъ?—переспросилъ дядя Миронъ и, поднявъ мальчика, поставилъ его передъ собою.—Это значить, Оедоръ Игнатьича сынокъ?

— Да-а-а.—У Гришки зубъ на зубъ не попадалъ.

— Такъ ты, такой-сякой, что это босикомъ, безъ шапки, въ одной рубашенкѣ по морозу бѣгаешь,—а?

— Тятка-а...

— Что тятка?

— Ма-амку...

— Ну?

— Уби-и-и...—у Гришки голосъ пересѣлся.

— Уби-иль!—удивился дядя Миронъ. — Ну это, братецъ мой, врешь! Это какъ есть врешь. Да ты что дрожишь-то?

— Хо-олодно-о.

Гришѣ дѣйствительно было холодно. Пока онъ бѣжалъ отъ воображаемаго преслѣдованія тятки, онъ не думалъ о холодѣ. Теперь-же, услыхавъ благодушный голосъ дяди Мирона, не видя передъ собой страшнаго лица тятки, онъ почувствовалъ страшный холодъ. Онъ стоялъ, задрвъ къверху голову; на лицѣ у него застыли крупныя слезы; поминутно поднималъ онъ то одну, то другую ногу; руки оковѣли.

— Ахъ ты, чтобъ тебя!—ударилъ себя по бедрамъ дядя Миронъ.—Вѣдь замерзнешь?

— Замерзну,—согласился и Гришка.

— Ахъ ты, ахъ ты!—заахалъ тотъ. Затѣмъ онъ растегнулъ свой теплый овчинный тулупъ, поднялъ и завернулъ въ него мальчугана и, постоявъ немного, направился по улицѣ. Гришка, почувствовавъ теплоту тулупа, старался завернуться въ него какъ можно удобнѣе, но эту ему плохо удавалось. Захочетъ онъ спрятать головенку, спустится пониже, ноги высовываются; подниметъ ноги—голова на вѣтру. Кромѣ этого, онъ своими движеніями мѣшалъ дядѣ Мирону, который, должно быть отъ этого, поминутно спотыкался.

— Да ты не ерзай!—сказалъ онъ, наконецъ. Гришка при-
смирѣлъ.

— Такъ ты говоришь: тятка мамку побилъ? — спросилъ дядя Миронъ.

— Убилъ,—подтвердилъ Гришка.

— Сказывалъ я тебѣ—врешь, ну и врешь, ну и врешь! Не могъ убить, закона нѣтъ. Побить могъ, потому—мужъ, а убивать? Нѣтъ, братъ, шалишь! Бить—бей, а убивать не смѣй! Безъ закона никакъ невозможно! Вотъ какъ, братецъ мой, а не то, что... Ну, а ты-то что, а?—закончилъ онъ неопредѣленнымъ вопросомъ.

— Убѣгъ.

— А отчего убѣгъ?

— И меня хотѣлъ.

— Это убить-то? Тебя? Ахъ ты, несмышленишъ! Это чтобы, родной отецъ, да свое дѣтище? ха-ха-ха,—дядя Миронъ даже головой замоталъ, до того забавными показались ему слова Гришки.—Ну, вотъ сказывалъ я тебѣ, что глупъ ты, такъ оно и выходитъ, да. А за что тебя тятка бить хотѣлъ?

— Не знаю.

— Не зна-аешь? А мамку за что билъ?

— Не знаю. Мамка Анютку бросила, а тятка билъ.

— Эге! Такъ вотъ оно что! Выходить дѣло—за Анютку—такъ! А зачѣмъ мамка Анютку бросила?

— Тятка билъ.

Дядя Миронъ даже остановился.

— Ничего-то, парень, у тебя не поймешь!—сказалъ онъ.—Да и то: малецъ, такъ малецъ и есть и разговаривать съ тобой нечего. Ступай-ко вотъ лучше, вонъ изба-то вапа.

Гришка, немного обогрѣвшійся и развлекшись разговоромъ, услыхавъ заключительныя слова дяди Мирона, задрожалъ.

— Не пойду,—сказалъ онъ, собравшись опять въ комочекъ.

— Какъ не пойдешь?

— Боюсь!

— Что же мнѣ теперь дѣлать съ тобой? — говорилъ дядя Миронъ, остановившись у воротъ Ѳедорова двора и ослովѣлыми глазами смотря на Гришку. — Видно, и мнѣ съ тобою зайтить.

Тревожно забилося сердце мальчика, когда дядя Миронъ отворилъ дверь горницы. Онъ выскользнулъ изъ рукъ Мирона, впопыхахъ стукнулся обо что-то головой и, не обращая вниманія на боль, бросился къ мамѣ, сидѣвшей у печки, держа на рукахъ Анютку, сосавшую ея грудь и поминутно вздрагивающую всѣмъ своимъ маленькимъ тѣлцемъ. Уткнувшись въ мамкину юбку, Гришка осторожно приподнялъ голову и оглядѣлся. Тятка сидѣлъ за столомъ, угрюмо смотря куда-то въ уголъ; сумрачное лицо его показалось Гришкѣ еще страшнѣе. Въ горницѣ была мертвая тишина; дядя Миронъ нарушилъ ее.

— Добраго здоровья!—сказалъ онъ, крестясь на уголъ.—Парненка твоего, Ѳедоръ Игнатьичъ, привелъ. Боялся, ишь ты, одинъ-отъ идтить: убьетъ, грить, меня тятка, хе-хе-хе.

Тятка приподнялъ наклоненную голову, нѣсколько мгновеній всматривался въ вошедшаго, какъ бы не узнавая его, медленно перевелъ глаза на Гришку, задрожавшаго отъ этого взгляда, и ничего не отвѣтилъ.

— Убьешь, гришь,—продолжалъ дядя Миронъ.—Я ему: что ты, молю, Христось съ тобой! Съ чего убьешь? Закона, молю, такого нѣтъ, а онъ свое: убьешь, хе-хе-хе.

Пока дядя Миронъ объяснялъ причину своего прихода, Гришка взглянулъ на мамку. На лицѣ ея была кровь, кровь была и на рукахъ. Повидимому, бѣдная женщина торопилась успокоить надрывавшуюся отъ крика дѣвочку и не успѣла обмыть лицо и руки. Почувствовавъ на себѣ взглядъ сына, мамка вздохнула какъ-то всѣмъ тѣломъ и положила свою окровавленную, свободную руку на голову мальчика. Гришка задрожалъ. Онъ забылъ и щелчки мамки, и пожеланіе ея «задохнуть», и то, что еще такъ недавно ему хотѣлось, чтобы она была побита. Ему стало жаль ея, невыразимо жаль, и не ее одну, а даже и злѣйшаго врага своего—Анютку—и ту жалко стало. Онъ почувствовалъ, что сейчасъ заплачетъ, боялся этого, но не могъ удержаться и глухо, съ болью, зарыдалъ, припавъ на колѣни матери, а слова послѣдней: «Господь съ тобой, Гришутка, не плачь»,—сказанныя какимъ-то скорбнымъ голосомъ,—вызвали еще сильнѣе его слезы, такъ что все тѣло его подергивалось отъ неудержимыхъ рыданій. Даже дядя Миронъ обратилъ на это вниманіе.

— Ишь, надрывается! — сказалъ онъ, мотнувъ головой на Гришку.—А это ты, кумъ, не ладно дѣлаешь, ой-ей, не ладно! Вонъ она баба-то у тебя, посмотри чего надѣлалъ! да и паренька перепугалъ, ишь, онъ безъ шапки, въ одной рубашенкѣ пустился отъ тебя, этакъ и простыть не долго! А вѣдь онъ дитѣ тебѣ,—помреть, ты же Богу отвѣтъ дашь! Богъ-отъ спроситъ: отчего померъ паренекъ? Ему и скажутъ:—отецъ, молю, родной на морозъ выгналъ. Не хорошо, ой, не хорошо.

Тяťка молчалъ; молчала и мамка, и заснувшая на рукахъ у нея Анютка, только одинъ Гришка продолжалъ плакать, и этотъ сдавленный, безпомощный дѣтскій плачь удручающе дѣйствовалъ на всѣхъ.

— Ишь, надрывается! — повторилъ дядя Миронъ, не получая отвѣта на назидательныя рѣчи свои.—Оно; конечно, отчего бабу не проучить? И въ писаньи сказано: жена да боится мужа своєю, а все же не твою...

— Ты, Миронъ Николаичъ, отъ Потапыча шель?—перевбилъ его тяťка, поднимаясь съ мѣста.

Дядя Миронъ опѣшилъ и захлопалъ глазами.

— Отъ его, отъ самого, отъ его, окаяннаго!—справившись, быстро заговорилъ онъ, какъ бы радуясь, что тяťка, наконецъ, сказалъ что-то.

— Ну, и ступай своей дорогой, а промежь мужемъ и женой не ставай! А тебѣ, чѣмъ другихъ корить, то бы подумать: не праздникъ сегодня, а ты въ кабацѣ.

— А ты чего меня кабакомъ коришь? Чай и самъ не Богъ зна, какъ давно былъ! Вчера...

— То вчера, а то сегодня. Вчера—праздникъ Господній, а сегодня, кажись, праздника нѣтъ.

— Ну—и нѣтъ! А я былъ, и еще пойду, — грозился дядя Миронъ. Не на твои пью—на свои!

— Ну, и я свою бабу бью, а не твою, и мѣшаться тебѣ нечего. Что мальченка привелъ — спасибо, а на счетъ иного прочаго—ты ужъ тово... Самъ знаешь, какъ жить надо, а не то, чтобы что...

Гришка пересталъ плакать. Ему вдругъ пришла мысль побѣсть тятка дядю Мирона или нѣтъ? Но дядя Миронъ обижено повернулся, причемъ его сильно качнуло въ сторону, и направился къ дверямъ со словами:

— Ишь, какой выискался! Кабакомъ коритъ! Да я что?... У меня что?.. У меня, вонъ, ребята... А то — не праздникъ! Сами знаете, что не праздникъ! Ему, какъ путному, а онъ — не праздникъ!

Дядя Миронъ ушелъ разгнѣванный. Съ его уходомъ, въ избѣ стало тихо, такъ какъ и Гришка пересталъ плакать. Тятка нѣсколько времени постоялъ въ задумчивости, потомъ нахлобучилъ шапку и вышелъ. Немного погодя, со двора донесся его сердитый голосъ, ругавшій за что-то Шарика. Этотъ голосъ какъ будто разбудилъ мамку. Она еще разъ глубоко вздохнула, приподняла съ своихъ колѣнъ голову Гришки и понесла Анютку въ зыбку. Положивъ ее, она сняла съ полки большую ковригу чернаго хлѣба и отрѣзала ломоть.

— Гришка! Хоть хлѣбца?—спросила она.

Гришка вскинулъ на нее глазами и протянулъ рученку. Что-то во взглядѣ мальчика такое было, что у мамы, встрѣтившейся съ этимъ взглядомъ, дрогнуло сердце. Она отвернулась, но сейчасъ же быстро повернулась къ Гришкѣ, схватила его косматую голову въ свои руки и со словами: «сыночекъ... Гришутка»... зарыдала.

Остальной день для Гришки прошелъ безъ особыхъ приключеній. Наплакавшись вмѣстѣ съ мамкой и поѣвъ хлѣбца, Гришка пошелъ на улицу, разыскавъ своего Оедотку, немедленно рассказалъ ему всѣ происшествія дня, причемъ у нихъ самыхъ дѣло безъ малаго до драки не дошло изъ-за того, что Гришка настаивалъ, что если бы тятка захотѣлъ, то побилъ бы дядю Мирона, а Оедотка утверждалъ, что сильнѣе дядя Миронъ, потому—онъ толстый. Но этотъ споръ они скоро закончили и стали играть. До вечера время прошло незамѣтно, и только, когда Гришка подошелъ къ своему двору, ему вспом-

нилось все происходившее у них сегодня. У мальчика сердце опять оборвалось; тихо и робко отворил он дверь и вошелъ въ избу. Боясь поднять глаза, онъ осторожно пробрался на старое мѣсто за печкой и смирно усѣлся на лавку. Мамка качала зыбку, тятка что-то стругалъ, на него никто не обратилъ вниманія. Ему хотѣлось ѣсть, но онъ боялся сказать объ этомъ. Разъ онъ уже было совсѣмъ насмѣлился, слѣзъ съ лавки и, не спуская глазъ съ отца, намѣревался тихонько подойти къ мамкѣ и шопотомъ попросить хлѣбца, но въ это время отецъ поднялъ голову и взглянулъ на него. Гришка задрожалъ и быстро усѣлся по прежнему. Посидѣвъ немного, онъ прилегъ на лавку и заснулъ; потомъ онъ почувствовалъ, что его будятъ, ему не хотѣлось вставать, но такъ какъ его будили все настойчивѣе, то онъ открылъ глаза. Страшный крикъ вырвался изъ груди мальчика. Онъ увидалъ надъ собой наклоненное лицо отца, что-то говорившаго ему. Что? Гришка не понималъ, но впечатлѣнія дня до того подѣйствовали на него, что одинъ видъ тяткина лица, такъ близко наклонившагося къ нему, перепугалъ его до смерти. Даже тятка испугался этого крика.

— Ты чего?—сказалъ онъ, съ испугомъ глядя на сына.

Прибѣжала и мамка.

— Христось съ тобой, Гришутка! Чего испужался?—говорила она, схвативъ его на руки. Тятка видъ это — на мѣсто, грить, ложись.

Гришка обхватилъ своими руками мамкину шею, крѣпко прижался къ ней, весь дрожа и робко озираясь. Мамка достала какой-то обрывокъ кошмы, забросила его на полати, разостлала и уложила Гришку, прикрывъ его какой-то ветошью.

— Спи съ Богомъ, родимый,—сказала она, крестя его.

— Боюсь, мамка, — жалобно сказалъ Гришка, причеъ у него опять навернулись слезы на глазахъ.

— Не бойся, не бойся; никто тебя не тронетъ. Я вотъ тутъ же лягу.

— Ну, спи; чего еще тамъ?.. — отозвался тятка.

Гришка замолчалъ. Мамка задула сальную свѣчку и улеглась вондъ зыбки, тятка повозился еще немного въ темнотѣ и тоже легъ. Тихо стало въ горницѣ и Гришка скоро уснулъ, но тятка и мамка не спали, каждый думалъ свою думу. Мамка думала, что завтра надо бы на прорубь сбѣгать, кое-какую лопатинку пополюскать, — у Гришки рубашенка вонъ какая черная, да и мужику бы рубаху переменить нужно, — а тутъ руки ноги болятъ, все тѣло ноетъ... Тяткѣ вспоминается сегодняшній день—нехорошій день! За что онъ бабу свою побилъ? Положимъ, она приставала къ нему, надоѣдала, такъ

вѣдь, опять-таки, и онъ неправъ. Положимъ, вчера праздникъ былъ онъ выпилъ, порядочно выпилъ, но зачѣмъ же бы жонинъ платокъ таскать въ кабакъ? Она вѣдь въ сущности права — платокъ-то ея, да еще и праздничный, а съ другой стороны—онъ же и купилъ его ей. И зачѣмъ она пристава къ нему? Ему и такъ нехорошо, послѣ похмѣлья голова болитъ и, вообще, какъ-то скверно, а тутъ она еще. Ну, онъ не удержался, ударилъ ее; ей-бы отойти, замолчать, а онъ еще пуще закричала,—его и разсердило. И все это дядя Миронъ виноватъ, или, нѣтъ, не дядя Миронъ, а кто же? Тятю уже началъ было засыпать, но въ это время Гришка заворочался на полотяхъ и по дѣтски, со всхлипываніемъ вздохнулъ. Тятюку ровно кто подъ бокъ толкнулъ; онъ широко раскрылъ глаза. Съ улицы въ окно пробивался какой-то свѣтъ, слышно было, какъ уныло скригѣли ворота. Припомнился тятюкѣ и взглядъ Гришки съ полостей, такъ поразившій его, потомъ, какъ Гришка выбѣжалъ на улицу въ одной рубашенкѣ. Какъ тятюка ни былъ возбужденъ, но онъ понималъ, что Гришка можетъ простудиться, хотѣлъ было бѣжать за нимъ, но Анютка такъ страшно надрывалась, что онъ поспѣшилъ поднять сначала ее, и пока баба оправлялась, онъ нянчился съ дѣвочкой. Потомъ ему припомнилось, какъ горько плакалъ Гришка и какъ онъ перепугался. Ишь, какъ напугалъ ребенка! Суровый онъ съ виду мужикъ, а Гришку любить; молча, безъ порывистыхъ движеній и пощелуевъ, но, тѣмъ не менѣе, крѣпкою, если можно такъ выразиться, крестьянскою любовью. Впрочемъ, въ пьяномъ видѣ любовь эта и прорывается у него. Садитъ онъ тогда себѣ на колѣни Гришку, иногда и Анютку даже прихватить, разговариваетъ съ нимъ и чего бы тотъ ни попросилъ — все общаетъ, и не потому общаетъ, что Гришка маленький и его успокоить надо, а потому, что дѣйствительно хотѣлось бы удовлетворить всѣмъ желаніямъ его. И Гришка его тогда не боится, — смѣло подходитъ. Вотъ только трезвый не можетъ съ сердцемъ совладать — суровъ, но вѣдь онъ не перестаетъ любить его, любить, пожалуй, не меньше мамки, съ которой Гришка и разговорчивѣе и сообщительнѣе, несмотря на то, что тятюка очень рѣдко накажетъ его, развѣ прикрикнетъ, а мамка каждый день обязательно за что нибудь да отплепааетъ. Разница въ ихъ любви только та, что у мамки одна забота—былъ бы Гришка одѣтъ и накормленъ, а онъ, тятюка, думаетъ и о прочемъ, вродѣ: этакъ, годика черезъ два, отдать Гришку въ ученьѣ, пусть грамотный будетъ; потомъ и работать начнетъ, пособлять ему, а тамъ, можетъ, Господь и счастья дать,—разбогатѣетъ Гришка. Кто знаетъ? У Бога милостей много!.. И вдругъ этотъ Гришка умретъ. Въ тяжкодумной, не привычной къ отъѣздамъ

лямъ, тяткиной головѣ появились сразу нѣсколько смутныхъ, но страшныхъ образовъ. Маленькій гробикъ, имъ же сколоченный, въ гробикѣ посинѣвшій Гришка, глубокая яма и мерзлая земля, съ глухимъ стукомъ падающая на гробъ... Скверно спалось тяткѣ эту ночь.

А Гришка проснулся утромъ совсѣмъ бодрый, быстро одѣлся и побѣжалъ на улицу, гдѣ, по его соображеніямъ, бедотка уже давно ждалъ его. Мамка что-то крикнула ему въ догонку, но онъ не обратилъ вниманія. Наигравшись вдоволь, онъ прибѣжалъ домой, заявляя, по вчерашнему, что онъ хочетъ «исъ». Мамка дала ему кусокъ хлѣба и двѣ картофелины. Гришка усѣлся на лавку, заболталъ ногами и откусилъ кусокъ хлѣба.

— Мамка! А-а-а!—вдругъ крикнулъ онъ, скорчивъ рожицу.

— Ты чего?—спросила мамка.

— А-а-а!—Гришка показывалъ на свой ротъ.

— Обжегся, что-ли?

— Нѣ, Болить.

— Что болитъ?

— А!—онъ опять открылъ ротъ.

— Да ты выплюнь хлѣбъ-ать, да скажи толкомъ: что болитъ-то?

— Тамъ болитъ,—плаксиво говорилъ Гришка, выплюнувъ хлѣбъ и показывая на горло.

— Шибко болить?

— Шибко.

— Ну-ка, откуси кусокъ, да проглоти.

Гришка последовалъ совѣту, но видно боль дѣйствительно была сильная, такъ какъ у него даже слезы показались на глазахъ отъ стараній проглотить кусокъ.

— Сказывала я тебѣ не бѣгать по морозу, вотъ и добѣгался, — съ сердцемъ сказала мамка. — Ступай на полати,—ложись!

Гришка жалобно посмотрѣлъ на нее и покорно выполнилъ приказаніе. Мамка зажгла сальную свѣчку, достала изъ-за иконъ кусокъ синей бумаги и стала капать на нее сало. Вошелъ тятка.

— Что это?—спросилъ онъ.

— А вонъ, добѣгался, — отвѣтила жена, показывая на Гришку.

— Что съ нимъ?

— Горло болить.

Тятка вздрогнулъ. «Ты же Богу отвѣтъ дашь» опять пронеслось у него въ головѣ. Онъ подошелъ къ полатамъ.

— Шибко болить?—также спросилъ онъ.

— Шибко болить?—также отвѣтилъ мальчикъ.

— Ну, ничего, пройдетъ...—успокоилъ тятка.

Но у Гришки не прошло. Въ теченіе дня боль усилилась, а къ вечеру и жаръ начался. Гришка метался, жалобно стоналъ, просилъ пить, и когда ему подносили холоднаго квасу, онъ жадно набиралъ его въ ротъ, но проглатывать не могъ и съ плачемъ выплевывалъ обратно. Мамка не отходила отъ него, тятка угрюмо сидѣлъ на лавкѣ, оба безпомощно глядѣли на муки сына. По совѣту сосѣдки, тятка сходилъ и привелъ бабу Арину, которая что-то пошептала надъ Гришкой, три раза дунула на него, столько же разъ плюнула черезъ себя, но и это не помогло,—мальчикъ продолжалъ стонать и метаться.

Уже далеко за полночь, Гришка забылся и сдѣлался немного спокойнѣе. Мамка примостилась возлѣ него, тятка легъ на лавку, но имъ обоимъ не спалось. У тятки изъ головы не выходять зловѣщія слова: «ты же Богу отвѣтъ дашь». Онъ успокоиваетъ себя, что это ничего, пройдетъ, молъ; мало-ли какая хворь приключится; не отъ всякой же умирають? Правда, зналъ онъ нынче нѣсколько случаевъ на деревнѣ, что умирали дѣти, все жалуясь на боль въ горлѣ, но можетъ Господь помилуетъ! И случись же такой грѣхъ, что Гришка захворалъ послѣ карканья этого стараго Мирона! Ворочается тятка съ боку на бокъ, не можетъ уснуть, все прислушивается, какъ дышитъ Гришка. А Гришкѣ опять хуже стало. Ему приснился страшный сонъ.

— Тятка! Не бей мамку!.. Мамку не бей, тятка!.. Не бе-э-эй!..—хрипло, страшно закричалъ Гришка со сна.

На другой день къ вечеру Гришка умеръ.

Съ сине-блѣднымъ лицомъ и старательно разчесанными русыми, почти бѣлыми, волосами, лежитъ Гришка на столѣ. Въ головахъ у него горитъ тоненькая съ золотой полоской восковая свѣчка; личико у мальчика спокойное, серьезное—спитъ—не спитъ, умеръ—не умеръ. На немъ надѣта чистенькая ситцевая рубашенка, подпоясанная шнуркомъ, посконные штанишки и новенькіе сапоги. Только два раза Гришка наряжался такъ,—въ Свѣтлый праздникъ, да въ Рождество. Съ какимъ удовольствіемъ мамка, бывало, наряжаетъ его! Правда, ей приходилось ежеминутно теревить его, чтобы онъ стоялъ смирно, не вертѣлся, но за то, когда Гришка, уже наряженный, потянувъ носикомъ, съ улыбкой поднималъ глаза свои на мать, та отвѣчала ему тоже счастливой улыбкой. И теперь, въ послѣдній разъ, нарядила Пелагея сына; только Гришка не улыбался ей; только у ней крупныя слезы падали на личико ребенка.

Пришли нѣсколько сосѣдей, сосѣдокъ, помогли уложить Гришку въ гробикъ; Ѳеодоръ подвелъ Савраску, гробикъ вынесли, поставили на дровни и тихо двинулась лошадка, ведомая въ поводу Ѳеодоромъ.

По дорогѣ пристали еще нѣсколько мужиковъ и бабъ; вышелъ и дядя Миронъ, снялъ шапку, набожно перекрестился и побрелъ за гробомъ, волаъ котораго Пелагея, съ Анюткой на рукахъ, шла, спотыкаясь и тихо воя.

— Съ чего это онъ?—послышался чей-то тихій вопросъ.

— А Богъ его знаетъ,—также тихо отвѣтилъ кто-то.

— Простылъ,—коротко объяснилъ дядя Миронъ.

— То-то бѣгаютъ они у насъ такъ-ту! Долго-ли до грѣха?—сказалъ рядомъ шедшій мужикъ.

— Иду, эшто, я намеренъ, а онъ, какъ есть босикомъ, въ одной рубашенкѣ бѣжить. На меня и наткнулся, я его и домой привелъ,—сообщилъ дальше дядя Миронъ.

— Какъ же мать-то пустила такъ?—съ удивленіемъ спросилъ тотъ же мужикъ.

— То-то не мать! Ѳеодоръ, вишь, съ бабой повздорилъ, а онъ спужался, да выбѣжалъ, какъ былъ. Извѣстно—ребенокъ, напужать не долго. Вотъ и померъ,—закончилъ дядя Миронъ, показавъ рукой на гробъ.

Мужики, какъ бы по командѣ, повернули головы по указанію его руки, тяжело вздохнули и опустили головы.

Въ кучкѣ бабъ, сопровождавшихъ Пелагею, слышались тихія рыданья и причитанья послѣдней.

— Говорю я ему, да съ сердцемъ такъ:—ступай, моля, на полати! а онъ таково-то жалостно посмотрѣлъ на меня... Ровно чувствовалъ, родименькій, что не встанеть...—Рыданія заглушаютъ остальные слова.

— Думала, на старости кормилецъ будетъ, а замѣсто того хоронить...—опять мучительныя, не дающія высказаться слезы. Бабы тоже плачутъ, имъ понятны и эти отрывочныя слова и муки, переживаемыя Пелагеей.

Добравшись до кладбища, гробикъ опустили въ глубокую яму, засыпали мералой землей и... нѣтъ Гришки. Сосѣди и сосѣдки вернулись домой; съ часъ, можетъ, они еще вспоминали о немъ, а потомъ и забыли. Да и какъ имъ долго помнить? У кого изъ нихъ не было своего Ваньки, Гришки, Петруньки, умершихъ, если и не отъ такой, то отъ подобной причины? То, что Пелагея и Ѳеодоръ испытываютъ сейчасъ, каждый и каждая изъ нихъ уже давно и, можетъ, даже не разъ испытали. Послѣднее обстоятельство побудило ихъ такъ сочувственно отнестись къ горю родителей, но это же обстоятельство давало имъ право такъ скоро и забыть о немъ.

Вернулся Ѳеодоръ домой, ссадилъ Пелагею съ Анюткой, а

самъ сталъ распрягать Савраску. Со стороны посмотрѣть—дѣло чловѣкъ дѣлаетъ. Медленно, спокойно распрягъ онъ лошадь, потомъ началъ прибирать во дворѣ, но дѣлалъ онъ это все какъ-то безсознательно, видимо стараясь чѣмъ нибудь занять себя. Ему было такъ тяжело, что даже въ горницу не хотѣлось идти. Но вотъ Федоръ остановился среди двора, пристально оглядѣлъ его и, опустивъ голову, направился къ избѣ.

Въ горницѣ былъ сильный беспорядокъ. На полу остались слѣды ногъ бывшихъ въ ней людей; разный домашній скрабъ валялся не прибранный. Пелагея, съ Анюткой на рукахъ, сидѣла на лавкѣ и остановившимся глазами смотрѣла куда-то въ уголъ.

— Ты-бы прибрала малость,—тихо сказалъ Федоръ женѣ.

Та поднялась, хотѣла положить Анютку въ зыбку, но дѣвочка закричала. Въ другое время Пелагея не обратила бы вниманія на этотъ крикъ, но сегодня она чувствовала особенную жалость къ Анюткѣ. Она взяла ее опять на руки и съ нею стала прибирать комнату.

Среди разнаго хлама ей попалась маленькая дѣтская рукавичка. Пелагея подняла ее, повертѣла въ рукахъ, потомъ прислонилась къ печкѣ и заплакала.

— Будетъ, Пелагея... Слезами не помочь... Божья, видно, воля...—не глядя на жену, сказалъ Федоръ.

Пелагея выпрямилась, посмотрѣла на него и злобно сказала:

— Ты Гришку убилъ.

Федоръ испуганно замахалъ рукой.

— Чего отмахиваться?—продолжала она.—Ты убилъ, ты! Извергъ!

— Будетъ, будетъ, Пелагея... Будетъ,—испуганно и торопливо говорилъ Федоръ.

— Что—будетъ? Не ты, скажешь?.. По чьей милости онъ босикомъ на улку выбѣжалъ?.. Не по твоей?.. Не по твоей?..—она подошла близко къ мужу, махая передъ самымъ его лицомъ рукавичкой. Федоръ поднялъ руку; онъ и не думалъ бить жену, хотѣлъ только отстранить ее, но ей показалось, что онъ хотѣлъ ударить ее. Она отскочила, но сейчасъ же еще ближе подошла къ нему.

— Бей, бей!—взвизгнула она.—Бей!.. Можетъ и Анютку за одно спровадишь!.. Бей!..

Федоръ вадрогнулъ всѣмъ тѣломъ и опустилъ руку. Онъ пристально и съ ужасомъ взглянулъ въ лицо жены, схватилъ шапку, выбѣжалъ на улицу и... совсѣмъ неожиданно очутился въ кабацѣ.

Часа черезъ три онъ пришелъ домой. Обыкновенно, воз-

вращаясь пьяный, онъ еще съ улицы начиналъ кричать и объяснять что-то, а тутъ зашелъ тихо, постоялъ на порогѣ, и, добравшись до лавки, грузно усѣлся.

— Митревна, а Митревна! Гдѣ же Гришка у насъ?—пьянымъ, жалобнымъ голосомъ спросилъ онъ.

Пелагея повернулась къ нему, пристально взглядылась и подошла ближе.

— Вѣдь померъ—а? Вѣдь померъ? Я убилъ его!—безпомощно глядя на жену, продолжалъ Ѳеодоръ.

— Полно, полно, Ѳеодоръ Игнатьичъ!—кратко сказала Пелагея, снимая у него съ головы шапку.

— Нѣтъ! Ты мнѣ скажи: я убилъ его? Я?

— Будетъ, будетъ, Ѳеодоръ Игнатьичъ! Разоблакись лучше, да ложись, отдохни.

— Нѣтъ, ты постой! Кто его на морозъ выгналъ—а? Я выгналъ! Я! А вѣдь онъ дитѣ мнѣ, Митревна, дитѣ вѣдь!.. Вѣдь мнѣ за него Богу отвѣчать! Не замолить мнѣ грѣха этого... Окаянный я, окаянный!..—Ѳеодоръ опустил голову на руки и зарыдалъ на всю избу.

Пелагея,—та Пелагея, которая никогда не упускала случая обругать пьянаго мужа; та Пелагея, которая нѣсколько часовъ назадъ сама обвиняла его въ убійствѣ сына,—эта Пелагея теперь тихо и кратко успокаивала его. Ѳеодоръ поемногу затихъ, прилежъ на лавку и, не раздѣваясь, заснулъ.

II.

Добытчикъ.

Тепло, чуть не оттепель, дорога, какъ скатерть; хорошо бѣгутъ лошаденки, залихватски заливаются колокольчики. Ъхать въ такую погоду было бы чудесно, если бы не эта проклятая изморозь. Завернуться въ шубу — жарко, распахнуть ее — моментально облѣпить мягкимъ снѣгомъ, который тутъ же таетъ и расплзается по лицу и бородѣ. Проѣзжающій забился въ уголъ повозки, слушаетъ, какъ глухо шумятъ подрѣзы по свѣже напавшему снѣгу, и смотреть въ спину ямщику. Въ городѣ теперь почти ужъ ночь, а здѣсь еще свѣтло, и ясно виднѣются большая шапка, надвинутая на уши, бѣлый нагольный тулупъ съ выползающей мѣстами шерстью и правая рука въ громадной рукавицѣ, шерстью вверхъ, поминутно помахивающая кнутомъ.

— Эй вы, но-о-о! — подбадриваетъ ямщикъ лошадепокъ. Ямщикъ маленький, баситъ, но басъ дѣтскій.

— Много ль отѣхали?

Ямщикъ оглядывается кругомъ.

— Версть десятокъ, поболѣ,—говорить онъ.

— А сколько еще осталось?

— Версть десятокъ, поболѣ,—слышится тотъ же отвѣтъ.

Провѣзжающій догадывается, что отъѣхали полъ-дороги и доволенъ,—ѣхали скоро. Навстрѣчу несется звонъ бубенцовъ и вскорѣ изъ мелкой, все закрывающей изморози появляется фигура верхового, вся засыпанная снѣгомъ и держащая подъ уздцы еще пару лошадей.

— Стенка! Ты?—спрашиваетъ встрѣчный.

— Я.

— За крутымъ логомъ, мотри, нырки пойдутъ; лѣвѣй держи.

— Знаю.—Опять все тихо. Провѣзжающій начинаетъ дремать подъ однообразный шумъ бѣгущей повозки.

— Тпру!—слышитъ онъ.

— Что такое?

— Логъ тутъ,—подъ уздцы сведу.

— Крутой развѣ шибко?

— Да, ладно. Голосъ ямщика совершенно спокоенъ; проѣзжающій сразу подбадривается. Объ этой горѣ онъ еще узналъ на станціи, гдѣ, отъ нечего дѣлать, прочитывая вывѣшенное для свѣдѣнія путешественниковъ описаніе пути, нашелъ, что «дорога пролегаетъ по черноземно-песчанно-глинистому грунту» и что «на тринадцатой верстѣ протекаетъ небольшая рѣчка и лежитъ крутая гора, черезъ которую проложенъ мостъ». Должно быть съ этой крутой горы и спускаются, подъ непрерывное тпруканье, кони, упираясь отъ наседающей на нихъ повозки; упирается и ямщикъ, ведя коренную подъ уздцы. Спустились. Ямщикъ остановилъ лошадей, осмотрѣлъ сбрую, попробовалъ крѣпка ли дуга; и, забравшись съ ногами на облучекъ, вдругъ загикалъ и замахалъ кнутомъ. Лошади подхватили; проѣзжающій, не ожидавшій этого, стукнулся головой о дерево повозки и разсердился.

Высунувъ голову, онъ хотѣлъ что то крикнуть ямщику, но на вершинѣ горы вѣтеръ былъ очень рѣзокъ, а снѣгъ моментально залѣпилъ ему глаза, почему онъ и поспѣшилъ откинуться назадъ.

Тутъ случилось новое несчастье: ямщикъ не сумѣлъ удержать расскакавшихся лошадей, повозка попала въ ухабъ и навалилась.

Провѣзжающій совсѣмъ разсердился и сталъ ругать ямщика, который, ничего не отвѣчая на ругань, хлопоталъ поднять повозку, хотя, видимо, это было ему не по силамъ. Повозка и такъ тяжела, а тутъ еще на навалившемся боку стоитъ на колѣнкахъ проѣзжающій и ругается. И за отводину схватится ямщикъ, и въ кузовъ упрется обѣими руками, а все ничего не

можеть сдѣлать, слышно только, какъ онъ часто и тяжело дышетъ.

Выбившись изъ силъ, ямщикъ отходитъ отъ повозки, снимаетъ шапку итираетъ потъ. Не перестававшій ругаться проѣзжающій замолкаетъ. Сгустившійся мракъ всетаки позволяетъ ему разглядѣть совсѣмъ еще дѣтское лицо съ безпомощно устремленными на него глазами.

— Да ты мальчишъ! — съ удивленіемъ восклицаетъ онъ. Ямщикочъ молчитъ.

— Что же мы—до утра, что ли, стоять будемъ?—съ раздраженіемъ говоритъ проѣзжій. Ямщикочъ опять ничего не отвѣчаетъ, нахлобучиваетъ попрежнему шапку, беретъ возжи и подперевъ плечомъ, какъ настоящій мужикъ, навалившуюся сторону повозки, кричитъ на лошадей. Тѣ потихоньку трогаютъ и черезъ минуту вывозятъ повозку на ровное мѣсто. Не останавливая бѣга, ямщикочъ заскакиваетъ на облучокъ и лошади прибавляютъ рыси. Но послѣ первой навалки проѣзжающему пришлось еще раза четыре летѣть съ боку на бокъ; ямщикочъ, наученный первымъ разомъ, безъ большихъ хлопотъ поднималъ повозку, но проѣзжающій, которому, въ виду ежеминутно ожидаемой навалки, приходилось сидѣть на-сторожѣ, страшно злился, хотя ругаться вслухъ и не ругается.

Вдали замелькали огоньки, кони побѣжали дружице, ямщикочъ пересталъ басить и голосъ его звонко и весело раздается среди полнѣйшаго безмолвія зимняго вечера.

— Станція, что ли?

— Она.

— Она-а! — сердито передразниваетъ проѣзжающій. Повозка въѣзжаетъ на дворъ станціи.

— Кого привезъ?—слышится изъ глубины двора.

— Не знаю,—отвѣчаетъ ямщикочъ, отстегивая фартукъ.

— Ты, что ль, Степка?

— Я.

— Молодець!

— Молодець,—повторяетъ проѣзжающій, выѣзжая изъ повозки.—Этому молодцу съ ребятишками играть, а не лошадьми править. Вотъ напишу жалобу, такъ узнаешь каковъ молодець. Тоже!—Ямщикъ называется!

Хозяинъ провожаетъ сердитаго барина, предварительно пошептавшись со Степкой.

— Чай будете пить, али запрягать прикажете?

— И чай буду пить, и запрягать прикажу, только поскорѣе! — командуетъ тотъ. Хозяинъ уходитъ въ другую комнату, откуда сейчасъ же доносится его тихій разговоръ.

— Марья!—самоваръ. Да скорѣй, мотри, сердится.

— Пошто?—спрашиваетъ женскій голосъ.

— На Степку осерчалъ; навалилъ, вишь, его.

Немного погодя, является молодая женщина съ подносомъ и чайной посудой въ рукахъ. Разставивъ ее на столѣ, она мелькомъ взглядываетъ на проѣзжающаго и скрывается.

— Баринъ! Ты, мотри, жалобу не пиши!

Проѣзжающій вздрагиваетъ отъ неожиданности и оборачивается. Въ дверяхъ, опершись о косякъ, стоитъ его ямщикъ, держа въ рукахъ громадныя рукавицы свои. Теперь ясно видно, что это мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, съ худымъ, блѣднымъ лицомъ и большими сѣрыми глазами.

— Что?

— Жалобу, говорю, не пиши!—повторяетъ онъ. Говорить сурово, но глаза глядятъ съ дѣтской мольбой.

— Что такое? Ахъ ты клопъ! По твоей милости у меня всё бока болятъ, а ты мнѣ еще приказывать!

— Не пиши, говорю,—оштрафують меня.

— А такъ и надо, такъ и надо!—злорадствуетъ проѣзжій. И тебя оштрафуютъ, и хозяина твоего, чтобы зналъ, какъ такихъ ямщиковъ держать.

— Хозяинъ съ меня вычтетъ, скажешь: что не упросилъ?

— Ну это, чортъ васъ тамъ знаетъ, ваши расчеты. Ступай!

— А мамкѣ я что отдамъ?

— Какой мамкѣ?

— Своей.

— Да мнѣ какое дѣло?

— А кормиться она чѣмъ будетъ?—вмѣсто отвѣта спрашиваетъ мальчикъ. Голосъ у него теперь совсѣмъ уже суровъ; глаза упорно глядятъ на проѣзжающаго, тому неловко и это окончательно его бѣситъ.

— Пшелъ вонъ!—топаетъ онъ ногой. Ты какъ смѣлъ зайти сюда? Хозяинъ! Ты зачѣмъ пускалъ его? Не знаешь правила, что сюда никто не имѣетъ права заходить? Хочешь, чтобы и на тебя жалобу написали?

Испуганная хозяйка схватываетъ Степку за плечи, логонько выталкиваетъ, тихо приговаривая:

— Ступай, Степка; ступай, родной; не гнѣви барина.

Проѣзжающій остается одинъ, въ конецъ разозленный. Къ чему онъ горячится? Чѣмъ кричать—написать жалобу и дѣлу конецъ. А написать жалобу надо, необходимо; невозможно оставить безнаказаннымъ такое «нахальство». Какимъ тономъ онъ говорилъ? Это возмутительно!

— Давай сюда перо и чернила,—обращается онъ къ хозяйкѣ, принесшей самоваръ. Та испуганно оглядывается и черезъ минуту приноситъ требуемое.

— Чортъ знаетъ, что за перо! — говоритъ онъ дальше, когда перо на первой же буквѣ дѣлится на-двое, рветъ и

брызгает бумагу.—Тебѣ что?—сердито оборачивается онъ къ хозяйкѣ, стоящей у порога и смущенно перебирающей фартукъ.

— Баринъ, простите Степку,—застѣнчиво проситъ она, не глядя на него.

— А тебѣ чего? Не вашъ ямщикъ!

— Матку жалко. Это, какъ Степку оштрафуютъ, ей и впрямь кормиться нечѣмъ будетъ.

— Да она кто такая?

— Удова она. Хозяинъ то померъ, она и осталась одна со Степкой, да еще дѣвочки двѣ махонькія.

— А Степка причеъ тутъ?

— А одинъ онъ и есть добытчикъ-то! Сама-то хвора, сердцемъ все жалится: какъ поробить малость, такъ ее и схватить, такъ и схватить!—Хозяйка говорить уже смѣло. Проѣзжающій оставляетъ книгу, подходитъ къ столу и наливаетъ себѣ стаканъ чаю.

— Тоже—добытчикъ!—усмѣхается онъ.

— Извѣстно—ребенокъ! а только, каковъ ни есть, а все-же кормить.

— Что же онъ, жалованье получаетъ?

— Какъ же, на жалованьи. Два рубли получаетъ, да отъ господъ когда что перепадетъ, на водку, значить, есть такіе—даютъ. И вѣдь, мотри, ребенокъ, а нѣтъ того, чтобы тамъ лакомства, али что себѣ,—все маткѣ снести.—Хозяйка съ видимымъ удовольствіемъ сообщаетъ все это.

— Да ему сколько лѣтъ?—совсѣмъ уже спокойно спрашиваетъ проѣзжающій.

— Тринадцатый годокъ пошелъ.

— А отецъ давно умеръ?

— Да вотъ уже четвертый годъ.

— Такъ неужели онъ съ девяти лѣтъ ямничать сталъ?

— Гдѣ ужъ! Лѣтось только поступилъ.

— А до этого они чѣмъ же кормились?

— А ужъ это истинно Господь ихъ знаетъ!—оживленно говорить хозяйка.—Спервоначалу распродалывала все, что отъ мужика оставалось, да не на долго хватило, тоже и промежъ насъ есть, не посмотрять, что удова съ сиротами,—такъ, за ничто ушло все. Пробовали было бабы Христовымъ именемъ помогать, такъ, мотри, гордая была, не примала. Да и то сказать—не легко! Мужикъ-то у ней былъ справный, жили ладно, сами добывали, а тутъ и примать пришлось. Извѣстно—Божья воля, а все-же чижало. Только разъ она и зайдя къ сосѣдкѣ; стала у порога и молчить. «Ты чего, Татьяна?» сосѣдка-то спрашиваетъ. Молчить. Ну сосѣдка и догадалась; достала мѣшокъ, разной туда снѣди напихала: «на, говорить, снеси дѣткамъ гостинцу», не то, чтобы Христа ради, а въ родѣ гостинца. И

хоть-бы она тебѣ слово; взяла мѣшокъ и пошла. Ну, сосѣдка-то видитъ—баба не въ своемъ умѣ, пошла за ней. А она, какъ зашла, высыпала хлѣбъ, сама въ уголь, да какъ заво-оетъ! А ребятенки-то, такъ повѣришь-ли, сосѣдка сказывала, ровно волки на хлѣбъ набросились!

У проѣзжающаго стаканъ съ чаемъ остылъ, внимательно слушаетъ онъ рассказъ.

— А какъ Степка въ ямщики поступилъ, ей и легче стало,—продолжаетъ хозяйка.—Оно хоть и небольшія деньги два рубли, а все-же на хлѣбъ хватаетъ. Только и тутъ не безъ грѣха! Возилъ Степка, осенясь, барина одного, да ночью. Теметь страшная, дождь,—Степка и угоди въ яму, ось-то и переломилась. Прибѣжалъ тогда къ намъ, мокрехонекъ, дрожить, одешонка-то плохая, хозяйская. Послали мы мужиковъ, привезли барина, а онъ возьми да жалобу напиши. Ужъ сколь ни просили, не помогаетъ:—не имѣетъ онъ, говорить, права ямщикомъ быть. Обсказывала я ему, какъ вамъ вотъ, еще пуще разсердился, меня обругалъ. Вы, говорить, нарочно такихъ ямщиковъ держите, чтобы поменьше платить. А что ужъ нарочно? Чай и намъ не сколь лестно ругань-то получать, да и не нашъ онъ—той станціи, а только, какъ по божески. Ну, написалъ баринъ жалобу, хозяина и оштрафовали на три рубля, а хозяинъ-отъ со Степки и вычелъ. Коли, хозяинъ-то говорить, тебѣ благодѣяніе дѣлаютъ, такъ ты, грить, умѣй и просить, чтобы на тебя не жалелись. А какъ тутъ просить? Да онъ у насъ, вишь какой... сердитый!—усмѣхнулась хозяйка.—Нѣтъ того, чтобы деликатно попросить, а какъ matka его, такой-же. Даве это я его и надоумила: ступай, молъ, къ барину обсуди ему, да попроси, а онъ вонъ какъ попросилъ! и васъ разгнѣвалъ... Ну, объ Рождество и вычелъ этотъ самый штрафъ. Степка нарочно два мѣсяца жалованья не биралъ, все хотѣлъ къ праздникамъ накопить побольше, сестренкамъ обновки купить—обносились шибко, а тутъ, какъ хозяинъ штрафъ то вычелъ, да за сломанную ось, такъ замѣсто праздника и обновокъ, почитай, безъ хлѣба пришлось остаться. Сколь слезъ-то было!—закончила хозяйка.

— Какъ-же, однако, такого ребенка въ ямщики? Тутъ и дождь, и холодъ, и вѣтеръ,—тихо спрашиваетъ проѣзжающій.

— Привыченъ онъ. Да окромя ямщиковъ куды-же по деревнѣ? Въ работники не возьмутъ, малъ, силенки нѣтъ, а въ ямщикахъ...

— Кони готовы,—входитъ хозяинъ.

Проѣзжающій начинаетъ одѣваться, хозяйка собираетъ со стола.

— Ты вотъ что! скажи ему, что я... не писалъ,—говорить онъ, не глядя на нее.

— Спасибо, баринъ!—задушевно благодарить та.—Только онъ, мотри, не повѣрить, самъ посмотрить.

— Да онъ развѣ грамотный?

— Какъ же, грамотный. И книжки, мотри, какъ любить, просто хлѣбомъ не корми,—говорить хозяйка, выходя съ проезжающимъ на крыльцо. Послѣдній начинаетъ усаживаться, хозяинъ свѣтитъ фонаремъ.

— Трогать можно?

— Постой. Позови мнѣ этого... доbytчика.

Хозяинъ бѣжитъ и скоро ворочается со Степкой, который солидно подходитъ къ повозкѣ.

— На вотъ—отдай сестренкамъ на обновки,—сконфужено говорить проезжающій, суя ему что-то въ руку.

Степка мрачно ѣ угрюмо смотреть на него и не шевелится.

— Бери, Степка! Бери, не бойсь, онъ жалобу не писалъ,—кричить хозяйка съ крыльца.

— Не писалъ? —недовѣрчиво и сурово спрашиваетъ мальчикъ.

— Не писалъ, не писалъ. Подъ ты къ Богу... сердитый!

Худое личико ребенка оживляется. Онъ застѣнчиво улыбается и нерѣшительно протягиваетъ руку...

— Съ Богомъ! Пошелъ!

Лошади сразу подхватили.

П. Хотымскій.

Уголовное Уложение

(По поводу проекта Редакционной Комиссии).

«Уголовное право принадлежит къ такимъ предметамъ, на которые характеръ націи долженъ имѣть рѣшительное вліяніе. Воздѣйствіе народнаго духа нигдѣ не является болѣе спасительнымъ, какъ въ уголовномъ правѣ; отрицаніе авторитета народнаго убѣжденія въ этой области или ограниченіе его, сравнительно съ другими областями права, должно рассматриваться какъ явленіе въ высшей степени неправильное». Ручка.

Въ видѣ приложенія къ 9-му № журнала Министерства Юстиціи за 1895 годъ подписчики журнала получили проектъ Уголовнаго Уложения. Разсылая проектъ, Министерство конечно руководствовалось желаніемъ ознакомить общество съ послѣдней (во второй редакціи) работой Редакціонной Комиссіи, работой, долженствующей, быть можетъ, въ недалекомъ будущемъ, имѣть громадное практическое значеніе, — и тѣмъ вызвать гласное, возможно всестороннее обсужденіе проекта.

Должно замѣтить, что Министерство Юстиціи въ отношеніи проекта Уголовнаго Уложения и ранѣе держалось той же, въ высшей степени разумной политики. Еще въ 1882 году (въ основу работъ по преобразованію уголовного законодательства легли начала, начертанныя въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта 11-го декабря 1879 года) проектъ 1-го раздѣла Уложения, вмѣстѣ съ разъяснительной запиской, былъ разосланъ Министерствомъ юридическимъ факультетамъ, чинамъ судебнаго вѣдомства, совѣтамъ присяжныхъ повѣренныхъ и (въ соотвѣтствующихъ переводахъ) всѣмъ болѣе или менѣе выдающимся юристамъ Западной Европы. Такой приемъ, кажется, впервые встрѣчающійся при обсужденіи въ нашемъ отечествѣ законодательныхъ вопросовъ, произвелъ необыкновенную сенсацію въ юридическомъ мірѣ. Отечественные и заграничные юристы откликнулись на призывъ Министерства. На сколько былъ обилёнъ матеріалъ, собран-

ный такимъ путемъ, можно судить по тому, что помимо статей, помѣщенныхъ въ общихъ и спеціальныхъ журналахъ, изъ замѣчаній, поступившихъ до 15-го сентября 1883 года напечатано въ Государственной типографіи пять объемистыхъ томовъ (напр. 2-й томъ включаетъ 935 стр.).

Этими пятью томами (касающимися общей части Уложенія) работа пробужденной общественной мысли не исчерпывается, напротивъ—она шла и идетъ неустанно до настоящаго времени, не оставляя ни одного отдѣла Уложенія безъ детальной критики.

Большинство отзывовъ въ общихъ чертахъ было благопріятно труду Редакціонной Комисіи въ первоначальномъ его видѣ, въ особенности ему посчастливилось со стороны нѣмецкихъ профессоровъ *). «Проектъ Уложенія,—по словамъ одного изъ этихъ профессоровъ,—представляетъ собою несомнѣнно документъ тщательныхъ и добросовѣстныхъ изслѣдованій и какъ тамъ, гдѣ онъ примыкаетъ къ современнымъ законодательнымъ трудамъ, такъ и тамъ, гдѣ онъ прокладываетъ свой собственный путь, свидѣтельствуетъ объ обширныхъ свѣдѣніяхъ, научномъ безпристрастіи и гуманномъ духѣ его составителей». Что же касается до отзывовъ на проектъ со стороны французскихъ криминалистовъ, то въ этомъ случаѣ невольно бросается въ глаза слѣдующее обстоятельство: на ряду съ цѣлой группой нѣмецкихъ профессоровъ въ сводѣ почти не встрѣчается имени французскаго криминалиста, такъ что для людей, не принимавшихъ непосредственнаго участія въ работахъ Комисіи, является не разрѣшимымъ вопросъ: отчего происходитъ такое умолчаніе? Оттого ли, что французскіе криминалисты не сочли нужнымъ удостоить проектъ своими замѣчаніями или потому, что по соображеніямъ Комисіи, эти замѣчанія не нашли себѣ мѣста въ общемъ сводѣ?

Относительно отзывовъ на проектъ Уложенія со стороны отечественныхъ юристовъ, слѣдуетъ замѣтить, что здѣсь мы встрѣчаемся съ большимъ разнообразіемъ: на ряду съ мнѣніями весьма благопріятными проекту, высказываются взгляды совершенно противоположные. Такъ какъ для читателей журнала, преслѣдующаго общія цѣли, подробности по спеціальнымъ вопросамъ не интересны и утомительны, то мы считаемъ необходимымъ остановиться только на двухъ-трехъ отзывахъ, какъ наиболее характерныхъ. По мнѣнію и при томъ совершенно справедливому, юридическаго факультета университета Св. Владиміра, «возможная связь закона съ господствующими въ обществѣ возрѣніями составляетъ одно изъ основныхъ требованій кодификаціи. Кодификація не есть дѣло единичныхъ силъ человѣка одной эпохи, но результатъ прогрессивнаго развитія народа,—одно изъ знаменательныхъ выраженій

*) Такіе отзывы прислали Макрель, Г. Мейеръ, Ф. Листъ и нѣкоторые Гейеръ и Гольцендорфъ.

его духа и цивилизаціи, а потому законъ долженъ соответствовать правамъ, характеру, политическому и религіозному положенію націи». Указавъ на безусловную необходимость «воздѣйствія народнаго духа на законъ»—факультетъ приходитъ къ заключенію, что отсутствіе этого воздѣйствія «рѣзко сказывается въ проеѣктѣ: Редакціонная Коммисія нерѣдко упускаетъ изъ виду господствующія въ обществѣ возрѣнія на право и считаетъ возможнымъ построеніе уголовного закона на чисто абстрактныхъ началахъ извѣстной доктрины». Отмѣтивъ столь капитальный недостатокъ, опонентъ обращаетъ вниманіе и на другой, не менѣе важный: «для успѣшности чрезвычайно труднаго и сложнаго дѣла кодификаціи, кромѣ полнаго знакомства съ прошедшимъ и дѣйствующимъ правомъ страны, пониманія потребностей народа и средствъ ихъ удовлетворенія, необходима способность кодификаторовъ отказаться отъ субъективныхъ идеаловъ, предубѣжденій, подчиненія какому либо исключительнымъ научнымъ требованіямъ. Это существенное условіе кодификаціи къ сожалѣнію нарушается въ проеѣктѣ, въ которомъ именно замѣчается увлеченіе совершенно исключительными теоріями».

Съ неменьшей отрицательностью высказываются о проеѣктѣ Уложенія именно тѣ, кому чаще всего приходится примѣнять къ жизни уголовные законы. Такъ, по мнѣнію одной изъ провинціальныхъ прокуратуръ, «проеѣктъ не отличается желательной ясностью и точностью редакціи, такъ что во многихъ случаяхъ приходится только догадываться о желаніяхъ законодателя, при чемъ и чтеніе объяснительной записки не всегда уясняетъ способъ примѣненія закона». По мнѣнію же другой, тоже провинціальной прокуратуры, проеѣктъ, «отличаясь въ большинствѣ своихъ положеній часто теоретическими опредѣленіями, изложенными слишкомъ научнымъ языкомъ, болѣе соответствуетъ конспекту къ курсу уголовного права».

Въ нынѣшнемъ году, въ день годовщины провозглашенія Германской имперіи, былъ внесенъ въ рейхстагъ проеѣктъ германскаго гражданскаго уложенія.

Намъ припоминается это событіе потому, что въ прошедшемъ германскаго гражданскаго уложенія есть черты, аналогичныя съ чертами изъ прошедшаго нашего Уголовнаго Уложенія.

Проеѣктъ германскаго гражданскаго кодекса былъ опубликованъ въ первый разъ въ 1868 году; первая редакція его была возложена на извѣстнаго цивилиста и знатока римскаго права, Виншейда. Появленіе въ печати проеѣкта кодекса произвело въ обществѣ огромную сенсацію; какъ у насъ Уголовное Уложеніе (въ проеѣктѣ), такъ и германскій гражданскій кодексъ—вызвалъ на свѣтъ Божій цѣлую литературу; это было, по выраженію одного

изъ нашихъ юристовъ «море критики» и критики часто рѣвкой, безпощадной. Помимо монографій и трактатовъ, разбиравшихъ проектъ какъ въ общемъ его составѣ, такъ и въ отдѣльныхъ законоположеніяхъ, появились даже контръ-проекты. Первый проектъ германскаго кодекса главнѣйшимъ образомъ вызывалъ нападки со стороны печати за свой академическій, кабинетный характеръ, за языкъ, свойственный пандектамъ и учебникамъ, но ничего не имѣющій общаго съ живымъ, современнымъ языкомъ, и наконецъ за отсталость своихъ положеній отъ прогрессивно-правовыхъ воззрѣній общества.

Должно сказать, что составители германскаго гражданскаго кодекса отнеслись съ замѣчательной чуткостью къ голосу общественнаго мнѣнія; не смотря на то, что въ комиссію по составленію кодекса вошли выдающіеся юристы, тѣмъ не менѣе вопросы личнаго самолюбія были оставлены въ сторонѣ, вниманіе же обращалось не на сферы, изъ которыхъ исходили возраженія, но на внутреннее достоинство и цѣнность возраженій. Вслѣдствіе такого отношенія составителей къ принятой на себя работѣ, проектъ германскаго гражданскаго кодекса во второй редакціи (нынѣ внесенной и уже обсуждаемой въ рейхстагѣ) вышелъ въ совершенно обновленномъ видѣ: не говоря уже о внѣшности, о языкѣ, но то, что по первому проекту являлось только «желательнымъ» и могло осуществиться «въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ», по проекту второй редакціи воспринимало силу закона, какъ напр. положенія о бракѣ, о незаконнорожденныхъ дѣтяхъ, о наследственномъ правѣ женщины и т. д. По всѣмъ этимъ вопросамъ кодификаторы уступили голосу общественнаго мнѣнія.

Весьма естественно, что печать сразу измѣнила свой тонъ и отнеслась къ проекту во второй редакціи съ большимъ сочувствіемъ.

Повторяемъ, въ той внимательности, съ которой отнеслось общество къ законодательной работѣ,—есть аналогія между проектами отечественнаго Уголовнаго Уложенія и германскаго гражданскаго уложенія; къ сожалѣнію кодификаторы перваго не отнеслись съ той же чуткостью къ справедливымъ замѣчаніямъ и возраженіямъ своихъ оппонентовъ.

Начнемъ съ языка, на который не разъ указывалось составителямъ Уголовнаго Уложенія.

Говоря о внѣшней конструкціи, о языкѣ отечественныхъ законодательныхъ работъ вообще, нельзя не вспомнить и не пожалѣть о сжатомъ, сильномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не рѣдко удивительно-образномъ языкѣ нашихъ старинныхъ юридическихъ актовъ, когда законъ писался въ цѣляхъ, «дабы все то Уложеніе впредь было прочно и неподвижно». Тайна этого языка утратилась съ тѣхъ поръ, когда составленіе законовъ сдѣлалось исключительнымъ достояніемъ канцелярій. Здѣсь, въ этихъ канцеляріяхъ образо-

вался свой, условно-канцелярскій языкъ съ его періодами, растянутыми на 10, 15 строкъ, гдѣ между дополнительными предложеніями нельзя отыскать ни основной мысли законодателя, ни подлежащихъ, ни сказуемыхъ,—съ его словами, или позаимствованными безъ всякой нужды изъ старыхъ актовъ или прямо таки созданными, вымученными канцеляріей,—съ его оборотами, ничего не имѣющими общаго съ живой рѣчью. Иностранные источники, нерѣдко въ дурныхъ, искаженныхъ переводахъ, служившіе подспорьемъ для кодификаторовъ, не мало вліяли на складъ этого своеобразнаго языка. Такимъ путемъ создался своего рода языкъ авгуровъ, недоступный для непосвященныхъ; законъ же, писанный для общества, массы, толпы сдѣлался непонятнымъ,—а строгое напоминаніе: «никто не долженъ отговариваться невѣдѣніемъ закона» утратило свой смыслъ, превратилось въ мертвую букву.

Такимъ то языкомъ, не безъ замѣтнаго вліянія языка учебниковъ права, написанъ проектъ Уголовнаго Уложенія: тѣ же длинные періоды, съ затерявшимися сказуемыми и подлежащими, тѣ же слова, вышедшія изъ употребленія, тѣ же обороты, чуждые живой рѣчи, то же отсутствіе ясности, образности, точности; вслѣдствіе чего даже людямъ, привыкшимъ обращаться съ условно-канцелярскимъ языкомъ, приходится въ весьма важныя положенія проекта вчитываться два-три раза, справляться, чтобы уяснить мысль законодателя съ первоначальными источниками, и все-таки, послѣ этой кропотливой, не легкой работы, пребывать въ колебаніяхъ и сомнѣніяхъ: да такъ ли я понялъ?

Говоря о языкѣ, усвоенномъ составителями проекта Уголовнаго Уложенія, нельзя въ то же время не обратить вниманія на вышшіе недочеты, которыми страдаютъ отдѣльныя законоположенія и которые будущій судъ, обязаный исполнять законъ «по буквальному смыслу», поставятъ въ затруднительное положеніе. Напр., возьмемъ главу «О непотребствѣ». Виновный въ принужденіи женщины «къ любострастному дѣйствию», — говоритъ проектъ, — «угрозою убійствомъ или тѣлеснымъ поврежденіемъ угрожаемаго или члена его семьи» наказуется исправительнымъ домомъ. Въ русскомъ лексиконѣ найдутся слова, нисколько не оскорбляющія стыдливости, но болѣе понятныя, чѣмъ «любострастныя дѣйствія». Далѣе, помимо того, что голая «угроза» сама по себѣ не заключаетъ особенной важности, а важно на сколько угрожаемый долженъ былъ считать себя въ опасности, что угроза приведется въ исполненіе (въ интересахъ справедливости это слѣдовало бы выяснять въ текстѣ закона), если вчитаться въ текстъ приведеннаго положенія, то оказывается, что человекъ, достигшій своей безнравственной цѣли, напр., угрозою убить жониха дѣвушки или сжечь ея домъ, не преступникъ и его «любострастное дѣйствіе» не наказуемо, ибо женскіе — еще «не

членъ семьи», а объ угрозахъ истребить имущество не упоминается въ законѣ.

Конечно не такова цѣль законодателя, ограждающаго уголовными карами нравственность и цѣломудріе, но эта цѣль должна быть выражена точно и опредѣленно, иначе будущему придется имѣть дѣло съ тѣми же многотомными «разъясненіями», посредствомъ которыхъ даже посвященнымъ становится такъ трудно понимать законъ въ настоящемъ.

Каждое законоположеніе, а тѣмъ болѣе законоположеніе, обнимающее собой всѣ области народно-общественной жизни, должно напоминать, по преобладанію одной руководящей идеи и по симметріи частей какъ между собой, такъ и по отношенію къ цѣлому, зданіе въ строго выдержанномъ стилѣ. Этой то выдержки стили, этой то гармоніи между частями и господства одной идеи незамѣтно въ проектѣ Уложения,—въ силу чего къ преступленіямъ, по внутренней стоимости совершенно тождественнымъ, прилагаются различныя мѣрки, одни же отдѣлы и части представляются несоразмѣрно обширными, а другіе — столь же несоразмѣрно убогими. Конечно подобный трудъ, какъ кодификація Уголовнаго Уложения, никомъ образомъ не могъ быть дѣломъ рукъ одного человѣка, но во всякомъ случаѣ, въ интересахъ правосудія, рука одного мастера должна была бы сгладить всѣ тѣ характеристики, личные взгляды и вкусы, которые, по свойству человѣческой натуры, каждый работникъ вноситъ въ свою интеллектуальную работу.

Насколько отдѣльныя части проекта не находятся въ соотвѣтствующей гармоніи какъ между собой, такъ и къ важности,—но суммѣ причиняемаго зла тѣмъ или другимъ правонарушеніемъ,—тракуемаго предмета, достаточно провести параллель, напримѣръ, между законами (по проекту) объ охотѣ и законами о мошенничествѣ. Первымъ, т. е. законамъ объ охотѣ, посвящено десять статей и притомъ тщательнѣйшей, необыкновенно любовной обработки. Завзятый современный Нимродъ врядъ ли найдетъ, что прибавить или убавить изъ этихъ статей. Въ нихъ предусматриваются самыя ничтожныя проступки, въ родѣ «убой теленка, дикой козы» — «разореніе птичьихъ гнѣздъ и выниманіе изъ нихъ яицъ или птенцовъ» — «нахожденіе съ ружьемъ (даже незаряженнымъ!) внутри чужой земли» и т. под. Единственный упрекъ проекту со стороны охотника можетъ заключаться лишь въ томъ, что всѣ эти подробности носить слишкомъ временныя, скоропроходящій характеръ, а потому съ измѣненіемъ охотничьихъ вкусовъ на тѣхъ или другихъ «телятъ» можетъ потребоваться соотвѣтствующее измѣненіе въ уголовныхъ законахъ.

Такая тщательность въ отдѣлкѣ правонарушеній, вовсе не

имѣющихъ общественнаго значенія (останется ли нѣсколькими «телятами двихихъ ковъ» больше или меньше, отъ этого кромѣ охотниковъ никто не страдаетъ, — а лѣсовладѣльцы даже выиграютъ: молодые побѣги не будутъ побѣдаться) даетъ право надѣяться, что мы встрѣтимся въ проектѣ съ такой же внимательностью тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о борьбѣ закона съ зломъ дѣйствительнымъ, очень серьезнымъ, какъ напр. съ зломъ, выражающимся въ преступленіи, именуемомъ мошенничествомъ. А между тѣмъ этому виртуознѣйшему преступленію, съ каждымъ днемъ отвоевывающему себѣ въ современномъ обществѣ господствующее положеніе, отведено въ проектѣ Уложенія самое скромное мѣсто, состоящее всего изъ пяти статей, въ которыхъ не уловлены даже типичныя черты мошенничества и изъ которыхъ одна (498 ст.) можетъ, по допущенному въ ней редакціонному недосмотру, повлечь обвиненіе въ мошенничествѣ совершенно не по заслугамъ (сбытъ вещей, хотя и «подъ видомъ добытыхъ преступленіемъ», но *за ихъ настоящую стоимость*).

Что касается до указываемаго выше отсутствія одной преобладающей идеи въ отдѣльных законоположеніяхъ проекта, то, — какъ на примѣръ, мы ссылаемся на законы (по проекту) о торговыхъ правонарушеніяхъ. Прежде всего замѣтимъ, что эти законы разсѣяны въ различныхъ отдѣлахъ проекта, что, нарушая необходимую стройность системы, въ то же время затрудняетъ, какъ дѣло изученія законовъ, такъ и работу судьи. Обращаясь за тѣмъ къ тексту проекта (глава о мошенничествѣ), мы видимъ, что (497 ст.) виновный «въ обмѣрѣ, обвѣсѣ или иномъ обманѣ въ количествѣ или качествѣ предметовъ при куплѣ-продажѣ» наказывается «за сіе мошенничество—тюрьмою». Итакъ дѣло ясно: каждый торговецъ, обманувшій покупателя «качествомъ или количествомъ» товара, совершаетъ позорное дѣяніе, достойное тюрьмы. Такова по проекту основная идея законнаго возмездія за торговое мошенничество. Однако, переходя къ другимъ отдѣламъ проекта (169 ст.), мы находимъ, что «торговецъ», виновный «въ продажѣ печенаго хлѣба съ примѣсью пищенепригодныхъ веществъ», уже не мошенникъ, сбывающій довѣрчивому покупателю, подъ видомъ хлѣба, «пищенепригодную» смѣсь изъ хлѣба, мякины и песку, но только нарушитель «законныхъ постановленій, ограждающихъ народное здравіе», достойный, даже при нанесеніи которой порухи этому здравію, «ареста не свыше трехъ мѣсяцевъ или денежной пени не свыше 300 рублей». Далѣе, купца, спустившаго, подъ видомъ шелковой матеріи, шелкъ съ примѣсью бумаги, мелочнаго лавочника, подъ ярлыкомъ кваса, сбывшаго бурду изъ «пищенепригодныхъ веществъ», обманутый покупатель вправѣ привлечь къ отвѣтственности за мошенничество, а между тѣмъ (242 ст. проекта) «продавецъ, виновный въ разбавленіи пива водою или прибавленіемъ къ нему веществъ не вредныхъ для здо-

ровья», опять таки не мошенникъ, «оперирующий съ карманомъ покупателя, но только нарушитель «законныхъ постановлений о надзорѣ за промыслами и торговлею», достойный денежной пенѣ не выше 50 рублей и т. д.

Такихъ рѣзкихъ противорѣчій, еслибы не боязнь утомить читателя не спеціалиста, можно было бы привести очень много почти изъ всѣхъ отдѣловъ проекта.

Какъ же разобратся въ допущенныхъ противорѣчіяхъ, примирить совѣсть съ этой разнообразной оцѣнкой дѣяній, совершенно—съ точки зрѣнія нравственности — тождественныхъ по своему внутреннему содержанию? Если «пищенепригодность» примѣсей къ насущному хлѣбу, даетъ право на снисходительность, то почему не найти достаточныхъ основаній къ проявленію той же снисходительности напр. въ «непригодности» примѣси хлопка къ шелку? Послѣдняя «непригодность» тѣмъ болѣе могла бы расчитывать на большую мягкость уже потому, что она ощутительна только карману покупателя, первая же (пищевая) «непригодность» одинаково ощутительна какъ для народнаго кармана, такъ и для народнаго желудка.

Такая сортировка проступковъ и преступленій по внѣшнимъ, чисто случайнымъ признакамъ, по степени той или другой «непригодности», противорѣчитъ основнымъ началамъ уголовного права, самой идее его. Уголовное право оцѣниваетъ человѣческія дѣянія единственно только съ высоты законовъ морали, не справляясь съ рыночными или какими либо иными интересами. Обманъ и мошенничество, въ какихъ бы формахъ и «непригодностяхъ» ни выражались, должны называться ихъ настоящими именами и караться по мѣрѣ заслугъ, а не по мѣсту, отводимому въ той или другой главѣ уголовного уложенія.

Юридическій факультетъ Кіевскаго университета указываетъ, въ числѣ недостатковъ проекта уложенія, на преобладаніе въ немъ «чисто абстрактныхъ началъ извѣстной доктрины» и на невнимательность кодификаторовъ «къ господствующимъ въ обществѣ воззрѣніямъ на право».

Второй упрекъ справедливъ только отчасти: въ проектѣ можно указать рядъ положеній, которыя никомъ образомъ не подходятъ подъ какія либо «чисто абстрактныя начала», но происхождение которыхъ можно объяснить, если не «господствующими въ обществѣ воззрѣніями на право», то во всякомъ случаѣ воздѣйствіемъ на кодификаторовъ вѣяній, господствовавшихъ въ извѣстныхъ кружкахъ, партіяхъ извѣстнаго времени.

Рѣзче всего это воздѣйствіе сказывается тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о роли уголовного права въ разрѣшеніи недоразумѣній и столкновеній, возникающихъ на почвѣ рабочаго вопроса.

Проводя параллель (въ законоположеніяхъ, касающихся этого вопроса) между нынѣ дѣйствующимъ Уложеніемъ о Наказаніяхъ и проектомъ Уголовнаго Уложенія, нельзя сказать, чтобы длинный, чреватый великими событіями, промежутокъ, отдѣляющій время происхожденія Уложенія о Наказаніяхъ отъ переживаемой нами эпохи, отразился въ проектѣ въ смыслѣ болѣе правильнаго и правомѣрнаго разрѣшенія рабочаго вопроса. Напротивъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ проекта весьма замѣтенъ шагъ назадъ. Такъ, признавая возможнымъ ограничиться простой перепечаткой статей Уложенія о Наказ. (ср. ст. 1358 и послѣдующія Улож. о Наказ. съ ст. 277 и 278 проекта Ул.) гг. кодификаторы проекта отвергли тѣ законоположенія Улож. о Наказ., которыя сохранили всю свою жизненность до настоящей минуты, какъ напр. 1378, 1379, 1380 и пр., то есть всѣ статьи, указывающія заботливость законодательной власти установить человѣчныя отношенія въ отечественныхъ трущобахъ, именуемыхъ подъ разнообразѣйшими вывѣсками ремесленными заведеніями. Такимъ образомъ съ введеніемъ въ дѣйствіе проекта Уложенія, для этихъ трущобъ, искалѣчивающихъ тысячи жизней, или долженъ наступить золотой вѣкъ,—на осуществленіе котораго не имѣется достаточныхъ вѣроятій,—или ихъ забытые обитатели должны отказаться отъ всякой надежды найти въ уголовномъ кодексѣ охрану отъ «злоупотребленій мѣрами домашняго исправленія», отъ отказа «въ успокоеніи и пищѣ» (1378 ст.), отъ соvrращенія на путь разврата (1380 ст.) и т. под. Птичьимъ гнѣздамъ и птенцамъ отведено въ проектѣ Уголовнаго Уложенія гораздо болѣе заботливости.

Личный наемъ, въ какихъ бы разнообразныхъ формахъ онъ ни проявлялся, не выходитъ изъ сферы частныхъ интересовъ и гражданскаго права; занимается ли фабрикантъ технолога для завѣдыванія фабрикой, землевладѣлецъ—агронома для имѣнія или тотъ и другой «рабочаго» для исполненія «черныхъ» работъ, существо дѣла не измѣняется ни на одну іоту. Для одной стороны договоръ найма порождаетъ право на услуги и трудъ, для другой—право на вознагражденіе, для одной — обязанность уплатить вознагражденіе, для другой—добросовѣстно выполнить услуги; между этими гранями могутъ входить тѣ или другія частности, подробности, но грани остаются неизмѣнными. Возстановить нарушеніе правъ договора найма и понудить къ исполненію обязанностей или къ соотвѣтствующему вознагражденію за неисполненіе таковыхъ, дѣло гражданскаго суда. Таковы азбучныя истины права; разъ же изъ этихъ истинъ признается необходимымъ, для регулированія договора найма, сдѣлать исключенія путемъ вмѣшательства государственнаго (публичнаго) начала, которымъ пронижено уголовное право, то справедливость требуетъ, чтобы публичная власть въ одинаковой степени приняла на себя охрану интересовъ какъ той, такъ и другой стороны. Во

всякомъ иномъ отношеніи со стороны уголовной отвѣтственности къ договору найма будетъ «старина наша слышаться»: однимъ—права, другимъ—горькая чаша обязанностей.

Такъ ли отнеслись составители проекта Уложенія къ подлежащему вопросу?

По проекту Уложенія (283 ст.) наниматель на сельскія работы несесть отвѣтственность въ уголовномъ порядкѣ единственно только за расплату съ рабочими, взаимнѣ денегъ, товаровъ или купонами, т. е. за такія правонарушенія, которыя рѣже всего встрѣчаются въ обиходѣ деревенской (не фабричной) жизни; между тѣмъ та же уголовная отвѣтственность грозить рабочему за неявку на работу, за уходъ съ работы, за неисполненіе въ условленное время условленныхъ работъ, за грубость и т. д. Безспорно, если бы всѣ правонарушенія въ договорѣ сельскаго найма ограничивались со стороны нанимателей купонами, то таковая постановка вопроса являлась бы вполне справедливой, но дѣло въ дѣйствительности поставлено нѣсколько иначе. Такъ, достаточно нѣкотораго знакомства съ статистическими трудами земствъ, гдѣ пропечатываются образцы контрактовъ (на сельскія работы), получившіе право гражданства въ цѣлыхъ уѣздахъ, чтобы придти къ несомнѣнному заключенію, что это не договоры личнаго найма, но «кабальныя записи» въ буквальномъ и самомъ предосудительномъ смыслѣ. Никто не возьметъ на себя труда оправдывать рабочаго, не являющагося на условленную работу, но если въ этомъ нарушеніи договора усматривать признаки распущенности и безнравственности, достойныя уголовного возмездія, то таковой же нелегкой задачей было бы доказывать, что кабальныя записи диктуются добродѣтелью и заботливостью о народномъ благополучіи, и что «превратное» истолкованіе добрыхъ намѣреній диктанта должно служить предметомъ разбирательства долгаго и дорога стоящаго гражданскаго процесса. Конечно, дурно дѣлаетъ рабочій, отказавшійся до истеченія условленнаго срока отъ работъ, но едва ли не большую степень нравственной распущенности проявляетъ наниматель, какой бы профессіей онъ ни занимался, не уплачивающій, въ нарушеніе условія, цѣну исполненнаго труда, или обременяющій рабочихъ не посильнымъ трудомъ, или предоставляющій рабочимъ, взаимнѣ удобообитаемыхъ жилищъ, хлѣвы, сподручные для четвероногихъ и т. д. Если публичная власть признаетъ необходимымъ своимъ вмѣшательствомъ охранять интересы нанимателей отъ произвола и распущенности рабочихъ, то не представляется достаточнаго основанія ни во имя справедливости, ни даже во имя процвѣтанія отечественной производительности, для отказа, во всѣхъ подобающихъ случаяхъ, въ охраненіи интересовъ рабочихъ со стороны той же публичной власти. Напротивъ, только равенствомъ передъ законами и судомъ какъ той, такъ и другой стороны можно установить добрые

правы и отношенія, къ явной выгодѣ отечественной производительности; при этомъ, если равномерность возмездія не будетъ вполне отвѣчать возжелѣніямъ той или другой партіи, мечтающей о закрѣпощеніи народнаго труда, то въ всякомъ случаѣ растить и поощрять такіа возжелѣнія никомъ образомъ не можетъ входить въ задачи уголовного кодекса.

Еще одно замѣчаніе.

Въ отношеніяхъ Ред. Коммиссіи къ договору личнаго найма весьма замѣтно отражаются взгляды того времени, когда,—пользуемся выраженіемъ М. Ковалевскаго,—«чернь являлась синонимомъ массы тяглыхъ людей», когда каждая попытка со стороны этихъ «тяглыхъ людей» облегчить тяжесть «тягла» трактовалась не иначе, какъ въ смыслѣ криминала, и когда самый законъ волей-неволей былъ поставленъ въ необходимость поддерживать со всей суровостью порядокъ вещей, установившійся въ силу крѣпостнаго права или подъ вліяніемъ этого права.

Весьма естественно, что Ред. Коммиссія, оцѣнивая подъ подобнымъ угломъ зрѣнія народно-экономическую жизнь и встрѣтившись въ этой жизни съ тѣмъ явленіемъ, которое носитъ названіе «стачка рабочихъ», нашла возможнымъ ограничиться только простой перепечаткой 1358 ст. Улож. о нак., упуская изъ виду, что со времени происхожденія этой статьи (1845 г.) ненавистное «тягло» видоизмѣнилось въ простыя договорныя отношенія между нанимателемъ и нанимаемымъ, и что охраненіе сихъ отношеній, до тѣхъ поръ, пока самое нарушеніе не выразилось въ формѣ прямо насильственныхъ дѣйствій, всецѣло принадлежитъ къ области гражданскаго, а не уголовного права.

Во всякомъ случаѣ, если Ред. Коммиссія, вопреки положеніямъ, выработаннымъ политической экономіей и наукой права, держится иного взгляда, т. е. усматриваетъ въ самой стачкѣ (не сопровождающейся насильственными дѣйствіями) признака уголовного правонарушенія, то требуемая въ уголовномъ кодексѣ послѣдовательность должна была бы подсказать ей о необходимости перенести ту же заботливость и тотъ же взглядъ на другую сторону. *Salus populi suprema lex.* Но Ред. Коммиссія не только не сдѣлала ни одного шага впередъ по тропѣ, пробитой жизнью и ея народившимися за послѣднее тридцатилѣтіе требованіями, но сочла возможнымъ поступиться даже тѣмъ немногимъ, что, въ интересахъ массы, вошло въ Уложеніе о Нак. Такъ перепечатывая 1395 ст. Улож. о Нак., Ред. Коммиссія въ то же время исключила всю ту часть этой статьи, которая, подъ угрозой уголовной отвѣтственности, воспрещаетъ содержателямъ фабрикъ, мануфактуръ и заводовъ понижать, прежде истеченія сроковъ найма, заработную плату. Такимъ образомъ обо всемъ, что касается до соглашеній заводчиковъ и хозяевъ мастерскихъ, направленныхъ къ искусственному пониженію заработной платы, или до такихъ дѣйствій со стороны послѣд-

нихъ, въ конхъ выражается явное стремленіе къ недобросовѣстной эксплуатаціи труда, Ред. Коммиссія не промолвила (въ проектѣ Улож.) ни единымъ намекомъ.

Словомъ, тождественныя явленія экономической жизни находятъ себѣ въ проектѣ Уложения различныя оцѣнки и самая преступность ихъ опредѣляется не «свойствомъ содѣяннаго», но принадлежностью къ тому или другому общественному классу: фабрикантъ, путемъ стачки съ братомъ, понизившій цѣну труда, пожинаетъ сладкіе плоды, рабочій, принимавшей участіе въ стачкѣ, попадаетъ въ тюрьму.

Указывая на неточность выраженій, отсутствіе единства и руководящей идеи между отдѣльными положеніями проекта Уложения, мы должны замѣтить, что этими недостатками страдаютъ не только тѣ части (проекта), которые относятся къ закононарушеніямъ обиденнымъ, часто мелочнымъ, заураднымъ, но и тѣ, — гдѣ рѣчь идетъ о преступленіяхъ наиважнѣйшихъ, такъ называемыхъ политическихъ, государственныхъ.

Таковымъ преступленіемъ посвящено въ проектѣ четыре главы, озаглавленныя: матажъ, имѣна, оскорбленіе Величества и смута. Такъ какъ въ современномъ общественномъ сознаніи наиболѣе устойчивое понятіе сложилось относительно преступленій, входящихъ въ область «измѣнъ», то эту главу проекта мы и избираемъ въ доказательство указываемыхъ нами недостатковъ.

По нынѣ дѣйствующему Уложенію о Нак. государственною измѣною признается (253 ст.), когда россійскій подданный «во время войны будетъ способствовать или благопріятствовать непріятелю въ военныхъ или другихъ враждебныхъ противъ отечества или противъ союзниковъ Россіи дѣйствіяхъ, черезъ явное въ сихъ дѣйствіяхъ участіе или же совѣтомъ, открытіемъ тайнъ или сообщеніемъ какихъ либо иныхъ свѣдѣній, или же будетъ стараться препятствовать успѣхамъ россійскаго оружія». За этимъ общимъ понятіемъ о государственной измѣнѣ, слѣдуетъ въ Уложеніи перечисленіе (въ видѣ примѣровъ) отдѣльныхъ «измѣнническихъ дѣйствій».

Можно, конечно, говорить противъ излишней подробности въ перечисленіи «измѣнническихъ дѣйствій», но тѣмъ не менѣе 253 ст. даетъ точное и опредѣленное понятіе о составѣ преступления и притомъ вполне совпадающее съ народнымъ воззрѣніемъ на измѣну, какъ на предательство. Имѣя подъ рукой общія начала, высказываемыя Улож. о Нак., не трудно уже опредѣлить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, имѣются ли въ наличности признаки, характеризующіе трактуемое преступленіе.

Ред. Коммиссія отвергла редакцію 253 ст. и, стремясь къ простотѣ и краткости изложенія, прежде всего (63 ст. проекта) за

измѣну признала «оказаніе услуги непріятелю въ его военныхъ или иныхъ враждебныхъ противъ Россіи дѣйствіяхъ».

Отъ такой краткости дѣло не осталось въ выигрышѣ.

Существуетъ рядъ преступленій (напр., убійство предумышленное и непредумышленное), оцѣниваемыхъ не по внѣшнимъ признакамъ, но по мотивамъ, вызвавшимъ обсуждаемое дѣяніе. «Услуга», оказываемая непріятелю, можетъ имѣть двоякій источникъ: первый—низменный, эгоистичный (корысть, честолюбіе, мщеніе и т. под.). Вытекающая изъ подобнаго источника «услуга» всегда и вездѣ трактовалась какъ наитягчайшее и презрѣннѣйшее преступленіе. Но война, не взирая на свой жестокой, истребительный характеръ, не въ силахъ заглушить отдѣльные порывы великодушія, милосердія, требованій сердца и религій: любить ближняго даже въ лицѣ врага. Человѣкъ, оставаясь преданнѣйшимъ сыномъ отечества, тѣмъ не менѣе можетъ оказаться нравственно не въ состояніи пройти спокойно, предоставляя природѣ покончить работу, мимо умирающаго съ голоду или замерзающаго непріятеля; но исполнѣ сознательно, зная, что умирающій заллатой врагъ, можетъ, подчиняясь порыву столь естественнаго милосердія, согрѣть, накормить и спасти врага. Это тоже «услуга» непріятелю и «услуга» немаловажная, если въ лицѣ спасеннаго окажется, напр., одинъ изъ предводителей непріятельскаго войска; однако, не взирая на это отягчающее обстоятельство, — можно ли подобную «услугу», вытекающую изъ наилучшихъ побужденій человѣческой природы, клеймить презрѣннымъ именемъ «измѣны», человека же, оказавшаго ее, ставить на одну доску съ предателемъ, продающимъ своихъ собратіи за вражеское золото...

Неудачная редакція первой статьи (проекта Улож.) объ измѣнѣ и недочеты въ послѣдующихъ заставляютъ, чтобы найти ключъ къ уразумѣнію, что понимаетъ сама Ред. Коммиссія подъ словомъ «измѣна», обратиться къ ея объяснительной запискѣ*).

«Подобно тому»,—говорить Р. Коммиссія,—«какъ мятежъ заключаетъ въ себѣ посягательство на бытіе внутреннее государства, измѣна является посягательствомъ на международное существованіе государства, на его независимость и безопасность среди другихъ государствъ».

Далѣе:

«Дѣяніе (измѣна) должно быть учинено умышленно, то есть виновный долженъ сознавать, что онъ оказываетъ услугу непріятелю, и дѣйствовать или въ силу этого сознанія и прямымъ измѣнническимъ намѣреніемъ, или относясь безразлично къ тому вреду, который наступаетъ для нашей арміи отъ его дѣйствій».

Изъ приведенныхъ выписокъ видно, что съ приведеніемъ въ

*) Въ 1895 году издано девять томовъ объяснительной записки къ особой части проекта Уложенія.

дѣйствіе проекта Улож. въ законодательномъ воззрѣніи на существо «государственной измѣны» долженъ произойти громадный переворотъ. Доселѣ, для преступленія измѣны требовалась со стороны обвиняемаго положительная дѣятельность (участіе во враждебныхъ дѣйствіяхъ, открытіе тайнъ, совѣтъ и т. д., см. 253 ст. Улож. о Нак.), по проекту же достаточно со стороны обвиняемаго въ государственной измѣнѣ «безразличнаго отношенія» къ вреду, который наступаетъ для нашей арміи отъ его дѣйствій,— то есть дѣятельности чисто отрицательнаго характера (не исполнилъ, не сдѣлалъ). Къ сожалѣнію, Ред. Комmissiя, проведя столь новыиъ взглядъ на измѣну, не указываетъ источниковъ, изъ которыхъ таковой почерпается.

Являясь вѣстникомъ новыхъ воззрѣній на государственную измѣну, Ред. Комmissiя весьма естественно въ число измѣнниковъ помѣщаетъ исполняющаго договоръ или порученіе правительства «о поставкѣ предметовъ довольствія или продовольствія для дѣйствующей арміи или ея госпиталей» или приказчика такого лица, «виновнаго въ сдачѣ завѣдомо вредныхъ для здоровья или явно негодныхъ для употребленія предметовъ».

Должно замѣтить, что ни одинъ изъ европейскихъ кодексовъ не включаетъ поставщиковъ, доставляющихъ въ дѣйствующую армію негодные предметы продовольствія, въ число государственныхъ измѣнниковъ; даже Code penal, угрожающій каторжными работами *пріемщикамъ* таковыхъ предметовъ, напелъ нужнымъ только выдѣлить въ общей группѣ обмановъ преступленія государственныхъ поставщиковъ. Что касается до отечественнаго міровоззрѣнія, то, не взирая на страницы исторіи, преисполненныя всякимъ хищничествомъ, оно точно также не смѣшивало грабителя съ измѣнникомъ; каждый въ этомъ міровоззрѣніи занималъ подобающее мѣсто. Ред. Комmissiя, опредѣляя государственную измѣну по вреду и отрицательнымъ признакамъ, очевидно, увлеклась не идеей, но суммой историческаго зла, причиненнаго жадной стаей, кормившейся и богатѣвшей вокругъ нашихъ армій.

Повліяетъ ли такое измѣненіе въ классификаціи преступленій на уменьшеніе числа преступныхъ пополюзовеній на солдатскій паекъ—это, конечно, вопросъ будущаго, но разъ ставши, при опредѣленіи признаковъ государственной измѣны, на шаткую почву «безразличныхъ отношеній» и «вреда» для дѣйствующей арміи, справедливость и послѣдовательность требовали бы отъ Ред. Комmissiи не останавливаться передъ одной только «сдачей» предметовъ продовольствія, а идти далѣе по той же дорогѣ: ибо если поставщики, сдавая негодные предметы продовольствія, совершаютъ не квалифицированный обманъ въ области промысловыхъ сдѣлокъ, какъ понималось доселѣ, но «измѣнническое дѣяніе», то равнозначущее преступленіе совершаютъ и тотъ контрагентъ казны, который по небрежности или изъ корыстныхъ видовъ вовсе

не доставляетъ условленныхъ предметовъ продовольствія и тѣмъ ставить дѣйствующую армію въ безысходное положеніе, а также строитель дороги, имѣющей стратегическую цѣль, построившій таковую изъ дурныхъ матеріаловъ и тѣмъ задержавшій движеніе арміи къ театру войны и т. д. и т. д.

Во всякомъ случаѣ, включая контрактныя отношенія казны съ частными лицами въ сферу государственной измѣны, Ред. Коммиссія должна была бы принять во вниманіе, что въ каждомъ договорѣ поставки имѣются на-лицо двѣ стороны: сдающая и принимающая, и что славнѣйшія страницы отечественной военной исторіи были омрачены позорнѣйшими хищничествами, именно благодаря трогательной гармоніи, существовавшей между обѣими сторонами. Разобраться въ этой гармоніи: кто являлся искусителемъ и кто искушаемымъ,—трудъ непосильный, но за «сдатчикомъ» все же есть нѣкоторые «смягчающія» обстоятельства; это лавочникъ, торговецъ, человѣкъ, выбивающій деньгу. Отравляя войска всевозможной дрянью, онъ даже можетъ оставаться «въ нѣкоторомъ родѣ патриотомъ своего отечества». Погрязнувъ въ ежедневномъ обманѣ, такой коммерсантъ весьма естественно остается самимъ собою въ години народныхъ бѣдствій. Съ иными требованіями можетъ и должна обратиться общественная совѣсть къ «пріемщику». Это прежде всего и послѣ всего должностное лицо, несущее «государеву службу», обязанное, по долгу совѣсти и присяги, вложить «всю силу разумія своего» въ неукоснительно-честное исполненіе возложенныхъ на него обязанностей... Въ виду такого положенія сторонъ въ договорѣ поставки, если «сдача» для дѣйствующей арміи вредныхъ для здоровья предметовъ продовольствія можетъ трактоваться какъ одинъ изъ видовъ государственной измѣны, то самый пріемъ является уже сугубой государственной измѣной.

Насколько, при взглядѣ Ред. Коммиссіи на «измѣну», необъяснимо ея снисходительное исключеніе «пріемщиковъ» изъ числа измѣнниковъ, настолько же неоправдываемо включеніе въ черту государственной измѣны (67 и 68 ст. проекта) виновныхъ «въ производствѣ съемки на планъ или въ составленіи рисунка или описанія російскаго укрѣпленнаго мѣста, военнаго судна или иного военнаго сооруженія»—«безъ надлежащаго на сіе разрѣшенія», — но и безъ цѣли «сообщенія плана, рисунка или описанія правительству иностраннаго государства».

Конечно, человѣкъ, срисовывающій крѣпость «безъ надлежащаго на сіе разрѣшенія», поступаетъ легкомысленно, но если при этомъ легкомысліи преслѣдовалась единственная цѣль: удовлетворить собственную любознательность, то спрашивается, гдѣ же въ такомъ поступкѣ скрывается хотя отдаленнѣйшій намекъ «посягательства на международное существованіе государства, на его независимость и безопасность среди другихъ государствъ»?

Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему разсмотрѣнію отдѣльных законоположеній, мы считаемъ необходимымъ высказать одно чисто практическое соображеніе, вызываемое проектомъ Уложенія.

Нынѣ дѣйствующее Уложеніе о наказаніяхъ съ его дробной до мелочей лѣстницей наказаній, соответствовавшей теоріи формальныхъ доказательствъ, но идущей въ разрѣзъ съ судомъ по внутреннему убѣжденію, съ распредѣленіемъ наказаній за одни и тѣ же преступленія по сословіямъ преступниковъ (привилегированные и не привилегированные), съ его неточными опредѣленіями и пропусками весьма значительнаго числа преступленій, — особенно въ области имущественныхъ правонарушеній, получившихъ право гражданства за послѣднее тридцатилѣтіе, — бесспорно устарѣло. Достаточно нѣкотораго знакомства съ уголовной кассационной практикой, чтобы знать, съ какими трудностями, имѣя передъ собою Уложеніе о Наказан. и многочисленные томы «разъясненій», сопряжена приблизительно правильная оцѣнка каждого преступнаго дѣянія, мало-мальски выходящаго по своему внутреннему содержанію, по разнообразію мотивовъ и по характерности участниковъ, изъ шаблона мелкихъ кражъ и заухудалыхъ мошенничествъ.

Указывая на недостатки проекта Уложенія, мы сознаемъ и его серьезныя достоинства (о нихъ скажемъ своевременно), тѣмъ не менѣе, предполагая, что этотъ проектъ въ ближайшемъ будущемъ выйдетъ изъ области проектовъ, сдѣлается обязательнымъ закономъ, и спрашивая: упорядочится ли тѣмъ самымъ отправленіе правосудія, облегчатся ли его трудныя задачи? мы должны отвѣтить на это отрицательно.

Останавливаясь на системѣ наказаній, вошедшей въ проектъ Уложенія, нельзя не придти къ заключенію, что кодификаторы или 1-е) предполагали, что проектъ долженъ воспріять законную силу въ очень отдаленное для насъ, его современниковъ, время, или 2-е) смотрѣли на проектъ только какъ на опытъ, какъ на попытку кодификаціи уголовного законодательства, оставляя самую кодификацію послѣдующему поколѣнію, или наконецъ 3-е) увлекшись теоріей спасительности для преступнаго человечества одиночнаго заключенія, забыли условія, при которыхъ, путемъ судебныхъ приговоровъ, этотъ проектъ долженъ приводиться въ исполненіе.

Дѣло вотъ въ чемъ.

По нынѣ дѣйствующему Улож. о Наказан. въ системѣ наказаній одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ ссылка на поселеніе, далѣе идетъ ссылка на житіе «въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя», еще далѣе арестантскія роты, рабочіе дома и проч. По проекту Уложенія ссылки на поселеніе отведено очень скромное мѣсто (за политическія преступленія 9 статей, за преступленія противъ вѣры 4 статьи и за поединки безъ секундантовъ, имѣв-

пий смертельный исход, 1 статья), ссылка на житье вовсе исключена и всё роды наказаний (за исключением смертной казни, каторги, ареста и денежной пени) исчерпываются исправительным домом и тюрьмой, причем приговоренные к исправительному дому «содержатся первые шесть месяцев в одиночном заключении, а потом в общем, но с разобщением на время, свободное от работ, и на ночь»; приговоренные же к тюрьме во все время содержатся в одиночном заключении.

Вводя случаи применения ссылки на поселение до минимума и заменяя разнообразие типов ныне существующих мест заключения большим однообразием, Редакционная Комиссия в своей объяснительной записке говорит: «необходимость такой замены в действующем праве определилась тем, что многие из крайне разнообразных видов лишения свободы, установленных Уложением, никогда не были устроены повсеместно и в достаточном количестве, так что приговоренные к одному из видов заключения по необходимости должны были быть помещаемы в других местах заключения, и различие ответственности по характеру назначенных наказаний на самом деле не существовало. Такой порядок несомненно представляется совершенно несостоятельным и в теоретическом и в практическом отношении, так как угроза закона и мира získания, налагаемая судьей, становятся жертвою буквы».

Умалчивая о современном,—и должно прибавить—весьма печальном положении отечественных тюрем,—Редакционная Комиссия, вводя одиночное заключение с обязательными работами как *conditio sine qua non* предполагаемой системы наказаний, считает необходимым ограничиться высказыванием надежды, «что с отмено излишнего разнообразия форм лишения свободы и с заменю их двумя главными типами—исправительным домом и тюрьмой, представится возможность для каждого рода приговоренных иметь и соответственное число мест заключения, а это устранить ненормальную замену одного наказания другим за неизменным помещением».

Высказывая подобные надежды, Редакционная Комиссия совершенно упускает из виду, что в ее проект рѣчь идет не о каких либо удобо и скорей исполняемых «заменах», частности, о сокращении «излишнего разнообразия форм лишения свободы», но о коренном изменении всей доселѣ принятой системы наказаний, о полной реорганизации всего тюремного дела. Съ осуществлением проекта должна совершиться громадная не только внешняя, но и внутренняя ломка.

Изъ свидѣній, вошедших в ту же объяснительную записку Комиссии, видно, что ежегодно ссылается в Сибирь на поселение свыше 18000 человекъ, изъ отчета же по главному тюремному управлению за 1893 годъ,—что во всѣхъ местахъ заключения на 1-е

января 1892 года состояло 116,376 человекъ. Если принять во вниманіе ежегодный приростъ преступленій и замѣну ссылки на поселеніе и житіе (цифры ежегодно ссылаемыхъ на житіе «въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя», у насъ, къ сожалѣнію, подъ рукою не было), то окажется, что число будущихъ обитателей камеръ одиночнаго заключенія приблизится къ ста пятидесяти тысячамъ.

Современная тюрьма, по своей первобытности, не имѣетъ ничего общаго со вновь проектируемыми «исправительными домами»; это тотъ же дореформенный «острогъ», какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны, втиснуть въ этотъ острогъ тотъ сложный механизмъ, который называется «системой келейнаго заключенія», представляется трудомъ по меньшей степени напраснымъ. Пока оставляя въ сторонѣ вопросъ на сколько проблематичны благотворныя послѣдствія, приписываемыя въ смыслѣ исправленія «одиночному заключенію», но разъ законъ устанавливаетъ это заключеніе, съ его обязательными работами,—значить необходимо покрыть всю территорію, на которую распространяется дѣйствіе этого закона, тюрьмами совершенно новаго типа и при томъ тюрьмами на 150000 обитателей. Такая грандіозная постройка потребуетъ соотвѣтствующихъ грандіозныхъ средствъ *),—а этихъ средствъ, при многочисленности государственныхъ нуждъ, можетъ и не найтись. Народное образованіе потребность не менѣе вопіющая, однако его дѣло тормозится ни чѣмъ инымъ, какъ неимѣніемъ финансовыхъ средствъ. На сколько, помимо постройки новыхъ тюремъ, должны увеличиться расходы по тюремному вѣдомству при введеніи весьма сложнаго и дорого стоящаго одиночнаго заключенія, достаточно сказать, что даже при нынѣшней, совсѣмъ неприхотливой системѣ, каждый арестантъ, въ качествѣ государственнаго пенсіонера, обходится ежегодно въ 134 руб. 34 коп. бюджетъ же (тюремнаго вѣдомства) за 1893 годъ равнялся 14.628,272 руб.

Но одними финансовыми затратами дѣло тюремной реформы ограничиться не можетъ; потребуется соотвѣтствующая внутренняя ломка. Профессоръ Тальбергъ, посѣтившій каторжныя тюрьмы въ 1879 г., такъ охарактеризовалъ господствовавшіе въ нихъ порядки: «грубый произволъ, умственная неразвитость, полное непониманіе дѣла, невѣжество, злоупотребленія и нравственная распущенность, вотъ общія черты стоящихъ во главѣ управленія».

Безспорно, тюремное вѣдомство до сихъ поръ прилагало не мало стараній, чтобы измѣнить эту непривлекательную картину къ лучшему, но его усилія чаще всего оставались и остаются безплодными, особенно тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о низшемъ персоналѣ служащихъ, то есть о томъ персоналѣ, который ежедневно

*) Во что обходится постройка тюремъ для одиночнаго заключенія въ Германіи, видно ниже.

лицомъ въ лицу становится съ заключенными и который, въ силу своей близости, даетъ тонъ всему дѣлу. Грубые, лишенные чувства нравственнаго достоинства, ставящіе личный произволъ выше закона и требованій гуманности, они еще болѣе увеличиваютъ деморализующее вліяніе тюрьмы на заключенныхъ. Какъ бы ни цѣлесообразна казалась та или другая система заключенія, но подобный персоналъ низведетъ каждую систему до нуля, превратитъ наилучше усовершенствованный «исправительный домъ» въ несправимый «острогъ» съ его специфическими качествами, съ его раздѣленіемъ острожнаго населенія на два непріятельскихъ лагеря: укротителей и укрощаемыхъ. Создать же въ короткій промежутокъ времени такой персоналъ, который сознательно посвятилъ бы себя тяжелой, задачѣ исправленія преступнаго человѣчества, — дѣло еще болѣе трудное, чѣмъ соорудить на 150000 человѣкъ «одиночное заключеніе». Для этого потребуется не одинъ десятокъ лѣтъ.

Но и этого мало.

Рабское подражаніе западно-европейскимъ образцамъ въ области разрѣшенія тюремнаго вопроса такъ же неудобно, какъ и въ другихъ областяхъ. Пересаживая на нашу почву систему келейнаго заключенія, не слѣдуетъ забывать, къ какимъ горькимъ плодамъ привела эта система тамъ, гдѣ она достигла своего рода идеальнаго совершенства.

Вотъ что по этому поводу говоритъ одинъ изъ крупныхъ германскихъ криминалистовъ Ф. Листъ (Наказаніе и его цѣли).

«По прусскимъ статистическимъ даннымъ въ 1880—81 году 1 апрѣля среди находившихся въ смиренительномъ домѣ за преступленія и проступки *наказанныхъ уже ранѣе* было 76,46%; изъ общаго числа находившихся въ тюрьмахъ 64,03 (въ то время, какъ годомъ ранѣе было лишь 52,37%). Согласно этому среднее число въ 1 апрѣля 1880—81 году было 70%. Изъ 7033 рецидивистовъ въ смиренительныхъ домахъ по моему счету, на основаніи приведенныхъ цифръ, было свыше 82% двойныхъ и болѣе частыхъ рецидивистовъ, изъ нихъ 27% подвергались наказанію въ шестой разъ и болѣе; изъ 21357 рецидивистовъ, содержавшихся въ тюрьмахъ, было 66% осужденныхъ дважды и чаще и свыше 22% осужденныхъ въ шестой разъ и чаще. Согласно этому средній % 74 и 24,5».

Прида на основаніи цифръ и фактовъ къ заключенію о полнѣйшей непригодности одиночнаго заключенія, какъ средства «исправляющаго» человѣка, Ф. Листъ продолжаетъ:

«Эти цифры говорятъ сами за себя. Онѣ показываютъ, что наше нынѣшнее обхожденіе съ рецидивистами совершенно неправильно и недействительно; онѣ показываютъ, что по меньшей мѣрѣ половина всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя изъ года въ годъ населяютъ наши тюрьмы, несправимые привычные преступники.

Желать исправить такихъ лицъ одиночнымъ заключеніемъ, *которое обходится очень дорого* (Зихартъ считаетъ стоимость постройки одной кельи въ 4000 марокъ *), Кроне въ 4500—6000 марокъ) *по меньшей мѣрѣ безумно*; а выпустить ихъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, точно дикихъ звѣрей, въ общество, для того лишь, чтобы они, послѣ вновь совершенныхъ двухъ-трехъ преступленій, опять были посажены на одинъ или на два года и снова «исправлялись» — это уже болѣе, чѣмъ безумно. А наша карательная система допускаетъ и требуетъ этого; «возмездіе» получило свое удовлетвореніе, а наукѣ уголовного права приходится столько возиться съ ученіемъ о причинной зависимости, съ преніями о преступныхъ упущеніяхъ и тому подобными вещами, что у нея нѣтъ времени заниматься такими мелочами.

Называя самую мысль исправленія преступника путемъ келейнаго заключенія «по меньшей мѣрѣ безумною» и не задаваясь вопросомъ: да не скрывается ли одна изъ причинъ рецидивизма въ самой системѣ наказанія (одиночное заключеніе), Ф. Листъ предлагаетъ универсальное средство «обезвреживанія» общества: впавшій въ преступленіе въ третій разъ заключается въ тюрьму «на неопредѣленное время» «при строжайшемъ понужденіи къ труду» съ помощью розги и темнаго карцера. Вѣроятно сознавая, что не только живо погребать, но и пороть этихъ живо погребенныхъ не совсѣмъ вяжется съ гуманными идеями вѣка, почтенный криминалистъ въ утѣшеніе заключенныхъ прибавляетъ: «не требуется для нихъ закрывать всякую надежду на возвращеніе въ общество. Вѣдь ошибка судьи всегда возможна. Но эта надежда должна быть очень отдаленной, а освобожденіе исключительнымъ явленіемъ».

Вотъ къ какимъ жестокосерднымъ выводамъ приходятъ тамъ, гдѣ система одиночнаго заключенія нашла уже себѣ широкое примѣненіе.

Что исправленіе челоуѣка посредствомъ келейной системы представляется не только дѣломъ болѣе или менѣе проблематичнымъ, но что именно въ ней самой таится одна изъ причинъ послѣдующаго паденія, мы въ доказательство ссылаемся на авторитетъ автора Мертваго дома. «Я твердо увѣренъ, — говоритъ Достоевскій, — что знаменитая келейная система достигаетъ только ложной, обманчивой, наружной цѣли. Она высасываетъ жизненные соки изъ челоуѣка, энервируетъ его душу, ослабляетъ ее, пугаетъ ее и потомъ нравственно-иссохшую мумію, полусумашедшаго, представляетъ какъ образецъ исправленія и раскаянія». Весьма естественно и логично, что такой «образецъ», утративъ въ тюрьмѣ

*) На основаніи этихъ цифръ можно составить довольно точное понятіе, во что именно обойдется покрытіе отечественной территоріи тюрьмами «съ одиночнымъ заключеніемъ».

послѣднія (физическія и нравственныя) силы, возвращается весьма скоро въ ту же ужасную школу «исправленія и раскаянія». Всякій иной исходъ для него въ громадномъ большинствѣ случаевъ—(какъ указываетъ западно-европейская практика,—съ ея безжалостными выводами)—уже потерянъ.

Къ драгоценному свидѣтельству автора Мертваго дома мы, какъ имѣвшіе возможность близко наблюдать вліяніе одиночнаго заключенія, должны присовокупить, что разрушительная сила этого вліянія (въ моральномъ и физическомъ отношеніи) въ особенности обнаруживается на людяхъ того общественнаго слоя, который принято называть рабочимъ классомъ. Человѣкъ болѣе или менѣе интеллигентный, восполняя безконечно тнушіеся дни и ночи чтеніемъ, работой мысли и воображенія, все же,—не смотря на нервность, на меньшій запасъ физическихъ силъ, выдерживаетъ дольше нелепую систему; крестьянинъ же, мастеровой, въ три-четыре мѣсяца превращается въ живого мертвеца, становится буквально неузнаваемымъ,—конечно, не въ смыслѣ исправленія и раскаянія,—но именно въ смыслѣ «высосанныхъ изъ него жизненныхъ соковъ».

Итакъ, вотъ такую то систему, превращающую человѣка, по словамъ нѣмецкаго криминалиста, «въ дикаго звѣря», а по словамъ Достоевскаго «въ нравственно иссохшую мумію», Ред. Комиссія рекомендуетъ пересадить всецѣло на отечественную почву не справляясь при этомъ ни съ ея стоимостью, ни съ ея пригодностью, ни даже съ столь простѣйшими вопросами, какъ напр. а что будетъ дѣлать запертой «въ кельѣ» тотъ же крестьянинъ, рука котораго привыкла обращаться только съ сохой и топоромъ? Какія «обязательныя работы» можно придумать для него? и проч.

Но, какъ бы то ни было, осуществленіе системы одиночнаго заключенія потребуетъ со стороны государства громаднѣйшихъ затратъ, а это обстоятельство дѣлаетъ вполне правдоподобнымъ предположеніе, что самое осуществленіе ея можетъ вослѣдовать только «въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ». Въ какомъ же положеніи очутится судъ, если утвержденіе проекта Уложенія въ законодательномъ порядкѣ не совпадетъ съ полнымъ осуществленіемъ тюремной реформы?

Не взирая на ветхость нынѣ практикуемой системы наказаній, она во всякомъ случаѣ, въ силу самой давности привычки, сохраняетъ за судебнымъ приговоромъ подобающій авторитетъ. Преступникъ и общество, заинтересованное въ преступленіи, убѣждены въ вѣрности рѣшенія,—въ неукоснительномъ исполненіи каждаго слова этого рѣшенія. Въ совершенно иныхъ условіяхъ станетъ судъ, если утвержденіе проекта Уложенія опередить тюремную реформу. Съ какою бы яркостью ни «свидѣтельствовали», отдѣльныя положенія проекта, какъ утверждаютъ нѣмецкіе профессора «объ обширныхъ свѣдѣніяхъ, научномъ безпристрастнѣ

и гуманномъ духѣ его составителей», тѣмъ не менѣе огромное большинство его положеній, воспріявъ законную силу, явится не болѣе какъ мертвой буквой. Такъ, — судъ приговорить преступника «въ исправительному дому» а) этотъ исправительный домъ можетъ быть еще не выстроеннымъ, — въ тюрьмѣ «съ одиночнымъ заключеніемъ и съ обязательными работами», а этихъ «обязательныхъ работъ» не только не придумано, но на сооруженіе самой тюрьмы не составлена еще и смѣта... При такихъ условіяхъ судъ лишится главнѣйшаго своего атрибута: карающаго меча правосудія.

Даже постепенность введенія (по мѣрѣ устройства «исправительныхъ домовъ», тюремъ и мѣстъ «заточенія») новаго закона нисколько не поможетъ дѣлу; ибо являющееся при такой постепенности разнообразіе судебныхъ приговоровъ за преступленія, совершенно тождественныя по своему внутреннему содержанію и по суммѣ причиняемаго вреда (но только совершенныя въ различныхъ мѣстностяхъ), нарушить основной принципъ справедливости.

Въ числѣ наказаній, вошедшихъ въ проектъ Уложенія, на первомъ мѣстѣ стоитъ смертная казнь черезъ повѣшеніе.

Вопросъ о сохраненіи смертной казни въ отечественномъ кодексѣ представляется слишкомъ важнымъ, а потому, прежде чѣмъ касаться взглядовъ Редакціонной Коммисіи, не лишне предположить краткія историческія данныя *), «приличествующія сему случаю».

Въ древнемъ мірѣ, какъ основанномъ на рабствѣ, смертная казнь практиковалась въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Ученіе Христа произвело такую нравственную ломку, что его прозелиты первыхъ вѣковъ никогда не присутствовали на кровавыхъ зрѣлищахъ казни и не принимали должностей, связанныхъ съ обязанностью произносить смертные приговоры, епископы же постоянно ходатайствовали передъ императорами объ освобожденіи преступниковъ отъ казни. Отвращеніе и ужасъ, возбуждаемые въ христіанахъ первыхъ вѣковъ смертной казнью, были настолько велики, что одинъ изъ императоровъ (Феодосій Великій) былъ поставленъ въ необходимость издать особый законъ противъ монаховъ, насильственно вырывавшихъ преступниковъ, приговоренныхъ къ смертной казни, изъ рукъ служителей правосудія. Первые голоса, раздавшіеся противъ смертной казни, принадлежали первымъ же учителямъ церкви: Св. Августину, Тертуліану и др., отрицавшимъ право государства на жизнь даже

*) Эти данныя почерпнуты преимущественно изъ «Исслѣдованія о смертной казни» А. Кистяковскаго.

тогда, когда смертная казнь грозила убійцамъ христіанскихъ священниковъ. По мѣрѣ усилій Западной Церкви занять господствующее положеніе, взгляды ея на средства, которыми достигалось это главенство, измѣнялись къ худшему. На сколько государственная власть, подѣ влияніемъ рабства и преданій римскаго права, стремилась при помощи топора и висѣлицы оградить общественный порядокъ, на столько же, охраняя первенствующую роль, Западная Церковь неумолимо относилась къ обвиняемому, навлекая на себя подозрѣніе въ *vauderie*, т. е. въ ереси, отступничествѣ, безбожии, оскорбленіи святыни, въ недостаточномъ уваженіи къ обрядамъ церкви, празднованіи субботы, поклоненіи дьяволу, оскорбленіи священнослужителей, въ колдовствѣ, преступленіяхъ «противъ естества» и пр. и пр. Благодаря совпадению взглядовъ на средства воспитанія общества въ извѣстныхъ цѣляхъ со стороны Западной Церкви и государственной власти, число преступленій, влекущихъ за собой смертную казнь, въ концѣ концовъ сдѣлалось на столько велико, что одинъ голый перечень ихъ могъ бы занять нѣсколько страницъ. Такъ въ дореволюціонный Франціи 115 видовъ преступленій карались смертной казнью; сюда относились напр. составленіе сочиненій противъ господствующей религіи и ихъ печатаніе, исполненіе протестантскими проповѣдниками ихъ обязанностей, составленіе политическихъ ассоціацій, незаконныя сборища, волшебство и магія, воровство въ церкви, воровство съ лѣстницей, воровство со взломомъ, контрабанда табакомъ и ситцемъ, печатаніе и продажа книгъ безъ разрѣшенія, незаконная продажа соли и пр. и пр. Англія пошла еще дальше: здѣсь цифра преступленій, влекущихъ смертную казнь, достигала 240, а въ этомъ длинномъ списокѣ мы находимъ порубку и уничтоженія деревьевъ, увѣчья животныхъ, воровство въ церкви свыше одного шиллинга, воровство въ лавкѣ свыше 5 шиллинговъ, въ домѣ свыше 40 шиллинговъ; воровство лошадей и овецъ, бродяжничество, проклятiе короля на словахъ, покушеніе словомъ на стыдливость королевы, воровство писемъ и т. д. Въ Германіи и др. западноевропейскихъ государствахъ дѣло стояло также. Что этотъ длинный перечень преступленій, караемыхъ смертной казнью, не оставался мертвой буквой, спасительной угрозой, достаточно указать на такіе факты: извѣстный германскій юристъ Карпцовъ, ратовавшій въ своихъ сочиненіяхъ за примѣненіе смертной казни только въ необходимыхъ случаяхъ, постановилъ во время своей судебной карьеры 20000 смертныхъ приговоровъ; въ четырнадцатилѣтнее царствованіе Генриха VIII было обезглавлено и повѣшено 72000 человекъ, изъ нихъ 5000 за бродяжничество; характернымъ прозвищемъ «городъ висѣлицъ» назывался «веселый» городъ Лондонъ; по приговорамъ святой инквизиціи смертная казнь производилась *en masse*, для чего осужденныхъ загнали въ особо

приготовленные загородки, наполненные соломой, гдѣ и сжигали и пр. и пр.

Этотъ ужасный періодъ торжества застѣнка, висѣлицы, плахи и костра тянулся черезъ всѣ средніе вѣка вплоть до конца XVIII ст. Юристы и мыслители, если иногда и протестовали, то не противъ справедливости и размѣровъ смертной казни, но противъ утонченной жестокости нѣкоторыхъ видовъ ея. Первый, болѣе серьезный протестъ, исходившій изъ положенія «жизнь человѣческая, какъ даръ Божій,—неприкосновенна», явился изъ среды тѣхъ, кто стремился восстановить ученіе Иисуса Христа въ его первобытной чистотѣ (анабаптисты, фотиніане, квакеры), но онъ не только не оказалъ вліянія на уменьшеніе размѣровъ смертной казни, напротивъ—самое возникновеніе сектъ вызвало новый рядъ кровавыхъ репрессалій. Моментомъ безповоротной перемѣны въ общественномъ мировоззрѣніи на смертную казнь можно считать появленіе безсмертнаго трактата «о преступленіи и наказаніи» (1764 г.), вызваннаго, по словамъ автора, зрѣлищемъ «безполезной расточительности казни». Въ этомъ трактатѣ Беккарія доказалъ, что смертная казнь не опирается ни на какомъ законномъ правѣ, что она бесполезна и не нужна, менѣе дѣйствительна, чѣмъ лишеніе свободы, пагубна для общества, какъ примѣръ жестокости, и наконецъ также не оправдываема, какъ и принесеніе человѣческихъ жертвъ. Вліяніе Беккарія на современниковъ было на столько велико, что въ концѣ XVIII столѣтія въ Австріи (1788 г.) и въ нѣкоторыхъ итальянскихъ государствахъ (Тоскана) смертная казнь была отмѣнена за всѣ преступленія.

Наступившая въ первой четверти XIX столѣтія реакція не старалась однако исправить увлеченіе гуманными идеями: тѣ итальянскія государства восстановили еще такъ недавно отмѣненную смертную казнь; по кодексу 1803 года въ Австріи смертная казнь также была восстановлена и притомъ не только за политическія преступленія, но и за поддѣлку монеты; во Франціи по кодексу 1810 г. смертная казнь снова распространилась на 38 видовъ преступленій и т. д. Словомъ, трудами Беккарія, Монтескье, Филанджіери и др. было навсегда отвоевано у смертной казни только два вида преступленій: противъ религіи и нравственности.

Поступательная побѣда человечества надъ сторонниками смертной казни начинается собственно со второй четверти нашего столѣтія. Общественное мнѣніе начало выражать свой ужасъ и отвращеніе къ смертной казни въ печати (Митермайеръ и его послѣдователи) и въ массѣ оправдательныхъ приговоровъ съ такою силой, что государственная власть наплась вынужденной идти повсемѣстно на серьезныя уступки. Замѣчательно, что петиціи объ отмѣнѣ смертной казни, въ виду массы оправдательныхъ приговоровъ, а отсюда безнаказанности преступленій, исходили чаще

всего со стороны тѣхъ, чьи ближайшіе интересы охранялись смертной казнью. Не смотря на реакцію, послѣдовавшую за 1848 годомъ, сила общественнаго мнѣнія сдѣлалась уже на столько великой, что напр. въ Англіи, въ этой,—по выраженію Кистяковскаго,—классической странѣ смертной казни, изъ 240 случаевъ примѣненіе смертной казни ограничилось съ 1861 года только 3 видами преступленій; въ Швейцаріи только одинъ кантонъ возстановилъ у себя смертную казнь; въ Голландіи по кодексу 1881 г. смертная казнь отмиѣнена вовсе; въ Германіи, гдѣ въ концѣ XVIII столѣтія въ одномъ Мюнхенѣ совершалась смертная казнь каждую субботу и притомъ не рѣдко сразу надъ 5 приговоренными, въ періодъ 1858—60 гг. казнено 4 человека и т. д. При обсужденіи въ рейхстагѣ въ 1870 г. Уголовнаго Уложенія, для того, чтобы удержать статьи, влекущія смертную казнь (предумышленное убійство и покушеніе на жизнь царствующаго государя), потребовалось вмѣшательство, стоявшаго въ то время на высотѣ могущества, Бисмарка и не взирая на это, вопросъ прошелъ большинствомъ только 3-хъ голосовъ.

Всѣ эти факты укрѣпляютъ надежду въ томъ, что недалеко время, когда смертная казнь, сдѣлавшись печальнымъ достояніемъ исторіи, не будетъ болѣе позорить человѣчество.

Подъ вліяніемъ византизма, наше старинное законодательство съ такой же щедростью расточало смертную казнь, какъ и законодательство западно-европейское. Уложеніе Алексѣя Михайловича, въ составленіи котораго принимали участіе высшее духовенство, «государевы бояры», окольничьи, «думные и выборные люди», перечисляеть 57 видовъ преступленій (между прочимъ продажа и держаніе табаку), влекущихъ за собой смертную казнь; его первая статья начинается словами: «будетъ кто иновѣрцы, какія не буди вѣры или и Русскій человѣкъ, возложить хулу на Господа Бога и т. д. и того сыскивать всякими сысками на вѣрнко. Да будетъ сыщется про то допряма и того богохульника, обличивъ, казнити, сжечь». Съ неменьшей суровостью относилось Уложеніе и ко всему, что касалось «Государской чести и какъ его Государское здоровье сберегать». Смертная казнь въ этомъ случаѣ постигала не только того, «кто какимъ умышленіемъ учнетъ мыслити на Государское здоровье злое дѣло», но женъ и дѣтей, кои «про тое ихъ нзмѣну вѣдали». Той же казнью карался «тать»—«хотя онъ и убійство не учинилъ» и т. д. Слѣдуетъ замѣтить, что Уложеніе Алексѣя Михайловича взидало на смертную казнь не только какъ на мѣру карательную, но и какъ на мѣру спасительную въ воспитательномъ смыслѣ, а потому въ немъ встрѣчаются сентенціи въ родѣ: «и такихъ беззаконныхъ женъ и кто

по ея велѣнію дѣтей ея погубить, казнити смертію безъ всякаго пощады, чтобы на то смотря, иныя такова беззаконнаго и сквернаго дѣла не дѣлали и отъ блуда унялися». Изъ записокъ иностранцевъ, побывавшихъ въ до-петровской Руси, однако видно, что благія пожеланія законодателя, не смотря на внушительность кровавыхъ примѣровъ, не достигали цѣли.

На столько же великій, на сколько и суровый преобразователь Россіи не только не уменьшилъ число видовъ преступленій, караемыхъ смертною казнью, но увеличилъ ихъ почти вдвое (100), относя къ ихъ категоріи столь маловажные проступки, какъ напр. нерадѣніе и медленность въ гоньбѣ почты, срубъ въ заповѣдныхъ лѣсахъ деревень и т. под. Съ какимъ разнообразіемъ и неумолимой строгостью примѣнялся Петромъ Великимъ законъ, указываетъ исторія стрѣльцовыхъ бунтовъ, Монса и т. д. Послѣдующее за смертію Петра Великаго время дворцовыхъ переворотовъ и фаворитизма не особенно способствовало смягченію общественныхъ нравовъ и законодательныхъ воззрѣній. Вообще какъ въ этотъ, такъ и въ предыдущій періодъ, если государственная власть поступалась иногда своимъ правомъ на жизнь человѣка, то исключительно въ силу экономическихъ соображеній: необходимость колонизировать обширныя пустыни Сибири возвысило въ ея глазахъ цѣну на человѣческую жизнь.

Измѣненіе воззрѣній государственной власти на преступленіе и на источникъ ихъ искупленія послѣдовало въ царствованіе императрицы Елизаветы и преимущественно Екатерины II. Поклонница Монтескье, съ поразительной ясностью доказавшаго, что если личная и общественная безопасность потрясаются преступленіями, то лучшими гарантіями служатъ не суровыя казни, но устраненіе причинъ, порождающихъ преступленія, Екатерина II повторила эти истины въ своемъ Наказѣ. Конечно, мѣры, принятія при подавленіи чумнаго бунта въ Москвѣ и бунта Пугачева въ Поволжѣ, шли въ разрѣзъ съ гуманными воззрѣніями Наказа, тѣмъ не менѣе идеи, высказанныя въ немъ, пустили корни на столько глубоко, что при разсмотрѣніи проекта Уголовнаго Уложенія 1813 года сфера примѣненія смертной казни ограничилась исключительно политическими преступленіями, при составленіи же Уложенія 1844 года хотя и была сдѣлана попытка распространить эту сферу на убійство родителей, но таковая не увѣнчалась успѣхомъ.

Изъ данныхъ, вошедшихъ въ объяснительную записку Редакціонной Коммиссіи, видно:

Въ 1866 г. приговорено къ смертной казни 2 исполнено 1.					
» 1867 1877	»	»	»	»	»
» 1878	»	»	»	1.	1
» 1879	»	»	»	21	16
» 1880	»	»	»	14	5
» 1881	»	»	»	8	5

Итого 46

28

Изъ казенныхъ было приговорено къ смертной казни:

Верховнымъ уголовнымъ судомъ	2
Особымъ присутствіемъ Пр. сената	5
Военными судами	21
Итого	28.

Приведенный нами историческій обзоръ указываетъ, что отечественному законодательству остается сдѣлать послѣдній шагъ, чтобы явиться предвозвѣстникомъ новой эры въ области уголовного права.

Г.г. отечественные юристы въ многочисленныхъ отзывахъ, присланныхъ на проектъ Уложения, съ замѣчательнымъ, дѣлающимъ имъ великую честь, единодушіемъ высказались въ пользу безусловной отміны смертной казни. Это единодушіе указываетъ между прочимъ, на сколько видоизмѣнился и выросъ этотъ міръ, который созданъ Судебными Уставами 20 ноября. Посреди этого подавляющаго большинства нашлось всего три голоса не только за удержаніе смертной казни для политическихъ преступленій, но и за распространеніе ея на нѣкоторыя общія преступленія (предумышленное убійство, поджогъ города въ нѣсколькихъ мѣстахъ и т. д.). Болѣе чѣмъ не многочисленные сторонники смертной казни въ своихъ соображеніяхъ не высказываютъ ничего иного, чего гораздо ранѣе на различные лады и притомъ съ большимъ краснорѣчіемъ, не говорилось бы въ защиту висѣлицы и эшафота, за исключеніемъ разве того, что мнѣніе ихъ противниковъ представляется не болѣе какъ «теоретическимъ сентиментальничаньемъ (??), затемняющимъ пониманіе жизни».

Раздѣливъ «сентиментальничанье» на теоретическое и практическое и заявивъ съ достаточной смѣлостью о собственномъ «пониманіи жизни», доморощенные защитники смертной казни не знаютъ или забываютъ, что въ этомъ вопросѣ не можетъ быть рѣчи о какомъ бы то ни было «сентиментальничаньи» уже потому, что самый вопросъ давнымъ-давно сошелъ съ метафизической почвы; что противники смертной казни оказались именно сильны тѣмъ, что вооружившись мнѣніями психіатровъ, статистическими цифрами и безчисленными фактами, доказали, что смертная казнь оказываетъ вліяніе не на уменьшеніе, но на увеличеніе преступленій; что, не взирая на нушаемые ужасы и отвращеніе, она только развращаетъ общество; что сама государственная власть, лишая смертную казнь прежней публичности, тѣмъ самымъ сознала, что въ этомъ кровавомъ актѣ есть нѣчто противное законамъ божескимъ и человеческимъ, есть нѣчто такое, что должно совершаться тайно, изримо отъ общества. Одинъ изъ противниковъ смертной казни (Кипетскій) обратился къ ея сторонникамъ съ такими словами: «Вы

говорите, что законъ, осуждающій на смерть, справедливъ, необходимъ, нравственъ; хорошо. Я васъ спрошу: если вы не имѣете человѣка, который бы казнилъ нарушителей этого закона, согласитесь ли вы сами нанести роковой ударъ? Предложите судьямъ, привыкшимъ произносить смертные приговоры, сопровождать осужденнаго на гильотину или висѣлицу, опускать ножъ гильотины или привязывать веревку: они отступятся отъ этого съ ужасомъ и негодованіемъ. Отчего? Вѣдь законъ необходимъ, нравственъ, обязательнъ; осужденный вѣдь виноватъ; совѣсть была спокойна, произнося приговоръ; откуда же происходитъ то, что она приходитъ въ тревогу, возмущается, когда ей предлагаютъ исполнить свой приговоръ».

Пустьай отечественные ревнители смертной казни, отложивши въ сторону «сентиментальничанье», найдутъ подходящій отвѣтъ на это «отчего?»

Въ Редакціонной Комиссіи смертная казнь встрѣтила убѣжденныхъ противниковъ. Тѣ страницы объяснительной записки, которыя посвящены этому вопросу, принадлежатъ къ наиболее краснорѣчивымъ и мы, въ виду важности дѣла, надѣемся, что читатели не посѣтуютъ, если мы познакомимъ ихъ съ нѣкоторыми доводами Редакціонной Комиссіи, тѣмъ болѣе, что къ этимъ доводамъ едва ли можно прибавить что либо существенное.

«Законъ физическаго тальона, око за око и зубъ за зубъ (говорить Ред. Комиссія) — начало матеріальной оплаты, такъ долго бывшее основнымъ принципомъ уголовного правосудія у всѣхъ народовъ, а съ другой — примѣры народнаго суда и расправы съ поджигателями, конокрадами, встрѣчающіеся и въ настоящее время, дали содержаніе одному изъ главнѣйшихъ аргументовъ защитниковъ смертной казни: ихъ ссылки на народную совѣсть, на требованія справедливости, побуждающія, какъ говорятъ они, сохранить въ уголовномъ законѣ оплату за нѣкоторые злодѣянія лишеніемъ жизни виновнаго. Но помимо неопредѣленности такого доказательства, соединяющаго въ одно цѣлое и данныя далекаго историческаго прошлаго, проявленіе разнузданныхъ животныхъ страстей и инстинктовъ, руководящихъ нерѣдко разъяренною толпою въ эпохи общественныхъ золъ и бѣдствій, и естественное чувство отвращенія и ужаса, возбуждаемыхъ въ каждомъ гражданинѣ наиболее рѣзкими проявленіями преступности, эта ссылка на народную совѣсть стоитъ въ противорѣчій съ исторіей и современнымъ положеніемъ наказанія смертію въ разныхъ законодательствахъ. Нельзя же полагать, что народная совѣсть можетъ представлять такое различіе въ странахъ, не только сходныхъ по ихъ культурѣ, но и по темпераменту и нравамъ жителей, какъ это пришлось бы признать съ разбираемой точки зрѣнія на основаніи уголовныхъ уложеній, дѣйствующихъ нынѣ въ различныхъ государствахъ. Сторонникамъ этого мнѣнія приходится утверждать,

что между тѣмъ какъ народная совѣсть во Франціи требуетъ примѣненія смертной казни напр. къ дѣтоубійцамъ или поджигателямъ, въ Германіи, Англіи и Россіи она, въ особенности по отношению къ первому изъ этихъ преступленій, довольствуется гораздо болѣе легкими наказаніями, и наоборотъ участіе въ заговорѣ противъ основъ государственнаго устройства, влекущее за собой въ двухъ послѣднихъ государствахъ смертную казнь, во Франціи карается или ссылкой или заключеніемъ въ крѣпость. Равнымъ образомъ нельзя ставить прототиномъ юстиціи народную совѣсть, ниспровергающую нерѣдко всѣ основы правосудія и проявляющую ту примитивную сторону человѣческой природы, ослабленіе и уменьшеніе которой составляетъ одно изъ необходимыхъ условий прогресса».

Свои соображенія, говоряція въ пользу безусловной отміны смертной казни, Редакціонная Коммиссія заканчиваетъ такъ: «О ней (смертной казни) можетъ быть рѣчь только въ законахъ чрезвычайныхъ, воспріимлющихъ силу *при совершенно особахъ условіяхъ* общественной жизни, когда нарушается обычное теченіе жизни и мѣры уголовныя отодвигаются на второй планъ: таковы, напр. законы, дѣйствующие въ военное время, въ виду непріятеля и т. под.».

Такъ какъ будущее Уложеніе предназначено къ дѣйствию не «при совершенно особенныхъ условіяхъ общественной жизни, когда нарушается обычное теченіе правосудія» — напротивъ, при условіяхъ общихъ, нормальныхъ, когда правосудію не ставится препонъ и оно имѣетъ подъ рукою всѣ средства, чтобы справиться съ преступленіемъ и преступниками, — кто бы они ни были и въ чемъ бы ни обвинялись, — не прибѣгая для того къ экстравагантнымъ мѣрамъ, то, въ силу высказанныхъ самой же Ред. Коммиссіей соображеній, можно было ожидать, что въ проектѣ Уложенія, долженствующимъ представлять не болѣе какъ логическій выводъ изъ основаній, вошедшихъ въ объяснительную записку, мы не встрѣтимся болѣе со смертной казнью. Однако Коммиссія, имѣя въ виду, что вопросъ объ отмінѣ смертной казни «заключаетъ въ себѣ и весьма важную политическую сторону» — «признала болѣе цѣлесообразнымъ, изложивъ приведенныя выше соображенія о возможности отміны смертной казни, представить рѣшеніе сего вопроса на благоусмотрѣніе Государственнаго Совѣта, а въ дѣйствицу проэктируемыхъ нынѣ наказаній внести и смертную казнь» — для государственныхъ преступленій. Такая непоследовательность невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе.

Изъ краткаго историческаго очерка, предпосланнаго нами, видно, что въ Западной Европѣ замѣчаемы колебанія въ суживаніи и расширеніи границъ примѣненія смертной казни, находи-

лись въ непосредственной зависимости отъ состоянія политическаго барометра. Такъ въ періодъ реакціи начала XIX столѣтія и реакціи, послѣдовавшей за 1848 годомъ, тѣ государства, которыя отиѣнили смертную казнь, успѣли возстановить ее и притомъ прежде всего за государственныя преступленія. Оцѣнивая это возстановленіе, нельзя забывать, что въ бурныхъ, потрясшихъ весь общественный строй, событіяхъ, предшествовавшихъ обѣимъ реакціямъ, каждая изъ борющихся на жизнь и смерть сторонъ была убѣждена или по крайней мѣрѣ старалась убѣдить, что никто другой, а именно она является истинной, правомочной представительницей общественнаго благосостоянія, *salus populi*. Весьма естественно, что вслѣдъ за пронесшейся бурей, при распатанномъ въ корень общественномъ строѣ, при неулегшихся страстяхъ и незажившихъ воспоминаніяхъ, торжествующая партія старалась закрѣпить за собой дорого стоявшую побѣду путемъ возстановленія смертной казни за государственныя преступленія. Западно-европейскіе кодексы имѣли въ этомъ случаѣ подъ рукою хотя наружное оправданіе: поколебленныя основы общественной жизни, требующія для своего успокоенія чрезвычайныхъ мѣръ. Но даже и въ то, преисполненное страстной борьбой время, едва-ли не самый крупный представитель торжествующей партіи, Гизо, человѣкъ, который менѣе всего могъ быть заподозрѣнъ въ политическомъ «сентиментальничаньи» и либерализмѣ, возсталъ всей силой своей діалектики противъ примѣненія смертной казни къ государственнымъ преступленіямъ, доказывая, что таковое примѣненіе оправдывалось только въ государствахъ, не вышедшихъ изъ полуварварскаго, хаотическаго состоянія, лишенныхъ правильно организованной администраціи и полиціи.

То, что пережило Западной Европой въ концѣ XVIII столѣтія и въ 48 году, никогда, даже въ самомъ огромномъ масштабѣ, не переживалось русскимъ обществомъ. Такимъ образомъ политическія причины, до извѣстной степени оправдывавшія отношенія западно-европейскихъ кодексовъ періода реакцій къ государственнымъ преступленіямъ, для отечественнаго кодекса являются совершенно чуждыми.

Все это, конечно, было извѣстно Редакціонной Коммиссіи и сдѣланная ею ссылка на «политическую сторону вопроса объ отиѣнѣ смертной казни» нисколько не разъясняетъ причинъ, заставившихъ Коммиссію поступиться въ проектѣ Уложенія послѣднимъ словомъ, послѣднимъ рѣшительнымъ шагомъ; тѣмъ болѣе не разъясняетъ что Коммиссія, высказываясь въ своихъ соображеніяхъ въ пользу безусловной отиѣны смертной казни, именно имѣла въ виду «политическую сторону вопроса», что несомнѣнно явствуетъ изъ ея же заключительныхъ словъ: «Въ области же нѣкоторыхъ преступленій, напр., политическихъ и религіозныхъ, какъ указываетъ историческій опытъ, смертная казнь нерѣдко какъ бы

усиливаетъ распространеніе преступленій, сплачивая партіи, создавая мученичество и развивая прозелитизмъ».

По нынѣ дѣйствующему уложенію о наказаніяхъ въ числѣ наказаній, впрочемъ, за весьма ограниченный кругъ преступленій, существуетъ заключеніе въ крѣпость. Въ проектѣ Уложенія «заключеніе» замѣнено «заточеніемъ» и самая черта преступленій, на которыя оно распространяется, расширена. Заточенію подвергаются за часть преступленій политическихъ, за нѣкоторыя преступленія противъ вѣры, за дуэли, за доставленіе средствъ къ самоубійству и, наконецъ, за часть преступленій по должности. «Заточаемые» содержатся въ крѣпостяхъ или особо устроенныхъ помѣщеніяхъ. «Заточеніе» отличается отъ исправительнаго дома и тюрьмы тѣмъ, что «заточенные» содержатся въ общихъ помѣщеніяхъ, но съ разобщеніемъ на ночь и работами занимаются по ихъ выбору, получая весь чистый доходъ въ свою пользу.

По мнѣнію Ред. Комиссіи (объяснительная записка) заточеніе назначается «за такія дѣянія, которыя, хотя и заключаютъ въ себѣ иногда весьма тяжкія нарушенія закона, причиняютъ существенный вредъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ *не выказываютъ ни особой исторченности, ни безнравственности* виновнаго, а свидѣтельствуя только объ его *неумѣньи подчинить порывы своихъ жеманныхъ требованій закона*». Такимъ образомъ заточеніе, представляя, съ одной стороны, очень серьезную кару, съ другой, по самому своему существу преступленій, не заключаетъ въ себѣ того позорящаго элемента, который существуетъ въ исправительномъ домѣ и тюрьмѣ.

Обращаясь къ проекту Уложенія, нельзя не обратить вниманіе на неправильную оцѣнку Ред. Комиссіей цѣлаго ряда преступленій, караемыхъ заточеніемъ.

Безспорно, когда идетъ рѣчь о преступленіяхъ политическихъ (76, 79, 81, 84 и др. ст. проекта Улож.) или противъ вѣры (338, 340, 341 и др. ст.) или объ убійствѣ «изъ состраданія и по настоянію убитаго», (390 ст.) о дуэляхъ (408 и 409) или наконецъ о доставленіи средствъ къ самоубійству (392 ст.), тамъ источникъ преступленія лежитъ внѣ «безнравственности» побужденій. Человѣкъ высоконравственный можетъ не подчинить свой умственный и душевный міръ господствующимъ воззрѣніямъ; противорѣчія съ этими воззрѣніями ни на одну іоту не умаляютъ его внутреннихъ качествъ; точно также человѣкъ глубоко сострадательный, не умаляя своей сострадательности, но именно исходя изъ нея, можетъ доставить другому средства для самоубійства. Во всѣхъ подобныхъ преступленіяхъ общечеловѣческая мораль остается не при чемъ, преступленія караются не въ силу ея требованій, но чаще въ силу дѣйствительной или мнимой опасности для общества.

Иное дѣло, когда мы перейдемъ къ оцѣнѣ преступленій «по должности», караемыхъ (по проекту Уложенія) тѣмъ же заточеніемъ.

Такъ, на основаніи 560 ст. проекта заточеніе назначается тѣмъ должностнымъ лицамъ, которые «по корыстнымъ или инымъ несовѣстнымъ съ долгомъ службы побужденіямъ окажутся виновными въ отказѣ отъ исполненія своей обязанности или въ учиненіи несогласнаго съ закономъ служебнаго дѣйствія, «завѣдомо, что симъ причиняется вредъ» интересамъ частнаго лица или (547 ст.) виновному и притомъ знающему, что его вина «угрожаетъ общественной безопасности», въ разрѣшеніи «по корыстнымъ или инымъ несовѣстнымъ со долгомъ службы побужденіямъ, въ отступленіи отъ закона» или (588 ст.) виновному въ увольненіи отъ службы подчиненнаго «завѣдомо за дѣйствія, согласныя съ долгомъ службы» и т. д.

Съ какою бы снисходительностью (чего онѣ не заслуживаютъ) ни относиться къ преступленіямъ «по должности», но разъ эти преступленія происходятъ не изъ ложнаго взгляда служащаго на свои обязанности, или незнанія дѣйствующихъ законоположеній, а прямо «изъ корыстныхъ побужденій», тамъ уже нельзя говорить, что эти преступленія «свидѣтельствуютъ только объ неумѣнн служащаго подчинять порывы своихъ желаній требованіямъ закона». Если это такъ, если «корыстные побужденія» свидѣтельствуютъ только о безсиліи должностнаго лица въ сдерживаніи своихъ «порывовъ» на обывательскій карманъ, то почему же тѣми же мотивами не умалать значеніе воровства, тѣмъ болѣе, что матеріальное и общественное положеніе вора несравненно худшее? Если отсутствіе добросовѣстности и преслѣдованіе (взаимны общественныя и государственныя) личныхъ и притомъ самыхъ низменныхъ цѣлей должностными лицами, не служатъ достаточнымъ доказательствомъ ихъ «испорченности», если должностныя лица, побуждаемыя корыстью, отказываются исполнять законъ, зная при этомъ, что такой отказъ угрожаетъ вредомъ частнымъ или общественнымъ интересамъ, то спрашивается: гдѣ же масштабъ, которымъ слѣдуетъ измѣрять «испорченное» и непорочное, нравственное и безнравственное въ сферѣ служебной дѣятельности?

Что нибудь одно изъ двухъ: или заточеніе такое же позорящее наказаніе, какъ тюрьма и исправительный домъ, и тогда нечего распространяться о борьбѣ закона съ «порывами», или, если заточеніе выдѣляется для преступленій, не имѣющихъ безнравственной подкладки, — а потому менѣе позорящихъ, тогда никоимъ образомъ нельзя ставить на одну доску человѣка, повиннаго лишь въ томъ, что онъ расходится съ господствующими воззрѣніями, и должностнаго лица, руководящагося въ своей служебной дѣятельности не тѣми началами, которыя начертаны въ его присягѣ, «по корыстными или иными несовѣстными съ долгомъ службы побужденіями».

По дѣйствующему Уложенію, — наказаніе преступника не ограничивается пребываніемъ въ стѣнахъ тюрьмы, но, продолжаясь за ея предѣлами, выражается въ отдачѣ на извѣстные сроки, съ ограниченіемъ извѣстныхъ правъ, подъ «особый надзоръ мѣстной полиціи или ихъ обществъ, если оныя пожелаютъ принять ихъ» (т. е. отбывшихъ тюремное заключеніе).

Редакціонная Коммиссія приняла ту же систему, избавивъ только общество отъ исполненія обязанностей полицейскаго надзора.

Съ установленіемъ полицейскаго надзора *) соединено воспрещеніе во-1-хъ) жительства и пребыванія въ нѣкоторыхъ городахъ, уѣздахъ и губерніяхъ и во-2-хъ) оставленія избраннаго или назначеннаго мѣста жительства до истеченія полугодія со дня водворенія. По истеченіи полугодія поднадзорному дозволяется перемѣнить мѣсто жительства не иначе какъ съ вѣдома полиціи и притомъ «они могутъ переезжать только по особо выданному путевому билету».

Изъ объяснительной записки Ред. Коммиссіи видно, что исходная точка для установленія полицейскаго надзора была такова: «опасность, которая грозитъ обществу отъ лицъ, однажды побывавшихъ въ тюрьмѣ, требуетъ особаго тщательнаго надзора со стороны полицейскихъ властей»; отсюда «первымъ элементомъ надзора является ограниченіе въ свободномъ выборѣ мѣста жительства» — эта мѣра «устранить скопленіе опасныхъ преступныхъ элементовъ въ центрахъ населенія, напр. въ столицахъ».

Говоря о полицейскомъ надзорѣ за лицами, впадшими въ преступленіе, слѣдуетъ имѣть въ виду, что здѣсь идетъ рѣчь не о томъ *наблюденіи, которое*, въ предѣлахъ, строго ограниченныхъ закономъ, *лежитъ въ самомъ существѣ полицейской власти, какъ функціи, охраняющей общественную безопасность путемъ «предупрежденія и пресѣченія преступленій»*, наблюденіи, которому подлежатъ всѣ граждане вообще и граждане съ заподозрѣнной репутаціей въ особенности, но о *полицейскомъ надзорѣ специальномъ*, «объ институтѣ» — какъ выражено въ объяснительной запискѣ, «полицейскаго надзора».

Учрежденіе такого института, принаровленнаго главнѣйшимъ образомъ къ тому, чтобы обезвреживать атмосферу городовъ, поставленныхъ въ привилегированное, исключительное положеніе, нарушаетъ прежде всего равновѣсіе въ заботливости правительственной власти. Государство, по общимъ и притомъ основнымъ началамъ права, обязано распространять свое попеченіе о безопасности населенія одинаково, какъ «на центры населе-

*) По проекту Улож. полицейскій надзоръ устанавливается для преступленій и проступковъ караемыхъ каторгой, поселеніемъ, исправительнымъ домомъ и тюрьмой.

нія», такъ и на мѣстности болѣе или менѣе удаленныя отъ этихъ центровъ. Насильственное перемѣщеніе и удержаніе преступныхъ элементовъ вдали центровъ населенія напоминаетъ отчасти ту, далеко не рациональную систему врачеванія, путемъ которой наружная болѣзнь вгоняется внутрь организма. Удаленіемъ «съ глазъ долой» преступныхъ элементовъ опасность, проистекающая отъ соприкосновенія съ ними, не устраняется, но только перемѣщается. Конечно каждому «центру населенія» весьма желательно обезвредить свою атмосферу такимъ первобытнымъ лекарствомъ, какое предлагаетъ проектъ Уложенія, но при обсужденіи: на сколько подобное желаніе, къ явному ущербу другихъ мѣстностей, можетъ быть удовлетворяемо, нельзя не принять во вниманіе хотя бы того обстоятельства, что «центры населенія», привлекая къ себѣ въ силу разнообразныхъ условій «преступные элементы», въ то же время въ степени, сравнительной привлеченію, обладаютъ болѣе значительными, правильно организованными средствами надзора и борьбы. Благодаря именно болѣе сильной организаціи полицейской власти, тѣ преступленія, которыя совершаются среди бѣла дня въ провинціяхъ, представляются не мыслимыми въ столицахъ. Насколько безпомощны наши провинціи въ борьбѣ «съ преступными элементами» достаточно указать на то обстоятельство, что конокрадство и разбой нерѣдко держатъ жителей цѣлыхъ округовъ буквально въ осадномъ положеніи. Такимъ образомъ, удаляя зло отъ «центровъ населенія» въ захолустья, безсильны справиться съ собственными, доморощенными «преступными элементами», проектъ Уложенія прежде всего оказываетъ плохую услугу общественной безопасности.

Да и обезвреживается ли подобной дезинфекціей нравственная атмосфера «центровъ населенія»?

Спеціальный полицейскій надзоръ за преступниками, отбывшими наказаніе (и притомъ почти въ томъ видѣ, какъ предлагается проектомъ Уложенія) существуетъ не нынѣ и не вчера, а потому опытомъ исторіи мы можемъ руководствоваться. Такъ, — отводными каналами для спуска «преступныхъ элементовъ» изъ Петербурга издавна служили или «родины» (на родину) или, — для людей безъ роду и племени, — ближайшіе города: Новгородъ, Шлиссельбургъ, Новая-Ладога и др. Здѣсь эти элементы впервые были окрещены именемъ золоторотцевъ. Голодная, пьяная, добывающая средства, для поддержанія своего жалкаго существованія, попрошайствомъ и иными, еще болѣе предосудительными путями, толпа золоторотцевъ вноситъ самое растлѣвающее вліяніе въ тѣ общественные слои, съ которыми она непосредственно соприкасается. Это постоянный рассадникъ преступленій и проступковъ, доводящій мѣстную полицейскую власть до отчаянія. Всѣ средства упорядочить, приурочить эту толпу къ какому нибудь труду оказывались тщетными; въ одномъ изъ названныхъ городовъ болѣе

полугода существуетъ домъ трудолюбія, гдѣ кромѣ теплаго угла и пищи, выдается извѣстный заработокъ на руки работнику, однако вся масса «золоторотцевъ» предпочитаетъ въ трескучіе морозы мерзнуть около кабаковъ. Появленіе золоторотца въ деревнѣ производитъ общую панику: изъ боязни поджоговъ и другихъ преступленій каждый старается откупиться отъ незваннаго гостя... Но, награждая захоластья подобной заразой, «центры населенія» вовсе не гарантируютъ своего собственнаго спокойствія: «преступные элементы» не имѣютъ способности осѣдаться, приучиваться къ мѣсту, напротивъ, —помимо удивительной живучести, они обладаютъ замѣчательной подвижностью, неудержимымъ стремленіемъ къ мѣсту совершенія первыхъ преступныхъ подвиговъ. Благодаря этому между напр. Петербургомъ и названными городами совершается непрерывный обмѣтъ, восхождение и нисхождение «преступныхъ элементовъ», своего рода *perpetuum mobile*: одни бѣгутъ, другихъ ловятъ и уже одѣтыхъ съ ногъ до головы на казенный счетъ, на казенный же счетъ высылаютъ; высылаемые, пропивши предварительное казенное «снабженіе», вновь бѣгутъ, вновь ловятся, снабжаются и высылаются и т. д. и т. д. Эта сизифова работа «продолжается до тѣхъ поръ, пока смерть не приклоннетъ «поднадзорнаго» во время его скитаній. Чтобы понять какое значеніе для Петербурга имѣетъ подобное кочеваніе «преступныхъ элементовъ», достаточно поверхностнаго ознакомленія съ полицейскими сообщеніями «о происшествіяхъ»: почти въ каждомъ преступленіи роль руководителя или роли исполнителей играютъ рецидивисты, самовольно возвратившіеся изъ назначеннаго имъ мѣста жительства.

Въ чемъ же причина такого аномальнаго порядка вещей: въ слабости-ли практиковавшагося до сихъ поръ полицейскаго надзора или въ самой природѣ вещей, т. е. въ такомъ обстоятельстве, справиться съ которымъ не по силамъ никакому «институту полицейскаго надзора»?

Отличительный признакъ cadaго института, какъ отдѣльнаго органа государственной власти, —это органическіе законы, статутъ, которымъ опредѣляется какъ права и обязанности, такъ и предѣлы власти. Безъ подобнаго статута повидимому немислимо самое «гражданское бытіе» института, какое бы скромное мѣсто онъ ни занималъ въ правительственномъ организмѣ. Однако характерность «института полицейскаго надзора» за лицами, отбывшими наказаніе, въ томъ именно и заключалась, что, не взирая на долговременность существованія, не было сдѣлано даже попытки опредѣлить въ законодательномъ порядкѣ его права и обязанности, начертать кодексъ, которымъ онъ долженъ руководствоваться. До сихъ поръ это былъ институтъ, дѣйствующій внѣ всякаго статута; правительственное учрежденіе—безъ опредѣленной

фізіономіи. Вся дѣятельность института сводилась къ личному усмотрѣнію, а потому и выражалась въ ту или другую сторону сообразно личнымъ качествамъ, степени личнаго умственного и нравственнаго развитія должностныхъ лицъ, входящихъ въ его составъ. *Sic volo, sic jubeo, stat pro ratione voluntas*,—такое единственное правило, примѣнявшееся къ поднадзорнымъ.

Подобный порядокъ вещей не могъ оставаться незамѣченнымъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, однако вышеуказанный пробѣлъ не восполнялся,—и не восполнялся въ силу ненормальности самаго существованія полицейскаго надзора, какъ особаго института, имѣющаго свои спеціальныя, независимыя отъ общей полиціи, права и обязанности.

Редакціонная Коммиссія, вновь призывая къ жизни «институтъ полицейскаго надзора» и выражая при этомъ пожеланіе, чтобы этотъ институтъ «не отягощалъ и безъ того труднаго положенія поднадзорныхъ», на самомъ дѣлѣ не прибавляетъ ничего новаго, что въ дѣйствительности уменьшало бы возможность «отягощенія». Весьма справедливо отвергая мѣры, въ которыхъ выражается дѣятельность института полицейскаго надзора въ западно-европейскихъ государствахъ (напр., по германскому кодексу неограниченное право обыска и выемки), какъ «мѣры тягостныя», «затрудняющія присканіе мѣста и работы» поднадзорному, Р. Коммиссія нашла однако возможнымъ ограничиться начертаніемъ одного лишь маршрута (маршрутъ этотъ отчасти позаимствованъ изъ французскаго кодекса) для поднадзорныхъ, по отбытіи ими наказанія: «каждый поднадзорный (проектируетъ Коммиссія) при выходѣ изъ тюрьмы получаетъ особый путевой билетъ, въ которомъ обозначается обязательный порядокъ переезда, съ указаніемъ мѣстностей, въ которыхъ онъ не можетъ останавливаться и съ опредѣленіемъ наивысшаго срока переезда. Въ опредѣленныхъ въ маршрутъ пунктахъ, равно и немедленно по прибытіи на избранное мѣсто жительства, путевой билетъ предъявляется мѣстному полицейскому начальству».

Нисколько не сомнѣваясь въ благихъ пожеланіяхъ Р. Коммиссіи облегчить тяжелую судьбу поднадзорныхъ, тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, что уже начертанный ею маршрутъ самъ по себѣ идетъ въ разрѣзъ съ высказанными равнѣ, благими пожеланіями. Каждому, кто только соприкасался съ уголовнымъ міромъ, извѣстно, что самое тяжелое время для лицъ, отбывшихъ наказаніе, это тотъ періодъ, который слѣдуетъ непосредственно за освобожденіемъ изъ тюрьмы. Дайте человѣку въ этотъ краткій, но наиболѣе доступный для пошатнувшейся совѣсти, а потому роковой періодъ, осмотрѣться, восстановить порванные связи, а главное найти кусокъ хлѣба и (если эта натура не окончательно надломанная, не окончательно испорченная) онъ спасенъ отъ страшнаго опаснаго рецидивизма; дальнѣйшая борьба за существованіе законными средст-

вами и возможность исправления обставлены для него уже болѣе благопріятными условіями. Поддержать человѣка, повторяю, въ этотъ роковой періодъ—одна изъ серьезнѣйшихъ задачъ общественной безопасности, а между тѣмъ первое, что по проекту Уложенія, встрѣчаетъ освобожденный за стѣнами тюрьмы—это пунктуально составленный маршрутъ, который гонить его, даже безъ права остановки въ мѣстахъ, гдѣ быть можетъ нуждаются въ работѣ, гдѣ быть можетъ нашелся бы спасительный уголъ и кусокъ хлѣба, гонить часто на очень далекую родину, не справляясь: да нуждается ли въ немъ эта родина? остались ли какія либо связи между нимъ, гонимымъ, и родиной? отыщутъ ли эти руки, доселѣ работавшія совершенно при иныхъ условіяхъ, примѣненіе тамъ, въ крѣпко сложившемся обиходѣ все той же родины?

Родина чаще всего встрѣчаетъ подобнаго изгоя болѣе чѣмъ непривѣтливо, почти жестоко, и такая непривѣтливость является хотя и несоотвѣтствующей чувству состраданія, но вполне понятной и логичной. Взять ли положеніе крестьянина, удалившагося изъ общины вслѣдствіе избытка рабочихъ силъ, посвятившаго себя занятіямъ, ничего неимѣющимъ общаго съ сохой и косой, усвоившаго привычки совершенно чуждыя деревенской средѣ и попавшаго въ разрядъ поднадзорныхъ, или взять положеніе человѣка въ той же роли, но вырваннаго изъ болѣе интеллигентной среды, оба они одинаково полны драматизма. И тотъ и другой на подневольной родинѣ, «на назначенномъ мѣстѣ жительства», только непрощенный гость, тяжелая обуза, предметъ нескрываемого или худо скрываемого презрѣнія, смѣшаннаго со страхомъ. Это въ глазахъ окружающихъ «вѣдомо лихіе люди» какъ, образно выражались наши старинные акты, люди, которымъ придется не разъ пожалѣть о покиннутыхъ стѣнахъ тюрьмы.

Съ момента прибытія на родину или въ назначенное правительственной властью мѣсто жительства, поднадзорный, уграчивая часть гражданскихъ правъ, становится прежде всего предметомъ вѣдомства «института полицейскаго надзора».

Поставьте же человѣка, окруженнаго общимъ страхомъ и презрѣніемъ, не знающаго, какъ и куда примениться, чѣмъ и гдѣ прокормиться, лицомъ къ лицу не съ зауряднымъ становымъ приставомъ, полицмейстеромъ, сотскимъ, урядникомъ, но съ идеальнѣйшимъ, воплощающимъ въ себѣ всѣ добродѣтели, полицейскимъ чиновникомъ,—что послѣдній *помимо общаго наблюденія*, «не отагощая и безъ того труднаго положенія поднадзорнаго», можетъ сдѣлать еще *нѣчто специальное, какъ представитель «института»*, для того, чтобы умалить силу преступныхъ поползновеній со стороны «лихого человѣка» на общественную и частную безопасность?

Рецидивизмъ большинства преступленій (оставляя въ сторонѣ

антропологическую теорію) находится въ прямой, непосредственной зависимости: во 1-хъ) отъ матеріальныхъ условій, въ которыя поставленъ человѣкъ и въ 2-хъ) отъ его неустойчивой нравственности. Съ устраненіемъ матеріальныхъ причинъ, чаще всего паталогическихъ массы на преступленіе, исчерпывается источникъ и смыслъ преступности. Однако, до какого бы совершенства ни былъ бы доведенъ «институтъ полицейскаго надзора», оба названныя условія находятся внѣ сферы его дѣятельности. Невозможно требовать, чтобы полицейская власть, въ дополненіе къ своимъ разнообразнымъ обязанностямъ, приняла еще обязанность прискивать заработки для поднадзорныхъ, устраивала пріюты, заботилась объ ихъ матеріальномъ обезпеченіи и т. под.; точно также едвали даже желательно, чтобы эта власть являлась въ роли проповѣдника и время отъ времени вела съ поднадзорными душевспасительныя бесѣды о путяхъ спасенія...

Такимъ образомъ идеальнѣйшему полицейскому чиновнику, поставленному въ необходимость проявить въ чемъ либо свою дѣятельность, какъ представителю «института полицейскаго надзора», остается только съ особымъ, неослабнымъ усердіемъ слѣдить за тѣми сокровеннѣйшими тайниками человеческой души поднадзорнаго, гдѣ зарождается, крѣпнетъ и растетъ преступная мысль, уловлять каждое внѣшнее ея проявленіе и во время, «въ цѣляхъ общественной безопасности», предупредить, принять мѣры, чтобы эта мысль не облеклась въ форму, не нашла себѣ выраженія въ преступномъ дѣяніи. Къ сожалѣнію, ключи отъ тайниковъ человеческой души до сихъ поръ еще не найдены, а потому представителю «института» приходится пробираться туда ошупью, руководствуясь служебнымъ усердіемъ и вдохновеніемъ...

Нельзя предполагать, чтобы при подобныхъ условіяхъ борьба «съ преступными элементами» оказалась особенно успѣшной, даже въ томъ случаѣ, когда за плечами каждаго поднадзорнаго неустанно бодрствовалъ бы идеальный представитель «института». Но, проецируя «институтъ полицейскаго надзора», слѣдуетъ принять во вниманіе, что его ряды придется пополнять не идеальнѣйшими исполнителями правительственныхъ предначертаній, — таковыхъ жизнь пока не знаетъ, — но людьми самыми обыкновенными, заурядными, не чуждыми общихъ слабостей и недостатковъ, самое усердіе которыхъ, съ одной стороны не сдерживаемое строгими указаніями закона, съ другой — постоянно раздражаемое трудностью и малоуспѣшностью борьбы «съ преступными элементами», легко, незамѣтно перейдетъ въ насильственное вторженіе въ интимнѣйшую жизнь человѣка...

Подобныя «отягощающія и безъ того тяжелое положеніе» поднадзорныхъ вторженія ни мало не способствуютъ къ достиженію главнѣйшей и, пожалуй, единственной цѣли «института» (га-

рантировать общественную безопасность «центровъ населенія»); указать же предѣлы служебному усердію и вдохновенію, — по самой природѣ вещей, съ которыми приходится имѣть дѣло «институту» — трудъ непосильный для законодательной власти; задаваясь имъ, она можетъ придти только къ отрицательнымъ выводамъ.

Еще одно замѣчаніе

Разсматривая особый отдѣлъ проекта Уложения, должно отмѣтить, что полицейскій надзоръ со всѣми его тяжкими послѣдствіями для поднадзорнаго слѣдуетъ (по проекту Ул.) за такіе правонарушенія, въ которыхъ, при очень строгой оцѣнкѣ, чаще всего высказывается легкомысліе или непониманіе закона, такъ караемыя по 352, 1 ч. 412, 2 ч. 413, 5 ч. 462, 3 ч. 463, 466 471, 483, 2 ч. 483, 2 ч. 489, 1 ч. 498, 511, 3 ч. 516, 521 и т. д. Такое широкое примѣненіе полицейскаго надзора, при условіяхъ обстановки и жизни поднадзорныхъ, послужитъ не къ умаленію, но къ вѣщему увеличенію въ обществѣ «преступныхъ элементовъ».

Говоря о принятой Р. Коммиссіей системѣ наказаній, нельзя не остановиться, и притомъ съ большимъ сочувствіемъ, на слѣдующей сторонѣ проекта.

Ранѣе существовавшая теорія формальныхъ доказательствъ повлекла за собой въ Уложеніи о наказаніяхъ весьма дробную систему наказаній: такъ въ каторжныхъ работахъ установлено семь степеней, въ ссылкѣ на житье въ Сибирь — пять степеней и т. д. Опредѣляя то или другое преступленіе, Уложение о нак. вмѣстѣ съ тѣмъ съ точностью указываетъ и степень наказанія, которой долженъ подвергнуться виновный. Такимъ образомъ, послѣ обозначенія вѣшнихъ признаковъ преступленія, самостоятельности суда не оставалось уже мѣста; его личный взглядъ на истинную, жизненную стоимость преступленія, на причины и условія, вызвавшія это преступленіе, на самую личность преступника долженъ было всецѣло подчиняться буквѣ закона.

Судебные уставы, оставивъ нетронутымъ Уложение о нак., не особенно расширили область судебной самостоятельности. На основаніи 828 ст., если рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей подсудимый признается виновнымъ, но заслуживающимъ снисхожденія, судъ имѣетъ право уменьшить слѣдующее за вину наказаніе на одну степень и только при усмотрѣніи особыхъ обстоятельствъ, говорящихъ въ пользу подсудимаго, на двѣ степени; дальнѣйшее смягченіе участи можетъ послѣдовать только путемъ обращенія къ монаршему милосердію.

Благодаря такой узкости полномочій, судъ, не взирая на судебное слѣдствіе, раскрывающее нерѣдко сумму всѣхъ условій, подъ непреоборимымъ гнетомъ которыхъ зарождается и приводится въ исполненіе преступная мысль, рисуящее обвиняемаго съ очень человѣчной, симпатичной стороны, бываесть поставленъ въ необ-

ходимость примѣнять почти одну и ту же мѣру къ преступленіямъ по внѣшней номенклатурѣ одинаковымъ, по внутреннему же содержанію не имѣющимъ между собою ничего общаго. Подобное положеніе суда «по совѣсти» конечно не соответствуетъ роли, отводимой въ настоящее время «внутреннему убѣжденію», ибо это «убѣжденіе» должно зачастую приноситься въ жертву буквѣ.

Ставя судъ, при произнесеніи рѣшенія, въ разладъ «съ внутреннимъ убѣжденіемъ», такая узкость полномочія въ смягченіи наказанія служитъ нерѣдко единственной причиною оправдательныхъ вердиктовъ присяжныхъ засѣдателей; этими оправданіями общественная совѣсть протестуетъ противъ несоответственности вины съ возмездіемъ; въ нихъ она ищетъ выхода возмущенному неравномѣрностью оцѣнки чувству справедливости.

Ред. Коммиссія предоставляетъ, при примѣненіи наказаній, весьма значительный просторъ для судебной самостоятельности.

Проектъ устанавливаетъ слѣдующіе виды наказаній: 1) смертную казнь, 2) каторгу безъ срока; 3) каторгу отъ 5—15 лѣтъ; 4) поселеніе безъ срока; 5) исправительный домъ отъ 1 года и 6 мѣсяцевъ до 6 лѣтъ; 6) заточеніе отъ 2-хъ недѣль до 6 лѣтъ; 7) тюрьму отъ 2-хъ недѣль до одного года; 8) арестъ отъ 1 дня до 6 мѣсяцевъ и 9) денежную пеню.

Относительно права суда смягчать наказанія, при наличности обстоятельствъ, заслуживающихъ списхожденія, въ проектѣ Уложенія постановлено такое правило: если за преступленіе не опредѣленъ *низшій* предѣлъ наказанія, то суду предоставляется уменьшать наказаніе до низшаго, законнаго размѣра сего наказанія или перейти къ другому наказанію въ слѣдующемъ порядкѣ: отъ смертной казни—къ каторгѣ безъ срока или на срокъ отъ 10 до 15 лѣтъ; отъ каторги безсрочной—къ срочной каторгѣ; отъ каторги на срокъ—къ исправительному дому; отъ поселенія—къ заточенію на срокъ не ниже одного года; отъ исправительнаго дома—къ тюрьмѣ; отъ тюрьмы къ аресту на срокъ не выше одного мѣсяца.

Одинъ изъ отечественныхъ юристовъ разсчиталъ, что при принятой проектомъ Улож. системѣ наказаній и ихъ смягченія, суду, при постановкѣ рѣшеній по весьма многимъ преступленіямъ, придется выбирать одно изъ тридцати наказаній. Этотъ расчетъ не чуждъ преувеличенія; но во всякомъ случаѣ, разъ суду предоставлено право даже въ тяжкихъ преступленіяхъ переходить отъ каторги къ исправительному дому (какая пропасть лежитъ между этими наказаніями, думаю—понятно каждому), уравниванію возмездія съ виной предоставляется уже широкій, отвѣчающій задачамъ правосудія, просторъ.

При обсужденіи полномочій, вручаемыхъ суду проектомъ Уложенія, высказывалось опасеніе въ томъ смыслѣ, что, отечественный судъ, по свойственной русскому характеру мягкости, добродушію,

не сдерживаемый суровой буквой закона, будет слишкомъ снисходительно оцѣнивать и карать преступленія. Такія опасенія врядъ ли имѣютъ за собой реальную подкладку и надо думать высказываются людьми, привыкшими останавливаться на внѣшней сторонѣ преступленія, на его ярликѣ, безъ анализа тѣмъ разнообразнѣйшихъ, внутреннихъ и внѣшнихъ условий, въ силу и подъ вліяніемъ которыхъ совершаются преступныя дѣянія.

Отнять у суда возможность и право свободной оцѣнки всѣхъ этихъ условий, какъ съ точки зрѣнія общечеловѣческой морали, такъ и общественной безопасности, значить низвести судъ съ подобающей ему высоты, умалить до нуля голосъ внутреннего убѣжденія, заставить его идти въ разрѣзъ съ требованіями, предъявляемыми жизнью, людскимъ горемъ и страданіями. При этомъ нельзя также не принять во вниманіе истекшій тридцатилѣтній періодъ дѣятельности судебныхъ учреждений. За это время, въ строгой школѣ правъ и обязанностей успѣло воспитаться и посѣдѣть не одно поколѣніе юристовъ, передъ многопочтенной дѣятельностью которыхъ нѣсколько наивно говорить о какихъ то увлеченіяхъ въ ту или другую сторону.

О томъ вліяніи, которое окажетъ уравниваніе возмездія съ внутреннимъ содержаніемъ вины на присяжныхъ засѣдателей, мы считаемъ излишнимъ распространяться. Если только представители общественной совѣсти найдутъ въ судебныхъ рѣшеніяхъ примиреніе съ ихъ собственной оцѣнкой вины, если слова «да, виновенъ», но заслуживаетъ снисхожденія», переставая звучать ироніей, приобрѣтутъ подобающій авторитетъ, у нихъ, представителей совѣсти, не будетъ болѣе основаній прибѣгать, при наличности признаковъ преступленія, къ оправдательнымъ вердиктамъ.

Принимаясь за составленіе настоящей статьи, мы никакъ не предполагали представить читателямъ полный и подробный разборъ проекта Уложенія; такой разборъ потребовалъ бы цѣлаго трактата, которому по самымъ размѣрамъ, въ журналѣ, преслѣдующемъ общія цѣли, не нашлось бы и мѣста. Цѣль нашей статьи была нѣсколько иная.

Безспорно, нынѣ дѣйствующее Уложеніе о наказаніяхъ, какъ изданное при совершенно иныхъ, чѣмъ настоящія, условіяхъ, не отвѣчаетъ современнымъ требованіямъ ни съ практической, ни съ теоретической стороны; точно также безспорно, что проектъ Уложенія, какъ собирательный трудъ криминалистовъ, справедливо пользующихся почетной репутаціей, имѣетъ за собой несомнѣнные достоинства: краткость, расширеніе предѣловъ невмѣняемости, сокращеніе «видовъ виновности», смягченіе наказаній, установленіе судебной самостоятельности и др. Но проектъ Уложенія въ то же время, подобно всякому иному, исключительно профессиональному труду

въ законодательной области, заключаетъ въ себѣ и серьезныя недостатки. Не должно забывать громадной, всеобъемлющей роли, которую суждено играть уголовному кодексу въ жизни каждой страны. Чтобы отвѣчать подобной роли, этотъ кодексъ, помимо абстрактныхъ началъ, долженъ уловить и претворить въ букву закона всѣ прогрессивно-правовыя воззрѣнія народной жизни извѣстной эпохи и притомъ въ ея самыхъ разнообразнѣйшихъ сферахъ и проявленіяхъ. Такой всеобъемлющій трудъ не по силамъ не только одному человѣку, но и цѣлому кружку, какими бы благими пожеланіями ни одушевлялся этотъ кружокъ, какими бы научными свѣдѣніями ни обладали его члены.

Проектъ уголовного уложенія во многихъ своихъ положеніяхъ именно не отвѣчаетъ этимъ прогрессивно-правовымъ воззрѣніямъ общества; въ немъ, какъ то замѣчали и другіе оппоненты, слишкомъ явственны слѣды подчиненія и увлеченія тѣми или другими теоріями. Его академическій характеръ, съ уступками извѣстнымъ вѣяніямъ, ошибочно принятымъ за общественный голосъ, бьетъ въ глаза. Торопиться при такихъ условіяхъ осуществленіемъ проекта Уложенія было бы великой и непоправимой ошибкой не только для настоящаго, но и для будущаго страны. Чтобы избѣжать этой ошибки, необходимо трудъ Редакціонной Комmissiи подвергнуть новому, коренному пересмотру, при непосредственномъ участіи общественныхъ элементовъ, хотя и не обладающихъ профессиональными знаніями, но могущихъ оказать на будущій законъ то «спасительное» «воздѣйствіе народнаго духа», о которомъ говоритъ одинъ изъ крупнѣйшихъ авторитетовъ въ наукѣ права (Puchta).—

Указать нѣкоторые недостатки проекта Уложенія и тѣмъ подтвердить выше высказываемую мысль,—такова была скромная задача настоящей статьи.

Н. Соколовскій.

КОНЕЦЪ СТАРИНЫ.

Поля Бурда.

Переводъ съ французскаго.

I.

Наступалъ октябрь. О немъ возвѣщалъ крикъ дроздовъ въ виноградникахъ. Лиловый «безвременный цвѣтъ» красовался на сырыхъ лугахъ. Ивы начинали ронять листья на гладкую поверхность ручья.

Заря становилась лѣнивой. Она нерѣшительно вздрагивала, поднимаясь надъ облитыми холодною росой полями. Въ низинахъ она натывалась на бѣлые туманы, сквозь которые пробивалась съ трудомъ; туманы эти поднимались, тянулись по горѣ, рядили ее въ легкую ватную шапочку... Переходъ отъ ночи къ дню сталъ затягиваться; листья и травы, подъ тяжестью капель росы, гнулись точно спросонокъ; земля не сразу пробуждалась отъ ночныхъ гревъ. Наконецъ, солнце, влетѣвъ на небо, разсѣивало мглу, осушало росу, обливало свѣтомъ послѣднихъ ясныхъ дней позолоченную осенью равнину, и отъ виноградниковъ и садовъ распространялся сладкій аромать зрѣлыхъ плодовъ.

Тогда, зная, что виноградъ уже просохъ, сборщики винограда вереницами рассыпались по Каландрскимъ косогорамъ, согнувши спины, уйдя съ головами въ кусты. Время отъ времени кто нибудь изъ нихъ возвышалъ голосъ, и вѣтеръ доносилъ отрывокъ пѣсни до села, гдѣ бабы узнавали пѣвца и улыбались надъ силою его легкихъ.

На дворахъ набивали разошшіеся обручи и слышались удары колотушекъ по пустымъ бочкамъ. Телѣги, нагруженные виноградомъ, вокругъ котораго вились осы, встрѣчались на дорогѣ съ пустыми телѣгами, возвращавшимися за виноградомъ; молодые парни, возбужденные его ароматомъ, поднимали полныя корзины красными отъ раздавленныхъ ягодъ руками и весело вываливали ихъ въ чаны, гдѣ должно было готовиться вино.

Передъ однимъ изъ самыхъ большихъ домовъ въ Каландрѣ старикъ Мюзель и его внучекъ Іосифъ Гуро, иначе говоря — Діозонъ, катили громадную бочку къ ручью.

Ребенокъ толкалъ бочку.

— Наддай, Діозонъ, наддай, дружокъ! — кричалъ старикъ полуворчливо, полусмѣясь, чтобы ободрить его.

Дитя вытягивало ноги, упиралось и, напрягаясь, придавало лицу своему выраженіе страшнаго гнѣва, какъ будто въ надеждѣ испугать громаду. Но громада не отличалась впечатлительностью: она то капризно катилась, увлекаая Діозона за собою, то утверждалась неподвижно на гравіи двора, и Діозонъ напрасно выбивался изъ силъ надъ ея круглымъ пузомъ, по которому скользили его маленькія плечи.

Старикъ, точно воронъ, который учить птенца летать, приходилъ къ нему на помощь и насмѣшливо ворчалъ:

— Ну, пусти-ка, мартышка! Еще мало хлѣба съѣлъ, чтобы быть человѣкомъ.

Діозонъ, задѣтый за живое, удваивалъ старанія, и его настойчивость очень забавляла старика. Онъ лучше готовъ былъ пробить бочку головою, чѣмъ допустить сомнѣніе въ своемъ правѣ на званіе «человѣка».

Девяносто девять лицъ отвѣтили бы отрицательно, а сотое не знало бы, что сказать, если бы предложенъ былъ вопросъ: можетъ ли еще быть способенъ на нѣжное чувство человѣкъ, такъ обвѣтрѣвшій на дождь и солнцѣ, такъ закаленный работою, такъ высохшій отъ старости и такой жадный на заработокъ, какъ старикъ Мюзель. Кожа его напоминала скорлупу зрѣлаго орѣха; крупные суставы его членовъ, состоявшихъ лишь изъ мускуловъ и костей, придавали ему такой видъ, будто онъ весь въ узлахъ; а голова казалась такою же угловатою и жесткою, какъ камни на дорогѣ.

Однако, было очевидно, что къ ребенку онъ относился не равнодушно, и тумакъ, которыми онъ надѣлялъ его ради ободренія, могли, въ крайнемъ случаѣ, сойти за выраженіе симпатіи.

Самъ старикъ говорилъ, что не разжирѣлъ отъ работы. Если бы подобная операція была возможна, то можно бы было подумать, что ему вытянули все мясо изъ подъ кожи лица посредствомъ банки; а кожа, обозначивъ всѣ выпуклости костей, сложилась въ четыре или пять крупныхъ складокъ подъ подбородкомъ, почему деревенскіе путники непочтительно сравнивали послѣдній съ заднею частью большихъ мѣховъ. Носъ, благодаря ненормальной краснотѣ сохранившій обманчивый видъ молодости, дисгармонировалъ съ прочими изможденными чертами. Цвѣтъ его служилъ довольно вѣрнымъ термометромъ для тѣхъ, кому важно было доброе настроеніе Мюзеля: пока онъ

былъ лиловатымъ, все обстояло благополучно; но какъ скоро вспыхивалъ пурпуромъ, слѣдовало ожидать бури.

Вообще, вся фізіономія этого человѣка говорила о цѣльности характера, не поддающагося ни ласкѣ, ни силѣ. У него были тонкій ротъ и блѣдныя губы людей, подверженныхъ припадкамъ холодной злобы. Упрямство написано было на его лбу, четырехугольномъ и гладкомъ, недоувѣріе выражалось во взглядѣ, свѣтившемъ сквозь поросль сѣдыхъ бровей, хитрость — въ подвижныхъ ноздряхъ, которыя при каждомъ волненіи раздувались, какъ бы разноухивая, тщеславная гордость — въ походкѣ, которая порою заставляла думать, что у него весь позвоночный столбъ окостенѣлъ, такъ прямо и чопорно онъ держался, когда затрогивалось его самолюбіе.

Ростомъ онъ былъ малъ и очень худъ, но не слѣдовало полагаться на эту тщедушную внѣшность. Если тяжкая полевая работа уродуетъ члены, зато постоянное упражненіе сохраняетъ въ нихъ силу до самой старости. Этотъ испытанъ Мюзель помнилъ себя въ молодости однимъ изъ самыхъ сильныхъ парней села. И сейчасъ еще рассказывалось, какъ онъ, бывало, бралъ за рога непокорного вола и быстрымъ поворотомъ заставлялъ его лечь на землю.

— Теперь надо ее налить, чтобы разбухла, — сказалъ онъ, когда бочка очутилась у ручья. — Она такъ разохлась, что въ пазы можно просунуть соломинку.

Діовонъ сходилъ за большой воронкой, вставилъ ее въ отверстіе бочки и принялся наливать воду черпакомъ, насаженнымъ на длинную палку.

Вдоль противоположнаго берега тянулась живая изгородь, укрѣпленная рядомъ ивъ, красныя корешки которыхъ блестя на днѣ прозрачнаго потока точно кораллы. Эта изгородь прерывалась пониже, у дороги, пересѣкавшей ручей. Въ то время, когда начинается наша повѣсть, мостъ былъ предметомъ роскоши и казался тѣмъ менѣе нужнымъ, что въ деревняхъ привыкли безъ него обходиться: черезъ ручей переправлялись просто скачками при помощи большихъ камней. Поэтому послѣ грозы предусмотрительные люди нерѣдко приходили съ камнями подъ мышкою, на всякій случай, чтобы имѣть возможность возстановить переправу, если она попорчена.

Кто-то мелькнулъ за изгородью.

— Это они? — спросилъ Мюзель, который видѣлъ ужъ не такъ хорошо, какъ въ двадцать лѣтъ.

— Нѣтъ еще, — отвѣтилъ мальчикъ. — Это хромой Беззаботный; развѣ не слышите его деревяшки?

Въ самомъ дѣлѣ, у человѣка, выходившаго изъ-за изгороди, одна нога была деревянная. Кромѣ экономіи на обувь, она давала ему еще то преимущество, что чрезвычайно облегчала

переправу через ручей. Вѣсто того, чтобы изловчаться, какъ прочіе, и скакать съ камня на камень, онъ храбро погрузилъ ее въ воду, не боясь промочить.

Если прозвище «Беззаботнаго» было дано не въ насмѣшку и если носившій его честный Бижуга имѣлъ меньше хлопотъ, чѣмъ какой нибудь миллионеръ, то было очевидно, что и гардеробъ его былъ много менѣе полонъ, чѣмъ у послѣдняго. Даже въ деревнѣ, гдѣ на этотъ счетъ невзыскательны, его одежда изобличала бѣдняка.

Изъ кучи лохмотьевъ выглядывало кроткое и веселое лицо эпикурейца съ краснымъ носомъ и подбородкомъ, обрамленное длинною сѣватою бородою, — симпатичная пьяная рожа, постоянно улыбающаяся своими толстыми, чувственными губами.

— Добраго дня компаніи! — сказалъ онъ, остановившись у ручья. И такъ какъ онъ былъ очень вѣжливъ, то не захотѣлъ пройти мимо, не обмѣнявшись нѣсколькими словами.

— Что, будетъ такъ не мало? — спросилъ онъ, не поясняя о чемъ спрашиваетъ.

Но въ это время года о чемъ могла идти рѣчь, какъ не о винѣ?

— Да, — отвѣтилъ старый Мюзель, выпрямляя спину, — не у всѣхъ столько будетъ.

— О! я за васъ не горюю: у васъ всегда довольно; но если нынче зимою устроите славную выпивку, то вамъ будетъ кого и подчивать.

Старикъ какъ будто не понималъ.

— Довольно пьющихъ, — сказалъ онъ. — Никого не нужно учить, какъ въ горло лить.

Беззаботный не отступилъ.

— У васъ будетъ лишняя собутыльница.

Старикъ такъ удивился, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ никакъ не могъ догадаться, о комъ говорить хромой.

— Кто-жъ такой? — спросилъ онъ.

— Какъ кто? А ваша дѣвица-то. Говорятъ, она пріѣдетъ сегодня; развѣ вы ее не ждете?

— Да, вы объ этой!.. Такъ, такъ! А я и не вспомнилъ. Вѣдь, ее выписалъ отецъ, а я совсѣмъ въ сторонѣ. Меня и не спросили. Должно быть, я ужъ ничего не значу въ домѣ. Какъ вы думаете, Бижуга: я ужъ умеръ?

— Что-то не видно, — снисходительно отвѣтилъ тотъ.

— Такъ вотъ увидать, увидать! — сказалъ старикъ со странной улыбкой, такъ сжавшей его губы, что онъ совсѣмъ исчезалъ.

Беззаботный съ минуту поискалъ темы для бесѣды, но, не придумавъ ничего удовлетворительнаго, ушелъ. Только относительно стараго Мюзеля онъ составилъ собственное мнѣніе и, удаляясь, пробормоталъ сквозь зубы:

— Ахъ, старый хрычъ! Не сладко придется бѣдняжкѣ!

Старый Мюзель, съ своей стороны, переглянулся съ Дюзонь, точно съ сообщникомъ.

— И то! Мы ждемъ ее, дѣвицу-то,—сказалъ онъ.—И готовы принять ее съ почестью, правда?

Онъ еще крѣпче стиснулъ губы, улыбаясь. Морщины подъ его подбородкомъ радостно заволновались. А Дюзонъ захохоталъ, беззвучно, какъ и дѣдъ, но такъ широко растянувъ ротъ, что, вѣроятно, предвидѣлъ что-нибудь особенно смѣшное.

II.

Деревенскій возчикъ ѣхалъ изъ Ліона. Онъ воспользовался недѣлею хорошей погоды, чтобы совершить эту поѣздку передъ сборомъ своего винограда. Люди, бывшіе уже взрослыми сорокъ лѣтъ назадъ, помнятъ, что въ то время дороги въ Каландрѣ доходили лишь до послѣднихъ дворовъ села, а затѣмъ сразу превращались въ какія-то путанья колеи среди полей, и пускаться по нимъ нужно было подумавши. И въ сухую погоду нелегко бывало выбраться на большую дорогу за Ширеномъ; а ужъ послѣ дождя четырнадцать быковъ не доволокли бы туда бочки вина, не завязивъ ее въ трясины.

Возчикъ ѣхалъ не одинъ. Подъ навѣсомъ его телѣжки виднѣлось свѣжее дѣвичье личико.

— Это ваша хорошенькая барышня?—спрашивали его по дорогѣ.

— Ой, нѣтъ! У меня нѣтъ такой красотки, — отвѣчалъ тотъ,—она—тамошная: изъ нашихъ мѣстъ.

Щеки дѣвушки краснѣли, и она пряталась подъ навѣсъ, чтобы скрыть смущеніе. Она казалась робкою, говорила мало, а возчикъ, котораго къ молчанію пріучило одиночество, не прерывалъ грезъ, баюкавшихъ ее дорогою.

На третій день задумчивая путешественница узнала очертанія Каландрскихъ горъ, а на ихъ склонахъ — рѣдковатые лѣса, прерываемые сѣрыми утесами и исполосованные красноватыми расцѣлинами овраговъ. Она взглянула на нихъ съ умиленіемъ: онѣ видѣлись ей сквозь призму отдаленнѣйшихъ воспоминаній дѣтства. По мѣрѣ того, какъ развертывалась бѣлая лента дороги, передъ нею возникали изъ забвенія картины первыхъ лѣтъ ея жизни.

Это была дочь Антона Мюзеля, сына старика Мюзеля.

Она еще не вносила своего перваго платица, когда у нея умерла мать, которую теперь она едва помнила. Она осталась малюткою съ дѣдомъ, отцомъ и старшимъ братомъ. Мужчины, всегда въ полѣ, всегда за работой, всегда занятые, пре-

восходно умѣли копать землю и вязать снопы, но ихъ тяжелыя и жесткія руки были неискусны въ уходѣ за слабѣнкой дѣвочкой.

— И отъ коего чорта она зародилась?—насмѣшливо спрашивалъ старикъ, глядя на богатырскіе мускулы и широкія, точно прачешные вальки, руки своихъ наслѣдниковъ и сравнивая ихъ съ нѣжными членами малютки.

Онъ дѣлалъ видъ, что не причисляетъ ее къ семьѣ Мюзелей.

— Вся въ мать, да!—прибавлялъ онъ съ улыбкою состраданія, кидая изподлобья взглядъ на сына.

И такъ какъ вообще онъ мало цѣнилъ женскій полъ за меньшую способность къ труду, а въ частности уважалъ женщину тѣмъ менѣе, чѣмъ легче была вязанка сѣна, которую она въ состояніи была поднять, и тѣмъ короче былъ рабочій день, на который у нея хватало силъ, то онъ и не долубливалъ бѣдняжку, которая росла въ своей сильной семьѣ, точно выюнокъ среди рѣпьевъ.

Въ Ліонѣ у нея была тетка, сестра ея матери, которая захотѣла взять ее къ себѣ. Эта тетка была вдова, одинокая. Она сулила оставить племянницѣ свою ткацкую мастерскую.

Старикъ съ удовольствіемъ принялъ предложеніе: ему пріятно было удалить изъ села эту неудавшуюся наслѣдницу; хотъ она была и очень молода, но онъ уже подумывалъ, какъ бы уменьшить ея долю наслѣдства до самыхъ крайнихъ предѣловъ.

Правда, отецъ втайнѣ питалъ къ дочери слабость. Но старикъ былъ отцомъ всѣхъ, значить—хозяиномъ. Когда онъ высказывалъ мнѣніе, то приходилось молчать. Если Антонъ и погоревалъ, провожая дочку, то никто о томъ и не догадался, кромѣ дѣвочки, которая хорошо замѣтила, что онъ обнялъ ее крѣпче и продолжительнѣе, чѣмъ остальные, когда возчикъ увозилъ ее.

Тетка оказалась одною изъ тѣхъ простыхъ женщинъ, у которыхъ изъяны ума восполняются чувствомъ. Она также съ дѣтства покинула деревню и не усвоила деревенской грубости. Напротивъ, она отличалась живою и бьющею черезъ край чувствительностью, которая побуждала ее по двадцати разъ въ день цѣловать племянницу, восклицая со вздохами, колебавшими ея объемистую грудь:

— Бѣдная, милая племяннушка! Бѣдная, милая дѣвочка! Бѣдная, милая крошка!—точно она пробудилась отъ сна, въ которомъ видѣла дѣвочку мертвою, и испытывала потребность, чтобы не задохнуться, шумно выразить свою радость по поводу того, что та жива.

Въ мягкой атмосферѣ этой сообщительной любви, маленькій выюночекъ постепенно развился въ хорошенькій и свѣжій

цвѣтокъ, все еще немного блѣдненькій и нѣжный, но достаточно большой и сильный, чтобы добрая женщина твердила при малѣйшемъ поводѣ, а то и безъ повода:—Нечего говорить, у меня молодецъ-дѣвица!—послѣ чего она разцвѣтала улыбкой и пребывала въ восторгѣ по крайней мѣрѣ минутъ пять.

Тканье шелка было бы очаровательнымъ ремесломъ, если бы могло обезпечить безбѣдное существованіе. Въ мастерской всегда очень чисто, чтобы пыль не выѣдала красокъ; рука работницы должна быть легка и проворна, чтобы не перепутать пасмы, тонкія, какъ паутина, а пальцы — нѣжны и гладки, чтобы не цѣплять и не рвать золотыхъ нитей, касаясь ихъ.

Маленькій вьюночекъ укоренился на этой подходящей почвѣ. Трудно было бы его увѣрить, что гдѣ-либо въ мірѣ живетъ лучше.

Изрѣдка она писала въ Каландръ, откуда ей никогда не отвѣчали. Ея отецъ умѣлъ писать когда-то, но ужъ очень давно. Ея брату, позже покинувшему школу, случалось по воскресеньямъ брать листъ бумаги и пытаться примѣнять правила, преподанныя ему учителемъ; только эти дьявольскія правила если и уцѣлѣли еще въ головѣ, ни за что не хотѣли вліять на руку. Когда онъ сжималъ перо такъ же крѣпко, какъ рукоятъ мотыки, оно не только не покорялось его силѣ, но, напротивъ, какъ будто возмущалось: брызгало на бумагу, скакало въ сторону, запинаясь, опять скакало, опять брызгало и выводило такіе арабески и фестоны, украшенные громадными кляксами, что самъ несчастный авторъ не въ состояніи бывалъ разобрать написанное. И чѣмъ съ большимъ ожесточеніемъ онъ стискивалъ перо, тѣмъ неразборчивѣе становились арабески.

Къ счастью, иногда пріѣзжалъ возчикъ съ корзиною яицъ и масла, препорученной ему служанкою Мюзелей тайкомъ отъ старика,—и молодая дѣвушка узнавала черезъ него домашнія новости.

Однажды самъ старикъ неожиданно явился въ мастерскую къ теткѣ. Онъ сослался на нужныя покупки, но въ дѣйствительности пріѣхалъ посмотреть Люнъ, котораго совсѣмъ не зналъ и который ему хотѣлось видѣть ужъ болѣе сорока пяти лѣтъ.

Крестьянинъ живетъ очень умѣренно, работаетъ не тогда, когда ему угодно, и не считаетъ своихъ трудовъ. Чтобы воспользоваться благоприятной погодой, ему надо трудиться, пока хватаетъ силъ. Поэтому идеаль счастья для этого раба внѣшнихъ условій заключается въ обильной ѣдѣ и питѣ при полной праздности. Но этотъ идеаль, привлекая, пугаетъ его; онъ думаетъ о немъ съ какимъ-то инстинктивнымъ ужасомъ. Онъ хорошо чувствуетъ, что если чересчуръ увлечется имъ, то

утратить свою неутомимость, начнет считать несносною свою полную лишений жизнь, словомъ — погибнуть. Онъ гонитъ отъ себя эту грезу и все, что слишкомъ живо о ней напоминаетъ, внушаетъ ему такое же отвращеніе, какъ путь, ведущій въ пропасть.

Ліонъ чрезвычайно смутилъ стараго Мюзеля. Роскошь нарядовъ, шумъ толпы, праздность посѣтителей ресторановъ, блескъ витринъ, яркость вечерняго освѣщенія ошеломили его, какъ нѣчто чудовищное. Онъ былъ оглушенъ, ослѣпленъ и оскорбленъ. Смутная зависть, неопредѣленное недовольство овладѣли его сердцемъ при видѣ этого города, казавшагося осуществленіемъ его крестьянской мечты.

Вѣжливость горожанъ заставляла его страдать. Она уязвляла его самолюбіе землевладѣльца, помѣшаннаго на равенствѣ, ибо онъ оказывался ниже ихъ по крайней мѣрѣ по благосостоятельности. Простая шутка внучки оскорбила его уже затронутое тщеславіе.

Онъ пріѣхалъ въ калошахъ.

— Дѣдушка, — сказала она ему не безъ лукавства, — развѣ въ Каландрѣ уже не пьютъ башмаковъ?

Онъ выпрямился, точно палка, и въ эту минуту пятьсотъ килограммовъ, положенные ему на спину, не заставили бы его согнуться. Если бы маленькій выюночекъ помнилъ, какъ настроеніе дѣда отражалось на цвѣтѣ его носа, то понялъ бы, что предстоитъ неизбежная буря.

— Если въ Ліонѣ не принимаютъ меня, каковъ я есть, то пусть скажутъ прямо, — возразилъ онъ.

Онъ уѣхалъ оскорбленный въ своей гордости и вполне утвердившись въ мнѣніи о Ліонѣ, какъ о мѣстѣ гибели: для восхваленія собственного образа жизни ему необходимо было презирать и ненавидѣть видѣнное.

Теперь, возвращаясь съ возчикомъ въ Каландрѣ, молодая дѣвушка не безъ опасенія припоминала, что дѣдъ какъ будто распространилъ и на нее чувство непреодолимой антипатіи, внушенное ему городомъ. Тогда она не обратила на это особаго вниманія, полагая, что всегда будетъ жить въ Ліонѣ, вдали отъ старика; а вотъ въ восемнадцатилѣтнемъ возрастѣ ей приходится возвращаться въ деревню. Для такой полной перемены въ ея судьбѣ понадобилась, однако, настоящая катастрофа. Ея братъ, черевъ-чуръ гордившійся силою, надорвался, пытаясь сразу поднять возъ дровъ, полуопрокинутый на откосъ выбитой дороги. Онъ выплюнулъ немного крови, вернулся весь блѣдный, легъ въ постель и больше не вставалъ. По выраженію Беззаботнаго, который, будучи мастеромъ на всѣ руки, умѣлъ чинить и часы, онъ умеръ такъ, какъ будто въ немъ попортилось колесо, безъ котораго остальные

не могли дѣйствовать. Ударъ былъ ужасенъ для старика Мюзеля: его домъ былъ, такъ сказать, обезглавленъ, лишенъ наследника мужскаго пола. Старикъ имѣлъ обыкновеніе ѣсть свою вечернюю похлебку у высокаго кухоннаго тагана; внукъ, съ тарелкою въ рукѣ, садился противъ него; его собака Москва помѣщалась у него между ногъ и оттуда, точно изъ укрѣпленія, защита котораго была ей поручена, отвѣчала на поддразниванія молодого человѣка осканиваніемъ зубовъ, лаемъ и вспышками злобы, каждый вечеръ веселившими старика. Послѣ несчастія, таганъ опротивѣлъ старому Мюзелю. Онъ бралъ похлебку и уходилъ ѣсть ее къ сосѣдямъ, чаще всего къ своей дочери Гурродихъ, гдѣ видѣлся съ другимъ своимъ внукомъ, Дюзономъ, котораго началъ любить гораздо болѣе, чѣмъ прежде.

Скорбь Антона была не менѣе глубока. Онъ былъ человѣкъ чрезвычайно робкій. Повелительный нравъ отца сломилъ въ немъ всякую волю. Ему такъ часто говорилось: «Молчи, ты самъ не знаешь чего болтаешь», что даже начавши сѣдѣть, онъ все какъ будто боялся собственныхъ мыслей. Когда ему приходилось что нибудь высказать, онъ трясъ головой, точно слова его были усѣяны колючками и застревали у него въ горлѣ, не будучи въ состояніи выскочить; потомъ онъ начиналъ выбрасывать фразы, бормоча очень быстро, понижалъ внезапно голосъ съ видомъ испуга, и съ безпокойствомъ осматривался вокругъ, не нашли ли его черезъ чуръ смѣлымъ. Онъ ни съ кѣмъ не дѣлился своимъ горемъ; но, работая, иногда быстро проводилъ верхнюю стороною рукъ по глазамъ и утиралъ ею не одинъ только потъ.

Старикъ, по крайней мѣрѣ, находилъ другую семью у Гуро, Антонъ же оставался одинъ, и пустота въ домѣ давила его.

Въ своемъ одиночествѣ онъ вспомнилъ о ребенкѣ, который у него остался. Его любовь къ дочери, усиленная двѣнадцатилѣтнею разлукою, пробудилась и увеличилась всею тою привязанностью, какую онъ питалъ къ только что утраченному сыну. Вскорѣ его желаніе свидѣться съ нею, взять ее къ себѣ стало непреодолимымъ. Старикъ Мюзель никогда не высказывался относительно внучки; тѣмъ не менѣе инстинктъ, заставляющій угадывать чувства людей, съ которыми живешь, подсказывалъ Антону, что отецъ воспротивится его намѣренію. Необходимость придти къ самостоятельному рѣшенію дѣлала его очень несчастнымъ, а перспектива спора съ грознымъ старикомъ приводила его въ ужасъ.

Наконецъ, онъ придумалъ обойти затрудненіе, тайно попросивъ возчика привезти молодую дѣвушку. Разъ она будетъ уже дома, разъ дѣло будетъ сдѣлано, — легче будетъ объясниться

со старикомъ. Такого смѣлаго поступка никто не могъ ожидать отъ Антона.

Возчикъ проболтался; на селѣ стало извѣстно, что Мюзели берутъ къ себѣ дочь, и старикъ узналъ объ этомъ не изъ послѣднихъ. Онъ равнодушно спросилъ Антона.

— Ты берешь къ себѣ дочь?

Если всѣ отвѣты Антона раздирали ему горло, то ужъ этотъ больше всѣхъ. Онъ нѣсколько разъ открывалъ ротъ прежде чѣмъ выговорить хоть слово. Однако, немного успокоенный кажущимся безучастіемъ отца, онъ сказалъ:

— Съ вашего позволенія—да! Она у меня одна осталась. Будетъ у насъ за хозяйку.

— Ладно, Ладно!

Антонъ сдѣлалъ новое усиліе, чтобы вытолкнуть нѣсколько словъ, застрявшихъ у него во рту:

— Позвольте доложить, батюшка: развѣ я не хорошо сдѣлалъ?

— Хорошо сдѣлалъ? Хе—хе! Не знаю. На что намъ тутъ городская барышня, которая побоится испортить пальчики, когда надо будетъ поставить котелъ на огонь? Ты такъ хотѣлъ? Ладно. Теперь поздно у меня спрашиваться. Что сдѣлано, то сдѣлано. Пусть все идетъ своимъ чередомъ.

И вотъ теперь возчикъ, двѣнадцать лѣтъ назадъ уѣхавшій съ тщедушнымъ ребенкомъ, везъ въ Каландръ высокую и красивую дѣвушку. Добрякъ могъ бы по этому поводу высказать множество философскихъ сентенцій о томъ, какъ быстро идетъ время; но онъ только что свернулъ съ большой дороги и не успѣвалъ передохнуть среди ругательствъ, крика и ударовъ, которыми надѣлялъ свою четверку. Телѣжка, катясь по выбоинамъ, съ трудомъ взбираясь на откосы рвовъ, натываясь на камни, круто поворачивая направо или налево, чтобы избѣжать препятствій, напоминала лодку, плывущую среди утесовъ, а самъ онъ—лоцмана, не вполне увѣреннаго, что благополучно приведетъ судно въ пристань.

Молодая дѣвушка совершала эту послѣднюю часть путешествія пѣшкомъ; немножко утомившись, она шла поодаль. Сборщики винограда оборачивались и смотрѣли на нее, но не узнавали.

— Это—дочь Мюзеля?

— Не знаю; развѣ она такая большая?

Антонъ вышелъ встрѣчать ее. Не видя ея около возчика, онъ, было, встревожился.

— Развѣ она не пріѣхала? Не захотѣла ѣхать?

— О, нѣтъ! Сейчасъ идетъ.

Она приближалась, безсознательно восхищаясь пышностью осени, вдыхая всею грудью благоухающій виноградомъ воздухъ,

радуясь хорошей погодѣ, какъ улыбка, которую посылала ей природа, и чувствуя ускоренное бѣненіе сердца по мѣрѣ приближенія къ селу.

Антонъ спрятался въ кусты, чтобы поразить ее неожиданностью.

— Терметта!—крикнулъ онъ, когда она поровнялась съ нимъ.

— Ахъ, отецъ! Ахъ, отецъ!..—сказала она, задыхаясь отъ внезапнаго волненія.

Они бросились другъ другу на шею, поцѣловались и стали смотрѣть другъ на друга, удивляясь: онъ—что видитъ ее такою высокою, полною, свѣжею, хорошенькою, она—что заста-етъ его такимъ чернымъ и старымъ. Затѣмъ они поцѣловались еще разъ, плача отъ радости.

— Пойдемъ, пойдемъ,—сказалъ бѣдный Антонъ, чрезвычайно волнуясь,—пойдемъ скорѣе домой!

III.

Беззаботный ушелъ ужъ далеко на своей деревяшкѣ, а бочка была бы давно полна, если бы Мюзель и Діозонъ того хотѣли, когда отецъ и дочь замелькали за изгородью, шедшей вдоль ручья передъ ихъ домомъ.

— На этотъ разъ, вотъ они,—сухо сказалъ Діозонъ.

— Ладно,—сказалъ старикъ:—дай мнѣ черпакъ. Теперь пойдетъ потѣха!

Антонъ съ дочерью переправились черезъ ручей.

Напрасно не взглянулъ на нее старикъ; тогда исчезло бы его предубѣжденіе! Послѣ трехъ дней пути она была такъ чиста, точно только что вышла изъ за зеркала. Ея ситцевое платье не помялось и изъ подъ чепчика не выбилось ни одной прядки аккуратно приглаженныхъ волосъ. Напрасно онъ на нее не взглянулъ! Повилика, обвивающая садовый плетень, была не свѣжѣ ея бѣлой кожи, а въ глазахъ свѣтился такой живой умъ, что казалось, будто отражавшаяся въ нихъ душа старше личика, которое они оживляли. Ротъ, углы котораго, немного опускаясь, оканчивались двумя меланхолическими ямочками, выражалъ трогательное чистосердечіе. Все лицо имѣло округлость невинности, чуждой заботъ, еще не обострившихъ ни одной его черты. Какой отецъ не сталъ бы гордиться такою ловкостью и миловидностью своего дитяти?

Но старикъ не посмотрѣлъ на нее. Онъ съ необыкновеннымъ вниманіемъ наливалъ бочку.

— Вонъ дѣдушка; поцѣлуй его,—сказалъ Антонъ. Она бросилась къ нему доврчивымъ движеніемъ ребенка, ожидающаго, что ему раскроютъ объятія.

— Здравствуйте, дѣдушка!

Дѣдъ погрузилъ свой черпакъ въ ручей, вытащилъ и вылилъ въ бочку, затѣмъ снова погрузилъ въ ручей и вылилъ, точно ничего не видѣлъ и не слышалъ.

Когда вода лилась въ воронку, онъ смотрѣлъ, какъ она серебрится на солнцѣ, и сжималъ губы съ видомъ человѣка, котораго это зрѣлище интересуетъ чрезвычайно.

— Дѣдушка! — сказала дѣвушка еще нѣжнѣе.

Старикъ продолжалъ ходить съ черпакомъ отъ ручья къ бочкѣ, отъ бочки къ ручью.

Теперь онъ занялся соровой, кричавшей на тополѣ. Право, сядь передъ нимъ на вѣтку бѣлый дроздъ, онъ сталъ бы разсматривать его не съ большимъ любопытствомъ. Лицо его было совершенно невозмутимо, кромѣ ноздрей, которыя странно раздувались, точно вслѣдствіе сильнѣйшаго внутренняго удовольствія. Но чѣмъ могла сорока такъ необыкновенно обрадовать старика?

Діовонъ исподтишка хихикалъ, въ безопасномъ мѣстѣ, за бочкой, вытаращивъ глаза, чтобы лучше видѣть, и засунувъ руки въ карманы для пушей важности.

Терметта взглянула на отца, недоумѣвая, что значить это необыкновенное молчаніе. Антонъ съ отчаяніемъ покачалъ головой, ужасаясь того, что предвидѣлъ, трепеща отъ того, что ему хотѣлось сказать старику.

— Батюшка, — сказалъ онъ наконецъ, когда слова стали сходять съ его языка, — съ вашего позволенія, батюшка, не во гнѣвъ вамъ будь сказано, это — моя дочь. Развѣ вы ее не узнали?

Сорока улетѣла. Старикъ очень спокойно повернулся къ внучкѣ и сказалъ тѣмъ тономъ, какимъ говорятъ съ людьми, которыхъ видать каждый день.

— А, это ты, Терметта! Ладно! Ладно!

— Что же, — спросила она съ пріятной улыбкой, — вы не поцѣлуете меня?

— Да борода у меня ужъ больно жестка для городской дѣвицы. Ничего: поцѣлуемся въ воскресенье, когда я побрѣюсь.

При этой выходкѣ Діовонъ сыгралъ свою роль. Онъ разразился смѣхомъ и въ страшныхъ конвульсіяхъ исчезъ за бочкой.

Тутъ дѣвушка, наконецъ, поняла, что въ пріемѣ старика было заранѣе обдуманное злобное намѣреніе. Это ее совершенно уничтожило. Отецъ подхватилъ ее на руки почти безъ чувствъ.

Старый Мюзель одеревянѣлъ въ позѣ торжества. Онъ посмотрѣлъ сыну прямо въ глаза съ радостью дикаря, чувствующаго сердце врага подъ своимъ ножомъ.

— Какая она у тебя нѣжная барышня, — сказалъ онъ. — Не знаю, что ты будешь съ нею дѣлать.

Антонъ, страшно поблѣднѣвъ, сѣлся отвѣтить, но сколько ни трясъ головой, слова, на этотъ разъ, не лѣзли изъ горла. Гнѣвъ его обрушился на Діозона.

— Змѣенышъ! Что-жъ не идешь здороваться съ сестрой? не въ обиду твоей матери будь сказано, если ты осмѣлишься невѣжничать, я переломаю тебѣ кости.

Старикъ бросилъ на Діозона взглядъ, ясно говорившій: Не уступай, если ты мужчина.

Діозонъ не былъ мужчиной, по крайней мѣрѣ. Онъ въ данномъ случаѣ не доказалъ этого. Засунувши палецъ въ носъ, онъ другою рукою сталъ чесать себѣ голову, а глазами искать куда спрятаться. Но вблизи не нашлось убѣжища, и онъ подошелъ съ непринужденностью и граціей собаки, которую съкутъ. Терметта, которой слезы застилали глаза, поцѣловала его, едва понимая, что дѣлаетъ.

— Не плачь,—произнесъ, заикаясь, отецъ ея, не менѣе смущенный, уводя ее за собою.

— Что я ему сдѣлала?—спросила Терметта.—А я была такъ рада увидѣть васъ!

— Старикъ и есть старикъ, если позволительно такъ сказать. Онъ не безъ странностей. Но это ничего. Ты увидишь, что ничего.

Когда они вошли въ домъ и никто не могъ ихъ видѣть, онъ поцѣловалъ ее со всею нѣжностью, на какую былъ способенъ.

— Жесткій старикъ, не правда-ли? Мы, видишь, всѣ такіе: снаружи корявы, ласкаться не умѣемъ; а все таки любимъ другъ друга. Пожалуйста, Терметта, для перваго дня пріѣзда ужъ не огорчай меня. Не плачь! Не плачь!

IV.

Съ лица Терметты исчезло выраженіе наивной довѣрчивости, придававшее ей столько нѣжной прелести. Съ неопредѣленнымъ страхомъ осматривала она домъ, куда вошла.

Тотъ-ли это домъ, о которомъ у нея сохранилось воспоминаніе? Онъ былъ тотъ и не тотъ.

Тотъ же просторный дворъ, усаженный тутовыми деревьями и заваленный обросшими крапивой кучами пестаника и бревнами, гнившими подъ узорами желтыхъ грибовъ; тотъ же садъ съ плетнемъ, исчезавшимъ подъ терновникомъ и повиликой, и грядками, густо заросшими сорною травою; то-же одноэтажное зданіе, надъ крышею котораго склонялся толстый орѣшникъ;

рига, изъ всѣхъ отверстій которой торчала солома; пристройка, гдѣ сушились бобы; конюшни, покрытыя соломой, поросшей зеленымъ мхомъ; полуотворенный погребъ, гдѣ изъ полумрака торжественно выступали громадна округлости чановъ; колодезь съ островерхой крышей и краями, зазубренными и покраснѣвшими отъ тренія ржавой цѣпи...

По прежнему куры клевали навозъ, плохо огороженный связками чертополоха, а свинья хрюкала въ своемъ свинятникѣ изъ полусгнившихъ досокъ. Да, все было то же. Вдругъ свинья, какъ бы любопытствуя узнать, что происходитъ особеннаго, распахнула свою дверь и вылетѣла во дворъ, точно ядро изъ пушки. Она радостно хрюкала, виляла хвостомъ, поворачивалась во всѣ стороны и наконецъ съ размаху ткнулась въ навозъ. Куры разбѣжались съ негодующимъ крикомъ, а пѣтухъ прикрылъ ихъ отступленіе, съ величественнымъ гнѣвомъ обернувшись къ врагу и пытаясь сохранить достоинство въ бѣгствѣ. Эта картина была нѣкогда такъ знакома Терметтѣ, что ей показалось, будто съ того времени, какъ она видѣла ее въ послѣдній разъ, прошло не болѣе сутокъ.

А между тѣмъ домъ былъ и совсѣмъ не тотъ. Она не помнила въ немъ этой заброшенности, неряшливаго вида—слѣдствія беззаботности обитателей и безпрепятственнаго распространія растительности,—этихъ пятенъ плѣсени, разрушающей покинутыя стѣны, этого печальнаго вида развалины. Старость подкралась къ усадьбѣ, и никто не позаботился изгладить ея отпечатка; можетъ быть даже никто изъ обитателей не замѣчалъ его.

— Намъ лучшаго и не надо,—говорилъ старикъ.

Терметта узнала большую комнату, служившую одновременно кухней, столовою и мастерскою для зимнихъ работъ; комнату налѣво, называвшуюся кладовой,—складъ старой утвари и сваленныхъ въ кучи овощей,—откуда несся сильный запахъ затхлости и прѣлага картофеля; комнату направо, предназначенную для обѣдовъ въ высокоторжественные дни, а теперь занятую корзинами недавно нарванныхъ яблокъ, кадкою, гдѣ лежали въ разсолѣ остатки заколотой къ Рождеству свиньи, и тремя грохотами изъ ливы. Она прекрасно узнала каминъ, широкій, какъ дорога, куда могла-бы войти пара быковъ, съ выступомъ, похожимъ на навѣсъ, подъ которымъ собирались по вечерамъ,—столъ, квашню подъ нимъ, и высокій шкафъ съ закругленными краями, откуда виднѣлись, когда его отворяли, наваленные кое-какъ припасы и бѣлье.

Но ей показалась совершенною новостью та грязь, которая налипла на вещахъ, то неряшество, которое позволяло паутигъ покрывать потолокъ, а пыли—мирно покоиться въ углахъ, всѣ эти явные признаки суровости людей, скупыхъ на

время и расходы, проводящихъ жизнь безъ досуга, безъ удобствъ.

Усадьба ли Мюзелей перемѣнилась, или сама Терметта? Она сравнивала окружающее со скромной обстановкой, которую только что покинула: она и тетка проводили въ мастерской все свое время; поэтому онѣ украшали ее, чтобы въ ней приятно было находиться. Домъ же Мюзелей былъ просто логовомъ: отъ него требовалась единственно защита отъ непогоды. Грубость его убранства говорила о тяжеломъ существованіи крестьянина. Земля вѣчно зоветъ земледѣльца; вѣчно онъ надрывается въ полѣ; а когда вернется домой, то время ли ему заниматься своимъ жилищемъ?

Да и на что? Только бы отдохнуть!

Если въ главной комнатѣ, такъ же, какъ и въ двухъ остальныхъ, было по одному окошку, такъ это затѣмъ, чтобы платить какъ можно меньше налоговъ. Если окна эти были малы, такъ это потому, что при постройкѣ жалѣли облицовочный камень. Участокъ, принадлежавшій къ усадьбѣ, составилъ не самъ собой: всѣ заработанныя деньги копились ради него, ради его увеличенія, округленія. Добрый мужикъ думаетъ лишь о землѣ, а о себѣ и не вспоминаетъ. Сдѣлать домъ удобнѣе для жизни—какое безуміе! Вѣдь отъ этого въ барышахъ будетъ только казна.

Итакъ, окно было невелико, а старая соломенная шляпа, затыкавшая отверстіе одного выбитаго стекла,—и полоски бумаги, которыми подклеены были другія, надтреснутыя стекла, дѣлали его еще меньше.

Странствующему стекольщику были хорошо извѣстны эти стекла, которыя слѣдовало замѣнить новыми. Каждый разъ, какъ онъ проходилъ по селу, онъ останавливался передъ дворомъ Мюзелей и всю грудью выкрикивалъ такъ громко, что хозяева могли бы обратить вниманіе:

— Стекла вставлять! Стекла вставлять!

— Ладно, ладно!—ворчалъ старикъ.—Слышимъ, да авось и такъ продержится. Еще погодимъ.

И полуслѣзное окошечко продолжало походить на отдушину. Оно не пропускало достаточно свѣта, чтобы разсвѣтъ мракъ въ углахъ.

Штукатуровъ домъ не видалъ съ тѣхъ поръ, какъ былъ построенъ; а такъ какъ объ этомъ времени самъ старый Мюзель имѣлъ очень смутное представленіе, то не будетъ особою смѣлостью предположить, что это было очень давно. Дымъ ежедневно накладывалъ новый слой копоти на все; но это съ точки зрѣнія окраски являлось совершенно бесполезнымъ, такъ какъ не было физической возможности сдѣлать полъ еще чернѣе.

Стѣны, протертые до камня, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ какъ будто показывали свои внутренности. Большія, едва отесанные плиты, устлавшія полъ, полопались, и нѣсколько выпавшихъ кусковъ оставили по себѣ дыры, гдѣ удобно помѣщалась собака «Москва». Чтобы исправить все это, нужны были деньги и время, а время и деньги шли на землю.

Домъ Мюселей былъ только логовомъ, или даже, если судить по внѣшности, главнымъ образомъ складомъ орудій; они были повсюду, заполняли все, висѣли по стѣнамъ, валялись по стульямъ, свѣшивались съ балокъ, торчали въ щеляхъ, лежали на плитахъ, тряслись и звенѣли своими остріями или почернѣвшими отъ огня днищами, угрожая жителямъ дома, пытавшимся воспользоваться тѣмъ малымъ количествомъ мѣста, которое не было занято ими.

Незнакомымъ показался Терметтъ и этотъ безпорядокъ, это сваливанье всего въ одну кучу, свойственное дикарю, который спитъ со своими охотничьими и рыболовными снарядами и съѣстными припасами. Съ потолочныхъ балокъ, черныхъ, какъ черное дерево, свѣшивались початки кукурузы, отливавшіе темнымъ золотомъ, четки изъ стручковъ фасоли, звенѣвшихъ, какъ бубенцы, когда ихъ толкали, колбасы, совершенно бѣлыя отъ выступившей наружу соли. На прикрѣпленныхъ къ этимъ балкамъ шестахъ—хлѣбъ послѣдняго печенья и плетеная рѣшетка, на которой сохли сыры. Въ одномъ углу помѣщались метла изъ букса и дождевой зонтъ, крытый бумажною тканью,—предметъ, замѣчательный и по древности, и по размѣрамъ; въ другомъ—куча лопатъ, топоровъ, кирокъ и мотыгъ; въ третьемъ—кривыя вилы и коллекція запасныхъ рукоятокъ; за дверью—ножи простые и виноградные, серпы, засунутые за рейку. По стѣнамъ висѣли на вбитыхъ между камнями колышкахъ соломенные шляпы, блузы, безменъ, заштопанное сито, плетушки, доска для рубки мяса, крышка изъ толя для блюда. На карнизѣ камина—удивительная смѣсь предметовъ: утюги, поставленные на ребро; брусья мыла, прорвавшіе свою бумажную обертку; спички въ пачкахъ; двѣ книги, вѣроятно молитвенники, покой которыхъ не нарушался цѣлые годы, если судить по покрывавшей ихъ пыли; пустыя картонныя коробки, сохраняемыя въ силу сорочьяго мужицкаго инстинкта, побуждающаго не бросать ничего, такъ какъ все можетъ когда-нибудь пригодиться кто знаетъ на чтó; связки сушеныхъ цвѣтовъ для лекарственнаго чая; яблоки, подобранные подъ деревьями, откуда ихъ сбило вѣтромъ, и множество другихъ вещей, о полезности которыхъ трудно было съ перваго взгляда составить себѣ понятіе. На очажномъ колпакѣ—старое ружье, къ которому приближались съ осторожностью, потому что не осталось въ живыхъ уже никого, кто зналъ бы его привычки,

и боялись, какъ бы оно не выстрѣлило само собою. Подъ колакомъ—сковорода, увѣчанная соломенной шляпой, ручка отъ сковороды, мѣхи, страдавшіе неизлѣчимою одышкой, лампочка, прищипленная между двухъ камней, таганы для жаренья на угольяхъ, деревянная разливная ложка съ истертыми краями,—и все это черное, неприбранное, покрытое той мелкой пылью, которая летитъ отъ золы очага и отъ земли, приносимой извнѣ на подошвахъ калошъ.

Одни большіе часы имѣли сколько-нибудь роскошный видъ среди этого нищенскаго скарба. Ихъ раскрашенный фаянсовый циферблатъ торжественно возвышался надъ ихъ полированнымъ орѣховымъ футляромъ. Черезъ маленькое отверстіе на ихъ животѣ, похожее на нупъ, виденъ былъ мѣдный маятникъ, медленно качавшійся взадъ и впередъ и важно постукивавшій внутри.

Смутная тревога, неясная для нея самой, овладѣла Терметтой во время этого осмотра. Здѣсь ей предстояло жить. Она предвидѣла, какъ мало подойдутъ ея привычки чистоплотности и вѣжливости къ этой грубой средѣ. Она предчувствовала, что не только старикъ, но и вещи отнесутся къ ней враждебно.

А впрочемъ, домъ Мюзелей былъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ въ Каландрѣ.

Сборщики вернулись изъ виноградниковъ съ послѣдней телѣгой. Звукъ ихъ голосовъ вызвали молодую дѣвушку на порогъ. Когда она появилась, всѣ умолкли и посмотрѣли на нее съ любопытствомъ. Ихъ было шестеро: Гурродиха, работница Франсуаза и четверо парней: Маркъ Фошуреръ, Жакъ Кенсонъ, по прозванію Балтазаръ и два его двоюродныхъ брата, которыхъ звали Кенсонъ-Кенсонами въ отличіе отъ Кенсоновъ-Балтазаровъ.

Франсуаза первая заговорила съ Терметтой:

— Господи, барышня, какъ это возможно! Какая вы большая да полная! Не знай я, что вы сегодня пріѣдете, я бы васъ и не узнала. Пятьсотъ тысячъ чертей! И впрямь это вы!

Старая работница крѣпко ее поцѣловала.

Затѣмъ пришла очередь Гурродихи, которая вглядывалась въ племянницу со страннымъ вниманіемъ.

— Я тоже поцѣлую васъ,—сказала Балтазаръ:—мы—двоюродные.

— А я то?—воскликнулъ Маркъ.—Мы тоже двоюродные.

— Ну, это ужъ неправда!—возразила Франсуаза.

— Да? Какъ же вы знаете всѣ поговорки, а этой не знаете: «Адамъ всеобщій нашъ отецъ, поэтому развѣ всѣ мы—не братья и сестры?»

Это былъ какой-то колоѣсъ и по росту и по ширинѣ

плечь. Отъ него такъ вѣяло силой и здоровьемъ, что пріятно было на него смотрѣть. Его широкополая соломенная шляпа сидѣла на бокренѣ. Въ лицѣ прежде всего поражало выраженіе веселой и ясной искренности. У него были крупныя черты, яркій цвѣтъ лица и яркія губы человѣка, ничуть не расположеннаго къ отшельнической жизни, или къ питью одной воды, кромѣ того — тонкіе черные усы, бычачья шея, свободно поворачивавшаяся въ разстегнутомъ воротѣ рубахи, и такія плечи и руки, отъ вида которыхъ задрожалъ бы богатырь въ случаѣ гнѣва ихъ обладателя, чего, однако, еще не бывало на памяти односельчанъ.

Терметта достигала ему какъ разъ до плеча. Онъ осторожно наклонился и съ удовольствіемъ поцѣловалъ ее въ обѣ щеки.

— Ахъ! Вы совершенно, какъ Гилья, — сказала Франсуаза.

— А кто-же это Гилья?

— Священникъ бранилъ ее, что она ѣстъ скоромное въ пятницу безъ разрѣшенія. «Кто же мнѣ дастъ разрѣшеніе?» спросила она. А онъ отвѣтилъ: «Я». — «А сами то вы откуда его возьмете?» Священникъ не зналъ, что сказать, и она попрежнему стала обходиться безъ разрѣшенія.

Всѣ засмѣялись, и Кенсонъ-Кенсоны приняли участіе во всеобщемъ веселіи, но не посмѣли поцѣловать, по примѣру прочихъ, такую красивую дѣвицу. Они держались въ сторонѣ, какъ люди, привыкшіе, чтобы на нихъ не обращали вниманія.

— Дайте закусить этимъ людямъ, — приказалъ старикъ, который вошелъ вмѣстѣ съ Дюзономъ.

На столѣ курица оставила слѣдъ своего пребыванія. Франсуаза смахнула это воспоминаніе рукою.

— Чистоплотность не воспрещается, — сказала она, улыбаясь Терметтѣ, которую передернуло.

— Къ счастью, это — не та рука, которою вы будете крошить хлѣбъ въ похлебку, — смѣясь, замѣтилъ Маркъ, понявшій невольное движеніе молодой дѣвушки.

Работница вынула изъ шкапа початой хлѣбъ, кусокъ холодной свинины и большое блюдо картофеля; а затѣмъ принесла въ корзинкѣ прекраснаго винограда, который поставила передъ Терметтой.

— Я нарочно сберегла его для васъ. Такого не достанешь въ Ліонѣ, правда?

— Развѣ ліонскій виноградъ растетъ не на лозахъ? — спросилъ насмѣшливо старикъ.

— Я очень вамъ благодарна, — сказала Терметта. — Не знаю, можетъ быть мнѣ только такъ казалось, но каждый разъ, какъ я ѣла виноградъ въ Ліонѣ, мнѣ думалось, что нашъ гораздо лучше.

Присутствующіе размѣстились на скамьяхъ по обѣ стороны стола, и Франсуаза положила передъ каждымъ изъ нихъ по вилкѣ. Тарелокъ не было. Мужчины вынули ножи изъ кармановъ.

Замѣтно было, что несложность этихъ приготовленій удивляла молодую дѣвушку.

— Вы, можетъ быть, уже разучились ѣсть съ общаго блюда?—спросила Франсуаза.

— Навѣрное такъ,—сказала Гурродиха вкрадчивымъ голосомъ:—Терметта привыкла по городскому.

— Недурно!—сказалъ старикъ и плюнулъ, чтобы лучше выразить свои чувства.

— Постойте, я вамъ дамъ тарелку!

— Зачѣмъ это?—проворчалъ Мюзель.

Франсуаза, которой двадцатилѣтняя служба Мюзелямъ дала нѣкоторое право высказываться, была чуть не единственныимъ въ мірѣ существомъ, смѣвшимъ не повиноваться старику. Когда онъ сердился, она сердилась еще болѣе, и часто послѣднее слово оставалось за ней. Это было для нея вопросомъ самолюбія: она скорѣе отказалась бы отъ жалованья, чѣмъ отъ удовольствія ругаться съ нимъ и кричать громче его. И на этотъ разъ она тотчасъ вспыхнула.

— Пятсотъ тысячъ чертей! Затѣмъ, чтобы васъ позлить!—возразила она.—Въ самомъ дѣлѣ, надо скалить зубы на дѣвочку, съ которою не видались двѣнадцать лѣтъ и у которой каждый пальчикъ милѣе, чѣмъ вы весь съ головы до ногъ! Право, подумаешь, что вы бережете вашу ласку, какъ трактирщица въ Сэзерѣ свое вино.

— Это еще что за гусь?

— Во-первыхъ, это была баба, а не гусь, такъ и знайте! Когда императоръ ѣздилъ въ Италію, онъ обѣдалъ у нея. И говорить ей: «У васъ хорошее вино!»—«Охъ, у насъ есть еще получше!»—отвѣтила эта дура. «Что жъ!»—сказалъ императоръ. «приберегите его для лучшаго случая». Такъ и вы ждете лучшаго случая, чтобы быть ласковымъ.

— Трактирщица имѣла право располагать своимъ виномъ, какъ и я—моими ласками.

Фошуреръ вмѣшался тономъ упрека.

— Что вы, на чорта что ли набрали сегодня? Просто не поймешь. Или это шутка?

Старикъ выпрямился и злобно оглянулся вокругъ.

— Въ моемъ домѣ мнѣ и чортъ не братъ. Кому не правится, могутъ убираться.

— Ладно, будемъ знать!—сказалъ Маркъ невозмутимо.

Всѣ наблюдали за вновь прибывшей, которая, обрадовавшись радушной встрѣчѣ сборщиковъ винограда, теперь по-

блѣднѣла, такъ какъ опять замѣтила разсчитанную злобу дѣда. Братъ Кенсонъ-Кенсоны глядѣли на нее съ такимъ смѣшнымъ оттѣнкомъ изумленія, какъ будто недоумѣвали, можетъ ли эта блѣдная дѣвушка принадлежать къ той же породѣ, что и загорѣлыя обитательницы села. Антонъ и Франсуаза ласково любовались ею; старикъ смотрѣлъ на нее съ дьявольской улыбкой, благодаря которой его сжатый ротъ сталъ похожимъ на разрѣзъ, сдѣланный бритвой; Гурродиха—съ чрезвычайнымъ любопытствомъ, плохо прикрытымъ выраженіемъ лести-вости.

Маркъ взялъ хлѣбъ и вступилъ съ нимъ въ битву, въ которой вся его исполинская сила оказалась нелишней. Хлѣбъ со скрипомъ сопротивлялся ножу.

— Точно кирпичъ рѣжешь. Давно ли вы пекли?

— Не знаю,—отвѣтилъ Антонъ.—Вчера, кажется, минуло три недѣли.

— Не удивительно! Въ жизнь мою не рѣзалъ такого дерева.

Терметта глядѣла на ломоть, который онъ подалъ ей. Онъ былъ грязно-сѣраго цвѣта и состоялъ изъ смѣси непросѣянной муки: овсяной, ржаной и изъ вики; въ немъ попадались не только отруби, но даже небольшія соломенки.

Маркъ снова засмѣялся и, продолжая роль хозяина, сказалъ:

— Этотъ хлѣбъ очень удобенъ. Не нужно ходить за зубочистками: въ немъ онѣ есть.

— О, еслибы мы захотѣли,—замѣтилъ Балтазаръ,—то могли бы печь бѣлый хлѣбъ не хуже другихъ. Муки то, слава Богу, хватить.

— Но никогда не будетъ такого, какъ въ городѣ,—жалобно произнесла тетка Гурродиха.—Мы, деревенскіе, всегда останемся бѣдняками.

При этихъ словахъ она, какъ будто, до того погрузилась въ сознаніе этой бѣдности, что впала въ глубокое уныніе.

— Можетъ быть,—сказалъ старикъ, котораго особенно раздражали эти намеки на городъ,—можетъ быть! Все наше добро не проходить намъ въ горло, это правда; но за то мы никому ничего не должны, а когда умремъ, то будетъ на что насъ похоронить.

— А развѣ городскихъ хоронятъ изъ милости? — лукаво спросилъ Маркъ.

— Охъ, ты! Тебя ужъ знаемъ! Ты самъ не лучше ихъ! Но я знаю, что я говорю; я ихъ видалъ. Когда я тамъ былъ, я хотѣлъ встать въ четыре часа, какъ у насъ; а мнѣ сказали: «Зачѣмъ? Никто не встаетъ такъ рано!»—Еще бы! Въ шесть часовъ я вышелъ на улицу, такъ никого еще не было. Да,

умѣютъ проклажаться. Если захочешь солгать, такъ надо сказать, что они рано встаютъ. А когда приходило время завтракать, вотъ они начинали шевелиться! Тутъ и бѣлый хлѣбъ, тутъ и говядина, тутъ и кофе, тутъ и сахаръ; чего только не было! У меня сердце надрывалось, сколько денегъ они себѣ пихали въ брюхо. А потомъ пойдутъ гулять: ходятъ взадъ и впередъ, шатаются передъ лавками. Я спросилъ: «Значить, они не работаютъ?» Мнѣ сказали: «Нѣтъ, какъ же! Они идутъ по дѣламъ». По дѣламъ! По какимъ дѣламъ? Развѣ я повѣрю, чтобы въ праздничныхъ платьяхъ ходили работать! Всегда нарядные. Просто въ дрожъ кидало! Руки въ карманахъ или тросточка въ рукѣ. Ахъ, дармоѣды! Мнѣ просто стыдно было. А вечеромъ надо было посмотрѣть, какъ они передъ ресторанами пили всякую дрянъ; даже вина никто не спрашивалъ: это слишкомъ просто. А деньги бросали, какъ щепки. Ну, смерть моя! Если такъ устроится что-нибудь хорошее въ тѣхъ мѣстахъ, такъ и толковать нечего; только вы можете сказать, что я дуракъ.

Говоря такимъ образомъ, онъ бросалъ на Терметту грозные взоры, какъ будто обвиняя ее во всѣхъ преступленіяхъ городскихъ жителей. Она не знала, какъ ей быть. Крупныя слезы выступили ей на глаза. Ей совсѣмъ не хотѣлось ѣсть, и только чтобы не навлечь на себя новыхъ насмѣшекъ старика, она дѣлала видъ, будто пробуетъ картофель.

— Но, дѣдушка,—пролепетала она,—когда вы были у насъ, вѣдь вы видѣли, что мы работаемъ, насколько въ силахъ. Да развѣ и возможно иначе рабочимъ людямъ?

Маркъ считъ своевременнымъ вмѣшаться, чтобы немножко развеселить компанію.

— Мы еще вамъ не показали самого любезнаго члена семейства,—сказалъ онъ молодой дѣвушкѣ.—Сюда, Москва! Покажи барышнѣ свою любезность!

Изъ-подъ стола вылѣзла черная собака, съ головой въ шрамахъ, рваными ушами и глазами, налитыми кровью. Когда Терметта протянула руку, чтобы ее погладить, она попыталась съ ворчаніемъ и показала бѣлые клыки.

— Убирайся, поганое животное! — воскликнулъ Маркъ и свернулъ ей морду на сторону сильнымъ ударомъ кулака, заставившимъ ее скрыться подъ столъ, гдѣ она жалобно завывала.

— Видите,—прибавилъ онъ прежнимъ веселымъ тономъ,—это совершенный портретъ своего хозяина. Когда оскалитъ зубы, то ужъ не на шутку.

Вмѣсто того, чтобы вызвать неудовольствіе старика, эта выходка понравилась ему, какъ нѣчто лестное.

— Она доброй породы,—сказалъ онъ насмѣшливо.

— Здѣсь даже звѣри не рады мнѣ, — печально вздохнула Терметта.

— Не принимайте этого къ сердцу, барышня, — сказалъ молодой человѣкъ; — въ деревнѣ всегда такъ: сегодня дождь, а завтра солнце. Въ сущности, старикъ не такъ золъ, какъ старается показать. Попомните мое слово: все еще уладится.

— Господи Іисусе! да ничего и не разладилось, — самымъ примирительнымъ тономъ сказала Гурродиха, которая не пропускала ни одного слова изъ разговора.

Природа оказала теткѣ Гурродихѣ плохую услугу. Чѣмъ медоточивѣе былъ ея голосъ, тѣмъ менѣе хотѣлось ее слушать. У нея было маленькое, желтенькое личико, по жесткости выраженія не уступавшее лицу ея отца, стараго Мюзеля. Прежде-временно состарѣвшись, она была такъ же морщиниста, какъ и онъ. Только ея морщины вмѣсто того, чтобы находиться подъ подбородкомъ, всѣ сосредоточились вокругъ глазъ, которые были ими такъ окружены, покрыты, сжаты, что беспрестанно моргали, какъ бы защищаясь отъ ихъ напора, угрожавшаго совершенно закрыть ихъ. Это зрѣлище вовсе не являлось плѣнительнымъ, что, право, было жалко, такъ какъ Гурродиха была бы очень рада казаться лучшею изъ женщинъ.

Если присутствующіе разглядывали Терметту, то и Терметта, несмотря на печаль, также разглядывала ихъ, инстинктивно ища сочувствія и поддержки. Отецъ очень любилъ ее; въ этомъ не могло быть сомнѣнія; но чего отъ него ждать? Онъ сидѣлъ здѣсь, передъ нею, опустивъ свою большую голову, черную и сѣрую, какъ будто вываленную въ пыли и углѣ; онъ избѣгалъ взоровъ старика, онѣмѣвъ передъ нимъ, въ ужасѣ, въ уныніи, и такъ стыдась своей слабости, что потерялъ охоту ѣсть и бессмысленно смотрѣлъ на свой ножъ, который положилъ на столъ, не рѣшившись его раскрыть. Молодые люди не могли ей быть друзьями: она не знала ихъ и, въ своей наивной стыдливости, немного боялась парней. Братья Кенсоны имѣли видъ двухъ хорошихъ рабочихъ орудій. Не заставляя себя просить, они подѣли къ блюду и стали ѣсть съ такимъ же усердіемъ, съ какимъ копали землю, — молча, всецѣло отдаваясь этому дѣлу. Балтазаръ старался казаться изящнымъ и, чтобы посмѣяться надъ ними, принималъ фатоватыя позы. Маркъ представлялся ей человѣкомъ совсѣмъ иного сорта: умнымъ и веселымъ; только, — что могло быть общаго между нею и Маркомъ, простымъ сосѣдомъ, пришедшемъ помочь Мюзелямъ при сборѣ винограда? Франсуаза была славная старуха, несмотря на рѣзкія ухватки и на веснушки, непріятно пестрившія ея загорѣлую кожу; но Терметту, привыкшую къ тихой жизни у доброй тети въ Ліонѣ, отталкивала ея шумливость. Оставалась Гурродиха, которую

называли Біаной, сокращая ея имя: Бибіана. Она очень привѣтливо относилась къ племянницѣ; но зачѣмъ было такъ настойчиво хвалить городъ въ ущербъ деревнѣ? Развѣ она не видѣла, что этимъ раздражала старика противъ молодой дѣвушки?

Антонъ былъ пріятно удивленъ ласками сестры по отношенію къ дочери.

— Такъ ты рада, что Терметта воротилась?—спросилъ онъ.

— Вотъ вопросъ! Конечно, я очень рада. Кто же не сталъ бы гордиться такой племянницей, хорошенькой, бѣленькой, чистенькой? Она просто не изъ Мюзелей; у насъ въ семьѣ никогда не было такихъ барышень.

Эта фраза тоже вышла неловкою, потому что старикъ снова заворчалъ въ своемъ углу.

— Тѣмъ лучше,—отвѣтилъ Антонъ, утѣшенный, по крайней мѣрѣ, съ этой стороны.—Только мнѣ одному могутъ приходиться въ голову такія вещи. Прости меня, но мнѣ представилось, будто ты не любишь мою дочь.

Вечеромъ Терметта осталась, наконецъ, одна, такъ что могла отдохнуть отъ дневныхъ волненій и собраться съ мыслями.

Она очутилась въ комнатѣ, которую съ этихъ поръ ей предстояло называть своею,—комнатѣ пустой, печальной и такой холодной, какъ будто ея угрюмый видъ никогда не освѣщался ни однимъ веселымъ лучомъ. На стѣнахъ не было копоти, какъ внизу, потому что здѣсь никогда не разводилось огня; но время придавало имъ грязно-желтоватый оттѣнокъ. Съ потолка, какъ и въ главной комнатѣ, свѣшивались початки кукурузы. Въ углу лежала кучею рожь, еще неразсыпанная по мѣшкамъ.

Это была настоящая комната стараго дома Мюзелей.

Терметта видѣла въ ней что-то угрюмое и враждебное. Она казалась ей такою прочною, несмотря на старость, и вся ея грубая внѣшность какъ будто говорила: «Не думаешь-ли ты остаться такою же изящною, какъ сейчасъ? Мы передѣлаемъ тебя на свой ладъ. Ты станешь такою же неотесанною, какъ и мы».

За три дня передъ тѣмъ она еще была у своей доброй тетки. Теперь ей воображалось, что уже цѣлыя годы прошли съ тѣхъ поръ, какъ она покинула свою милую ліонскую жизнь. Какимъ чужимъ ей казался тотъ кругъ, куда она вернулась! Какой ужасно одинокой чувствовала она себя! Она не нашла никого, кто могъ бы полюбить ее съ тою нѣжностью, къ которой она привыкла, никого, кто могъ бы понять потребности ея души. Будущность казалась ей черною ночью. Какъ приоровить она свои, все же довольно скромныя привычки, усвоенныя въ средѣ мелкихъ работницъ, къ суровой и грубой

жизни крестьянъ? Или ей слѣдуетъ измѣниться самой? Но какъ же ей стать такою жесткою и грубою, какъ все окружающее? Или ей слѣдуетъ измѣнить это окружающее? Но что можетъ сдѣлать она одна, такая молоденькая и нѣжная, съ этими людьми и обстановкой? Деревня была все та же; самые старые изъ ея обитателей знали ее всегда такою же; и самые старые изъ тѣхъ, кто былъ уже близокъ къ могилѣ, когда они сами еще бѣгали безъ штановъ, знали ее такою же.

Терметта сѣла у окошка; сонъ ей не шелъ на умъ; она припомнила весь этотъ день, составившій такой рѣзкій переломъ въ ея жизни. Она не могла оторваться мыслью отъ твердой, какъ камень, головы стараго Мюзеля. Отнынѣ она постоянно будетъ съ этимъ ужаснымъ дѣдомъ. Подъ покровомъ ночной темноты деревня казалась ей рядомъ какихъ-то чудовищныхъ горбовъ; вѣтеръ шумѣлъ вѣтвями, точно отдаленный водопадъ; въ свѣжемъ воздухѣ проносились струйки пріятнаго осенняго аромата, напоминая о днѣ, когда благоуханіе плодовъ смѣшивалось съ запахомъ желтѣющей листвы. Природа была гораздо старше деревни и, подобно ей, оставалась все такою же, всегда прекрасною, всегда плодovitою, всегда поглощенной своей таинственной работой, равнодушною къ надрывающимся сердцамъ, благосклонною только къ счастливымъ. И слезы, которыя молодая дѣвушка сдерживала цѣлый день, заструились по ея щекамъ.

То время, когда не замѣчаешь, какъ проходятъ дни, уже не воротится для нея. Теперь ея душа опредѣлилась, сознала свои влеченія и антипатіи; она способна была страдать; жизнь для нея начиналась.

. V.

Да, для Терметты вновь началась крестьянская жизнь, жизнь усилій и лишеній, въ которой человѣкъ безпрестанно жертвуетъ собою землѣ.

Подъ грубою корою, которою покрываетъ его нужда, мужикъ, этотъ великій незнакомецъ, о которомъ составляетъ столько ложныхъ сужденій, является загадкою для наблюдателя изъ другого круга. Никто не понимаетъ глубокой страсти, руководящей всѣмъ его существованіемъ. Онъ любитъ землю какъ любовницу и отдается ей всецѣло. Лишь этою цѣною вѣроятно добиться ея благосклонности: кто себя жалѣетъ, того она навѣрно оттолкнетъ. Мужикъ и хотѣлось бы подольше поспать утромъ, продлить ночь, слишкомъ короткую для отдохновенія отъ трудовъ минувшаго дня; но земля требуетъ его. Вставай! вставай! Прежде, чѣмъ край горизонта побѣ-

лѣтъ отъ зари, прежде, чѣмъ птицы зачирикаютъ въ изгородахъ, онъ уже на пути, съ орудіемъ на плечѣ. Ему бы хотѣлось, по примѣру своего брата, городского рабочаго, развлечься въ воскресенье, отдохнуть, насладиться своимъ весельемъ и здоровьемъ; но погода хмурится, а жатва еще не свежена, или сѣно еще не убрано, а время не ждетъ. Какія тутъ развлечения! Онъ возвращается къ землѣ. Ему, какъ и всякому другому, пріятно бы хорошо поѣсть и попить; но, если онъ сѣсть все, что получить, то чѣмъ заплатить онъ за участокъ земли, который ему нуженъ для округленія поля или для выкормки лишняго быка? Поэтому, онъ отнимаетъ куски отъ собственнаго рта: хорошій хлѣбъ отдаетъ купцу, а себѣ оставляетъ обсѣвки; пьетъ сокъ изъ выжимокъ, а хорошее вино продаетъ.

Сномъ, удовольствіями, всѣми радостями жизни онъ жертвуетъ землѣ. Никогда любовникъ не бываетъ такимъ рабомъ, не забываетъ о себѣ такъ совершенно. Онъ отказываетъ себѣ во всемъ. А какъ земля вознаграждаетъ его за такое самоотверженіе?

Часто очень плохо. О, какъ часто она бываетъ неблагодарной, бесплодной! Морозъ, дождливая весна, засуха лѣтомъ—и работа цѣлаго года погибаетъ. Тѣмъ не менѣе, мужикъ начинаетъ снова. Чтобъ добиться улыбки отъ жестокой, онъ наказываетъ себя: увеличиваетъ свои лишенія, сокращаетъ свои скудные расходы. «Суровость, скупость!»—говоритъ глядящій на него наблюдатель. Ахъ, еслибъ этотъ бѣдный упрямецъ не любилъ такъ неимѣнно земли, то кто снабжалъ бы хлѣбомъ и виномъ васъ, господа?

Старому Мюзелю противенъ былъ во внучкѣ городской духъ, любящій красивую внѣшность, легкомысліе, наслажденіе, расточительность, столь противоположный глубоко серьезному духу деревни. Дѣйствительно ли его внучка была проникнута этимъ духомъ, онъ не далъ себѣ труда провѣрить, потому что ни на минуту не сомнѣвался въ этомъ. Она явилась изъ города, и этого было довольно. Кромѣ того, она явилась поводомъ къ самостоятельному поступку, котораго онъ не хотѣлъ простить Антону. Кромѣ того онъ презиралъ женщинъ за ихъ слабость, и наконецъ, онъ просто не любилъ ея и никому не былъ обязанъ объяснять причину.

Онъ испытывалъ злобную радость, увеличивая для нея суровость новой жизни. Съ перваго же дня онъ показалъ ей, какъ злопамятенъ можетъ быть старый крестьянинъ.

Она собиралась выйти въ башмакахъ.

— Не воображаешь ли ты, что у насъ можно гулять на тонкихъ подошвахъ?—сказалъ онъ ей. — Значить, въ Ліонѣ не дѣлаютъ калошъ?

Тутъ она припомнила шутку, которою пять лѣтъ назадъ такъ раздражила дѣда; онъ не забылъ ея.

— Вы очень памятьливы, дѣдушка, но, если говорите это, чтобъ огорчить меня, то напрасно. Я всегда любила и уважала васъ, а если рассердила васъ, когда была ребенкомъ, то теперь я поумнѣла и прошу у васъ прощенія.

Едва успѣвъ проснуться, онъ начиналъ колотить въ стѣну комнаты молодой дѣвушки.

— Ну, все еще не встала? Что-жъ, пойти стащить тебя за ноги?

Часто она видѣла на небѣ звѣзды, поблѣднѣвшія, но еще не исчезнувшія отъ первыхъ лучей зари, и луну, окруженную золотымъ вѣнцомъ отъ утренняго тумана. Все вокругъ еще дышало торжественной тишиной, и только человекъ нарушалъ всеобщее молчаніе. Но она никогда не выражала неудовольствія за то, что ее подняли съ постели, и сходила внизъ съ любовнымъ выраженіемъ на грустномъ лицѣ.

Она стряпала, ходила за скотиной, гоняла ее въ поле. Одна забота объ одеждѣ, очень неисправной при Франсуазѣ, которая была плохой швеей, могла бы занять все время хозяйки такого большого дома. Между тѣмъ, старикъ не пропускалъ случая требовать отъ нея и иныхъ услугъ.

— Терметта, куда! Помоги!

Приходилось разгружать тележки, поднимать тяжести. Франсуаза въ бѣшенствѣ бросалась туда, куда онъ звалъ молодую дѣвушку.

— Пятьсотъ тысячъ холеры! Что вы съ ума сошли!

— Перестань, Франсуаза,—говорила Терметта.—Я всетаки попробую, постараюсь угодить дѣдушкѣ.

Но работница начинала сердиться и на нее. Старикъ торжествовалъ, хихикая исподтишка; потомъ онъ говорилъ Антону такъ, чтобъ Терметта слышала:—Ну, право, не сильна твоя дѣвица. Ты долженъ быть доволенъ, что взялъ ее домой!

Антонъ ничего не отвѣчалъ старику, но втайнѣ дѣлалъ все возможное, чтобы дочь не слишкомъ страдала. Оставаясь съ нимъ наединѣ, она дивилась прямому и ясному уму отца, такому ничтожному при старикѣ Мюзелѣ. Онъ страдалъ недостаткомъ не ума, а силы воли.

— Ахъ, батюшка,—говорила она ему;—если бы дѣдушка былъ такимъ же добрымъ, какъ и вы, какъ мнѣ хорошо жилось бы тутъ!

Однако, мало-по-малу, несмотря на свою энергію и терпѣніе, она, какъ несчастный, завязавшій въ песокъ, стала втягиваться въ эту деревенскую грубость, которая по пріѣздѣ показалась ей такой отталкивающей. Она чувствовала, что въ ней умираетъ нѣжная и вѣжливая дѣвушка, воспитанная теткой.

Ей казалось, что она превращается въ другую женщину, совсѣмъ на нее непохожую, и что она не можетъ больше любить. Конецъ осени, это разслабляющее время, когда съ сѣраго неба текутъ продолжительные дожди, окончательно убивалъ въ ней всякую энергію.

Ея нравственныя страданія усиливались еще тѣмъ, что вблизи не было никого, кто любилъ бы ее и внушалъ ей довѣріе. Она чувствовала себя ужасно одинокой. Она воображала себѣ, что счастье ея погибло на вѣкъ и что никогда болѣе въ ней не воскреснетъ охота жить. Ничья дружба не ободряла ее и не успокаивала на счетъ будущаго. Ею начинала овладѣвать слабость.

Къ счастью, новое для нея чувство отвлекло ее отъ грустныхъ мыслей.

Однажды старикъ сказалъ Антону:

— На шамбскомъ лугу отросла трава послѣ дождей; сѣмъ-ли твоя дѣвица прогнать туда скотину, чтобы извести траву до заморозковъ?

Заливной лугъ близъ Шамбъ былъ довольно далеко отъ села. Терметту брали туда ребенкомъ; теперь отецъ объяснилъ ей дорогу.

Между изгородами крутились опавшіе листья, и ихъ шуршанье можно было принять за шелестъ осени, укладывавшей свой нарядъ передъ наступленіемъ зимы. Была та грустная пора, когда вѣтеръ начинаетъ гнѣть подъ воротами свою жалобную пѣсню, подъ звуки которой природа умираетъ, а старики припоминаютъ число прожитыхъ годовъ.

Терметта задумчиво шла за скотиной, не обращая на нее вниманія и думая о своемъ горѣ.

Опомнившись на минуту, она испугалась, не заблудилась-ли. Дорога привела къ болотистой низинѣ, на днѣ которой протекалъ ручеекъ, и перешла въ какой-то необработанный пустырь, испещренный трясинами и исполосованный глубокими бороздами, какъ будто ее распахали исполинскимъ плугомъ. Изгороди, разросшіяся въ громадныя кусты, разбросаны были въ такомъ безпорядкѣ, что не указывали никакого опредѣленнаго направленія.

Къ счастью, за нею шла еще пастушка.

— Это дорога къ Шамбу?—спросила Терметта.

— Да, барышня, только надо идти съ другой стороны.

Эта пастушка была сестра Кенсонъ-Кенсоновъ, на мѣстномъ нарѣчій ея называли Баской, то есть незаконнорожденной, потому что, не торопясь явиться на свѣтъ, она родилась лишь черезъ два года послѣ смерти мужа ея матери.

Лицо ея имѣло цвѣтъ начинающаго краснѣть яблока рана, а живостью она напоминала порохъ. До сихъ поръ это

была единственная подруга Терметты изъ числа каландрскихъ дѣвушекъ. Нѣсколько церемонное названіе «барышни», которое было дано Терметтѣ какъ бы съ общаго согласія, заставляло всѣхъ нѣсколько сторониться отъ нея; а такъ какъ она была робка, то ее считали гордой.

До вечера обѣ пастушки просидѣли подъ дубомъ и вязали чулки. Баска, не заставляя себя просить, рассказала любовную хронику села съ такимъ обиліемъ подробностей, которое явно доказывало, что она давно интересуется этимъ предметомъ.

Оказалось, что Балтазаръ пристаётъ ко всѣмъ дѣвушкамъ, но говорить такъ славно, что не успѣетъ раскрыть рта, какъ уже ни одна не хочетъ его слушать; недавно его выпроводила Франселина Риболье, и теперь онъ явно не ухаживаетъ ни за кѣмъ. Маркъ Фошуреръ въ свою очередь сталъ ухаживать за Франселиной, и общее мнѣніе гласило, что онъ получить ея руку.

— Однако, ему нужна совсѣмъ не такая жена, — сказала Терметта.

— Почему же? Ея родители достаточно богаты.

Когда Терметта стала отыскивать причины, на основаніи которыхъ расходилась съ общимъ мнѣніемъ о бракѣ между Маркомъ и Франселиной, то должна была признаться, что высказалась совершенно необдуманно, потому что не нашла ровно ничего. Чтобы скрыть смущеніе, она спросила:

— А въ тебя, Фанія, кто влюбленъ? Есть у тебя ухаживатель?

— Есть-то есть, только чудной. Мнѣ приходится самой ухаживать за нимъ.

— Кто-жъ такой?

— Школьный учитель, который живетъ у насъ. Вечеромъ, когда онъ говоритъ съ братьями, весело его слушать: такъ хорошо онъ говоритъ. Такъ хорошо, что не всегда можно понять; и я, бывало, думаю: «Господи! То-то прекрасно бы объяснился въ любви!» Я ужъ видѣла, что онъ совсѣмъ не по-прежнему на меня поглядываетъ. Какъ только встрѣтится со мной глазами, тотчасъ отвернется и завыдыхаетъ. Ахъ, еслибы вы знали, какъ онъ умѣетъ вздыхать. Никому во всемъ Каландрѣ такъ не вздохнуть. У меня просто сердце переворачивалось! Тогда, какъ будто ненарочно, я начала наряжаться и мы стали сидѣть вмѣстѣ по вечерамъ, когда онъ поправлялъ тетрадки школьниковъ. И онъ все глядѣлъ на меня исподтишка и все вздыхалъ. Только въ любви не объяснялся, и это меня злило. Я думала: «Господи! Стоить-ли столько учиться, чтобы быть такимъ дуракомъ! Пора бы догадаться, что надо говорить». Наконецъ, разъ вечеромъ я показывала ему свое при-

даное, аккуратно сложенное въ шкапу, и говорю: «хоть я и обдѣленная, однако бѣлья у меня не меньше, чѣмъ у всякой другой; посмотрите, хорошо-ли я пряла? Развѣ тотъ, кто на мнѣ женится, возьметъ не хорошую работницу?» Онъ ничего не отвѣтилъ, но спросилъ какъ-то странно:—Что это вы сказали: «хоть я и обдѣленная!»—Я говорю: Какъ, развѣ, вы не знаете, что такая маленькая Баска, какъ я, не считается въ семействѣ? У меня не будетъ другого приданого, кромѣ того, что я сама скоплю себѣ».—Тутъ онъ вскочилъ, какъ сумасшедшій! «Какъ, у васъ не будетъ доли въ наслѣдствѣ?»—«Нѣтъ, въ томъ-то и бѣда моя, потому что, какъ говорится, безприданницы сидятъ безъ жениховъ». А онъ повторилъ: «Ровно ничего?!» Я разозлилась и говорю: «Что съ вами такое? Ну ничего, ну и ничего!» А онъ закричалъ: «Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше!» Я просто избилъ бы его, но совсѣмъ нечаянно слезы потекли у меня изъ глазъ, и я сказала: «Что вы насмѣхаетесь надъ бѣдной дѣвушкой?» Тогда онъ схватилъ меня за руки и принялся ихъ тискать, плакать, какъ я, и смѣяться вмѣстѣ. Онъ сказалъ: «Я тоже очень бѣденъ, и если бы у васъ было приданое, я никогда не посмѣлъ бы полюбить васъ». Вотъ какъ это вышло. Это гордость мѣшала ему говорить; онъ гордъ, точно дворянинъ. Я думала, что ужъ теперь то услышу прекрасныя рѣчи. Я была бы довольна, можете себѣ представить! И что же: нисколько. Теперь, вмѣсто того, чтобы смотрѣть искоса, онъ глядитъ мнѣ прямо въ глаза и только и дѣлаетъ, что вздыхаетъ, какъ и прежде. Въ томъ вся и прибыль. Такой образованный человѣкъ! Съ одной стороны, оно меня бѣситъ, а съ другой я все-таки рада. Навѣрное, я такъ ему нравлюсь, что онъ совсѣмъ глупѣетъ; говорю все время я одна. Смѣшно, не правда-ли, барышня?

Этотъ интересный разговоръ былъ къ вечеру прерванъ проказою коровы Бренъетты.

Черная грозовая туча поднималась съ горизонта; несмотря на позднюю осень, мухи очень мучили животныхъ. Бренъетта, набивши брюхо, вышла изъ терпѣнія, перескочила ограду луга и, задравши хвостъ, побѣжала по полямъ.

Терметтъ долго пришлось за ней бѣгать. Когда она вновь собрала свой скотъ на лугу, была уже почти ночь, и Фанія, соскучившись ждать ее, ушла. Черная туча покрыла все небо и казалась неровною, точно грудь великана, который, растянувшись съ одного края горизонта до другого, старался сжать землю въ своихъ объятьяхъ. Онъ давилъ ее, и шелестъ послѣднихъ листьевъ на деревьяхъ похожъ былъ на трепетъ ужаса.

Терметта поспѣшила пуститься въ путь; но наступила ночь, настоящая темная ночь. Молодой дѣвушкѣ никогда не случилось оставаться во мракѣ, вдали отъ всѣхъ человѣческихъ су-

ществъ. Привыкнуши къ освѣщеннымъ улицамъ города, она испугалась темноты, отнимающей мужество и у болѣе храбрыхъ.

Вскорѣ дорога стала видна передъ нею не больше, какъ на нѣсколько шаговъ, въ видѣ пятна, теряющагося во мракѣ. Отдаленные предметы сливались въ громадныя массы, своими очертаніями не напоминавшія ей ничего знакомаго; кусты приняли форму уродливыхъ звѣрей и медленно двигались; изгороди тянулись по землѣ точно полосы черного тумана; деревья, потрясая вѣтвями надъ ея головой, почти достигали неба и какъ будто уходили дымомъ въ облака.

Когда засыпаетъ дѣйствительность, просыпается міръ грезъ. Всѣ призраки, которыми легковѣріе прошедшихъ вѣковъ могло селить мозгъ молодой дѣвушки, встали вокругъ Терметты.

О чемъ шептались сухіе листья, крутятся у подошвы кустовъ? Кто стоналъ въ этомъ дубѣ. Откуда этотъ вздохъ, пролетѣвшій черезъ изгородь? Подъ чью таинственной ногой внезапно хрустнулъ сучокъ Птица-ли, вдругъ проснувшись, вспорхнула и ударилась крыльями о вѣтки?

То, что блѣлось не было-ли скорѣе привидѣніемъ, нежели стволомъ тополя? Почему утомленныя жалобы деревьевъ, качаемыхъ вѣтромъ, звучали такой мрачной тоскою? О! Что это за глазъ смотрѣлъ на нее изъ куста съ такой ужасной неподвижностью? Въ этотъ часъ равнина уже не принадлежала человѣку. Зачѣмъ же дѣвушка осталась въ полѣ, нарушая тайны ночи?

Сердце громко стучало у нея въ груди. Она старалась видѣть и слышать, какъ можно менѣе, жалась къ скотинѣ, не отходила отъ нея ни на шагъ, догоняла ее изо всѣхъ силъ, когда случилось оступиться въ яму и отстать, подгоняя ее по ужасной дорогѣ, направляя шестомъ тѣхъ коровъ, которыя уклонялись въ сторону, и не смѣя кричать: такимъ страннымъ казался ей теперь даже собственный голосъ.

О, враждебная равнина не желала ея присутствія! Какъ она была страшна и непонятна, какъ неизмѣримо громадна, окружая бѣдняжку, растерянно бредущую за своими коровами! Какъ она была безпредѣльна, разстилаясь въ своемъ таинственномъ величіи, увѣнчанная мракомъ, полная странныхъ голосовъ и какихъ-то черныхъ зіяющихъ пропастей!

Ея сердце билось такъ, что чуть не разрывалось, а бѣдный мозгъ мучился и терзался. Что же она за слабая песчинка на этой огромной землѣ, непобѣжденной людьми, неодолимой и дикой? Она смутно чувствовала ту мстительную иронию, которою вѣтъ отъ земли ночью, когда распадаются оковы, наложенныя на нее мужикомъ въ теченія дня. Звонкіе голоса лягушекъ насмѣшливо воспѣвали болото, которое отравляло воз-

духъ своими испареніями, такъ какъ сельскимъ обывателямъ не удалось его высушить; звѣри, скрывающіеся днемъ, выходили изъ логовищъ и крики ихъ раздавались вдали; колючія растенія, напрасно искореняемыя, тянулись по дорогамъ. Земля хотѣла жить по своему и возставала противъ чловѣка. Такъ ей-ли, Терметтъ, ничтожной соломенкѣ, покорить ее, непокоренную стариками, и добиться отъ нея болѣе сладкаго существованія?

Коровы шли скоро, безпокойно вытягивая шеп по направленію къ селу и смутно ощущая величественную торжественность ночи. Терметта, полагаясь на ихъ инстинктъ, шла за ними и только подгоняла ихъ и не давала разбѣгаться.

Надо было перейти черезъ ручей. Подойдя къ нему, коровы остановились; онѣ потеряли бродъ. Бренъетта начала обнюхивать берегъ, осторожно подвигаясь вдоль ручья. Бѣдная пастушка была ни жива, ни мертва, и, забывши, что запоздала изъ-за нея, ласково обратилась къ коровѣ:

— Ищи, Бренъетта, ищи хорошенько, моя дорогая,— сказала она ей нѣжно, чтобы ободрить ее.

Обманъ-ли это мрака, или волшебство? Бренъетта становится все меньше и меньше, точно таеъ.

— Иди, Бренъетта, иди! Сюда! Ко мнѣ, милая, ко мнѣ!

Бренъетта уже не могла повиноваться. Она шумно отряхалась, и усилія ея увеличивали ужасъ Терметты, не понимавшей ихъ причины. Корова билась, точно боролась съ кѣмъ-то, но ей не удавалось сдвинуться съ мѣста.

Несчастное животное попала въ трясиину. Вскорѣ липкая грязь, затягивавшая ее, дошла ей до брюха. Молодая дѣвушка убѣдилась съ отчаяніемъ, что у нея не хватитъ силы помочь коровѣ выбраться.

Обезумѣвши, она оглянулась вокругъ. Среди мрака блестѣлъ огонечекъ; онъ дрожалъ вдали, вспыхивалъ и исчезалъ, какъ пляшетъ блудящій огонекъ. Онъ горѣлъ въ домѣ Пейссена-товъ, ея родственниковъ по матери. Она хотѣла было побѣжать къ нимъ за помощью. но на пути были болота, она не знала дороги и побоялась погибнуть сама.

Что дѣлать? Она никогда не рѣшится вернуться домой съ двумя коровами и предстать передъ грозное лицо дѣда. Ея мысли быстрымъ скачкомъ перенесли ее въ мирную лѣонскую обстановку, и она прокляла этотъ Каландръ, гдѣ испытывала только бѣды. Въ избыткѣ отчаянія она на минуту забыла свои страхи, но неожиданно была напугана вновь. Что-то приближалось по дорогѣ быстрымъ и воровскимъ шагомъ. Можно было подумать, что только животное въ состояніи бѣжать, производя такъ мало шума; однако, это было не животное, а чловѣкъ, насколько возможно было разсмотрѣть въ темнотѣ. Его черная

фигура, чернѣя даже во мракѣ, перемѣщалась очень быстро. Кто бы онъ ни былъ, онъ зналъ, гдѣ бродъ: онъ не колеблясь перешелъ ручей, и Терметта не успѣла еще шевельнуться, какъ очутился уже передъ нею.

— Помогите, я пропала! — крикнула ему она.

Человѣкъ остановился, точно прикованный къ землѣ изумленіемъ. Молодая дѣвушка съ ужасомъ разсмотрѣла это существо, въ которомъ надѣялась встрѣтить спасителя. Настоящій-ли онъ былъ человѣкъ? Онъ былъ завернутъ въ звѣриныя шкуры и очевидно съ тою цѣлью, чтобы самого его принимали за звѣря. На головѣ у него была еще голова съ двумя большими рогами, придававшими ему фантастическій видъ; шкуры, покрывавшія его до пятъ, были черны и съ очень длинною шерстью. Развѣваясь, онъ придавали его тѣлу чудовищный видъ. Бѣдная пастушка вспомнила оборотней, о которыхъ слыхала въ сказкахъ, въ дѣтствѣ.

— Пусть чортъ свернетъ тебѣ шею! — сказалъ онъ хриплымъ голосомъ. — Кто ты?

— Дочь Антона Мюзеля, — отвѣтила она, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Затрепи тебя лихорадка! Что ты здѣсь бродишь въ этотъ часъ?

— Наша Бренетта завязла, и я не могу ее вытащить.

Онъ понялъ, что она говоритъ правду, и задумался на минуту, какъ бы затрудняясь.

— А если мнѣ не ждать, чтобы чортъ принялся за тебя, и убить тебя поскорѣе, да повѣрнѣе?

Терметта не отвѣчала и даже не подумала бѣжать. Онъ положилъ обѣ руки на ея плечи и грубо тряхнулъ ее. Подъ длинными космами шерсти, закрывавшими ему лицо, она разсмотрѣла два глаза, сверкавшіе, точно уголья, и большой крючковатый носъ ужасно дьявольскаго вида. Легковѣрная и наивная, воспитанная на суевѣрныхъ розказняхъ, она вообразила себѣ, что на пальцахъ, сжимающихъ ей плечи, есть когти.

— Я тебя не знаю, — повелительно сказалъ ей странный незнакомецъ, — но съумѣю отыскать тебя непременно, когда захочу, хотя бы у тебя были крылья, какъ у птицы, или хотя бы ты стала такъ мала, чтобы спрятаться въ мышиную норку. А ты знаешь меня?

У нея хватило силы только на отрицательное движеніе.

— Я колдунъ Тіолонъ. Тебѣ про меня расскажутъ и объяснятъ, сбывается ли то, что я говорю. Ну, такъ запомни, что я скажу. Если ты выболтаешь комунибудь, что видѣла меня здѣсь сегодня ночью, то такъ же вѣрно, какъ то, что на небѣ есть луна и солнце и что чортъ мнѣ товарищъ, тебя не будетъ въ живыхъ на другой же день.

Онъ снова крѣпко тряхнулъ ее, чтобы убѣдить ее въ своей силѣ, которая маленькой Терметтѣ показалась необыкновенной. Затѣмъ, испустивъ странное карканье и размахивая своими шкурами, какъ сумасшедшій, онъ бросился бѣжать и исчезъ во мракѣ, близъ дома Пейссенатовъ. Молодая дѣвушка, умирая отъ страха, съ совершенною пустотою въ головѣ, повалилась подъ кустъ безъ воли, безъ чувства, въ той апатіи, которая избавляетъ умирающихъ отъ ужаса смерти. Бренъетта неподвижно стояла въ грязи, покорившись судьбѣ, и только время отъ времени съ усиленіемъ отдуваясь. Обѣ остальные коровы безучастно стояли рядомъ, почти касаясь мордами земли. Дикая равнина и таинственная ночь торжествовали. Изгороди, кусты, деревья, тѣни окружили Терметту хороводами призраковъ, отъ которыхъ она совершенно потеряла надежду ускользнуть. Вдругъ, въ темнотѣ раздался ясный и твердый голосъ, человѣческій голосъ, молодой и звонкій, звонче пѣнія пѣтуха, разгоняющаго привидѣнія. Призраки, сложите крылья! Видѣнія, скройтесь въ ваши норы! Умолкните, ночные шопоты! Этотъ не боится ночи, и рука его достаточно сильна, чтобы покорить землю. Онъ крѣпокъ и рѣшителенъ и, вѣря въ свою силу, идетъ по дорогѣ, распѣвая, недоступный суевѣрнымъ страхамъ предковъ:

— Соловей ты мой въ лѣсу,
Я поклонъ тебѣ несу.
Я пришелъ тебя просить,
Чтобъ ты сталъ меня учить;
Научилъ бы распѣвать,
Чтобъ завнобу забавлять:
Научилъ бы говорить,
Такъ, чтобъ милой угодить...

Терметтѣ показалось, что колдовство разрушено, что она выходитъ изъ зловѣщаго мрака. Этотъ голосъ, къ которому она еще не успѣла привыкнуть, она узнала по тайному предчувствію. По ея мнѣнію, во всемъ селѣ лишь одинъ человѣкъ могъ такъ безстрашно идти навстрѣчу ужасамъ ночи: тотъ самый, кого она видѣла дома такимъ веселымъ и бодрымъ.

— Маркъ, Маркъ, помогите!—крикнула она.

— Какой чортъ здѣсь ночью, когда собственнаго носа не видно?

— Это я,—Терметта!

— Въ самомъ дѣлѣ,—сказалъ онъ, приближаясь.—если это не вы, то кто нибудь, очень похожій на васъ. Что же вы здѣсь дѣлаете?

Онъ ходилъ переставлять верши пониже по ручью. Молодая дѣвушка рассказала ему, что съ нею случилось. Онъ осмо-

грѣлъ положеніе Бренъетты, наломалъ хворосту изъ нагороди, сдѣлалъ изъ него плетенку и положилъ ее передъ коровой; затѣмъ вытащилъ изъ грязи сначала одну ея переднюю ногу, а потомъ, съ большимъ усиліемъ, такъ какъ пришлось приподнять животное, другую ногу, которую поставилъ, какъ и первую, на плетенку. Бренъетта, имѣя твердую точку опоры, теперь вытѣзла уже сама. Однимъ сильнымъ скачкомъ она выпрыгнула изъ трясины. Маркъ аккуратно обмылъ ее, чтобы изгладить слѣды приключенія.

— Вашему дѣдушкѣ, — сказалъ онъ, когда они пустились въ путь, — было бы подѣломъ, если бы весь его скотъ застрялъ въ этихъ ямахъ. Когда ему скажешь, что надо привести двѣтри тачки камней, онъ начинаетъ кричать: «Развѣ у насъ есть лишнее время?» Ахъ, если бы вы знали! Нигдѣ не найдешь такого упряма.

Дѣвушка очень хотѣлось сказать, что она это уже узнала, но не захотѣла перебивать Марка. Онъ рассказывалъ ей, что онъ представляетъ собою мишень для насмѣшекъ Мюзеля. Онъ служилъ въ солдатахъ и за это время постраниствовалъ. Онъ побывалъ въ Лотарингіи, а потомъ въ Котъ-д'Орѣ, гдѣ живутъ прекрасно, съ бѣлымъ хлѣбомъ и говядиной каждую недѣлю, тонкимъ бѣльемъ и посудой, и вмѣстѣ съ тѣмъ не только не разоряются, а становятся еще богаче, чѣмъ въ Каландрѣ. Онъ выяснилъ себѣ причину: тамъ лучше обрабатываютъ землю и есть хорошія дороги, по которымъ могутъ прѣзжать купцы. Вернувшись въ Каландрѣ, онъ захотѣлъ хозяйничать, какъ въ тѣхъ мѣстахъ; но надъ нимъ стали смѣяться, и старый Мюзель больше всѣхъ.

— Говорили, что у меня мозги не въ порядкѣ, — сказалъ молодой человѣкъ. — А все-таки у меня двумя быками больше, чѣмъ прежде, потому что ничего не оставляю подъ паромъ, а сѣю клеверъ и дятлину. Я выписалъ изъ Ліона хорошихъ сѣмянъ, которыя родятся самъ-десять, а не самъ-шесть, или самъ-семь; а виноградники у насъ лучше всѣхъ въ Каландрѣ. Говорятъ, что я ихъ истожаю, и что года черезъ два уже нечего будетъ снимать. Но я смѣюсь и шучу въ свою очередь; отвѣчаю вашему дѣдушкѣ: «если они пропадутъ, вы поможете мнѣ насадить новыя». — Онъ прибавилъ, что въ тотъ день, когда онъ велѣлъ мельнику отдѣлать отъ своей муки отруби, въ Каландрѣ произошло настоящее возстаніе. Мельникъ не вѣрилъ своимъ ушамъ: «Вы хотите, чтобы не было отрубей?» — «Ну, да!» — Старый Мюзель былъ просто ошеломленъ; онъ говорилъ всѣмъ встрѣчнымъ: — «Знаете, теперь Фошуреры велятъ просѣивать свою муку; этотъ старый домъ продержится ужъ недолго».

— Теперь, — сказалъ молодой человѣкъ, — я сражаюсь съ нимъ въ муниципальномъ совѣтѣ изъ-за дорогъ. Если бы куп-

цы могли прѣзжать къ намъ на телѣгахъ, мы выгоднѣе продавали бы хлѣбъ и вино. У насъ было бы больше денегъ. Мы стали бы лучше жить. Когда я говорю о лучшей жизни, онъ мнѣ объявляетъ, что я хочу раззорить Баландръ. А между тѣмъ нельзя коровъ прогнать въ поле. Вѣдь, это случается не съ вами одной. Каждую минуту прибѣгаютъ на село за людьми, чтобы тащить за хвостъ скотъ изъ трясинъ. Вотъ занятіе! Развѣ не видно, что надо поправить наши дороги?

— Надо бы немножко поправить и дѣдушку,—сказала Терметта, приходя въ себя послѣ столькихъ ужасовъ.

— Ахъ, старый злодѣй! Онъ мучить васъ, неправда-ли? Право, можно сказать, что онъ и умереть злодѣемъ.

Молодая дѣвушка шла рядомъ съ Маркомъ.

Она любовалась его высокимъ ростомъ и рѣшительными движеніями, а еще болѣе—его веселостью и здравымъ смысломъ. Она становилась разсудительнѣе отъ близости этого силача и великана; ночь не казалось уже ей такою страшною, и она удивлялась, что такъ боялась прежде. Онъ былъ такъ прямъ, такъ откровененъ, такъ радъ распространять вокругъ себя веселье, что, сама того не замѣчая, молодая дѣвушка, смягчившись сердцемъ послѣ пережитыхъ волненій, начала думать, какъ она была бы счастлива его дружбой. Она находила сходство между своимъ и его образомъ мыслей. Подъ его исполинской внѣшностью не скрывалось ничего грубого или рѣзкаго.

Она рассказала ему всѣ свои страхи и не удержалась, чтобы, между прочимъ, не спросить:

— Что это за Тиолонъ, о которомъ мнѣ говорила Фанія?

— Какой-то сумасшедшій, который пугаетъ старыхъ бабъ,—отвѣтилъ онъ.—Птичье пугало! Живетъ въ шалашѣ на горѣ совсѣмъ одинъ, точно помѣшанный.

Въ томъ, что онъ пугало, Терметта была увѣрена, но нашла, что Маркъ слишкомъ легкомысленно говорить о немъ. Она не стала дальше спрашивать, помня ужасныя угрозы колдуна.

Ея встрѣча съ нимъ была единственнымъ происшествіемъ вечера, о которомъ она не рассказала молодому человѣку.

Еще за долго до прихода домой, они встрѣтили Антона: въ большой тревогѣ о запоздавшей дочери, онъ вышелъ къ ней навстрѣчу. Терметта, испытывая склонность къ изліаніямъ, просунула ручку подъ его руку, чтобы дойти съ нимъ до дома.

Добрякъ, смущенный этой лаской, пошелъ, поддерживая ея руку съ большей осторожностью, чѣмъ еслибъ она была стеклянная, и съ большимъ напряженіемъ, чѣмъ еслибы въ ней было пять квинталовъ вѣсу.

Разставаясь съ Маркомъ, Антонъ любовно сказалъ ему:
— Спасибо тебѣ, Маркъ. И позволю полюбопытствовать, — ты идешь къ Франселинѣ, да?

— Право, не знаю, кажется, я тамъ теряю время.

Когда отецъ съ дочерью остались одни, Терметта съумѣла добиться объясненія этихъ послѣднихъ словъ Марка: почему онъ теряетъ время?

— Кажется, она не хочетъ его слушать.

— Она не слушаетъ Марка! Возможно-ли это!

— Дѣло въ томъ, что она, съ позволенія сказать, бѣдовая: «Вамъ такъ угодно, да? Ну, такъ мнѣ не угодно». И гонитъ всѣхъ парней прочь. Вотъ она какова! А они всѣ съума сходятъ.

Въ первый разъ по возвращеніи въ Каландръ, Терметта почувствовала нѣкоторое облегченіе. Она даже не обратила вниманія на дѣда, иронически замѣтившаго Антону:

— Ну, что жъ, твоя барышня ужъ теперь не умѣетъ дойти домой одна?

Она поужинала съ аппетитомъ, не интересуясь ничѣмъ, что говорилось за столомъ. Взойдя къ себѣ въ комнату, она замѣтила, что повторяетъ пѣсню, которую слышала ночью отъ молодого человѣка.

— Каково! — сказала она себѣ, — что это со мной сегодня? Я, кажется, заглѣла!

VI.

Если бы она знала, что Маркъ Фошуреръ уже нѣкоторое время открыто ухаживаетъ за Франселиной Риболье, она, пожалуй, менѣе предавалась бы удовольствію думать о немъ.

Но воспоминаніе о той ужасной ночи, когда онъ пришелъ къ ней на помощь, сдѣлалось для нея чѣмъ-то легендарнымъ; ей пріятно было мечтать, что тотъ, кто спасъ ее разъ, будетъ спасать ее всегда. Поэтому она стала терпѣливо переносить грубость окружающей обстановки, нападки дѣда, неблагоприятность окружающихъ, и утѣшала себя мыслью, что всѣ эти горести временны, что ее избавитъ отъ нихъ ея спаситель. Если бы ее спросили, чего она желаетъ болѣе всего на свѣтѣ и отъ отсутствія чего наиболѣе сильно страдаетъ, и если бы она могла отчетливо прочесть въ собственной душѣ, она отвѣтила бы, что желаетъ радости любить и быть любимой. Инстинктивное стремленіе къ счастью, эта первоначальная причина любви, заставляло ее угадывать, что одинъ Маркъ способенъ понять эту нѣжную потребность ласки. По рассказамъ тетки Гурро онъ представлялся ей высшимъ существомъ, ко-

торое пересоздаетъ деревню и близъ котораго она, маленький выюнокъ, вновь разцвѣтеть для лучшей жизни.

Тѣмъ временемъ Маркъ Фошуреръ продолжалъ «ходить въ школу», какъ говорили въ Каландрѣ.

Дѣйствительно, такъ какъ школа его друга Метраля помѣщалась въ старомъ амбарѣ Риболье, то онъ часто навѣщалъ его въ надеждѣ поболтать съ минутку съ наслѣдницей этой семьи. Эта деревенская кокетка, откровенная до жестокости, приводила въ отчаяніе своихъ родителей и молодыхъ людей, пытавшихся ухаживать за ней. Довольно красивая и богатая, она считала себя обязанной передъ собственнымъ самолюбіемъ отказать достаточному количеству жениховъ, прежде чѣмъ выйти замужъ. Когда мать замѣчала ей, что она отказала уже семерымъ, дочь дерзко отвѣчала:

— Я прогоню ихъ дюжину, а потомъ выйду замужъ.

Маркъ съ необыкновенной настойчивостью старался восторжествовать надъ ея упорствомъ; онъ не отставалъ изъ самолюбія и тѣмъ доставлялъ величайшее удовольствіе молодой гордячкѣ.

— Скажите,—говорила она ему, когда онъ, съ досады переставъ бывать, затѣмъ появлялся вновь,—я слышала, будто вы больше уже не придете! Что васъ заставило вернуться?

— Право не знаю,—отвѣчалъ онъ смѣясь,—но ужъ никакъ не разумъ. Я только думаю, что должны же быть дни, когда вы полюбезнѣй, и не желалъ бы покинуть васъ, не повидавъ васъ въ такой день.

— Ну, такъ это еще не сегодня; я нынче встала съ лѣвой ноги.

Когда морозы сорвали послѣдніе листья съ деревьевъ, изгороди обнажились и сквозь нихъ стало видно, какъ дрозды бѣгаютъ по канавамъ, отыскивая пищу подъ облетѣвшими листьями, посѣвъ окончился и рожь запахали, то начались посидѣлки, и отецъ Риболье пригласилъ Марка приходить къ нимъ по вечерамъ. Франселина не возражала. Въ сущности, Маркъ ей нравился, хотя она не хотѣла дать это замѣтить.

Чтобъ ухаживать за дѣвушками на посидѣлкахъ, поклонники приходятъ не менѣе какъ вдвоемъ.

Старики оставляютъ молодежь одну, и было бы неприлично, если бы молодой человѣкъ очутился вдвоемъ съ своей влюбленной. Онъ приводитъ товарищей и старается болтать повеселѣе.

Сегодня идутъ къ одной дѣвушкѣ, завтра къ другой: ухаживатели провожаютъ другъ друга по очереди. Вотъ почему Терметта разъ вечеромъ была удивлена посѣщеніемъ Марка Фошурера и Кенсонъ-Балтазара.

Она прала; Франсуаза спала надъ вязаньемъ; отецъ стру-

галъ тычинки для винограда; старикъ Мюзель былъ у Гурро. Какъ она взволновалась, когда они вошли! Маркъ былъ веселъ, какъ всегда, съ шапкой на-бекрень; Балтазаръ былъ изящно одѣтъ: уголъ его краснаго платочка выглядывалъ изъ одного кармана новой блузы, а изъ другого торчала трубка, что считалось верхомъ щегольства въ Каландрѣ.

— Добрый вечеръ, барышня; добрый вечеръ, компанія,— сказали молодые люди.

— Теперь, какъ говорить Віоле-Віоль, послѣ Всѣхъ Святыхъ пеки блины: женихи идутъ,—отвѣтила внезапно разбуженная Франсуаза и завертѣла спицами неестественно быстро.

— Вѣрно!—сказалъ Маркъ;—барышня, мы пришли ухаживать за вами.

— За мной?—сказала Терметта, сильно краснѣя, отъ внезапной радости.

— Я навѣщаю Франселину, а Балтазару хотѣлось навѣстить васъ. Мы вмѣстѣ служили въ солдатахъ, поэтому рѣшили и теперь ходить вмѣстѣ. У Франселины Балтазаръ будетъ хвалить меня, а у васъ я буду хвалить его. Будемъ благовѣстить другъ о другѣ и, пожалуй, устроимъ свои дѣлишки. Разспросите меня, барышня: если я не докажу вамъ, что Балтазаръ—первый женихъ на землѣ и какъ разъ тотъ, кого вамъ надо, то можете сказать, что бабка, которая меня принимала, взяла деньги даромъ.

— Это выйдетъ, какъ говорилъ фокусникъ на ярмаркѣ: «спросите моего товарища, кто больше лжетъ, чѣмъ я», сказала Франсуаза.

— О, мы будемъ говорить только одну правду!

— А, такъ это Балтазаръ!..—подумала Терметта, настолько же опечалившись, насколько была счастлива минуту назадъ.

— Вотъ видите ли, барышня, — сказалъ тотъ, расправляя уголъ платка на блузѣ:—не то, чтобы я нуждался въ Маркѣ! Когда говорятъ о Кенсонахъ Балтазарахъ, то знаютъ, о комъ идетъ рѣчь. Мы извѣстны не въ одномъ только Каландрѣ. Чтобы осмотрѣть всю нашу землю, надо глядѣть съ горы, такъ ея много. Ахъ, если бы мы захотѣли обрабатывать, гнаться за барышами, мы были бы слишкомъ богаты! Поэтому мы не нуждаемся въ похвалѣ. Но, какъ Маркъ сказалъ, мы—старые товарищи, и, если вамъ не скучно, то придемъ кое-когда вечеромъ посидѣть съ вами.

— Вы слишкомъ любезны,—сказала вѣжливо Терметта.—Мой отецъ здѣсь и отвѣтитъ вамъ.

— Очень пріятно, — сказалъ Антонъ. — Смѣю сказать, вы оба изъ хорошихъ семействъ.

— О, объ этомъ не можетъ быть и спора. Лучше Кенсонъ-Балтазаровъ, скажу не хвастаясь, не найдешь во всей округѣ.

— Э,—замѣтилъ, смѣясь, его пріятель,—если ты такъ будешь продолжать, то мнѣ ничего не останется сказать.

Балтазаръ былъ хорошимъ товарищемъ, но такъ былъ убѣжденъ въ своемъ совершенствѣ во всѣхъ отношеніяхъ, что всѣ остальные люди вызывали въ немъ лишь величайшее снисхожденіе. Замѣчаніе Марка показалось ему смѣшнымъ, и онъ расхохотался.

Молодая дѣвушка смѣялась его быстрымъ, немного гнѣвнымъ взглядомъ. Она ставила Марка выше всѣхъ; то, что Балтазаръ считалъ себя достойнымъ ея, какъ бы унижало ее, удаляло ее отъ предмета ея мыслей. Однако, его бѣлокурые усы, орлиный носъ и сохраненный имъ юношескій видъ были, право, недурны.

Если бы онъ не старался преувеличивать природныя достоинства, не казался гордымъ, не принималъ побѣдительнаго, неотразимаго вида, то лицо его было бы даже пріятнымъ. Онъ могъ бы понравиться и дѣвушкѣ, которая ничего не имѣла бы противъ такихъ замашекъ; бѣда была только въ томъ, что Балтазаръ никакъ не могъ найти такой дѣвушки.

Антонъ, вспомнивъ вдругъ, что надо сходить по дѣлу къ сосѣду, оставилъ свое струганье, а Франсуаза ушла доить коровъ и бродить какъ можно дольше по конюшнямъ и сараямъ.

Бѣда оживлялась веселостью Марка. Несмотря на увѣренія Балтазара, пріятель былъ ему далеко не бесполезенъ, такъ какъ самъ онъ былъ мало изобрѣтателенъ на разговоры.

Если земли его не были богаче хлѣбомъ и виномъ, чѣмъ его мозгъ выдумками, то какъ бы онѣ ни были обширны, никто бы за нихъ дорого не далъ. Напрасно Маркъ старался направить его рѣчи на что-нибудь другое; онъ все возвращался къ обширности своихъ земель, и сбить его оказывалось невозможнымъ.

— Знаете вы Кро-де-ла-Тавель, барышня?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, я никогда не бывала въ тѣхъ мѣстахъ.

— А тамъ у насъ есть хорошій, кругленькій участокъ. Когда стоишь на одномъ краю, не видно вороны на другомъ. Недурно, да? Если бы его хорошо обрабатывать, то онъ одинъ прокормилъ бы семью; правда, Маркъ?

— Да, барышня, одуванчики тамъ растутъ прекрасно,—сказалъ Маркъ, забывши о своемъ обѣщаніи хвалить пріятеля.—А въ нынѣшнемъ году чертополохъ уродился замѣчательно.

— Что дѣлать? У насъ слишкомъ много земли. Всю никакъ не обработаешь. Ужъ не въ землѣ у насъ нехватка, слава Богу! Если у насъ женщины не будутъ счастливы, такъ ужъ не знаю, чего ей нужно. Правда, Маркъ?

— Земля кое-что значитъ, но еще не все; дѣвушкамъ нужно и другое.

Балтазаръ сострадательно улыбнулся надъ ослѣпленіемъ

пріятеля, не замѣчавшаго, что въ немъ есть все, чего только можно пожелать, и лукаво потрепалъ Терметту по спинѣ съ цѣлью разсмѣшить.

— Ну, миленькій, — сказалъ онъ, — лицомъ-то бываютъ и похуже меня. Когда я былъ маленькимъ, моя мать повторяла не разъ: «Что за красавчикъ! Чисто маленькій Христосъ!» Знаю, она хватила черезъ край, но все-таки съ тѣхъ поръ я не такъ ужъ измѣнился. Что-же касается повадки, то стоитъ на меня взглянуть, чтобы понять, что мнѣ нечему учиться.

— Ахъ, этого все еще недостаточно.

— Что ты хочешь сказать, Маркъ? Барышня, что еще можетъ понадобится дѣвушка?

— Надо понравиться, любезный, надо понравиться, — отвѣтилъ Маркъ. — Земля, наружность, повадка — все это ни къ чему, если не понравишься; а если понравишься, то и безъ нихъ будешь хорошъ.

— А какъ надо понравиться? — спросила Терметта, которая отодвинула стулъ, чтобы избавиться отъ подталкиваній Балтазара.

Все остроуміе браваго парня выражалось въ этихъ толчкахъ, и молодая дѣвушка находила, что его черезчуръ уже много.

— Право, не знаю, — отвѣтилъ Маркъ. — Чѣмъ больше я стараюсь, тѣмъ меньше успѣваю.

— Ну, какъ вы стараетесь понравиться Франселинѣ, Маркъ? Мнѣ очень любопытно бы узнать, — пояснила Терметта, наклоняясь надъ шпулькой, чтобы поправить нитку, которую незачѣмъ было поправлять.

Она чувствовала, что краснѣетъ.

— Какъ же это рассказать вамъ, барышня?

— Ради забавы поговорите-ка съ нами, какъ будто съ Франселиной, — наставляла Терметта, у которой нитка запутывалась все болѣе и болѣе, если судить по вниманію, съ какими она къ ней относилась.

— О, барышня, все это приходится въ голову при той, за кѣмъ ухаживаешь; но какъ станешь повторять другимъ?

— Попробуйте, чтобы сдѣлать мнѣ удовольствіе.

— Ну, рассказываю ей, какъ это я въ нее влюбился и какая она хорошенькая. Хвалю ее, точно королеву. Она немножко тщеславна, вы знаете, а я думаю про себя: «Если я буду ей пріятенъ, то она будетъ мнѣ благодарна». Я ей говорю, что ее нельзя сравнить ни съ какой другой дѣвицей, и это, пожалуй, правда, барышня: она совсѣмъ особенная дѣвушка. Говорю ей, что она ходитъ, точно барыня, что ея глаза проникаютъ въ душу, когда на нихъ смотришь, что такихъ прекрасныхъ волосъ, какъ у нея, я никогда не видывалъ, что щеки и шея у нея такія свѣжія, что только разъ взглянувши, ихъ

уже хочется цѣловать. И это тоже правда, барышня, не въ обиду вамъ будь сказано. Иногда я дѣлаю видъ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ хочу поцѣловать ее, только это невозможно: у нея рука проворная. Я толкую ей, что если-бы сдѣлался ея другомъ, то считалъ-бы себя въ раю и былъ бы такъ счастливъ, что ради одного этого — и то стоило бы полюбить меня. Если она меня слушаетъ, — а это бываетъ не часто, потому что она упряма, — тогда я беру ее за руку, вотъ такъ, барышня, дайте мнѣ ручку, — и глажу ее, какъ можно нѣжнѣе, а самъ при этомъ дрожу отъ удовольствія и думаю: «Когда-нибудь заставлю дрожать и тебя». И глажу ей пристально въ глаза, долго, долго и отъ всей души, чтобы сколько-нибудь ее тронуть. Я думаю, ледъ растаялъ-бы отъ такихъ взглядовъ. Да, какъ-же! Нисколько! Она хохочетъ мнѣ въ лицо.

Терметта вся поблѣднѣла; рука ея дрожала въ рукѣ молодого человѣка такъ, какъ тому хотѣлось, чтобы дрожала рука Франселины. Какой-то болѣзненный восторгъ углубилъ ея ямочки въ углахъ рта и придавъ имъ прелестное выраженіе нѣжности и страданія. Что подумалъ бы Маркъ, если бы замѣтилъ это? Но для честнаго парня все это была игра, и онъ ничего не видѣлъ.

— А вы, Маркъ? — спросила она стараясь говорить твердымъ голосомъ, — вамъ-то что нравится?

— Мнѣ, — повторилъ онъ съ удивленіемъ.

Она мысленно сравнивала себя съ наслѣдницею дома Риболье. Злые языки на селѣ утверждали, что талія Франселины похожа на футляръ стоячихъ часовъ, и въ самомъ дѣлѣ, городской житель могъ бы пожелать, чтобы она была потоньше; но красивая гордочка обладала, тѣмъ не менѣе, тою плебейской привлекательностью, которая дается силою въ соединеніи съ пышностью формъ. У нея были щеки покрытыя пушкомъ, румяныя и твердыя, какъ незрѣлый персикъ; узкій лобъ, густыя брови и роскошныя черныя волосы; черныя глаза, которымъ слѣдовало бы быть побольше, но невозможно было стать живѣе; массивный подбородокъ, толстая и золотистая шея и очень развитая грудь, что составляетъ рѣдкость въ деревнѣ. Она была большого роста и энергичнаго вида. Не достигая такихъ чрезвычайныхъ размѣровъ, какъ Маркъ, вся ея фигура дышала силою, и при видѣ ихъ рядомъ невольно приходило на умъ, что изъ нихъ вышла бы славная парочка. Вотъ, о чемъ думала Терметта, когда отвѣтила:

— Да, вѣдь мы говоримъ о томъ, что кому нравится. Развѣ вы не полюбили бы женщину не съ такими черными волосами, какъ у Франселины? Развѣ она вамъ понравилась тѣмъ, что такъ велика и полна?

Сердце у нея трепетало, какъ будто въ немъ сидѣла птица и отчаянно билась о его стѣнки, чтобы вырваться. И ей казалось, что говорить и предлагаетъ такіе смѣлые вопросы эта птица, а не сама она, бѣдняжка.

— Право,—сказалъ Маркъ,—въ былыя времена я не болѣе заглядывался на черныя волосы, чѣмъ на всякіе другіе, и самъ я такъ великъ, что скорѣе бы выбралъ маленькую дѣвицу. Но знаете, говорятъ, что никто не пойметъ, какъ любовь приходитъ!

— А Франселина не любитъ васъ?

— Она такъ капризна! Не могу сказать, ни да, ни нѣтъ.

— Ахъ если бы я была на мѣстѣ Франселины, вамъ, вѣроятно, не пришлось бы жаловаться на меня. Какъ можно мучить влюбленнаго, который ухаживаетъ такъ хорошо?

— Ей-ей,—воскликнулъ Балтазаръ,—мы съ вами столкнемся, и я думаю, что мнѣ тоже не придется жаловаться на васъ!

На лицѣ Терметты мелькнула улыбка, выражавшая, что она не раздѣляетъ этой увѣренности.

— Ахъ,—сказала она,—вѣдь вы еще не говорили со мною такъ, какъ Маркъ!

— Мы можемъ прокормить восемь быковъ, барышня, не забываяте этого. Помните объ этомъ всегда, когда я буду говорить съ вами.

Франсуаза вернулась въ домъ. Она разливала молоко по горшкамъ и ставила ихъ въ рядъ, передъ очагомъ. Ей уже давно не удавалось вставить словечко.

— Сколько же у васъ останется быковъ на берегу рѣки, Балтазаръ?

— Да все восемь же, а, пожалуй, мы могли бы держать и больше. Развѣ вы не знаете нашихъ земель не хуже меня?

— Тогда вы счастливѣе, чѣмъ Клодина, дочка телѣжника Рабилю.

— Почему такъ?

— Потому что спрашивали у ея отца: «Въ хорошемъ ли она домѣ?» А онъ отвѣтилъ: «Не совсѣмъ, но зато рядомъ съ хорошимъ».

— Вы хотите сказать, что я то въ хорошемъ домѣ? Если вы всегда будете говорить такія истины, то попадете прямо въ рай, Франсуаза. Хорошій домъ, барышня, лучший въ Каландрѣ; не правда ли, Маркъ?

Марка забавляли рѣчи Франсуазы; онъ снисходительнымъ жестомъ одобрилъ слова пріятеля.

— Это надо приберечь для нотаріуса, мой бѣдный Балтазаръ,—сказала Терметта съ отгѣнкомъ насмѣшки. — Съ дѣвушками говорить совсѣмъ не такъ.

Когда молодые люди вмѣстѣ пошли по домамъ, Балтазаръ не забылъ спросить Марка:

— Ну, на этотъ разъ дѣло пойдетъ, да?

— Да, если ты согласенъ молчать,—отвѣтилъ его другъ и попытался растолковать, что было глупаго въ его рѣчахъ; но Балтазаръ сталъ доказывать ему, что онъ совершенно не понимаетъ, какъ слѣдуетъ ухаживать за дѣвушками.

(Продолженіе слѣдуетъ).

* * *

Я былъ высоко, далеко отъ земли
На черной, угрюмой скалѣ,
Внизу подо мною потоки текли,
Долины тонули во мглѣ.

Могучія крылья держали меня,
Нога не касалась камней,
Я полонъ былъ весь неземного огня,
Отъ жизни далека и людей.

И въ вѣчность мой разумъ безстрашно проникъ,
И тайну ея разгадалъ,
Познанья могучій холодный родникъ
Сомнѣнья мои утолялъ.

Все горе, всѣ радости жизни моей
Исчезли въ тотъ мигъ безъ слѣда,
Я былъ далеко отъ земли и людей,
Но... былъ ли я счастливъ тогда?

Allegro.

Народно-хозяйственные наброски.

XXXIII.—Затраты губернских земствъ на «экономическія мѣропріятія». —

XXXIV.—Къ вопросу о задолженности частнаго землевладѣнія.

XXXIII *).

Московская губернская земская управа издала къ послѣдней сѣдско-хозяйственной выставкѣ интересную работу своего экономическаго бюро: *«Историческій очеркъ экономическихъ мѣропріятій Московскаго губернскаго земства»* (М. 1895). Содержаніе ея составляетъ описаніе экономической организаціи этого земства, изложеніе его дѣятельности по распространенію земледѣльческихъ орудій, сѣмянъ травъ и хлѣбныхъ растений, данныя о распространеніи среди крестьянскаго населенія губерніи плуговъ и о кустарномъ ихъ производствѣ, о крестьянскомъ травосѣяніи и пр. Такая работа, подводящая итоги дѣятельности одного изъ передовыхъ земствъ въ народно-хозяйственной области, очевидно, представляетъ крупный интересъ для всякаго, интересующагося хозяйственнымъ бытомъ нашей страны. Понятно, интересъ этотъ возрастетъ еще болѣе, если попытаться сравнить сообщаемыя названнымъ изданіемъ данныя съ аналогичными свѣдѣніями о другихъ земствахъ, работающихъ въ томъ же направленіи. Быть можетъ, намъ и удастся побесѣдовать съ читателемъ на эту тему, но не на этомъ мы хотимъ остановить его вниманіе въ настоящую минуту. Въ приложеніи къ своей работѣ экономическое бюро Московскаго губернскаго земства помѣстило нѣсколько таблицъ, знакомящихъ съ размѣрами и распредѣленіемъ расходовъ *тридцати трехъ* губернскихъ земствъ Россіи на «экономическія мѣропріятія» за 29 лѣтъ (съ 1865 по 1893 г.). Эти данныя, полученные путемъ непосредственныхъ сношеній Московской губернской управы съ прочими тридцатью двумя, сгруппированы и по годамъ, и по пятилѣтіямъ, и по губерніямъ. Надо быть весьма благодарными тѣмъ, кто были инициаторами и исполнителями такой счастливой мысли дать каждому возможность судить о томъ, въ какой мѣрѣ

*) Читано въ засѣданіи Статистическаго Отдѣленія Московскаго Юридическаго Общества 24 Января 1896 г.

ихъ увеличилось вдвое, а такое-же значеніе затратъ на «экономическія мѣропріятія» въ общей суммѣ необязательныхъ расходовъ возросло, какъ упомянуто, почти въ 10 разъ. Еще нагляднѣе виденъ ростъ этого рода земскихъ затратъ, если взглянуть на абсолютныя цифры. Въ первое четырехлѣтіе на этотъ предметъ было затрачено менѣе 69 тыс. рублей, въ слѣдующія пятилѣтія 376,6 тыс.; 1,1 милл.; 1,8 милл.; 7,4 милл., а въ послѣднее—7,8 милл. руб.; увеличеніе оказывается болѣе, чѣмъ въ 110 разъ. Какъ-бы ни казалась мала эта абсолютная цифра по сравненію съ массой хозяйственныхъ нуждъ населенія 33-хъ губерній Россіи, указанная быстрота роста затратъ губернскихъ земствъ въ этой области обращаетъ на себя вниманіе и усиливаетъ интересъ къ болѣе подробному изученію этихъ расходовъ.

Авторы интересующихъ насъ таблицъ расчленили всѣ «экономическіе» расходы губернскихъ земствъ на 21 рубрику, которыми мы соединяемъ, во избѣжаніе чрезмѣрной пестроты изложенія, въ 10 группъ. Именно, мы относимъ къ I-й расходы на органы сельско-хозяйственной дѣятельности земствъ (гр. 11); ко II-й—расходы на изслѣдованіе хозяйственныхъ нуждъ населенія (на «статистическую часть») (гр. 6); къ III-й—расходы на содѣйствіе переселеніямъ (гр. 17); къ IV-й—на кредитныя учрежденія (гр. 25); къ V-й—на непосредственную помощь сельскому хозяйству—на борьбу съ вредными животными и насѣкомыми, на осушку болотъ, лѣсонасажденіе и улучшеніе луговъ, на устройство опытныхъ полей, на распространеніе земледѣльческихъ орудій, сѣмянъ и удобрительныхъ туковъ, на содѣйствіе садоводству, плодоводству, шелководству (гр. 8, 12, 16, 20 и 24); къ VI-й—расходы на нужды скотоводства: на ветеринарную часть и на содѣйствіе развитію животноводства (гр. 5 и 10); къ VII-й—расходы на техническія производства (винокуренное, свеклосахарное, крахмальное, сыроваренное и друг.) (гр. 21); къ VIII-й—на содѣйствіе развитію кустарныхъ промысловъ (гр. 13); къ IX-й—на развитіе профессиональнаго обученія: на сельско-хозяйственное, техническое и ремесленное образованіе, на распространеніе сельско-хозяйственныхъ знаній при посредствѣ сельскихъ школъ и на сельско-хозяйственные популярныя изданія (гр. 7, 9, 19 и 23); наконецъ, къ X-й—расходы на сельско-хозяйственные общества и выставки, на сельско-хозяйственные сѣзды и естественно-историческіе музеи (гр. 14, 15, 18 и 22). Такой группировки мы и будемъ держаться въ послѣдующемъ.

Желая, прежде всего, уяснить себѣ, какое значеніе въ земскомъ «экономическомъ» бюджетѣ имѣетъ каждая изъ этихъ группъ, пользуемся итогами нашихъ таблицъ.

Всѣ 33 губернскія земства за всѣ 29 лѣтъ распредѣлили свои траты на «экономическія мѣропріятія» (упомянутыя 18½ милл. рублей) слѣдующимъ образомъ. Почти ⅔ этихъ денегъ (58,8%) употреблено на группу VI (скотоводство); изъ того числа лишь

весьма небольшая часть (всего 1,5%) затрачена на содѣйствіе развитію животноводства, а все остальное (57,3%) на ветеринарную часть (включая сюда и борьбу съ эпизоотіями). Такимъ образомъ, на всѣ остальные «экономическія мѣропріятія» было употреблено съ небольшимъ лишь $\frac{2}{3}$ (41,2%)—нѣсколько болѣе 7 милл. руб.—указанной общей суммы. Такое неравномѣрное распредѣленіе тратъ на ветеринарную часть съ одной стороны и на всѣ прочіе хозяйственные расходы — съ другой обращаетъ на себя серьезное вниманіе. Ветеринарія и борьба съ эпизоотіями безспорно должны быть весьма важными предметами заботъ земскихъ учреждений; но не менѣе безспорно, что въ сферу вѣдѣнія послѣднихъ входятъ и другіе предметы не меньшей, а даже большей важности для народной экономіи, какъ это сейчасъ удастся намъ увидѣть. Въ указанной неравномѣрности сказалось, очевидно, то обстоятельство, что въ среду земствъ далеко не сразу и далеко не быстро проникло сознаніе о томъ, что кромѣ ветеринаріи еще и другіе виды содѣйствія развитію хозяйственной жизни населенія входятъ въ ихъ компетенцію и въ сферу ихъ обязанностей. Въ самомъ дѣлѣ, цифра 7 милл., истраченная на всѣ остальные перечисленныя группы расходовъ на пространствѣ 33 губерній почти за три десятилѣтія, представляется ужъ чересчуръ ничтожной въ сравненіи съ 11 милл., затраченными на томъ же пространствѣ и въ тотъ же періодъ времени на одну ветеринарную часть.

Идемъ далѣе. Остальные 41,2% расходовъ земствъ въ данной области распредѣлились такъ: на группу IX (профессіональныя знанія) выпало 15,6%, на группу II (статистика)—12,4% и на группу V (сельско-хозяйственные расходы)—9,0%. Изъ послѣдняго количества на борьбу съ вредными животными и насѣкомыми потребовалось 7,4%, а слѣдовательно, на всѣ остальные агрономическія нужды было употреблена лишь весьма небольшая величина, едва превышающая полтора процента (1,6%). Всего на эти три группы затрачено было 37,7% всѣхъ расходовъ губернскихъ земствъ на «экономическія мѣропріятія», что вмѣстѣ съ вышеуказанными 58,8%, употребленными на ветеринарію и животноводство, составляетъ въ суммѣ 95,9%. Сверхъ того, на группу X (выставки, музеи и пр.) употреблено было 1,6% и на организацію «экономическихъ» органовъ земства (гр. I)—1,2%.—Слѣдовательно, на остальные четыре группы расходовъ,—на содѣйствіе переселеніямъ, кустарнымъ промысламъ, на развитіе кредита и техническихъ производствъ остается ничтожная величина—1,3%.

Суммируя сказанное о распредѣленіи этихъ расходовъ, можно видѣть, что дѣятельность губернскихъ земствъ характеризуется у насъ до сихъ поръ въ области хозяйственныхъ отношеній главнымъ образомъ отрицательнымъ признакомъ—борьбой съ вредными природными вліяніями. Ветеринарія и борьба съ вредными животными и насѣкомыми потребовала почти $\frac{2}{3}$ всѣхъ ихъ расходовъ

этого рода (65,2%) и только *одна треть* затратъ была употреблена на созидательную работу, имѣющую цѣлью развитіе, движеніе впередъ народнаго хозяйства. Эта треть составляетъ очень скромную цифру—менѣе 7 милл. за 29 лѣтъ на всѣ 33 губерніи, т. е. въ среднемъ около 7,300 рублей въ годъ на каждую... Но и эта грошовая сумма тратилась сколько нибудь замѣтными долями лишь въ двухъ, хотя и весьма почтенныхъ направленіяхъ—на распространеніе профессиональныхъ знаній и на мѣстные изслѣдованія. На усиленіе крестьянскихъ земледѣльческихъ капиталовъ, на увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія (путемъ содѣйствія переселеніямъ) и на содѣйствіе кустарной промышленности и техническимъ производствамъ истрчено было всего-на-всего 814 тыс., т. е. меньше 1 милл. рублей на всей указанной территории за весь 29-лѣтній періодъ. Приходится убѣждаться, что крупнѣйшіе вопросы современной русской хозяйственной жизни успѣли пока обратить на себя лишь весьма мало вниманія со стороны огромнаго большинства нашихъ губернскихъ земствъ.

Взглянемъ теперь на движеніе этихъ цифръ во времени и постараемся опредѣлить тѣ тенденціи, которыя свойственны были имъ въ указанное время. Разсматривая абсолютныя величины расходовъ каждой изъ названныхъ группъ по пятилѣтіямъ, отмѣчаемъ прежде всего группу IV-ю (содѣйствіе развитію кредита), расходы которой встрѣчались только въ 3-хъ среднихъ пятилѣтіяхъ и составляютъ совершенно ничтожную сумму (въ общемъ итогѣ—1,379 р.).

Немногомъ большее значеніе имѣетъ и группа VII (техническія производства), имѣющая сколько-нибудь замѣтныя цифры только для первыхъ двухъ пятилѣтій (3,1 и 8,8 тысячъ руб.), а затѣмъ во все остальное время—или нуль, или по нѣскольکو сотъ рублей. Изъ остальныхъ группъ расходы на статистику и на борьбу съ вредными животными и насѣкомыми выделяются въ томъ отношеніи, что обѣ эти категоріи сократились въ послѣднее пятилѣтіе по сравненію съ предшествующимъ *). Борьба съ вредными животными и насѣкомыми зависитъ отъ наличности послѣднихъ; увеличеніе или сокращеніе расходовъ по этой статьѣ почти не зависитъ отъ воли земствъ; если расходы эти сократились, вѣроятно уменьшилось число вредныхъ животныхъ. Гораздо труднѣе подыскать основательное объясненіе сокращенію расходовъ по статистикѣ, особенно въ послѣдніе годы, когда на земства возложена обязанность болѣе правильной оцѣнки земель. Всѣ остальные группы расходовъ абсолютно увеличивались въ теченіи всего названнаго періода, причѣмъ цифры особенно сильно

*) Расходы на статистику (въ тысячахъ рублей) по пятилѣтіямъ: 1,2; 14,2; 134,8; 370,7; 933,0 и 885,9, а расходы на борьбу съ вредными животными и насѣкомыми (въ тысячахъ рублей): 3,0; 11,5; 220,3; 233,2; 615,7 и 300,3.

возвышались въ послѣдніа два пятилѣтія, что уже можно было замѣтить выше изъ колебаній итоговъ расходовъ земствъ на всѣ «экономическія мѣропріятія». Такъ, расходы по группѣ I (экономическая организація) возрасли съ 19,4 тыс. руб. въ четвертое пятилѣтіе на 67,9 тыс. въ послѣднее. По снабженію населенія орудіями, сѣменами и пр. — съ 48,3 тыс. на 160,0 тыс.; по группѣ VI (ветеринарія и содѣйствіе животноводству) — съ 551,0 тыс. на 4,9 милл.; по группѣ VIII (кустарные промыслы) — съ 12,0 тыс. на 92,6 тыс.; по группѣ IX (професс. образованіе) — съ 515,5 тыс. на 1,2 милл.; по группѣ X (выставки, музеи и пр.) — съ 28,6 тыс. на 119,4 тыс.

Такимъ образомъ, абсолютныя цифры расходовъ по всѣмъ этимъ группамъ растутъ, что можетъ навести на мысль о пробужденіи въ губернскихъ земствахъ склонности начать нѣкоторую созидательную работу, въ области народнаго хозяйства. Но къ такому предположенію слѣдуетъ пока относиться съ большою осторожностью. Для него, пока еще не имѣется достаточныхъ основаній, въ чемъ насъ могутъ убѣдить сопоставленія *относительныхъ* величинъ тѣхъ же расходовъ по пятилѣтіямъ. Прослѣдимъ, какъ измѣнялось въ общемъ «экономическомъ» бюджетѣ губернскихъ земствъ по пятилѣтіямъ значеніе расходовъ каждой отдѣльной группы.

Въ этомъ случаѣ прежде всего выделяются расходы по снабженію населенія орудіями, сѣменами, по устройству опытныхъ полей и пр. Относительная величина этихъ расходовъ не обнаруживаетъ въ данномъ случаѣ никакой опредѣленной тенденціи — ни къ увеличенію, ни къ уменьшенію (2,61%; 0,01%; 1,74; 2,70%; 0,92%; 2,1%). Цифры эти обнаруживаютъ какъ бы нѣкоторую нерѣшительность губернскихъ земствъ въ производствѣ тратъ на эти предметы. Хотя абсолютно ассигновки и растутъ, но не настолько, чтобы получилась картина твердаго, постояннаго, замѣтнаго увеличенія значенія этого фактора въ земскомъ бюджетѣ. Далѣе, выделяются еще двѣ группы расходовъ, — IV-я (на содѣйствіе развитію кредита) и VII-я (на техническія производства), обнаруживающія рѣшительную тенденцію къ упадку (IV-я: 0,1%, 0,07% и 0,02%; VII-я: 4,6%, 2,3% и 0,05%). Цифра для каждой изъ нихъ встрѣчается лишь въ трехъ пятилѣтіяхъ (IV-я въ 1869—1883 гг., VII-я въ 1865—1878 гг.). По этимъ статьямъ губернскія земства, повидимому, совсѣмъ отказались отъ мысли приходить на помощь населенію.

По всѣмъ остальнымъ группамъ расходовъ (кроме VI-й — на ветеринарію и животноводство) замѣчается одна общая всѣмъ имъ тенденція. Достигая максимума своего относительнаго значенія въ одно изъ среднихъ пятилѣтій, — чаще всего въ третье (1874—1878), или четвертое (1879—1883), иногда во второе (1869—1873) — относительная цифра каждой группы затѣмъ *падаетъ* въ слѣдующія. Расходы по группѣ II-й (статистика) возвышались послѣдовательно въ теченіи 4-хъ пятилѣтій (1,7%; 3,8%, 11,9%; 20,6%)

и затѣмъ опускались въ теченіи послѣднихъ двухъ (12,6% и 11,3%); по группѣ III (переселенія) расходы въ первомъ пятилѣтіи не встрѣчались вовсе, а затѣмъ въ три слѣдующія возрастали (0,3%, 0,6% и 1,1%), а въ послѣднія два—упали до 0,2% и 0,3%; по группѣ X-й (выставки, муки и пр.) расходы поднимались въ первыя три пятилѣтія (0,8%; 2,4% и 1,9%) и потомъ опустились въ три послѣднія (0,57%; 0,33%; 0,55%); даже по группѣ расходовъ на борьбу съ вредными животными и насѣкомыми относительныя цифры росли только въ первыя три пятилѣтія (4,7%; 3,1%; 19,5%) и систематически опустились въ послѣднія три (12,9%; 8,3% и 3,8%). По явнымъ группамъ то же явленіе варьируется въ томъ смыслѣ, что относительная цифра одного, послѣдняго пятилѣтія нѣсколько возрастаетъ по сравненію съ предшествующимъ, но все-же не достигаетъ того максимума, котораго она достигла нѣсколькими пятилѣтіями раньше. Такъ, максимумъ расходовъ по группѣ VIII-й (кустарные промыслы) находится во второмъ пятилѣтіи (1,3%); въ послѣдующія 15 лѣтъ цифры послѣдовательно падаютъ (0,9%; 0,7%; 0,4%), а въ послѣднемъ снова возвышаются, достигая 1,2%. Еще рельефнѣе сказанное видно въ группѣ IX-й (профессіональное образованіе). Въ первое пятилѣтіе расходы эти составляли довольно крупную величину—16,4%; затѣмъ во второе—они возвысились до 45,2%, т. е. захватили съ собою безъ малаго *половину* всѣхъ расходовъ губернскихъ земствъ на «экономическія мѣропріятія»; послѣ этого—цифра начинаетъ дѣлать большіе скачки внизъ (37,7%, 28,7% и 8,2%); наконецъ, въ послѣднее пятилѣтіе она возвышается, но лишь до 14,9%, т. е. не достигаетъ даже размѣровъ цифры для перваго пятилѣтія. И только въ одной группѣ расходовъ—I-й (организация) цифра послѣдняго пятилѣтія превышаетъ максимумъ, котораго она достигла за одно пятилѣтіе раньше (0,2%; 0,2%; 1,1%; 0,5%; 2,2%).

Такимъ образомъ, ни одна изъ перечисленныхъ группъ расходовъ не имѣетъ тенденціи расширять свое значеніе въ бюджетѣ губернскихъ земствъ. Одна изъ нихъ находится въ этомъ отношеніи еще въ невыясненномъ положеніи (расходы по увеличенію сельскохозяйственныхъ капиталовъ массы населенія и разныя агрономическіе); двѣ другія—рѣшительно потеряли свое значеніе, а наибольшее развитіе относительныхъ величинъ всѣхъ остальныхъ относится не къ послѣднему времени, а къ 70-хъ годамъ. Но среди всѣхъ этихъ группъ имѣются расходы на удовлетвореніе самыхъ серьезныхъ потребностей народныхъ массъ въ области хозяйственныхъ отношеній. Тутъ расходы и на переселенія, и на кустарные промыслы, и на кредитъ, и на профессиональныя знанія, и на изученіе народныхъ нуждъ и т. п. Мы видѣли выше, что абсолютныя размѣры ассигновокъ губернскихъ земствъ по большей части этихъ статей увеличиваются. Но теперь мы понимаемъ, что увеличенія эти *относительно* невелики, что въ области «экономическихъ мѣро-

пріятій» находится нѣчто такое, что вызываетъ гораздо больше вниманія со стороны губернскихъ земствъ въ послѣднее время и на то что они не скупятся возвышать свои ассигновки гораздо быстрее, чѣмъ на перечисленные выше группы. Это *нѣчто*, следовательно, считается болѣе серьезнымъ, настоятельнымъ и необходимымъ въ области народнаго хозяйства, чѣмъ даже увеличеніе крестьянскаго землепользованія, увеличенія земледѣльческихъ капиталовъ, кустарная промышленность, профессиональныя знанія и т. п. Но надо думать, что эта статья расхода имѣла сравнительно ограниченное значеніе въ глазахъ земцевъ 70-хъ годовъ, такъ какъ только что названныя прочія статьи играли въ бюджетѣ губернскихъ земствъ тогда гораздо большую роль; это *нѣчто*, очевидно, получило лишь особенно выдающуюся важность въ послѣднемъ пятилѣтіи, такъ какъ губернскія земства нашлись вынужденными выдвигать его значеніе на счетъ относительной роли прочихъ крупнѣйшихъ хозяйственныхъ расходовъ. Что же это за «нѣчто»? Отвѣтъ мы получаемъ изъ группы VI-й (расходы на животноводство, изъ которыхъ только 1 $\frac{1}{2}$ % истрачено на улучшеніе этой отрасли хозяйства, а всѣ остальные—на одну ветеринарію). Въ первое четырехлѣтіе названная статья дала крупную цифру—почти 70% (69,2%) хозяйственныхъ расходовъ; но тогда и всѣ то расходы этого рода были сравнительно ничтожны (менѣе 69 тыс. рублей во всѣхъ земствахъ за 4 года); но уже въ слѣдующее пятилѣтіе значеніе тратъ на ветеринарію падаетъ до 42,1%; припомнимъ, что тогда же расходы на профессиональное образованіе возвышаются до 45,2%; въ третье пятилѣтіе—новый сильный скачокъ этой цифры внизъ: на ветеринарію тратится всего 25,3%, на 12 $\frac{1}{2}$ % меньше, чѣмъ на профессиональное образованіе (37,7%); слѣдующее пятилѣтіе даетъ легкое увеличеніе первой величины—до 30,6%, причѣмъ расходы на ветеринарію уже превышаютъ расходы на профессиональное образованіе на 2%; наконецъ, въ пятое и шестое пятилѣтія группа VI захватываетъ опять около *двухъ третей* всѣхъ хозяйственныхъ расходовъ (67,6% и 62,6%), оставляя за собой весьма далеко всѣ остальные статьи.

Изъ сказаннаго легко можно видѣть, что заботы о ветеринарной части въ послѣднія пятилѣтія постепенно заслоняли собой въ губернскихъ земствахъ заботы о всѣхъ остальныхъ сторонахъ народнаго хозяйства, о чемъ, конечно, нельзя не пожалѣть. Земская ветеринарія безспорно нужна, важна и полезна, и губернскія земства хорошо дѣлаютъ, что заботятся о ней. Но они дѣлаютъ большую ошибку, выдвигая ея развитіе въ ущербъ развитію другихъ статей хозяйственнаго земскаго бюджета. Нельзя думать, чтобы такое одностороннее направленіе губернскихъ земствъ въ области хозяйственныхъ вопросовъ вызывалось исключительными обстоятельствами. Эпизоотія—явленіе временное, не имѣющее постоянно усиливающагося значенія. Было-бы вполне понятно, еслибы расходы губ. земства по этой статьѣ въ моменты эпизоотіи быстро возвышались,

а затѣмъ, по минованіи надобности, падали. Приведенныя же цифры свидѣлствуютъ совсѣмъ не объ этомъ. Онѣ указываютъ на систематическое увеличеніе этого рода тратъ не только абсолютно, но и относительно, т. е. другими словами—на систематическое умаленіе роли другихъ «экономическихъ мѣропріятій» въ земскомъ бюджетѣ. А это—уже не случайность, не временное стеченіе обстоятельствъ; въ этомъ сказывается господствующее отношеніе нынѣшнихъ губернскихъ земствъ къ своей роли въ народномъ хозяйствѣ. Земцы 70-хъ годовъ и техническимъ производствомъ помогали, и на кредитныя учрежденія деньги давали, и статистику развивали; земцы 80-хъ и 90-хъ годовъ (точнѣе—десятилѣтія 1883—1893 гг.) съ первыми двумя статьями прикончили совсѣмъ, а третью въ послѣднее пятилѣтіе посократили даже абсолютно. Первые считали возможнымъ давать больше на ученіе народа, чѣмъ на лѣченіе скота; вторые предпочли отношеніе обратное. Подъ давленіемъ очевидной необходимости, правда, въ послѣднее десятилѣтіе земства стали дѣлать по большинству названныхъ группъ расходовъ большія ассигновки, но при этомъ остается желать многого въ соблюденіи перспективъ. Нѣкоторые существенно важные вопросы народнаго хозяйства въ этомъ случаѣ затемняются однимъ, хотя и тоже важнымъ, но о приоритетѣ котораго можно спорить не безъ большого основанія. Если средства плательщиковъ позволяютъ усиливать ассигновки на прочія группы расходовъ, въ той-же мѣрѣ, какъ на ветеринарію, то это и слѣдуетъ дѣлать, а по нѣкоторымъ статьямъ—даже въ большей мѣрѣ. Если же средства плательщиковъ этого не позволяютъ, то слѣдуетъ часть затратъ по группѣ VI-й перенести въ другія группы. Вѣдь находили же возможнымъ соблюдать болѣе правильное соотношеніе между разными статьями хозяйственныхъ расходовъ земцы 70-хъ годовъ при болѣе скромныхъ средствахъ. Изъ сказаннаго нельзя не заключить, что тогда точка зрѣнія губернскихъ земствъ была значительно шире, многостороннѣе, глубже, чѣмъ въ послѣдній періодъ.

Переходя къ территориальному распредѣленію указанныхъ группъ расходовъ, укажемъ по каждой лишь на выдающіяся губерніи, такъ какъ приводить десять подробныхъ погубернскихъ списковъ было бы совершенно невозможно въ настоящей замѣткѣ.

По группѣ I (сельско-хозяйственные органы) первенствуетъ Пермская губ., истратившая за 29 лѣтъ 16,7% всего хозяйственного бюджета на свою агрономическую организацію. Она въ данномъ случаѣ рѣзко отличается отъ всѣхъ остальныхъ. Самыми близкими къ ней являются губерніи Вятская, Московская, Новгородская, Бессарабская и Херсонская, израсходовавшія всего отъ 4% до 1,0%; наконецъ, слѣдуютъ еще шесть губерній съ гораздо меньшими относительными тратами; въ остальныхъ таковыхъ совсѣмъ не значится.

По группѣ II (статистика) особенное вниманіе обращаетъ на

себя Тверская губ., гдѣ затраты на этотъ предметъ поглотили болѣе $\frac{3}{4}$ всѣхъ суммъ, ассигнованныхъ въ области хозяйственныхъ нуждъ (77,3%). Ближе всѣхъ стоятъ въ ней губерніи Нижегородская съ расходомъ почти половины хозяйственного бюджета (49,3%) и Тамбовская—треть (33,8%). Во всѣхъ остальныхъ эти расходы не превышаютъ 27,6% и въ иныхъ опускаются до комическихъ цифръ (Костромская—1,8%, Бессарабская—1,4%, Ярославская—0,3% и Харьковская—0,05% *).

По группѣ III (содѣйствіе переселеніямъ) исключительное мѣсто занимаетъ Рязанская губ. съ ея затратами почти четверти своего хозяйственного бюджета (22,8%); остальные четыре губерніи (Саратовская, Новгородская, Симбирская и Самарская) израсходовали по этой статьѣ менѣе 1% каждая.

Содѣйствіе развитію кредита (группа IV) оказывали только четыре губернскихъ земства (Псковское, Смоленское, Вятское и Саратовское) въ размѣрѣ отъ 0,3% до 0,02%.

Ворьба съ вредными животными и насѣкомыми потребовала болѣе всего жертвъ отъ южныхъ и отчасти юго-восточныхъ земствъ. Тамбовское, Таврическое и Харьковское истратили на этотъ предметъ около $\frac{1}{2}$ своихъ хозяйственныхъ бюджетовъ (33,4%; 32,4% и 30,4%); ближе другихъ къ этимъ Херсонское (28,1%), Воронежское (16,7%), Симбирское 15,6% и Бессарабское (15,1%); четырнадцать другихъ земствъ—не болѣе 10%, а въ остальныхъ этой статьи не встрѣчается.

По расходамъ на меліорацию, усиленіе сельско-хозяйственныхъ капиталовъ, опытные поля и пр. относительно больше всѣхъ земствъ затратило Олонецкое— $\frac{2}{3}$ своего хозяйственного бюджета—41,6% (осушки болотъ); затѣмъ—Петербургское—11,6% (тоже), Таврическое—8,7% (лѣсонасажденіе) и Псковское—7,1% (осушки и улучшенія луговъ съ одной стороны и содѣйствіе развитію специальныхъ отраслей сельскаго хозяйства); слѣдуютъ семь земствъ, затратившихъ 5—1% и пять—менѣе 1%. Въ остальныхъ 18 земствахъ никакихъ, такъ сказать, агрономическихъ расходовъ не было совсѣмъ. Очевидно, эта статья расхода ждетъ еще лучшаго будущаго.

Группа VI (ветеринарія и животноводство), какъ мы уже знаемъ, пользуется особой популярностью въ губернскихъ земствахъ. Изъ 33 земствъ—22 истратили на этотъ предметъ болѣе 50% своего хозяйственного бюджета. Есть земства, не производившія почти никакихъ другихъ тратъ въ области «экономическихъ мѣропріятій», кромѣ одной ветеринарія (Владимірское—95,0%; Самарское—93,2%;

*) 200 р. за весь періодъ! Замѣтимъ, что въ этой графѣ показаны расходы не только на основную и текущую земскую статистику, но и на изысканія почвенно-геологическія и спеціально сельско-хозяйственныя, на продовольственную статистику и метеорологическія наблюденія.

Пензенское—90,8%; еще четыре других—90—80%).—Содѣйствіе развитію животноводства оказывало всего 13 земствъ; изъ нихъ относительно болѣе другихъ Ярославское, Курское, Пермское, Полтавское, Вятское, Таврическое, Псковское и Вологодское (15,5—1,5% хозяйственнаго бюджета); остальные пять—менѣе 1%.

По группѣ VII (техническія производства) видное мѣсто занимаетъ Тверская губ. съ ея 3,1% расхода; еще четыре земства (Новгородское, Псковское, Вятское и Полтавское) истратили менѣе 1% каждая, а всѣ остальные—ничего.

Содѣйствіе кустарнымъ промысламъ (группа VIII) оказывали, какъ извѣстно, болѣе всего земства Вологодское (16,0%) и Московское (11,6%); немногимъ меньше послѣдняго—земство Тверское (7,0%); значительно меньше израсходовали по этой статьѣ земства Нижегородское, Тульское, Вятское и Казанское (2,2%—1,0%); наконецъ, еще девять другихъ удѣлили не болѣе полупроцента каждое; въ остальныхъ 17 земствахъ такихъ тратъ не встрѣчается.

По группѣ IX (профессиональное образованіе) наибольшія относительно затраты встрѣчаемъ въ Смоленскомъ, Херсонскомъ и Полтавскомъ земствахъ (57,3%; 50,9% и 48,2%)—около половины всего ихъ хозяйственнаго бюджета; затѣмъ, около трети Вятское (30,3%). Въ четырехъ земствахъ—Орловскомъ, Самарскомъ, Тамбовскомъ и Вологодскомъ—по этой статьѣ не издержано во все время ни копѣйки (!), а въ трехъ—Ярославскомъ, Казанскомъ и Олонцовскомъ—ничтожныя суммы (менѣе 1%). Во всѣхъ остальныхъ названные расходы колеблются въ размѣрѣ отъ 1 до 30%.

Наконецъ, по группѣ X (выставки, музеи, сельско-хозяйственные общества и пр.) шесть земствъ (Пермское, Полтавское, Нижегородское, Симбирское, Псковское и Вологодское) дали 5,1%—7,7% своего хозяйственнаго бюджета, десять другихъ—5,0%—1,0%, и еще двѣнадцать—менѣе 1%.

Если попытаться резюмировать дѣятельность отдѣльныхъ губернскихъ земствъ въ интересующей насъ области, то это удобнѣе всего сдѣлать, отбрасывая расходы ихъ на ветеринарную часть. Расходы эти, какъ указано, сравнительно велики почти вездѣ и колебанія ихъ затемняютъ истинное значеніе усилій разныхъ земствъ въ другихъ отрасляхъ народнаго хозяйства. Поэтому въ послѣдующей группировкѣ названная статья расхода будетъ совершенно исключена.

Располагая всѣ наши 33 губерніи по порядку возрастанія ихъ затратъ въ области хозяйственныхъ отношеній, мы знакомимся съ величиной тѣхъ жертвъ, которыя принесены были въ этомъ направленіи разными губернскими земствами. Среди земствъ, занимающихъ 16 низшихъ мѣстъ этой таблички, встрѣчаемъ и такія, которыя затратили на хозяйственныя нужды населенія за всѣ 29 лѣтъ, совершенно невѣроятныя цифры: Вологодское 8 тысячъ рублей, или 0,15 коп. на каждую удобную десятину, Пензенское—

10 тыс.=0,31 коп. на уд. дес., Владимирское—11 тыс.=0,32 коп., Костромское 27 тыс.=1,0 коп.; четыре других (Псковское, Ярославское, Олонецкое и Тульское) также не обнаружили особой щедрости въ этомъ случаѣ, израсходовавъ за весь періодъ всего отъ 42 до 55 тыс. каждое. Вообще же въ составъ всей этой группы входятъ земства, израсходовавшія на народно-хозяйственныя нужды не болѣе 143 тыс. руб. (Рязанское) въ отдѣльности каждое за весь періодъ,—17 земствъ, занимающихъ высшія мѣста упомянутой таблички производили въ этомъ направленіи траты въ размѣрѣ отъ 182 тыс. почти до 2 милл. На нихъ слѣдуетъ нѣсколько остановиться.

Прежде всего, встрѣчаемъ одно губернское земство, весьма выгодно отличающееся отъ всѣхъ остальныхъ земствъ Россіи по той отзывчивости, съ которой оно относилось и относится къ народно-хозяйственнымъ нуждамъ населенія; это—Херсонское, истратившее на нихъ въ полтора раза больше, чѣмъ всѣ 16 губернскихъ земствъ первой категоріи—почти 2 милл. рублей (1867 тыс.). Второе мѣсто занимаетъ Подтавское земство, хотя и значительно уступающее по интересующему насъ признаку Херсонскому, но затраты котораго приблизительно равняются затратамъ тринадцати губерній, занимающихъ низшія мѣста таблицы. Расходы его въ этой области равняются 844 тыс. рублей. Третье мѣсто занимаетъ Вятское земство съ его расходами въ полмилліона рублей (507 тыс.). Всѣ остальные четырнадцать земствъ второй категоріи значительно уступаютъ названнымъ. Два изъ нихъ истратили менѣе 400 и болѣе 300 тыс. (Екатеринославское 393 т. и Московское 344 тыс.), десять—отъ 300 до 200 (въ уменьшающемся порядкѣ: Пермское, Воронежское, Тверское, Новгородское, Нижегородское, Петербургское, Таврическое, Бессарабское, Самарское и Харьковское), и наконецъ, два—менѣе 200 тыс. (Курское 184 тыс. и Тамбовское 182 т.). Но эта послѣдовательность абсолютныхъ тратъ въ области народнаго хозяйства разныхъ земствъ говорить еще сравнительно мало о тѣхъ усиліяхъ, которыя они дѣлаютъ въ указанномъ направленіи. Пространства отдѣльныхъ губерній настолько разнообразны, что этотъ факторъ способенъ затмить степень напряженія платежныхъ силъ населенія каждой изъ названныхъ губерній, вызываемаго стремленіемъ того или другаго земства идти навстрѣчу хозяйственнымъ нуждамъ массы. Поэтому, чтобы освѣтить тенденціи разныхъ земствъ въ этой области, необходимо приурочить приведенныя абсолютныя цифры къ какому нибудь существенному элементу обложенія. Избираемъ такимъ элементомъ площадь удобныхъ земель губерній (по *Статистическому Временнику Росс. Имперіи, серія III, вып. 4*) и производимъ расчетъ указанныхъ тратъ за весь 29-лѣтній періодъ на одну удобную десятину. Въ результатѣ получаемъ слѣдующее.

Прежде всего мы наталкиваемся на фактъ, который свидѣ-

тельствуетъ о крайней... скромности, что-ли, нашихъ губернскихъ земствъ, взятыхъ въ совокупности, въ дѣлѣ помощи народному хозяйству населенія. Названные 17 земствъ, сдѣлавшія въ этой области наиболѣе крупныя затраты *), издержали въ общей сложности на 29 лѣтъ почти комическую цифру—*всего 5, копѣекъ въ среднемъ съ каждой удобной десятины, или менѣе одной пятой копѣйки въ годъ*. Очевидно, съ такой «суммой» далеко не уѣдешь. Для такой бѣдной въ хозяйственномъ смыслѣ страны, какъ Россія, съ ея малоземелиемъ, съ ея переселенческими и арендными вопросами, съ ея нуждами кустарной промышленности, отсутствіемъ мелкаго кредита и пр. и пр. эта цифра, конечно, была-бы очень смѣшна, если-бы не была такъ грустна...

Но эта общая средняя допускаетъ большія колебанія. Три губерніи изъ числа упомянутыхъ несутъ гораздо большія жертвы: на первомъ мѣстѣ и въ этомъ случаѣ (какъ и по размѣрамъ абсолютныхъ тратъ) стоитъ Херсонское земство—30,2 коп. съ удобной десятины; на второмъ, какъ и тамъ, Полтавское—21,0 коп.; третье мѣсто занимаетъ въ этомъ случаѣ не Вятское, а Московское земство—12,4 коп.; за этими слѣдуютъ земства Петербургское (8,0 коп.), Екатеринославское (7,0 коп.), Нижегородское (6,0 коп.), Бессарабское (5,8 коп.), Тверское (5,4 коп.) и Воронежское (5,0 коп.), наконецъ, остальные восемь земствъ въ уменьшающемся порядкѣ (Таврическое, Курское, Харьковское, Вятское, Тамбовское, Новгородское, Пермское и Самарское) несутъ траты этого рода въ размѣрѣ ниже средняго—отъ 4,7 коп. до 1,8 коп. съ одной удобной десятины. Если сгруппировать названные земства по географическимъ полосамъ, то получится такая схема. Имѣется въ Европейской Россіи три крупныя области, въ которыхъ траты губернскихъ земствъ на народно-хозяйственныя нужды населенія абсолютно и относительно значительнѣе всѣхъ остальныхъ мѣстностей страны. Первая изъ нихъ охватываетъ 9 губерній (съ 43.710 тыс. дес. удобной земли), расположенныхъ сплошной полосой на югѣ; это—вся Новороссія (кроме Донской области), двѣ малороссійскія губерніи и три губерніи средней черноземной полосы; вторая—состоитъ изъ четырехъ губерній, расположенныхъ по Волгѣ и Камѣ (съ 56.118 тыс. дес. удобной земли) и, наконецъ, третья—составляется изъ четырехъ же губерній, расположенныхъ по линіи Николаевской жел. дороги—двухъ столичныхъ и двухъ другихъ, помѣщаемыхъ между ними (съ 17.654 тыс. дес. удобной земли). Первая (южная) область, въ свою очередь, раздѣляется на двѣ неравныя части: одна состоитъ изъ двухъ губерній (Херсонской и Полтавской), составляющихъ, по количеству удобной земли, почти $\frac{1}{4}$ всего указаннаго пространства и характеризующихся особо высо-

*) Напоминаемъ еще разъ, что ветеринарія изъ всѣхъ этихъ группировокъ исключена.

кими тратами губернских земствъ на нужды народнаго хозяйства, а вторая—изъ всѣхъ остальныхъ губерній, входящихъ въ составъ очерченной области, значительно уступающихъ первой по указанному признаку. При такой географической группировкѣ получается слѣдующая послѣдовательность перечисленныхъ группъ губерній по размѣрамъ сказанныхъ расходовъ губернскихъ земствъ (въ среднемъ) съ удобной десятины:

1)	губерніи Херсонская и Полтавская	26,4 коп.
2)	» Московская, Петербургская, Тверская и Новгородская	6,1 »
3)	» Бессарабская, Екатеринославская, Таврическая, Харьковская, Воронежская, Тамбовская и Курская	5,0 »
4)	» Нижегородская, Вятская, Пермская и Самарская	2,2 »

Такимъ образомъ, наибольшія относительныя траты на нужды народнаго хозяйства несутъ губерніи Херсонская и Полтавская. Размѣры ихъ расходовъ въ указанномъ направленіи на десятину превышаютъ болѣе чѣмъ въ пять разъ общую среднюю для всѣхъ 17 губерній и оставляютъ весьма далеко за собой всѣ остальные губерніи Россіи. Это обстоятельство, конечно, выдвигаетъ весьма сильно Херсонское и Полтавское губернска земства изъ всей остальной массы послѣднихъ. Но... не слѣдуетъ преувеличивать и ихъ значенія въ интересующей насъ области. Даже эти безспорно передовыя въ данномъ вопросѣ земства издерживали на нужды народнаго хозяйства въ среднемъ *менѣ одной копейки* въ годъ съ удобной десятины. Нельзя-же въ самомъ дѣлѣ сказать, чтобы это было ужъ очень много въ сравненіи съ океаномъ народно-хозяйственныхъ нуждъ массы населенія... Во всякомъ-же случаѣ остается констатировать, что *по сравненію* съ прочими губерніями это очень много. Гулливеръ, казавшійся карликомъ среди великановъ, былъ великаномъ въ странѣ лиллипутовъ. Вообще, вещи приходится познавать только сравненіемъ... Далѣе, рѣзкій скачокъ къ группѣ губерній, расположенныхъ по Николаевской ж. д., въ которыхъ, благодаря крупнымъ ассигновкамъ столичныхъ губерній, средній расходъ на удобную десятину превышаетъ 6 к. Это—больше, чѣмъ въ остальныхъ указанныхъ областяхъ, но это все-таки меньше четверти среднихъ относительныхъ расходовъ земствъ Херсонскаго и Полтавскаго, взятыхъ вмѣстѣ. Почтенное Московское земство, заговорившее однимъ изъ первыхъ о необходимости идти на встрѣчу нуждамъ народнаго хозяйства, все-же истратило на десятину въ 2½ раза меньше Херсонскаго и почти вдвое меньше Полтавскаго. Траты Петербургскаго земства составляютъ на десятину менѣ ¾ тратъ Московскаго; а расходы Тверскаго и Новгородскаго—еще гораздо меньше Петербургскаго. — Слѣдующую группу составляютъ

остальные названные семь южных губерний. Средние расходы на десятину этих совпадаютъ съ общей средней для всѣхъ 17 губерний—5,0 коп. Эта величина въ 5 разъ слишкомъ меньше соответственной средней величины въ сосѣднихъ съ ними Херсонской и Полтавской губерніяхъ. Надо прибавить къ сказанному, что эта средняя (5,0 к.) весьма близка къ дѣйствительнымъ цифрамъ расходовъ: только двѣ губерніи даютъ замѣтное уклоненіе въ обѣ стороны отъ средней величины (Екатеринославская 7,0 к. и Тамбовская 3,3 к.), колебанія-же всѣхъ остальныхъ ничтожны (4,6 к.—5,8 к.). Наконецъ, четвертая группа поименованныхъ губерний—по Волгѣ и Камѣ—несетъ въ среднемъ наименьшій расходъ (съ десятины) на нужды народнаго хозяйства—всего 2,2 к., т. е. въ 12 разъ меньше первой группы, почти вдвое меньше второй и больше чѣмъ вдвое меньше третьей и общей средней. Одна изъ этихъ губерний—Нижегородская, правда, превышаетъ общій средній размѣръ расхода (6,0 к.), но за то другая Самарская—опускаетъ его до 1,8 к. за весь 29-лѣтній періодъ! Пользующіяся весьма почтенной репутаціей земства Вятское и Пермское въ сущности сдѣлали еще весьма небольшія траты въ народно-хозяйственной области, если принять во вниманіе ихъ пространство. По размѣрамъ этихъ тратъ на десятину Вятское занимаетъ *дванадцатое*, а Пермское—*шестнадцатое* (предпоследнее) мѣсто въ ряду нашихъ 17 губерний. При той отзывчивости, которую обнаруживаютъ эти земства къ нуждамъ народнаго хозяйства, надо думать, что дѣятельность ихъ въ этой области находится еще въ зачаточномъ состояніи, ибо у нихъ имѣется еще очень широкій просторъ для увеличенія ассигновокъ. Пусть бы въ самомъ дѣлѣ обложеніе губернскимъ сборомъ удобныхъ земель Вятской губерніи на хозяйственныя нужды сравнялось бы съ обложеніемъ Херсонской, т. е. увеличилось бы въ 7½ разъ. За 29 лѣтъ Вятское земство истратило на этотъ предметъ (безъ расходовъ на ветеринарную часть) 507 тыс.; слѣдовательно, при нашемъ предположеніи, цифра эта превышала бы 3,8 милл. за весь періодъ или составила бы болѣе 130 тысячъ рублей въ среднемъ въ годъ. Это была бы такая сумма, которая оказалась бы, пожалуй, въ состояніи оставить прочный слѣдъ въ народномъ хозяйствѣ вятскаго края, если бы употребить ее на организацію земледѣльческаго и кустарнаго производства массы въ интересахъ подъема производительности труда.

Таковы размѣры относительныхъ расходовъ нашихъ 17 губернскихъ земствъ на «экономическія мѣропріятія». Уяснить причины приведенныхъ различій между отдѣльными группами губерний представляетъ немалыя трудности. Необходимо, однако, попытаться ознакомиться хоть съ тѣми немногими указаніями въ этомъ направленіи, которыя мы можемъ почерпнуть изъ рассматриваемыхъ таблицъ экономическаго бюро Московской губернской управы. Обратимся къ тѣмъ группамъ расходовъ, которыя помогаютъ собой

наибольше видны доли указанных ассигновокъ въ названныхъ 17 земствахъ.

Характерной чертой почти всѣхъ земствъ этой категоріи служить особенное развитіе ихъ расходовъ по группамъ IX-й и II-й (на профессиональное образованіе и на статистику). Первая группа отсутствуетъ лишь въ двухъ губерніяхъ (Самарской и Тамбовской), а вторая—въ одной (Харьковской). Всѣ остальные земства удѣлили на эти предметы болѣе или менѣе выдающіяся суммы. Заботами о развитіи профессиональнаго образованія особенно отличаются оба передовыя земства—Херсонское и Полтавское, употребившія на этотъ предметъ около половины своихъ самыхъ крупныхъ хозяйственныхъ бюджетовъ (50,9% и 48,2%); такую-же долю расходовъ понесло для этой цѣли и Нижегородское земство (49,3%); Вятское дало на то же дѣло около трети (30,9%). Надъ развитіемъ статистики поработали, какъ уже было указано, болѣе всего земства Тверское (77,3%), Нижегородское (49,3%), Тамбовское (33,8%), Московское (23,3%). Новгородское (22,3%) и друг. Такимъ образомъ первое замѣчаніе, которое можно сдѣлать въ этомъ случаѣ, заключается въ томъ, что расширеніе хозяйственныхъ бюджетовъ губернскихъ земствъ происходило прежде всего тамъ, гдѣ глубже и прочнѣе укрѣпилось у большинства гласныхъ сознаніе въ необходимости просвѣщенія, профессиональнаго обученія—во-первыхъ и научно-статистическаго изученія мѣстныхъ хозяйственныхъ нуждъ—во-вторыхъ.

Въ связи съ сказаннымъ находится и замѣтное развитіе въ нѣкоторыхъ изъ названныхъ земствъ расходовъ X-й группы (на выставки, музеи и пр.), не играющей, впрочемъ, почти нигдѣ особенно значительной роли.

Въ губерніяхъ Московской и Тверской выступаютъ расходы на развитіе кустарныхъ промысловъ (11,6% и 7,0%); встрѣчаются они, хотя и въ гораздо меньшихъ относительныхъ размѣрахъ, въ двухъ сѣверо-восточныхъ (Нижегородской и Вятской) и въ еще болѣе скромномъ размѣрѣ—въ одной южной (Харьковской).

Далѣе, однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ затратъ, составляющихъ характерную особенность главнымъ образомъ южныхъ губерній, представляется борьба съ вредными животными и насекомыми. Эта группа расходовъ встрѣчается и у всѣхъ четырехъ сѣверо-восточныхъ земствъ. Но размѣры ихъ тамъ сравнительно невелики (5,0%—0,01%). На югѣ-же нѣкоторымъ земствамъ пришлось затратить на этотъ предметъ около $\frac{1}{3}$ своего хозяйственнаго бюджета (Херсонское 28,1%, Таврическое 32,4%, Харьковское 30,4%, Тамбовское 33,4%). Почти во всѣхъ остальныхъ находимъ если не такія крупныя, то все-же весьма замѣтныя цифры.

Въ Тверскомъ земствѣ должны быть отмѣчены расходы на развитіе техническихъ производствъ, хотя и прекращенные, но поглотившіе все-таки болѣе 3% общей суммы хозяйственныхъ тратъ.

Наконецъ, въ разныхъ указанныхъ областяхъ пробиваются въ нѣсколько замѣтномъ количествѣ и расходы на осушки болотъ, усиленіе сельско-хозяйственныхъ капиталовъ, на опытные поля и т. п. Затраты этого рода, какъ мы уже знаемъ, новелики и встрѣчаются далеко не у всѣхъ губернскихъ земствъ даже этой категоріи. Мы находимъ ихъ и въ Полтавской губ. (5,0%), и въ Петербургской (11,6%), и въ Таврической (8,7%), и въ Вятской (4,3%), и въ нѣкоторыхъ друг. въ болѣе скромныхъ относительныхъ размѣрахъ.

Сказаннымъ исчерпываются главнѣйшія статьи расходовъ разсматриваемой группы 17 земствъ. Есть еще и другія, такъ какъ вообще эта группа обладаетъ сравнительно большимъ разнообразіемъ хозяйственныхъ тратъ, чѣмъ прочія 16 земствъ; но относительная роль другихъ статей гораздо менѣе замѣтна.

Слѣдовательно, второе замѣчаніе, вытекающее изъ сказаннаго, можно формулировать такъ. Группы губерній, расположенныхъ по Николаевской ж. д., характеризуется отчасти и стремленіемъ оказать нѣкоторое содѣйствіе кустарнымъ промысламъ, а въ одной изъ нихъ была произведена замѣтная попытка помочь развитію техническихъ производствъ. Обѣимъ важнымъ группамъ губерній такія тенденціи почти чужды; размѣры-же ихъ расходовъ въ области хозяйственныхъ отношеній возрастаютъ вслѣдствіе необходимости дѣлать крупныя затраты на борьбу съ вредными животными и насекомыми. Волжско-Камской группѣ губерній свойственно и то, и другое, но въ гораздо меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ въ остальныхъ; ей не чужды и заботы о кустарныхъ промыслахъ, и для нея необходима борьба съ вредными животными; но обѣ статьи расхода занимаютъ въ ней болѣе скромныя мѣста, чѣмъ то указано выше для другихъ группъ.

Наконецъ, послѣдняя изъ названныхъ группъ расходовъ (осушки, сельско-хозяйственные капиталы, опытные поля и др.), повидимому, нигдѣ еще не овладевае прочнаго гнѣзда, ни въ одномъ бюджетѣ еще не составляетъ крупной величины и не характерна еще ни для одной группы губерній. Здѣсь и тамъ ее, очевидно, еще пробуютъ, знакомятся съ ней, но нигдѣ она не получила прочнаго развитія.

Такимъ образомъ, вотъ въ чемъ заключаются мотивы усиленія хозяйственнаго бюджета наиболѣе передовыхъ въ данномъ вопросѣ губернскихъ земствъ. Вдумываясь въ сказанное, можно прежде всего замѣтить, что одинъ изъ нихъ—борьба съ вредными животными и насекомыми—какъ то уже было сказано раньше, мало зависитъ отъ воли земства, диктуется внѣшними природными условіями и носить, такъ сказать, отрицательный характеръ. Чтобы понять положительную, сознательную работу земствъ въ народно-хозяйственной области, надо обратиться, минуя эту статью расходовъ, къ прочимъ поименованнымъ статьямъ. Но этимъ уже исключается изъ сферы нашего разсмотрѣнія весьма крупная часть на-

болѣе развитыхъ бюджетовъ земствъ, по преимуществу южныхъ и отчасти восточныхъ (Херсонскаго—болѣе $\frac{1}{2}$ милл., Харьковскаго, Воронежскаго и Самарскаго—по 130—123 тыс., Таврическаго и Тамбовскаго—приблизительно по 100 тыс. и пр.).

Въ чемъ же выражается эта созидательная работа? Содѣйствіе развитію техническихъ производствъ было оказано весьма слабое и затѣмъ прекратилось; прекратилось также и содѣйствіе развитію кредита. Помощь кустарнымъ промысламъ составляетъ вообще ничтожную часть бюджетовъ и относительное значеніе ея стало нѣсколько замѣтнѣе лишь въ самое короткое время. Расходы на меліорациі, усиленіе сельско-хозяйственныхъ капиталовъ и разныя траты съ агрономическими цѣлями пока только «пробуются» и не имѣютъ еще серьезнаго мѣста въ бюджетахъ. Что же остается?

Остается статистика и профессиональное образованіе. Но мы видѣли, что абсолютныя и относительныя расходы на «статистическую часть» сильно пошатнулись за послѣднее пятилѣтіе. Сильнѣе всего стоитъ профессиональное образованіе, такъ какъ абсолютныя траты на него замѣтно растутъ. Но ассигновки даже и по этой статьѣ въ послѣднее пятилѣтіе должны были бы утроиться (т. е. увеличиться съ 1,2 милл. на 3,5 милл. рублей), чтобы она сохранила въ земскомъ хозяйственномъ бюджетѣ то значеніе, которое имѣла въ первую половину 70-хъ годовъ.

Можно-ли при всѣхъ этихъ условіяхъ говорить о созидательной работѣ русскихъ губернскихъ земствъ въ области народнаго хозяйства? На такой вопросъ едва ли можно отвѣтить утвердительно. Можно пока говорить лишь о зачаткахъ такой работы, о добромъ желаніи многихъ земствъ, но болѣе этого говорить еще пока черезчуръ преждевременно. Выше мы видѣли постоянный и даже быстрый ростъ «необязательныхъ» ихъ расходовъ и въ частности расходовъ на «экономическія мѣропріятія». Это и даетъ право утверждать, что желаніе не оставаться безучастнымъ зрителемъ теченія хозяйственной жизни массъ у губернскихъ земствъ, вообще говоря, имѣется, нѣкоторые изъ нихъ обнаруживаютъ въ этомъ смыслѣ весьма почтенную отзывчивость. Но для крупной созидательной работы не хватаетъ, какъ мы могли замѣтить, общей объединяющей идеи, такъ сказать—перспективы, соблюденія гармоніи частей, безъ которыхъ зданіе, которое теперь начинается созидаться, получаетъ нѣсколько уродливыя формы. Виновата ли въ этомъ новизна дѣла, сказываются ли въ данномъ случаѣ внѣшнія условія, въ какихъ стоятъ земства, или ихъ личный составъ—рѣшать не беремся. Но фактъ на лицо—работа ихъ въ этой области безсистемна, цѣли едва-ли достаточно сознаны и намѣчены, средства едва ли не носятъ довольно случайнаго характера. Не странно ли въ самомъ дѣлѣ, что въ общинной земледѣльческой Россіи среди расходовъ губернскихъ земствъ въ сельско-хозяйственной области не находится мѣста для систематическихъ крупныхъ,

серьезныхъ тратъ на организацію земледѣльческаго труда, на расширение общиннаго и артельного землепользованія, на увеличеніе общинныхъ и артельныхъ сельско-хозяйственныхъ капиталовъ, на улучшеніе приѣмовъ общинной земледѣльской культуры? Робкія попытки немногихъ земствъ въ этомъ направленіи сводятся почти исключительно къ комиссіоннымъ операціямъ съ дешевыми орудіями и сѣменами, операціямъ, отъ которыхъ, конечно, менѣе всего выигрываетъ бѣднѣйшая часть населенія. Не странно-ли, что въ области развитія нашихъ кустарныхъ промысловъ въ бюджетахъ губернскихъ земствъ не встрѣчается ни гроша на организацію крупнаго производства кустарей, на образованіе артелей, снабженныхъ новѣйшими усовершенствованіями техники, продукты которыхъ были бы и совершеннѣе при потребленіи, и болѣе способны конкурировать съ продуктами крупнаго фабричнаго производства на рынкѣ? Въ большей части Россіи осенью при взисканіи недоимокъ хлѣбъ, необходимый для продовольствія, массами сбывается по уменьшеннымъ цѣнамъ кулакамъ и затѣмъ весной покупается производителями его вновь по возвышеннымъ цѣнамъ. Не удивительно ли, что губернскія земства не выработали такой формы кредита, которая парализовала бы эту операцію, доставляющую миллионныя убытки народному хозяйству? И т. д. Много можно было бы ставить такихъ вопросовъ... Въ отвѣтъ ссылаются обыкновенно на отсутствіе денежныхъ средствъ и напряженность платежныхъ силъ населенія. Приведенныя данныя, однако, исключаютъ это возраженіе. Мы видѣли, что 17 наиболѣе передовыхъ по данному вопросу земствъ издерживали менѣе $\frac{1}{3}$ коп. съ удобной десятины въ годъ на всю эту серію расходовъ. Но неужто же подъемъ производительности труда массы, развитіе ея производства не окупятъ надбавки еще нѣсколькихъ пятыхъ копѣйки на десятину? Вѣдь поддерживаетъ же херсонскій и полтавскій плательщикъ аналогичное обложеніе почти въ 1 коп. А въ большинствѣ губернскихъ земствъ, какъ легко убѣдиться изъ предыдущаго, это обложеніе даже гораздо ниже одной пятой коп. и доходитъ до «безконечно малыхъ» величинъ. Это съ одной стороны. Съ другой же—въ такомъ отвѣтѣ страдаетъ перспектива. Упомянутыя 17 земствъ, израсходовавши по 5 коп. съ десятины удобной земли за весь періодъ на интересующія насъ статьи, нашли возможнымъ издержать въ то же время по 6 коп. съ той же десятины на одну ветеринарную часть. Возражаютъ, далѣе, указывая на неудачный опытъ съ артелями въ одномъ земствѣ. Но можетъ ли быть признано серьезнымъ такое возраженіе? Оставаясь послѣдовательнымъ, надо было давно отказаться, напр., отъ прививки скоту чумы или сибирки, такъ какъ немало головъ его полегло отъ первыхъ неудачныхъ опытовъ. Но вѣдь прививки эти теперь входятъ въ бюджетъ самыхъ осторожныхъ хозяевъ и считаются благодѣяніемъ.

А земцы 70-хъ годовъ умѣли лучше соблюдать эту перспективу

и, быть может, они сдѣлали бы немало и въ области народнаго хозяйства, если бы въ нихъ распоряженіи были—ну хоть бы только нынѣшнія средства губернскихъ земствъ. Странное зрѣлище представляетъ это «сокращеніе горизонтовъ», котораго въ общемъ все таки нельзя не замѣтить въ данномъ случаѣ.

Въ заключеніе, слѣдуетъ пожелать, чтобы губернскія земства постарались шире и глубже заглянуть въ массу предстоящихъ имъ народно-хозяйственныхъ задачъ, чтобы въ нихъ прочтѣе утвердилось сознаніе необходимости выступить дѣйствительнымъ факторомъ въ русской хозяйственной жизни массъ, чтобы дѣятельность ихъ въ этой области носила болѣе систематическій и цѣлесообразный характеръ. Если это сбудется, то явятся и «перспективы», ибо онѣ уже достаточно выяснены, хотя бы той же земской статистикой, которую съ такой неблагодарностью начали «сокращать» въ послѣднее пятилѣтіе. А только при такомъ условіи и мыслима та широкая, плодотворная созидательная работа земства, на стремленіе къ которой въ средѣ самихъ земствъ намекаетъ постепенное увеличеніе ихъ расходовъ на такъ называемыя «экономическія мѣропріятія».

XXXIV.

Мнѣ уже приходилось бесѣдовать съ читателями нашего журнала (*Русск. Богат.* 1894 г. № 3) о задолженности частнаго землевладѣнія по поводу работы «Комитета сѣздовъ представителей учрежденій русскаго земельного кредита» подъ редакціей г. А. К. Голубева, подъ заглавіемъ «Статистика долгосрочнаго кредита въ Россіи» за 1893 г. Уже тамъ были отмѣчены тѣ серьезныя проявленія частной ипотечной задолженности, на какія указываетъ названный любопытный трудъ. Недавно выпедшій новыѣ выпускъ того же изданія подновляетъ тѣ же данныя свѣдѣніями за 1894 г. Такъ какъ вопросъ этотъ начинаетъ приобрѣтать все большую и большую остроту, усиливаемую паденіемъ хлѣбныхъ цѣнъ, то читатели не посѣтуютъ на меня за то, что я еще разъ нѣсколько остановлюсь на немъ.

Тамъ было указано, что ипотечная задолженность частныхъ владѣльцевъ непрерывно возрастаетъ. Размѣръ ея въ 1865 г. опредѣлялся въ 95 милл. рублей, въ 1875 г.—въ 390 милл., въ 1885 г.—650 милл., въ 1890 г.—980 милл., а въ 1892 г.—1081,4 милл. Теперь оказывается, что къ 1 янв. 1894 г. цифра эта поднялась до 1174,8 милл. рублей, т. е. за одинъ послѣдній годъ почти на 9% суммы предшествующаго года. Гарантіей уплаты по этимъ долгамъ на 1 янв. 1893 года служили 46,3 милл. десятинъ, составившія 40,6% всей частновладѣльческой земли, а на 1 января 1894 г. въ запасѣ состояло уже 47,5 милл. дес.=41,3%. Къ 1893 г. средняя оцѣнка десятины равнялась 48,30 рубл., а средняя ссуда

на десятину=27,43 руб., т. е. 56,7%; въ 1894 году оцѣнка возвысилась до 48,95 руб., т. е. по всей вѣроятности, увеличилось количество долговъ по специальной, а не по нормальной оцѣнкѣ, а средняя ссуда—до 27,97 руб., т. е. до 57,1% оцѣнки. Другими словами, въ теченіи 1893 года не только расширилась площадь заложенныхъ въ ипотечныхъ банкахъ частно - владѣльческихъ земель, но и кромѣ того возросла задолженность имѣній, уже заложенныхъ раньше. Явленіе это растетъ, стало быть, не только въширь, но и въглубь.

По вычисленію д-та земледѣлія средняя продажная цѣна десятины въ концѣ 80-хъ годовъ принималась въ 71 рубл. *), что составляло тогда стоимость всей частной земельной собственности (93,8 милл. дес.) Европейской Россіи—6,6 миллиардовъ. Упомянутая задолженность 1175 миллионъ рублей составляетъ 18% этой суммы. По продажныя цѣны земель въ послѣдніе годы упадка хлѣбныхъ цѣнъ пали весьма значительно. Коэффициентъ такого паденія вычислить для всей страны нелегко, но едва-ли можно впасть въ большую ошибку, предположивъ, что они понизились, примѣрно, на $\frac{1}{3}$ часть. Для нѣкоторыхъ мѣстностей (напр. для рѣчныхъ степныхъ губерній) такое предположеніе навѣрно гораздо ниже дѣйствительнаго. И такъ, если допустить это, то указанная цифра общей стоимости частной земельной собственности упадетъ до 4,4 миллиардовъ, а задолженность составитъ 26,7% этой величины. Т. е. около одной четвертой части частнаго землевладѣнія не принадлежало собственникамъ уже къ началу 1894 г., а находилось у нихъ лишь въ арендномъ пользованіи.

Заслуживаетъ вниманія, что быстрота развитія процесса задолженности увеличивается въ 90-хъ годахъ сильнѣе, чѣмъ въ предшествующія десятилѣтія. Въ самомъ дѣлѣ, соединяя относящіеся сюда данныя, помѣщенные въ упомянутой статьѣ, съ новыми, получаемъ такую картину. Если мы обозначимъ черезъ 100 первоначальную сумму ипотечныхъ долговъ частнаго владѣнія 1865 г., то для 1870 г. получимъ величину 140 (т. е. увеличеніе равнялось всего 40% въ пятилѣтіе, или—8% въ среднемъ въ годъ); въ 1880 г. цифра эта поднялась до 547 (т. е. увеличеніе въ 70-хъ гг. равнялось 407% или 40,7% въ среднемъ въ годъ); въ 1890 г. то же количество поднялось до 1035 (т. е. увеличеніе въ 80-хъ годахъ равнялось 488% или 48,8% въ среднемъ въ годъ); наконецъ, къ 1 янв. 1894 года цифра возросла до 1237 (т. е. увеличеніе въ 90-хъ годахъ равнялось 202% или 50,5% въ среднемъ въ годъ). Средній коэффициентъ ежегоднаго возвышенія задолженности въ 70-хъ годахъ поднялся въ 90-хъ годахъ на цѣлую четверть своей величины.

*) Сельское и хлѣбное хозяйство Россіи. Изд. д-та земледѣлія. Спб. 1898 г. стр. 57 и 325.

Картограмма, приложенная къ работѣ г. Голубева, наглядно рисуетъ географію русской частной задолженности.

Изъ 67 губерній и областей Европейской Россіи, Привислянскаго края и Кавказа, о которыхъ даны тамъ свѣдѣнія, задолженность ниже указанной средней величины не встрѣчается даже въ половинѣ губерній (всего въ 33-хъ). Изъ нихъ въ пяти (Вологодской и Вятской съ одной стороны и Кутаисской, Елисаветпольской и Бакинской—съ другой) заложено менѣе 10% всей частновладѣльческой земли въ каждой; кромѣ того въ семи заложено не болѣе 20% (въ Новгородской, Тверской, Ярославской и Владимирской, въ Сувалкской, Астраханской и Эриванской); въ остальныхъ губерніяхъ заложено отъ 20 до 40% площади частнаго землевладѣнія.

Большее половины губерній, какъ сказано, обладаютъ задолженностью выше средней. Это огромная сплошная полоса, захватывающая весь югъ и развѣтвливающаяся на востокъ черезъ среднія черноземныя губерніи до Казанской и Уфимской включительно, съ одной стороны, и на сѣверъ черезъ юго- и сѣверо-западные и прибалтійскія губерніи—съ другой. Къ этой же группѣ принадлежатъ нѣсколько привислянскихъ и, что особенно обращаетъ на себя вниманіе—три кавказскихъ: Ставропольская, Кубанская и Тифлисская. Оказывается, что даже этотъ новый край, едва успѣвшій начать свою культурную жизнь, уже успѣлъ въ крупной своей части обнаружить частновладѣльческую задолженность въ довольно острой формѣ. Прибавимъ, что изъ упомянутыхъ 34 губерній, принадлежащихъ къ этой второй группѣ, въ большей части задолженность гораздо выше средней; въ 18 губерніяхъ—отъ 50 до 70%, и въ 2-хъ—86,2% и 96,4%. Въ этихъ 20 губерніяхъ заложено почти $\frac{3}{5}$ (58,7%) всѣхъ частновладѣльческихъ земель.

Сравнивая эту картограмму г. Голубева съ такой же, приложенной къ его предшествующей работѣ, замѣчаемъ, что въ теченіи 1893 года замѣтно увеличеніе площади задолженныхъ имѣній почти въ каждой губерніи; исключенія немногочисленны: только въ очень немногихъ губерніяхъ площадь эта уменьшилась и лишь на какую нибудь дробь процента *). Поэтому и приведенная группировка губерній измѣнилась лишь въ томъ смыслѣ, что группа вторая губерній (съ задолженностью выше средней) увеличилась на счетъ первой присоединеніемъ къ ней губерній Таврической и Тифлисской и Кубанской области.

Отношеніе размѣровъ ссуды къ оцѣночной суммѣ различно въ разныхъ учрежденіяхъ долгосрочнаго кредита. Г. Голубевъ замѣчаетъ, что въ соответствии съ этимъ колеблется и степень обремененности заложённыхъ земель—«смотря потому, въ какихъ учрежденіяхъ земли состоятъ въ залогѣ». «Такимъ образомъ, наибольшую

*) Въ Орловской губ. задолженность уменьшилась съ 53,2%, на 46,4, т. е. на 6,8%.

лѣе обременены долгами тѣ частновладѣльческія земли, которыя состоятъ въ залогѣ въ дворянскомъ и крестьянскомъ банкахъ». Сказаннымъ подтверждается нашъ выводъ, приведенный въ упомянутой статьѣ, что наша ипотечная задолженность ничего не имѣетъ общаго съ потребностью въ капиталахъ для развитія земледѣлія или сельско-хозяйственныхъ техническихъ производствъ. Въ самомъ дѣлѣ, наименьшей степенью задолженности (по суммѣ ссуды на десятину) обладаютъ какъ разъ тѣ губерніи, въ которыхъ, казалось-бы, потребность въ оборотномъ капиталѣ выше всего, такъ какъ системы хозяйства тамъ далеко интенсивнѣе, чѣмъ въ прочихъ; это — три прибалтійскія и нѣкоторые привислянскія (по долгамъ земскому кредитному обществу). Наиболѣе же обременены долгами земли въ губерніяхъ центральной земледѣльской полосы, приволжскія и за-волжскія, малороссійскія и южныя степныя. Очевидно, залоговъ имѣній въ доминирующей массѣ случаевъ производились не для производителей цѣлей, а просто для потребительныхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ интересами не только народнаго, но даже частнаго хозяйства заемщиковъ.

Болѣе детальныя свѣдѣнія о задолженности частнаго землевладѣнія у г. Голубева не находимъ. Нельзя не выразить при этомъ пожеланія, чтобы почтенный авторъ нашелъ возможнымъ включить въ будущія свои работы этого рода обработку данныхъ по размѣрамъ землевладѣнія. Изученіе задолженности каждаго изъ типовъ землевладѣнія въ отдѣльности въ данный моментъ и въ періодъ времени съ 1865 г. имѣло бы весьма крупный общественный интересъ. Въ силу этого я не могу воздержаться отъ того, чтобы не остановить вниманія читателя на небольшой иллюстраціи къ приведеннымъ общимъ выводамъ, которую даетъ недавно опубликованный *«Ежегодникъ Полтавскаго губернскаго земства на 1895 г.»*. Эта новая почтенная работа извѣстнаго полтавскаго земско-статистическаго бюро заключаетъ въ себѣ немало поучительнаго и къ ней мнѣ придется еще возвратиться. Здѣсь же представляется удобнымъ остановиться лишь на нѣсколькихъ сообщаемыхъ ею данныхъ, касающихся интересующаго насъ въ эту минуту вопроса о частной задолженности. Данные эти въ особенности интересны потому, что изъ нихъ исключены свѣдѣнія о мелкой частной собственности (до 50 дес.), какъ извѣстно, весьма распространенной въ губерніи. Поэтому послѣдующія данныя относятся не ко всѣмъ вообще видамъ частно-владѣльческихъ земель названной губерніи, но лишь къ имѣніямъ, болѣе крупнымъ, ипотечная задолженность которыхъ представляется наиболѣе развитой и привлекающей къ себѣ вниманіе болѣе другихъ. Вѣдь понятно, что причины и существо задолженности этого типа имѣній весьма сильно отличаются отъ задолженности хозяйствъ типа крестьянскаго.

Упомянутый *«Ежегодникъ»* сравниваетъ данныя, относящіяся къ 1 января 1888 г. съ данными на 1 января 1895 г. и указы-

ваетъ на тѣ измѣненія, которыя произошли въ частновладѣльческой задолженности въ теченіе этого семилѣтія. Сравненіе оказывается «краснорѣчивымъ».

Число заложённыхъ имѣній въ указанный періодъ въ Полтавской губерніи удвоилось (съ 2808 поднялось до 5495); число это составляло прежде 58,5% всѣхъ имѣній губерніи сказаннаго размѣра, а затѣмъ составило 79,6% этого числа, т. е. съ $\frac{1}{5}$ поднялось до $\frac{4}{5}$, или увеличивалось въ среднемъ на 3% въ годъ. Другими словами, не состоитъ въ залогѣ всего на всего одна пятая (!) часть имѣній Полтавской губерніи выше 50 дес. Далѣе, и количество заложённыхъ въ этихъ имѣніяхъ десятинъ поднялось съ 47% (всей земли, входящей въ ихъ составъ) до 64%, т. е. увеличивалось въ среднемъ на $2\frac{1}{2}$ % въ годъ; количество это еще въ 1887 г. не достигало и половины, а въ 1894 году уже приближалось къ двумъ третямъ. Если предположить, что этотъ процессъ будетъ продолжаться и въ послѣдующіе годы тѣмъ же темпомъ, то надо выразить увѣренность, что черезъ 7 лѣтъ (всего семь!) въ Полтавской губерніи не останется незаложённымъ ни одного имѣнія свыше 50 дес., а лѣтъ черезъ 16 въ нихъ не будетъ ни одной незаложённой десятины, т. е. землевладѣлецъ исчезнетъ и останется арендаторъ земли, фактивно, на бумагѣ ему принадлежащей. Тутъ есть о чемъ подумать землевладѣльцамъ Полтавской и подобныхъ губерній.

Но этого мало. Какъ уже замѣчено выше, задолженность растетъ не только вширь, но и вглубь. Повинности землевладѣльцевъ - арендаторовъ не перестаютъ расти и даже весьма замѣтно. Сумма первоначальнаго долга на сказанныхъ имѣніяхъ увеличилась за семь лѣтъ въ Полтавской губерніи на 45,2%, т. е. поднималась болѣе, чѣмъ на 6% въ годъ. Поэтому абсолютные размѣры ежегодныхъ взносовъ заемщиковъ едва-ли даже сократились отъ крупнаго уменьшенія платежей дворянскому банку съ 3 р. 30 на 2 р. 50 и его «особому отдѣлу» (т. е. бывшему обществу взаимнаго поземельнаго кредита) съ 2 р. 26 к. на 2 р. 06 к. Но для заемщиковъ акціонерныхъ банковъ нѣтъ и этого сокращенія: платежи полтавскому земельному банку поднялись съ 2 р. 91 к. до 3 р. 27 к., а харьковскому—съ 3 р. 09 к. до 3 р. 86 к. (стр. 88—92).

Такимъ образомъ, всѣ приведенныя данныя «Ежегодника» подтверждаютъ въ частности для Полтавской губ. тѣ-же процессы, которые мы могли наблюдать изъ общерусскихъ данныхъ г. Голубева. Первые проливаютъ лишь тотъ новый свѣтъ на явленіе по сравненіи съ послѣдними, что указываютъ на большую остроту положенія въ имѣніяхъ болѣе крупнаго размѣра.

Есть въ «Ежегодникѣ» еще одно указаніе, которое нельзя обойти молчаніемъ. Изъ приведенной тамъ (на стр. 93) таблички оказывается, что средній размѣръ имѣній, заложённыхъ во всѣхъ земельныхъ банкахъ, *понижается*. Это справедливо и для общей

средней величины, сократившейся за семилѣтія съ 241 на 156 дес. (т. е. приблизительно на $\frac{1}{3}$), и для всѣхъ среднихъ по имѣніямъ, заложенныхъ во всѣхъ отдѣльныхъ банкахъ, безъ исключенія. «Столь значительное пониженіе среднихъ размѣровъ имѣній не можетъ найти себѣ объясненіе въ совершившихся за послѣднія семь лѣтъ раздѣлахъ, выдѣлахъ и продажахъ», прибавляетъ составитель. «Сопоставляя эти цифры съ числомъ имѣній, вновь поступившихъ въ залогъ за тотъ-же періодъ времени, необходимо придти къ заключенію, что задолженность коснулась уже мелкаго землевладѣнія, которое семь лѣтъ назадъ могло еще держаться, не прибѣгая къ помощи облегченнаго кредита земельныхъ банковъ». Это замѣчаніе болѣе не развито. Нельзя, въ заключеніе, не пожелать, чтобы на этотъ вопросъ было обращено вниманіе составителей какъ общерусскихъ, такъ и мѣстныхъ сборниковъ данныхъ по задолженности.

Н. Карышевъ.

Новый курсъ политической экономіи.

Русская экономическая литература обогатилась недавно новымъ курсомъ политической экономіи. Курсъ этотъ принадлежитъ перу П. И. Георгіевскаго, ординарнаго профессора петербургскаго университета. Въ нынѣшнемъ году вышелъ собственно только третій—послѣдній выпускъ названнаго сочиненія, первые два появились раньше. На страницахъ «Русскаго Богатства» *) въ прошломъ году, при появленіи 2-го выпуска, уже была помѣщена рецензія на этотъ выпускъ. Однако, въ виду того, что мы только теперь имѣемъ полный, законченный курсъ политической экономіи, обнимающій всѣ основныя вопросы этой науки, не лишне будетъ вернуться теперь снова къ учебнику г. Георгіевскаго. Трудъ проф. Георгіевскаго имѣетъ довольно солидные размѣры: онъ содержитъ въ общемъ немного менѣе 600 страницъ.

Какое мѣсто занимаетъ проф. Георгіевскій среди русскихъ экономистовъ? Предоставимъ на этотъ счетъ высказаться самому г. Георгіевскому. «Когда, годъ тому назадъ,—говоритъ онъ—я рѣшился выступить противъ господства среди экономистовъ, у насъ въ Россіи, трудовой теоріи цѣнности, я чувствовалъ себя одинокимъ, но я былъ убѣжденъ въ несостоятельности этой теоріи и рѣшилъ бросить перчатку ея сторонникамъ. Весною, прошлаго года, появилось послѣднее сочиненіе Н. Х. Вунге, которое еще болѣе укрѣпило меня въ моихъ взглядахъ на несостоятельность ученія

*) «Рус. Бог.», кн. 10, 1895 г.

К. Маркса и на своевременность борьбы съ нимъ». Г. Георгіевскій приводитъ далѣе слѣдующія слова Бунге: «въ такое время, какъ наше, когда поклоненіе фетишамъ, воздвигнутымъ разными ученіями, сдѣлалось чѣмъ-то довольно обычнымъ, нельзя не пожелать каждому мыслящему человѣку, серьезно относящемуся къ жизни и къ наукѣ, досрочно до того, чтобы «смытъ свое сужденіе имѣть». Къ этой цитатѣ изъ книги Бунге нашъ авторъ отъ себя прибавляетъ: «мы вполнѣ присоединяемся къ этимъ золотымъ словамъ Н. Х. Бунге и не имѣемъ другого желанія, какъ посылить содѣйствовать русской экономической наукѣ покончить съ тѣмъ поклоненіемъ фетишамъ, отъ котораго освободилась уже наука на Западѣ, и свободно развиваться далѣе въ своемъ стремленіи приблизиться къ истинѣ». Въ другомъ мѣстѣ г. Георгіевскій, по поводу увлеченія русскихъ экономистовъ трудовой теоріею цѣнности восклицаетъ: «будемъ надѣяться, что и въ данномъ случаѣ мы скоро страхнемъ съ себя то увлеченіе, которое не выдерживаетъ критики разума и въ наукѣ будемъ искать только истину, которую открыты можетъ одно безпристрастное, спокойное изученіе дѣйствительности, чуждое фантастическихъ мечтаній и увлеченій партійнаго фанатизма».

Итакъ, наши русскіе экономисты увлекаются «фантастическими мечтаніями», поклоняются «фетишамъ, воздвигнутымъ разными ученіями», за то проф. Георгіевскій безпристрастно и спокойно изучаетъ дѣйствительность и въ наукѣ ищетъ только истину. Не знаемъ, быть можетъ онъ, дѣйствительно, въ наукѣ ищетъ только истину, но что онъ ее не обрѣлъ, въ этомъ мы нисколько не сомнѣваемся. Не обрѣлъ онъ ее и не обрѣтетъ никогда, и знаете-ли почему? потому, что онъ поклоняется фетишамъ, воздвигнутымъ разными ученіями. Конечно, для проф. Георгіевскаго не трудовая теорія цѣнности можетъ служить фетишемъ: она того не достойна. За то для него фетишемъ является всякое схоластическое опредѣленіе, всякая вздорная классификація, которыми такъ богаты нѣмецкіе Handbücher, Lehrbücher, Dogmengeschichten и проч. и проч. Нашъ авторъ какъ бы задыхается подъ тяжестью сочиненій Рощера, Шеффле, Вагнера, Шенберга, Бемъ-Баверка и друг. Справиться съ ними, переварить ихъ, составить себѣ послѣ этого твердые и самостоятельныя взгляды на отдѣльныя экономическія явленія, а тѣмъ болѣе, связать эти взгляды въ стройное логическое цѣлое—на это у нашего автора совершенно не хватило силъ. И вотъ, въ результатъ поклоненія вышеупомянутымъ фетишамъ, получился объемистый курсъ, содержащій пеструю смѣсь несогласованныхъ и противорѣчивыхъ опредѣленій, классификацій и теорій, заимствованныхъ то у одного, то у другого нѣмецкаго профессора.

Слѣдуетъ при этомъ указать на одну особенность, характерную для нашего автора: читателя, болѣе или менѣе знакомаго съ экономической литературой, прежде всего поражаетъ въ курсѣ г. Георгіевскаго отсутствіе вымычекъ, ихъ во всякомъ случаѣ мало, слиш-

комъ мало. Между тѣмъ $\frac{4}{5}$ курса составляютъ сплошное заимствованіе: часть вступленія, гдѣ говорится «о ступеняхъ экономическаго быта», есть извлеченіе изъ статьи Шенберга въ его извѣстномъ Handbuch'ѣ; глава о земельной рентѣ взята изъ статьи Маттофа того же Handbuch'a; вся первая половина второго выпуска ч. II, трактующая о доходѣ на капиталъ, есть не болѣе, какъ конспективное изложеніе извѣстнаго труда Б. Баверка «Kapital und Kapitalzins»; мѣстами же, въ особенности гдѣ любовь къ истинѣ зоветъ нашего автора на благородную борьбу съ чужими «фетишами», почтенный профессоръ входитъ въ такой азартъ, что ужъ сплошь списываетъ у Б. Баверка цѣлыми страницами до мельчайшихъ и смѣшныхъ примѣровъ включительно. Но съ особеннымъ благоговѣніемъ нашъ авторъ, повидимому, относится къ Адольфу Вагнеру: его «Lehrbuch» онъ обираетъ съ поразительной безпощадностью. У Вагнера заимствована глава о «предварительныхъ понятіяхъ», глава объ «основахъ современнаго экономическаго строя», ученіе о доходѣ, критика социализма и еще многое другое. Все это дѣлается ужъ слишкомъ безцеремонно: не только не ставится кычечекъ, но очень часто не дѣлается даже простыхъ ссылокъ на авторовъ, которые обираются съ такой безжалостностью.

Но пора перейти къ болѣе детальному разбору книги проф. Георгіевскаго. Остановимся прежде всего на нѣкоторыхъ общихъ экономическихъ понятіяхъ. Начнемъ съ основнаго понятія *цѣнность*. Здѣсь г. Георгіевскій заимствуетъ у А. Вагнера *), страстнаго любителя всякихъ группировокъ и подраздѣленій, классификацію благъ, причисляемыхъ къ цѣностямъ. Цѣнности, говоритъ г. Георгіевскій, «распадаются на три группы: 1) лица и личныя услуги... 2) вещи... 3) отношенія къ вещамъ и лицамъ (res incorporales)». Здѣсь можно различать: а) кліентуру адвоката, кругъ подписчиковъ на журналъ, фирма и т. п., б) привиллегія, монополія, в) различныя учрежденія. Таково прежде всего государство и другія общественныя учрежденія. Группы (1-ая) и (3-ья) заключаютъ въ себѣ цѣнности *невещественныя* **). Можетъ-ли быть признана правильнымъ подобная классификація цѣнностей? Кто желаетъ причислять къ цѣностямъ, въ смыслѣ экономическомъ, такія явленія, какъ привиллегія, какъ кругъ подписчиковъ на журналъ, какъ государство, какъ земство, тотъ долженъ радикально перестроить экономическую науку, расширить ея границы до невѣроятныхъ размѣровъ. Поступилъ-ли такъ проф. Георгіевскій? Нисколько. «Совокупность пропессовъ, изъ которыхъ складается народное хозяйство, говоритъ нашъ авторъ, обыкновенно разсматривается въ четырехъ отдѣлахъ—производства, обращенія, распределенія и потребленія цѣнностей. Въ пользу такого дѣленія

*) А. Wagner Lehrb. I Т. стр. 300 и слѣд.

**) Георгіевскій стр. 29 ч. I.

могутъ быть приведены слѣдующія соображенія». Оставимъ соображенія г. Георгіевскаго въ сторонѣ, скажемъ только, что онъ съ этимъ дѣленіемъ согласенъ и, дѣйствительно, его курсъ распадается на упомянутые 4 отдѣла. Спрашивается теперь, примѣнимы ли къ «невещественнымъ цѣностямъ»—законы производства, обмѣна, распредѣленія и потребления? Необходимыи стадіями въ жизни цѣностей, говоритъ г. Георгіевскій, является производство и потребление, а для производства «необходимо участіе природы, труда и капитала». Какіе-же факторы участвуютъ, напр. въ производствѣ привилегій, круга подписчиковъ на журналъ и проч.? Какую роль играетъ тутъ, напр. климатъ, его теплота и влажность, или береговая линія? Въ народномъ хозяйствѣ, говоритъ г. Георгіевскій, «обращеніе цѣностей—переходъ изъ рукъ въ руки—становится безусловной необходимостью». Интересно знать, какъ эта безусловная необходимость обмѣна примѣняется къ такимъ «невещественнымъ цѣностямъ», какъ государство или земство. Любопытно также знать, по какимъ законамъ регулируется обмѣнъ такихъ цѣностей, какъ государство, земство и проч., по законамъ, разъясненнымъ въ курсѣ г. Георгіевскаго или по какимъ либо другимъ. Наконецъ, почему г. Георгіевскій, такъ подробно останавливающийся на вопросахъ распредѣленія, совершенно забылъ говорить о законахъ распредѣленія «невещественныхъ цѣностей», напр. привилегій, монополій и проч.? Мы впрочемъ можемъ открыть причину этой забывчивости: когда г. Георгіевскій писалъ свою главу «о предвѣстительныхъ понятіяхъ», онъ держалъ предъ собою учебникъ Вагнера, гдѣ и позанимствовалъ «невещественныя цѣности», когда же онъ перешелъ къ изложенію законовъ производства, распредѣленія и проч., у него предъ глазами уже были другіе «фетиши».

Посмотримъ, какъ справляется Георгіевскій съ другимъ важнымъ экономическимъ понятіемъ, именно съ понятіемъ *капитала*. Первый вопросъ—что такое капиталъ? Подвергнувъ анализу понятіе капитала въ средніе вѣка, затѣмъ у фیزیократовъ, у Смита, г. Георгіевскій, повидимому, принимаетъ опредѣленіе Д. С. Милля, что, «капиталъ есть накопленный запасъ продуктовъ труда, необходимый для производства и предназначенный къ тому капиталистомъ». Нашъ авторъ далѣе прибавляетъ: «уже замѣчено было, что капиталъ долженъ быть *продуктомъ* предшествующаго труда, что онъ долженъ быть *сбереженъ, накопленъ*, что онъ долженъ быть *предназначенъ, необходимъ* и дѣйствительно *затраченъ* для новаго производства цѣностей, что онъ является *источникомъ дохода*» (курсивъ вездѣ автора). Между тѣмъ на той-же страницѣ мы находимъ слѣдующее общее положеніе: «въ соотвѣтствіи съ различіемъ цѣностей вещественныхъ и невещественныхъ придется также различить и капиталы, причемъ къ послѣднему виду, напр., придется отнести фирму (частный капиталъ), государство (народный капиталъ) и т. д.» Какъ спрашивается можно въ одно и то-же

время утверждать, что капиталъ есть *продуктъ* труда, что онъ долженъ быть *сбереженъ, накопленъ* и проч., и тутъ-же причислять къ капиталу фирму, государство и т. д.? Во всякомъ случаѣ, тутъ нужны были-бы разъясненія со стороны Георгіевскаго.

Второй важный вопросъ въ ученіи о капиталѣ есть вопросъ о его составѣ, т. е. вопросъ о томъ, какія блага входятъ въ составъ капитала. На стр. 35 г. Георгіевскій выводитъ правильно противоположаетъ капиталу *запасъ для непосредственнаго потребленія*. Между тѣмъ, говоря о благахъ, входящихъ въ составъ народнаго капитала (Socialkapital), онъ причисляетъ сюда и продовольствіе рабочихъ. Съ точки зрѣнія частнаго предпринимателя средства продовольствія рабочихъ, конечно, причисляются къ издержкамъ производства, а потому и къ капиталу, точно такъ-же, какъ сюда причисляются и сырые матеріалы, и проценты, платимые за занятые деньги, и земельная рента, уплачиваемая имъ землевладѣльцамъ. Но съ точки зрѣнія народнаго хозяйства, гдѣ подъ капиталомъ разумѣется сумма благъ, идущихъ на дальнѣйшее производство, въ противоположность запасу, предназначенному для непосредственнаго потребленія, нѣтъ никакого основанія видѣть въ средствахъ продовольствія рабочихъ что либо другое, какъ только потребительный запасъ. Конечно, *косвеннымъ* образомъ средства существованія рабочихъ служатъ производству, но если-бы мы хотѣли обращать вниманіе на то, для чего извѣстныя блага служатъ *косвеннымъ* образомъ, намъ тогда слѣдовало-бы всѣ безъ различія блага, и орудія, и машины въ томъ числѣ, причислять къ потребительному запасу; для понятія народнаго капитала тогда вовсе не осталось бы мѣста. Далѣе, если г. Георгіевскій считаетъ нужнымъ соглашаться съ Вагнеромъ и причислять средства продовольствія рабочихъ къ народному капиталу на томъ основаніи, что это продовольствіе «составляетъ необходимое средство производства», то почему-же онъ не относитъ къ народному капиталу и тѣ цѣнности, которыя предприниматель уплачиваетъ въ видѣ земельной ренты и процентовъ на капиталъ. Видѣ земельная рента и процентъ на капиталъ, подобно заработной платѣ, составляютъ, по мнѣнію г. Георгіевскаго, вознагражденіе разныхъ «категорій лицъ, участвующихъ въ производствѣ». Какъ-бы то ни было, разъ г. Георгіевскій слѣдуетъ Вагнеру и относитъ средства продовольствія рабочихъ къ народному капиталу, то онъ ужъ долженъ это твердо помнить и не высказывать далѣе противоположныхъ взглядовъ. Между тѣмъ вотъ что онъ говоритъ, напр., на стр. 64, Ч. II. В. II: «съ объективной точки зрѣнія къ издержкамъ производства правильнѣе отнести только трату капиталовъ, такъ какъ, признавая конечною цѣлью народнаго хозяйства удовлетвореніе потребностей человѣка, долю въ продуктѣ, получаемую представителемъ труда, нужно считать чистымъ доходомъ народнаго хозяйства, какъ цѣлаго, средствами для удовлетворенія потребностей человѣческаго общества». Ясно, что здѣсь г. Георгіевскій и я-

числится «долю въ продуктѣ, получаемую представителями труда», т. е. содержаніе рабочихъ, къ чистому доходу народнаго хозяйства, не находятъ возможнымъ отнести это содержаніе къ издержкамъ производства съ объективной точки зрѣнія, т. е. къ народному капиталу. Приблизительно ту же мысль высказываетъ г. Георгіевскій и на стр. 15, Ч. II. Вып. I.

Несравненно интереснѣе было бы знать, какъ Георгіевскій разрѣшитъ вопросъ о возникновеніи капитала, вопросъ, возбуждавшій въ экономической литературѣ столько споровъ. Кажется, послѣ приведеннаго выше опредѣленія г. Георгіевскаго, что «капиталъ долженъ быть *продуктомъ* труда», отвѣтъ на поставленный вопросъ долженъ быть ясенъ. Но это только кажется. Послушаемъ г. Георгіевскаго: «конечно, съ узко-исторической точки зрѣнія, нельзя не признавать, что *средства* производства, *капиталъ*, является *продуктомъ* предшествующаго взаимодѣйствія природы и труда, но это вѣрно только, какъ историческая справка, такъ какъ мы встрѣчаемся съ человѣкомъ на первыхъ же ступеняхъ его развитія уже съ *капиталомъ* въ рукахъ». И такъ, съ узко-исторической точки зрѣнія капиталъ является продуктомъ взаимодѣйствія природы и труда; ну а съ широко-исторической точки зрѣнія онъ является продуктомъ чего? Отвѣта на этотъ вопросъ мы на стр. 119, гдѣ излагается эта узко-историческая точка зрѣнія, не находимъ, за то нашъ авторъ возвращается къ этому вопросу на стр. 122. «Что касается до происхожденія капитала, говоритъ здѣсь г. Георгіевскій, то на первыхъ ступеняхъ развитія выдающуюся роль играетъ насилие или въ видѣ прямого грабежа, захвата, или въ видѣ ограниченія потребленія другихъ лицъ (рабство, крѣпостничество); при высшемъ развитіи культуры капиталъ все болѣе своимъ происхожденіемъ обязанъ бережливости и самоограниченію человѣка, являясь продуктомъ предшествующаго труда, сбереженнымъ и затраченнымъ на новое производство». Чтобы покончить съ этимъ вопросомъ, я позволю себѣ привести еще одну цитату. Говоря о громадномъ количествѣ рабочей силы, воплощенной въ разныхъ машинахъ, г. Георгіевскій дѣлаетъ такой общій выводъ: «понятно отсюда, какова должна быть громадная сила, представляемая всѣмъ капиталомъ, своимъ происхожденіемъ и значеніемъ обязаннымъ прежде всего умственному труду человѣка».

Сопоставимъ этотъ винегретъ противорѣчивыхъ положеній: 1) «капиталъ долженъ быть *продуктомъ* предшествующаго труда», 2) «съ узко-исторической точки зрѣнія капиталъ является продуктомъ предшествующаго взаимодѣйствія природы и труда», 3) капиталъ обязанъ своимъ происхожденіемъ на первыхъ ступеняхъ развитія грабежу, захвату и т. д., а «при высшемъ развитіи культуры бережливости и самоограниченію человѣка, являясь продуктомъ предшествующаго труда», наконецъ въ 4) «капиталъ обязанъ своимъ

происхожденіемъ прежде всего умственному труду *человѣка*. Извольте разбираться въ этой путаницѣ.

Послѣ выясненія предварительныхъ экономическихъ понятій и разбора основъ современнаго экономического строя, т. е. свободы личности и частной собственности на орудія производства, г. Георгіевскій, прежде чѣмъ перейти къ отдѣлу производства, останавливается, подобно Вагнеру и нѣкоторымъ другимъ нѣмецкимъ экономистамъ, на вопросѣ о населеніи, какъ субъектѣ народнаго хозяйства. Въ этомъ отдѣлѣ насъ заинтересовало отношеніе г. Георгіевскаго къ такъ наз. «закону Мальтуса». Здѣсь поражаетъ прежде всего крайне поверхностное изложеніе этого интереснаго вопроса. Г. Георгіевскій, объявившій въ предисловіи, что онъ въ своемъ курсѣ «слѣдовалъ главнѣйшимъ образомъ изложенію науки, даваемому лучшими представителями историко-этического направленія», почему-то считаетъ лишнимъ давать какое-либо историческое освѣщеніе вопросу о ростѣ населенія. Вы напрасно станете искать у него указаній на то, какъ относилась въ различныхъ историческихъ эпохи государственная власть къ этому вопросу, какія воззрѣнія господствовали до Мальтуса, были-ли у послѣдняго какіе нибудь предшественники и т. п. Вы не найдете также указаній на то, при какихъ историческихъ условіяхъ появился «Essay» Мальтуса; нѣтъ даже намека на знаменитый споръ Мальтуса съ Годвиннымъ. Мало того, г. Георгіевскій даже не считаетъ нужнымъ указать на тѣ практическіе выводы, которые дѣлалъ Р. Мальтусъ изъ своего ученія. Между тѣмъ историческая обстановка, среди которой появился трудъ Мальтуса, а также его практическіе выводы бросаютъ яркій свѣтъ на все ученіе и въ значительной степени объясняютъ его успѣхъ въ извѣстныхъ слояхъ общества.

Однако, какъ-же относится г. Георгіевскій къ ученію Мальтуса? Нужно замѣтить, что вопросъ о такъ наз. «законѣ Мальтуса» еще до настоящаго времени раздѣляетъ буржуазныхъ экономистовъ на два противоположныхъ лагеря: къ сторонникамъ Мальтуса относятся главнымъ образомъ нѣмецкіе экономисты, какъ Рошеръ, Вагнеръ, Рюмелинъ, Шмоллеръ и друг., зато французскіе экономисты, какъ Леруа-Болье, Шарль Жидъ, Левассеръ, являются преимущественно его противниками. Г. Георгіевскій, какъ и слѣдовало ожидать, склоняется на сторону послѣдователей Мальтуса. При этомъ нашъ авторъ находитъ совершенно лишнимъ считаться съ доводами противниковъ, хоть, напр., съ тѣмъ доводомъ, что біологическіе законы, вліяющіе на силу полового инстинкта и вообще на плодovitость, до настоящаго времени еще не вполне изслѣдованы. Нѣкоторые біологи держатся того мнѣнія, что между плодovitостью и развитіемъ головного мозга существуетъ какъ-бы фізіологическій антагонизмъ: по мѣрѣ развитія головного мозга, половая система играетъ все меньшую и меньшую роль, и плодovitость уменьшается. Со стороны г. Георгіевскаго игнорированіе такого важ-

наго возраженія противниковъ ученія Мальтуса не простительно: вѣдь онъ въ своемъ предисловіи общалъ, что не будетъ стремиться къ тому, чтобы читателей непременно «завербовать въ число единомышленниковъ», что онъ будетъ излагать не только взгляды, которые онъ считаетъ правильными, но и мнѣнія противниковъ, а русскихъ экономистовъ онъ упрекалъ въ томъ, что у нихъ онъ такого объективнаго изложенія не находитъ, и проч.

Послушаемъ, однако, какъ г. Георгіевскій развиваетъ свои возраженія на теорію Мальтуса. Изложивъ ученіе Мальтуса о его знаменитыхъ «прогрессіяхъ», нашъ авторъ замѣчаетъ: «оставляя въ сторонѣ гипотезу относительно роста населенія и средствъ къ жизни именно въ видѣ геометрической и арифметической прогрессій».... нельзя не признать вѣрности разсужденій Мальтуса, но вѣрности чисто теоретической. Таково значеніе его теоріи не только для настоящаго времени, но и для того будущаго, которое съ нѣкоторой опредѣленностью можно предвидѣть настоящему поколѣнію». Итакъ, г. Георгіевскій признаетъ за разсужденіями Мальтуса только чисто теоретическую вѣрность. И дѣйствительно, онъ указываетъ далѣе на значительныя улучшенія въ technikѣ, на расширеніе торговли, на развитіе путей сообщенія, на возможность обработки громадныхъ незанятыхъ пространствъ, на эмиграцію, — все такіе факты, которые игнорировались Мальтусомъ — и дѣлаетъ отсюда заключеніе, что все это «еще на неопредѣленно долгое время не позволяетъ придавать практическаго значенія теоріи Мальтуса». Далѣе г. Георгіевскій приходитъ къ такому общему выводу: «все изложенное выше отнюдь не даетъ права отрицать значеніе теоріи Мальтуса (да это и не имѣлось въ виду), отрицать тѣ опасности, которыя грозятъ населенію Европы, если ростъ его будетъ сохранять размѣры настоящаго времени; въ виду имѣлось только указать, что по отношенію къ человѣчеству вообще наступленіе указываемыхъ опасностей такъ отдаленно, что, хотя *подумать о будущемъ никогда не мнине*, невозможно представить себѣ условія жизни человѣческаго общества того времени и потому практическихъ выводовъ для настоящаго времени дѣлать нельзя». Изъ всѣхъ этихъ разсужденій для насъ должно быть ясно, что, хотя г. Георгіевскій и признаетъ теоретическую вѣрность ученія Мальтуса, но никакихъ практическихъ выводовъ, по его мнѣнію, изъ этого ученія дѣлать нельзя ни для настоящаго времени, ни для будущаго. Постараемся это запомнить.

Читатель, вѣроятно, обратилъ вниманіе на философскую сен-тенцію, высказанную Георгіевскимъ и написанную нами курсивомъ: «*подумать о будущемъ никогда не мнине*». Мы, конечно, не станемъ спорить противъ этого мудраго правила въ его общей формѣ: думать о будущемъ, вообще говоря, хорошо. Но намъ казалось, тѣмъ не менѣе, что думать объ опасностяхъ, которыя грозятъ человѣчеству въ самомъ отдаленномъ будущемъ, столь отдаленномъ, что

даже «невозможно представить себѣ условія жизни человѣческаго общества того времени», думать о такихъ опасностяхъ все-таки лишне, тѣмъ болѣе, что «практическихъ выводовъ для настоящаго времени дѣлать нельзя»: разъ неизвѣстны условія жизни въ этомъ отдаленномъ будущемъ, то сколько ни думай объ опасностяхъ, все равно ничего не придумаешь. Однако, нужно признаться, что мы ошибались, а г. Георгіевскій былъ вполне правъ: онъ, какъ видно, думалъ о будущемъ и, дѣйствительно, додумался. Дѣло въ томъ, что вышеприведенныя разсужденія на счетъ теоріи Мальтуса, гдѣ отрицается возможность какихъ-либо практическихъ выводовъ изъ нея, были написаны г. Георгіевскимъ въ 1893 г., въ первомъ выпускѣ разбираемаго учебника. Черезъ два года г. Георгіевскій издалъ второй выпускъ, гдѣ онъ, въ отдѣлѣ о заработной платѣ, уже поетъ совершенно другую пѣсню. «Какъ бы ни былъ строй,—пишетъ здѣсь г. Георгіевскій,—всегда остается опасность чрезмернаго размноженія населенія, при которомъ для извѣстной части населенія не будетъ хватать средствъ къ существованію. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, *коренная причина* (курсивъ автора) неудовлетворительнаго положенія рабочаго класса устранится только при уменьшеніи размноженія его». «Къ сожалѣнію,—говоритъ г. Георгіевскій въ другомъ мѣстѣ,—слишкомъ рано заключаются среди рабочихъ браки и чрезмерно быстрое размноженіе рабочаго класса продолжаетъ удерживать заработную плату низшаго класса на томъ же низкомъ уровнѣ и т. д.... Скажемъ сейчасъ же, что, по нашему глубокому убѣжденію, въ концѣ концовъ ни организація рабочаго класса, ни внимательство государственной власти, ни даже переустройство нынѣшняго строя по самымъ крайнимъ проектамъ социализма, ничто не можетъ обезпечить значительнаго и прочнаго улучшенія положенія рабочаго класса, если не будетъ поставлено въ болѣе тѣсныя предѣлы чрезмерно быстрое размноженіе населенія» (стр. 59, ч. II, вып. I). Какъ вамъ нравится эта метаморфоза въ воззрѣніяхъ нашего автора? Прежде онъ утверждалъ, что изъ ученія Мальтуса нельзя дѣлать никакихъ практическихъ выводовъ ни для настоящаго времени, ни для самого отдаленнаго будущаго, а теперь онъ категорически объявляетъ и повторяетъ на разные лады, что *коренная причина* неудовлетворительнаго положенія рабочаго класса заключается въ его *размноженіи*, что никакія мѣры не способны «обезпечить значительнаго и прочнаго улучшенія положенія рабочаго класса», если не будетъ ограничено чрезмерно быстрое размноженіе населенія.

Переходимъ къ отдѣлу производства. Здѣсь г. Георгіевскій изучаетъ роль различныхъ факторовъ производства, т. е. природы, труда и капитала. Затѣмъ онъ ставитъ вопросъ о производительности этихъ факторовъ. «Съ чисто хозяйственной стороны, говоритъ г. Георгіевскій, вопросъ о *производительности* сводится къ вопросу, что уплачивается въ цѣнѣ товара? Тогда какъ одинъ гово-

рять, что подлежитъ оплатѣ лишь количество труда, потраченного на изготовленіе товара, другіе утверждаютъ, что оплатѣ въ цѣнѣ товаровъ подлежатъ и услуги, почвой и капиталомъ при производствѣ оказываемыя». Какое же мнѣніе нашъ авторъ считаетъ болѣе правильнымъ? вмѣсто отвѣта г. Георгіевскій приводитъ слѣдующее мнѣніе Kleinwächter'a, къ которому онъ, повидимому, примыкаетъ: «споръ о «производительности» представляется празднымъ, такъ какъ посмотримъ ли мы съ точки зрѣнія частнаго или коллективнаго хозяйства, во всякомъ случаѣ потребны будутъ услуги лицъ, въ качествѣ-ли собственниковъ земли и капиталовъ, въ качествѣ-ли чиновниковъ-администраторовъ по отношенію къ землѣ и къ капиталамъ, а значитъ необходимо и вознагражденіе за это участіе» (стр. 124, ч. 1). Нельзя сказать, чтобы отвѣтъ на поставленный вопросъ былъ вполне ясенъ, изъ него однако, видно, что вопросъ о производительности земли и капиталовъ г. Георгіевскій почему-то смѣшиваетъ съ вопросомъ объ услугахъ, оказываемыхъ землевладельцами и капиталистами. Вообще г. Георгіевскій не считаетъ нужнымъ отличать услуги земли отъ услугъ землевладельцевъ, капиталъ отъ капиталистовъ и т. п. Изъ того, напримѣръ, что трудъ безъ капитала безсиленъ, что трудъ въ производствѣ не можетъ обойтись безъ капитала, нашъ авторъ дѣлаетъ выводъ, что вознагражденіе, получаемое представителями труда и представителями капитала, одинаково справедливо, что «столь же несправедливо признавать право на весь продуктъ за представителями труда, какъ несправедливо было бы противоположное признаніе права предпринимателей и капиталистовъ». Если бы г. Георгіевскій сказалъ, что при существованіи частной собственности на орудія производства рабочій по необходимости долженъ отдать часть продукта землевладельцамъ и капиталистамъ, такъ какъ послѣдніе иначе не позволятъ привлечь къ производству ихъ земли и капиталы, тогда противъ этого нельзя было бы спорить.

Вопросамъ распредѣленія богатства г. Георгіевскій не безъ основанія удѣляетъ много мѣста: почти половина его курса посвящена этому отдѣлу. Нашъ авторъ начинаетъ этотъ отдѣлъ общими разсужденіями насчетъ громадной важности вопросовъ распредѣленія, высказываетъ мнѣніе, что мы въ этомъ отдѣлѣ изучаемъ не только существующіе при современномъ порядкѣ законы распредѣленія, но изслѣдуемъ также тѣ измѣненія, которыя могутъ быть внесены въ этотъ порядокъ, чтобы согласовать его, какъ съ началами справедливости, такъ и съ общественнымъ интересомъ. Всѣ эти разсужденія заимствованы у А. Вагнера *). У него же заимствованы и дальнѣйшія разсужденія г. Георгіевскаго насчетъ тѣхъ положительныхъ задачъ, къ которымъ современное общество должно стремиться въ области распредѣленія. Одна изъ такихъ задачъ заклю-

*) A. Wagner. Lehrbuch, стр. 669 и слѣд.

чается въ слѣдующемъ: «должно стремиться обезпечить каждому все то, что ему необходимо, чтобы быть въ положеніи, соответствующемъ достоинству человека». Эту же мысль г. Георгіевскій повторяетъ и въ другомъ мѣстѣ: «ближайшей, достижимой на нашъ взглядъ задачей современнаго общества должно быть обезпеченіе каждому лицу положенія, соответствующаго его достоинству, какъ человека». (У Вагнера сказано: «Erreichung einer menschenwürdigen Existenz»). Хотя г. Георгіевскій не высказывается прямо относительно того, признаетъ-ли онъ «право на существованіе» — *droit à l'existence*, но это ужъ какъ бы вытекаетъ само собою изъ признанія за обществомъ обязанности обезпечить каждому лицу положеніе, соответствующее человѣческому достоинству. Въ самомъ дѣлѣ, что такое «право на существованіе»? Антонъ Менгеръ, прекрасный знатокъ исторіи этого вопроса, даетъ праву на существованіе слѣдующее опредѣленіе: «это право можно опредѣлить такимъ образомъ, что каждый членъ общества получаетъ возможность требовать, чтобы ему были доставлены блага, необходимыя для его существованія, прежде чѣмъ будутъ удовлетворены менѣе важныя потребности другихъ членовъ общества» *). И дѣйствительно, А. Вагнеръ, у котораго г. Георгіевскій и заимствовалъ вышеприведенныя разсужденія, прямо заявляетъ, что современное общество должно признать право на существованіе—*Recht auf Existenz*—однимъ изъ основныхъ принциповъ распредѣленія.

Между тѣмъ г. Георгіевскій, въ отдѣлѣ о заработной платѣ, рѣзко возстаетъ противъ установленія «права на трудъ»—*droit au travail*. «Государство призывается, говорить онъ по этому поводу, къ защитѣ интересовъ рабочихъ и отъ него требуется обезпечить каждому возможность жить подѣ условіемъ приложенія труда. Несостоятельность этихъ требованій такъ хорошо разработана Д. С. Миллемъ, что нечего прибавить почти къ его словамъ». Приводятся затѣмъ доводы Милля, что признаніе права на трудъ поведетъ къ чрезмѣрному размноженію населенія и проч. Намъ кажется, что г. Георгіевскій поступаетъ крайне непослѣдовательно, когда съ одной стороны признаетъ обязанность общества обезпечить за каждымъ положеніе, соответствующее достоинству человеку, и этимъ самымъ какъ-бы признаетъ право на существованіе, а съ другой—возстаетъ противъ установленія права на трудъ. Вѣдь «право на существованіе» возлагаетъ на общество гораздо большія обязанности чѣмъ «право на трудъ»; послѣднее составляетъ одинъ изъ элементовъ права на существованіе, оно его необходимое слѣдствіе, какъ это прямо признается Вагнеромъ. Въ самомъ дѣлѣ, признаніе *droit à l'existence* сводится: 1) къ тому, что лица, неспособныя къ труду, какъ напр., дѣти, старики, больные и проч., получаютъ право требовать отъ государства дароваго содержанія, 2) къ тому

*) Menger, Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag, 1891, стр. 9.

что лица, способныя къ труду, могутъ также требовать содержанія. но они обязаны взаимно этого исполнять работу простого поденщика *). Между тѣмъ установленіе *droit au travail* возлагаетъ на государство меньшія обязанности: это право заключается въ томъ, что лицо, способное къ труду, можетъ требовать отъ государственной власти, чтобы она доставила ему работу за обычную заработную плату, причемъ, въ отличіе отъ *droit à l'existence*, признаніе *droit au travail* даетъ рабочему право требовать отъ государственной власти работы и платы только въ томъ случаѣ, если будетъ установлено, что онъ у частныхъ предпринимателей не могъ найти работы **). Поэтому-то А. Менгеръ вполне правъ, говоря, что право на трудъ является какъ-бы дополненіемъ къ современному имущественному праву, что оно предполагаетъ существованіе частной собственности на землю и капиталъ. И дѣйствительно, Консидеранъ, одинъ изъ выдающихся сторонниковъ *droit au travail*, смотрѣлъ на это право, какъ на единственное средство сохраненія частной собственности.

Какъ-же объяснить такую непослѣдовательность г. Георгіевскаго? Ее можно объяснить либо тѣмъ, что г. Георгіевскій, признавъ ближайшей задачей современнаго общества «обеспеченіе каждому лицу положенія, соответствующаго человѣческому достоинству», этимъ вовсе не думалъ признавать права на существованіе; въ такомъ случаѣ его разговоры на счетъ ближайшихъ и исполнимыхъ задачъ современнаго общества должны быть причислены къ тѣмъ напыщеннымъ и ничего не значущимъ фразамъ, которыхъ такъ много въ его учебникѣ; либо тѣмъ, что онъ, хотя и думалъ, подобно Вагнеру, признавать право на существованіе, но себѣ хорошенько не уяснилъ, въ чемъ это право заключается, а главное проглядѣлъ, что А. Вагнеръ считаетъ право на трудъ необходимымъ послѣдствіемъ (*nothwendige Konsequenz*) права на существованіе:

На отдѣлѣ о заработной платѣ мы долго останавливаться не будемъ. Скажемъ только, что черезъ весь этотъ отдѣлъ красной нитью проходитъ взглядъ автора, что *коренная причина* неудовлетворительнаго положенія рабочаго класса заключается по его «глубокому убѣжденію» въ чрезмѣрно быстромъ *размноженіи* населенія. Человѣку, имѣющему такіа «глубокія убѣжденія», конечно, не трудно разрѣшать самые сложные социальные вопросы. Вопросъ о машинахъ, напр., вопросъ о томъ, насколько для рабочихъ можетъ быть вреднымъ введеніе разныхъ усовершенствованій, благодаря которымъ человѣческія руки становятся «излишними» и проч., г. Георгіевскій разрѣшаетъ очень просто: «изобрѣтеніе превращается въ зло для рабочаго населенія вслѣдствіе невоздержности

*) А. Menger, стр. 9.

**) Ibid. стр. 16.

его размноженія». Известное мнѣніе, что машины лишаютъ рабочихъ часто занятій, что, благодаря введенію машинъ, рабочіе неоднократно выбрасывались на улицу, и что въ этомъ виноваты собственно не машины, а ихъ «капиталистическое примѣненіе», Георгіевскій легко разбиваетъ простымъ замѣчаніемъ: «тутъ не причѣмъ капиталистическій строй (курсивъ автора) производства, каковъ бы ни былъ строй, всегда останется опасность чрезмѣрнаго размноженія населенія и проч.».

Съ особенной подробностью г. Георгіевскій останавливается на вопросѣ о доходѣ на капиталъ. Онъ считаетъ нужнымъ познакомить насъ не только со своими собственными взглядами и воззрѣніями наиболѣе выдающихся экономистовъ, но и съ множествомъ взглядовъ, какіе когда-либо высказывались по этому вопросу. Предъ читателемъ, такимъ образомъ, проходятъ тѣни Аристотеля, Фома Аквинскаго, Кальвина, Галіана, Тюрго, Смита, Рикардо, Сая, Германа, Тюнена, Кнуса и проч. и проч. Удобенъ-ли такой приемъ въ учебникѣ, предназначенномъ для начинающихъ? Вынесетъ-ли что нибудь неподготовленный читатель изъ этого историческаго очерка, гдѣ различнымъ взглядамъ удѣляется иногда ровно двѣ-три строчки, въ этомъ мы позволимъ себѣ сомнѣваться. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что весь этотъ историческій очеркъ взятъ изъ книги В. Баверка «Kapital und Kapitalzins». Книга эта—просто кладъ для г. Георгіевскаго. Она служитъ для него одновременно и архивомъ и арсеналомъ: изъ нея онъ черпаетъ въ готовомъ видѣ взгляды, какіе высказывались по вопросу о доходѣ на капиталъ «отъ Аристотеля до нашихъ дней», изъ нея-же онъ заимствуетъ и оружіе, которымъ онъ разбиваетъ эти взгляды. Особенно сильно достается отъ г. Георгіевскаго бѣдному автору теоріи прибавочной цѣнности и ея послѣдователямъ. (Нашъ почтенный профессоръ называетъ этихъ послѣдователей «скворцами, которые поютъ съ чужого голоса, даже не понимая того, что поютъ и не читавши зачастую тѣхъ сочиненій, въ которыхъ изложенъ ихъ символъ вѣры» *). Да и какъ въ самомъ дѣлѣ Георгіевскому не разбивать этой теоріи? Вѣдь Бемъ-Баверкъ такъ не любитъ теорію прибавочной цѣнности и такъ много пороку потратилъ на борьбу съ нею. Стоитъ г. Георгіевскому взять готовые ядовитыя стрѣлы, которыхъ такъ много въ арсеналѣ В. Баверка, и надъ ненавистной теоріею одержана торжественная побѣда. Нашъ авторъ до такой степени преклоняется предъ В. Баверкомъ, что заимствуетъ у него, большого любителя казуистики, всякіе мелочные примѣры, которыми тотъ надѣется разбить критикуемое ученіе: гдѣ у В. Баверка сказано километръ **), у г. Георгіевскаго—верста, у пер-

*) Георгіевскій. Ч. II, вып. II, стр. 55.

**) Böhm-Bawerk. Kapital und Kapitalzins. B. I, стр. 439.

чаго—железнодорожный путь *), у нашего автора—железнодорожный мостъ, у В. Баверка—теноръ, басъ и баритонъ **), у нашего профессора—теноръ, баритонъ и басъ и т. п. Останавливаться на всѣхъ доводахъ г. Георгіевскаго противъ этой теоріи не стоитъ, такъ какъ это значило-бы разбирать книгу В. Баверка, а не Георгіевскаго. Мы разберемъ только нѣкоторыя изъ возраженій, которыя принадлежать самому г. Георгіевскому.

Г. Георгіевскій уличаетъ автора теоріи прибавочной цѣнности въ противорѣчіяхъ: въ первомъ томѣ его капитальнаго труда говорилось одно, а въ третьемъ дескать совсѣмъ другое. Послушаемъ г. Георгіевскаго: «также какъ по вопросу о цѣнности сперва обмѣнивались, по Марксу, *равноцѣнности*, а затѣмъ оказалось какъ разъ наоборотъ, такъ и въ данномъ случаѣ самъ же Марксъ въ III томѣ стремится доказать, что *прибавочная цѣнность и прибыль на капиталъ* (курсивъ автора) суть двѣ совсѣмъ различныя вещи». Неужели г. Георгіевскій никогда не слыхалъ, что и въ первомъ томѣ нѣсколько разъ указывается на то, что прибавочная цѣнность и прибыль на капиталъ не одно и то же, а «двѣ совсѣмъ различныя вещи» ***).

Въ другомъ мѣстѣ мы находимъ у г. Георгіевскаго слѣд. замѣчаніе: «Марксъ объявляетъ, что *добавочная цѣнность не совпадаетъ съ прибылью* предпринимателя-производителя, а *больше* этой послѣдней; но это значить, что первый производитель уступаетъ продуктъ слѣдующимъ, а тѣ, въ свою очередь, купцу *ниже* его цѣнности, тотъ опять-таки *ниже* мелочному торговцу, потому что и этотъ имѣетъ доходъ на свой капиталъ и т. д.». Что *добавочная цѣнность*, взятая въ общемъ, *больше* прибыли, получаемой всѣми предпринимателями въ совокупности—это Марксъ, дѣйствительно, признаетъ. Но отсюда еще не слѣдуетъ, что *добавочная цѣнность*, получаемая въ извѣстной единичной отрасли производства, непременно должна быть *больше* прибыли, извлекаемой предпринимателемъ данной отрасли, а потому вовсе не «значить, что первый производитель уступаетъ продуктъ слѣдующимъ, а тѣ, въ свою очередь, купцу *ниже* его цѣнности, тотъ опять-таки *ниже*—мелочному торговцу и т. д.». Если-бы, г. Георгіевскій хорошенько вдумался въ тѣ примѣры, которые онъ самъ приводитъ изъ III т. «Капитала», гдѣ сопоставляются различныя сферы производства съ органически различнымъ составомъ капитала, онъ бы замѣтилъ, что первый производитель не всегда уступаетъ продуктъ слѣдующимъ *ниже* его цѣнности. Очень часто, именно когда товаръ является продуктомъ предпріятія высшего органическаго состава, т. е. съ преобладаніемъ постоянного капитала, этотъ товаръ продается первымъ производителемъ *выше* его цѣнности.

*) Ibid.

**) Ibid. 435.

***). В. I. стр. 180.

Покончивъ съ разборомъ трудовой теоріи цѣнности и съ учениемъ о прибавочной цѣнности, г. Георгіевскій переходитъ къ критикѣ разныхъ положительныхъ выводовъ, какіе дѣлаются сторонниками этихъ теорій. Зачѣмъ понадобилась эта критика въ отдѣлѣ о доходѣ на капиталъ, понять довольно трудно. Не могу удержаться отъ того, чтобы не привести образчика философскихъ разсужденій нашего автора, встрѣчающихся здѣсь въ такомъ большомъ количествѣ. Г. Георгіевскій считаетъ нужнымъ «хоть въ двухъ словахъ указать на сходство явленій общественныхъ нашего времени и конца прошлаго вѣка». По поводу этого сходства онъ говоритъ слѣдующее: «Физіократія, какъ ученіе экономическое, являлось лишь логическимъ примѣненіемъ основныхъ положеній господствовавшихъ въ то время философскихъ идей энциклопедистовъ. *Свобода, равенство и братство*—эти возвышенные понятія, дорогія каждому чловѣку, въ особенности каждому христіанину» такъ-же точно, какъ и въ настоящее время, были начертаны на знамени различныхъ партій въ концѣ прошлаго вѣка. «Исторія научила насъ, во что обратились эти высокіе принципы въ рукахъ Робеспьера, Дантона и Марата». Въ чемъ-же собственно заключается «сходство явленій общественныхъ нашего времени и конца прошлаго вѣка»? Насколько можно понять г. Георгіевскаго, сходство это заключается въ слѣдующемъ: «свобода, равенство и братство—эти возвышенные понятія, дорогія каждому чловѣку, въ особенности каждому христіанину», были выставлены экономистами прошлаго вѣка, т. е. физіократами, но исторія научила насъ, во что эти возвышенные понятія обратились въ рукахъ Робеспьера, Дантона и Марата; и теперь, въ концѣ 19-го столѣтія, эти-же высокіе принципы выставляются серьезными экономистами, но, Богъ знаетъ, во что они могутъ превратиться.

Мы должны прежде всего замѣтить г. Георгіевскому, что онъ глубоко заблуждается, если полагаетъ, что физіократами были признаны принципы *свободы, равенства и братства*. Что они ратовали за принципъ свободы—это такъ, но сторонниками равенства въ имущественныхъ отношеніяхъ физіократы далеко не были. Физіократы явились выразителями нарождавшейся капиталистической эры, они высказываютъ требованія возникающей буржуазіи,—о равенствѣ здѣсь не могло быть рѣчи. Физіократы, какъ замѣтилъ Онкенъ *), одинъ изъ лучшихъ знатоковъ этой школы, выводили

*) Auguste Oncken. «Oeuvres économiques et philosophiques de F. Quesnay» Paris 1888. Здѣсь Георгіевскій найдетъ, между прочимъ, упрекъ, который Онкенъ дѣлаетъ А. Смитъ за то, что онъ невнимательно отнесся къ физіократамъ: Смитъ ошибочно полагалъ, что физіократы построили свою систему на 3-хъ принципахъ—абсолютной справедливости, свободы и равенства. Въ концѣ прошлаго вѣка А. Смитъ могъ ошибаться, но въ настоящее время, послѣ того, какъ имѣется такъ много изслѣдованій о физіократахъ, некрѣпко для профессора повторять заблужденія Смита!

изъ естественнаго порядка вещей принципъ экономическаго и соціальнаго неравенства. Если-бы г. Георгіевскій внимательно читалъ, напр., Кенэ или Тюрго, онъ бы легко замѣтилъ, что они именно неравенство считали естественнымъ слѣдствіемъ различія способностей и раздѣленія занятій. Неравенство въ имущественномъ отношеніи (*inégalité*), училъ Кенэ, не противорѣчитъ естественнымъ законамъ, оно, напротивъ, поощряетъ къ труду и бережливости. Поэтому-то еще въ прошломъ вѣкѣ противъ фیزیократовъ возставали такія лица, какъ Маблі, Морелли, Гельвеціусъ и друг. *).

Но оставимъ въ покоѣ экономистовъ прошлаго вѣка и спросимъ: дѣйствительно-ли *свобода, равенство и братство* ужь такъ близки сердцу современныхъ экономистовъ? Возьмемъ хотя того-же г. Георгіевскаго; вѣдь онъ-же самъ заявилъ, что «стремиться къ полному имущественному равенству было-бы не только не достижимо, но и неразумно, такъ какъ полное равенство средствъ и потребностей было-бы равносильно съ остановкой развитія общества, означало-бы полнѣйшій застой. Неравенство средствъ и потребностей должно признать залогомъ и необходимымъ условіемъ прогресса». При чемъ-же тутъ громкія фразы о высокихъ принципахъ, «дорогихъ каждому человѣку, въ особенности каждому христіанину»?

Раскритиковавъ всѣ разнообразныя теоріи, какія создавались для объясненія дохода на капиталъ, г. Георгіевскій счелъ нужнымъ предложить и свою собственную теорію. Остановливаться на подробномъ разборѣ этой самобытной теоріи совершенно не стоитъ, тѣмъ болѣе, что изложена она весьма туманно, сбивчиво, часто на невозможномъ языкѣ, съ безконечными логическими скачками. Нѣсколько словъ мы ей все таки удѣлимъ: читатель получитъ нѣкоторое представленіе о творческихъ способностяхъ г. Георгіевскаго. Возникновенію дохода на капиталъ нашъ авторъ даетъ слѣд. оригинальное объясненіе: каждая отрасль производства требуетъ извѣстныхъ *спеціальныхъ* издержекъ, цѣнность которыхъ должна быть восстановлена въ результатѣ производства; но кромѣ этихъ *спеціальныхъ* издержекъ есть еще издержки *общія*, издержки, идущія на *поддержаніе общественности*; эти издержки политич. экономія до сихъ поръ недостаточно принимала во вниманіе, между тѣмъ онъ-то, по мнѣнію г. Георгіевскаго, объясняютъ намъ возникновеніе дохода на капиталъ, такъ какъ именно этимъ *общимъ* издержкамъ соответствуетъ избытокъ продукта, получаемый въ результатѣ производства. «Тѣ издержки производства, о которыхъ трактуется въ полит. экономіи до настоящаго времени, говоритъ г. Георгіевскій, суть издержки *спеціальныя* по преимуществу и только отчасти *общія*... Что-же мудренаго, что продуктъ, отъ производства получающійся, въ видѣ общаго правила, представляетъ большую срав-

*) Louis Blanc. «Histoire de la Revolution française» стр. CLVIII и слѣд. (livre troisième).

нительно съ этимъ издержками цѣнность? Это, конечно, такъ и должно быть, потому что въ продуктѣ должна заключаться и доля, соответствующая *общимъ издержкамъ*. Такими *общими издержками народнаго хозяйства* являются *расходы на поддержаніе и развитіе общественности*, и этимъ-то расходамъ соответствуетъ обычный избытокъ цѣнности продукта, при окончаніи производства получаемого». «Постараемся представить доказательства, говорить далѣе г. Георгіевскій, что избытокъ цѣнности продукта своимъ появленіемъ обязанъ не одному изъ тѣхъ факторовъ производства, о которыхъ говорено было выше, даже и не комбинація ихъ, а только общественности». Доказательства эти сводятся къ слѣд.: каждый человѣкъ въ отдѣльности своимъ трудомъ едва можетъ добыть средства, необходимыя для поддержанія существованія, благодаря-же *общественности* люди гораздо лучше удовлетворяютъ свои потребности матеріальныя и духовныя, создается еще избытокъ и проч. «Мы приписываемъ этотъ избытокъ, восклицаетъ г. Георгіевскій, *общественности*, такъ какъ только при общественной организаціи производства онъ можетъ появиться и дѣйствительно появляется». Въ чемъ-же, наконецъ, заключается эта пресловутая общественность, такъ просто открывающая загадочный ларчикъ? «Общественность отвѣчаетъ нашъ авторъ, не представляетъ чего-либо точно опредѣлимаго, такъ сказать, осязаемаго, нельзя указать ея точныхъ опредѣленныхъ границъ, но тѣмъ не менѣе для всякаго ясно, что она существуетъ, такъ какъ только въ ней живетъ и развивается человѣкъ... Если она оказываетъ содѣйствіе производству цѣнностей, то она же требуетъ извѣстныхъ расходовъ на свое существованіе и эти-то расходы мы считаемъ *общими расходами народнаго хозяйства*». Изъ дальнѣйшихъ, не менѣе туманныхъ, объясненій оказывается, что эти расходы на поддержаніе общественности сводятся къ расходамъ, необходимымъ для обезпеченія правового порядка и удовлетворенія матеріальныхъ и духовныхъ потребностей населенія. Но намъ пора остановиться.

Позволимъ себѣ теперь предложить г. Георгіевскому нѣсколько вопросовъ. Въ отдѣлѣ производства г. Георгіевскій объяснилъ происхожденіе цѣнностей сочетаніемъ трехъ факторовъ—природы, труда и капитала; теперь же, когда рѣчь идетъ о происхожденіи дохода на капиталъ, т. е. о происхожденіи цѣнностей, попадающихъ въ руки капиталистовъ, онъ утверждаетъ, что «избытокъ цѣнности продукта своимъ появленіемъ обязанъ не одному изъ тѣхъ факторовъ производства, о которыхъ говорено было выше, даже и не комбинація ихъ, а только *общественности*». Почему же цѣнности, попадающія въ карманъ капиталиста, возникаютъ, по мнѣнію г. Георгіевскаго, какъ-то совершенно иначе, не такъ, какъ возникаютъ обыкновенныя цѣнности? Развѣ природа тѣхъ и другихъ цѣнностей различна? Нисколько. Уголь, на которомъ рабочій согрѣваетъ свои щипы, и уголь, который трещитъ въ каминѣ капиталиста, добытъ подъ

той-же землею, въ тѣхъ-же сырыхъ копияхъ, одними и тѣми-же руками. Почему-же, по мнѣнію Георгіевскаго, цѣнности, выдаваемые въ видѣ необходимой заработной платы, возникаютъ благодаря сочетанію трехъ факторовъ производства, а цѣнности, получаемыя капиталистами, создаются какой-то «общественностью»? Отчего такая оригинальная двойная бухгалтерія?

Второе недоумѣніе, которое вызываетъ въ насъ теорія г. Георгіевскаго, заключается въ слѣдующемъ. Раньше, при разборѣ теоріи прибавочной цѣнности, нашъ авторъ проинизировалъ на счетъ ея сторонниковъ, объясняющихъ всякій ростъ производства только увеличеніемъ производительности труда; онъ находилъ такое объясненіе не логичнымъ на томъ основаніи, что, разъ въ производствѣ участвуютъ три фактора, то нельзя всѣ его результаты приписывать одному фактору — труду, онъ считалъ такое объясненіе столь же ошибочнымъ, «какъ если бы стали утверждать, что въ тѣлѣ ребенка туловище произвела мать, а ноги отецъ». Почему-же онъ теперь находитъ возможнымъ и логичнымъ утверждать, что «избытокъ цѣнности продукта получается *только благодаря общественности*» (курсивъ автора)? Вѣдь г. Георгіевскій, я думаю, не станетъ спорить противъ того, что никакіе продукты не могутъ создаваться безъ труда или безъ содѣйствія природы, а разъ необходимо содѣйствіе этихъ факторовъ производства, то почему же онъ утверждаетъ, что избытокъ получается *только благодаря общественности*? Это вѣдь столь же невѣрно, какъ если бы стали утверждать, что въ тѣлѣ ребенка туловище произвела мать, а ноги—отецъ. Третій вопросъ, который мы предложимъ Георгіевскому, заключается въ слѣдующемъ: разъ онъ признаетъ, что «избытокъ цѣнности продукта, за покрытіемъ затраты на трудъ и капиталъ, получается *только благодаря общественности*», то какъ же объяснить то обстоятельство, что различныя предпріятія даютъ иногда совершенно различныя «избытки»? Мы часто видимъ, что одинъ предприниматель получаетъ больше дохода, чѣмъ другой, положимъ, потому, что онъ сильнѣе другого эксплуатируетъ своихъ рабочихъ. Неужели г. Георгіевскій и здѣсь станетъ объяснять различіе въ доходахъ пресловутой *общественностью*? Вѣдь общественность, я думаю, не можетъ содѣйствовать одному предпріятію больше, другому меньше.

Замѣтимъ еще г. Георгіевскому, что онъ напрасно упрекаетъ полит. экономію, будто она до настоящаго времени мало обращала вниманіе на общія издержки, т. е., издержки на поддержаніе общественности. Что общественная организація содѣйствуетъ производству—это слишкомъ банальная истина; что для поддержанія этой организаціи требуются расходы—это также всѣмъ извѣстно. Но когда экономистъ трактуетъ вопросъ о доходѣ на капиталъ, то для него важно изучить, какъ *при данной общественной организаціи, при данныхъ издержкахъ на поддержаніе этой организаціи*, возникаетъ излишекъ, попадающій въ руки капиталистовъ, и почему эти по-

слѣдніе, безъ всякаго труда, имѣютъ возможность получать этотъ излишекъ. На этотъ вопросъ самобытная теорія Георгіевскаго намъ не даетъ отвѣта. Но этого мало; поставивъ себѣ задачей объяснить, «почему обладаніе капиталомъ обезпечиваетъ собственнику постоянный доходъ и откуда этотъ доходъ берется», г. Георгіевскій даже совершенно забываетъ эту задачу, такъ увлекается своею «общественностью», что объясняетъ ею не только доходъ на капиталъ, но и ту часть заработной платы, которая превышаетъ средства, необходимые для поддержанія существованія. «И представители труда, говоритъ намъ авторъ, участвуютъ въ долѣ общественнаго продукта и именно въ той мѣрѣ, въ какой ихъ вознагражденіе превосходитъ необходимое для поддержанія существованія, т. е. превосходитъ то, что соотвѣтствуетъ собственной тратѣ работающихъ и что только имъ *въ общественности* и могло быть получено». Но г. Георгіевскій и этимъ не удовлетворяется. «Общественность», повидимому, его совершенно сбита съ толку, и вотъ онъ изложеніе своей теоріи дохода на капиталъ заканчиваетъ слѣд. выводомъ: «въ предшествующемъ изложеніи мы старались выяснитъ *источники* тѣхъ доходовъ, о которыхъ трактуется обыкновенно въ отдѣлѣ *распределенія* цѣнностей». Оказывается такимъ образомъ, что «общественность» является *источникомъ* не только дохода на капиталъ, но и земельной ренты и заработной платы, такъ какъ обо всѣхъ этихъ доходахъ вѣдь трактуется (въ частности и г. Георгіевскимъ) въ отдѣлѣ *распределенія*. Если такимъ образомъ цѣнности, распределяемыя между рабочими, капиталистами и землевладѣльцами, имѣютъ своимъ источникомъ «общественность», что же въ такомъ случаѣ останется на долю производства съ его тремя факторами?

Общій выводъ, къ которому нашъ авторъ приходитъ въ концѣ главы «о доходѣ предпринимателя», въ достаточной мѣрѣ объясняетъ намъ цѣль, съ которой создана была вся эта теорія «общественности». «Мы не только не признаемъ возможнымъ», говоритъ г. Георгіевскій, «выдѣлять продуктъ того или другого фактора, но и считаемъ всѣ *чистые* (въ томъ смыслѣ, какъ мы употребляемъ этотъ терминъ) доходы частно-хозяйственные продуктомъ общественности, такъ что объ ограбленіи однихъ участниковъ другими не можетъ быть и рѣчи». «Согласно нашему взгляду», говорится въ другомъ мѣстѣ, «послѣдніе экономическіе классы (т. е. представители капитала и представители труда) стремятся отвоевать у предпринимателя, а не онъ беретъ себѣ *продуктъ изъ* капитала или *изъ* труда: ни одинъ изъ этихъ трехъ классовъ не можетъ доказать своего права на эту долю продукта, которая своимъ происхожденіемъ обязана общественности». Ясно, что теоріей «общественности» весьма удобно оправдывать всякій доходъ: предприниматель, кладя въ карманъ барыши, ничего не отнимаетъ у рабочихъ, онъ беретъ только то, что своимъ происхожденіемъ обязано общественности.

Свой учебникъ проф. Георгіевскій заканчиваетъ отдѣломъ по-

требленія. Въ этотъ отдѣлъ входитъ и вопросъ о кризисахъ. Этому интересному и сложному вопросу нашъ авторъ нашелъ нужнымъ удѣлить ровно 12 строкъ. Я ихъ приведу цѣликомъ, онѣ очень характерны: «производство и потребленіе должны идти рука объ руку, между ними должно существовать соотвѣтствіе, иначе народное хозяйство испытываетъ потрясенія, называемыя *экономическими кризисами*: не соотвѣтствуетъ предложеніе спросу, напримѣръ, вслѣдствіе неурожая хлѣбовъ,—всѣ или большую часть своихъ средствъ люди затрачиваютъ на приобрѣтеніе предметовъ насущной необходимости, сокращаютъ или прекращаютъ спросъ на прочіе товары, производители которыхъ разоряются и все народное хозяйство переживаетъ кризисъ; возможенъ и противоположный случай, что предложеніе превышаетъ спросъ вслѣдствіе перепроизводства товаровъ; послѣдніе не находятъ сбыта, ихъ производители остаются безъ дѣла, разоряются, производство падаетъ, народное хозяйство испытываетъ снова кризисъ». — Вотъ все, что говорится о кризисахъ въ этомъ объемистомъ курсѣ политической экономіи. Нѣтъ ни историческаго освѣщенія этого глубоко интереснаго вопроса, ни намекъ на какія либо теоріи кризисовъ, а главное, нѣтъ никакого указанія на связь кризисовъ съ капиталистическимъ строемъ производства. Да и вообще пониманіе кризисовъ у нашего автора довольно оригинально: обыкновенно подъ промышленными кризисами понимаютъ такіа потрясенія въ области хозяйства, которыя вызываются превышеніемъ предложенія надъ спросомъ, нашъ же авторъ усматриваетъ кризисъ тамъ, гдѣ предложеніе ниже спроса, напримѣръ, вслѣдствіе неурожая хлѣбовъ; впрочемъ, г. Георгіевскій допускаетъ, что «возможенъ и противоположный случай, что предложеніе превышаетъ спросъ».

Б. З.

Съ береговъ Лемана.

(Швейцарская національная выставка).

Письмо I.

La belle Genève!

О чемъ бы ни шла бесѣда, истинный женевецъ всегда найдетъ случай коснуться столицы французскихъ кантоновъ и непремѣнно воскликнетъ:—«La belle Genève!». Поправкой къ этому, разумѣется, могло бы явиться указаніе, прежде всего, на истину, что и солнце имѣетъ пятна, но при взглядѣ на самодовольное, млѣющее отъ упоенія, круглое, румяное лицо женева, украшенное въ большин-

ствѣ случаетъ лицо закрученными усами, невольно почувствуешь, что хвала Женевѣ, въ устахъ достойнаго сына Гельвеціи,—хвала влюбленнаго... И женевцы, дѣйствительно, влюблены въ свой городъ, влюблены до того, что равнаго ему не знаютъ въ свѣтѣ. Развѣ что Парижъ...

Правда, Женева красивый городъ, но, какъ это случается не съ одними городами,—больше издалика. Она красива, когда глядишь на нее съ высоты сосѣдняго Салева и глазъ обнимаетъ всю панораму города, живописно раскинутого, облитого золотыми лучами солнца... красива, когда подъѣзжаешь къ ней на пароходѣ по зеркальному голубому Леману тихимъ, яснымъ вечеромъ, и она, мало-по-малу, выступаетъ легкими, воздушными очертаніями сквозь тонкій, прозрачный туманъ..

Не то получается вблизи. Сѣрыя, однообразныя стѣны домовъ и отелей, лишенныхъ всякой архитектуры, пустынные улицы, пустынные городскіе сады, Рона, стиснутая плотинами, обезображенная купальнями, портомойнями,—мало отвѣчаютъ названію «прекрасной». И если въ новыхъ своихъ частяхъ Женева можетъ еще походить на приодѣвшуюся добродѣтельную протестантскую дѣву, то въ древней части, гдѣ соборъ св. Петра, повсемѣстною ветхостью и грязью, лабиринтами темныхъ щелей, вмѣсто улицъ, рядами затхлыхъ, печальныхъ руинъ, вмѣсто домовъ, она положительно напоминаетъ Изабеллу Кастильскую, давшую обѣтъ не перемѣнять рубашки, пока не падетъ Гренада...

Впрочемъ, въ данную минуту, la belle Genève только и занята, что своимъ туалетомъ: она чистится, красится, страхиваетъ съ себя пылъ, опоясывается электрическою дорогой... Она ждетъ гостей, готовится къ торжеству. Торжество это—швейцарская національная выставка, долженствующая открыться 1 мая въ Женевѣ.

Пространство подъ выставку отведено внушительное—350,000 квадратныхъ метровъ (изъ нихъ 200,000 метр. собственно въ пользованіе экспонентовъ). Оно начинается огромною площадью Plain-palais, въ коммунѣ того же названія *), на западномъ концѣ Женевы, и далеко захватываетъ окрестность, со включеніемъ береговъ рѣкъ Арвы и Анра. Постройки выставки близятся уже къ концу. Онѣ обширны, разнообразны и очень красивы. Общій характеръ ихъ средневѣковъй. Разнообразіе цвѣтовъ, крутыя черепичныя крыши, группы башенокъ, колоннадъ—все удачно сливается въ одно гармоническое цѣлое, въ какомъ бы пунктѣ ни находился зритель, выглядитъ оригинально и хорошо.

По уставу, утвержденному національной комиссіей, выставка продолжится съ 1 мая по 15 октября. На ея осуществленіе опре-

*) Городъ Женева есть собственно сумма нѣсколькихъ коммунъ, имѣющихъ каждая свою мѣрю и соответствующихъ парижскимъ городскимъ округамъ (arrondissements).

дѣлено около 3 милліоновъ франковъ. Въ число этой суммы дано безвозвратно федераціей, кантонами, городомъ Женевой, а также различными обществами и корпораціями 1,375,000 фр. Остальная сумма покрывается поступлениями отъ экспонентовъ за мѣста и кредитомъ, при посредствѣ учредившагося для этой дѣли «Общества гарантинъ», уже внесшаго въ оборотный капиталъ 500,000 фр.

Выставка будетъ заключать въ себѣ 47 группъ. Между прочимъ тутъ найдутъ себѣ мѣсто: отдѣлъ промышленности, во всестороннемъ ея развитіи; отдѣлъ искусствъ—древняго и современнаго, съ включеніемъ новѣйшей школы альпійской живописи; рынокъ машинъ, съ разнообразными примѣненіями электрической силы, значительному пользованію которой такъ благоприятствуютъ особенности швейцарской природы. Въ отдѣлѣ воспитанія и образованія, помимо ознакомленія съ учрежденіями образовательнаго характера вообще—отъ дѣтскихъ школъ до университета—будутъ представлены школы профессиональныя: школа искусствъ, художественно-промышленная, коммерческая, земледѣльческая и др. Швейцарское земледѣліе представитъ коллекцію своихъ продуктовъ, а также образцы скота и вообще все, что можетъ составить полную наглядную картину сельскаго хозяйства.

Для завѣдыванія ходомъ дѣлъ выставки существуютъ: національная коммиссія (въ Бернѣ), центральный комитетъ и дирекція (въ Женевѣ). Послѣднія два учрежденія не больше, какъ развитвенія той же національной коммиссіи, которая и остается главнымъ двигателемъ. По существу своему коммиссія является учрежденіемъ правительственнымъ (федеральнымъ) и состоитъ подъ предсѣтельствомъ директора департамента торговли и земледѣлія, Деухера (онъ же вице-президентъ федеральнаго совѣта), но смѣшанный видъ инициаторовъ выставки положилъ свой отпечатокъ и на составъ коммиссіи.

Швейцарцы, несмотря на свойственную имъ, такъ сказать, врожденную скупость, всегда не прочь оказать матеріальную помощь общественному дѣлу. Они—пожалуй и не безъ тщеславія—будутъ бороться съ общественнымъ бѣдствіемъ, учредить пріютъ, школу, все, что хотите, но ни за что—и это, разумѣется, не только хорошо, но и справедливо—не откажутся отъ права быть въ самомъ курсѣ дѣла, вести его, направлять, контролировать. Это уже въ крови у нихъ. Безъ этого вся возвышенность дѣла, вся честь быть жертвователями, самый патріотизмъ—для нихъ не больше, какъ букетъ безъ запаха. Съ этой же точки зрѣнія смотреть всегда на дѣло и тѣ, кому приходится стоять во главѣ его.

Точно также поступили швейцарцы и въ дѣлѣ помощи правительству на предметъ устройства выставки. Они раздѣлились на пожертвованія; открыли кредитъ, но пожелали принять участіе и въ направленіи дѣла. Въ составъ національной коммиссіи, независимо отъ официальныхъ представителей федераціи, вошли поэтому

не только уполномоченные от кантоновъ, но и частныя общества и корпораціи, сдѣлавшія пожертвованія, и, само собою разумѣется, «общество гарантін».

Хочетъ выставка щегольнуть и такъ называемыми «clous», ставшими какъ бы уже необходимостью на выставкахъ.

Въ отдѣлѣ наукъ и литературы такимъ «clou» готовится быть «Павильонъ Рауля Пикте». Рауль Пикте — физикъ, химикъ, биологъ и медикъ — родился въ Женевѣ въ 1846 г. и принадлежитъ къ фамиліи, какъ-бы взявшей привилегію на таланты. Больше или меньше извѣстныхъ Пикте можно насчитать чуть не десятковъ, и всѣ они, подобно Раулю, отличались энциклопедическимъ складомъ ума. Павильонъ Рауля Пикте назначается для демонстраціи въ немъ послѣднихъ открытій ученаго и возникъ довольно оригинальнымъ образомъ. Комитетъ выставки, придя къ мысли о полезности ознакомленія публики съ работами Пикте, предложилъ ему мѣсто для устройства павильона, но средствъ для дальнѣйшаго осуществленія предпріятія, какъ не касающагося непосредственно предметовъ вѣдѣнія выставки, удѣлить не могъ. Самъ Пикте оказался не изъ богатѣйшихъ. Мысли, казалось, такъ и суждено было остаться въ области мыслей, тѣмъ больше, что сумма требовалась порядочная, но на сцену выступила страсть швейцарцевъ къ учрежденію всякаго рода обществъ. Они ухватились за мысль и, не долго думая, учредили «Общество помощи Пикте»: владѣльцы машинныхъ складовъ предоставили въ распоряженіе Пикте всѣ машины, необходимыя при осуществленіи опытовъ; общество электрическаго освѣщенія Женевы открыло бесплатное пользованіе электрическимъ токомъ, какъ свѣтомъ и двигателемъ; женевскіе банкиры образовали фондъ на постройку самаго павильона. Павильонъ этотъ теперь уже готовъ. Онъ представляетъ собою обширное зданіе оригинальной архитектуры, имѣетъ залу для машинъ и амфитеатръ на 500 человѣкъ зрителей. Значительную часть въ демонстраціяхъ Пикте будутъ занимать опыты, касающіеся низкой температуры.

Второй «clou» составитъ *миниатюрная Швейцарія* (Village Suisse). Комитетъ выставки задался недурною мыслью собрать на небольшомъ пространствѣ въ гармоническое цѣлое все, что можетъ составить по возможности точную и полную картинку швейцарской жизни и природы. Тутъ будутъ горы, каскады, пастбища со стадами коровъ, характерныя постройки кантоновъ Берна и Унтервальдена, знаменитыя сыроварни Грюйера, кокетливыя яллы и скромныя хижины пастуховъ, даже образчики свайныхъ построекъ и любопытный старинный люцернскій мостъ. Съ открытіемъ выставки эта крошечная Швейцарія приметъ въ себя обитателей въ ихъ національныхъ костюмахъ, наполнится жизнью, движеніемъ.

Но самымъ огромнымъ «clou», приковывающимъ къ себѣ вниманіе швейцарцевъ, надо считать «*Le grand Tir de l'Exposition nationale*».

До стрѣльбы въ цѣль швейцарцы страшные охотники. Разъ въ годъ, лѣтомъ, каждая коммуна и каждый кантонъ обязательно устраиваютъ у себя стрѣльбу въ цѣль. Во многихъ деревняхъ такая стрѣльба составляетъ даже обычное воскресное развлеченіе. Но надъ всеми этими тирами царитъ одинъ общій, федеральный Тигъ. Къ участию въ этомъ тирѣ допускаются стрѣлки всѣхъ кантоновъ, не исключая женщинъ, а также и иностранцы. Организующія такой тиръ стрѣлковыя общества пользуются субсидіей отъ правительства, тиръ длится не меньше десяти дней и полагается всего *одинъ разъ въ два года*, при чемъ мѣстомъ дѣйствія бываетъ главный городъ очередного кантона. А такъ какъ кантоновъ въ Швейцаріи двадцать два, то и выходитъ, что для каждого кантона очередь принять у себя дорогихъ гостей и поприздравовать должна наступать лишь *одинъ разъ въ сорокъ лѣтъ*. Благодаря тому, что нѣкоторые небольшіе и небогатые кантоны, какъ, напримѣръ, Швицъ, Ури, Цугъ, Унтервальденъ, не гонятся за своею очередью, каждый изъ остальныхъ кантоновъ можетъ праздновать тиръ *разъ въ десять лѣтъ*. На 1896 г. Женевѣ не выпадало этой чести и, для полноты грядущаго національнаго торжества, явился тиръ выставки.

Тигъ будетъ длиться съ 8 по 17 августа. Призами назначаются для мужчинъ серебряные часы, а для дамъ — золотые. Главный призъ — большое серебряное блюдо артистической работы.

Что выставка для женеvцевъ не просто — выставка, а именно торжество, «имянины сердца», объ этомъ говорятъ все: говорятъ лица, сіяющія какъ новенькіе пятифранковики, говорятъ цвѣтистыя, заражающія ликующія статьи газетъ. Проникся такимъ имениннымъ настроеніемъ и Бернъ — самъ дѣловитый, неповоротливый Бернъ, только и слышавшій отъ женеvскихъ газетъ, что «его медвѣжья грубая лапа даетъ чувствовать себя даже и въ ласкѣ» *). Забывая семейныя размолвки, онъ расплылся въ ликующую улыбку и галантно разшаркался передъ Женеvой... Онъ экстренно избралъ на 1896 годъ президентомъ федеральнаго совѣта недавняго члена — женеvскаго адвоката. Адриана Лашенала, предоставляя ему такимъ образомъ, какъ женеvцу, честь председательствовать на церемоніи открытія выставки. Чтобы понять всю важность такой любезности для Женеvы, надобно знать, что нѣмцы, составляя фактическую силу страны и всегдашнее большинство на федеральныхъ выборахъ, неизмѣнно избираютъ въ федеральный совѣтъ только нѣмцевъ, и Лашеналь есть первый, да вѣроятно и послѣдній президентъ совѣта изъ женеvцевъ.

*) Гербъ кантона Бернъ — медвѣдь.

Все это вмѣстѣ—и выставка, и президентство Лашеная, и выставочный Тіг—до того вскружило голову Женевѣ, что даже степенный официальный «Вѣстникъ Выставки» *), ни съ того, ни съ сего, выпалилъ вдругъ, что «Тіг de l'Exposition покажетъ всѣмъ, въ предѣлахъ и за предѣлами Швейцаріи, что искусство стрѣльбы въ цѣль есть отнюдь не забава (sport), но одно изъ самыхъ вѣрныхъ ручательствъ защиты отечества» (une des plus sûres garanties de la défense nationale). Это уже воистину:

А онъ, мятежный, просить бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой!..

. Проходя безчисленными рядами возникающихъ построекъ выставки, невольно удивляешься отсутствію, такъ неизбѣжныхъ, казалось бы, при большомъ дѣлѣ—шуму, криковъ, суетни. Еще больше удивляешься, не видя ни распорядителей, ни подрядчиковъ, ни десятниковъ. Все, какъ-то неслышно и незамѣтно, дѣлается само собою. Тутъ сосредоточенно копаются одинокая кучка рабочихъ, распаковывая какіе-то гигантскіе тюки; тамъ, изъ за цѣлой баррикады всякихъ витринъ и кіосковъ, несется неугомонный тонкій визгъ паровой пилы, слышатся мѣрные удары молотковъ; дальше—громада брусевъ и балокъ, медленно, безшумно, уходитъ на канатахъ въ высь, подъ тесовый конекъ длиннаго зданія, вздымаемая какою-то невидимою силой... Ничего, отождествляемого съ непокладаніемъ рукъ, съ каторгой; все кажется брошеннымъ на произволъ судьбы, обреченнымъ на неподвижность; но случится попасть на то же мѣсто спустя нѣсколько дней, и его не узнаешь: подъ конькомъ длиннаго зданія созданъ уже фронтонъ и его разрисовываютъ художники; гдѣ визжала пила,—тамъ широкая чистая зала, а витрины и кіоски вытянулись въ правильные ряды и сверкаютъ зеркальными стеклами; люди въ бѣлыхъ холщевыхъ блузахъ выводятъ жидкихъ мѣломъ зигзаги на этихъ стеклахъ—чтобъ не лопнули!..

Поспѣшность вообще не въ характерѣ швейцарцевъ, но они настойчивы, рачительны и умѣютъ распорядиться. При ихъ празднествахъ, публичныхъ собраніяхъ, при слѣдованіи кортежей всевозможныхъ обществъ, никогда не бываетъ полиціи и не бываетъ безпорядка. Все вѣдаютъ распорядители съ трехцвѣтными розетками въ петлицахъ сюртуковъ, и вѣдаютъ умѣло. Ту же распорядительность вносятъ швейцарцы въ хозяйственные и коммерческія дѣла. Но дѣла могутъ быть различныя. Дѣло, душой котораго являются сотни, если не тысячи, рабочаго люда и при томъ люда самостоятельнаго, неуклонно требующаго, чтобъ ему говорили «сы», да еще прибавляли при каждомъ словѣ «s'il vous plait»,—мало выиграеть

*) Журналъ этотъ, подъ названіемъ «Journal officiel de l'Exposition nationale suisse», съ текстомъ на трехъ языкахъ: французскомъ, нѣмецкомъ и итальянскомъ, содержащій въ себѣ не мало свѣдѣній о Швейцаріи и хорошихъ рисунковъ, издается дирекціей выставки.

отъ однихъ личныхъ качествъ распорядителей. Тутъ все, или почти все, зависитъ именно отъ качествъ люда. Понять хозяйскую распорядительность, подчиниться ей, какъ силѣ моральной, можетъ только людъ, самъ обладающій соотвѣствующими качествами. И чѣмъ разумнѣе, гуманнѣе будетъ распорядительность, тѣмъ больше потребуются соотвѣствующихъ качествъ отъ ея объектовъ.

Узнавъ, сколько швейцарскій рабочій (мало отстаётъ отъ него въ этомъ и «бѣлая кость») выпиваетъ въ день коньяку, абсенту, пива и бѣлаго вина, самый пламенный демократъ откажется дать ему одобрительное свидѣтельство. Да и за что одобрить тутъ! Но увидѣвъ, какъ при всемъ этомъ ведетъ себя швейцарскій рабочій, какъ строго блюдетъ правило: «дѣлу время, а потѣхъ часъ» — самый злой консерваторъ не замедлитъ аттестовать его «способнымъ и достойнымъ».

Въ кафе — за выпивкой, на работѣ, въ театрѣ, въ вагонѣ желѣзной дороги, на празднествѣ и публичномъ гуляньи — вездѣ швейцарскій рабочій (мы имѣемъ въ виду вообще швейцарскаго простолюдина) является человекомъ скромнымъ, приличнымъ и даже воспитаннымъ. И онъ несомнѣнно воспитанъ — на его мысляхъ, поступкахъ, пріемахъ видна печать культурности. Къ своимъ обязанностямъ относится онъ также культурно и исполняетъ ихъ не за страхъ, а за совѣсть. Онъ сознательно пережилъ свою исторію, и его черты, изъ личныхъ и частныхъ, давно превратились въ немъ въ общія, народныя. Грамотный вообще, а въ подлежащихъ случаяхъ обученный и техничѣ, снабженный, къ облегченію труда, всякими усовершенствованными снарядами и инструментами, аккуратный и безусловно честный, этотъ рабочій является не только источникомъ мускульной силы, но и разумнымъ исполнителемъ указаній. Термины: «припустить на палецъ», «постесать малость», или: «наплевать, сойдеться» онъ давно забылъ. Онъ руководится вычислениями и измѣреніями; условленное качество труда для него законъ. Своими привычками и правами онъ не пользуется въ ущербъ обязанностямъ, а потому всякій нескромный надзоръ и поучательность считаетъ обидой для себя.

Не рѣдкость встрѣтить между рабочими и людьми, вполне интеллигентныхъ — говоримъ о тѣхъ, что продолжаютъ оставаться рабочими не по названію только.

Часто, останавливаясь купить газету, я замѣчалъ предъ окопечками кіосковъ стопки какого-то оригинальнаго иллюстрированнаго изданія. Это были тоненькія сѣренькія тетрадки, въ 16 долю, рукописно-литографированныя и съ довольно потѣшными рисунками перомъ. Тетрадки продавались по 10 сантимовъ и носили какое-то непонятное заглавіе «Guguss». Однажды я купилъ такую тетрадку и не только не раскаялся потомъ, но пришелъ положительно въ восторгъ. Неизвѣстный авторъ — онъ же редакторъ и издатель — прикрываясь псевдонимомъ какого-то Гюгюса, обсуждалъ

съ точки зрѣнія и языкомъ простолюдина всевозможныя женевскія событія—отъ кантональных выборовъ до театральныхъ представлений—украшая подходящія мѣста бойкими карриатурами и выказывая вездѣ несомнѣнный талантъ. Среди тяжелоумныхъ «заправскихъ» женевскихъ изданій, претендующихъ на названіе юмористическихъ (съ ними и вообще съ швейцарскою прессой мы встрѣтимся еще на выставкѣ), сбрѣнькія самодѣльные тетрадки Гюгюсса являлись истиннымъ перломъ. Оказалось, что авторъ ихъ—наборщикъ, служащій въ одной изъ женевскихъ типографій. Онъ издаетъ свои тетрадки уже второй годъ, періодически—смотря, такъ сказать, по урожаю матеріала. Gugguss собственноручно пишетъ эти тетрадки химическими чернилами, отлитографировываетъ затѣмъ и разноситъ по кіоскамъ (благо, что ничего прочаго законами о печати не требуется). Тетрадки не залеживаются въ кіоскахъ и этотъ своего рода кустарный промыселъ служитъ редактору-издателю подспорьемъ для его основного скуднаго заработка по должности наборщика.

Другой разъ, изыскивая способы перебраться экономнѣе съ квартиры на квартиру, я обратился за указаніями къ знакомому женецу.

— Самое лучшее коммисіонера взять, — посоветовалъ женевецъ. — Онъ на ручной тележкѣ все перетаскаетъ и больше, чѣмъ полдня, не проработаетъ. Я знаю одного. Кстати, онъ и человѣкъ любопытный: Карла Маркса лично зналъ. И при томъ это сама аккуратность: онъ моего знакомаго такъ перевезъ, что даже недопитый стаканъ кофе оказался на своемъ мѣстѣ въ новой квартирѣ. Вы увидите. Я пришлю его къ вамъ.

Коммисіонеръ явился на слѣдующій день рано утромъ. Это былъ высокаго роста худощавый, жилистый старикъ, лѣтъ уже за 60, но вполне здоровый и бодрый. Одѣтъ онъ былъ, какъ вообще одѣваются люди его ремесла—въ рубчатую плисовую пару, уже сильно потертую, и въ синюю короткую блузу. Большіе каріе глаза его свѣтились какимъ-то тихимъ, грустнымъ блескомъ, джжія руки съ толстыми мозолистыми пальцами походили на крючья. Одинъ изъ этихъ крючьевъ онъ протянулъ мнѣ, шмыгнувъ имъ предварительно по блузѣ.

— Л., коммисіонеръ, — отрекомендовался онъ.

Предо мною, дѣйствительно, стояла та самая типичная коммисіонерская фигура, украшающая обыкновенно чуть не каждый перекрестокъ Женевы.

Принявшись за библіотеку и бережно укладывая, томъ за томомъ, въ корзину, Л. заговорилъ:

— Это все русскія книги у васъ?

— Да.

— И Герценъ есть тутъ?

— Герцена нѣтъ. А вы знакомы съ его сочиненіями?

— Я лично зналъ его... Идеалистъ былъ, покойникъ...

— Н. говорилъ мнѣ, что вы рабочимъ вопросамъ интересуетесь. Есть тутъ рабочія общества?—спросилъ я.

— Такихъ, чтобъ имѣли социальное значеніе, нѣтъ,—собственно Женева не имѣетъ рабочаго движенія. Интернаціональное все это было... Я теоретически интересуюсь рабочимъ вопросомъ, въ нѣмецкомъ обществѣ состою.

— Въ Женевѣ есть такое общество?

— Кружокъ нѣмцевъ, интересующихся положеніемъ рабочихъ въ Германіи.

— Какое же назначеніе этого кружка?

— Определеннаго назначенія нѣтъ. Мы имѣемъ помѣщеніе для собраній, получаемъ газеты, общій столъ держимъ для себя. Удобнѣе такъ и дешевле, нежели по кафе ходить. Иногда бывають чтенія, рефераты.

— И посторонніе допускаются?

— Нѣтъ. Но членъ можетъ ввести, кого желаетъ.

Взглянуть на порядки кружка мнѣ казалось любопытнымъ. Я попросилъ Л. доставить мнѣ случай побывать въ кружкѣ. Чтеній или рефератовъ не предвидѣлось вскорѣ и Л. предложилъ мнѣ отправиться въ кружокъ обѣдать въ 12 часовъ.

Онъ нагнулъ свою тележку—узенькую, какъ бѣговія дрожки, но какимъ-то страннымъ образомъ очень вмѣстительную, прицѣпился къ перекладникѣ ея дышла своими крючками и поволокъ ее за собою по назначенію.

Къ 12 часамъ работа была кончена и мы отправились обѣдать въ кружокъ.

Кружокъ занималъ двѣ просторныхъ, свѣтлыхъ комнаты. Первая представляла собою столовую, уставленную простыми тесовыми столами и скамьями передъ ними; вторая походила на гостиную или залу: тамъ были стулья, диванъ, пѣянино; на стѣнѣ висѣлъ большой литографированный портретъ Лассала, съ выписками изъ его рѣчей вокругъ всей фигуры.

Къ обѣду собралось человѣкъ до пятидесяти, старыхъ и молодыхъ. Тутъ были простые рабочіе, конторщики, приказчики—по платью и по манерамъ народъ вполне приличный. Кушанья ставили на столъ дежурные члены, а затѣмъ соборъ обслуживалъ собрѣду. Были въ этотъ день супъ, яйца, ветчину съ картофелемъ и фрукты. За все это, вмѣстѣ съ виномъ, съ меня, какъ посторонняго, пришлось 60 сант.—цѣна, за которую, даже и въ Швейцаріи именно не пообѣдаешь...

Послѣ обѣда каждый отправился къ своимъ дѣламъ. Разбираясь въ вынесенныхъ мною мимолетныхъ впечатлѣніяхъ, я могъ свести ихъ пока къ одному—къ отсутствію душнаго подавляющаго воздуха кружковщины, сектантства....

Былъ у меня и еще знакомый работникъ—часовщикъ. Тотъ

увлекался Вольтеромъ. Его жиденькая всякая этажерка, не смотря на негустыя средства хозяина, была сверху до низу набита томиками сочиненій Вольтера и литературою о немъ. Не знаю, постигалъ ли этотъ человекъ глубину твореній великаго писателя, но привести на память всякую стоящую цитату изъ него онъ могъ всегда.

Несомнѣнно, что при такомъ уровнѣ умственнаго и нравственнаго развитія швейцарскаго рабочаго, задача всякаго хозяина и предпринимателя должна являться значительно облегченной, но, какъ-бы то ни было, распорядительность дирекціи выставки все-таки заслуживаетъ вниманія. Нельзя не отмѣтить въ этой распорядительности и того, что дирекція не ушла исключительно въ заботливость о доходности выставки, а нашла время и возможность заняться интересами экспонентовъ и публики, стать посредницей между горожанами и той массой всякаго люда, которая, хотя бы только изъ швейцарскихъ кантоновъ, должна нахлынуть въ Женеву. Касаться всѣхъ сдѣланныхъ дирекціей и относящихся сюда мѣропріятій не входитъ въ нашу задачу и мы остановимся лишь на одномъ изъ болѣе существенныхъ — на учрежденной дирекцію «квартирной комисіи».

Въ Швейцаріи вообще, а въ Женевѣ въ особенности, жизнь рѣзко дѣлится на двѣ, совершенно разнохарактерныя половинки. И половинки эти не могутъ ни слиться когда-бы то ни было, ни обобщить свои интересы — какъ двѣ прямыя линіи не могутъ заключить въ себѣ пространства. Одна половина—это курорты, отели, пансіоны, созданные исключительно для иностранцевъ, съ готовыми повсюду розовыми очками для нихъ, съ удобствами всякой руки и съ сравнительно безумными цѣнами на все—эти послѣднія такъ и зовутся *prix des étrangers*; другая—фокусъ, въ которомъ сосредоточивается все характерное, швейцарское, замкнутое въ самомъ себѣ, слѣдующее своимъ традиціямъ. Неизбѣжно попадая въ отмежеванную ему первую половину, всякій туристъ, такъ же неизбѣжно, попадаетъ и въ опредѣленный кругъ впечатлѣній—большую частію и не нуждаясь ни въ чемъ другомъ. Не то случится, если туристъ вырвется изъ приготовленнаго ему волшебнаго круга, втискается въ колею обывателя. Тутъ столкнется онъ съ такими своеобразными явленіями, съ такими, чисто женевскими странностями, что на первыхъ порахъ положительно усомнится, въ Европѣ ли онъ и XIX-ли вѣкъ свершаетъ свой 'ходъ въ безмѣрномъ потокѣ времени...

Изъ богатой коллекціи этихъ странностей, встрѣтиться съ которыми еще не разъ представится случай, возьмемъ пока *квартирный вопросъ*...

Возносить себя на высоту добродѣтели и непорочности, ревниво отыскивать сучесть въ глазу ближняго—культъ женевца. Въ этомъ доходить онъ до самозабвенія, до виртуозности (о прекрасной его

половинѣ, разумѣется, и говорить нечего). А такъ какъ самовозношеніе на высоту добродѣтелей и обладаніе ими въ дѣйствительности — не одно и то же, то у женева выработался еще культъ внѣшности. Испепеленный внутренно грѣхомъ и поклоненіемъ всему запретному, женевецъ, во что бы то ни стало, желаетъ оставаться наружно чистымъ и благонравнымъ. Сообразно съ этимъ поступилъ онъ и относительно своихъ домовъ. Онъ устранилъ себя отъ всякаго вмѣшательства въ участь жильцовъ, отъ неизбежности имѣть дѣло съ немущими, входить въ положеніе вдовъ и сиротъ... Онъ торжественно потребовалъ умывальникъ, умылъ руки отъ всякихъ послѣдствій... и... передалъ все управителямъ (*regisseurs*). Управитель — полный, видимый хозяинъ дома (при обычаѣ выставить на домъ только №, его дѣйствительный владѣлецъ исчезаетъ въ неизвестности), онъ вѣдаетъ все, безъ исключенія, и хозяинъ знаетъ лишь одно — брать съ текущаго счета деньги. А деньги, какъ извѣстно, не пахнутъ ничѣмъ... Обыкновенно управитель отчитывается періодически передъ владѣльцемъ въ доходахъ и расходахъ, но бываетъ и такъ, что онъ беретъ домъ на откупъ за определенную годичную плату и затѣмъ дѣлаетъ что хочетъ. (Юридически такая форма отношеній не имѣетъ ничего общаго съ наймомъ. Это именно *откупъ*, со всѣмъ присущимъ ему вредомъ, усугубленнымъ еще неограниченною волей управителя назначать ту или другую цѣну квартирамъ).

Начертить вѣрный нравственный обликъ такого управителя — задача довольно затруднительная... Для этой фигуры всякое, даже гоголевское перо, будетъ «вяло, мертво, съ тонкимъ расщепомъ!» Тутъ надо, подражая желанію Калигулы, взять всю сажу изъ всѣхъ женеvскихъ трубъ, связать въ одну кисть всѣ до послѣдняго помела въ Женевѣ и этою кистью начать работу... Женевскій управитель — это, въ полномъ смыслѣ слова, общественный отбросъ, не обладающій ни умственнымъ, ни научнымъ, ни нравственнымъ цензомъ, но отбросъ счастливый. Въ то время, какъ исторически сложившійся строй жизни неуклонно требуетъ отъ самаго послѣдняго работника — знаній, трудолюбія, честности, управитель, силою обстоятельствъ, эманципируется отъ всего этого и даже обязывается искоренять въ себѣ послѣдніе признаки такихъ качествъ, какъ несовмѣстныхъ съ его ремесломъ... Назначенный служить не строю жизни, не интересамъ общества и государства, а личнымъ нехорошимъ инстинктамъ хозяина, управитель обязывается имѣть лишь лакейскую вѣрность этому хозяину, смиреніе, пройдохство и способность на самую холодную, безпощадную жестокость, на самую вопіющую несправедливость съ тѣми, кто имѣетъ несчастье нуждаться въ помѣщеніи... Завѣдуетъ управитель сразу десятками, сотнями домовъ и имѣетъ свое бюро. Такихъ управителей на всю Женеву человекъ десять, пятнадцать. Для большаго удобства и однообразія въ дѣйствіяхъ, они слились въ одно лицо и слились до

такого совершенства, что голосъ одного—голосъ всѣхъ, пощечина одному—и у каждаго зудъ въ щекѣ... Для живущаго по квартирамъ населенія Женевы это истинная шайка бандитовъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что каждый въ ней самъ по себѣ атаманъ... Лучше ли это—не знаемъ.

Такая система управленія недвижимостью создала, въ свою очередь, рядъ новыхъ невозможностей. Цѣны на квартиры въ Женевѣ, несмотря на значительныя пустующія пространства земли, на обиліе строительныхъ матеріаловъ и дешевизну рабочихъ рукъ, стали чуть не вдвое выше парижскихъ, а постройка домовъ понизилась качествомъ до степени совершенной негодности. Выработался странный типъ квартиръ—не меньше, какъ въ 4 комнаты. Квартиры въ 2—3 комнаты навсегда исключены изъ плановъ домовъ и мелкій жилецъ, какъ увеличивающій сумму управительскихъ хлопотъ и обязанностей, совершенно не допускается въ новыя квартиры. Онъ весь загнанъ въ лабиринтъ древнихъ промозглыхъ улицъ и переулковъ, въ грязныя промозглыя руины жалкаго подобія домовъ, лишенныхъ воздуха и свѣта (въ буквальномъ смыслѣ) и взятъ тамъ управителями въ совершеннѣйшее рабство: онъ обложенъ неслыханною цѣной (до 500 фр. въ годъ за двѣ темныя коморки, съ веревкой вмѣсто лѣстничныхъ перилъ), лишенъ права, даже за свой собственный счетъ, провести воду или газъ—это нарушить порядокъ, пробудить въ прочихъ жильцахъ инстинктъ требовательности...

Съ нѣкотораго времени такое, по истинѣ трагическое положеніе мелкаго жилья, награжденнаго къ тому же (такъ уже опредѣлено ему) мелкимъ заработкомъ и крупными семьями, начинаетъ обращать на себя общественное вниманіе, порождаетъ полемику въ газетахъ. Къ чему приведетъ это—покажетъ будущее, а пока управители, радѣя о доходахъ депутатовъ и государственныхъ совѣтниковъ, судей и адвокатовъ, по прежнему продолжаютъ злое дѣло, такъ, точно полевые пауки въ норахъ, во мракѣ своихъ бюро...

И надо видѣть, что это за сила—управитель въ своемъ бюро! Надо видѣть, съ какимъ величіемъ встрѣчаетъ онъ нанимателя, какъ грубо-лакейски допрашиваетъ его, требуетъ отъ него бумагъ, рекомендацій, какъ онъ полусловами, особеннымъ, чисто воровскимъ жаргономъ, направляетъ клерковъ обойти этого нанимателя, спустить ему негодную квартиру, опутать его клеветною паутиною долгосрочнаго контракта.. А еще интереснѣе видѣть его, когда какой нибудь, уже опутанный жилецъ или бѣднота промозглыхъ улицъ пробуютъ прибѣгнуть къ его снисходительности. Тутъ онъ входитъ въ zenith своего могущества! Эманципированный не только отъ тонкостей обращенія, но и отъ необходимости знать самыя заурядныя приемы приличія, онъ надвигаетъ шляпу на свой тупой лобъ, швырнетъ книгу на столъ и объявитъ, что ему некогда разговаривать...

Всесвѣтный выработавшійся типъ мебелированныхъ комнатъ совершенно неизвѣстенъ женевамъ, и для одинокаго жильца, не могущаго тратиться на отели и пансіоны, остается единственное прибѣжище—*комната въ семействѣ*. (Отдачею комнатъ занимаются исключительно женщины—это какъ бы привилегія ихъ, и мужчины не вмѣшиваются ни во что). Тутъ вмѣсто грубаго бандитства управителей, жилецъ сталкивается съ мягкой, предупредительною внимательностью хозяйки и, въ то же время, съ странной проблемой: что лучше?..

Чтобы очертить типъ хозяйки, надобно сказать, что хозяйка значить женева, а женева, почти всегда, значить калвинистка, а калвинистка означаетъ собою существо смиреннаго вида, съ постнымъ, благочестивымъ лицомъ и потупленными глазами. Она такъ цѣломудренна, что не произноситъ слово «корсетъ» при постороннихъ; такъ страшится дурнаго общества, что прежде чѣмъ сѣсть гдѣ нибудь на стулъ, какъ-бы пытается взглядомъ, не сидѣла ли тутъ особа, произносящая при постороннихъ слово «корсетъ»... Дать жильцу удобства и окружить его внимательностью она считаетъ христіанскимъ долгомъ.

Что касается жильца, то онъ, прежде всего, обязывается общимъ вездѣ правиломъ: не принимать у себя женщинъ, уходить въ опредѣленный часъ, назначенный для уборки комнаты, оставлять всегда ключъ хозяйкѣ. Окруженный затѣмъ удобствами, онъ становится лицомъ къ лицу съ бѣлоснѣжными, туго накрахмаленными кисейными заварѣсками, вязанными салфеточками, покрывалами, прикоснуться къ которымъ—преступленіе; съ ковриками, не допускающими и мысли ступить на нихъ пыльнымъ сапогомъ; съ неприступно пышною, педантично прибранною кроватью, помять которую въ неурочный часъ можетъ только варваръ... Но все это ничто, въ сравненіи съ внимательностью хозяйки! Эта непорочная христіанская душа всегда тутъ, около, она слышитъ каждый шагъ жильца, каждый вздохъ его, она до болѣзненности внимательна ко всему: къ тому, гдѣ и что кушаетъ жилецъ, чѣмъ занимается, кто къ нему ходитъ и къ кому ходитъ онъ, что хранится въ его комодѣ или иныхъ помѣщеніяхъ, отъ кого получаетъ онъ письма и что въ этихъ письмахъ пишутъ...

Къ этому надо еще прибавить, что комнаты не отдаются по-дешеву, трудно найти комнату даже на одинъ мѣсяцъ: жилецъ требуется постоянный, рекомендованный и непременно «*tranquille*»—не принимающій у себя гостей, не возвращающійся поздно домой.

Внести нѣкоторымъ образомъ реформу въ этотъ квартирный застой, избавить гостей отъ прямыхъ столкновеній съ управителями и хозяйками—составляетъ задачу квартирной комиссіи. Для этого она образовала комитетъ, куда должны стекаться заявленія желающихъ отдать комнаты и квартиры, и приняла на себя какъ сношенія съ нанимателями, такъ и расчеты съ хозяевами. Комнаты

и квартиры комиссія будетъ отдавать на сроки, сообразно съ потребностью нанимателей, и даже поденно.

Н. Сѣверовъ.

Женева.
Апрѣль 1896.

Изъ Германіи.

1-го мая совершилось торжественное открытіе промышленной выставки въ Берлинѣ, которой, къ великому огорченію нѣмецкихъ патріотовъ, не удалось, согласно давно желѣянному плану, получить характеръ всемірной выставки. Самая молодая изъ столицъ міра—Берлинъ уже давно носился съ тщеславной мыслью похвастаться передъ всѣмъ свѣтомъ своими успѣхами на поприщѣ промышленнаго, техническаго и художественнаго производства. Надо сказать правду: Берлинъ и въ этомъ случаѣ не ударилъ бы лицомъ въ грязь. Но юная столица молодой имперіи не успѣла еще, подобно другимъ столицамъ, сдѣлаться центромъ національной жизни и ей приходится еще выносить не мало всякихъ нерасположеній, зависти, непріятностей въ странѣ, объясняющихся различными историческими причинами. Когда въ 1892 году уже совсѣмъ былъ готовъ проектъ всемірной выставки въ Берлинѣ, ему воспротивилось само имперское правительство,—не изъ нелюбви къ Берлину, конечно, а подъ давленіемъ представителей отдѣльных нѣмецкихъ государствъ въ Союзномъ Совѣтѣ, и еще подъ давленіемъ рѣшительнаго протеста крупныхъ промышленниковъ по преимуществу западныхъ провинцій. Идея всемірной германской выставки была пожертвована въ пользу выставки въ Чикаго, на которой официальное представительство обошлось германской индустріи довольно дорого. Тѣмъ не менѣе и послѣ выставки въ Чикаго снова возникла мысль о всемірной выставкѣ и снова была подавлена могущественнымъ противодействіемъ. Даже болѣе скромный планъ національной нѣмецкой выставки въ Берлинѣ не нашелъ достаточной поддержки. Мѣстнымъ дѣятелямъ промышленности и торговли оставался еще проектъ берлинской промышленной выставки, и этотъ-то проектъ встрѣтилъ поддержку имперскаго правительства и мѣстныхъ городскихъ властей. Быдо отпущено три милліона марокъ на возведеніе необходимыхъ построекъ, мостовъ, ремонтъ прилежащихъ улицъ и пр.; свыше милліона марокъ отпустилъ прусскій ландтагъ на постройку особаго вокзала городской желѣзной дороги, получившаго названіе «выставка».

Первоначальный гордый и болѣе широкій планъ, съ которымъ

носились берлинцы, перешелъ тѣмъ не менѣе въ значительной степени и на выставку, осуществленную въ настоящихъ, сравнительно скромныхъ размѣрахъ. Иначе и нельзя было ожидать: столица германской имперіи есть въ то же время самый большой и многостороннѣйшій промышленный центръ, въ нѣкоторыхъ отрасляхъ господствующій даже на всемірномъ рынкѣ. Въ рамки теперешней берлинской выставки легко можно бы помѣстить и всемірную. Формально говоря, берлинская выставка и на самомъ дѣлѣ не укладывается въ рамки специально берлинской, такъ какъ на ней въ обширныхъ размѣрахъ представлено общество обще-нѣмецкихъ рыбопромышленниковъ, да еще имперское правительство, вопреки африканскимъ подвигамъ гг. Веланъ, Лейстъ и Петерсовъ, устроило отъ себя отдѣленіе колоніальной выставки... Что касается размѣровъ выставки, то въ прекрасномъ Трептовскомъ загородномъ паркѣ она занимаетъ не менѣе 1.100,000 кв. метровъ. Она имѣетъ свыше версты (1,5 килом.) въ длину и около версты (0,8 килом.) въ ширину. Она, словомъ, на третъ больше (по занимаемому пространству) послѣдней парижской выставки и вообще больше всѣхъ донинѣ бывшихъ выставокъ Европы. Это громадное протяженіе было, впрочемъ, обусловлено характеромъ самой мѣстности. Необходимо было по возможности щадить лежащій по обѣимъ сторонамъ Трептовскаго шоссе паркъ съ его обширными долинами, аллеями, деревьями и кустарниками. Въ виду этого выставка широко раскинулась въ прекрасномъ паркѣ: отъ 300 до 400 большихъ и малыхъ зданій, павильоновъ, кіоскъ художественными группами разсѣяны промежъ рѣчекъ, озеръ и протоковъ; естественная декорація зелени парка увеличена еще богатыми экземплярами роскошной выставки садоводства. Электрическая желѣзная дорога, проведенная внутри самой выставки, передвижные стулья и прочія приспособленія облегчаютъ посѣтителамъ возможность передвиженія по всѣмъ направленіямъ.

Черезъ громадные ворота, напоминающія средневѣковые образцы, ведетъ дорога внутрь самой выставки. Пройдя мимо греческой рекламной базилики одной мѣстной газеты, подходишь къ главному зданію выставки, которое со всѣми своими пристройками, колоннами, ротондами и галереями занимаетъ 60,000 кв. метровъ. Это зданіе окружаетъ роскошно убранная площадка съ множествомъ фонтановъ, послѣ которой слѣдуетъ искусственное озеро съ шныряющими по немъ пестрыми гондолами... Изъ 23 группъ выставки 14 помѣщаются въ главномъ зданіи, три группы: химія, фотографія и научные инструменты—въ элегантномъ химическомъ зданіи, затѣмъ въ оригинальномъ зданіи на берегу Шпре помѣщается выставка общества рыбопромышленниковъ, далѣе слѣдуетъ въ особомъ зданіи группа по народному благоустройству и воспитанію, наконецъ выставка садоводства и колоній. Сверхъ этого имѣются еще отдѣльныя выставки, лишь пространственно соединенныя съ общимъ

предприятиемъ, такъ, напр., обширная панорама альпійской долины, или выставка того, какъ богатые люди держутъ своихъ лошадей, кучеровъ и экипажи, или же наконецъ выставки стараго Берлина (Alt-Berlin) и Каира, которые по всей вѣроятности будутъ самымъ притягательнымъ пунктомъ для посѣтителей Трептовскаго парка.

Я не имѣю въ виду вдаваться теперь въ детальное разсмотрѣніе выставки, такъ какъ ко дню открытія она на-скоро была отдѣлана лишь съ наружной стороны. На этотъ разъ мнѣ хочется коснуться другого фактора нѣмецкой жизни, который хотя и не имѣетъ спеціального павильона на выставкѣ, но безъ котораго не мыслима была бы самая выставка, да и самая нѣмецкая жизнь не мыслима. Я разумѣю нѣмецкую прессу,—причемъ, изъ вниманія къ преимущественно берлинскому характеру промышленной выставки, буду на этотъ разъ имѣть въ виду преимущественно берлинскую прессу... Я ошибся, впрочемъ, сказавъ, что пресса не имѣетъ своего павильона на выставкѣ. Объ одномъ такомъ павильонѣ я упоминалъ уже выше: это именно рекламная базилика мѣстной газеты, заручившейся привилегіей особыхъ публикацій. Нѣкоторыя другія газеты, какъ, напр., «Berliner Tageblatt», устроили въ Трептовомъ паркѣ особыя отдѣленія своихъ редакцій съ телефонами и прочими принадлежностями. Кромѣ того, всѣ газеты Берлина избрали изъ среды своихъ редакторовъ особый литературный комитетъ, на обязанности котораго будетъ регулировать всѣ дѣла выставки, поскольку они имѣютъ отношеніе къ печати, и охранять всѣ права и интересы печати, поскольку она заинтересована въ дѣлахъ выставки.

Много распространяться о томъ громадномъ вліяніи, какое европейская пресса имѣетъ въ современной жизни, было бы излишнимъ. Въ частности и широкое вліяніе нѣмецкой печати на всю жизнь страны—фактъ слишкомъ очевидный. Вопреки парадоксальнымъ увѣреніямъ немногихъ чудаковъ, вродѣ покойнаго, отъ душевнаго расстройства скончавшагося берлинскаго судьи Браузеветтера, отрицающихъ существованіе общественнаго мнѣнія,—«es giebt keine öffentliche Meinung»—настоячиво утверждалъ покойникъ, очевидно, въ припадкѣ утомительства,—нѣмецкая печать прежде всего является носителемъ общественнаго мнѣнія. Повысившійся уровень народнаго образованія, промышленно-торговой жизни и международнаго обращенія вызвалъ къ жизни такую массу періодической литературы, какую за 50—60 лѣтъ никто и предсказать не могъ. Всѣ сильные міра, люди разныхъ званій и состояній заискиваютъ благоволенія печати, всѣ они подвержены ея критикѣ и потому относятся къ ней съ почтеніемъ. Печальной памяти г. фонъ-Келлеръ, будучи еще у власти, явился на банкетъ журналистовъ во время празднествъ по открытію Кильскаго канала. Упоенный общимъ приподнятымъ настроеніемъ, онъ провозгласилъ тостъ за здравіе печати и ея представителей... «Мы призваны править дѣлами страны,—заклучилъ свой тостъ разчувствованный ораторъ,—

а ваша обязанность критиковать наше правленіе!..» Такъ запани-
братски чокавшійся правитель я не предчувствовалъ, что черезъ
два-три мѣсяца, при дѣятельномъ участіи печатной критики, ему
придется убѣдиться, что правленіе дѣлами страны не есть его истин-
ное призваніе. Устраненіе по недоразумѣнію призваннаго руково-
дителя важнѣйшими дѣлами страны есть, конечно, большой подвигъ.
Но нѣмецкая печать въ послѣднее время оказалась въ силахъ дать
рѣшительный отпоръ цѣлымъ законодательнымъ системамъ. Доста-
точно указать на фіаско такихъ законопроектовъ, какъ извѣстный
школьный проеѣтъ графа Педлица и свѣжая еще у всѣхъ въ па-
мяти Umsturzvorlage.

Между тѣмъ сила и вліяніе печати все еще безостановочно ро-
стутъ. Она сдѣлалась такимъ же необходимымъ факторомъ совре-
менной жизни, какъ желѣзныя дороги, пароходы, телеграфы и те-
лефоны. Все это подлежитъ распространенію и усовершенствованію,
но не можетъ быть сглажено съ лица земли. Периодическая пресса,
газеты сдѣлались важнѣйшимъ средствомъ сношенія и образованія.
Громадное число современной читающей публики черпаетъ всѣ свои
знанія чуть ли не исключительно изъ газетъ. Периодическая пресса
приравниваясь къ этимъ особенностямъ времени, все болѣе вы-
тѣсняетъ книжную литературу, на чтеніе которой у современнаго
человѣка, охваченнаго всей сутолокой жизни, и времени свобод-
наго не остается.

Нельзя не подивиться быстрому росту и значенію, которыми
пользуется въ настоящее время нѣмецкая періодическая печать.
Начиная съ 1505 года, когда впервые вошло въ употребленіе слово
Zeitung, и вплоть до середины текущаго столѣтія, нѣмецкія газеты
были ничтожными справочными листками, сообщавшими исключи-
тельно мѣстные извѣстія и распоряженія властей и не имѣвшими
никакого собственнаго мнѣнія. Такого рода листки, но безъ назва-
нія Zeitung, печатались и до 1505 года, есть указанія на листки
отъ 1488 года. Старѣйшій же изъ сохранившихся относится къ
1493 году и хранится въ библіотекѣ Лейпцигскаго университета.

Эти крошечныя, на задворкахъ ютившіяся газетки находились
тѣмъ не менѣе подъ очень строгимъ надзоромъ. Не принимая въ
расчетъ тотъ періодъ времени, когда цензурныя функціи отпра-
влялись церковными властями, введеніе цензуры въ Германію слѣ-
дуетъ отнести къ началу 16-го вѣка. Она вела свое начало отъ
того Вормскаго эдикта, которымъ сочиненія Лютера были осуждены
на сожженіе. Къ тому же времени относятся (въ 1524 и 1529 гг.)
правительственныя распоряженія для регулярованія печатнаго дѣла.
Эти распоряженія были направлены главнымъ образомъ противъ
печатныхъ публикацій, вызванныхъ реформаціей и другими умст-
венными движеніями того времени. Законъ требовалъ предваритель-
наго просмотра печатныхъ произведеній «установленными для того
компетентными властями». Законъ требовалъ далѣе обозначенія

имени и адреса типографщика и мѣста печатанія на печатномъ произведеніи, а одинъ изъ послѣдующихъ законовъ такъ даже требовалъ обозначенія имени автора. Во Франкфуртѣ на Майнѣ, бывшемъ въ тѣ времена главнымъ центромъ печатнаго дѣла, былъ въ 1569 году учрежденъ особый комиссаріатъ, Bücher-Kommissariat, для наблюденія и точнаго примѣненія законовъ о печати. На цензуру стали смотрѣть, какъ на важную отрасль государственной дѣятельности *).

Тѣ цензурныя смягченія, которыя были добыты нѣмецкой печатью по прошествіи наполеоновской грозы, были непродолжительны. Нѣмецкіе союзные акты—Bundesakten отъ 1815 г. обѣщали свободу печати, но обѣщаніе это не было выполнено. Различныя событія снова усилили недовѣріе правительствъ и нѣмецкій союзъ ставить въ 1819 г. всѣ произведенія печати подъ цензурный надзоръ. Въ одномъ изъ §§ Карлсбадскихъ постановленій введеніе цензуры до извѣстной степени смягчается указаніемъ на то, что установленный порядокъ предполагается только на пять лѣтъ. По истеченіи этихъ пяти лѣтъ имѣлось въ виду изыскать способы введенія свободы печати согласно обѣщаніямъ Bundesakt'овъ. Но когда въ 1824 году близился конецъ пятилѣтняго срока, то союзныя правительства приступили къ изысканію мѣръ для возобновленія временнаго закона. «Истекающій 20 сентября текущаго года срокъ временнаго закона о печати остается въ силѣ до тѣхъ поръ, пока не состоится окончательный порядокъ, регулирующій печать», такъ гласитъ заключеніе отъ 16 августа 1824 года. Хотя тогдашнія правительства въ общемъ были довольны такой системой продленія временнаго порядка, но практическое ея примѣненіе доставляло Союзу не малыя трудности, что, впрочемъ, приходилось испытывать со всѣми союзными постановленіями. Какъ ни строги были законы о примѣненіи цензуры, все же въ нѣкоторыхъ союзныхъ государствахъ они были нѣсколько умѣреннѣе и потому, въ нихъ появлялись порой такіа произведенія печати, которыя союзному правительству были не по душѣ. Какъ только такіе случаи доходили до свѣдѣнія Союзнаго Собранія, оно распоряжалось о воспрещеніи возмущившихъ его произведеній и изданій. Редактору воспрещеннаго такимъ путемъ изданія воспрещалось, въ предѣлахъ союзныхъ государствъ, въ теченіи пяти лѣтъ быть сотрудникомъ сходнаго изданія. Такія воспрещенія газетъ практиковались часто въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, но не всегда въ точности исполнялись, такъ какъ проведеніе этихъ мѣропріятій зависѣло отъ правительствъ отдѣльныхъ государствъ.

*) Кроме книгъ R. Prutz: Geschichte des Journalismus (Hannover 1845) и Wuttke: Die deutsche Zeitungen und die Entstehung der öffentlichen Meinung (2-е изд. Лейпцигъ 1875 г.) укажу еще: Dr. Ellis Obertoltzer: Die Beziehungen zwischen dem Staat und der Zeitungspressen im Deutschen Reich Berlin 1895.

Наконецъ 3 марта 1848 г. Союзное Собрание сдѣлало слѣдующее постановленіе: «Каждому союзному государству предоставляется право упразднить цензуру и ввести свободу печати, однако подъ условіемъ, чтобы весь Союзъ и отдѣльныя государства были гарантированы отъ злоупотребленій свободой печати». Основныя права отъ 22 декабря 1848 г. шли значительно далѣе и требовали полнѣйшаго освобожденія печати отъ государственнаго регулированія. Съ 1841 года по 1850 г. печать пользовалась болѣе или менѣе полной свободой. Болѣе крупныя государства, какъ, напр., Баварія въ 1850 г., Пруссія въ 1851 г., ввели строгія мѣры противъ злоупотребленій свободой печати и самъ Союзъ въ 1854 г. сталъ на такую же точку зрѣнія. Но ни одно изъ правительствъ не рѣшилось возстановить старую цензуру, въ Англіи упраздненную еще въ 1864 г., во Франціи—окончательно въ началѣ столѣтія, въ Сѣверо-Американскихъ-же Штатахъ совсѣмъ не существовавшую. Мѣрами для пресѣченія и предупрежденія преступленій въ печати являлись конфискаціи, денежные залогои и т. п.

Въ нашу задачу не входитъ теперь подробное изложеніе исторіи нѣмецкаго законодательства о печати. Я останавлиюсь повтому еще только на главнѣйшихъ пунктахъ этого законодательства за послѣдніе годы. Объединеніе имперіи и связанное съ нимъ объединеніе правовыхъ основъ государства не могло не отразиться и на судьбахъ печати. Принципъ: «что городъ то и норовъ» по отношенію къ правовому положенію прессы не уживался болѣе съ наступившимъ соціально-политическимъ единствомъ объединеннаго государства. Въ виду этого имперское правительство увидѣло себя вынужденнымъ выработать и представить рейхстагу проектъ общаго закона о печати. Такой проектъ былъ выработанъ въ 1874 г. и въ окончательной рейхстагомъ принятой редакціи заключаетъ въ себѣ между прочимъ слѣдующіе существенные пункты: статья 1-ая закона гласитъ: «Свобода печати подлежитъ лишь тѣмъ ограниченіямъ, которыя предписаны или допущены настоящимъ закономъ». По статьѣ 6 и 7 закона на каждомъ номерѣ періодическихъ изданій должны быть обозначены имена и мѣсто жительства издателя, типографщика и отвѣтственнаго редактора. Отвѣтственнымъ редакторомъ, назначеніе и смѣна котораго не зависятъ отъ усмотрѣнія властей, можетъ быть всякое лицо, не лишенное гражданскихъ правъ и живущее въ Германіи. Ни администрація, ни судъ не могутъ воспретить кому либо издательскую или редакторскую дѣятельность (ст. 4 и 8). Статья 9 закона предписываетъ издателю періодическаго изданія, при началѣ рассылки новыхъ номеровъ, одинъ бесплатный экземпляръ представить въ мѣстную полицію. Отъ этой обязанности избавлены изданія, преслѣдующія исключительно научныя, художественныя цѣли и цѣли торговли и промышленности. Всѣмъ извѣстны громкія жалобы редакторовъ на злоупотребленіе статьѣй 11 закона, обязывающей печатать поправки обще-

ственныхъ властей и частныхъ лицъ касательно напечатанныхъ въ періодическомъ изданіи сообщеній. Правда, эти докучныя поправки должны быть написаны по существу дѣла и не выходить за размѣры того сообщенія, которое имѣется въ виду исправить; въ противномъ случаѣ излишнія строки должны быть оплачены по таксѣ. Не подлежатъ никакимъ ограниченіямъ закона о печати періодическія изданія, предназначенныя исключительно для редакцій общихъ изданій (ст. 13). Въ этомъ случаѣ имѣются въ виду литографическія, гектографическія и прочія корреспондентскія бюро. Недавно одна вѣнская газета сдѣлалась жертвой ст. 14 закона, предоставляющей имперскому канцлеру право воспретить на два года доступъ въ Германію иностранной газеты, противъ которой въ теченіи одного года два раза возбуждалось преслѣдованіе за угрозу спокойствію Германіи.

Въ военное время или въ періоды, угрожаемые войной, имперскій канцлеръ можетъ, согласно ст. 15 закона, воспретить опубликованіе свѣдѣній относительно передвиженій войскъ и средствъ защиты. По ст. 17 не могутъ появляться въ печати обвинительные акты и прочіе официальные акты уголовного процесса раньше, чѣмъ они сдѣлались извѣстны изъ гласнаго судопроизводства или по окончаніи производствомъ самого дѣла. Статьи 18 и 19 устанавливаютъ наказанія въ размѣрѣ до 1000 марокъ и 6 мѣсяцевъ заключенія за нарушеніе постановленій въ приведенныхъ статьяхъ. Что касается срока давности для всѣхъ проступковъ печати, то по ст. 22 закона онъ сокращенъ до полугода.

Предъидущія двѣ статьи 20 и 21, устанавливающія случаи отвѣтственности издателей и типографщиковъ, служатъ въ послѣднее время поводомъ безконечныхъ жалобъ и тяжбъ. Усердіе прокуратуры, питаемое политическими тенденціями, распространяетъ часто вину соучастія въ проступкѣ и на лицъ, которые вѣдаютъ лишь техническую часть и ни въ какой тѣсной связи съ редакціей изданія не находятся. Въ ряду петицій, которыя въ послѣднее время подавались различными обществами писателей, имѣется и ходатайство о преслѣдованіи за проступки въ печати лишь въ мѣстахъ совершенія этихъ проступковъ. Это ходатайство будетъ понятно между прочимъ изъ того, что закономъ не установленъ судъ присяжныхъ для всѣхъ преступленій въ печати. Въ большинствѣ нѣмецкихъ государствъ эти дѣла подлежатъ коронному суду и суду шеффеновъ; только Баварія, Вюртембергъ, Баденъ и Ольденбургъ пользуются привилегіей суда присяжныхъ.

Статья 23 устанавливаетъ три случая, когда безъ предварительнаго судебнаго постановленія администрація можетъ конфисковать печатное произведеніе. Это, во 1-хъ, когда оно нарушило указанія въ статьяхъ 6 и 7 постановленія объ издателѣ, типографщикѣ и редакторѣ; дажѣ, если нарушена ст. 14 относительно иностраннаго изданія. Во 2-хъ, если нарушена ст. 15 и напечатаны свѣдѣнія о передвиженіи войскъ. Наконецъ въ 3-хъ, если печатное произ-

ведение заключаетъ въ себѣ признаки преступленія противъ статей уголовного уложенія: а) подстрекательство къ государственной измѣнѣ (ст. 85); б) оскорбленіе монарха (ст. 95); с) возбужденіе къ нарушенію законовъ (ст. 111); d) возбужденіе различныхъ классовъ общества къ насильственнымъ дѣйствіямъ другъ противъ друга (ст. 130). Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ конфискація можетъ состояться лишь тогда, если замедленіе указанной мѣры можетъ вести къ немедленному преступленію. Подлежащій судъ имѣетъ дать свое окончательное заключеніе объ утвержденіи или отмініи предварительной конфискаціи. Это заключеніе должно быть представлено прокуратурой суду въ теченіи 24 часовъ послѣ совершенія конфискаціи, а судъ въ свою очередь обязанъ сдѣлать свое заключеніе въ теченіи 24 часовъ послѣ поступленія къ нему прокурорскаго предложенія. Это въ томъ случаѣ, если конфискація состоялась по распоряженію прокурора. Если же она была сдѣлана полиціей безъ такого распоряженія, то не позже 12 часовъ послѣ конфискаціи полиція должна дать знать объ этомъ прокурору, который можетъ отмінить конфискацію немедленно, или въ теченіе 12 часовъ внести въ судъ предложеніе объ утвержденіи полиційской мѣры. Черезъ 24 часа послѣ этого должно состояться постановленіе суда. Если этотъ послѣдній конфискацію утвердилъ, но въ теченіи двухъ недѣль не возбуждаетъ преслѣдованія противъ отвѣственныхъ лицъ, то конфискація тѣмъ самымъ отминяется (ст. 26).

Приведенными здѣсь статьями исчерпываются основныя постановленія закона о печати. Уже на первый взглядъ очевидно преимущество этого закона передъ старыми порядками. Судебная и административная практика послѣдняго времени показала однако всю растажимость, или, какъ здѣсь выражаются, гуттаперчевый характеръ статей закона. Съ одной стороны, многое въ нихъ не предусмотрено, а наличныя постановленія даютъ широкій просторъ толкованіямъ. Выше указано было на случаи привлеченія къ отвѣтственности лицъ, принадлежащихъ къ техническому персоналу изданія. Много досадныхъ недоразумѣній вызываетъ пресловутый казуистическій параграфъ о «*grober Unfuge*», предназначенный охранять общество отъ распространенія ложныхъ свѣдѣній, его беспокоящихъ. Далѣе, извѣстная статья 193 о «*Wahrnehmung der berechtigten Interessen*», предполагающая, что печать въ своихъ рѣзкихъ отзывахъ и критикѣ руководится соображеніями добросовѣстной защиты общественныхъ интересовъ, — и эта статья нерѣдко толкуется въ зависимости отъ того, что то или другое начальство понимаетъ подъ общественными интересами. Не менѣе казуистическое понятіе «*dolus eventualis*» подсовываетъ автору или оратору совершенно чуждые ему мотивы и основывается на томъ, что какимъ нибудь невѣждой, забредшимъ на собраніе или прочитавшимъ статью, ея смыслъ могъ быть истолкованъ превратно и съ точки зрѣнія уголовного уложенія наказуемо. Въ послѣднее время

стали сажать въ тюрьму редакторовъ газетъ только потому, что они опубликовали какую нибудь секретную бумагу и считаютъ несовмѣстимымъ съ достоинствомъ и честию журналиста называть имя Unbekannt'a, т. е. лица, доставившаго эту бумагу въ редакцію. Эта система принудительнаго показанія—*Zeugniszwang* называется здѣсь остатками средневѣковой пытки...

Въ то время, какъ я пишу эти строки, мимо оконъ моей квартиры тннутся безконечныя цуги школьниковъ, студентовъ, ветерановъ войны 1870—71 года, войска и всякаго прочаго люда. Сегодня 10 мая и подъ шумъ военной музыки и патріотическихъ рѣчей празднуется заключительный моментъ почти цѣлый годъ продолжавшихся поминковъ о франко-прусской войнѣ: празднуется заключеніе франкфуртскаго мира. Я упоминаю мимоходомъ объ этомъ обстоятельстве, потому что оно стоитъ въ извѣстной связи съ судьбами нѣмецкой печати за послѣднее время и съ приведенными только что образцами переживаемыхъ ею злоключеній. Извѣстно, что начало патріотическихъ торжествъ по времени примыкаетъ къ моменту отклоненія *Umsturzvorlage*. Отклоненіе этого законопроекта пришлось не по душѣ здѣшнимъ охранителямъ. Вылазки нѣкоторыхъ органовъ печати противъ седанскихъ торжествъ и прочихъ праздниковъ расхваливавшихся *Mordpatriot*овъ были еще больше. Разнервничавшаяся прокуратура сдѣлалась крайне чувствительной ко всякой печатной оппозиціи и критикѣ. Быть можетъ съ минованіемъ патріотическихъ ликованій ослабѣетъ и прокурорская нервозность и нѣмецкая жизнь потечетъ по болѣе нормальному руслу. Нѣмецкой печати пришлось уже въ послѣднія 25 лѣтъ переживать и болѣе продолжительныя періоды политическаго ненастья. Въ эпоху «исключительнаго закона» отъ 1878 года по 1890-й и въ эпоху культуркампфа сдѣланы были попытки систематически подтянуть прессу, но результаты получились неожиданныя и для т. н. интересовъ порядка нежелательныя.

Еще одно обстоятельство, связанное съ торжественнымъ цугомъ школьниковъ, ветерановъ и пр., просится на бумагу. Это положеніе печати въ завоеванныхъ въ 1870—71 году французскихъ провинціяхъ Эльзасъ и Лотарингіи. Объ этомъ предметѣ мнѣ приходилось уже говорить подробнѣе въ предыдущихъ письмахъ («Р. В.» 1895, Февраль). Въ 31 статьѣ имперскаго закона о печати говорится: «этотъ законъ вступаетъ въ силу съ 1-го іюля 1874 года. Его введеніе въ предѣлы Эльзаса и Лотарингіи будетъ предметомъ другого закона»... До сихъ поръ заставляетъ себя ждать этотъ другой законъ. 10-го мая празднуется торжество франкфуртскаго мира, а за два дня до этого эльзасскіе депутаты въ рейхстагѣ подымали вопросъ о томъ, когда же будетъ положенъ конецъ невозможному положенію печати въ завоеванныхъ провинціяхъ. Но ликующимъ сердцамъ не до судебъ эльзасской печати.

Моя экскурсія въ область германскаго законодательства о пе-

чати затянулась противъ ожиданія. Спѣшу перейти къ берлинской прессѣ.

Коренной берлинецъ смотритъ свысока на все, что лежитъ внѣ германской столицы. Provinz... In der Provinz — говоритъ онъ тономъ, при которомъ сказанное само собою разумѣется. Между тѣмъ житель Кельна, Франкфурта, Мюнхена, и т. п., низведенный такимъ образомъ до провинціала, смѣется надъ надменностью прусской выскочки, насчитывающей всего-то 25 лѣтъ имперской гегемоніи. Нѣмецкая провинція, жившая вѣка самостоятельной и независимой жизнью, имѣетъ за собою длинную исторію, прочныя традиціи и продолжаетъ претендовать на званіе самостоятельнаго центра культурной и политической жизни. Преимуществами культурно-историческаго прошлаго нѣмецкой провинціи объясняется и то обстоятельство, что не въ новорожденной германской столицѣ, а въ старыхъ провинціяхъ выходятъ наиболѣе выдающіяся и руководящія періодическія изданія. Достаточно назвать такія распространенныя газеты, какъ «Kölnische Zeitung», стоящую въ тѣсной связи съ высшими правительственными сферами. Слѣдуетъ припомнить, напр., что бывшій канцлеръ Каприви былъ удаленъ со своего поста за то, что былъ заподозрѣнъ въ авторствѣ одной статьи въ Кельнской газетѣ. Предшественникъ Каприви, Бисмаркъ состоитъ въ настоящее время негласнымъ редакторомъ другой провинціальной газеты—«Hamburger Nachrichten». Аккуратный читатель этой газеты часто можетъ прослѣдить перо желѣзнаго журналиста, когда дѣло касается принятія крупныхъ мѣръ противъ его политическихъ враговъ или противъ министровъ, рѣшившихся остаться у власти и послѣ ухода своего стараго канцлера. Демократическая «Frankfurter Zeitung» пользуется широкимъ влияніемъ по всей Германіи. Достаточно припомнить, что лишь ея связямъ и влиянію обязанъ бывшій всемогущій редакторъ берлинской «Kreuz-Zeitung» и парламентскій вождь консервативной партіи, баронъ Гаммерштейнъ, присужденной ему недавно трехлѣтней каторгой за разныя мошенничества, растраты и развратъ. Франкфуртская газета даже не стала сама пачкаться личностью разоблаченнаго жулика-моралиста, а помѣщала свои разоблаченія на столбцахъ своего дешеваго изданія—франкфуртской «Kleine Presse». Можно бы еще назвать десятки вліятельныхъ провинціальныхъ изданій, изъ которыхъ многія имѣютъ въ Берлинѣ отдѣленія своихъ редакцій, а нѣкоторыя такъ даже соединены съ Берлиномъ собственной телеграфной проволокой. Но я не пишу теперь о провинціальной нѣмецкой прессѣ.

Берлинская пресса не составляла исключенія изъ общаго правила, характеризовавшаго жалкое положеніе нѣмецкой періодической печати до 1848 года. Правда, и въ старое время ловкій и изобрѣтательный журналистъ усваивалъ себѣ эзоповскій языкъ для выраженія своихъ мыслей, а читатели научались читать между

строкъ. Вотъ классическій примѣръ изъ опыта почтенной «тетки Фоссъ», какъ называютъ теперь берлинскую «Vossische Zeitung». Когда въ 1842 г. былъ удаленъ ненавистный всѣмъ министръ фонъ Роховъ, то названная газета въ отдѣлѣ объявленій помѣстила слѣдующее извѣщеніе: Heute habe ich meinen Hausknecht Roschow entlassen. Friedrich Wilhelm König. Проницательный читатель догадывался, что рѣчь идетъ не о какомъ нибудь филистерѣ Кенигѣ, а о королѣ Фридрихѣ Вильгельмѣ.

Особенный разцвѣтъ берлинской прессы начался съ возстановленія германской имперіи въ 1879 году и съ необыкновеннымъ развитіемъ самаго города Берлина въ его новой роли германской столицы. Къ этому присоединяется упраздненіе штемпельнаго сбора въ пользу казны, сдѣлавшее возможнымъ значительное пониженіе подписной платы и въ то же время—расширеніе формата и содержанія самихъ изданій. Съ другой стороны, изданный въ 1874 году имперскій законъ о печати, при всѣхъ его недостаткахъ, все таки доставлялъ текущей прессѣ извѣстную свободу, а издателямъ и редакторамъ гораздо большій противъ прежняго просторъ дѣйствій.

Періодъ времени отъ 1848 по 1874 годъ игралъ въ развитіи берлинской прессы громадное значеніе. Съ прошлаго столѣтія удержались въ Берлинѣ только двѣ газеты: «Vossische Zeitung, основанная въ 1722 году и въ настоящее время занимающая первенствующее мѣсто среди берлинской печати, далѣе «Spenerische Zeitung», основанная въ 1740 г. и послѣ цѣлаго ряда превратностей слившаяся съ теперешней «National-Zeitung».

И вотъ 1848 годъ тотчасъ вызвалъ къ жизни три новыхъ большихъ политическихъ изданія: упомянутую только что національ-либеральную «National-Zeitung», консервативную «Kreuz-Zeitung» и «Kladderadatsch». Если упомянуть еще вслѣдъ затѣмъ въ 1849 г. основанную «Urwählerzeitung», переименованную затѣмъ въ теперешнюю демократическую «Volkszeitung», то мы увидимъ, что, какъ здѣсь выражаются, vom tohlen Jahr 1848, ведутъ свое начало и въ настоящее время руководящіе органы берлинской прессы и притомъ не только либеральные, но и консервативные. Начиная съ этого времени то и дѣло возникаютъ новыя изданія, изъ которыхъ я могу себѣ позволить назвать лишь главнѣйшія въ порядкѣ ихъ появленія. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ прежде всего упоминанія Norddeutsche Allgemeine Zeitung которую злые языки ругаютъ кличкой «gemeine Zeitung», т. е. подлая газета. Эту репутацію она снискала себѣ своимъ характеромъ, служа разнымъ режимамъ, пресмыкаясь передъ каждымъ въ данное время господствующимъ вѣяніемъ. Князь Бисмаркъ щедро надѣлялъ ее изъ извѣстнаго «фонда для пресмыкающихся» за ея патріотическія услуги. Съ уходомъ Бисмарка она приспособилась къ режиму Каприви, а теперь прекрасно уживается и съ такъ зываемымъ зигзагъ-курсомъ кн. Гогенлоэ. Правда, отставленный

министръ фонъ-Келлеръ основаніемъ официальнаго правительственнаго органа «*Berliner Correspondenz*» думалъ положить конецъ всякимъ недоразумѣніямъ и жалобамъ на привилегированное положеніе N. Al. S., но въ высшихъ сферахъ имѣются, очевидно, прочныя литературныя симпатіи и традиціи, почему и въ настоящее время на долю Сѣверо-Нѣм. газеты выпадаютъ довольно большія крохи съ министерскаго стола. Старый редакторъ этой газеты тайный совѣтникъ Пиндтеръ былъ большой пролаза; года два тому назадъ, съ грудью, усѣянной орденами, и съ карманомъ, набитымъ деньгами, быть можетъ принадлежавшими бывшему ганноверскому королю,—старый Пиндтеръ ушелъ на покой. Его смѣнилъ болѣе молодой, но не менѣе усердствующій д-ръ Гриземанъ. До Пиндтера ему далеко, но все же въ мірѣ печати онъ извѣстенъ подъ именемъ Pindter de Zweite. Norddeutsche A. Z. основана въ 1862 г. Въ 1865 г. появилась впервые антисемитическая «*Staatsbürgerzeitung*», представляющая то теченіе нѣмецкаго антисемитизма, которое въ Берлинѣ обозначаютъ словомъ «*Radanantisemitismus*», т. е. антисемитизмъ улицы и уличныхъ безобразій. Болѣе искренній и серьезный отгѣнокъ антисемитизма, тотъ самый, который депутатъ Зингеръ охарактеризовалъ популярной теперь кличкой: «*Socialismus der dummen Junge*», представленъ въ лицѣ д-ра Беккеля и въ его газетѣ «*das Volksrecht*», теперь, впрочемъ, прекратившейся. Въ 1866 г. основана была газета «*Post*», служащая теперь органомъ «короля» Штумма и его государственной мудрости. Съ 1871 года особенно разростается либеральная пресса. Въ ряду этихъ изданій мѣщански-либеральный «*Berliner Tageblatt*» сумѣлъ завоевать себѣ наибольшее распространеніе и далеко за предѣлами Берлина. Собственный органъ Евгенія Рихтера «*Freisinnige Zeitung*» много солиднѣе, чѣмъ «*B. T.*», но читается лишь ограниченнымъ кругомъ все болѣе рѣдѣющихъ друзей и сторонниковъ Рихтера. «*Berliner Zeitung*» еще нѣсколькими градусами ярче Рихтеровской газеты, но извѣстна только берлинцамъ. Крайнее крыло берлинскаго свободомыслія представлено въ помянутой уже выше демократической «*Volkszeitung*», которая въ трудную годину исключительнаго закона мужественно боролась съ режимомъ князя Бисмарка и была даже разъ приостановлена въ 1889 г., но, послѣ того, какъ правительство убѣдилось въ несправедливости принятой мѣры, немедленно возстановлена. Газета «*Reichsbote*», или, какъ ее еще называютъ, «*Pastorenblatt*», служить энергической выразительницей той части евангелическаго духовенства, которая настаиваетъ на дѣйствительномъ проведеніи христіанскихъ принциповъ въ жизни и во всѣхъ слояхъ общества и горячо возстаетъ противъ лицемерія и показной только набожности. Въ самое послѣднее время обращали на себя всеобщее вниманіе рѣзкія статьи этой газеты по поводу дуэли двухъ придворныхъ церемоніймейстеровъ, Коппе и Шрадера, причемъ послѣдній, какъ извѣстно, поплатился жизнью. Здѣсь

кстати будетъ назвать и газету «Volk», органъ т. н. христіанско-соціальной партіи Штеккера. Энергическое заступничество этой газеты за соціальныя реформы вызвало въ послѣднее время бурю въ лагерь консервативной партіи и повело къ выходу Штеккера изъ консервативной фракціи. Съ другой стороны, еще болѣе рѣшительная группа, Евангелически-Соціального конгресса предложила недавно Штеккеру сложить съ себя званіе второго президента, на что придворный проповѣдникъ въ отставкѣ отвѣтилъ выходомъ изъ конгресса. Черезъ нѣсколько недѣль Конгрессъ соберется въ Штутгартѣ на свой годичный съѣздъ и на немъ не видно будетъ больше самого основателя этого неблагодарнаго созданія, — не видно будетъ Штеккера — Лютера нашихъ временъ. Уже подлинно: «tempora mutantur!» Недавно основанная аграрная газета «Deutsche Tageszeitung» сдѣлала чуть ли не исключительной своей спеціальностью борьбу съ русско-нѣмецкимъ торговымъ договоромъ и агитацію въ пользу его отмены или же ревизію... «Vorwärts» существуетъ уже 12 лѣтъ и служитъ центральнымъ органомъ соціалъ-демократической партіи, имѣющей въ настоящее время по всей Германіи 130 своихъ изданій политическихъ, научныхъ, юмористическихъ и органовъ различныхъ профессиональных рабочихъ союзовъ. 40 газетъ выходятъ ежедневно, остальные 2—3 раза въ недѣлю, понеѣдельно и помѣсячно. Къ числу многихъ спеціальностей «Vorwärts'a» принадлежитъ также опубликованіе различныхъ актовъ, циркуляровъ и прочихъ «секретныхъ» бумагъ. Его называютъ потому въ шутку «органомъ для опубликованія официальныхъ извѣщеній». Шефъ-редакторъ Vorwärts'a, извѣстный депутатъ рейхстага Вильгельмъ Либкнехтъ, отпраздновавъ недавно 80-лѣтнюю годовщину своего рожденія, не перестаетъ, однако, быть однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ публицистовъ.

Съ не меньшей быстротой развивались въ послѣднія 25 лѣтъ недѣльные и мѣсячныя литературно-политическія изданія. Изъ мѣсячныхъ изданій «Deutsche Rundschau», основанная въ 1874 г., и «Freie Bühne», теперь болѣе извѣстная подъ названіемъ «Neue Deutsche Rundschau», основанная въ 1889 г., напоминаютъ наши русскіе «толстые» журналы, между тѣмъ, какъ въ «Preussische Jahrbücher», издаваемыхъ проф. Делбрюккомъ, преобладаетъ публицистическій отдѣлъ, а беллетристическій почти отсутствуетъ. Изъ недѣльныхъ изданій литературно-политическаго характера наибольшей извѣстностью пользуются: «Gegenwart», основанная въ 1872 г., «Magazin für Litteratur», основанная еще въ 1832 г., изъ болѣе молодыхъ — «Die Kritik» и особенно «Die Zukunft», издаваемая талантливымъ публицистомъ Максимильяномъ Гарденомъ. Гарденъ сумѣлъ привлечь въ свои сотрудники выдающихся писателей Германіи и за границей. Въ эпоху борьбы противъ «Umsturzvorlage», рядомъ съ «Vossische Zeitung» еще въ «Zukunft» раздавались самые неумолимые удары противъ реакціоннаго законопроекта.

Само собою разумѣется, что мой перечень не исчерпываетъ и пятидесятой доли берлинской прессы. Приведу поэтому общую таблицу изъ недавно появившейся любопытной книжки Густава Дамса *). Въ 1867 году существовало въ Берлинѣ, съ присоединеніемъ специальной прессы, 165 изданій; въ 1879 г. — уже болѣе чѣмъ вдвое: 350 изданій; въ 1881 году число изданій достигло уже 454; въ 1887 г. — 497, а въ прошломъ 1895 году Берлинъ и его предмѣстья насчитывали 834 газеты и журнала. Расположивъ эти изданія по орокамъ, въ которые они появляются, получаемъ слѣдующую таблицу:

Рѣже чѣмъ 1 разъ въ недѣлю выходятъ въ Берлинѣ. Въ предмѣстьяхъ.

						400	20
1	»	»	»	»	»	270	12
2	»	»	»	»	»	40	2
3	»	»	»	»	»	4	4
6	»	»	»	»	»	40	20
7	»	»	»	»	»	6	1
12	»	»	»	»	»	12	1
13	»	»	»	»	»	2	0

Всего . . . 774 60

Изъ этихъ 834 изданій 62 политическаго характера, 67 — officialнаго характера; 40 религіознаго содержанія, 206 изданій посвящены искусствамъ и наукамъ, 264 — торговлѣ, промышленности, сельскому хозяйству и т. п. Самыя большія политическія газеты выходятъ два раза на дню, исключая воскресенья, когда газеты выходятъ только утромъ, и понедѣльника, когда выходитъ только вечернее изданіе. Эти газеты, слѣдовательно, выходятъ 12 разъ въ недѣлю. Изъ таблицы мы видимъ, однако, два случая, гдѣ газета выходитъ 13 разъ въ недѣлю, и 7 случаевъ, когда газета выходитъ 7 разъ въ недѣлю. Это частью одна иллюзія, потому что 7-й и 13-й нумера напечатаны были еще раньше дня выхода и составляютъ своего рода приращеніе беллетристическаго или научнаго характера; или же въ понедѣльникъ утромъ выходитъ нумеръ, въ который въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ на скоро было втиснуто нѣсколько телеграммъ и другихъ свѣжихъ новостей. Это, конечно, издательская спекуляція, рассчитывающая на громадный обѣтъ утреннихъ понедѣльных нумеровъ за отсутствіемъ газетной конкуренціи. Солидные газеты не идутъ на такую спекуляцію. Введенный закономъ воскресный и праздничный отдыхъ предполагаетъ закрытіе редакцій и типографій не позже 12 часовъ ночи наканунѣ праздника и до 12 часовъ въ день праздника. Газета, пускающаяся на спекуляцію, можетъ поэтому прибѣгнуть къ работѣ только начиная

*) Gustav Dahms: «Der Litterarische Berlin. Illustriertes Handbuch der Presse in der Reichshauptstadt. Berlin 1895.

съ 12 часовъ ночи и этой ночной работой значительно умаляетъ праздничный отдыхъ типографскаго и редакціоннаго персонала. По поводу соглашенія между редакціями казанскихъ газетъ относительно упраздненія послѣ-праздничныхъ номеровъ приходилось читать въ почтенныхъ органахъ Петербурга довольно странныя разсужденія на тему о томъ, что это, дескать, хорошо, но что публика такъ привыкла къ газетному чтенію и ее не слѣдуетъ безнаказанно лишать лишняго нумера газеты, въ крайнемъ же случаѣ слѣдуетъ доставлять ей нѣсколько драгоценныхъ сообщеній Россійскаго телеграфнаго агентства и т. д... Правда, многія нѣмецкія газеты выходятъ ежедневно въ двухъ изданіяхъ, стоятъ однако въ три-четыре раза дешевле русскихъ. Но большинство газетъ выходитъ разъ въ день и шесть разъ въ недѣлю. Европейская публика, конечно, не менѣ русской нуждается въ газетной пищѣ, но она тѣмъ не менѣ привыкла разъ въ недѣлю не получать своей газеты и за это не требуетъ никакого вознагражденія и возмѣщенія. Дѣло въ томъ, что вмѣсто соображеній формальнаго возмѣщенія здѣсь укоренилось чувство общественной солидарности настолько, что воскресный и никакими спекуляціями не уменьшенный отдыхъ работниковъ печати— для всѣхъ и каждого изъ публики самъ собою разумѣется.

Безпрестанно увеличивавшаяся конкуренція заставляла нѣмецкія газеты затрачивать все большія суммы на расширеніе ихъ содержанія и на усиленіе быстроты и своевременности печатающихся въ нихъ сообщеній. Мы видѣли выше, что до 1848 года центръ тяжести газетнаго дѣла лежалъ въ мѣстныхъ извѣстіяхъ. Постепенно, сначала очень рѣдко, стали появляться извѣщенія иногородныя и иностранныя. Въ 40-хъ годахъ эти извѣщенія приняли форму правильныхъ письменныхъ корреспонденцій о социальной и политической жизни различныхъ странъ, а въ 1844 году *Vossische Zeitung* помѣстила первую передовицу. Передовицы въ тѣ времена были большою рѣдкостью и потому производили впечатлѣніе чего то необыкновеннаго. Нѣкоторыя провинціальныя газеты, какъ *Schlesische Zeitung* въ Бреславлѣ, основанная около 1750 г., ввели у себя раньше берлинскихъ систему передовицъ. Издатель этой газеты въ началѣ текущаго столѣтія, проф. Шенъ, заимствовалъ эту систему во время своей поѣздки во Францію. По уходѣ Шена и передовицы исчезли изъ Силезской газеты. Когда затѣмъ въ 1820 г. была въ Бреславлѣ основана другая газета *Breslauer Zeitung*, всѣми мѣрами стремившаяся оттѣснить на второй планъ старую Силезскую, то эта послѣдняя частнымъ образомъ пригрозила своей соперницѣ, если она не уймется, начать снова печатать у себя передовицы. Эта угроза, какъ разсказываетъ Бреславльскія лѣтопись, подѣйствовала... Такъ трудно было въ тѣ времена достать передовицу. Быть можетъ тогда предъявляли къ газетной передовицѣ иныя требованія. Въ наше время, какъ извѣстно, передовица не рѣдкость, да и не подвигъ. Часто даже совершенно обратное.

Постепенно нѣмецкія газеты стали вводить у себя помимо политики и отдѣлы искусства, наукъ, литературы и болѣе спеціальныя отдѣлы. Въ настоящее время всѣ берлинскія газеты (да и всѣ нѣмецкія) печатаютъ въ каждомъ номерѣ главу—двѣ изъ романа, который тянется обыкновенно цѣлую четверть года. Этотъ на первый взглядъ досадный обычай удовлетворяетъ, повидимому, запросамъ громадной части читателей, которые имѣютъ потребность въ ежедневной порціи беллетристическаго удовольствія *unter dem Strich*, т. е. за чертой отдѣла о всякаго рода текущихъ злобахъ дня. Изъ берлинскихъ газетъ одна *Vossische Zeitung* не даетъ своимъ читателямъ ни поэзіи, ни беллетристики. Но тѣмъ богаче отдѣлъ искусствъ и всякаго рода наукъ въ этой газетѣ, изъ старыхъ временъ сохранившей названіе: «*Königlich-privilegirte berlinische Zeitung von Staats und Gelehrten Sachen*».

Съ расширеніемъ содержанія газетъ увеличивалось и число сотрудниковъ каждой газеты. Лѣтъ 25—30 тому назадъ старѣйшая изъ берлинскихъ газетъ, упомянутая только что *Vossische Zeitung* обходилась четырьмя редакторами и приблизительно такимъ же числомъ корреспондентовъ. Въ настоящее время эта газета насчитываетъ около 500 постоянныхъ сотрудниковъ... Въмѣсто прежнихъ письменныхъ корреспонденцій, получавшихся лишь немногими газетами, появились во второй половинѣ текущаго столѣтія такъ назыв. литографированныя корреспонденціи, заготовлявшіяся особенно опытными и способными журналистами и разсылавшіяся по отдѣльнымъ редакціямъ. Эти корреспонденціи, изъ которыхъ редакторы почерпаютъ большую часть своего матеріала, доставляются теперь путемъ телеграфа и телефона и приходятъ въ редакціи уже въ печатномъ видѣ. Телефоны сдѣлались теперь источникомъ и такихъ извѣстій, которыя, въ виду дороговизны телеграфнаго сообщенія, оставались раньше подъ спудомъ. Изъ всемірно извѣстныхъ телеграфныхъ бюро слѣдуетъ назвать: телеграфное бюро Вольфа, бюро Герольда, бюро Гирша въ Берлинѣ и др. Подобно тому какъ эти телеграфныя бюро служатъ посредниками внѣшнихъ извѣстій, такъ точно имѣются многочисленныя бюро мѣстныхъ корреспонденцій, доставляющихъ берлинскимъ редакціямъ все заслуживающее вниманіе изъ берлинской жизни: придворныя извѣстія, отчеты о собраніяхъ, судебные отчеты, сообщенія о несчастныхъ случаяхъ и т. п. Къ этому присоединяются различныя бюро политическихъ, парламентскихъ, юридическихъ, экономическихъ и фельетонныхъ корреспонденцій, которыя поступаютъ въ редакціи въ сыромъ видѣ и тутъ только сортируются и обрабатываются. Эти же бюро снабжаютъ и провинціальную прессу всякаго рода матеріаломъ и служатъ такимъ образомъ первоисточникомъ, дающимъ ходъ всему механизму періодической прессы.

Могуществомъ своимъ развитіе берлинской прессы обязано въ значительной степени и развитію техники. При помощи ручного

станка въ прежнее время можно было отпечатать 100, самое большее 150 экземпляровъ въ часъ, слѣдовательно отъ 1,200 до 1,800 экземпляровъ въ день при 12-ти часахъ работы. Съ введеніемъ стереотипнѣ продуктивность печати увеличилась въ 30 разъ; съ ускореніемъ прессы одѣлалось возможнымъ печатать въ часъ 3.000 экземпляровъ газеты значительно большаго формата. Въ настоящее же время, съ помощью новѣйшей т. н. ротаціонной машины, удается приготовить въ одинъ часъ не менѣе 30,000 экземпляровъ газеты въ восемь страницъ большаго формата. Такая массовая продуктивность типографскихъ машинъ въ связи съ постепеннымъ удешевленіемъ стоимости бумаги понизили подписную плату на газеты до такой степени, что старѣйшія газеты могутъ выдерживать конкуренцію новыхъ изданій, лишь улучшая свое содержаніе и ускоряя доставку сообщеній и извѣстій. Наиболѣе крупныя газеты стараются приносить въ своихъ утреннихъ номерахъ поздневѣчной пришедшія телеграфныя сообщенія, даютъ тутъ же отчетъ о театральной новинкѣ, представленной наканунѣ вечеромъ и пр. Въ случаѣ какихъ либо изъ ряда выходящихъ событій печатаются экстренныя листки и при посредствѣ особыхъ разносчиковъ выкрикиваются и роздаются на улицахъ Берлина. Съ этими экстренными листками творится подчасъ самая возмутительная спекуляція, особенно по понедѣльникамъ, когда газетъ нѣтъ и каждый охотно платитъ 5 пфенниговъ за Extrablatt, въ надеждѣ узнать дѣйствительно что-нибудь чрезвычайное. И вдругъ оказывается пожаръ или убійство, часто даже не въ Берлинѣ, а гдѣ-то за тридевять земель. По части такихъ экстренныхъ безобразій отличается берлинскій Lokalanzeiger, или, какъ его не безъ основанія называютъ: Skandalanzeiger. Въ 10 лѣтъ своего существованія эта изобрѣтательная газета разрослась до необыкновенныхъ размѣровъ, покрыла весь Берлинъ цѣлою сѣтью филиальныхъ отдѣленій своей редакціи, имѣетъ массу объявленій и до 200,000 подписчиковъ. Если вѣрять газетѣ, то у нея имѣются «собственные корреспонденты» во всѣхъ частяхъ свѣта, и чуть ли не на лунѣ.

Правда, и въ полудневномъ царствѣ періодической прессы Берлина съ т. н. собственными корреспондентами дѣло обстоитъ не совсѣмъ чисто. Иной разъ читаешь корреспонденцію изъ Петербурга, Москвы или Одессы и думаешь, что и на Borsigstrasse можно съ успѣхомъ сочинять такія чрезвычайно сенсационныя сообщенія. Но солидная пресса Берлина въ общемъ имѣетъ очень развитую сѣть специальныхъ корреспондентовъ. Есть цѣлая группа «всемирныхъ корреспондентовъ», какъ Людвигъ Питтъ, Теодоръ Фонтанъ, Леопольдъ Кейслеръ, Евгений Вольфъ и др., побывавшіе на командировкахъ всюду, по сю и по ту сторону океана. На калѣскія торжества нѣкоторыя газеты посылали по 6 и 7 корреспондентовъ.

Своей извѣстной комедіи «Журналисты» Густавъ Фрейтагъ

вывелъ характерный типъ чернильнаго кули въ лицѣ журналиста Шмока, одѣлавшагося теперь нарицательнымъ именемъ. Но рядомъ съ этимъ онъ не безъ основанія указывалъ на ту громадную и почти безименную массу работниковъ печати, которымъ современный культурный человѣкъ столь многимъ обязанъ. Изъ дня въ день стоять на сторожѣ всего, что творится въ мірѣ; изъ дня въ день доводить до свѣдѣнія народа событія культурной и общественной жизни, истолковывать ему значеніе этихъ событій — эта работа требуетъ рѣдкаго напряженія мозговыхъ силъ, подкапываетъ нерѣдко здоровье журналиста раньше времени, но не всегда вознаграждаетъ его надлежащимъ образомъ. Въ первое время своего правленія Вильгельмъ II называлъ журналистовъ Hungerkandidaten. Это, пожалуй, вѣрно по столько, по скольку и голодъ является нерѣдко удѣломъ представителей этой «свободной профессіи». Печать въ Германіи не только покоится на принципѣ совершеннаго раздѣленія труда, но уже вступила въ довольно интимный союзъ съ интересами капитала. Издатель и редакторъ не совпадаютъ уже въ одной персонѣ и если на долю шеф-редактора еще перепадаетъ изрядный кушъ (баронъ Гаммерштейнъ изъ Kreuzzeitung получалъ около 30,000 марокъ въ годъ), то на долю сотрудниковъ выпадаютъ лишь крохи. Противъ капиталистической эксплуатаціи въ области прессы остается главнымъ средствомъ организація и солидарность работниковъ печати. Общественная организація берлинской прессы, многочисленныхъ литературныхъ обществъ, кассъ взаимопомощи, литературномъ судѣ чести и тому подобныхъ ферейнахъ—я, къ сожалѣнію, не могу въ этотъ разъ распространяться. Такая организація печати служитъ оплотомъ противъ безцеремонной эксплуатаціи, противъ загрязненія прессы нечистыми элементами; благодаря такой организаціи растетъ къ печати и общественное уваженіе.

А. Назровъ.

Изъ Австріи.

Проектъ новаго избирательнаго закона, предложенный гр. Бадени, принятъ парламентомъ почти безъ всякихъ измѣненій. Послѣдствія этого факта будутъ имѣть громадное значеніе для развитія Австріи, потому мы полагаемъ, что не будетъ излишнимъ познакомить нашихъ читателей со всѣми перипетіями борьбы за реформу избирательнаго права.

Избирательное право, дѣйствовавшее до сихъ поръ, установлено

въ 1873 г. Реформа 1873 г. была торжествомъ централизаціонныхъ стремленій, такъ какъ съ этого времени избиратели высылали въ парламентъ непосредственно, между тѣмъ какъ прежде (съ 1867 г.) депутаты избирались сеймами, благодаря чему достигалось полное единомысліе представителей данной провинціи и въ сеймѣ, и въ парламентѣ.

До 1873 г. всѣхъ депутатовъ парламента было 203, послѣ реформы же стало 353. Все населеніе Австріи разбивалось на четыре группы, называемыя куріями. 85 депутатовъ выбираетъ курія крупной земельной собственности; 97—курія городовъ; 21—курія торговыхъ и промышленныхъ палатъ и, наконецъ, 131—курія крестьянской собственности. Кромѣ того въ нѣкоторыхъ провинціяхъ вторая и третья курія избирають сообща еще 19 депутатовъ.

По закону 1873 г. депутатскія полномочія распределяются по отдѣльнымъ провинціямъ слѣдующимъ образомъ: Чехія избираетъ 92 депутатовъ; Галиція съ Краковомъ—62; Нижняя Австрія—37; Моравія—36; Штирія—23; Тироль—18; Верхняя Австрія—17; Крайна и Силезія—по 10; Каринтія и Буковина—по 9; Зальцбургъ—5, Истрія, Гарцъ съ Градиской и Триестъ—по 4; Форальбергъ—3. При распределеніи депутатскихъ полномочій имѣлись въ виду количество народонаселенія и податная способность каждой провинціи, однако этотъ принципъ не былъ примѣненъ какъ слѣдуетъ, и многія, болѣе населенныя и болѣе развитыя экономически провинціи получили относительно гораздо меньше депутатскихъ полномочій, нежели малолюдныя и бѣдныя. Такъ напр. въ Зальцбургѣ одинъ депутатъ приходится на 33.000 жителей, въ Форальбергѣ—на 36, въ Моравіи же только на 60.000, а въ Галиціи даже на 95.000.

Избирателемъ можетъ быть всякій полноправный австрійскій гражданинъ, окончившій 24 года и платящій не менѣе 5 гульденовъ прямыхъ налоговъ. Этотъ цензъ требуется, впрочемъ, только въ городской и сельской куріяхъ. Въ куріи крупной собственности цензъ соответствуетъ извѣстному minimum уплачиваемаго поземельнаго налога. Этотъ minimum колеблется въ различныхъ провинціяхъ между 63 и 313 гульденами. Пассивнымъ избирательнымъ правомъ пользуется всякій, кто имѣетъ право быть избирателемъ, состоитъ австрійскимъ гражданиномъ не менѣе трехъ лѣтъ и имѣетъ по крайней мѣрѣ 30 лѣтъ отъ роду. Не пользуются ни активнымъ, ни пассивнымъ избирательнымъ правомъ лица, осужденныя за кражу или мошенничество, и всѣ тѣ, кто получаетъ вспомошествованіе изъ суммъ общественнаго призрѣнія.

Выборы въ трехъ первыхъ куріяхъ производятся непосредственно, т. е. избиратели прямо подають голосъ въ пользу того или другого кандидата. Въ куріи мелкой собственности 500 избирателей выбираютъ одного уполномоченнаго, который избираетъ депутата.

Выборами руководить коммиссія, состоящая изъ семи лицъ изъ

числа избирателей. Въ составъ комиссіи входитъ правительственный комиссаръ, назначающій секретаря. Каждый избиратель получаетъ листокъ, свидѣтельствующій о томъ, что онъ имѣетъ право голоса и который позволяетъ ему войти въ залу выборовъ. Подача голосовъ въ куріи крупной собственности производится листками; въ сельской куріи устно или тоже письменно, смотря по тому, какъ избираются депутаты въ ландтагъ данной провинціи. Въ тѣхъ округахъ, гдѣ избираютъ болѣе одного депутата, избиратели должны написать на листкѣ столько фамилій кандидатовъ, сколько депутатовъ должно быть избрано. Избранными считаются тѣ, которые получаютъ абсолютное большинство голосовъ. Протоколы выборовъ, вмѣстѣ съ другими, относящимися къ выборамъ документами, посылаются намѣстнику края, который, провѣривъ всѣ формальности, выдаетъ избранному удостовѣреніе, допускающее этого послѣдняго въ залу засѣданій парламента. Депутаты, которымъ намѣстникъ отказалъ въ подобномъ удостовѣреніи, могутъ войти въ парламентъ только послѣ утвержденія ихъ выбора самимъ парламентомъ, который является въ этомъ случаѣ послѣдней инстанціей. Депутаты избираются на шесть лѣтъ.

Таково въ общихъ чертахъ имѣющее въ настоящее время силу избирательное право. Какъ отражается подобное право во внутренней жизни Австріи, лучше всего показываютъ цифры, относящіяся къ результатамъ послѣднихъ выборовъ въ рейхсратъ. Курія крупной земельной собственности имѣла (въ 1891 г.) 5402 избирателей и послала въ парламентъ 85 депутатовъ. 583 избирателя торговыхъ и промышленныхъ палатъ дали парламенту 21 депутата. Городская курія, въ которой общее число избирателей доходило до 340.000, выбрала 118 депутатовъ и наконецъ 1.387,572 крестьянина четвертой куріи выбрали 129 депутатовъ.

Слѣдовательно, одинъ депутатъ приходится:

Въ куріи крупной собственности на	63	избирателей.
» » торг. и пром. палатъ	27	»
» » городовъ	2.918	»
» » мелкой собственности	10.592	»

или, иными словами, одинъ дворянскій голосъ имѣетъ такое же значеніе какъ 46 мѣщанскихъ или 168 крестьянскихъ. Въ Галиціи же напр. одинъ дворянинъ имѣетъ такое же значеніе какъ 177 крестьянъ. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что въ нѣкоторыхъ провинціяхъ дворянскіе депутаты избираются не только изъ куріи крупной, но также и мелкой собственности. Однако эти цифры еще не вполне открываютъ намъ дѣйствительное положеніе дѣлъ. Нужно рассмотреть отношеніе различныхъ австрійскихъ провинцій, чтобы понять, какъ сильно въ Австріи вліяніе крупныхъ землевладѣльцевъ. Вотъ напр. въ Чехіи 45 феодаловъ, владѣющихъ т. н. фиден-комисами, избираютъ пять депутатовъ, такъ что всякій депутатъ

оказывается избраннымъ 9 голосами. Не слѣдуетъ также забывать, что въ палатѣ господъ большинство депутатовъ тоже аристократы.

Съ одной стороны, мы видимъ такіа обширныя привилегіи дворянскаго класса, съ другой же замѣчаемъ, что большинство населенія, на которое ложатся всей своей тяжестью государственныя повинности, совершенно лишено участія въ парламентѣ. Вліяніемъ на ходъ государственныхъ дѣлъ пользовалось только 1.730,000 взрослыхъ мужчинъ, а 3.600,000 такихъ же взрослыхъ мужчинъ было лишено всякаго права голоса.

Между тѣмъ экономическій характеръ Австріи успѣлъ сильно измѣниться. Во многихъ провинціяхъ развилась крупная фабричная промышленность, а вмѣстѣ съ тѣмъ на сцену выступила рабочая масса, которая все громче и громче стала домогаться участія въ управленіи государствомъ. Побѣда бельгійскихъ рабочихъ, склонившихъ правительство къ дарованію имъ избирательныхъ правъ, подѣйствовала ободряющимъ образомъ на ихъ австрійскихъ собратьевъ. Въ Вѣнѣ, въ Прагѣ, въ Брюннѣ, въ Львовѣ, въ Краковѣ и другихъ австрійскихъ городахъ организуется агитація въ пользу всеобщаго, равнаго и тайнаго избирательнаго права. Устраиваются громадныя митинги, на которыхъ присутствуютъ десятки тысячъ рабочихъ, устраиваются шумныя демонстраціи, многочисленныя процессіи и т. д. Все это заставило правительство серьезно заняться вопросомъ о реформѣ избирательнаго права.

Проектъ новаго избирательнаго закона былъ выработанъ министромъ Штейнбахомъ и предложенъ парламенту гр. Тааффе осенью 1893 г.

Хотя графъ Тааффе и не вводилъ всеобщаго, непосредственнаго и тайнаго избирательнаго права, однако его проектъ былъ очень важнымъ шагомъ впередъ по направленію къ всеобщему голосованію. Гр. Тааффе давалъ избирательное право почти всѣмъ взрослымъ мужчинамъ въ двухъ куріяхъ: сельской и городской, т. е. обезпечивалъ вліяніе на ходъ государственныхъ дѣлъ двумъ самымъ многочисленнымъ группамъ населенія: крестьянамъ и рабочимъ. По проекту гр. Тааффе 247 депутатовъ оказалось бы избранными на основаніи почти всеобщаго избирательнаго права и, такимъ образомъ, болѣе двухъ третей парламентскихъ депутатовъ являлось бы истинными представителями народа. Привилегированные депутаты изъ курій крупной собственности и торговыхъ и промышленныхъ палатъ (106) всегда оказывались бы въ меньшинствѣ и не могли бы помѣшать проведенію тѣхъ реформъ, за которыя высказались бы представители народа. Мало того, большинство парламента, избранное на основаніи проекта гр. Тааффе, раньше или позже могло бы ввести всеобщее избирательное право и совершенно упразднить куріи. Притомъ для утвержденія проекта гр. Тааффе необходимо было только обыкновенное большинство голосовъ, а не большинство $\frac{2}{3}$ голосовъ.

Проектъ гр. Тааффе, предложенный совершенно неожиданно парламенту 10 октября 1893 г., произвелъ страшный переполохъ. Всѣ правительственныя партіи рейхсрата мгновенно перешли въ оппозицію, такъ какъ гр. Тааффе предлагалъ имъ ни болѣе ни менѣе какъ наложить добровольно на себя руки. Консерваторы отвергли реформу гр. Тааффе потому, что она давала опасное орудіе борьбы въ руки тѣхъ слоевъ населенія, которые болѣе всего угрожаютъ существованію феодаловъ и клерикаловъ. Нѣмцы подняли страшный крикъ, называя гр. Тааффе измѣнникомъ, предающимъ все нѣмецкое населеніе во власть славянъ. Рабочіе на своихъ митингахъ и въ своихъ органахъ относились критически къ реформѣ гр. Тааффе, не дававшей безусловно всеобщаго голосованія и не устранявшей куріи; однако они заявляли, что принимаютъ его проектъ въ качествѣ перваго шага къ дальнѣйшимъ реформамъ. За проектъ безъ всякихъ колебаній высказались только чехи да часть юго-славянъ, которые дѣйствительно очень много выигрывали въ случаѣ принятія реформъ гр. Тааффе; однако они представляли въ парламентѣ такое меньшинство, на которое правительство не могло опереться. Консервативныя партіи съ негодованіемъ отвергли избирательную реформу гр. Тааффе, и долголѣтній министръ-президентъ, которому удавались неоднократно всякіе куштыки, на этотъ разъ вынужденъ былъ признать себя побѣжденнымъ и подать въ отставку.

Графъ Тааффе палъ, его проектъ избирательной реформы потерпѣлъ полную неудачу, но съ исчезновеніемъ министерства Тааффе не сошелъ съ очереди вопросъ о реформѣ избирательнаго права. Коалиціонное министерство гр. Виндишгретца принуждено было на первыхъ же порахъ заявить, что главной и самой важной задачей его будетъ: дать избирательное право тѣмъ массамъ населенія, которыя громче всего его домогаются. Однако это обѣщаніе, высказанное министромъ-президентомъ въ его программной рѣчи, не исполнялось очень долго. Прошло 18 мѣсяцевъ со времени паденія гр. Тааффе, новое министерство подвергалось ожесточеннымъ нападкамъ со стороны оппозиціонной прессы, и гр. Виндишгретцу неоднократно приходилось отвѣчать на запросы демократическихъ депутатовъ, что избирательная реформа вскорѣ станетъ свершившимся фактомъ, что работы субъ-комитета быстро подвигаются впередъ, и проектъ не сегодня, такъ завтра будетъ представленъ парламенту. Такъ какъ сообщанія субъ-комитета, которому была поручена выработка проекта, хранились въ строжайшей тайнѣ, то въ публику проникали только очень неопредѣленные слухи о дѣйствительномъ характерѣ этой реформы. Наконецъ послѣ 25 засѣданій тайнаго субъ-комитета, состоящаго изъ 10 членовъ, былъ обнародованъ его проектъ. Проектъ этотъ не удовлетворилъ никого, а ужъ менѣе всего понравился онъ тѣмъ, для кого реформа была самымъ важнымъ дѣломъ.

Если проект гр. Тааффе имѣлъ очень важные недостатки, то проект субъ-комитета имѣлъ ихъ несравненно больше. Онъ увеличивалъ число избирателей всего на 2.000.000, при чемъ эти новые избиратели получали право высылать въ парламентъ 47 депутатовъ. Уже это была несправедливость, потому что остальныхъ 353 депутатовъ прежнихъ четырехъ курій высылаетъ только 1.732.000 избирателей. 2.000.000 новыхъ избирателей распадалась на двѣ группы: плательщиковъ налоговъ (прямыхъ) отъ 1 кр. до 5 гульд. и рабочихъ, принадлежащихъ въ теченіе по крайней мѣрѣ 2-хъ лѣтъ къ больничнымъ кассамъ и пребывающихъ не мѣнѣе года въ томъ округѣ, гдѣ должны производиться выборы. Къ первой группѣ принадлежало-бы 1 300.000 избирателей, ко второй 700.000. Первая высылала-бы въ парламентъ 34 депутатовъ, вторая же 13. Однако далеко не всѣ избиратели, принадлежащіе къ одной и той же группѣ, пользовались бы одинаковыми правами. Такъ въ первой группѣ дѣлается различіе между городскими и сельскими плательщиками мелкихъ налоговъ. Городскіе пользуются прямымъ избирательнымъ правомъ, сельскіе же лишены и этого. Они должны выбирать избирателей, которые отдадутъ голосъ въ пользу того или другого кандидата, т. е. повторяется то же самое, что уже существуетъ въ куріи мелкой собственности и отънынѣ чего уже много лѣтъ напрасно добиваются крестьяне, посылая сотни петицій въ парламентъ. Сельскіе рабочіе, не платящіе никакихъ прямыхъ налоговъ, совершенно лишены избирательнаго права и въ новой куріи въ которую втиснута вся сельская голытьба, имѣющая маленькій кусочекъ земли и которая гораздо легче можетъ пойти за радикальными агитаторами, нежели зажиточный или даже богатый крестьянинъ, избирающій депутата въ куріи мелкой собственности. Этими то послѣдними соображеніемъ и руководились авторы проекта. Поэтому то они не распространяли избирательныхъ правъ крестьянъ вообще, а разбили ихъ на двѣ группы, надѣясь, что если изъ пятой куріи будутъ выбраны нежелательные депутаты, то четвертая все таки будетъ нейтрализовать ихъ вліяніе, потому что до сихъ поръ крестьяне подавали голоса въ пользу феодаловъ и клерикаловъ. Въ случаѣ, если бы деревенская голытьба не была выдѣлена изъ четвертой куріи, то деревенскіе богатѣи легко могли бы утонуть въ массѣ сельскихъ бѣдняковъ, и радикальныя тенденціи восторжествовали бы.

Несправедливость проекта субъ-комитета особенно ярко выражается въ той части, которая касается избирателей рабочихъ, несмотря на то, что докладчикъ проекта говорилъ: «неутомимая, сознательная агитація организованныхъ рабочихъ, которые выступаютъ какъ политическая партія, принуждаетъ насъ какъ можно скорѣе допустить въ рейхсратъ представителей этого подвижнаго элемента, постоянно увеличивающагося по мѣрѣ того, какъ развивается государство въ промышленномъ отношеніи». Не смотря на

это, проектъ даетъ избирательное право только незначительной части промышленныхъ рабочихъ. Проектъ говоритъ о 700,000 рабочихъ, получающихъ это право, но даже и эта цифра не возбуждаетъ довѣрія. Всѣхъ членовъ больничныхъ кассъ до 1.000,000, но меньше половины изъ нихъ не принадлежатъ къ членамъ кассы въ теченіи 2 лѣтъ. Есть напр. такіе рабочіе, которые поступаютъ въ члены кассы только на время, таковы сезонные рабочіе: каменщики, штукатуры, плотники, рабочіе на кирпичныхъ заводахъ и т. д. Далѣе во время безработицы рабочій не числится въ спискѣ членовъ кассы и поэтому теряетъ избирательное право. Наконецъ рабочій сегодня здѣсь, завтра тамъ, а тутъ проектъ требуетъ непрерывнаго годичнаго пребыванія въ одномъ округѣ. Фабрикантъ можетъ прекрасно злоупотреблять своимъ правомъ увольненія рабочаго передъ самыми выборами. Кромѣ всего этого, большое количество рабочихъ по разнымъ причинамъ не принадлежитъ къ больничнымъ кассамъ и поэтому лишается права голоса. Вотъ еще одна несправедливость проекта субъ-комитета. Рабочіе лишены прямого избирательнаго права, и такимъ образомъ какой-нибудь интеллигентный рабочій Вѣны, Праги или Кракова приравнивается къ темному, забытому крестьянину Буковины или Галицкой Руси. Только тѣ рабочіе, которые платятъ minimum 1 гульд. прямыхъ налоговъ, получаютъ прямое избирательное право, тогда какъ всякій заводчикъ или убогій ремесленникъ получаетъ его уже тогда, когда платитъ 1 кр. прямыхъ налоговъ. Въ этомъ видна тенденція авторовъ проекта утопить голоса рабочихъ въ морѣ голосовъ избирателей другихъ категорій.

Если все это отличается несправедливымъ отношеніемъ къ интересамъ безправныхъ массъ, то распредѣленія новыхъ депутатскихъ полномочій по проекту субъ-комитета граничатъ съ юмористикой. Еще 34 депутата мелкихъ плательщиковъ распредѣляются довольно сносно. Чехія получаетъ 7 депутатовъ, Галиція 8, Моравія 3, Нижняя Австрія 2, Буковина 1 и т. д. Но депутаты рабочихъ избираются въ такихъ округахъ, которые по пространству равняются нѣсколькимъ десяткамъ тысячъ километровъ и которые населены нѣсколькими милліонами человѣкъ, принадлежащихъ къ различнымъ народностямъ. Достаточно сказать, что Далматія, Крайна, Гарцъ, Истрія, Градиска и Триестъ съ его окрестностями представляютъ одинъ округъ. Одинъ округъ составляетъ вся Галиція вмѣстѣ съ Буковиной, такъ что галиційско-буковинскій депутатъ долженъ знать по польски, по малорусски, по румынски, по нѣмецки и по еврейски, чтобы понять своихъ избирателей и держать передъ ними кандидатскія рѣчи. Кромѣ того рабочій кандидатъ долженъ начать избирательную агитацію по крайней мѣрѣ за нѣсколько мѣсяцевъ до дня выбора, чтобы представиться своимъ избирателямъ.

Вполнѣ понятно, что противъ такого проекта выступили прежде всего рабочіе. И въ Вѣнѣ и въ другихъ городахъ Австріи устраи-

вались многочисленные собрания, на которых была принимаема резолюция, с негодованием отвергающая проект субъ-комитета. Только одна партия—консерваторы из клуба Гогенварта—высказалась в пользу его, да и то довольно робко. Хотя в субъ-комитет, выработывающем проект, и заседали члены немецкой, так назыв. либеральной партии, однако главный ее орган «Neue freie Presse» выступил с порицаниями проекту. На что уже беззащитны антисемиты, однако и они не отважились поднять голос в пользу проекта, хотя именно для них он был очень выгоден.

Неудача проекта была одной из главных причин паденья коалиционного министерства гр. Виндигшретца. После него некоторое время у кормила правления стояло «административное» министерство Кильмансега, уступившее место осенью прошлого года министерству гр. Бадени.

Занявъ постъ министра-президента, бывший наместникъ Галиции заявилъ, что онъ доведетъ до конца такъ неудачно начатое его предшественниками дѣло избирательной реформы. Однако и гр. Бадени держался тактики гр. Виндигшретца, стараясь затягивать дѣло реформы какъ можно дольше, а изъ это время приобретать всими средствами расположеніе оппозиціонныхъ партій. Это ему до нѣкоторой степени и удавалось. Прежде всего нужно было помириться съ младочехами, которыхъ прежнія министерства считали элементомъ, самымъ опаснымъ для правительства. Гр. Бадени оказался болѣе проищательнымъ. Онъ скоро понялъ, что свирѣпые «гусситы» изъ младочешскаго клуба готовы превратиться въ очень покладливыхъ оппортунистовъ, если только правительство измѣнитъ свое отношеніе къ чешскому вопросу. Мало по малу младочешская оппозиція ослабѣваетъ, и уже начинаютъ поговаривать, что непримиримые когда то младочехи готовы войти въ составъ правительственного большинства. Антисемиты тоже понемногу понижаютъ тонъ своихъ заявленій и начинаютъ подавать голосъ въ пользу нѣкоторыхъ правительственныхъ предложеній. Даже руководители социаль-демократической партии уже не съ такимъ рвеніемъ проповѣдуютъ крестовый походъ противъ гр. Бадени, какъ прежде. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ новаго проекта избирательной реформы, а графъ Бадени на всѣ обращенія къ нему по этому поводу, запросы отвѣчалъ, что проектъ уже совершенно готовъ, что онъ уже даже напечатанъ и «въ самомъ непродолжительномъ времени» будетъ розданъ депутатамъ.

Между тѣмъ самый проектъ держался въ такой тайнѣ, что даже «Arbeiter Zeitung», получающая черезъ наборщиковъ казенной типографіи очень важные и тайные правительственные документы, не могла дать своимъ читателямъ никакихъ свѣдѣній относительно проекта. Гр. Бадени хотѣлъ, подобно гр. Тааффе, преподнести рейхрату свою избирательную реформу сюрпризомъ, но это ему не удалось. Младочешскій депутатъ Эймъ, юркій корреспондентъ

пражскихъ «Народныхъ Листовъ», раздобылъ таки точныя свѣдѣнія о главныхъ основаніяхъ реформы гр. Бадени. Благодаря Эйму, публика узнала и каково число новыхъ избирателей, и какъ распределены депутатскія полномочія по отдѣльнымъ провинціямъ. Неизвѣстными остались только самыя незначительныя подробности.

Когда гр. Бадени предложилъ парламенту въ засѣданіи 15 февраля свой проектъ, то онъ уже не произвелъ никакого эффекта и былъ принятъ довольно равнодушно. То, что предложилъ гр. Бадени, въ сущности вовсе нельзя назвать «реформой», такъ какъ онъ нисколько не мѣняетъ прежняго избирательнаго права, оставляетъ куріи, двойныя выборы въ куріи мелкой собственности, тотъ же цензъ и т. д. Онъ только прибавляетъ къ четыремъ прежнимъ куріямъ новую, пятую курію «всеобщей подачи голосовъ». Гр. Бадени дѣйствительно вводитъ всеобщее голосованіе, такъ какъ въ пятой куріи получаетъ право голоса всякій 24-лѣтній австрійскій гражданинъ. Исключаются только женщины, преступники, нищіе и солдаты, состоящіе на дѣйствительной службѣ. Первоначально гр. Бадени лишалъ въ своемъ проектѣ избирательныхъ правъ и домашнюю прислугу, но въ комиссіи согласился выкинуть этотъ пунктъ, касающійся всего только 200,000 человѣкъ, такъ какъ это ограниченіе, сдѣланное въ угоду консерваторамъ, очень незначительно измѣняло общее положеніе дѣлъ при 5.330,000 всѣхъ избирателей.

Однако и «всеобщее избирательное право» гр. Бадени вовсе не является такимъ благодѣяніемъ, какъ кажется. Во-первыхъ прежнія куріи остаются, и поэтому большая часть избирателей куріи крупной и мелкой собственности, городовъ, торговыхъ палатъ получаетъ одинъ или два лишнихъ голоса. Помѣщикъ, крестьянинъ и мѣщанинъ будутъ избирать депутата сначала въ своихъ куріяхъ, а потомъ въ пятой; членъ же торговой палаты будетъ подавать голосъ три раза: сперва въ своей куріи, затѣмъ въ городской и наконецъ въ пятой. Такимъ образомъ гр. Бадени вводитъ систему плюральныхъ выборовъ, которые такую службу служатъ бельгійскимъ клерикаламъ.

Количество депутатскихъ полномочій новой куріи ничтожно по сравненію съ пропорціональнымъ отношеніемъ между числомъ избирателей и полномочій въ другихъ куріяхъ. Новая курія, въ которой заключается большинство избирателей, получаетъ сравнительно ничтожное количество депутатскихъ полномочій, всего 72, которыя распределяются между отдѣльными областями Австріи слѣдующимъ образомъ: Чехія получаетъ ихъ 18, Галиція—15, Нижняя Австрія—9, Моравія—7, Штирія—4, Верхняя Австрія и Тироль—по 3, Силезія, Далматія и Буковина—по 2, а всѣ остальные—по 1-му.

Въ шестидесяти округахъ подача голосовъ не прямая. Избиратели непосредственно подаютъ голосъ въ пользу кандидата только

въ 12 округахъ, исключительно городскихъ. Собственно говоря, проектъ гр. Бадени предлагалъ 11 городскихъ округовъ съ прямыми выборами (7 вѣнскихъ, 2 пражскіе, 1 триестскій, 1 грацскій, 1 брѣнскій и 1 львовскій), но въ комисіи по настоянію польскихъ депутатовъ къ нимъ былъ прибавленъ еще краковскій. Непрямые выборы въ остальныхъ городскихъ округахъ ведутъ къ той аномаліи, что мѣщанинъ, пользующійся непосредственнымъ избирательнымъ правомъ въ городской куріи, теряетъ это право въ пятой куріи и приравнивается къ избирателямъ сельской куріи.

Слѣдствіемъ ничтожнаго количества депутатскихъ полномочій пятой куріи является то, что избирательные округа этой куріи заключаютъ громадныя территоріи съ нѣсколькими сотнями тысячъ жителей. Такъ Крайна, составляющая одинъ избирательный округъ, насчитываетъ 498.000 жителей, въ томъ числѣ 100.000 избирателей. Среднимъ числомъ въ новой куріи одинъ депутатъ приходится на 75.000 жителей, а слѣдовательно одинъ дворянскій голосъ будетъ значить столько же, сколько 1190 голосовъ избирателей пятой куріи.

Проектъ гр. Бадени заявляетъ, что, если въ какой нибудь провинціи ландтагъ рѣшитъ ввести прямые выборы для депутатовъ сейма, то въ такомъ случаѣ и депутаты пятой куріи будутъ избираться непосредственно.

Нельзя не признать, что проектъ избирательной реформы, предложенный гр. Бадени, не смотря на всѣ его, подчасъ вопіющіе недостатки, является единственнымъ выходомъ. Никакая радикальная реформа избирательнаго права не могла бы разсчитывать на утвержденіе австрійскимъ парламентомъ въ его теперешнемъ составѣ. Что проектъ гр. Бадени является единственнымъ возможнымъ разрѣшеніемъ давно назрѣваемаго вопроса, съ этимъ соглашались даже социаль-демократы.

Такъ какъ выбранный въ 1891 г. парламентъ оканчиваетъ свое существованіе въ слѣдующемъ 1897 г., то весьма возможно, что правительство гр. Бадени сочтетъ целесообразнымъ распушеніе парламента тотчасъ же послѣ окончанія текущей сессіи и объявленіе новыхъ выборовъ осенью. Возможно однако и то, что гр. Бадени объявитъ осенью выборы только изъ новой, пятой куріи, такъ сказать, для пробы.

Каковы будутъ результаты выборовъ изъ пятой куріи, можно приблизительно опредѣлить уже въ настоящее время. Особенно усилятся антисемиты, младочехи и нѣмецкіе націоналы. Нѣсколько полномочій получить польская крестьянская и русинская радикальная партія въ Галиціи. Однако же партія, которая, собственно говоря, принудила правительство заняться дѣломъ избирательной реформы, на первыхъ порахъ большихъ побѣдъ не одержитъ. Социаль-демократы разсчитываютъ всего на какую нибудь дюжину полномочій. Прежде всего рабочимъ удастся завоевать всѣ 7 вѣнскихъ полномочій. Че-

хія пошлетъ въ парламентъ по всей вѣроятности 4 рабочихъ депутатовъ, Моравія—1, Силезія тоже 1. Въ остальныхъ провинціяхъ побѣда рабочаго кандидата весьма мало вѣроятна. Такъ напр. въ одной изъ самыхъ многочисленныхъ провинцій Австріи—въ Галиціи, въ ея обоихъ городскихъ округахъ—т. е. краковскомъ и львовскомъ—рабочій кандидатъ не имѣетъ почти никакихъ шансовъ на побѣду, такъ какъ эти округа состоятъ не только изъ городовъ, но и сельскихъ общинъ, принадлежащихъ къ львовскому и краковскому судебнымъ округамъ. Такимъ образомъ голоса представителей рабочей партіи утонуть въ морѣ крестьянскихъ голосовъ.

Господствуетъ мнѣніе, что по новому избирательному праву будутъ произведены выборы только одинъ разъ, такъ какъ новый парламентъ, въ составъ котораго войдутъ свѣжіе демократическіе элементы разныхъ оттѣнковъ, не преминетъ ввести поправки въ избирательный законъ четырехъ прежнихъ курій. Такъ напр. цензъ 5 гульд. прямыхъ налоговъ, обязывающій въ городской куріи, будетъ несомнѣнно пониженъ уже въ ближайшемъ будущемъ. Для этой поправки, которая будетъ имѣть очень важное значеніе и послѣдствія которой тотчасъ же отразятся на составѣ парламента, не нужно большинство $\frac{2}{3}$. Ее можетъ принять и утвердить простое большинство присутствующихъ депутатовъ.

Реформа избирательнаго права была однимъ изъ самыхъ главныхъ пунктовъ программы совѣщанія сѣзда австрійской рабочей партіи, происходившаго во время пасхальныхъ праздниковъ.

На послѣднемъ вѣискомъ сѣздѣ рѣшено было въ принципѣ созвать сѣдующій въ Прагу, чтобы показать, что между нѣмецкими и чешскими рабочими нѣтъ вражды, которую питаютъ чехи къ нѣмцамъ и наоборотъ. Однако оказалось, что пражскія власти очень мало были склонны допустить рабочихъ къ перенесенію сѣзда въ столицу Чехіи, и сѣздъ былъ созванъ въ Верхнюю Австрію, въ Линцъ. Только въ самое послѣднее время правленію чешской партіи удалось устранить препятствіе и сѣздъ могъ собраться въ Прагѣ, въ которой еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ господствовало осадное положеніе и никакія собранія рабочимъ не были дозволены.

На сѣздѣ явилось болѣе 150 делегатовъ, преимущественно нѣмецкихъ и чешскихъ, затѣмъ польскихъ изъ Галиціи и Силезіи, словенскихъ и итальянскихъ. Присутствовалъ также и делегатъ германской социалъ-демократической партіи—депутатъ Мольтенбургъ. Кромѣ того на сѣздѣ прибыло много журналистовъ, депутатовъ и т. д. въ качествѣ гостей. Участники сѣзда получили печатный отчетъ объ успѣхахъ партіи со времени послѣдняго вѣискаго конгресса, однако составленный довольно безтолково, такъ что изъ него трудно пріобрѣсти свѣдѣнія объ общемъ положеніи рабочаго движенія въ провинціяхъ Цислейтаніи. Сильнѣе всего разви-

вается движеніе въ Нижней Австріи и въ чешскихъ земляхъ, что объясняется высокимъ уровнемъ экономическаго развитія этихъ провинцій. Число рабочихъ организацій, какъ по мастерствамъ (*gewerkschaftliche Organisation*), такъ и политическихъ и образовательныхъ, значительно увеличилось. Партія состояла изъ 14 нѣмецкихъ, 13 чешскихъ, 3 польскихъ и 1 итальянской мѣстныхъ организацій, причемъ слѣдуетъ замѣтить, что какъ чешская, такъ и польская партіи занимаютъ вполнѣ автономное положеніе. Со времени послѣдняго конгресса число экземпляровъ рабочихъ органовъ возрасло до 229,000, т. е. увеличилось на 50,000. Съ 1 января 1894 г. въ Вѣнѣ сталъ выходить ежедневный органъ рабочей партіи «*Arbeiter Zeitung*». Органы австрійской рабочей партіи печатаются на пяти языкахъ: нѣмецкомъ, чешскомъ, польскомъ, итальянскомъ, словинскомъ и еврейскомъ жаргонѣ. Единственный органъ на этомъ послѣднемъ издаетъ польская партія въ Галиціи. Въ 1894 г. во всѣхъ органахъ было 55, въ настоящее время ихъ 65: 32 нѣмецкихъ, 24 чешскихъ, 5 польскихъ, 2 итальянскихъ, 1 словинскій и 1 еврейскій. Дѣятельность партій развивается почти исключительно въ средѣ промышленныхъ рабочихъ и мелкихъ ремесленниковъ, только въ Галиціи и Моравіи агитація проникаетъ и въ крестьянскую среду. За исключеніемъ одной Галиціи, почти во всѣхъ остальныхъ провинціяхъ Австріи рядомъ съ социаль-демократической партіей существуютъ еще и другія рабочія организаціи: такъ называемыхъ «независимыхъ», анархистовъ, антисемитовъ и клерикаловъ. Особенно тяжело приходится бороться партіи съ клерикалами, захватившими въ свои организаціи рабочихъ Верхней Австріи, въ Зальцбургѣ, въ Тиролѣ и т. д. Анархисты, независимые социалисты, прогрессивные социалисты и т. д. развиваютъ свою дѣятельность главнымъ образомъ въ Чехіи.

Въ общемъ пренія сѣзда, продолжавшагося цѣлую недѣлю, не представляли ничего особенно выдающагося. Вѣнское правленіе партіи встрѣтилось съ нападками многихъ делегатовъ по поводу избирательной реформы. Многіе, особенно чешскіе делегаты, жаловались на то, что и вѣнское правленіе, и «*Arbeiter Zeitung*» слишкомъ слабо протестовали противъ избирательной реформы гр. Бадени и недостаточно энергично агитировали противъ нея среди рабочихъ. Делегатка женскаго рабочаго органа «*Arbeterinnen Zeitung*» Поппль-Дворжакъ жаловалась на то пренебреженіе, съ которымъ относятся къ женщинамъ въ нѣмецкихъ рабочихъ организаціяхъ. Рѣшено обратитъ большее вниманіе на сельскихъ рабочихъ и мелкихъ крестьянъ. Любопытна резолюція, принятая подавляющимъ большинствомъ голосовъ, относящаяся къ реорганизаціи правленія партіи. Это послѣднее будетъ отнынѣ состоять изъ представителей исполнительныхъ комитетовъ нѣмецкой, чешской и польской партій, причемъ въ составъ правленія должны войти и представители словинскихъ и итальянскихъ рабо-

чехи. Пренія велись на пяти языкахъ, приче́мъ преобладали, разумеется, нѣмецкій и чешскій.

Съѣздъ закончился народнымъ гуляніемъ и комерсомъ на живописномъ Стржепецкомъ островѣ. Въ комерсъ приняло участіе до 2,000 человекъ. Произносились рѣчи и пѣлись пѣсни на всѣхъ языкахъ Австріи.

На пражскомъ съѣздѣ много говорилось о сельскихъ рабочихъ. Ихъ положенію въ Австріи посвящаетъ специальный рефератъ Др. Феркауфъ. Его работа заключаетъ много любопытныхъ данныхъ и поэтому мы остановимся здѣсь на ней дольше. Прежде всего Др. Феркауфъ пытается установить возможно точную статистику сельскихъ рабочихъ. По переписи 1890 г. въ Австріи считается 2.000,000 самостоятельныхъ сельскихъ хозяевъ, 5.500,000 несамостоятельныхъ лицъ, занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, и 824,000 сельско-хозяйственныхъ поденныхъ рабочихъ. Однако, такъ какъ въ первую группу зачислены также и семьи самостоятельныхъ хозяевъ, то эти цифры не даютъ понятія о дѣйствительномъ положеніи вопроса. По тщательному изслѣдованію Др. Феркауфа цифра сельскихъ рабочихъ несравненно выше. Онъ вообще отбрасываетъ тѣсное разграниченіе между собственниками и рабочими въ сельскомъ хозяйствѣ, такъ какъ существуютъ рабочіе, обладающіе недвижимою собственностью, и собственники, состоящіе въ то же время рабочими. Около милліона съ четвертью сельскихъ рабочихъ состоятъ владѣльцами домиковъ или избушекъ. Самостоятельныхъ сельскихъ хозяевъ, владѣющихъ клочками земли и уплачивающихъ до 1 гульд. поземельнаго налога— $\frac{3}{4}$ милліона. Совершенно лишенныхъ всякой недвижимою собственности—2.000,000. Въ общемъ всѣхъ сельскихъ рабочихъ около $4\frac{1}{2}$ милліоновъ. Др. Феркауфъ раздѣляетъ Австрію на три территоріи: альпійскія, судетскія и карнатскія провинціи. Въ первыхъ господствуетъ крупное и среднее крестьянское землевладѣніе, во вторыхъ крупная помѣщичья собственность, въ третьихъ мелкая крестьянская. Сельскіе рабочіе раздѣляются на нѣсколько категорій. Существуютъ рабочіе, которые получаютъ заработную плату почти исключительно натурой. Такихъ больше всего въ крупной земельной собственности. Затѣмъ идутъ законтрактованные рабочіе, т. е. такіе, которые за исполненіе извѣстной работы получаютъ жилище, поле и т. д. во временное пользованіе. Далѣе слѣдуютъ поденные рабочіе, которыхъ больше всего въ судетскихъ и карнатскихъ провинціяхъ. Въ Галиціи они составляютъ главную массу рабочихъ въ помѣстьяхъ. Наконецъ существуетъ все возрастающая категорія странствующихъ рабочихъ, появившаяся преимущественно благодаря развитію сахарныхъ заводовъ и увеличивающаяся количественно по мѣрѣ того, какъ помѣщичьи заводы сельско-хозяйственные машины. Эти рабочіе по большей части владѣютъ какимъ-нибудь маленькимъ клочкомъ земли, что не даетъ имъ слиться съ

городскимъ пролетаріатомъ. Они выходятъ на заработки въ провинціи, довольно отдаленныя отъ ихъ постоянного мѣстожителства. Въ Нижнюю Австрію приходятъ словаки, въ Штирію венгры и. т. д.

Что касается заработной платы сельскихъ рабочихъ, то въ каждой провинціи она различна. Въ Зальцбургѣ заработная плата вмѣстѣ съ содержаніемъ рабочаго колеблется отъ 80 до 120 гульд. Въ Моравіи сельскій рабочій съ лошадыю получаетъ отъ 150 до 300 гульд. безъ содержанія; простой работникъ отъ 180 до 210 гул.; работница отъ 120 до 210 гул. Въ Восточной Галиціи въ крупной собственности работникъ получаетъ отъ 18 до 60 гул., работница же получаетъ отъ 16 до 36 гул. (безъ содержанія) въ годъ. Въ мелкой собственности заработная плата работника колеблется между 12 и 65 гул., а работницы между 10 и 45 гул. Поденщики зарабатываютъ 40, 30 и 20 крейцеровъ. Есть цѣлые округа Чехіи, Моравіи, а особенно Галиціи, въ которыхъ поденная плата работника не превышаетъ 30 крейц. Въ Галиціи она падаетъ и до 15—12 крейц. Разумѣется, что и эту ничтожную плату сельскій поденный рабочій получаетъ только во время рабочаго сезона, такъ какъ незначительная часть поденщиковъ занята круглый годъ.

Рабочее время въ сельскомъ хозяйствѣ достигаетъ 18 часовъ, причемъ сельскій рабочій не имѣетъ закономъ установленнаго времени для отдыха. Въ сельскомъ хозяйствѣ работаютъ и дѣти, подчасъ даже очень долго. Женщины работаютъ до самой послѣдней степени беременности и сейчасъ послѣ разрѣшенія.

Жилища, въ которыхъ помѣщаются сельскіе рабочіе, въ высшей степени плохи. Хуже всего они въ Каринтіи, гдѣ очень часто сотня рабочихъ, безъ различія пола, помѣщается въ грязномъ сараѣ. Вслѣдствіе этого у каринтійскихъ сельскихъ рабочихъ семья почти исчезаетъ. Число незаконнорожденныхъ достигаетъ въ Каринтіи 43,2%, въ то время какъ во всей Австріи ихъ 14%.

Въ юридическомъ отношеніи положеніе сельскихъ рабочихъ почти совершенно безправно. На нихъ распространяется «Уставъ о прислугѣ», но такъ какъ сельскіе рабочіе представляютъ самую темную массу населенія, а никакого контроля, слѣдящаго за исполненіемъ постановленій «Устава», не существуетъ, то въ этомъ отношеніи участь сельскихъ рабочихъ весьма плачевна.

Государство до сихъ поръ мало вниманія обращало на положеніе сельскихъ рабочихъ, а они сами по своей некультурности и неразвитости не умѣли вступить за себя и требовать правъ, хотя бы такихъ, какими пользуются фабричные рабочіе.

Намъ уже неоднократно приходилось упоминать о вѣнскомъ еженедѣльномъ журналѣ «Die Zeit». Этотъ органъ, вокругъ котораго группируются представители младолиберальной нѣмецкой партіи, охотно принимающей также названіе «Молодой

Австріи», отличается отъ прочихъ нѣмецкихъ изданій Австріи, проникнутыхъ повинизмомъ, справедливымъ отношеніемъ ко всѣмъ нѣмецкимъ народностямъ монархіи Габсбурговъ. Желая содѣйствовать выясненію національныхъ вопросовъ, которые играютъ такую важную роль во внутренней жизни Австріи, редакція «Zeit» обыкновенно обращается къ какому нибудь выдающемуся публицисту или общественному дѣятелю каждой изъ народностей, входящихъ въ составъ Австріи, и проситъ его изложить свой взглядъ на извѣстный спорный вопросъ.

Недавно «Die Zeit» попросила написать статью о чешскомъ государственномъ правѣ одного изъ самыхъ видныхъ представителей младочешской партіи, депутата dr. Крамаржа. Къ этому побудилъ ее интересъ, съ которымъ все австрійское общество слѣдитъ за тѣмъ, что происходитъ въ Чехіи. Со времени появленія на посту министра-президента и министра внутреннихъ дѣлъ бывшаго намѣстника Галиціи гр. Бадени, отношеніе правительства къ чехамъ сильно измѣнилось. Ненавистный чехамъ намѣстникъ Богеміи гр. Туэнъ былъ смѣщенъ; введенное имъ осадное положеніе отмѣнено; приговоренные по дѣлу «Омладины» къ тюремному заключенію прогрессисты помилованы; рѣчи, произносимыя въ вѣнскомъ парламентѣ на чешскомъ языкѣ, не подлежатъ конфискованію, хотя онѣ и не внесены въ протоколъ засѣданія и т. д. Съ другой стороны, радикально измѣнилось и отношеніе младочешскаго клуба къ правительству. Онъ, положимъ, не пересталъ держаться оппозиціонной политики, но теперешняя его оппозиція далеко не та, что прежняя. Младочехи рѣшаются подать голосъ въ пользу избирательной реформы гр. Бадени, не смотря на то, что ихъ программа гласитъ: «требуемъ всеобщаго, непосредственнаго и тайнаго избирательнаго права». Существуетъ предположеніе, что между гр. Бадени и младочехами заключенъ тайный договоръ. Переговоры велъ, какъ думаютъ, депутат Эймъ, вѣнскій корреспондентъ пражскихъ «Народныхъ Листовъ», вмѣстѣ съ тѣмъ главный руководитель младочешской политики. «Народные Листы» съ нѣкотораго времени круто измѣнили свою тактику по отношенію къ гр. Бадени, а нѣкоторые младочешскіе депутаты на различныхъ собраніяхъ избирателей дѣлали намеки на то, что въ скоромъ времени наступитъ разрѣшеніе чешскаго вопроса въ Австріи и т. д. Всѣ догадываются, что гр. Бадени общалъ что то Эйму и младочехамъ, но что имъ обѣщано, никто не знаетъ.

Это въ высшей степени интригуетъ нѣмцевъ, которые прекрасно понимаютъ, что разрѣшеніе чешскаго вопроса отзовется на ихъ интересахъ. Вслѣдствіе этого въ последнее время въ нѣмецкой печати очень часто посвящается вниманіе условіямъ, при которыхъ можно было бы уладить чешско-нѣмецкую распрю безъ ущерба для нѣмецкихъ національныхъ интересовъ.

Чехи во всѣхъ своихъ требованіяхъ постоянно ссылаются на

чешское государственное право и стремятся прежде всего къ восстановленію этого права, однако вопросъ о самомъ этомъ правѣ далеко еще не выясненъ. Поэтому редакция «Zeit» дала мѣсто на столбцахъ своего журнала голосу одного изъ самыхъ лучшихъ знатоковъ чешскаго государственнаго права, полагая, что нѣмецкіе противники чешскихъ національныхъ требованій не замедлятъ отвѣтить на статью dr. Крамаржа и такимъ образомъ спорный вопросъ вызоветъ полемику, которая можетъ послужить субстратомъ для разрѣшенія чешско-нѣмецкаго вопроса Австріи.

По мнѣнію dr. Крамаржа, чешское государственное право обозначаетъ: 1) Нераздѣльное соединеніе Богеміи, Моравіи и Силезіи 2) Суверенитетъ совокупности этихъ трехъ провинцій по отношенію къ остальнымъ землямъ, находящимся подъ властью того же короля и по отношенію къ другимъ государствамъ. 3) Гражданское, конституціонное право земель чешской короны, т. е. компетенція земскихъ сеймовъ во всѣхъ внутреннихъ дѣлахъ этихъ трехъ провинцій, а права короны только въ законодательствѣ, касающемся сословіи.

Обыкновенно этотъ третій пунктъ подвергается не только нападкамъ, но и насмѣшкамъ со стороны нѣмцевъ, которые говорятъ, что чехи жаждутъ восстановленія средневѣковаго устройства въ своемъ будущемъ государствѣ, такъ какъ въ третьемъ пунктѣ говорится о «сословіяхъ» въ томъ видѣ, въ какомъ они въ настоящее время уже не существуютъ. Dr. Крамаржъ въ своей статьѣ старается опровергнуть эти возраженія, доказывая, что только въ двухъ первыхъ пунктахъ заключается сущность чешскаго государственнаго права. Что же касается третьяго пункта, то онъ обнимаетъ такіе вопросы, которые не представляютъ ничего, не подвергающагося измѣненіямъ. Какъ и всѣ остальные западно-европейскіе государственные организмы, чешское королевство развивалось по одному и тому же шаблону, и поэтому отношеніе короны къ сословіямъ, а также характеръ земскихъ сеймовъ должны были измѣниться втеченіе вѣковъ, еслибъ не было ни бѣлогорскаго пораженія, ни мѣропріятій Маріи Терезіи.

Въ отвѣтъ на работу dr. Крамаржа, вышедшую также и отдѣльной книжкой, въ «Zeit» появилась статья профессора юридическаго факультета пражскаго (нѣмецкаго) университета dr. Эмиля Пферше. Этотъ послѣдній не признаетъ историческаго чешскаго права, но на разрѣшеніе чешскаго вопроса смотритъ совершенно иначе, чѣмъ другіе нѣмецкіе публицисты, писавшіе о чешскомъ правѣ. Dr. Пферше считаетъ суверенитетъ и независимость земель чешскаго королевства чисто теоретическимъ принципомъ, не имѣющимъ никакого практическаго значенія, но онъ смотритъ на восстановление чешскаго государственнаго права, какъ на исполнѣніе современную федералистическую программу. Поскольку она не симпатична нѣмцамъ въ качествѣ исторической программы, по-

стольку ея современное значеніе, требующее извѣстной самостоятельности «судетскихъ земель», нисколько не противорѣчитъ нѣмецкимъ интересамъ; и поэтому нѣмцы готовы поддерживать федералистическія требованія чеховъ, договорившись съ ними заранее. Все дѣло въ томъ, чтобы чехи согласились въ своемъ будущемъ государствѣ признать права нѣмцевъ. Dr. Пфферше выражаетъ опасеніе, что правительство готово пойти на уступки, и быть можетъ, чехи ужъ въ очень непродолжительномъ времени добьются исполненія многихъ своихъ требованій. Поэтому слѣдуетъ заранее обезпечить нѣмецкіе интересы въ Чехіи. Dr. Пфферше утверждаетъ, что централизмъ въ Австріи отжилъ, что наступаетъ періодъ федерализма и что «судетскія земли» вполне могутъ образовать одинъ изъ такихъ штатовъ будущей федералистической Австріи. Однако онъ опасается одного—именно того, чтобы чехи, получивъ широкую автономію, не захотѣли пойти еще дальше и не отдѣлились совершенно отъ Австріи.

Мы видимъ, что Пфферше, будучи противникомъ восстановленія государственнаго права земель чешской короны, соглашается на автономію «судетскихъ провинцій», что въ сущности *de facto* одно и то же. Какая перемена въ настроеніи лучшихъ представителей нѣмецкаго общества! Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ чловѣка, выступающаго противъ централизма и высказывающагося въ пользу федеративнаго переустройства Австріи, буквально заклевали бы нѣмецкая пресса. Въ настоящее время такіе вопросы трактуются спокойно даже на столбцахъ самыхъ шовинистическихъ органовъ.

Такъ «*Neue freie Presse*» помѣстила статью dr. Юлія Липперта, извѣстнаго социолога, который занимаетъ высокій постъ замѣстителя маршала чешскаго сейма. Dr. Липпертъ тоже не признаетъ чешскаго государственнаго права, но считаетъ весь вопросъ объ этомъ правѣ вещь совершенно не важной. Онъ доказываетъ, что нѣмцамъ совершенно незачѣмъ защищать централизмъ; гораздо лучше будетъ, если нѣмцы выйдутъ съ чехами выскажутся въ пользу автономіи «судетскихъ провинцій». Dr. Липпертъ ставитъ непремѣннымъ условіемъ признаніе чехами нѣмецкой территоріи въ Чехіи, Моравіи и Силезіи, но не высказывается ясно, каковы границы этой территоріи. «*Neue freie Presse*», помѣщая статью dr. Липперта, заявила, что уже есть тысячи нѣмцевъ въ Чехіи, которые раздѣляютъ эти взгляды.

Пользуясь тѣмъ, что вышеперечисленные статьи о чешскомъ государственномъ правѣ обратили на себя вниманіе всей прессы, какъ чешскаго, такъ и нѣмецкаго лагеря, пражскій мѣсячникъ «*Roshledy*», органъ прогрессивной партіи, обратился къ нѣсколькимъ десяткамъ выдающихся государственныхъ дѣятелей, политиковъ и публицистовъ съ просьбой высказаться о чешско-нѣмецкомъ соглашеніи.

Особенно интересны, разумѣется, взгляды нѣмцевъ на этотъ вопросъ. Любопытно, что ни одинъ изъ присланныхъ въ редакцію

«Roshledy» свое мнѣніе нѣмцевъ не имѣть принципиально ничего противъ соглашенія нѣмцевъ съ чехами. Мало того, всѣ они признаютъ его необходимость и считаютъ это соглашеніе главной цѣлью и единственнымъ спасеніемъ Австріи. Вмѣстѣ съ этимъ они сходятся во мнѣніи, что соглашенія, которое бы удовлетворило обѣ стороны и не противорѣчало принципамъ справедливости, нельзя ожидать отъ существующихъ въ настоящее время нѣмецкихъ и чешскихъ партій.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ мнѣніе Dr. Геркнера, известнаго профессора политической экономіи въ Карлсруэ.

Говоря о статьѣ dr. Крамаржа, проф. Геркнеръ замѣчаетъ, что доводы чешскаго публициста нисколько не измѣняютъ факта, что юридически чешское государственное право покоится на очень шаткомъ основаніи. Однако, каково бы тамъ ни было чешское государственное право въ прошломъ, въ настоящее время борьба за его восстановленіе является стремленіемъ къ лучшей государственной организаціи, нежели царствующій теперь, совершенно неестественный централизмъ. По мнѣнію Геркнера тѣ нѣмцы, которые отвергаютъ всѣ федералистическія требованія своихъ чешскихъ согражданъ, поступаютъ не благоразумно, такъ какъ только внутренняя автономія въ автономномъ чешскомъ государствѣ можетъ обезпечить нормальное развитіе нѣмецкаго элемента. Однако проф. Геркнеръ требуетъ, чтобы современные идеи децентрализаціи и самоуправленія проникли не только въ отношенія чешскихъ земель къ коронѣ и остальнымъ провинціямъ, а и во внутреннія отношенія чешскаго королевства. Проф. Геркнеръ указываетъ практическое разрѣшеніе чешско нѣмецкой распри, предлагая раздѣленіе Чехіи на нѣсколько округовъ, изъ которыхъ нѣкоторые имѣютъ чисто чешскій характеръ, другіе чисто нѣмецкій, а два смѣшанный.

Редакторъ вѣнской «Volkspreste» dr. Кадишъ, одинъ изъ представителей группы «Молодой Австріи», утверждаетъ, что къ чешско-нѣмецкому соглашенію приведутъ сами собой: ревизія конституціи къ духу всеобщей подачи голосовъ, федерализмъ, охрана интересовъ меньшинства при помощи спеціальнаго представительства меньшинства (Minoritätsvertretung), и курій для двуязычныхъ округовъ. Денаціонализація цѣлыхъ народностей въ концѣ XIX ст. невозможна.

Вѣнскій профессоръ Редлихъ убѣжденъ, что только демократическія въ современномъ смыслѣ партіи будутъ въ состояніи разрѣшить чешско-нѣмецкій вопросъ. Однако въ политическихъ программахъ обѣихъ враждебныхъ въ настоящее время лагерей должны совершиться важныя перемѣны. Нѣмцы должны отрѣшиться окончательно отъ своего централистическаго ослѣпленія; они должны понять, что автономія является ближайшимъ великимъ шагомъ впередъ, который Австрія должна сдѣлать. Что касается вопроса о языкѣ, то политическія партіи разрѣшать его только тогда, когда станутъ руководиться принципами справедливости.

Такія мѣнія, высказываемыя въ чешской и нѣмецкой прессѣ, мало по малу проникаютъ въ массы, для которыхъ вопросъ объ автономіи Чехіи является не только національнымъ, но и экономическимъ вопросомъ. Чехія въ качествѣ богатой, «активной» страны платитъ центральнымъ органамъ гораздо болѣе, нежели остальные провинціи, и нерѣдко чешскимъ капиталамъ приходится покрывать издержки «пассивныхъ» провинцій. Въ случаѣ выдѣленія земель чешской короны въ самостоятельную, автономную единицу, чехамъ и чешскимъ нѣмцамъ не придется уже тратить громадныя суммы въ пользу Вѣны и другихъ провинцій.

На нѣсколькихъ собраніяхъ нѣмецкихъ избирателей въ Чехіи раздавались голоса въ пользу примиренія съ чехами, чего никогда прежде не бывало. И съ чешской стороны уже цѣлыя политическія группы защищаютъ идею соглашенія, когда еще въ 1891 г. д-ръ Грегръ созвалъ судъ довѣренныхъ лицъ младочешской партіи, который предалъ порицанію дѣйствію одного изъ членовъ младочешскаго клуба, желавшаго содѣйствовать такому примиренію. Сильно мѣняются времена и настроенія! Чешскіе патріоты еще недавно считали чуть ли не измѣнникомъ проф. Масарика, который доказывалъ, что между чехами и нѣмцами вполне возможно установить *modus vivendi* при условіи всесторонняго развитія мѣстнаго самоуправления.

До сихъ поръ женское движеніе въ Австріи имѣло характеръ чисто культурный. Женщины различныхъ провинцій Австріи и Венгріи стремились прежде всего къ тому, чтобы пріобрѣсть возможность получать такое же среднее и высшее образованіе, къ какому допущены мужчины. Въ настоящее время женское движеніе мало по малу переходитъ и на политическую почву. Въ Вѣнѣ былъ созванъ женскій митингъ, на которомъ была принята резолюція, домогающаяся избирательнаго права и для женщинъ. До сихъ поръ этимъ правомъ женщины въ Австріи пользовались только въ куріи крупной земельной собственности и въ куріи промышленныхъ и торговыхъ палатъ, при чемъ онѣ могли подавать голосъ не лично, а чрезъ уполномоченныхъ мужчинъ. Избирательнаго права для всѣхъ гражданъ государства безъ различія пола до сихъ поръ требовали только двѣ партіи: социалдемократическая и русинская радикальная въ Галиціи. На женскомъ митингѣ была избрана депутація, которая отправилась въ сопровожденіи депутата Чернерсторфера къ министру-президенту гр. Вадени и предложила ему резолюцію. Гр. Вадени принялъ депутацію съ большой предупредительностью и обѣщалъ содѣйствовать стремленіямъ женщинъ въ этомъ направленіи. Само собою разумѣется, что эти обѣщанія ни къ чему еще не обязываютъ галантнаго графа, и нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что раньше введенія въ Австріи всеобщаго

избирательнаго права для мужчинъ, женщинамъ нечего думать объ исполненіи ихъ требованій.

Гораздо болѣе важнымъ и реальнымъ фактомъ нужно считать собраніе комиссіи по изслѣдованію женскаго труда, засѣдавшей въ Вѣнѣ почти каждый вечеръ въ теченіе цѣлаго мѣсяца. Составъ комиссіи былъ очень разнообразенъ, что только сослужило пользу дѣлу, такъ какъ именно это разнообразіе состава комиссіи является гарантіей полнаго безпристрастія. Тутъ были и либералы, и анти-семиты, и социалдемократы, и младочехи, и представители аристократіи, и независимые публицисты, и профессора университета, и священники, и депутаты, и чиновники министерства и т. д. Работы комиссіи привлекали всеобщее вниманіе широкой публики и правительства, а на засѣданіяхъ комиссіи ежедневно присутствовали промышленный инспекторъ Кулька и шефъ центральнаго статистическаго бюро, извѣстный экономистъ Инама-Штернеггъ. Больше всего работали въ комиссіи проф. Филипповичъ, депутатъ Пернер-сторферъ и д-ръ Лео Феркауфъ.

Комиссія была создана съ цѣлью подробнаго изслѣдованія отношеній, господствующихъ въ различныхъ областяхъ женскаго труда. Въ комиссію являлись эксперты и со стороны работницъ и со стороны работодателей. Всѣ они должны были отвѣчать на цѣлый рядъ вопросовъ, относящихся къ различнымъ отраслямъ промышленности, въ которыхъ работаютъ женщины. Комиссія собрала громадное количество матеріаловъ, которые будутъ обнародованы въ специальномъ изданіи. Главнымъ поводомъ къ созванію комиссіи была предстоящая реформа фабричнаго законодательства въ Австріи, и члены комиссіи позаботились о томъ, чтобы новое фабричное и промышленное законодательство приняло во вниманіе результаты работъ комиссіи.

Результаты эти очень любопытны. Они заставляютъ призадуматься надъ положеніемъ женщинъ работницъ даже тѣхъ, кого социальныя вопросы мало интересуютъ. Работницы, являвшіяся въ комиссію, обнаружили такія ужасныя условія женскаго труда, о которыхъ мало кто и подозрѣвалъ. Сочувствіе, съ которымъ относились члены комиссіи къ работницамъ, совершенное отсутствіе той бюрократической обстановки, которая запугиваетъ простаго человека—все это внушало работницамъ полное довѣріе и позволяло откровенно рассказывать о своей горькой долѣ.

Фабричное законодательство Австріи запрещаетъ работу дѣтей въ школьномъ возрастѣ, запрещаетъ работать по воскресеньямъ регулируетъ рабочее время, заставляетъ принимать серьезныя мѣры противъ несчастныхъ случаевъ и т. д., но всѣ эти постановленія существуютъ въ большинствѣ случаевъ только на бумагѣ. Если положеніе рабочихъ мужчинъ на фабрикахъ, заводахъ и мануфактурахъ очень плохо, то положеніе работницъ еще хуже. Работница по большей части зарабатываетъ отъ 2 до 4 гульд. въ недѣлю.

Только 11% общего числа работницъ получаетъ еженедѣльно 8 и болѣе гульденовъ, зато заработокъ 7% работницъ не достигаетъ и 2 гульд. Женская заработная плата не только не увеличивается, но обнаруживаетъ постепенную тенденцію къ пониженію.

Условія, при которыхъ должны работать женщины, по истинѣ ужасны. Онѣ работаютъ по 12—14 часовъ въ сутки въ душной атмосферѣ, наполненной вредными испареніями и убійственной пылью. Грязныя мастерскія въ большинствѣ случаевъ подвергаются чисткѣ одинъ разъ въ годъ. Очень часто на всю мастерскую полагается всего одна кадка воды, въ которой работницы должны умыться, утираясь единственнымъ полотенцемъ, смѣняемымъ разъ въ недѣлю. Фабричные инспекторы исполняютъ свои обязанности совершенно спустя рукава. При одной и той-же машинѣ происходитъ болѣе десятка несчастныхъ случаевъ, пока объ этомъ узнаютъ власти. За всякую мелочь съ работницъ сдираютъ безчеловѣчные штрафы. Такъ, напримеръ, работница, получающая 2 гульд. въ недѣлю, платитъ 50 кр., если хоть на пять минутъ опоздаетъ къ работѣ или перекинется нѣсколькими словами со своей товаркой во время работы. На фабрикахъ картонажей работница, опоздавшая на четверть часа, уже не принимается въ этотъ день на работу. Десятилѣтнія дѣвочки работаютъ по десяти часовъ въ день, получая за это 1½ гульд. въ недѣлю. Работаютъ и по воскресеньямъ и до 12 часовъ ночи. За то по окончаніи «сезона» очень многія работницы остаются безъ всякой работы. Особенно плохо положеніе начинающихъ работницъ, которыя принуждены соглашаться работать или совершенно даромъ или за какихъ нибудь 70—80 кр. въ недѣлю. «Ученицы»—тѣ по крайней мѣрѣ получаютъ харчи и помѣщеніе. Харчи же эти бываютъ нерѣдко причиной заболѣванія работницъ. На одномъ изъ засѣданій комиссіи былъ обнаруженъ фактъ голодной смерти, констатированный врачомъ, по винѣ работодателя, который по настоянію членовъ комиссіи былъ привлеченъ къ судебной отвѣтственности.

Работницы питаются по большей части хлѣбомъ, кофеемъ, который онѣ приносятъ на фабрику въ бутылкахъ и пьютъ холоднымъ. Зарабатывающія немного больше покупаютъ себѣ иногда къ обѣду пару сосисокъ или кусокъ конины, причемъ нерѣдко желудокъ, непривыкшій къ мясной пищѣ, не можетъ ее переваривать. Работница не въ состояніи нанять себѣ комнату. Она довольствуется тѣмъ, что нанимаетъ «кровать». Въ душной, тѣсной, грязной мансардѣ стоитъ на пространствѣ 6—9 квадратныхъ метровъ нѣсколько кроватей; за каждую изъ нихъ приходится платитъ по 2 гульд. въ недѣлю.

Директора фабрикъ и надсмотрщики обращаются съ работницами самымъ грубымъ образомъ. Работницы перечисляли довольно значительное количество промышленныхъ заведеній, въ которыхъ имъ приходится поневолѣ становиться проститутками, чтобы не

потерять своего ничтожного заработка. Въ нѣкоторыхъ фабрикахъ надсмотрщики запрещаютъ покупать пиво въ сосѣднихъ портерныхъ и продаютъ сами водку. Беременные женщины принуждены работать до послѣдняго дня, что отражается самымъ плачевнымъ образомъ на потомствѣ, такъ какъ дѣтя работницы только въ рѣдкомъ случаѣ является на свѣтъ здоровымъ и развивается нормально. .

Предсѣдатель комиссіи проф. Филипповичъ въ специальной работѣ «Die Frauenearbeit» доказываетъ на основаніи богатаго статистическаго матерьяла, что въ послѣднее время у женщинъ замѣтно возрастаетъ стремленіе къ приобрѣтенію независимаго положенія. Изъ 12 милліоновъ женщинъ Австріи (по статистикѣ 1890 г.) болѣе половины 6.200.000 списывало пропитаніе работой внѣ семьи. Если же изъ 12 милліоновъ исключить дѣтей и молодыхъ дѣвушекъ, не занимающихся еще никакой работой, то получится около $\frac{2}{3}$ общаго числа на долю женщинъ-работницъ. Женскій рабочій трудъ находитъ прежде всего примѣненіе въ сельскомъ хозяйствѣ, гдѣ работницъ-женщинъ даже больше нежели мужчинъ (4.300.000 женщинъ, 4.200.000 мужчинъ). Въ торговлѣ и промышленности это отношеніе выражается цифрами 2.700.000 мужчинъ и 1.200.000 женщинъ. Любопытна статистика браковъ, которая показываетъ, что изъ 1000 женщинъ, занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, выходитъ замужъ среднимъ числомъ 501, тогда какъ изъ того-же числа женщинъ, занятыхъ въ торговлѣ, только 255, а въ промышленности еще меньше — 236. Чѣмъ больше городъ, тѣмъ меньше процентъ промышленныхъ работницъ выходитъ замужъ. Такъ, напр., въ Вѣнѣ число выходящихъ замужъ едва достигаетъ 160.

Л. Василевскій.

Изъ Франціи.

«Наконецъ-то слетѣлъ», весело крикнулъ мнѣ изъ-за своей конторки старый консержъ многомилліоннаго торговаго дома, гдѣ мнѣ приходится вотъ уже сколько лѣтъ бывать каждый день по дѣламъ. Консержъ этотъ—бывшій бонапартистъ, десятка два лѣтъ вздыхавшій по «цезарѣ» и только въ послѣднее время «присоединившійся» къ республикѣ подъ условіемъ, чтобы она была не республикой, а монархіей. Несмотря на такіе курьезные взгляды старика, мы съ нимъ большіе пріятели и не прочь поговорить о политикѣ,—онъ, чтобы излить свое негодованіе на недостаточный консерватизмъ теперешней Франціи, я, чтобы имѣть понятіе о томъ, что думается

и говорится между крупной и мелкой буржуазіей этого богатаго квартала. Читатель, бывавшій въ Парижѣ, конечно, видалъ не одинъ разъ въ дѣйствиі подметальную машину, родъ громадной круглой щетки, которую везетъ по улицѣ дряхлая кляча, понукаемая съ козелъ такимъ же дряхлымъ возницей. Это—знаменитая муниципальная метла, которая освобождаетъ мостовую отъ нечистотъ. Подъ напоромъ ея жесткой щетины летать въ сторону и апельсинныя корки, и старый номеръ газеты, и продавленный и порыжѣлый цилиндръ, а просто навозъ, образуя вмѣстѣ цѣлый валъ грязи, которую подметаетъ въ свою очередь ѣдущая за первой метлой вторая метла и т. д.

Вотъ такую подметальную машину мнѣ и напоминаетъ мой старый консьержъ. Онъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ на одномъ мѣстѣ у одной изъ самыхъ крупныхъ буржуазныхъ династій Парижа. Хозяйка его относится къ нему въ высшей степени довѣрчиво и за панибрата: «это—нашъ префектъ полиціи», любятъ пошутить они, намекая на его зоркій глазъ и желаніе блюсти хозяйскіе интересы во всемъ громадномъ домѣ. Кромѣ того, онъ знакомъ со всѣмъ своимъ кварталомъ, многіе, даже и очень богатые представители котораго не брезгаютъ толковать о своихъ дѣлахъ съ вѣрнымъ слугой крупныхъ миллионеровъ. Наконецъ, вокругъ него ютится цѣлый міръ прикащиковъ, мелкихъ торговцевъ, другихъ консьержей, продавцовъ газетъ, извозчиковъ, полотеровъ, которые съ почтеніемъ вращаются въ орбитѣ такого важнаго лица и поставляютъ его въ извѣстность обо всемъ, что происходитъ въ ихъ средѣ. Такимъ образомъ, всѣ чувства и мысли, всѣ желанія и опасенія, всѣ радости и горести квартала, всѣ, такъ сказать, психическіе отбросы жизни великихъ и малыхъ людей этой части города, все это собирается и сметается въ одну кучу «префектомъ полиціи». И чего-чего вы не найдете въ этой кучѣ! Тутъ и нечаянно вырвавшееся восклицаніе одного изъ хозяевъ-миллионеровъ, выдающее его опасеніе передъ рстущей «соціальной опасностью». Тутъ и длинныя разсужденія артельщика банка насчетъ того, какъ и по какому поводу производился у нихъ обыскъ во время панамской чистки. Тутъ и подолупшанный нечаянно въ кабинетъ главнаго патрона разговоръ между членомъ института и вліятельнымъ депутатомъ относительно будущей политики «мудрыхъ и умѣренныхъ республиканцевъ». Тутъ діалогъ между однимъ энтузіастомъ-писателемъ по колоніальнымъ вопросамъ, желающимъ распространенія французской расы по всему свѣту, и нѣкимъ пройдохой, католическимъ патеромъ изъ Канады, который накрылъ упомянутаго писателя и немало друзей его «великой идеей французской колонизаціи», продавши имъ граниты и болота въ одной изъ самыхъ бесплодныхъ частей Манитобы. Тутъ наконецъ, и стоишь гольцѣмъ квартала,—прислуги, прикащиковъ, городскихъ ламповщиковъ, которая жалуется на свою каторжную

жизнь, продолжающую быть каторжной, несмотря на всевозможныя старанія господъ депутатовъ и сенаторовъ, и т. д., и т. д.

«Слетѣлъ, я говорю, молодецъ то нашъ», снова обращается ко мнѣ словоохотливый пріятель и подмигиваетъ глазомъ.

— Кто слетѣлъ-то? спрашиваю я, нарочно прикидываясь, будто и не знаю, о комъ идетъ рѣчь.

«Развѣ не знаете?—Господинъ Буржуа, глава радикальнаго министерства».

— Ну, вотъ еще, слетѣлъ! Самъ ушелъ, надоѣло ему возиться съ реакціонной кликой, наплевать и ушелъ.

«Да, вы думаете? Не беспокойтесь, этотъ не изъ тѣхъ, которые сами уходятъ: мало онъ что-ли отъ сената пощечинъ получилъ, и на этотъ разъ стерпѣлъ бы, только бы ему портфель министерскій сохранить. Но тутъ его взяли да прогнали, какъ проворовавшагося лакея»...

«Да, подойдите-ка поближе,—зашепталъ вдругъ съ таинственнымъ видомъ консьержъ:—хочу ужъ вамъ по пріятельству рассказать подъ секретомъ вещь одну,—вчера сообщалъ молодому патрону дядя бывшаго министра N., того самаго, который снова приглашенъ въ новый кабинетъ. Говорятъ, Буржуа, наканунѣ голосованія сенатомъ кредитовъ для Мадагаскара, зная, что его ждетъ, явился къ президенту республики и давай жаловаться на сенатъ: говорилъ, что такъ дальше дѣло не можетъ идти, что надо приниматься за пересмотръ конституціи, а то сенатъ всѣ реформы будетъ коверкать или въ долгій ящикъ откладывать. Тогда президентъ не выдержалъ и прямо сказалъ, что если Буржуа будетъ думать о пересмотрѣ конституціи, то онъ, президентъ, сейчасъ же сложитъ съ себя должность, потому что не желаетъ гибели Франціи. Дѣлать нечего: пришлось Буржуа убраться не солоно хлебавши во свояси (revenir bredouille) и ждать, пока сенатъ его снова не щелкнетъ хорошенько. А президентъ тѣмъ временемъ послалъ сказать сенатору Демолу: можете, молъ, снова голосовать недовѣріе къ кабинету; я наотрѣзъ отказался отъ всякой солидарности съ радикальной политикой... Вотъ сенатъ и голосовалъ недовѣріе, и господину Буржуа пришлось наконецъ подать въ отставку»...

Я распрощался съ многорѣчивымъ политикомъ и сталъ взбираться по лѣстницѣ многоэтажнаго дома, направляясь въ одно изъ многочисленныхъ отдѣленій его. А у самого въ головѣ одна за другой пробѣгали мысли, отчасти вызванныя курьезными разглашествованіями старика: «что скрывается истиннаго за этими нескладными рѣчами, отражающими въ каррикатурной формѣ настроеніе настоящихъ королей третьей республики? И если трудно предположить, чтобы Феликсъ Форъ въ дѣйствительности обращался къ такимъ неконституціоннымъ приемамъ борьбы съ радикальнымъ министерствомъ, то нельзя-ли все-таки видѣть въ этихъ наивныхъ разсужденіяхъ отголоска затаенныхъ плановъ и желаній

перепуганной буржуазіи насчетъ того, какъ надо бороться съ беспокоящей эту буржуазію политикой? Конечно, много-ли понимаетъ консервъ въ тонкостяхъ конституцій! Но если подобныя разговоры ведутся его хозяевами, чистый доходъ которыхъ равняется ежегодно нѣсколькимъ милліонамъ, и снующими вокругъ нихъ прошлыми и будущими министрами, то вѣдь это свидѣтельствовало бы, съ какимъ пресрвнїемъ относятся въ сущности подобныя лица къ «конституціи» и «законности», не сходящихъ у нихъ съ языка»...

Но теченіе моихъ мыслей прерывается у дверей одного изъ отдѣленій дома, и черезъ нѣсколько секундъ у меня начинается оживленный разговоръ со столпомъ этого отдѣленія, пожилымъ, но красивымъ, изящнымъ французомъ, съ которымъ вотъ уже немало лѣтъ судьба поставила меня въ довольно близкія отношенія. Знакомый мой обладаетъ крупнымъ состояніемъ; у него есть прекрасный замокъ и виноградники въ одномъ изъ центральныхъ департаментовъ Франціи; есть многоэтажный домъ на очень людной и модной улицѣ въ Парижѣ. Но это не мѣшаетъ ему, подобно многимъ интеллигентнымъ французамъ, имѣть хорошо оплачиваемое мѣсто въ могущественной фирмѣ и воображать себя исключительно «умственнымъ работникомъ», чуть не такимъ же «пролетаріемъ», какъ и всѣ тѣ, у кого нѣтъ ни замковъ, ни виноградниковъ, ни домовъ. «Патроны», «заработная плата», «день Святой Получки» (jour de Sainte-Paye), эти и тому подобныя выраженія, которыя онъ заимствуетъ изъ жаргона рабочихъ, не сходятъ у него съ языка: онъ, очевидно, щеголяетъ ими. Но отъ времени до времени передъ глазами «умственного пролетарія» проходятъ, вѣроятно, картины его замка и виноградниковъ въ веселой Турени, его многоэтажнаго дома съ тысячами квартирами, выходящими на одну изъ самыхъ оживленныхъ артерій лѣвобережнаго Парижа,—и въ рѣчахъ вашего собесѣдника вдругъ вырисовывается ярко и рельефно міровоззрѣніе человѣка,* рѣшительно отбрасывающаго въ сторону избитыя демократическія формулы, когда дѣло заходитъ о реальныхъ выгодахъ.

Разговоры съ этимъ господиномъ доставляютъ мнѣ всегда истинное интеллектуальное наслажденіе. Развѣ не интересно наблюдать это странное срастаніе двухъ разныхъ міровоззрѣній въ одной и той же, замѣтьте, очень неглупой головѣ? слѣдить за борьбой между тѣми чисто-теоретическими взглядами, которые мой знакомый вынесъ изъ чтенія, путешествій и дружескихъ отношеній къ людямъ крайнихъ партій, и тѣми практическими побужденіями, которыя порождаетъ въ немъ его роль богатаго человѣка?

Разговоръ, конечно, шелъ о паденіи радикальнаго кабинета, этой крупной новости дня. «Признайтесь, говорилъ я, что сенату въ сущности важно было не возстановить нормальное теченіе юридической процедуры, якобы нарушенное министромъ юстиціи, и даже не вырвать иностранную политику изъ неумѣлыхъ рукъ,

будто бы недостаточно крѣпко держащихъ знамя Франціи въ столкновеніи съ Англіей. Сенату было важно свалить министерство, которое тревожило или, вѣрнѣе, общало потревожить эгоистическіе интересы своимъ законопроектомъ о прогрессивномъ налогѣ на доходъ». Мой знакомый не пожалѣлъ прямо отвѣтить на мои соображенія, а началъ довольно издалека. «Вы, конечно, знаете, торопливо заговорилъ онъ, что я—искренній сторонникъ всякой истинно демократической мѣры, равно какъ врагъ сената во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ тормозитъ прогрессъ. Но вѣдь нельзя отрицать, что радикальное министерство очень неловко принялось за дѣло, встревожило общественное мнѣніе, испугало владѣльцевъ промышленнаго и торговаго капитала, обострило и безъ того уже далеко не мирныя отношенія между различными классами,—я хочу сказать—различными группами населенія, ибо великая революція уничтожила всякіе классы... Налогъ на доходъ — легко сказать! Какъ узнать, сколько у кого дохода? Положиться на слова заинтересованнаго — наивно. Провѣрять его показанія при помощи опроса сосѣдей, изслѣдованія его торговыхъ книгъ и т. п. — значило бы ввести худшій родъ инквизиціи, который, при нашихъ свободолюбивыхъ правахъ не продержится и минуты. Наконецъ, мало ли есть случаевъ, когда опредѣленіе финансоваго положенія лица поведетъ, особенно въ провинціи, гдѣ всѣ знаютъ другъ друга, къ немедленному банкротству иного очень почтеннаго коммерсанта. Онъ можетъ временно находиться въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, но такъ какъ теперь онъ можетъ долго скрывать положеніе своихъ дѣлъ, то ему удастся и выкарабкаться. А съ податнымъ обыскомъ уже на слѣдующій день всѣмъ будетъ извѣстно черезъ членовъ опросной комиссіи, что такой-то на краю пропасти, въ которую онъ и дѣйствительно загребнетъ, благодаря неизбѣжному разглашенію... Вы слышали кстати, какое дѣйствіе произвели лишь первые слухи о подоходномъ налогѣ? Французскіе капиталисты выбираютъ деньги изъ здѣшнихъ банковъ и переводятъ ихъ за границу: въ Парижѣ есть нѣсколько банкирскихъ домовъ, которые предлагаютъ безъ всякой комиссіи свои услуги по этой части, и не одинъ миллионъ уже ушелъ въ Швейцарію и Бельгію»...

Почувствовавъ, что такая аргументація черезъ-чуръ откровенно раскрываетъ карты, мой знакомый вдругъ вошелъ въ роль умѣвнанаго пролетарія и началъ критику подоходнаго налога съ другого конца: «Вы не думайте, пожалуйста, что я врагъ финансовыхъ реформъ. Нисколько: я желаю лишь, чтобы онѣ не носили этого общаго, неопредѣленнаго и потому пугающаго всѣхъ характера, а чтобы онѣ касались заранѣе точно обозначенныхъ пунктовъ. Къ чему налогъ на доходъ вообще? Нѣтъ, вы подвергните налогу различныя опредѣленныя формы дохода, соображайтесь при этомъ съ внѣшними показателями богатства, квартирой, числомъ прислуги, а не залѣзайте въ душу и карманъ плательщика; главное же, не

падаютъ предметовъ роскоши. Вотъ настоящій прогрессивный налогъ»... Я было хотѣлъ остановить на этомъ мѣстѣ моего демократа указаніемъ на незначительность результатовъ, къ которымъ всегда приводили налоги на роскошь. Но разъ войдя въ роль защитника «истинно республиканскаго бюджета», мой собесѣдникъ уже не могъ такъ легко остановиться и продолжалъ критику проекта Думера (всѣ французы произносятъ именно такъ фамилію бывшаго министра финансовъ; и я не понимаю, почему русскія газеты называютъ его Думэ) уже съ точки зрѣнія трудящагося большинства. «Прогрессивный налогъ... прогрессивный налогъ! Конечно, слово звучитъ хорошо. Но авторамъ проекта и въ голову не пришло, что пропагандируемая ими реформа идетъ въ разрѣзъ съ истинными интересами народа, и что, напримѣръ, при прогрессивномъ налогѣ я заплачу даже нѣсколько меньше, чѣмъ теперь, тогда какъ мой садовникъ, не платящій въ настоящее время ничего, будетъ обложенъ. Въ самомъ дѣлѣ, согласно предлагавшемуся проекту, я бы лишь платилъ прогрессивный налогъ съ дохода, но былъ бы свободенъ отъ теперешняго налога на двери и окна, личнаго налога, налога съ недвижимаго собственности, квартирнаго и т. д. А оконъ у меня, какъ вы знаете, и въ деревнѣ, и въ парижскомъ домѣ не мало, и недвижимая собственность тоже имѣется, и жилия помѣщенія у меня большія. Садовникъ же получаетъ у меня до 2000 фр., имѣетъ квартиру и столъ; кромѣ того жена его зарабатываетъ у меня на разныхъ хозяйственныхъ мелочахъ нѣсколько сотъ франковъ. Такъ какъ проектъ Думера устанавливаетъ общую цифру дохода, включая сюда и платежи, и заработки натурою, то и окажется, что садовникъ съ женой вдводемъ имѣютъ ежегодно дохода болѣе 2500 фр. Но лишь эта сумма, по проекту, не подлежитъ обложенію, и бѣднягамъ придется платить хоть и немного, но все же платить... во славу радикальныхъ реформаторовъ и друзей народа! Такъ что, видите, если бы дѣло шло лично обо мнѣ, я бы обѣими руками подписался подъ проектомъ прогрессивнаго налога. Но жалъ громаднаго большинства націи»...

Надо замѣтить, что мой собесѣдникъ нѣсколько разъ признавался мнѣ въ минуты откровенности, что у него тысячъ 60 ежегоднаго дохода. Не игнорировалъ онъ, конечно, и того, что по самому роду занятій моихъ я долженъ былъ знать, какую ничтожную сравнительно долю своихъ доходовъ владѣльцы, подобные ему, отдають государству при теперешней системѣ налоговъ. И не одинъ разъ бокъ-о-бокъ другъ съ другомъ намъ приходилось оперировать надъ статистическими данными, которыя именно показывали, какъ далеко заурядной крестьянской семьѣ во Франціи до 2500 фр. ежегоднаго дохода. Но все это нисколько не мѣшало моему знакомому чуть не съ рыданіями въ голосъ печаловаться передо мной о судьбѣ трудящихся массъ и простирать свой героизмъ вплоть

до критики прогрессивнаго налога, хотя, молъ, и очень выгоднаго для него, владѣльца миллионнаго состоянія.

Мнѣ, конечно, было неловко остановить его словами: «зачѣмъ же вы говорите то, во что сами не вѣрите, и въ присутствіи чело- вѣка, который вѣритъ этому не больше вашего, какъ 'вы допо- длинно должны знать». Но мнѣ было жаль этого въ общемъ не- дурнаго чело вѣка, стыдно и больно за тѣ уловки, къ которымъ прибѣгалъ онъ, чтобы оправдать свою ненависть къ проекту ре- формы, хотя уже провалившемуся. И я отвѣтилъ ему, что примѣръ его самого и его садовника ничего не можетъ доказывать, потому что это очень частный случай. Еслибы такой случай имѣлъ общее значеніе, то тогда пришлось бы согласиться съ завѣдомо лживыми выкладками, которымъ предается на столбцахъ «Фигаро» рене- гатъ радикализма и панамистъ Жюль Рошъ, пресерьезно увѣряя публику, что теперь состоятельное меньшинство,—владѣльцы зам- ковъ и пр.;—въ деревняхъ выносить главнымъ образомъ на сво- ихъ плечахъ тягости обложенія, къ вѣщему благополучію боль- шинства.

Мой собесѣдникъ съ явною радостію перевелъ разговоръ на Жюля Роша и, точно забывъ, что за минуту говорилъ передъ тѣмъ, сталъ подсмѣиваться надъ «преувеличеніями» и «искаже- ніями» этого приткаго защитника современной податной системы, а въ заключеніе рассказалъ нѣсколько характерныхъ анекдотовъ изъ жизни этой переметной сумы...

Только что окончившійся кризисъ, поведшій къ замѣнѣ ради- кальнаго министерства оппортунистскимъ, дѣйствительно произвелъ сильное впечатлѣніе на мало-мальски мыслящую часть націи, и нѣсколько дней сряду вы не могли слышать иныхъ разговоровъ,— кромѣ тѣхъ, которые я привелъ выше для примѣра. Пять мѣся- цевъ радикальнаго министерства представляютъ собой очень инте- ресную страницу изъ политической жизни Франціи. Какъ-то въ одной изъ своихъ корреспонденцій, упоминая мелькомъ о появле- ніи на сцену только что образованнаго въ то время радикальнаго кабинета, я назвалъ его лишь «эпизодомъ» въ современной борьбѣ партій и усомнился въ возможности его долгаго существованія. Эпизодъ этотъ тянулся однако долѣе, чѣмъ я думалъ. Правда, кабинетъ не достигъ даже средней продолжительности эфемерныхъ французскихъ министерствъ, ибо Парки политической жизни пре- сѣкаютъ здѣсь существованіе кабинетовъ, какъ вычислить одинъ французскій статистикъ, приблизительно на девятомъ мѣсяцѣ. Но во всякомъ случаѣ пять мѣсяцевъ жизни—не шутка, и къ ради- кальному министерству нельзя будетъ уже приложить граціозный стихъ Малербъ насчетъ прекрасной «Розы, жившей лишь одно утро»:

Et Rose a vécu ce que vivent les roses,
L'espace d'un matin...

Никто не будетъ отрицать ни изъ друзей, ни изъ враговъ павшаго кабинета, что его значеніе далеко не исчерпывается тѣми мѣрами, которыя онъ проводилъ или, вѣрнѣе, думалъ проводить. Уже самое его появленіе съ определенной программой и возможность продержаться подъ тѣмъ знаменемъ хотя бы нѣкоторое время—представляютъ собою фактъ первостепенной важности въ исторіи Франціи за послѣднюю четверть вѣка. Конечно, были радикальные министры; были министерства, гдѣ радикальный элементъ былъ довольно сильно представленъ: напомнимъ министерство Бриссона 1885 г., министерство Гобля 1886 г., министерство Флюке 1888—1889 г. Но всѣ эти кабинеты не выставляли радикальной программы. Министерству Буржуа принадлежитъ честь этого нововведенія: прежде всего принципы, а затѣмъ уже люди.

Но пусть не подумаетъ читатель, что я въ восхищеніи отъ самой радикальной программы, какъ были отъ нея въ восхищеніи всѣ эти Дюбуа изъ «Justice», Викторъ Менье и Шарли Бо изъ «Rapport». Для меня было важно отношеніе къ внутренней политикѣ Франціи со стороны покойнаго кабинета, отличное отъ того, къ какому насъ приучила «республика безъ республиканцевъ» Тьера и Леона Сѣ или «республика съ республиканцами» отъѣнка Жюль Ферри, Спюллера и Дюпюи.

Что говорили на самомъ дѣлѣ всѣ бывшія министерства и своими заявленіями и своими поступками? «Политика послѣдовательнаго проведенія такихъ реформъ, въ которыхъ согласны всѣ республиканцы!» Хороши реформы, нечего сказать, въ которыхъ согласны всѣ республиканцы! Знаете, какія это реформы? Тѣ, которыя уже не одинъ десятокъ лѣтъ вошли въ жизнь и о которыхъ не приходится говорить. Но всѣ остальные, въ которыхъ нуждается страна и которыя еще не осуществлены, развѣ не являются онѣ предметомъ разногласій между «всеми республиканцами»? Что это было бы за сонное царство, если бы Франція, слѣдуя примѣру своихъ оппортунистскихъ правителей, требовала проведенія только тѣхъ реформъ, на которыхъ сходились бы, скажемъ, Жюль Симонъ съ одной стороны, Вальдекъ Руссо съ другой, Гобля съ третьей, а Жоресъ съ четвертой? Да и сами «правительственные республиканцы», какъ себя скромно называетъ «Temps», развѣ они оставались вѣрны этой теоріи? Было время, когда имъ приходилось вести ожесточенную борьбу за проведеніе всеобщаго свѣтскаго и дароваго обученія. И что же? Развѣ всѣ, называвшіе себя республиканцами, были согласны въ этой реформѣ? Возьмите хотя бы Жюль Симона, этого Платона новѣйшихъ временъ: очень не одобрялъ онъ этой реформы, разносилъ ее и отъ разума и отъ писаній. И однако республиканцы въ родѣ Ферри, Ранка, Поля Бера не постѣснились вступить съ нимъ въ рѣшительный бой—и побѣдили.

Ново въ политикѣ павшаго министерства было отсутствіе

обычныхъ тормозящихъ приѣмовъ, которые оппортунисты пускаютъ въ ходъ по отношенію къ странѣ. Не Богъ знаетъ что успѣлъ сдѣлать кабинетъ Буржуа, но во всякомъ случаѣ онъ изъявилъ серьезное желаніе прекратить топтанья на мѣстѣ и принялся за реформы, не дожидаясь, пока въ нихъ будутъ согласны «все» республиканцы въ родѣ миллионера Эбрава изъ «Темра» или перебѣжчика въ редакціонный лагерь Ива Гюно. Важна была, собственно говоря, не столько сама законодательная дѣятельность министерства и даже не тѣ планы реформъ, къ которымъ оно приглашало приступить парламентъ. Важнѣе былъ тотъ фактъ, что при немъ легче жило и дышалось гражданамъ, особенно въ провинціи, гдѣ политика изъ центра особенно за послѣднія четыре-пять лѣтъ, находила ревностныхъ истолкователей въ префектахъ, подъ-префектахъ и прочихъ мѣстныхъ властяхъ. Мнѣ сказывали пріятели журналисты, сопровождавшіе павшее министерство въ его поѣздѣ на югъ, что они были крайне поражены измѣненіемъ общественнаго настроенія въ провинціи за какіе-нибудь два-три мѣсяца. Преподаватели въ гимназіяхъ и сельскіе учителя; податные чиновники (*grecueurs*) и мэры; служащіе въ почтовомъ вѣдомствѣ и вплоть до простыхъ рабочихъ на желѣзныхъ дорогахъ,—все эти люди подымали голову и вздохнули свободно. Въ числѣ публики, толпившейся вокругъ министровъ и встрѣчавшихъ ихъ восторженными криками, можно было видѣть старыхъ и испытанныхъ республиканцевъ, которымъ пришлось было почти совершенно сойти со сцены подъ напоромъ реакціонной бури, особенно сирѣчивавшей во время Дюпюи и Казимира Перье, и которые теперь снова выходили на свѣтъ божій. За то стонъ и скрежетъ зубовой раздавались въ лагерѣ тѣхъ фальшивыхъ друзей республики, которые еще такъ недавно пытались свалить ее въ пользу Орлеановъ или Вонапарта, а теперь «присоединились» къ ней изъ-за выгоды и по расчету. При павшемъ министерствѣ эти пресловутые «конституціоналисты» были вполне естественно отброшены на задній планъ искренними республиканцами. Словомъ, главная заслуга министерства передъ Франціей и заключалась въ томъ, что оно дало возможность различнымъ общественнымъ интересамъ и выражающимъ ихъ партіямъ свободно бороться подъ своими знаменами, не боясь административнаго окрика. Не его вина, если въ этой борьбѣ прогрессивные элементы стали одерживать верхъ и тѣмъ побудили умѣренныхъ республиканцевъ вступить въ тѣсный союзъ съ злѣйшими реакціонерами, лишь бы свалить министерство, которое не мирволило явно привилегированному меньшинству.

Посмотримъ, не наводитъ-ли появленіе, дѣятельность и исчезновеніе радикальнаго министерства на нѣкоторыя общія размышленія о политической жизни Франціи. Здѣсь всеобщая подача голосовъ—основной механизмъ участія всей страны въ управленіи. Конечно,

можно критиковать формы этой подачи, ея организацию: въ настоящее время она все же является хотя приблизительно резюме настроенія, взглядовъ и желаній населенія. Посмотримъ поближе, что можно извлечь изъ этого резюме. Пусть читатель не поскушаетъ проглядѣть двѣ нижеслѣдующія таблицы послѣднихъ шести выборовъ въ палату. Одна изъ нихъ показываетъ степень участія избирателей въ политической жизни страны и ихъ принадлежность къ двумъ главнымъ борющимся партіямъ: республиканской и монархической (не считая голосовъ, потерянныхъ по той или иной причинѣ). Другая даетъ составъ депутатовъ съ болѣе подробнымъ дѣленіемъ на фракціи. Эта послѣдняя въ особенности интересна для выводовъ о настроеніи страны, но, къ сожалѣнію, можетъ претендовать лишь на приблизительную точность. Классификація депутатовъ, если только не сдѣлать ее слишкомъ детальной и потому мало убѣдительною, не схватываетъ вполне вѣрно различныхъ оттѣнковъ мнѣній. Затѣмъ, одинъ и тотъ же терминъ на протяженіи двадцати лѣтъ политической жизни по необходимости не можетъ обозначать то же самое: жизнь течетъ и вливаетъ измѣняющееся содержаніе въ застывшія формы рѣчи. Наконецъ, различные документы, изъ которыхъ приходится заимствовать цифры, даютъ противорѣчивыя классификаціи, въ силу различныхъ точекъ зрѣнія составителей *).

Какъ бы то ни было, приводимыя мною таблицы (см. стр. 106) представляютъ немалый интересъ даже со всѣми этими оговорками.

Павшее министерство, какъ извѣстно, было цѣликомъ радикальнаго состава и даже заключало въ себѣ нѣкоторыхъ членовъ изъ крайней лѣвой, напр., Мезюрера. Является вопросъ: насколько же оно отражало средніе взгляды страны, если судить по характеру выборовъ? И насколько оно соответствовало общему составу палаты, ибо въ парламентарномъ режимѣ современной Франціи палата служитъ главнѣйшей точкой опоры для кабинета. Возьмите двѣ приложенныя таблицы, сопоставьте съ ними главнѣйшіе факты изъ политической исторіи третьей республики. Вамъ придется сказать, что по странной ироніи судьбы радикалы ставаются у руля республики какъ разъ въ то время, когда значеніе ихъ въ странѣ, казалось, окончательно подорвано, а въ палатѣ они тонутъ въ толпѣ умѣренныхъ и консервативныхъ республиканцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ какіе годы радикализмъ достигаетъ кульминаціоннаго пункта во Франціи? Конечно, не въ первыя десять лѣтъ республики. Есть и тогда талантливые вожаки крайней лѣвой, Луи-

*) Моя работа основана на сопоставленіи данныхъ въ «L'année politique» Андре Даніеля (псевдонимъ Андре Лебона, теперешняго министра колоній) за 1881, 1885, 1889 и 1893 съ лондонскимъ «Annual Register» за соответствующіе годы и съ подробными выкладками французскихъ газетъ, особенно «Le Temps», «Les Débats» et «Le Gaulois». Нѣкоторые изъ моихъ цифръ (процентное отношеніе) представляютъ поправку къ даннымъ этихъ документовъ, не свободныхъ отъ нѣкоторыхъ погрѣшностей.

Таблица выборов.

	1876 г.	1877 г.	1881 г.	1885 г.	1889 г.	1893 г.
Число избирателей	9 733 734	9 948 449	10 179 345	10 278 979	10 887 330	10 446 178
Изъ нихъ подавшихъ голоса	7 398 234	8 087 323	7 181 443	7 929 503	7 953 893	7 427 354
„ , поддержавшихся	2 345 500	1 861 126	2 987 902	2 349 476	2 433 943	3 018 894
% поддержавшихся	24	18, 7	29	22,9	23,4	29
Число голосовъ (не считая потеря- нныхъ,) поданныхъ	4 028 153	4 367 202	5 128 442	4 327 162	5 587 800	5 960 000
За (реакціонеровъ	3 202 336	3 517 882	1 789 767	3 541 384	2 085 000	1 179 000
% республиканскихъ голосовъ	55, 5	55	74	55	79	83,5
% монархическихъ	44, 5	45	26	45	21	16,5

Таблица состава палаты.

	1876 г.	1877 г.	1881 г.	1885 г.	1889 г.	1893 г.
А) Республиканцевъ	360	387	467	400	366	523
а) консервативныхъ			a (322	a) 10	a) 40	a) 52
б) умеренныхъ			b (b) 195	b) 216	b) 300
в) радикаловъ			c (145	c (195	c (110	c) 122
д) социалистовъ			d (d (180	d (d) 49
В) Реакціонеровъ	170	143	90		210	58
а) бонапартистовъ	a) 80	a) 82	a) 47		a (166	
б) монархистовъ	b (90	b (61	b (43		b (
в) прочихъ	с	с (с (c) 44*)	

*) Вуланжистовъ.

Бланъ, Клемансо; но сама партія еще въ періодѣ выработки. Дѣло идетъ не столько о раздѣленіи между различными фракціями республиканской партіи, сколько объ общей защитѣ молодой и неокрѣпшей еще республики отъ покушеній старыхъ политическихъ партій. Макъ-Магонъ рѣшается на парламентарный coup d'Etat 16-го мая 1877: 363 республиканскихъ депутата распушенной палаты идутъ дружно въ борьбу; избирательная агитація ведется съ такимъ ожесточеніемъ, что число воздержаній отъ подачи голосовъ падаетъ до 18% вмѣсто обычныхъ 25% и болѣе *), и несмотря на страшное давленіе реакціоннаго кабинета Фуру, новая палата насчитываетъ уже 387 республиканцевъ (см. таблицу выборовъ и таблицу состава палаты).

Радикализмъ является замѣтной силой лишь въ самомъ концѣ 70-хъ годовъ и получаетъ свое первое эффектное выраженіе въ знаменитой для того момента программѣ Клемансо на выборахъ 1881 г., въ которой кандидатъ 18-го округа поднимаетъ знамя «реформъ въ политическомъ и общественномъ строѣ» противъ республиканскаго большинства, стоявшаго за Гамбеттой и Ферри, и уже къ тому времени получившаго кличку «оппортунистовъ» **). Но расцвѣтъ радикализма, его лучшій и героическій періодъ, наступаетъ между 1881 г. и 1885 г., и борьба Клемансо противъ Ферри въ палатѣ 1881 г. представляется мнѣ одной изъ самыхъ блестящихъ страницъ парламентарной исторіи Франціи. Выборы 1881 г. характеризовались страшнымъ разгромомъ реакціонеровъ, которыхъ попало въ палату не болѣе 90 человекъ. Невомѣрно высокій процентъ воздержавшихся отъ подачи голосовъ (чуть не треть: 29%) показывалъ съ одной стороны, что республиканцы уже заранѣе были увѣрены въ успѣхѣ и не особенно подхлестывали индифферентныхъ и нерѣшительныхъ; а съ другой, что реакціонеры отчаялись въ побѣдѣ и махнули рукой на избирательныя урны. Въ самой палатѣ, противъ плотной массы «мamelukовъ» большинства», предводимой послѣ смерти Гамбетты Жюлемъ Ферри, Клемансо велъ атаку съ 150 депутатами, вѣрно слѣдовавшими за своимъ вождемъ, къ которымъ присоединялись въ экстренныхъ случаяхъ голоса правой и консервативныхъ республиканцевъ. И атака эта была тѣмъ блистательнѣе и смѣлѣе, что правая была

*) Воздержаніе составляетъ яву во всѣхъ парламентарныхъ странахъ: въ Италіи оно доходитъ порою до половины всѣхъ избирателей и не падаетъ ниже 40%; въ Испаніи колеблется отъ 27% до 48%; въ Германіи оно никогда не падало ниже 22% (1887), а иногда доходило до 43% (1881); даже въ классической странѣ парламентаріама, Англіи, оно колеблется между 43% et 19%. См. работу C. Schaeffer'a, въ Bulletin de l'Institut international de Statistique; Rome, 1893, t. VII, première livraison, p. 47—95.

**) Слово впервые было пущено въ ходъ Анри Рошфоромъ (анонимно) въ первомъ номерѣ газеты «Les droits de l'homme» (отъ 11 февраля 1876), но пришло въ употребленіе гораздо позже.

смята и нестрашна богѣе, и что, въ сущности, теперь дѣло шло и должно было идти о дальнѣйшей выработкѣ республиканской программы.

Выборы 1885 г., произведенные, какъ извѣстно, по спискамъ (*scrutin de liste*), а не по округамъ (*scrutin d'arrondissement*) *), ошеломили своими неожиданными результатами республиканцевъ: они послали въ палату 201 реакціонера и 383 республиканцевъ. И если неправда, допущенная во многихъ мѣстахъ при выборахъ, дали возможность республиканцамъ кассировать около 20 выборовъ реакціонеровъ, которые и были замѣнены на перевыборахъ республиканцами, то все же палата 1885 г. оказалась разорванной почти на три равныя части между радикалами, оппортунистами и реакціонерами. Конечно, взятый самъ по себѣ радикализмъ въ палатѣ явился теперь сильнѣе, чѣмъ когда-либо. Но необыкновенно сильный ростъ реакціонеровъ обрекалъ его на фальшивую роль не столько врага, сколько фехтовальщика по отношенію къ оппортунизму: радикалы должны были и нападать на умѣренныхъ, и въ то же время не доводить этихъ нападений до конца, ибо тогда реакціонеры по произволу могли перевертывать вѣсы парламентарнаго равновѣсія. Вторая половина четырехлѣтней политической жизни палаты вся ушла на борьбу съ буланжизмомъ и была поэтому совершенно потеряна для всякой производительной дѣятельности. Радикализмъ вышелъ изъ этой борьбы обезсиленнымъ и потерявшимъ въ значительной степени свой смыслъ. Въ самомъ дѣлѣ, политика неподвижности, которую оппортунисты возвели въ систему по отношенію ко всѣмъ запросамъ страны, за исключеніемъ народнаго образованія **), эта политика приготавила почву для буланжизма среди обездоленныхъ классовъ населенія. Но и радикалы, которые черезчуръ односторонне подчеркивали необходимость политическихъ реформъ, зачастую отрывая ихъ отъ общественныхъ (въ родѣ Жоржа Перена, Мадье-де-Монжо), создали благоприятную атмосферу для буланжистской агитации въ пользу пересмотра конституціи. А когда даже такіе выдающіеся дѣятели

*) Выборы по спискамъ состоятъ въ томъ, что избиратели вносятъ каждый въ свой листъ республиканскій, радикальный, монархическій) столько именъ, сколько полагается депутатовъ отъ даннаго департамента. При выборѣ по округамъ, на которые дѣлится департаментъ, каждый избиратель вотируетъ только за одного кандидата. И при этомъ, законъ 1889 г., направленный противъ плебисцита во время борьбы съ буланжизмомъ, запрещаетъ кандидату ставить свою кандидатуру богѣе чѣмъ въ одномъ округѣ.

**) Знаменательна въ этомъ отношеніи недавно вышедшая книга Е. Zervot'a, *La France sous le régime du suffrage universel*; Paris, 1894. Авторъ ея, ректоръ Канской академіи, рѣшительный сторонникъ законовъ третьей республики по образованію (см. напр. стр. 181—184); но на другія насущныя реформы онъ смотритъ глазами реакціонера (см. особенно стр. 247, 267 и др.).

радикализма, какъ Клемансо, увлекались довольно долго «истинно-республиканскимъ духомъ» генерала Буланже, то они же первые и должны были пострадать отъ начавшейся борьбы съ буланжизмомъ. Основательно или неосновательно, но умѣренные упрекали радикаловъ въ томъ, что они-де и создали буланжизмъ. И какъ будто сознавая справедливость этого упрека, большинство радикаловъ выбросили, по крайней мѣрѣ, временно, изъ своей программы опредѣленное требованіе о коренномъ пересмотрѣ конституціи. Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, больше всего выиграла въ борьбѣ противъ буланжизма та партія, которая была вѣрнѣе своей программѣ и послѣдовательнѣе въ своей дѣятельности. Умѣренные были вполнѣ въ своей роли, когда они боролись противъ ревизионистовъ, или когда они отдавали Буланже на верховный судъ Сената. Но радикалы, которые еще такъ недавно требовали основательнаго пересмотра конституціи и, прежде всего, упраздненія Сената, а теперь устами Клемансо произнесли апологію этого «политическаго трибунала!» Помните рѣчь его по поводу «Термидора» въ палатѣ: «и я утверждаю, что въ политикѣ нѣтъ справедливости! Такъ, когда мы боролись противъ политическаго врага, мы отдали его на судъ его политическимъ врагамъ, и мы были правы!»

Нечего удивляться той жалкой роли, которую игралъ радикализмъ въ палатѣ 1889 г. Мало того, что число депутатовъ радикальной и крайней лѣвой спустилось до 110: въ числѣ этомъ было болѣе 10 социалистовъ, которыхъ гораздо сильнѣе интересовали социальные вопросы, чѣмъ чисто-политическіе. А между остальными одна часть,—и это наиболѣе дальновидные и умные, какъ Клемансо,—социальною стороною своей программы являлась лишь слабымъ отраженіемъ настоящихъ социалистовъ; а другая, оставшаяся на точкѣ зрѣнія чисто-политической, заранѣе обрекала себя на самоубійство: что ей возможно было дѣлать въ палатѣ, когда именно въ политикѣ-то она отказалась отъ активнаго проведенія въ жизнь своихъ принциповъ? вмѣстѣ съ тѣмъ сильно увеличившееся число консервативныхъ и умѣренныхъ республиканцевъ (всего 256) дѣлало послѣднихъ господами положенія, особенно подъ условіемъ падить консервативные интересы реакціонеровъ. Изъ 210 депутатовъ, фигурировавшихъ подъ этой послѣдней рубрикой, было 44 буланжиста, треть которыхъ въ сущности держалась социалистическихъ и крайнихъ радикальныхъ взглядовъ и потому зачастую сливала свои голоса съ голосами социалистовъ. Но за то между 166 депутатами правой не одинъ десятокъ готовы были поддерживать правительство, лишь бы оно не шло прямо въ разрѣзъ съ «законными требованіями страны, жаждущей спокойствія и истинной свободы», читай: реакціонными попопозновеніями старыхъ партій.

Выборы 1893 г. представляли логическое развитіе даннаго по-
рядка вещей. Прежде всего число республиканцевъ достигло до

громдой цифры въ 523, которой соотвѣтствовало пять шестыхъ всѣхъ избирательныхъ голосовъ, поданныхъ за республиканцевъ въ странѣ. Чистые монархисты не составляли и 60. Очевидно, споры изъ-за этикетки, изъ-за ярлыка теряли свой жгучій интересъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ среди громдой арміи республиканцевъ замѣчался и абсолютный и относительный ростъ консервативныхъ и оппортунистскихъ элементовъ. Три сотни депутатовъ были рѣшительно умѣренными; къ нимъ присоединялось болѣе полсотни консервативныхъ республиканцевъ, которые насчитывали теперь въ своей средѣ, кромѣ депутатовъ центра, болѣе 30 «присоединившихся» къ республикѣ реакціонеровъ. Повидимому выигрывая отъ разгрома чистыхъ монархистовъ, республика на самомъ дѣлѣ проигрывала отъ вторженія въ нее этихъ несомнѣнныхъ элементовъ общественной реакціи, которые охотно поступались словомъ, лишь бы сохранить вліяніе на вещь. Радикалы чуть-чуть поднялись въ числѣ противъ 1889 г., войдя въ палату 1893 г. въ количествѣ 122 человекъ. Но значеніе ихъ не только не увеличилось, а скорѣе уменьшилось: на этотъ разъ радикальными депутатами явились главнымъ образомъ люди заурадные, выбранные съ довольно сѣренькими программами; выдающіеся члены этой партіи потерпѣли пораженіе, какъ это случилось съ нѣкогда столь популярнымъ Клемансо, съ Флоке, съ Можаномъ, съ Пишономъ, и т. д. За то на сцену выступилъ элементъ не столько многочисленный, прежде игравшій лишь совершенно третьестепенную роль въ палатѣ, заключающій въ своихъ рядахъ такого парламентарнаго тактика, какъ Милльранъ, такого оратора, какъ Жоресъ...

При какихъ же условіяхъ было сформировано радикальное министерство? Вплоть до осени прошлаго года палата тратила свое время въ сущности не столько на выработку дѣйствительно полезныхъ реформъ, сколько на созданіе разныхъ исключительныхъ мѣръ для борьбы съ воображаемыми опасностями и на попытки оппозиціи провалить эти мѣры. Когда министерство Рибо пало по совершенно второстепенному вопросу, положеніе дѣлъ въ политическомъ мірѣ нисколько не измѣнилось. По прежнему умѣренные и консервативные республиканцы имѣли большинство въ палатѣ, по прежнему радикалы представляли разбитую партію. Мы не будемъ вдаваться въ вопросы, подъ вліяніемъ чего президентъ республики пригласилъ Леона Буржуа (скорѣе умѣреннаго, чѣмъ крайняго радикала) составить министерство. Довольно съ насъ того факта, что радикальное министерство сформировалось, въ теченіе пяти мѣсяцевъ пыталось идти по пути реформъ, было поддерживаемо палатой, гдѣ двѣ трети депутатовъ были въ глубинѣ души враждебны ему, вызвало цѣлую бурю негодованія съ одной стороны, пробудило не мало надеждъ съ другой и — само покончило съ собой, уступивъ Сенату.

Гдѣ разгадка этого, на первый разъ страннаго явленія? Впер-
выхъ въ томъ, что нашлось нѣсколько личностей, замѣтые даже не
героевъ, но людей порядочныхъ, не глупыхъ и энергичныхъ,
которые искренно пожелали вмѣсто тормозящей общество дѣятель-
ности посвятить себя дѣятельности созидающей, реформаторской.
Во-вторыхъ—въ томъ, что у этихъ людей была опредѣленная про-
грамма реформъ, имѣвшихъ въ виду насущные интересы страны,
а не подчиненныхъ соображеніямъ о составѣ палаты, о преоблада-
ніи въ ней умѣренныхъ и консервативныхъ партій и пр., объ эки-
либристикѣ между различными парламентарскими группами и т. д.
Вотъ вамъ значеніе личностей, опредѣленности ихъ убѣжденій и
организациі во имя этихъ убѣжденій. Но такъ какъ изъ ничего могъ
создать міръ только Богъ, то вотъ вамъ и та общая почва, на ко-
торой могло держаться радикальное министерство. Прежде всего
положеніе страны. Въ послѣдніе годы равнодѣйствующая обще-
ственныхъ стремленій во Франціи несомнѣнно передвинулась въ сто-
рону общественныхъ вопросовъ и экономическихъ задачъ. Лѣтомъ
1894 г. одинъ солидный и умѣренный органъ подвелъ итоги пар-
тизанамъ различныхъ вопросовъ между депутатами 1893 г., со-
гласно ихъ избирательнымъ программамъ. Что же оказалось? Въ
1893 г. сторонниковъ пересмотра конституціи насчитывалось всего
202, а въ 1889 г., не смотря на борьбу съ буланжизмомъ, ихъ
насчитывалось всетаки цѣлыхъ 346. За отдѣленіе церкви отъ
государства въ 1893 г. стояло лишь 149 депутатовъ; въ 1885 г.
такихъ было 184. И наоборотъ въ 1893 г., цѣлыхъ 293 депутата
высказались передъ избирателями за «болѣе равномерное распредѣ-
леніе налоговъ», тогда какъ въ 1881 г., въ началѣ медоваго мѣ-
сяца оппортунизма такихъ смѣльчаковъ было всего 100. Еще зна-
менательнѣе прогрессъ идей, касающихся страхованія и тому по-
добныхъ учрежденій между рабочими. Въ 1881 г. людей, которыхъ
интересовала хотя бы даже крайне несовершенная форма чело-
вѣческой солидарности, было между депутатами—всего 19! Въ 1889 г.
число такихъ уже возросло до 211, а въ 1893 г. даже до 425. Въ
этомъ направленіи работали даже, путемъ не отдавая себѣ отчета,
и реакціонные элементы. Въ пылу борьбы противъ республики, они
съ такимъ азартомъ нападали на мошенничества иныхъ респуб-
ликанскихъ депутатовъ, что эти страстные діатрибы выходили у нихъ
поголовнымъ обвиненіемъ въ злонамъ и безсердечіи всѣхъ стоящихъ
теперь у власти, а затѣмъ и вообще правящихъ классовъ въ цѣ-
ломъ. Или возьмите антисемитизмъ: что можетъ быть болѣе чудо-
вищно-реакціонно, чѣмъ эта травля людей потому только, что
они другой расы? Но когда Дрюмонъ каждый день увѣряетъ на
столбцахъ своей газеты («La libre parole»), что всѣ евреи—банкиры,
а всѣ банкиры—грабители, и что не мѣшало бы французамъ рас-
правиться по своему съ Ротшильдомъ, который, молъ, распоря-

жается Франціей, какъ ему заблагоразсудится, то эти слова проникаютъ въ толпу...

Но, главное-то, всё эти идейныя теченія если не опредѣляются, то усиливаются общимъ экономическимъ положеніемъ Франціи. И во Франціи перепроизводство товаровъ является въ данный моментъ такимъ постояннымъ фактомъ хозяйственной жизни, что вотъ уже нѣсколько лѣтъ и фабриканты, и земельный собственники, и торговецъ жалуются на не прекращающуюся заминку въ сбытъ и страшное паденіе цѣнъ. Что такое въ самомъ дѣлѣ обувашій почти всё страны, Францію въ томъ числѣ, протекціонизмъ, который въ ущербъ потребителю гонитъ съ туземнаго рынка иностранныхъ производителей и даже не сообразитъ того, что ему за границей платить той же монетой и сокращаютъ сбытъ его товаровъ въ чужихъ странахъ? Утопическая попытка отдѣлаться отъ слѣдствій свободной конкуренціи, не касаясь въ то же время самой этой конкуренціи! Но если для крупнаго производителя перепроизводство означаетъ уменьшеніе привычной прибыли, то для производителя мелкаго, для крестьянина, для ремесленника,—не говоря же о выбрасываемомъ на улицу рабочемъ, такое состояніе рынка равносильно медленной голодной смерти. Вотъ почва, на которой вырастаетъ стремленіе у зауряднаго француза думать и говорить о реформѣ налоговъ, чѣмъ дальше, тѣмъ чаще и рѣзче. И въ какой степени популярна эта реформа, можно видѣть какъ разъ изъ тѣхъ заявленій генеральныхъ совѣтовъ, на которыя реакціонная и оппортунистская печать опирается въ борьбѣ противъ проекта Думера. Въ самомъ дѣлѣ, какой составъ этихъ совѣтовъ? Въ нихъ обыкновенно засѣдаютъ рядомъ съ политическими дѣятелями, депутатами, сенаторами самые крупные собственники департамента,—важные торговцы, выдающіеся адвокаты, нотариусы. И несмотря на такой составъ, не располагающій къ финансовымъ нововведеніямъ, изъ 78 генеральныхъ совѣтовъ, выразившихъ свое мнѣніе по вопросу о реформѣ, лишь 28 рѣшительно высказались противъ всякой реформы налога, тогда какъ остальные 50 отвѣтили утвердительно, а изъ этого числа 24 прямо стали за прогрессивный налогъ на доходъ.

Это объясняетъ поддержку радикальному министерству со стороны цѣлой Франціи, которая, казалось бы, въ общемъ стоитъ скорѣе за умѣренныхъ и консерваторовъ, если судить по составу палаты. Перейдемъ теперь къ самой палатѣ и посмотримъ, какими чудесами держалось 150 дней министерство во враждебномъ ему парламентѣ. Чудеса эти опять все тѣ же: искреннее желаніе министерства служить дѣлу прогресса, опредѣленность его программъ и энергія при защитѣ ея. Доказательство отъ противнаго: какъ обыкновенно составляются оппортунистскіе кабинеты? Одинъ изъ вліятельныхъ членовъ партій старается понадергать съ разныхъ скамей лѣвой съ десятокъ людей, по возможности покладистыхъ

убѣжденій, не останавливаясь даже и передъ радикалами и даже очень дорожа такими, которые изъ за министерскаго портфеля готовы разорвать свою прежнюю программу. Чѣмъ больше находится такихъ перебѣжчиковъ, тѣмъ съ большимъ правомъ кабинетъ называетъ себя «министерствомъ республиканской концентраціи». Но «концентрированный» или «однородный», кабинетъ умѣренныхъ преслѣдуетъ лишь одну программу: продержаться возможно долѣе на мѣстѣ, не принимаясь для спокойствія ни за одну изъ обѣщанныхъ реформъ на томъ основаніи, что время не приспѣло, а пока доказывая пользу своего существованія всяческими мѣрами обузданія «безплодной агитаціи». Но такъ какъ вдохновиться такой отрицательной программой нельзя, а найти искреннихъ энтузіастовъ—защитниковъ ея въ палатѣ тѣмъ менѣе, то и приходится идейное единство замѣнять ассоціаціей аппетитовъ. Можете представить себѣ, какихъ героевъ способно выставить подобное министерство, и какой безкорыстный порывъ охватываетъ его сторонниковъ въ палатѣ!

Павшее министерство хотѣло на самомъ дѣлѣ что нибудь создать; ему была дорога власть, какъ орудіе проведенія въ жизнь разъ намѣченныхъ реформъ. Не мудро, что совершенно понятная въ убѣжденныхъ людяхъ страсть при защитѣ своей программы «била съ толку далеко не героическое большинство палаты. Дѣйствительно, о чемъ идетъ по большей части рѣчь въ нынѣшнемъ парламентѣ? О будничномъ мелкомъ отстаиваніи своихъ интересовъ. Берется, напримѣръ, такой вопросъ, какъ предлагаемая министерствомъ реформа налоговъ. Кабинетъ стоитъ за свой проектъ дружно и горячо. И вотъ среди большинства начинаются колебанія: «стоитъ-ли вести войну съ министерствомъ изъ-за этой реформы, которая къ тому же, кажется, довольно популярна между избирателями? А что, если они прокатятъ меня на вороныхъ слѣдующій разъ? Да, и наконецъ мнѣ-то что? Особеннаго вреда мнѣ отъ этой реформы не будетъ»... И депутатъ вотируетъ за. По профессіямъ депутаты 1893 г. распадаются: на 97 собственниковъ и рантье; на 119 лицъ, живущихъ промышленностью, торговлею и земледѣліемъ,—но изъ этой послѣдней категоріи придется вычесть 15 рабочихъ и не одинъ десятокъ людей, чьи доходы, вѣроятно, менѣе ихъ депутатскаго оклада; на 252 представителя различныхъ либеральныхъ профессій (150 адвокатовъ и бывшихъ членовъ судебнаго вѣдомства, 78 писателей и т. д.), изъ которыхъ, вѣроятно, лишь меньшая часть получаетъ крупныя доходы помимо депутатскаго жалованья. Все это клонитъ далеко не героическаго средняго депутата къ тому, чтобы не ставить себя во враждебныя отношенія къ упрямому министерству. Присоедините къ этому желаніе популярности и стремленіе прослыть за человѣка прогресса. Присоедините къ этому страхъ передъ хорошо организованной группой изъ 50-ти социалистовъ, которая взяла подъ свою защиту это про-

грессивное министерство и ораторы которой ястребами налетаютъ на оппортунистовъ и умѣренныхъ. Не забудьте, наконецъ, о существованіи въ парламентѣ, какъ и во всякой толпѣ, инертной массы, которая идетъ въ сторону силы или даже просто совершившагося факта. Французы называютъ людей этой категоріи «голландскими волчками», и дѣйствительно они бѣгутъ и вертятся въ ту сторону, куда подхлестываютъ ихъ обстоятельства.

И вотъ, благодаря всему этому, оно жило, это радикальное министерство, возбуждая черезчуръ розовыя надежды въ однихъ и черезчуръ преувеличенный страхъ въ другихъ *). Жило и вдругъ ушло, доказавъ тѣмъ самымъ, что если оно было стойко и храбро по сравненію съ героями оппортунизма, то само по себѣ оно далеко не было на той высотѣ положенія, куда оно же возвело себя. Ибо скрывать нечего: рѣшившись Буржуа продолжать свою роль серьезнаго, хотя и постепеннаго реформатора, а главное приглашающаго страну къ полезной работѣ, его дѣятельность могла бы явиться отправнымъ пунктомъ для совершенно новаго направленія въ жизни страны, черезчуръ долго переминающейся на одномъ мѣстѣ. Разъ министръ имѣлъ за собой страну, онъ несомнѣнно заставилъ бы Сенатъ капитулировать. Вонъ англійская палата лордовъ не чета французскому Сенату по своей традиціонной силѣ, а и то всякій разъ, какъ народъ усиленно начинаетъ требовать какой-нибудь назрѣвшей реформы, она идетъ на уступки.

Н. К.

НОВЫЯ КНИГИ.

Починъ. Сборникъ Общества любителей россійской словесности на 1896 годъ. М. 1896. Ц. 2 р. 50 к.

Это уже второй Сборникъ Общества любителей россійской словесности, а потому едва-ли приличествуетъ ему названіе „Починъ“. О первомъ, прошлогоднемъ „Починѣ“ мы въ свое время говорили и въ общемъ можемъ только повторить сказанное тогда. Въ Сборникѣ есть высоко-интересныя статьи, но въ цѣломъ... въ цѣломъ онъ не представляетъ собою ничего цѣлаго, цѣльнаго и цѣлесообразнаго. Въ лежащемъ пе-

*) См. курьезную брошюру нѣкогда г. Левачассера, *Les partis et le gouvernement* Paris, 1896, въ которой этотъ бывший депутатъ лѣваго центра прямо обвиняетъ кабинетъ Буржуа въ «революціонномъ характерѣ» и чуть-ли не въ анархизмѣ (стр. 40), приглашая всѣхъ на «защиту общества и цивилизаціи» (стр. 42).

редъ нами толстомъ и прекрасно изданномъ томѣ есть нѣсколько произведеній, прочитанныхъ въ публичныхъ и закрытыхъ засѣданіяхъ Общества любителей россійской словесности, а именно: „Два моряка“ К. М. Станюковича, „Двѣ милостыни“ В. Л. Величко, „Поэзія и личность Жадовской“ И. И. Иванова, „Жизнь и поэзія Щербиня“ Л. П. Вѣльскаго, „И. С. Тургеневъ въ кругу французскихъ литераторовъ“ А. А. Андреевой и „Былина о Батыѣ“ В. Ѳ. Миллера. Это, по выраженію предисловія къ прошлогоднему „Почину“, — „живая лѣтопись дѣятельности“ Общества любителей россійской словесности. Но затѣмъ въ Сборникѣ напечатаны обширныя, до утомительности обширныя рассказы гг. Нефедова и Садовскаго, драма кн. Сумбатова „Старый закалъ“, очеркъ Н. Н. Златовратскаго „На могилѣ Шевченко“, стихотворенія гг. Жемчужникова, Величко, Бальмонта и проч., — и все это не имѣетъ никакого отношенія къ дѣятельности Общества любителей россійской словесности. А между тѣмъ, „составившійся такимъ образомъ матеріалъ оказался настолько обильнымъ“, что редакція „Почина“ должна была отказаться отъ своего прошлогодняго, очень заманчиваго обѣщанія: „важнѣйшія явленія современной словесности за годъ подвергать критическому разбору, а *весь составъ* литературныхъ новостей (книгъ и статей) библіографическому описанію“. Редакція помнитъ это обѣщаніе, но, повидимому, забыла о размѣрахъ обѣщаннаго. Теперь она говоритъ, что обиліе вышеуказаннаго матеріала заставило ее „отказаться отъ мысли предложить также *болѣе или менѣе* полный библіографическій обзоръ выдающихся явленій литературы за истекшій годъ“. Редакція „ограничивается пока лишь оцѣнкой *нѣсколькихъ* сочиненій, относящихся къ области критики“. На дѣлѣ, однако, не оказалось мѣста для оцѣнки и *нѣсколькихъ* сочиненій: вся библіографія „Почина“ исчерпывается двумя, принадлежащими перу г. Гольцева, небольшими рецензіями — о сочиненіяхъ Шелгунова и о книгѣ М. А. Протопопова „Литературно-критическія характеристики“. И сочиненія Шелгунова, и книга г. Протопопова, безъ сомнѣнія, заслуживаютъ вниманія, но намъ кажется все-таки, что Обществу любителей россійской словесности надлежало бы или выполнить свое первоначальное обѣщаніе относительно критико-библіографическаго отдѣла, или же совсѣмъ отъ него отказаться. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ была бы устраниена едва-ли достойная старѣйшаго русскаго литературнаго Общества случайность выбора.

Случайность состава „Почина“ выражается, впрочемъ, не только критико-библіографическимъ отдѣломъ. Наибольшій интересъ представляютъ въ лежащемъ передъ нами Сборникѣ

письма Бѣлинскаго (частью уже напечатанныя въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“), затѣмъ статья Е. С. Некрасовой „Герцѣнтъ въ Вяткѣ“. Это очень цѣнные матеріалы для характеристики двухъ знаменитыхъ дѣятелей русской литературы, но матеріалы эти, хотя и доставлены членами Общества, но не читались въ немъ, не дебатировались, вообще не занимали Общества, какъ *организации*, вплоть до появленія ихъ въ печати. То же самое надо сказать о доброй половинѣ тома. Да и въ тѣхъ частяхъ Сборника, которыя можно назвать „живой лѣтописью дѣятельности“ Общества, вы не видите духа объединяющей инициативы, какихъ-нибудь опредѣленныхъ задачъ; не видите, прежде всего, въ „любителяхъ“ любви къ россійской словесности. „Россійская словесность“,—даже ограничивая ея область поэзіей, литературной критикой и исторіей литературы,—обуревается разными новыми вѣяніями; россійская словесность и въ другихъ отношеніяхъ переживаетъ трудныя минуты; а любителямъ россійской словесности какъ будто до всего этого дѣла нѣтъ. Поэтому, несмотря на то, что въ „Починѣ“ есть высоко-интересныя статьи и матеріалы,—въ цѣломъ онъ производитъ впечатлѣніе надгробнаго памятника Обществу любителей россійской словесности.

Сборникъ въ пользу еврейскихъ начальныхъ школъ. Изданіе Общества распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи. Спб. 1896.

Симпатичная цѣль Сборника, обезпечивающая ему успѣхъ и безъ особой рекомендаціи, не побудила бы насъ обращать на него вниманіе читателей „Русскаго Богатства“, если бы мы не считали его содержаніе очень подходящимъ для ознакомленія съ внутренней жизнью нашихъ русскихъ евреевъ. Съ разныхъ точекъ зрѣнія, въ различномъ освѣщеніи въ этихъ научныхъ статьяхъ и беллетристическихъ очеркахъ, принадлежащихъ, по большей части, перу евреевъ, причастныхъ наукѣ и литературѣ, раскрываются тѣ или иные стороны культурной еврейской жизни въ прошедшемъ и настоящемъ. Очерки изъ исторіи еврейской книги въ западной Европѣ въ самомъ началѣ книгопечатанія (проф. Д. А. Хвольсона) и въ Россіи, въ прошломъ вѣкѣ (А. Я. Гаркави), этюды по исторіи образованія, характеристики общественныхъ и литературныхъ дѣятелей, патолого-этнографическія изслѣдованія (съ весьма любопытными данными и выводами), статьи историко-литературныя — таковъ разнообразный матеріалъ, представляемый Сборникомъ. Г. Вл. Соловьевъ полемизируетъ съ французскимъ историкомъ Аве по вопросу о томъ, „когда жили еврейскіе пророки“. Г. Вольфъ сопоставляетъ

интересныя заключенія русскихъ людей по вопросу объ образованіи евреевъ: отрывокъ изъ большой книги „Русскіе люди о евреяхъ“, которая была уже отпечатана, но не могла быть выпущена въ свѣтъ по независящимъ отъ составителя обстоятельствамъ. Г-жа В. Венгерова напоминаетъ объ источникахъ Шейлока, отбѣняя индивидуальныя черты, внесенныя въ готовый образъ его могучимъ создателемъ.

Беллетристика Сборника запечатлѣна болѣе добрыми намѣреніями, чѣмъ художественными достоинствами. Все это—разказы *à thèse*, пересыпанные теоретическими препирательствами и монологами героевъ на большія темы большого вопроса: публицистическіе этюды въ беллетристической формѣ. Но эта „идейность“ дѣлаетъ ихъ болѣе любопытными для русскаго читателя; это живѣе вводитъ его въ нѣкоторыя духовныя теченія, характерныя для „интеллигентной“ еврейской массы. Здѣсь ярко пробивается живая идея, намѣченная въ концѣ 70-хъ годовъ: идея сближенія съ своимъ народомъ, идея работы въ немъ и для него, безъ національнаго самоубійства, безъ трусливаго отреченія отъ самого себя,—идея, покоющаяся на непреложномъ убѣжденіи, что не искусственная ассимиляція, а мирная интернаціональность—съ свободнымъ сохраненіемъ народной индивидуальности—рѣшаетъ правильно и безболѣзненно боевые вопросы національнаго существованія. Въ этомъ смыслѣ любопытны разказы „Гитта“, „Мечтатель“ и особенно „Исторія одной еврейки“.

Международная Библіотека, изданіе I. Юровскаго. III. Летурно. Прошедшее и будущее литературы.—М. Гюйо. Принципы искусства и поэзіи.—М. Лапарусъ. Взаимодѣйствіе души и тѣла. Спб. 1896.

Мы какъ-то указывали уже составителямъ „Международной Библіотеки“ на неудобство выбирать для ихъ популярныхъ книжекъ отдѣльныя главы изъ большихъ изслѣдованій. Лишенные общей связи съ законченнымъ цѣлымъ, къ которому онѣ принадлежатъ, и не снабженные даже указаніями, откуда вырваны эти разрозненныя статейки, иногда и съ произвольными купюрами—могутъ стать въ противорѣчіе съ цѣлями популярной литературы и давать лишь поверхностные клочки полу-знанія. А между тѣмъ нѣтъ ничего глупѣе этого полу-знанія для той поверхностно-культурной массы, изъ которой вербуются читатели популярныхъ брошюръ. Въ брошюрѣ Лапаруса, напр., его прельщаетъ одновременно и дешевизна, и серьезность заглавія. Онъ рассчитываетъ за двугривенный постигнуть всю суть „взаимодѣйствія души и тѣла“—и, увы, не узнаетъ даже того, что это—29-я—86-я страницы изъ боль-

шой монографіи Лацаруса „Духъ и языкъ“, занимающей цѣлый томъ въ его „Жизни души“.

Это очень интересная глава. Совершенно исключивъ изъ своего изслѣдованія метафизическія пререканія матеріализма и спиритуализма, Лацарусъ ставитъ весь вопросъ на психологическую почву, и, съ обычнымъ блескомъ въ стилѣ и тонкостью различеній, выясняетъ связь между природой духовной и физической въ случаяхъ воспринимающей, равно какъ и продуктивной дѣятельности души. Здѣсь именно подготавливается почва для пониманія тѣхъ ступеней въ созданіи языка, опредѣленіе которыхъ составляетъ признанную научную заслугу Лацаруса вмѣстѣ съ другомъ его, Штейнталемъ. Въ этомъ смыслѣ и съ этой цѣлью ведется изложеніе: рефлексаторная дѣятельность должна объяснить патогномическую, зачаточную ступень въ процессѣ созданія слова; ассоціативныя движенія выясняютъ слѣдующую, оноματοпозитическую ступень, а ученіе объ апперцепціи подготавливаетъ къ изложенію вопроса о такъ называемой внутренней формѣ—о „характеризующей“ стадіи созданія слова. Такимъ образомъ, вся эта глава посвящена совсѣмъ не общему вопросу о взаимодѣйствіи души и тѣла во всей его полнотѣ, но лишь специфическому его значенію въ данномъ отношеніи, въ историко-философскомъ языковѣдѣніи. Отъ читателя это остается скрытымъ—и онъ получаетъ ложное представление о предметѣ.

Не лучше обстоитъ дѣло съ брошюрой Летурно, подъ заглавіемъ: „Прошедшее и будущее литературы“; здѣсь соединены совершенно произвольно *первая* и *послѣдняя* главы изъ его обширной „Evolution littéraire“, которая переведена уже на русскій языкъ цѣликомъ („Литературное развитіе различныхъ племенъ и народовъ“. Изд. Ф. Павленкова). Полной картины развитія литературы книга Летурно, конечно, не даетъ; она страдаетъ обычными недостатками всѣхъ трудовъ французскаго социолога—недостаточной глубиной, неосторожностью въ выводахъ, широкимъ пользованіемъ готовыми матеріалами изъ вторыхъ рукъ безъ детальнаго самостоятельнаго изслѣдованія.—Но читатель, желающій познакомиться съ новѣйшими взглядами на первичныя фазы исторіи литературы, долженъ обратиться, разумѣется, не къ брошюрѣ „Международной Библіотеки“, а къ цѣлому сочиненію. Взглядъ Летурно на зачаточную ступень исторіи литературы вполне соответствуетъ современному состоянію науки. Литература не исчерпывается для него продуктами развитой культуры, которые являются лишь послѣднимъ этапомъ ея историческаго развитія. Безличность, групповой характеръ первобытнаго творчества, „синкретизмъ“ первобытнаго искусства, которое лишь значительно позже дифференцируется въ ми-

миу, музыку и поэзію, значеніе языка въ эстетическихъ эмоціяхъ, параллельное развитіе лирики и индивидуализма—эти и другія, признанныя въ наукѣ, но мало извѣстныя публикѣ, данныя положены въ основаніе его изслѣдованія, гдѣ и для специалиста много интереснаго, хотя и мало новаго. .

Мысли Летурно о литературѣ будущаго представляютъ мало интереса: это не научныя предсказанія, а банальныя благопожеланія, безъ достаточнаго пониманія смысла литературнаго движенія въ наше время. Психологическое, вѣрнѣе, народно-психологическое объясненіе стадій литературной эволюціи не достигается механическимъ сопоставленіемъ этнографическихъ данныхъ изъ всевозможныхъ источниковъ безъ самостоятельной работы въ какой-нибудь области исторіи литературы.

„Принципъ искусства и поэзіи“ Гюйо—отрывокъ изъ его „Современной эстетики“, обѣ части которой переведены были въ свое время на русскій языкъ (Часть I: „Задачи современной эстетики“. Спб. 1890. Часть II: „Искусство съ точки зрѣнія социологіи“. Спб. 1891). Мысль о серьезности искусства, о его незамѣнимости и глубокомъ значеніи проникаетъ все изслѣдованіе молодого французскаго философа, столь временно унесеннаго смертью. „Задачи современной эстетики“ для него связаны неразрывно съ критикой теорій, сводящихъ искусство къ игрѣ, къ свободному и безцѣльному упражненію нашихъ способностей; эти теоріи кажутся Гюйо противорѣчащими его убѣжденію въ возвышенномъ, глубоко-жизненномъ значеніи искусства. Значеніе искусства выражается для него, во-первыхъ, въ его основномъ принципѣ—соціальности, во-вторыхъ, въ его грядущихъ судьбахъ—въ его жизненности и безконечномъ совершенствованіи въ связи съ эволюціей въ области физической и психической и, наконецъ, въ-третьихъ, въ его формѣ, которая не представляетъ собою для Гюйо ничего искусственнаго, ничего внѣшняго, ничего самодовлѣющаго. Наоборотъ, съ истиннымъ чувствомъ прекраснаго совершенно несовмѣстимъ, по его мнѣнію, тупой диллтантизмъ, для котораго всякое впечатлѣніе ограничивается болѣе или менѣе тонкимъ ощущеніемъ, низводится до простой интеллектуальной формы, грубаго орудія забавы ума. „Все, что скользитъ по существу, не проникая вглубь, что оставляетъ васъ *холоднымъ* (употребляя это вульгарное, но сильное выраженіе), т. е. все то, что не проникаетъ въ самую жизнь—совершенно чуждо прекрасному“. Такова основная идея, посредствомъ которой Гюйо старается „защитить искусство и поэзію отъ художниковъ и поэтовъ“ или, вѣрнѣе, отъ ихъ эстетическихъ теорій.

Сообразно указаннымъ тремъ направленіямъ изслѣдованія,

первая половина труда Гюйо и раздѣлена на три книги соотвѣтственнаго содержанія. Эти три книги, очевидно, тѣсно связаны другъ съ другомъ и едва-ли могутъ быть поняты надлежащимъ образомъ одна безъ другой. Между тѣмъ составители „Международной Библіотеки“ считаютъ себя въ правѣ дать читателю, подъ видомъ законченной монографіи, *первую* часть „Задачъ современной эстетики“, отбросивъ даже общее предисловіе автора, связывающее ее со всѣмъ изслѣдованіемъ.

Переводы въ изданіяхъ г. Юровскаго недурны, выборъ статей не вызываетъ серьезныхъ возраженій, — если не считать кой-какихъ исключеній; остается перестать давать обрывки выѣсто законченныхъ статей, хотя бы это и сопряжено было съ увеличеніемъ размѣра брошюркъ — и тѣмъ закрѣпить за „Международной Библіотекой“ не только рыночную популярность, но и довѣрчивое вниманіе читателя.

Я. Канторовичъ. Средневѣковые процессы о вѣдьмахъ. (Юридическая библіотека, № 9). Изданіе Я. Канторовича. Спб. 1896.

Въ работѣ г. Канторовича нѣтъ ничего новаго и оригинальнаго, но она касается одного изъ интереснѣйшихъ эпизодовъ европейской исторіи. „Съ конца XIV до второй половины XVIII в., въ теченіе почти четырехъ столѣтій, во всѣхъ странахъ Европы не переставали пылать костры, раздуваемые невѣжествомъ, фанатизмомъ и суевѣріемъ, и сотни тысячъ невинныхъ людей, послѣ страшныхъ мученій пытки, обрекались на смерть по обвиненію въ связи съ дьяволомъ и въ разныхъ чудовищныхъ преступленіяхъ колдовства. Всего сто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ потухли костры, на которыхъ сожигались жертвы суевѣрія, осужденныя по всѣмъ правиламъ судопроизводства, на основаніи постановленій уголовнаго законодательства, „во имя Бога, короля и правосудія“. Впрочемъ, костры, потухшіе сто лѣтъ назадъ, были далеко еще не послѣдними. Преслѣдованіе колдовства въ Испаніи продолжалось еще въ началѣ XIX столѣтія, а въ католической Мексикѣ 20 августа 1877 года пять женщинъ обвинены въ колдовствѣ по всѣмъ правиламъ судопроизводства — и всѣ сожжены на одномъ кострѣ“ (стр. 160).

Это было какое-то повальное безуміе, охватившее Европу и державшее ее четыре вѣка подъ давленіемъ кошмара, выпѣдшаго изъ самыхъ мрачныхъ закоулковъ схоластики, фанатизма и религіозной нетерпимости. Основанное на вѣрѣ въ сатану, это безуміе сначала совершенно извратило здравыя основы процесса, а затѣмъ само питалось бредомъ и сказками, которыя вырывались подъ пыткой у обезумѣвшихъ жертвъ.

Все это записывалось, сводилось вмѣстѣ, служило темой для спеціальныхъ сочиненій, которыя послѣ въ свою очередь давали руководящія пріемы для допросовъ пытаемыхъ. Вѣра въ сатану укоренялась все больше, демонологія становилась чуть не наукой. Дьявольская іерархія была изучена съ полной подробностью. „Одинъ изъ демологовъ, Jean Weier, насчитываетъ въ дьявольской арміи 72 тыс. князей, графовъ и маркизовъ и 7.405,928 простыхъ чертенятъ“ (2).

Въ 1489 году, съ благословенія папы и одобренія кельнскаго теологическаго факультета издана въ Кельнѣ книга *Malleus maleficarum* (Молотъ вѣдьмъ), ставшая вскорѣ авторитетомъ для свѣтскихъ судовъ. Она написана инквизиторомъ Яковомъ Шпренгеромъ, въ сотрудничествѣ съ другимъ инквизиторомъ Кремеромъ, и представляетъ настоящій бредъ, въ которомъ самыя дикія басни и самыя чудовищныя вымыслы о колдовствѣ и вѣдьмахъ санкціонируются ссылками на тексты Свящ. Писанія, на тезисы авторитетовъ теологій и подтверждаются фактами изъ кровавой практики самихъ авторовъ. Книга начинается текстомъ папской буллы и имѣетъ во главѣ тезисъ: „*Haeresis est maxima opera maleficarum non credere*“, — такимъ образомъ, всякій сомнѣвающийся въ наличности колдовства и въ существованіи вѣдьмъ — объявлялся впередъ страшнѣйшимъ изъ еретиковъ, заслуживающимъ костра. Право и религія, юриспруденція и инквизиція соединяются вмѣстѣ. Процессы о вѣдьмахъ наполняютъ четыре столѣтія, число жертвъ доходитъ до невѣроятныхъ цифръ. Въ теченіе только XVI и XVII столѣтій въ одной Германіи было сожжено свыше ста тысячъ вѣдьмъ, а во всей Европѣ за періодъ XIV—XVII вв. насчитывается свыше милліона жертвъ! Нѣкоторые насчитываютъ ихъ до 4, даже до 9 милліоновъ.

Подъ вліяніемъ пытокъ, казней, костровъ, мрачное настроеніе охватывало общество, фигура сатаны получала осязательную реальность, настоящее безуміе охватывало массы, всѣ проявленія истеріи и нервныхъ разстройствъ изливались въ готовыя формы. Порой мужа доносили на женъ, матери на дѣтей, пытка подтверждала всякій доносъ, изувѣрскіе суды считали признаніе „болѣе очевиднымъ, чѣмъ сама очевидность“ и потому на кострахъ гибли не разъ вѣдьмы, обвиненныя въ умерщвленіи дѣтей, которыя однако оказывались живы и невредимы. Зараза достигала такихъ предѣловъ, что одинъ изъ наиболѣе жестокихъ судей Remy или Remigius, авторъ книги „*Daemonolatria*“, сжегшій въ теченіи своей 15-лѣтней практики свыше 900 вѣдьмъ, — въ концѣ своей жизни вообразилъ и себя одержимымъ сатаной и далъ себя сжечь на кострѣ (16). Около 1484 г. повальная истерія охватила монахинь одного монастыря, — онѣ мяукали, даяли, катались по землѣ.

Послѣ напрасныхъ попытокъ изгнать дьявола—всѣ монахини были сожжены. Въ княжествѣ Нейссе въ теченіи 9 лѣтъ сожжено болѣе тысячи вѣдьмъ; въ томъ числѣ были дѣти въ возрастѣ отъ 2—4 лѣтъ. Въ Швеціи, въ одномъ селеніи, у дѣтей появились судороги, сопровождавшіяся обморочнымъ состояніемъ. Наряжена коммиссія, которая добилаь отъ дѣтей признанія, что вѣдьмы таскаютъ ихъ съ собою на шабашъ. На шабашѣ сатана часто бьетъ вѣдьмъ и дѣтей, иногда же, напротивъ, очень милостивъ, играетъ на арфѣ, любитъ, когда онъ боленъ, чтобы вѣдьмы пускали ему кровь, а разъ даже умеръ на короткое время. Въ результатѣ присуждены къ смерти 84 женщины и 15 дѣтей, изъ остальныхъ 56 дѣтей биты плетью (118)... Въ нѣкоторыхъ деревняхъ трирскаго епископства всѣ мѣстныя женщины подпали обвиненію въ колдовствѣ, какъ что въ одной деревнѣ осталась въ живыхъ всего одна женщина! (103).

Мрачная картина, способная внушить самое безнадежное представленіе о свойствахъ человѣческой природы, прорывается кое гдѣ свѣтлыми примѣрами мужественной мысли, возстававшей противъ общаго безумія и изуверства, несмотря на всю опасность борьбы. Корнелій Агриппа Нетесгеймскій въ 1531 году, Иоганъ Вейеръ изъ Мозеля въ 1563, Адамъ Таннеръ изъ Инсбрука въ 1626, — раздѣляя общую вѣру въ реальность колдовскихъ явленій—подвергали анализу достовѣрность судебныхъ процессовъ и протестовали во имя чловѣчности противъ жестокости пытокъ и казней. „Къ вамъ, судьи, обращаюсь я и спрашиваю,—писалъ въ 1631 году благородный Фридрихъ фонъ-Шпе, посѣдѣвшій преждевременно отъ самаго вида страданій невинно казненныхъ,—зачѣмъ вы такъ тщательно ищите повсюду вѣдьмъ и колдуновъ? Я вамъ укажу, гдѣ они находятся. Возьмите перваго капуцинскаго монаха, перваго іезуита, перваго священника, подвергните его пыткѣ, и онъ признается, онъ непремѣнно признается... Возьмите прелатовъ, кардиналовъ, возьмите самаго папу! Они признаются, увѣряю васъ, они признаются!“...

Вторая часть очерка г. Канторовича пытается нарисовать картину вѣдовства и колдовства на Руси. Несомнѣнно, что у насъ это явленіе не имѣло ни той интенсивности, ни того глубоко мрачнаго характера, какими оно отмѣчено въ исторіи Зап. Европы. Однако, невѣрно и утвержденіе автора, будто у насъ никакихъ „религіозныхъ или иныхъ причинъ для преслѣдованія колдовства не было“, а процессы этого рода имѣли лишь чисто гражданскій характеръ (вознагражденіе за нанесенные вѣдовствомъ убытки). „Въ допетровскій періодъ по-
—ло подъ пытками не мало людей, благодаря выкликаніямъ
—ушь,—говоритъ самъ авторъ на стр. 185,—въ указахъ

царя Оедора Алексѣевича учителямъ магіи и чернокнижія полагается сожженіе, въ артикулахъ воинскаго устава Петра Великаго говорится объ идолопоклонникѣхъ, чернокнижцѣхъ, ружья заговорителѣхъ, — что таковой „весьма сожженъ быть имѣтъ“. Все это указываетъ, что и у насъ въ народныхъ воззрѣніяхъ, въ церковныхъ и свѣтскихъ уставахъ была почва для того-же явленія и только по разнымъ историческимъ условіямъ оно не развилось въ ту повальную болѣзнь изуверства и безумія, которое охватило феодально-католическую Европу. Вообще, эта вторая часть книги составлена слишкомъ поверхностно и неполно, что не мѣшаетъ, однако, рекомендовать настоящее изданіе, какъ интересный и полезный очеркъ одного изъ самыхъ поучительныхъ заблужденій, въ какое впадало человѣчество.

Дѣло мултанскихъ вотяковъ, обвиняемыхъ въ принесеніи **человѣческой жертвы языческимъ богамъ** (составлено А. И. Барановымъ, В. Г. Короленко и В. И. Сухоноевымъ, подъ редакціей и съ примѣчаніями В. Г. Короленко). Москва, 1896.

Д-ръ Э. Ф. Веллинь (пр.-доц. Судебной Медицины Императорскаго Харьковскаго университета, старшій городской и судебный врачъ гор. Харькова). **Судебно-медицинская экспертиза въ дѣлѣ мултанскихъ вотяковъ, обвиняемыхъ въ принесеніи человѣческой жертвы языческимъ богамъ.** (Съ тремя табличками рисунковъ). Харьковъ, 1896.

И. Богаевскій. **Мултанское моленіе вотяковъ въ свѣтѣ** **этнографическихъ данныхъ, съ рисунками.** Москва, 1896 (изд. І. Кнебеля, «Вопросы науки, искусства, литературы и жизни», № 3).

Чѣмъ то мрачнымъ, таинственнымъ и средневѣковымъ вѣетъ и отъ такъ называемаго „мултанскаго дѣла“, по праву привлекающаго къ себѣ очень широкое вниманіе печати и общества, отмѣченнаго не только у насъ, но и за границей. М-г Edward Clodd, предсѣдатель лондонскаго фольклъ-лорнаго общества, въ своей годичной рѣчи въ 1895 году, — въ числѣ другихъ фактовъ сообщилъ, что „въ одной деревнѣ въ Вяткѣ, во время большого русскаго голода, нѣсколько крестьянъ, принадлежавшихъ къ какой-то мѣстной сектѣ, напоили нищаго допьяна, послѣ чего перерѣзали горло, обезглавили его и вынули сердце и легкія для жертвоприношенія злему духу Курбану“ (for use in sacrificial rites to propitiate the evil spirit Kourbane). При этомъ, уважаемый президентъ сослался на газетныя извѣстія: Pall Mall Gazette отъ 25 октября 1894 г., и St James Gazette отъ 12 января, — послѣдняя сообщала приговоръ надъ вотяками, постановленный въ Малмыжѣ. Въ настоящее время послѣ вторичнаго приговора въ Елабугѣ — можно было-бы цитировать десятки иностранныхъ газетъ, принявшихъ фактъ человѣческаго жертвоприношенія „to propitiate the evil spirit Kourbane“, какъ вполне доказанный, и дѣлающихъ къ нему весьма нелестныя для нашего народа комментаріи.

Совершенно понятно, что отечественная пресса обратила еще больше вниманія на это дѣло, пытавшееся раскрыть такую мрачную страницу нашей культуры. Что у насъ еще много тѣмы и невѣжества самаго глубокаго,—это, разумѣется, фактъ, не подлежащій сомнѣнію; однако, простая и самая элементарная справедливость къ своему народу требуетъ, чтобы обвиненіе въ такомъ ужасномъ изувѣрствѣ, какъ культъ человѣческихъ жертвоприношеній въ земледѣльской средѣ одной изъ земскихъ губерній, было, по крайней мѣрѣ, обставлено доказательствами, болѣе достовѣрными, чѣмъ слухи и толки, которые всегда тѣмъ нелѣпѣе, чѣмъ темнѣе среда. Настоящее дѣло является первымъ, въ которомъ обвиненіе, основанное на темныхъ слухахъ, принимаетъ определенную форму и направляется на определенныхъ лицъ. Понятно поэтому, что приговоръ суда не можетъ не возбуждать самаго глубокаго интереса въ русскомъ обществѣ. Разбираемый нами отчетъ даетъ фактическій матеріалъ по дѣлу, почерпнутый изъ второго судебного разбирательства (въ гор. Елабугѣ) и снабженный обильными ссылками на письменные матеріалы слѣдственнаго производства. „Считаемъ нелишнимъ указать читателю,—говоритъ В. Г. Короленко въ предисловіи,—что онъ встрѣчаетъ здѣсь судебный матеріалъ, явная односторонность и пристрастіе котораго дважды признана сенатомъ“, вслѣдствіе существенныхъ правонарушеній отмѣнявшимъ два раза обвинительные вердикты). До какихъ предѣловъ доходило извращеніе самыхъ началъ состязательнаго процесса въ этомъ случаѣ, видно хотя бы изъ того, опять-таки, признаннаго сенатомъ факта, что обвинитель во время суда въ Малмыжѣ бралъ на себя роль предсѣдателя „и неоднократно прерывалъ защитника при допросѣ свидѣтелей и при представленіи объясненій присяжнымъ засѣдателямъ“ (XII). Характеръ же самаго обвиненія рисуется началомъ обвинительной рѣчи: „Извѣстно, господа, что евреи часто убиваютъ дѣтей, на крови которыхъ приготавливаютъ пасхальные опрѣснокы“ (XI, см. также „Казанскій Телеграфъ“, 24 янв. 1895, № 595). Если прибавить къ этому, что защитѣ, на формальныхъ, а частью и совершенно незаконныхъ основаніяхъ, отказано въ вызовѣ своихъ свидѣтелей и что передъ присяжными прошли одностороннія показанія однихъ лишь свидѣтелей обвиненія; что, затѣмъ, сложнѣйшіе вопросы судебной медицины рѣшались лишь уѣздными врачами, и этнографическая экспертиза обставлена была съ наименьшей односторонностью; что, наконецъ, самъ evil spirit Kourbane, пріобрѣтшій такую всесвѣтную знаменитость, оказался вовсе не „злымъ богомъ“, а лишь „моленіемъ“, и самымъ существованіемъ своимъ обязанъ ученымъ познаніямъ нѣкото Кобылина, говорившаго

со словъ дурачка-нищаго,—если принять все это въ соображеніе, то, кажется, нельзя не согласиться, что опубликованіе хотя бы и столь односторонняго матеріала очень полезно. Составители, по ихъ словамъ, имѣли въ виду вывести этотъ матеріалъ изъ тѣсной залы суда, на отдаленной окраинѣ, и подвергнуть ихъ анализу настоящей науки, которая въ данномъ случаѣ можетъ оказать неоцѣненные услуги и самому правосудію.

Цѣль эта въ значительной степени достигнута. Помимо обширной газетной литературы и протоколовъ ученыхъ обществъ,—передъ нами два отдѣльныхъ изданія, разсматривающихъ вопросъ при свѣтѣ этнографическихъ и судебно-медицинскихъ данныхъ. Г. Богаевскій, уже раньше полемизировавшій съ экспертомъ обвиненія, г. Смирновымъ,—приводитъ данныя о языческой религіи вотяковъ и о подробностяхъ жертвеннаго ритуала. Если,—справедливо разсуждаетъ нашъ авторъ,—вотяки способны были принести въ жертву даже человѣка, то это возможно лишь при условіи что въ ихъ средѣ еще очень жива языческая обрядность *). Приверженность къ формальному культу, къ малѣйшимъ мелочамъ ритуала—характеризуетъ язычество въ особенности. Малѣйшее отступленіе отъ установленныхъ вѣками правилъ навлекаетъ, по мнѣнію язычника, гнѣвъ божества и вмѣсто милости обрушиваетъ несчастіе на головы молящихся. Чѣмъ важнѣе жертва, тѣмъ, очевидно, строже должны соблюдаться правила. Между тѣмъ, въ данномъ случаѣ обвиненіе обставляется предполагаемое жертвоприношеніе цѣлымъ рядомъ вопіющихъ нарушеній ритуала и обрядовъ, расходящихся со всѣмъ, что извѣстно этнографической наукѣ. На этомъ основаніи г. Богаевскій въ своей обстоятельной работѣ, чрезвычайно осторожной въ аргументаціи и выводахъ совершенно присоединяется къ мнѣнію, уже ранѣе высказанному С. К. Кузнецовымъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ не жертвоприношеніе, а лишь грубую поддѣлку подъ неясное представленіе о жертвоприношеніи. Нужно сказать, что (кроме г. Смирнова) ни одинъ ученый этнографъ еще не высказался въ иномъ смыслѣ.

Особенно важное, можно даже сказать рѣшающее значеніе имѣетъ ученая работа Э. Ф. Беллина, приватъ-доцента харьковскаго университета, извѣстнаго авторитета въ вопросахъ судебной медицины, автора выдающихся работъ изъ этой области. Произведя самые тщательные опыты надъ трупами, для провѣрки судебно-медицинскихъ данныхъ, г. Беллинъ приходитъ къ заключеніямъ, совершенно совпадающимъ

*) Замѣтимъ, что мултаны—болѣе ста лѣтъ уже православные и село ихъ служитъ центромъ православнаго прихода.

съ заключеніями С. К. Кузнецова и П. М. Богаевского. По его мнѣнію, обставленному строго-научными доказательствами, операція, которая приписывается рукамъ вотяковъ, приносившихъ будто бы нищаго въ жертву,—въ томъ видѣ и въ тѣхъ условіяхъ, какъ она описана въ протоколѣ вскрытія,—могла быть продѣлана лишь надъ разложившимся трупомъ въ то время, когда онъ (въ теченіе мѣсяца!) ожидалъ вскрытія, находясь подъ ежедневно смѣняющимся карауломъ. Такимъ образомъ и судебная медицина подтверждаетъ мнѣніе, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ симуляціей, очень грубой съ точки зрѣнія этнографа, очень ловкой, какъ анатомическая операція, имѣвшей цѣлью направить поиски властей на ложную дорогу, сваливъ убійство на вотяковъ. Мы не имѣемъ въ виду воспроизводить здѣсь всѣ подробности аргументаціи разбираемыхъ авторовъ. Отсылая всякаго, кто пожелаетъ ближе ознакомиться съ интереснымъ дѣломъ, непосредственно къ разбираемымъ книгамъ,—мы позволимъ себѣ привести, въ заключение, мысль А. Θ. Кони, высказанную имъ по другому поводу. Для того, чтобы приговоръ присяжныхъ былъ дѣйствительно *приговоромъ*, а не случайнымъ *мнѣніемъ* двѣнадцати человѣкъ, необходимо, чтобы матеріаль, надъ которымъ работаетъ умъ и совѣсть присяжныхъ, обладалъ всѣми гарантіями достовѣрности, установленными закономъ. Мы не хотимъ сомнѣваться, что въ концѣ-концовъ, послѣ двухъ кассаций, мултанское дѣло представитъ въ условіяхъ, достойныхъ суда просвѣщенной страны, которая дадутъ намъ, наконецъ, настоящій „приговоръ“. А пока можно констатировать съ полной достовѣрностью, что двукратно выраженное „мнѣніе 12 человѣкъ“, основанное на слухахъ, неизвѣстно откуда исходящихъ, стоитъ въ полномъ противорѣчій съ выводами науки—и нѣтъ сомнѣнія, что evil spirit Kourbane долженъ быть изгнанъ изъ ученыхъ анналовъ.

Книжка г. Богаевского снабжена рисунками,—въ томъ числѣ набросками самыхъ мѣстъ, гдѣ разыгрывалась таинственная мултанская драма, а къ работѣ проф. Беллина приложены очень убѣдительныя иллюстраціи его опытовъ.

Гр. Джаншіевъ. Судъ надъ судомъ присяжныхъ (по поводу статей г. Дейтриха и «Гражданина»). 2-е дополненное изданіе. Москва 1896.

Успѣхъ этой книги г. Джаншіева, также, какъ и другихъ его изданій, посвященныхъ горячей и страстной защитѣ основныхъ началъ „освободительнаго періода“ нашей жизни, составляетъ очень пріятное явленіе, указывающее на тотъ живой и все возрастающій интересъ, съ какимъ наше общество относится къ вопросамъ этого порядка. На этотъ разъ г. Джан-

шіевъ беретъ на себя защиту „суда присяжныхъ“ отъ нападокъ его старыхъ и новоявленныхъ антагонистовъ. Какъ извѣстно, въ началѣ 1895 г. при министерствѣ юстиціи устроено было совѣщаніе высшихъ представителей судебныхъ округовъ—старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ палатъ—для выясненія взглядовъ судебныхъ практиковъ по важнѣйшимъ вопросамъ судоустройства и судопроизводства, и въ томъ числѣ вопроса о судѣ присяжныхъ. Результаты этихъ совѣщаній поразили если не неожиданностью, то во всякомъ случаѣ внушительностью: огромное большинство судебныхъ практиковъ высказались рѣшительно и единодушно въ пользу „суда совѣсти“. Исключеніе составили только 2 голоса (изъ 20), но, какъ говоритъ г. Джаншіевъ, одинъ изъ нихъ (представитель прокуратуры тифлискаго суда) совсѣмъ не знакомъ на практикѣ съ судомъ присяжныхъ, а другой—г. Дейтрихъ высказался далеко не безусловно противъ суда присяжныхъ вообще, а лишь противъ современной его организаціи. Правда, и въ этихъ предѣлахъ онъ кидаетъ по адресу „суда совѣсти“ очень много упрековъ, подавшихъ поводъ къ далеко неосновательнымъ ликованіямъ въ лагерѣ старыхъ противниковъ судебныхъ уставовъ. Отсылая читателей къ живо и интересно составленной брошюрѣ г. Джаншіева, побѣдоносно вскрывающей всю поверхностность и неосновательность этихъ упрековъ по существу, считаемъ не лишнимъ отмѣтить одну пикантную подробность. Въ числѣ *causes célèbres*, исходъ которыхъ г. Дейтрихъ ставитъ въ укоръ присяжнымъ, мы встрѣчаемъ также дѣло Палемъ. „Это,—говоритъ г. Джаншіевъ,—едва-ли не единственный образчикъ изъ сокровищницы обѣщанныхъ г. Дейтрихомъ личныхъ его „практическихъ“ наблюденій, такъ какъ это дѣло производилось подъ непосредственнымъ наблюденіемъ его, какъ главы руководимой имъ петербургской прокуратуры“. Какъ извѣстно, однако, по этому дѣлу присяжные просили дополнить слѣдствіе, судъ въ этомъ отказалъ, а затѣмъ сенатъ призналъ просьбу присяжныхъ совершенно правильной и отмѣнилъ самое слѣдствіе. Заключение врачей-психіатровъ, недавно оглашенное въ газетахъ, подтвердило также и по существу сомнѣніе присяжныхъ. Этотъ случай указываетъ еще разъ, что недостатковъ нашего судебного аппарата нужно искать совсѣмъ не тамъ, гдѣ его ищутъ антагонисты судебныхъ уставовъ. Большое мѣсто—въ остаткахъ старины, обильно сохранившихся еще въ процедурѣ предварительнаго слѣдствія,—вотъ что говоритъ и теорія, и практика самыхъ послѣднихъ годовъ, выдвигающая съ особенной яркостью вопросы правосудія въ тѣхъ или другихъ конкретныхъ формахъ. Пожелаемъ работѣ

г. Джаншіева, популяризирующего эти вопросы въ широкой публикѣ, дальнѣйшаго, вполне заслуженнаго успѣха.

Библіотека экономистовъ: Вып. V. Давидъ Юмъ и Іеремія Бентамъ, переводъ М. О. Гершензона.—Выпускъ VI. Франсуа Кенэ, переводъ А. В. Горбунова.—Вып. VII. Ж. Б. Сэ, переводъ Е. Н. Каменецкой.—Фредерикъ Бастіа, переводъ З. С. Яновской. Изданіе К. Т. Солдатенкова. М. 1896.

Послѣдніе три выпуска „Библіотеки экономистовъ“ знакомятъ читателя съ трудами выдающихся писателей конца прошлаго и первой половины настоящаго столѣтія: Кенэ, Юма, Бентама, Ж. Б. Сэ и Бастіа. Среди этихъ писателей наибольшее значеніе, какъ экономистъ, имѣетъ безспорно Кенэ, родоначальникъ фizioкратической школы. Труды фizioкратовъ вообще, а Кенэ въ частности, важны для насъ не только потому, что ими создана первая стройная экономическая доктрина, объяснявшая всѣ основныя явленія хозяйственной жизни, но и потому, что эти труды бросаютъ яркій свѣтъ на экономическій и соціальный строй дореволюціонной Франціи. Истинный характеръ великаго переворота конца 18-го вѣка лучше всего раскрывается, по словамъ Токвиля, въ сочиненіяхъ фizioкратовъ. Франція стараго порядка представляла для идей фizioкратовъ самую благопріятную почву. Поэтому-то ученіе фizioкратовъ, хотя и сложилось въ значительной степени подъ вліяніемъ англійскихъ мыслителей Гоббса, Локка, Юма и др., могло однако вполне развиться и процвѣтать только во Франціи. Здѣсь рѣшче, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, выразилась и эгоистическая политика выродившихся цеховъ, и докучливая правительственная регламентація всей хозяйственной дѣятельности, и продажность государственныхъ чиновниковъ, и произволъ надсмотрщиковъ всякаго рода. Здѣсь сельское хозяйство, благодаря сосредоточенію капиталовъ и труда въ торговлѣ и промышленности, отличалось наибольшею запущенностью и отсталостью: во Франціи конца 18-го вѣка еще въ полной силѣ сохранился средневѣковой строй сельскаго хозяйства, во многихъ мѣстахъ еще господствовала двухпольная система, а многія земли оставались совершенно неводѣляемыми; крестьяне систематически разорялись помѣщичьими, церковными и государственными поборами. Наконецъ нигдѣ, быть можетъ, податная система не была построена на такихъ несправедливыхъ началахъ, какъ именно во Франціи стараго режима, гдѣ стѣснительные налоги на предметы потребления—*aides* и *gabelles*—стояли въ первомъ планѣ, гдѣ тяжелый земельный налогъ—*taille*—падалъ исключительно на трудящуюся массу, уже обложенную, равнѣ съ духовенствомъ и дворянствомъ, подушной податію.

и подоходнымъ налогомъ. Отсюда понятно, что дореволюціонная Франція представляла благопріятную почву не только для политическихъ и философскихъ доктринъ, явившихся протестомъ противъ крайнихъ отбсненій личной свободы, противъ ненормальностей тогдашняго политическаго строя, противъ произвола администраціи и суда, противъ искусственности нравовъ, удаленія отъ „естественнаго состоянія“ и проч., но и для экономической доктрины, выступившей съ рѣзкимъ протестомъ противъ вредныхъ отбсненій хозяйственной дѣятельности, задерживавшихъ ростъ крупнаго производства и развитіе нарождавшейся буржуазіи, обратившей вниманіе на плохое состояніе сельскаго хозяйства, возстававшей противъ вредной и несправедливой системы налоговъ. Ясно поэтому, какой глубокой интересъ должно представлять изученіе трудовъ фیزیократовъ не только для экономиста, но и для всякаго, интересующагося переворотомъ конца прошлаго вѣка и условиями, его подготовившими.

Въ 6-мъ вып. „Библ. экон.“, посвященномъ Кенэ, приведены, въ цѣломъ или съ сокращеніями, важнѣйшіе труды этого писателя: „Китайскій деспотизмъ“, „Естественное право“, „Общіе принципы экономической политики земледѣльческаго государства“, „Объясненіе экономической таблицы“ и еще нѣкоторыя другія статьи. Къ сожалѣнію, Кенэ писалъ очень тяжело и сухо, отъ поэтому менѣе всего можетъ быть отнесенъ къ числу писателей, способныхъ заинтересовать такъ назыв. большую публику, для которой собственно и предназначена „Библиотека экономистовъ“. Даже современники мало читали тяжеловѣсныхъ статьи Кенэ, про котораго Вольтеръ выразился: „Son style n'a ni mouvement, ni attrait, ni clarté“. Намъ кажется поэтому, что издатели „Библ. экон.“ напрасно удѣлили Кенэ цѣлый выпускъ; гораздо лучше было-бы, если-бы нѣкоторыя статьи Кенэ были включены въ тотъ выпускъ, который издатели имѣютъ въ виду посвятить всей школѣ фیزیократовъ. Переводъ сдѣланъ въ общемъ правильно, но, къ сожалѣнію, переводчикъ держался ужъ слишкомъ близко французскаго текста: русскій переводъ читается поэтому еще труднѣе, чѣмъ тяжеловѣсный французскій оригиналъ. На стр. 38 встрѣчаемъ такую фразу: „другіе-же (законы) неизмѣнны и вѣчны и соблюдаются свободно безъ всякаго принужденія подъ вліяніемъ однихъ только *интереснаго мотива*, указывающихъ на тѣ выгоды, которыя достигаются ихъ исполненіемъ“. „*Motifs intéressants*“ можно было бы перевести, напр., эгоистическіе мотивы, но никакъ не „интересные мотивы“. На стр. 231 читаемъ: „дѣйствительно изобрѣтеніе книгопечатанія дало поводъ къ чрезвычайно серьезнымъ разсужденіямъ относительно уменьшенія труда *писателей*“. Хотя во французскомъ

текстѣ и сказано „travail des écrivains“, но здѣсь, очевидно, идетъ рѣчь о трудѣ не писателей, а переписчиковъ.

Переводу трудовъ Кенэ предшествуетъ статья г. А. Миклашевскаго, посвященная характеристикѣ жизни и произведеній отца фیزیократической школы. Послѣ краткой біографіи г. А. Миклашевскій даетъ намъ сначала характеристику философскихъ воззрѣній Кенэ. Къ сожалѣнію, туманная метафизическая система Кенэ остается и въ изложеніи г. Миклашевскаго столь же туманной и неудобопонятной; читатель ничего не потерялъ-бы, если-бы это изложеніе совершенно отсутствовало. Яснѣе излагаются г. Миклашевскимъ экономическія воззрѣнія Кенэ, хотя и здѣсь изложеніе не отличается той простотой и точностью, какія были-бы желательны въ научной статьѣ, въ особенности имѣя въ виду тотъ кругъ читателей, для котораго предназначена „Библіотека экономистовъ“. Вотъ нѣкоторые образчики. „Экономическая таблица его (Кенэ), какъ увидимъ ниже, составляетъ именно такую арифметическо-геометрическую абстракцію, которая основывается на предположеніи стройнаго и правильно совершающагося обмѣна по началамъ закона сохраненія энергіи между различными классами общества, источникомъ (и притомъ единственнымъ) богатства которыхъ является земля, ея чистый продуктъ“. Что значить „обмѣнъ по началамъ закона сохраненія энергіи“? О какихъ это законахъ сохраненія энергіи идетъ здѣсь рѣчь? „А. Смитъ, говоритъ далѣе г. А. Миклашевскій, замѣнилъ формулу фیزیократовъ другою, сводившею происхожденіе богатства къ тремъ началамъ: землѣ, труду и капиталу. Отъ этой формулы мы не отказались и по настоящее время, хотя теперь съ особою силою выдвигается новая формула, гласящая, что единымъ источникомъ человѣческаго богатства является трудъ человѣка“. Трудно понять, о чемъ говоритъ г. Миклашевскій: о происхожденіи богатства или о происхожденіи цѣнности. Если о происхожденіи богатства, то нигдѣ никогда не выдвигалась формула, „что единымъ источникомъ человѣческаго богатства является трудъ человѣка“; воѣми безъ исключенія признается и теперь старая формула Петти, что трудъ—отецъ богатства, а земля—мать его. Если-же г. Миклашевскій говоритъ, что болѣе вѣроятно, о происхожденіи цѣнности, хотя неточно замѣняетъ это понятіе понятіемъ богатства, то вѣдь единымъ источникомъ ея признается трудъ уже со времени Рикардо, и нельзя поэтому говорить, „что теперь съ особенной силою выдвигается новая формула“. Въ этой формулѣ нѣтъ ничего новаго, она уже довольно стара. „Современная наука останавливается на трудовой теоріи цѣнности и исходитъ изъ того-же положенія, что обмѣнъ и его регуляторъ, законъ спроса и предложенія, только временами

и спорадически нарушают то основное начало, согласно которому сверхстоимость получается въ процессѣ производства". Отсюда мы вправѣ сдѣлать выводъ, что по мнѣнію г. Миклашевскаго сверхстоимость получается временами и спорадически не только въ процессѣ производства, но и въ процессѣ обмѣна. Это мнѣніе явно ошибочное. Обмѣнъ и законъ спроса и предложенія вліяютъ на цѣны, нарушаютъ то общее начало, въ силу котораго товары должны обмѣниваться въ пропорціи затраченнаго на нихъ труда, оказываютъ, наконецъ, вліяніе на прибыль, но отсюда никоимъ образомъ нельзя сдѣлать того вывода, какой дѣлаетъ г. Миклашевскій, „что основное начало, согласно которому сверхстоимость получается въ процессѣ производства“, терпитъ какія-то ограниченія: сверхстоимость можетъ получаться только въ процессѣ производства, это начало не нарушается ни „временами“, ни „спорадически“. Въ своей вступительной статьѣ г. Миклашевскій приводитъ слѣдующую цитату изъ Кенэ: „Многое множество золъ, которыя принесъ человѣчеству духъ регламентации, не возникло, по крайней мѣрѣ въ большей своей части, отъ жадности, которая привзошла этому духу подъ прекраснымъ". Въмѣсто того, чтобы приводить такіа неуклюжіа цитаты, ужъ лучше было-бы, кажется, совсѣмъ на цитировать.

Мы должны въ заключеніе еще указать на то, что въ статьѣ г. Миклашевскаго воззрѣнія Кенэ излагаются безъ всякой связи съ воззрѣніями его предшественниковъ и его послѣдователей. Правда, г. Миклашевскій дѣлаетъ оговорку, что одинъ изъ слѣдующихъ выпусковъ „Библ. экон.“ будетъ посвященъ разбору всей фізіократической системы, гдѣ будетъ выяснена связь съ жизнью и философіею той эпохи и проч., но характеристика взглядовъ Кенэ отъ этого значительно теряетъ. Въ особенности необходимымъ представляется намъ сопоставленіе взглядовъ Кенэ съ воззрѣніями его послѣдователей. Нужно замѣтить, что представители фізіократической школы въ значительной степени уклонились, какъ на это справедливо напираетъ Онкенъ, отъ принциповъ Кенэ. Какъ это часто бываетъ, ученики ушли гораздо дальше своего учителя: Кенэ не доводилъ принципа *laissez faire* до такихъ крайностей, до какихъ его довели его ученики. Изреченіе — *laissez faire* встрѣчается въ многочисленныхъ трудахъ Кенэ всего только одинъ разъ и то въ видѣ цитаты. Кенэ стоялъ за государственное регулированіе размѣра процентовъ; въ своей статьѣ „Grains“ онъ дѣлаетъ разныя отступленія отъ требованій абсолютной свободы хлѣбной торговли; наконецъ, онъ является сторонникомъ обязательнаго всеобщаго обученія, т. е. опять таки приносить принципъ свободы въ жертву болѣе высокимъ началамъ. Къ сожалѣнію, г. А. Миклашевскій

несколько не подчеркнул этих положений, указывающих на различие между Кенэ и его последователями, благодаря чему читатель составить себѣ мнѣніе, что между представителями физіократической школы существовала полная солидарность.

Другой выпускъ „Библиот. эконом.“ посвященъ трудамъ Юма и Бентама. Значеніе Юма въ исторіи экономической литературы основывается прежде всего на томъ, что онъ своими правильными воззрѣніями на деньги, на торговый балансъ, на причины высокаго или низкаго процента, на значеніе труда и проч., опровергъ рядъ грубыхъ заблужденій меркантилистовъ и этимъ самымъ оказалъ сильное вліяніе на Ад. Смита и на дальѣйшее развитіе экономической науки. Но труды Юма цѣнны для насъ еще потому, что въ нихъ экономическія явленія изучаются въ связи съ явленіями политическаго и соціальнаго характера. Юмъ всегда оцѣнивалъ экономическіе факты съ широкой общественно-политической точки зрѣнія. Въ изданіе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, вошли наиболѣе важныя изъ „Опытовъ“ Юма, имѣющихъ экономическое значеніе: опыты „о торговлѣ“, „о деньгахъ“, „о торговомъ балансѣ“, „о зависти въ торговлѣ“, „о налогахъ“ и „о государственномъ кредитѣ“. Чтеніе русскаго перевода затрудняется тѣмъ, что экономическіе термины переведены не всегда правильно: „Stock of labor“, т. е. запасъ труда, переводится словами „капиталь труда“, это выраженіе встрѣчается нѣсколько разъ; „borrowers“ (берущіе взаймы) переведено словомъ „заимодавцы“ (39 стр.); слово „капиталь“ поставлено на стр. 40 вмѣсто словъ „количество благородныхъ металловъ“; „cash“ — сумма наличныхъ денегъ — переведено словомъ „капиталь“. Встрѣчаются еще другія неточности въ этомъ родѣ.

Вторая половина разбираемаго выпуска посвящена Бентаму. Хотя Бентамъ не обогатилъ экономическую науку какими-либо новыми истинами и въ этомъ отношеніи онъ среди экономистовъ занимаетъ второстепенное мѣсто, тѣмъ не менѣе изученіе его экономическихъ воззрѣній является глубоко поучительнымъ. На примѣрѣ Бентама мы можемъ изучить то противорѣчіе, какое существуетъ между началами экономического индивидуализма и принципами справедливости, между крайней экономической свободой и принципомъ равенства. Іеремія Бентамъ, по своимъ экономическимъ воззрѣніямъ, вѣрже всего манчестерецъ, человѣкъ, проникнутый глубокой вѣрой въ благотѣльность свободы вообще и экономической свободы въ частности, а потому онъ часто въ своихъ требованіяхъ государственнаго невмѣшательства идетъ дальше А. Смита. Но Бентамъ вмѣстѣ съ тѣмъ и искренній демократъ, проникнутый глубокой любовью къ трудящейся массѣ, а по-

тому принципъ равенства столь же близокъ его сердцу, какъ и начало свободы. Что между свободой и равенствомъ, въ ихъ крайнихъ проявленіяхъ, не можетъ существовать полной гармоніи, что крайняя экономическая свобода ведетъ къ порабощенію экономически болѣе слабаго, что приближеніе къ равенству немислимо безъ ограниченія свободы сильнаго,—всего этого Бентамъ совершенно не сознавалъ; онъ поэтому явился одновременно пророкомъ и свободы, и равенства. Но манчестерецъ Бентамъ долженъ былъ столкнуться съ Бентамомъ демократомъ. И вотъ мы видимъ, что этотъ крайній проповѣдникъ экономической свободы становится непослѣдовательнымъ, дѣлаетъ одно отступленіе за другимъ въ сторону ограниченія экономической свободы, преимущественно подъ вліяніемъ симпатій къ рабочему классу. Эта именно сторона въ воззрѣніяхъ Бентама—его непослѣдовательность—представляетъ для насъ глубокий интересъ. Сюда нужно отнести прежде всего рядъ ограниченій, предлагаемыхъ Бентамомъ, въ области наследственнаго права: завѣщательное право должно простираться только на половину имущества, государство должно наследовать имущество покойнаго въ томъ случаѣ, если у послѣдняго остались родотвенники такой отдаленной степени, при которой допускаются браки, и т. п. Онъ выставляетъ, далѣе, положеніе, что государство обязано доставлять содержаніе и занятіе тѣмъ, которые не въ состояніи сами найти таковыхъ; онъ не скрываетъ отъ себя временныхъ бѣдствій для рабочаго класса отъ введенія машинъ и высказывается за принятіе мѣръ для устраненія этихъ временныхъ несчастій. Бентамъ дѣлаетъ еще рядъ другихъ отступленій отъ принциповъ *laissez faire*, руководясь соображеніями общаго блага: онъ рекомендуетъ государству поощреніе наукъ, работу о развитіи путей сообщеній, выдачу премій за изобрѣтенія, поощреніе эмиграціи въ новыя страны и проч. Къ сожалѣнію, издатели „Библіотеки экономистовъ“ выпустили именно тѣ главы изъ „Руководства по политической экономіи“ Бентама (напр., главы XI и XIII), въ которыхъ яснѣе всего сказываются его отступленія отъ принциповъ *laissez faire*; отъ читателя ускользаетъ поэтому самая интересная черта въ экономическихъ воззрѣніяхъ Бентама. Переводъ отдѣланъ вполне удовлетворительно.

Переходимъ теперь къ 7-му выпуску, посвященному трудамъ Се и Бастіа. Историческое значеніе этихъ писателей основывается на томъ, что они являются самыми типичными представителями такъ называемой буржуазной экономіи. Проникнутые вѣрою въ гармонію интересовъ, убѣжденные въ благотѣльности принциповъ *laissez faire*, они довели начало государственнаго невмѣшательства до самыхъ крайнихъ вы-

водовъ. Этотъ слѣпой экономическій оптимизмъ потерялъ въ настоящее время всякій кредитъ повсюду, за исключеніемъ отчасти Франціи, гдѣ экономическая наука до сихъ поръ еще проникнута крайне буржуазными тенденціями. Само собою разумѣется, что разочарованіе въ принципахъ *laissez faire* вызвано было весьма серьезными и глубокими причинами, и эти принципы давно уже опровергнуты талантливою критикою. Тѣмъ не менѣе знакомство съ представителями этого отжившаго направленія весьма полезно; оно полезно для всякаго, кто не желаетъ принимать на вѣру критику, выставленную противъ этого направленія, а желаетъ относиться къ ней вполне сознательно и безпристрастно. Намѣреніе издателей „Библіотеки экономистовъ“—ознакомить русскаго читателя съ буржуазной школой политической экономіи, въ лицѣ двухъ аркихъ ея представителей, заслуживаетъ поэтому полного одобренія. Но мы должны замѣтить, что изданіе Сэ и Бастіа, предназначенное для неподготовленной большой публики, только тогда достигло бы своей цѣли, если бы оно было снабжено хорошими вступительными статьями, въ которыхъ возвращеніямъ этихъ писателей дано было бы серьезное научное освѣщеніе и разъяснены были бы причины, приведшія къ полному разочарованію въ правильности этихъ возвращеній. Къ сожалѣнію, издатели „Библіотеки экономистовъ“ ограничились въ изданіи Бастіа тѣмъ, что перевели вступительную статью Фовилля, помѣщенную въ изданіи Гильомена. Статья написана въ духѣ манчестерства, съ явнымъ сочувствіемъ возвращеніямъ Бастіа. Этого мало. Редакція „Библіотеки экономистовъ“ почему-то сочла нужнымъ предпослать этому выпуску маленькое введеніе, въ которомъ она какъ бы старается реабилитировать значеніе Сэ и Бастіа, на ея взглядъ, „достойныхъ особой признательности“. Между прочимъ редакторы негодуютъ на Зиберу за то, что послѣдній, по поводу лестнаго отзыва Рикардо о трудахъ Сэ, высказалъ въ предисловіи къ своему переводу Рикардо слѣдующее мнѣніе: „въ виду того, что Рикардо почти нигдѣ въ своихъ сочиненіяхъ не соглашается съ мнѣніями Сэ, а напротивъ, относится къ нему большею частью иронически, настоящій дирижамбъ автора французскому экономисту слѣдуетъ приписать гораздо болѣе соображеніямъ вѣжливости, чѣмъ дѣйствительной высокой оцѣнкѣ“. Мнѣніе Зиберы возмущаетъ редакторовъ „Библіотеки экономистовъ“, и они выставляютъ противъ него слѣдующее обвиненіе: „только нежеланіе быть безпристрастнымъ и справедливымъ къ несимпатичному писателю могло побудить русскаго переводчика заподозрить даже такой высоко-научный авторитетъ, какъ Рикардо, въ томъ, что онъ, при обсужденіи научныхъ трудовъ, руководился недостойными

его высокаго значенія соображеніями французской салонной вѣжливости". Можетъ-ли подобный упрекъ по адресу Зиберы быть признанъ правильнымъ? Кто внимательно читалъ Рикардо, кто припомнитъ тѣ многочисленныя мѣста, въ которыхъ послѣдній полемизируетъ съ Сэ, тотъ согласится, что Зиберъ могъ съ полной безпристрастностью высказать вышеприведенное мнѣніе. Редакторы „Библіотеки экономистовъ“ упрекаютъ русскихъ публицистовъ въ томъ, что они погрѣшили противъ „простой и давно извѣстной истины“. Заключается эта истина въ слѣдующемъ: „чтобы судить о писателяхъ, отжившихъ своей вѣкѣ, надо принимать въ соображеніе всю совокупность условій мѣста и времени, среди которыхъ приходилось дѣйствовать этимъ писателямъ“. Развѣ условія, при которыхъ писали Сэ, а въ особенности Бастіа, были таковы, что оправдывали слѣпой экономической оптимизмъ и вѣру въ благотѣльность для рабочей массы принциповъ *laissez faire*? Вѣдь Сэ писалъ въ то время, когда темныя стороны капитализма уже успѣли въ достаточной мѣрѣ обнаружиться; онъ былъ свидѣтелемъ нѣсколькихъ ужасныхъ торгово-промышленныхъ кризисовъ. Современникомъ Ж. Б. Сэ является Сисмонди, а какая рѣзкая между ними разница. Что же касается Бастіа, то вѣдь онъ пережилъ знаменательный 48-й годъ, онъ былъ очевидцемъ горячей и рѣзкой борьбы между трудомъ и капиталомъ, столь характерной для этой памятной эпохи французской исторіи. И что же? Бастіа всю жизнь свою оставался слѣпымъ оптимистомъ, горячимъ проповѣдникомъ гармоніи интересовъ. Мало оригинальный (онъ очень много заимствовалъ у Кэри) и еще менѣе глубокій, онъ разрѣшалъ самыя сложныя социальныя проблемы, какъ вопросъ о борьбѣ труда съ капиталомъ, вопросъ о населеніи, вопросъ объ отношеніяхъ частной и общественной собственности (*propriété* и *communauté*) и проч., не на основаніи ихъ детальнаго изученія, а на основаніи предвзятыхъ взглядовъ, теологическихъ принциповъ, на основаніи общей вѣры въ благотѣльность *lois providentielles*. Напрасно поэтому редакторы „Библіотеки экономистовъ“ удивляются тому, что „французскіе экономисты утратили у насъ свою репутацію“, что они „теперь низвергнуты съ пьедесталовъ“. Не русскіе публицисты низвергли ихъ съ пьедесталовъ; они давно уже низвергнуты въ Западной Европѣ и низвергнуты самой жизнью.

Русское изданіе Ж. Б. Сэ включаетъ въ себѣ 9 главъ изъ его „Трактата политической экономіи“, а изъ трудовъ Бастіа переведены съ сокращеніями: „Кобденъ и лига“, „Экономическіе софизмы“, „Что видно и чего не видать“ и нѣсколько главъ изъ „Экономическихъ гармоній“. Переводъ

какъ Св, такъ и Бастіа одѣланъ очень хорошимъ, живымъ языкомъ.

Левъ Бухъ. Основныя элементы Политической Экономіи.

Ч. I. Интенсивность труда, стоимость, цѣнность и цѣна товаровъ. Спб. 1896.

Книга г. Буха, какъ показываетъ ее названіе, трактуетъ о двухъ вопросахъ: 1) о трудѣ и условіяхъ, вліяющихъ на его интенсивность, 2) о стоимости, цѣнности и цѣнѣ товаровъ. Исходя изъ того вполне правильнаго положенія, что „трудъ есть основной факторъ всѣхъ экономическихъ явленій“, авторъ справедливо указываетъ на то, „какія дикія понятія еще господствуютъ о сущности этого источника экономического благосостоянія“. „Достаточно сказать, замѣчаетъ г. Бухъ, что трудъ рабочаго человѣка поставленъ, вообще, въ гораздо худшія условія, чѣмъ трудъ домашнихъ животныхъ. Каждый хозяинъ отлично понимаетъ, что сила рабочей лошади находится въ прямой зависимости отъ корма. Далѣе, путемъ опыта выяснено, что длина лошадинаго рабочаго дня должна находиться въ извѣстномъ соотношеніи съ тяжестью работы“. Къ сожалѣнію, по отношенію къ людямъ примѣняются какъ разъ обратныя правила: „неумолимая статистика доказываетъ, что, въ дѣйствительности, чѣмъ длиннѣе рабочий день, тѣмъ ниже заработная плата“. Авторъ удѣляетъ много мѣста вопросу о длинѣ рабочаго дня; онъ приводитъ мнѣнія разныхъ врачей и гигиенистовъ, доказывающихъ, какъ вредно вліяетъ на здоровье и нравственность рабочихъ чрезмѣрно длинный рабочий день. Въ особенности г. Бухъ напираетъ на то, что отъ сокращенія рабочаго дня должны выиграть также капиталисты-предприниматели, такъ какъ интенсивность труда, благодаря этому, сильно возрастаетъ. Въ доказательство авторъ приводитъ много примѣровъ, заимствованныхъ преимущественно изъ извѣстныхъ изслѣдованій Вебба и Кокса, Брентано и Шульце-Геверница.

Главы, трактующія объ интенсивности труда, о длинѣ рабочаго дня и проч., изобилуютъ свѣдѣніями изъ области естествознанія и медицины. И пока авторъ стоитъ на этой почвѣ, его разсужденія вполне правильны. Не то слѣдуетъ сказать о его разсужденіяхъ по чисто экономическимъ вопросамъ. Г. Бухъ не согласенъ съ экономистами, утверждающими, что, при современныхъ условіяхъ, рабочая сила есть товаръ, что цѣнность этого товара опредѣляется общими законами, регулирующими цѣнность всѣхъ товаровъ. Рабочая сила, говоритъ г. Бухъ, есть запасъ потенциальной энергіи нашего организма. „Но потенциальная энергія рабочаго создается не трудомъ человѣка, а внутренними физиологическими процессами

его организма, путем *ассимиляции* вдыхаемаго кислорода и принимаемой рабочимъ пищи. А все то, что не творится трудомъ человѣка, не можетъ быть, очевидно, стоимостью“. „Превращеніе пищи и кислорода воздуха, процессомъ ассимиляціи, въ мускулы, кровь, мозговое вещество, нервы и проч., — совершается нашимъ организмомъ *даромъ*, безъ всякой затраты труда“. Это возраженіе представляется намъ довольно страннымъ. Конечно, съ точки зрѣнія фізіолога, рабочая сила не есть продуктъ труда, а результатъ извѣстныхъ процессовъ человѣческаго организма, точно такъ-же, какъ хлѣбъ, напр., можетъ быть разсматриваемъ, не какъ продуктъ человѣческаго труда, а какъ результатъ извѣстныхъ физико-химическихъ процессовъ почвы. „Процессъ ассимиляціи“, дѣйствительно, совершается *даромъ*, точно такъ-же, какъ хлѣбъ зрѣетъ и растетъ безъ всякой затраты человѣческаго труда. Г. Бухъ однако не станетъ спорить противъ того, что для экономиста хлѣбъ есть товаръ, что, съ точки зрѣнія хозяйственной, хлѣбъ есть продуктъ человѣческаго труда. Съ такимъ-же правомъ экономистъ разсматриваетъ и рабочую силу, какъ продуктъ труда, такъ какъ для производства этой рабочей силы требуется извѣстная затрата человѣческаго труда. Этимъ основнымъ заблужденіемъ объясняется цѣлый рядъ ошибочныхъ выводовъ г. Буха. Онъ возстаетъ, напр., противъ различія, которое дѣлаютъ экономисты, между простымъ и сложнымъ трудомъ. Экономистъ, измѣряющій цѣнность рабочей силы количествомъ средствъ, нужныхъ для ея поддержанія, расходами на обученіе и подготовку носителя этой рабочей силы, конечно, не можетъ игнорировать различія между простымъ и сложнымъ трудомъ, не можетъ утверждать, что тотъ и другой трудъ создаютъ въ равное время равныя цѣнности. Между тѣмъ какъ г. Бухъ, разсматривающій трудъ съ точки зрѣнія чисто фізіологической, какъ „процессъ превращенія потенциальной энергіи въ механическую работу“, долженъ былъ, естественно, придти къ заключенію, что нѣтъ никакого различія между трудомъ простымъ и сложнымъ, что тотъ и другой создаютъ одинаковыя цѣнности. Не соглашаясь признать рабочую силу товаромъ, г. Бухъ, понятно, для объясненія закона заработной платы долженъ искать новыхъ основаній. „Количество *стоимостей*, получаемыхъ рабочимъ въ формѣ заработной платы, зависитъ: 1) отъ той пропорціи, въ которой происходитъ распределеніе между рабочимъ и капиталистомъ *вновь производимой стоимости* и 2) отъ длины рабочаго дня. Пропорція, въ которой распределяется продуктъ между рабочимъ и капиталистомъ, опредѣляется установившимися отношеніями между трудомъ и капиталомъ подъ давленіемъ культурно-историческихъ условій“. Другими словами, вмѣсто

твердаго основанія, на которомъ строилось ученіе о заработной платѣ, начиная съ Рикардо, весь вопросъ переносится нашимъ авторомъ на неопредѣленную и шаткую почву „установившихся отношеній между трудомъ и капиталомъ“. Это — не объясненіе закона заработной платы, а признаніе невозможности дать какое-либо научное объясненіе. Изъ дальнѣйшихъ разсужденій г. Буха оказывается, что заработная плата рабочаго составляетъ почему-то опредѣленную *долю* въ производимой имъ стоимости. Онъ поэтому возражаетъ противъ того положенія извѣстнаго нѣмецкаго экономиста, что норма абсолютной прибавочной цѣнности увеличивается при удлиненіи рабочаго дня. По мнѣнію г. Буха, эта норма остается неизмѣнной, такъ какъ доля рабочаго въ создаваемой имъ цѣнности отъ этого не уменьшается: „величина этой доли обусловливается культурно-историческими условіями, измѣненіе ея не во власти капиталистовъ“. Глубоко убѣжденный, что сокращеніе рабочаго дня не поведетъ за собою сокращенія прибыли предпринимателей, что капиталисты отстаиваютъ длинный рабочій день только по недоразумѣнію, г. Бухъ замѣчаетъ: „къ несчастію, сама наука какъ-бы поддерживаетъ въ капиталистахъ этотъ *вредный предразсудокъ*“. К. Марксъ, вооружаясь противъ длиннаго рабочаго съ гуманитарной точки зрѣнія, утверждаетъ однако, что прибыль капиталиста увеличивается съ удлиненіемъ рабочаго дня“. Этотъ упрекъ г. Бухъ повторяетъ нѣсколько разъ. Дѣлать подобные упреки — значитъ совершенно не понимать методологическихъ приѣмовъ автора „Капитала“. Когда говорится, что прибавочная цѣнность увеличивается съ удлиненіемъ рабочаго дня, то, конечно, предполагается, что это имѣетъ мѣсто тогда, когда увеличеніе рабочаго дня не переходитъ извѣстныхъ предѣловъ, за которымъ начинается сокращеніе интенсивности труда. Если мы предположимъ, что при восьмичасовомъ рабочемъ днѣ интенсивность труда можетъ быть наибольшая, то, конечно, при удлиненіи рабочаго дня, скажемъ съ 6 часовъ до 8, прибавочная цѣнность увеличится. Стоить поэтому замѣнить примѣрные цифры 12 и 9 ч., которыя встрѣчаются въ „Капиталѣ“, цифрами 8 ч. и 6 ч., и всѣ возраженія г. Буха падаютъ.

Весьма слабый кажется намъ глава, трактующая о цѣнности товаровъ, деньгахъ и товарныхъ цѣнахъ. Авторъ почему-то предполагаетъ, что до возникновенія капиталистическаго строя обмѣнъ совершался *in natura*, одни продукты обмѣнивались непосредственно на другіе. Терминологія у г. Буха отличается чрезвычайной произвольностью. Слово „обмѣнъ“ обозначаетъ у него только обмѣнъ продуктовъ *in natura*. Поэтому читатель, привыкшій къ тому, что характерная особен-

ность современного строя заключается въ существованіи обмѣна, совершенно недоумѣваетъ, когда онъ встрѣчаетъ въ книгѣ г. Буха; напр., такую фразу: „обмѣнъ не можетъ существовать при современномъ экономическомъ положеніи“. Г. Бухъ почему-то считаетъ нужнымъ различать понятія „стоимость“ и „цѣнность“. „Трудъ производства, говоритъ онъ, даетъ намъ понятіе о количествѣ труда, который потраченъ для производства того или другого товара, т. е. о *стоимости* товара; трудъ-же приобрѣтенія—о количествѣ труда, необходимомъ для присвоенія въ собственность товара извѣстной стоимости, т. е. о *цѣнности* товара“. Зачѣмъ понадобилось такое разграниченіе понятій, уяснить себѣ довольно трудно. Скажемъ въ заключеніе, что книга г. Буха читается довольно тяжело: всѣ его разсужденія составляютъ по большей части цѣпь чисто абстрактныхъ положеній, а для иллюстраціи отдѣльныхъ мыслей приводятся математическія формулы, которыя еще больше затрудняютъ читателя.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Собраніе стихотвореній В. Гюго въ переводахъ русскихъ писателей, подъ редакціей И. Ф. Тхоржевскаго. Вып. XIV. Тифлисъ 96. Ц. 20 к.

Грезы и пѣсни. Стихотворенія И. Н. Захарьина. (Якунина). Спб. 96. Ц. 50 к.

Въ лучшіе годы. Собраніе стихотвореній Н. И. Познякова. Спб. 96. Ц. 1 р. 75 к.

Стихотворенія Л. Г. Изданіе К. П. Пришибинкова. М. 96. Ц. 1 р. 75 к.

Стихотворенія С. В. Потресова. Изданіе Е. А. Погожева. Спб. 96. Ц. 1 р.

Валерій Брюсовъ. *Chefs d'oeuvre*. 2-изданіе. М. 96. Ц. 60 к.

Повѣсти и разсказы И. Н. Потапенко. Томъ десятый. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 96. Ц. 1 р.

Е. В. Львовой. Разсказы. Съ портретомъ автора. Спб. 96. Ц. 1 р. 35 к.

Н. А. Лейкинъ. Хлѣбный вопросъ. Юмористическіе разсказы. Спб. 96. Ц. 1 р.

П. П. Гнѣдичъ. Мгновенье и другіе разсказы. Спб. 96. Ц. 1 р.

Тяжелые сны. Романъ. Ѳедора Сологуба. Спб. 96. Ц. 2 р.

Генрикъ Сенкевичъ. Камо градеши? Романъ изъ временъ Пона. Пер. съ польскаго В. М. Лаврова. Изданіе редакціи журнала «Русская Мысль». М. 96. Ц. 1 р. 50 к.

Собраніе сочиненій Генрика Ибсена. Т. I. Изданіе I. Юровскаго. Спб. 96. Ц. по подпискѣ на 6 томовъ 3 р. 50 к.

Пено. Бытовая комедія въ трехъ дѣйствіяхъ Габріеля Сандукьянъ

ца. Пер. съ армянскаго А. Цатуріана и Ю. Веселовскаго со вступительной статьей Ю. Веселовскаго. М. 96. Ц. 50.

Дикій староста. Очеркъ К. Э. Францова. Изданіе З. Лившица. Екатеринбургъ 96. Ц. 25 к.

В. Н. Соколовъ. Новая мама. Повѣсть. М. 96. Ц. 75.

Душевный человекъ. Изъ волжскихъ сказаній. Н. А. Соловьева-Несмѣлова. Изданіе М. В. Клюкина. М. Ц. 3 к.

На сходѣ. Разсказъ Э. Желтова. — Школа. Разсказъ Ковырева. М. 96.

В. Свѣтловъ. Призраки минувшаго. Спб. 96. Ц. 1 р. 25 к.

Иллюстрированная сказочная бібліотека Ф. Павленкова. Спб. 96. Карменъ Сильва. Омуль. Замокъ вѣдьмы. Ц. 15 к.—Карменъ Сильва. Оленя долина и др. Ц. 15.—Карменъ Сильва. Піатра Арса и др. Ц. 15 к.—Лабулѣ. Мальчикъ съ пальчикъ и др. Ц. 15 к.—Лабулѣ. Иванъ и Фанетта. Ц. 15 к.—Лабулѣ. Зербинъ-бирюкъ. Золотое руно. Ц. 18 к.—Лабулѣ. Паша-пастухъ и др. Ц. 15 к.—Лабулѣ. Вѣдьбацъ. Ц. 15 к.

Дворянжка. Разсказъ для дѣтей М. К. Пріорова. Съ рисунками. Изданіе А. Д. Ступина. М. 96. Ц. 50 к.

М. К. Пріоровъ. Гдѣ честный трудъ, тамъ и счастье. Архангельская быль. Съ рисунками. Изданіе А. Д. Ступина. М. 96. Ц. 10 к.

Средняя Азія. Научно-литературный сборникъ статей по Средней Азіи. Подъ редакціей Е. М. Смирнова. Ташкентъ 96.

Pierre d'Alheim. Moussorgski. 2-me édition. Paris 96. Pr. 3 fr. 50 c.

М. Базилюскій. Экскурсъ Востинамъ. Этюдъ изъ временъ Гаоновъ («Наша старина») Изданіе кн. магазина Я. Х. Шермана. Одесса 96. Ц. 15 к.

Ежегодникъ по геологій и минералогіи Россіи, издаваемый подъ редакціей Н. Криштафовича. Т. I, вып. I. Варшава. 96. Ц. 1 р. 50 к.

Бротье. Исторія земли. Переводъ съ франц. Ляткинова. Изданіе М. В. Клюкина. М. 96. Ц. 50 к.

Лучи Рентгена. Публичная лекція проф. О. Д. Хвольсона. Съ 5 рис. въ текств. Спб. 96. Ц. 40.

М. Лацарусъ. Взаимодѣйствіе души и тѣла. Перев. съ нѣм. Изданіе І. Юровскаго («Международная бібліотека») Спб. 96. Ц. 20 к.

Органотерапія. Цѣлебныя свойства органовъ животныхъ. Новыя способы леченія по методу Brown-Séquard'a. Д-ра мед. Д. М. Успенскаго. 17 рис. въ текств. Спб. 96. Ц. 3 р.

Др. П. Мебіусъ. Болѣзни нервной системы. Пер. съ нѣм. В. Г. Изданіе І. Юровскаго («Международная бібліотека»). Спб. 96. Ц. 15 к.

Г. Гельмгольцъ. О взаимодѣйствіи силъ природы. Пер. съ нѣм. Я. Самойлова. Изданіе І. Юровскаго. («Международная бібліотека») Спб. 96. Ц. 15 к.

Интеллектуальныя функціи головного мозга. Пр.-доц. В. А. Муратова. Казань 96.

А. А. Токарскій. Записки психологической лабораторіи психіатрической клиники Московскаго университета №№ 1 и 2. М. 96.

Г. Компейрѣ. Основанія элементарной психологій. Пер. съ франц. подъ редакціей І. Челпанова. Изданіе редакціи журнала «Міръ Божій». 96. Ц. 80 к.

Эдмондъ Демолентъ. Какъ воспитывать нашихъ дѣтей. Пер. съ франц. Изданіе В. Н. Лебедева. Спб. 96. Ц. 20 к.

Философскіе этюды. **Ю. Манасевича.** Спб. 96. Ц. 1 р. 50 к.

Генри Друмондъ. Прогрессъ и эволюція человѣка. Пер. съ англійск. Н. А. Иванцова. Изданіе М. В. Клюкина. М. 96. Ц. 2 р. 25 к.

В. Вундтъ. Индивидуумъ и общество. Пер. съ нѣм. Спб. 96. Ц. 20 к.

Исслѣдованіе о смертной казни. **А. Ф. Кистряковского.** Изданіе 2-е Л. Ф. Пантелѣева, подъ редакціей Т. С. Спб. 96. Ц. 1 р. 50 к.

Игн. Закревскій. Еще о судѣ присяжныхъ. Спб. 96. Ц. 25 к.

А. Н. Миклашевскій. Денежный вопросъ въ литературѣ и въ явленіяхъ дѣйствительной жизни. Спб. 96. Ц.

Александръ Миклашевскій. Рабочій вопросъ и социальное законодательство въ Германіи. Спб. 96. Ц. 30 к.

Карлъ Марксъ. Критика нѣкоторыхъ положеній политической экономіи. Пер. съ нѣм. П. П. Руманцева, подъ редакціей А. А. Мануилова. Изданіе Вл. Бончъ-Бруевича. М. 96. Ц. 1 р. 35 к.

М. Грунвальдъ. Принудительный курсъ и восстановление валюты въ Италіи. Переводъ съ нѣм. подъ редакціей А. Гурьева. Спб. 96. Ц. 1 р. 25 к.

М. С. Вруцевичъ. Теорія и практика переписей населенія. Къ вопросу о всенародной переписи въ Россіи. Вильна 96. Ц. 25 к.

Андрей Дружининъ. Очеркъ развитія податныхъ реформъ въ Привислянскомъ краѣ. Часть I. Плоцкъ. 96. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Жеденовъ. Сельскія пожарныя команды. Руководство къ организаціи ихъ безъ особыхъ денежныхъ затратъ. Съ 5 рис. въ текстѣ. Изданіе кн. магаз. Н. Фену и К°. Спб. 96. Ц. 30 к.

Сборникъ статей по вопросамъ, относящимся къ жизни русскихъ и иностранныхъ городовъ. Вып. III. М. 96.

Невское общество устройства народныхъ развлеченій. **Отчетъ** комитета за 1894—95 г. Спб. 96.

Отчетъ Воронежской бібліотеки имени А. В. Кольцова за 1895 г. Воронежъ 96.

Отчетъ бесплатной народной бібліотеки въ селѣ Старомъ Славкинѣ Петровскаго у. Саратовской губ. за 1894—95 г. Петровскъ 96.

Н. И. Борисовъ. Волшебный фонарь въ народной школѣ. Изданіе Херсонской губернской земской управы. Херсонъ 96.

Дѣтнія колоніи Московскихъ городскихъ начальныхъ училищъ. **Отчетъ** 1895 г. М. 96.

Отчетъ совѣта общества распространенія начального образованія въ Нижегородской губ. за 1895. Нижний-Новгородъ 96.

Отчетъ о дѣятельности Иваново-Вознесенскаго отдѣленія Императорскаго русскаго техническаго общества за 1895 г.

Общество для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ. Отчетъ за 1894—95 г. Спб. 96.

Тульское общество земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ приютовъ. **Отчеты** за 1895 г. Тула 96.

Обзоръ издаваемыхъ губернскими земствами періодическихъ свѣдѣній объ эпидемическихъ и заразныхъ болѣзняхъ по дѣятельности врачебныхъ участковъ и уѣздныхъ организацій вообще. **К. И. Шидловскаго.** (Изъ журн. «Общ. русск. врачей въ память Н. И. Пирогова» 1895 г.)

Г. П. Сазоновъ. Обзоръ дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству. Т. I. Изданіе департамента земледѣлія. Спб. 96.

Справочный указатель земскихъ сельско-хозяйственныхъ учреждений (по свѣдѣніямъ на 1895 г.). Изданіе департамента земледѣлія. Спб. 96.

Сельско-хозяйственный обзоръ Самарской губ. за 1894—95 г. Вып. I. Изданіе губернской земской управы. Самара 96.

Литература и жизнь.

«Русская Мысль» (апрѣль, библиографическій отдѣлъ) замѣчаетъ, что я «въ своей полемикѣ съ г. Туганъ-Барановскимъ повторяю старые аргументы, правда, совершенно пригодные для пораженія такого слабого противника, какъ г. Туганъ-Барановскій, но наврядъ ли убѣдительные для болѣе солидныхъ приверженцевъ гипотезы». Надѣюсь, что существуютъ «болѣе солидные приверженцы», не нуждающіеся въ тѣхъ элементарныхъ урокахъ, которые мнѣ пришлось преподавать г. Тугану-Барановскому, но я вѣдь и заявилъ, что г. Туганъ-Барановскій «компрометируетъ» защищаемую имъ гипотезу, и «болѣе солидные приверженцы» могутъ быть только благодарны мнѣ. Остановился же я на г. Туганъ-Барановскомъ совсѣмъ не потому, что пріятно имѣть дѣло со «слабымъ противникомъ»,—это напротивъ очень скучно,—а по слѣдующимъ причинамъ. Во первыхъ, г. Туганъ-Барановскій есть признанный человекъ науки: онъ можетъ сказать о себѣ, какъ Фаустъ: *heisze Magister*, а въ свое время получить вѣроятно право и докончить фразу: *heisze Doktor gar*. Это придаетъ его писаніямъ извѣстную внѣшнюю авторитетность. Во вторыхъ, на примѣрѣ г. Тугана-Барановскаго было особенно удобно показать, на какія удивительныя вещи можно наткнуться, если стремительно бѣжать, зажимая глаза,—иначе говоря: если усвоить себѣ извѣстныя положенія на вѣру, не утруждая себя критикою и ознакомленіемъ съ другими взглядами на тотъ же предметъ. Во второй, полемической статьѣ г. Туганъ-Барановскій обнаружилъ еще одно достойное вниманія свойство, представляющее въ немъ, впрочемъ, кажется, отраженіе въ области полемическихъ приѣмовъ той же слабости критическаго элемента мысли. Свойство это не составляетъ исключительной принадлежности г. Тугана-Барановскаго и даже очень распространено у насъ, но, благодаря простодушію г. Тугана-Барановскаго, у него оно особенно удобно вскрывается. Это именно талантъ, умѣнье или склонность «не въ то мѣсто попадать». И такъ какъ въ майской книжкѣ «Міра Божія» г. Туганъ-Барановскій продолжаетъ не въ то мѣсто попадать, то я считаю нужнымъ нѣсколько дольше остановиться на этомъ полемическомъ приѣмѣ.

Напомню одно из замѣчательнѣйшихъ разсужденій въ первой статьѣ г. Тугана-Барановскаго.

«Въ средніе вѣка самые сильные умы посвящали себя теологіи и изощрялись въ бесплодныхъ усиліяхъ понять и объяснить то, что по самому существу своему необъяснимо. Теперь во главѣ наукъ стоитъ естествознаніе. Почему же блаженный (beatus) Августинъ изучалъ не природу, а Дарвинъ не сдѣлался теологомъ? Не вслѣдствіе своей индивидуальности, а просто потому, что Августинъ жилъ въ то время, когда теологія господствовала надъ умами чело-вѣчества и заключала въ себѣ всѣ знанія и философію эпохи, а Дарвинъ жилъ въ наше время, когда крупная промышленность преобразовала хозяйство и на первый планъ выдвинулись практи-ческія задачи, разрѣшеніе которыхъ невозможно безъ познанія за-коновъ природы.»

Я замѣтилъ на это, что силлогизмъ: Августинъ занимался теологіей, потому что теологія господствовала надъ умами—не дорого стоитъ и притомъ не имѣетъ никакого смысла, какъ параллель умозаключеніямъ автора относительно Дарвина. Что же касается этого послѣдняго, то свести причины, по которымъ онъ выбралъ предметомъ своего изученія природу, къ развитію крупной промышлен-ленности,—нѣтъ никакой возможности. Тутъ, какъ и во всѣхъ по-добныхъ случаяхъ, дѣйствовала цѣлая сложная сѣть вліяній наслѣд-ственности, воспитанія, чтенія, знакомствъ, случайныхъ событій и впечатлѣній и проч., въ цѣломъ составляющихъ личную жизнь Дар-вина. И я просилъ г. Тугана-Барановскаго объяснить мнѣ: если Дарвинъ изучалъ природу потому, что «крупная промышленность преобразовала хозяйство», то почему же не сдѣлались естествоиспы-тателями многіе другіе сильные умы нашего времени, какъ Гладстонъ, Маркъсъ и проч. и проч. Въ виду азбучной ясности всего этого г. Тугану-Барановскому надлежало либо совсѣмъ отступить отъ своего тезиса о Дарвинѣ путемъ откровеннаго признанія его неосновательности или хоть умолчанія объ немъ, либо же какъ нибудь наново обосновать его, если это возможно. Г. Туганъ-Барановскій не сдѣлалъ ни того, ни другого въ своей второй, полеми-ческой статьѣ, а принялся съ чрезвычайнымъ усердіемъ не въ то мѣсто попадать. Я прошу у читателя вниманія; не потому, чтобы пререканія съ столь слабыми, по выраженію «Русской Мысли», противниками сами по себѣ представляли большой интересъ, а потому, что дѣло идетъ о полемическомъ приѣмѣ, очень распростра-ненномъ. Возраженія г. Тугана-Барановскаго могутъ быть сведены къ двумъ типамъ: въ однихъ случаяхъ онъ не въ то мѣсто по-падаетъ, потому то говоритъ фактическую неправду, въ другихъ по-тому, что несомнѣнную правду ненадлежащимъ образомъ пристраиваетъ. Образцы перваго типа я предъявлялъ въ прошлый разъ, но приведу и еще. Онъ пишетъ: «Разумѣется, я не говорилъ вздора, приписываемаго мнѣ г. Михайловскимъ, будто теперь всѣ зани-

маются естествознаніемъ». Дѣйствительно, *этою* вздора г. Туганъ-Барановскій не говорилъ, но я ему и не приписывалъ его, — это прямая неправда. Я напротивъ (именно напротивъ) упрекалъ его въ томъ, что онъ *забылъ, упустилъ изъ вида* «всѣхъ» выдающихся современниковъ, не занимающихся естествознаніемъ. Образцы второго типа: дѣдъ и отецъ Дарвина жили не на островахъ Фиджи... Вотъ это—правда, несомнѣнная правда; но еслибы г. Туганъ-Барановскій взялъ на себя мало полезный трудъ перечислить даже всѣ острова, на которыхъ не жили отецъ и дѣдъ Дарвина, даже еслибы онъ прихватилъ въ этотъ перечень и всѣ полуострова,—вся эта правда ничего не говорила бы въ пользу его тезиса. Ибо не въ томъ этотъ тезисъ состоялъ, что жизнь родины такъ или иначе вліяла на Дарвина,—съ этимъ я не сталъ бы спорить, и теперь, конечно, не спорю, а только обращаю вниманіе моего почтеннаго оппонента на разнообразіе вліаній родины: сынъ той же родины и современникъ Дарвина Гладстонъ занимается не естествознаніемъ, а практической политикой и богословскими вопросами. Но г. Туганъ-Барановскій забылъ свой тезисъ и сыплетъ фактами, цитатами, сентенціями, вопросами и отвѣтами, не имѣющими ровно никакого отношенія къ этому тезису. «Почему г. Михайловскій думаетъ, что Дарвинъ стоялъ внѣ всякаго вліанія соціальной среды?» Прежде всего г. Михайловскій этого вовсе не думаетъ и напротивъ много разъ указывалъ на это вліаніе. А затѣмъ, если бы г. Михайловскій это и думалъ, то изъ этого все таки не слѣдуетъ, что Дарвинъ изучалъ природу потому, что крупная промышленность преобразовала хозяйство. «Гербертъ Спенсеръ, въ своемъ опытѣ «The Genesis of Science», указываетъ на тѣсную связь промышленныхъ искусствъ съ науками». «Развитіе естествознанія немислимо безъ лабораторій, обсерваторій, опытныхъ станцій и другихъ специальныхъ приспособленій, нерѣдко требующихъ громадныхъ денежныхъ затратъ». «Проф. Тимирязевъ указываетъ на вліаніе рациональной медицины на успѣхи физиологіи животныхъ». И т. д., и т. д. Все это рядъ столь же несомнѣнныхъ истинъ, какъ и то, что дѣдъ и отецъ Дарвина жили не на островахъ Фиджи: и Гербертъ Спенсеръ указываетъ, и проф. Тимирязевъ указываетъ, и обсерваторію нельзя безъ денегъ выстроить. Но ни одна изъ этихъ истинъ не подтверждаетъ тезиса: Дарвинъ выбралъ предметомъ изученія естествознаніе потому, что крупная промышленность преобразовала хозяйство; равнымъ образомъ ни одна изъ нихъ не отвѣчаетъ на вопросъ: почему Гладстонъ, Маресъ, Гюго и прочіе выдающіеся современники избѣжали того толчка къ естествознанію, который развитіе крупной промышленности дало Дарвину? А между тѣмъ наговорено много, и иной невнимательный или непроницательный читатель пожалуй скажетъ: да, это—возраженіе, настоящее, солидное возраженіе, потому что вѣдь дѣйствительно дѣдъ и отецъ Дарвина не на островахъ Фиджи жили, дѣйствительно обсерваторіи

нельзя строить безъ денегъ. Этотъ полемическій приѣмъ пускается иногда въ ходъ съ коварною цѣлью обморочить читателей, отвлечь ихъ вниманіе отъ предмета спора, а иногда вполне простодушно. Въ г. Туганъ-Барановскомъ я коварства не подозреваю. Дѣло однако въ томъ, что всякій простодушный писатель можетъ найти еще болѣе простодушныхъ читателей, которые ему повѣрятъ, и при неизлечимыхъ формахъ простодушія тутъ уже, конечно, ничего не подѣлаешь. Но всякій, не зараженный этою добродѣтелью, безъ труда увидитъ, что вся полемическая статья г. Тугана-Барановскаго переполнена такими, не попадающими въ цѣль выстрѣлами, хотя они не всегда такъ многословны, какъ въ случаѣ съ Дарвиномъ. Иногда напротивъ его реплики, сохраняя свое свойство не въ то мѣсто попадать, даже чересчуръ кратки.

Я подивился, что г. Туганъ-Барановскій оставилъ безъ вниманія философско-историческіе взгляды Конта, Милля и Бокля, и привелъ изъ Милля любопытную страницу, въ которой не только не отрицается экономическій факторъ въ исторіи, а напротивъ придается ему первенствующее значеніе, и тѣмъ не менѣе за *primus agens* исторической эволюціи принимается интеллектуальный элементъ,—характеръ идей и вѣрованій, объемъ знаній. Эту свою прорѣху г. Туганъ-Барановскій заштопываетъ во второй статьѣ такъ: «Если я ничего не сказалъ о Контѣ, Миллѣ и Боклѣ, разбирая историческія теоріи, выдвигавшія на первый планъ разумъ и просвѣщеніе, то на это я имѣлъ свои причины: ученіе о роли «критически-мыслящей личности» въ историческомъ процессѣ, которое я *малымъ образомъ* (курсивъ мой, Н. М.) имѣлъ въ виду, имѣетъ очень мало общаго съ взглядами трехъ названныхъ мыслителей».

Чужая душа—потемки, и можетъ быть г. Туганъ-Барановскій въ тайникахъ своей души дѣйствительно имѣлъ въ виду *малымъ образомъ* ученіе о роли критически-мыслящей личности. Но на дѣлѣ онъ посвятилъ этой теоріи всего нѣсколько строкъ (что, впрочемъ, не помѣшало ему извратить ее и на этомъ маломъ пространствѣ), а затѣмъ онъ говоритъ въ своей статьѣ и о древнихъ лѣтописяхъ, и о Карлейлѣ, и о Луи Бланѣ, Вольтерѣ, Руссо, Адамѣ Смитѣ, Бентамѣ, дѣятеляхъ революціи, утопистахъ и проч., и проч. Все это онъ, значить, попадалъ не въ то мѣсто, которое имѣлъ въ виду «главнымъ образомъ». А вотъ въ Конта, Милля и Бокля не попалъ, потому что, говорить, и не хотѣлъ попадать... Это очень жалко. Онъ и продолжаетъ не попадать. Вторая, полемическая его статья озаглавлена: «Экономическій факторъ и идеи». Ученіе о роли критически-мыслящей личности въ ней уже совсѣмъ не затрогивается, но и на этомъ просторѣ г. Туганъ-Барановскій не считаетъ нужнымъ коснуться того сочетанія «экономическаго фактора и идей», которое я предложилъ его вниманію въ цитатѣ изъ Милля.

Такова вся статья г. Тугана-Барановскаго; таковы всѣ его воз-

раженія, которыя онъ, кажется, серьезно считаетъ «аргументами по существу»...

Изъ ученыхъ подвиговъ г. Тугама-Барановскаго, отмѣченныхъ мною въ прошлый разъ, онъ счелъ возможнымъ разъяснить въ майской книжкѣ «Мира Божія» только одинъ. Мнѣ очень пріятно, что краткость этого разъясненія позволяетъ перепечатать его въ «Русскомъ Богатствѣ» цѣликомъ. Вотъ оно отъ слова до слова:

Въ статьѣ «Экономическій факторъ и идеи» («Миръ Божій», апрѣль) я привелъ нѣсколько выдержекъ изъ «Богатства народовъ» Смита, изъ которыхъ, по моему мнѣнію, вполне ясно, какому общественному классу (курсивъ мой, Н. М.) Смитъ «менѣе всего сочувствовалъ», а именно, купцамъ и фабрикантамъ. Въ апрѣльской книжкѣ «Русскаго Богатства» г. Михайловскій противъ этого возражаетъ и приводитъ нижеслѣдующую цитату изъ моей книги «О кризисахъ»:

«Мальтусъ, сочиненія котораго были въ высшей степени тенденціозны и всегда преслѣдовали опредѣленную политическую цѣль, выступилъ въ защиту землевладѣльческаго класса отъ тѣхъ нареканій въ безполезности, которыми землевладѣльцы подвергались со стороны Адама Смита и его учениковъ. Такое отношеніе къ общественной роли земельной аристократіи Адама Смита вполне гармонировало съ революціоннымъ характеромъ той эпохи, когда писалъ Ад. Смитъ. Хотя Смитъ во многихъ мѣстахъ своей знаменитой книги говоритъ, что интересы торгово-промышленнаго сословія противоположны интересамъ всей націи, тѣмъ не менѣе вся книга его проникнута возрѣніемъ, что торгово-промышленные классы представляютъ собою главную, если не единственную силу націи».

Эта цитата даетъ поводъ г. Михайловскому сказать:

«Вѣроятно, въ качествѣ чловека науки, г. Туганъ-Барановскій имѣетъ два прямо противоположныя мнѣнія объ одномъ и томъ же предметѣ. Я—профанъ и такой роскоши позволить себѣ не могу».

Внимательный читатель легко замѣтитъ, что «сословіе» и «классы» не одно и то же. Интересы торгово-промышленнаго сословія (т. е. купцовъ и фабрикантовъ) Смитъ признавалъ противоположными общественнымъ; но торгово-промышленные классы (т. е. купцы, фабриканты и рабочіе) признавалъ Смитомъ важнѣйшей силой націи. Но дѣло не въ этомъ. Развѣ признавать силой ту или иную общественную группу, это значитъ сочувствовать ей? Врядъ ли кто-либо будетъ отрицать, что буржуазія является крупной силой въ Западной Европѣ, а въ извѣстныя эпохи являлась и господствующей силой. Слѣдуетъ ли изъ этого, что буржуазія пользуется всеобщимъ сочувствіемъ?

Если я скажу, что въ настоящее время самая могущественная военная держава Германія—равносильно ли это выраженію моего сочувствія Германіи? Почему же г. Михайловскій изъ моего указанія, что Смитъ признавалъ силу купцовъ и фабрикантовъ, заключаетъ объ его сочувствіи имъ? Наоборотъ, именно, потому, что Смитъ зналъ силу этого общественнаго класса, онъ относился къ нему съ такой враждебностью, какъ можно убѣдиться хотя бы изъ нижеслѣдующихъ словъ А. Смита.

«Правда, надѣяться на полную свободу торговли въ Великобританіи было бы такимъ же безуміемъ, какъ ожидать осуществленія въ ней республикъ Утопіи или Океаніи. Не только общественные предрассудки, но что побѣдить всего труднѣе, частныя выгоды многихъ отдѣльных лицъ представляютъ въ этомъ отношеніи неодолимую преграду».

...Въ настоящее время опасна самая ничтожная попытка противъ монополіи фабрикантовъ надъ всѣмъ обществомъ. Монополія та до того усилила число людей въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ производствахъ, что они

представляют как бы многочисленную армию, всегда готовую къ отпору, страшную для правительства и при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ наводившую страхъ на само законодательство.

...Если членъ парламента выскажется противъ монополіи, то ничто не предохранитъ его отъ клеветы, личныхъ оскорбленій, но даже отъ дѣйствительной опасности со стороны негодующей и обманутой алчности нагихъ монополистовъ». («Богатство народовъ», кн. IV, глава II).

Что же касается до землевладѣльцевъ, то Смиту принадлежитъ извѣстная фраза, что они «собираютъ плоды тамъ, гдѣ не сѣяли», но, тѣмъ не менѣе, въ землевладѣльцахъ Смитъ видѣлъ своихъ союзниковъ въ борьбѣ за свободную торговлю («въ чести поземельныхъ собственниковъ можно сказать, что они менѣе всякаго другого класса заражены гнуснымъ духомъ монополіи». «Богатство народовъ», кн. IV, гл. II) и это побуждало его вообще относиться къ нимъ съ симпатіей, хотя онъ и признавалъ экономическую бесполезность класса людей, живущихъ на счетъ земельной ренты.

Предоставляю судить самому читателю, имѣю ли я «въ качествѣ чловека науки» два прямо противоположныхъ мнѣнія объ одномъ и томъ же предметѣ.

Я опять прошу вниманія читателя.

Выраженіе «менѣе всего сочувствовалъ», выраженіе достаточно-таки неопредѣленное, принадлежитъ не мнѣ, а г. Тугану-Барановскому, а я его лишь повторилъ, ставя, какъ и слѣдуетъ, въ кавычки, а потому и отвѣтственность за этотъ терминъ лежитъ не на мнѣ.

Далѣе. Очень хорошо, конечно, что г. Туганъ-Барановскій знаетъ о различіи между классами и сословіями, но очень печально, что онъ этого своего знанія не утилизируетъ. Въ приведенномъ отвѣтѣ его, онъ въ одномъ мѣстѣ называетъ купцовъ и фабрикантовъ *классомъ* (см. тамъ, гдѣ у меня прибавлено въ скобкахъ: курсивъ мой), а въ другомъ—подчеркиваетъ, что купцы и фабриканты составляютъ *сословіе*. Такимъ образомъ, мы и здѣсь имѣемъ опять-таки два мнѣнія объ одномъ и томъ же предметѣ, изъ которыхъ одно которое нибудь ужъ навѣрное не въ то мѣсто попадаетъ. Я съ своей стороны позволю себѣ замѣтить моему почтенному и ученому оппоненту, что фабриканты никоимъ образомъ не составляютъ сословія, ибо дворянинъ можетъ основать фабрику, сохраняя всѣ свои сословныя права и преимущества, и рядомъ съ нимъ такую же фабрику можетъ открыть крестьянинъ или мѣщанинъ, опять-таки не выходя изъ своего сословія. Вообще, моему почтенному и ученому оппоненту было бы можетъ быть выгоднѣе не становиться на эту выбку для него почву и оставить мое замѣчаніе насчетъ Ад. Смита безъ отвѣта, какъ оставилъ онъ безъ отвѣта другія мои замѣчанія. А то что хорошаго? Я думалъ, что выписка изъ ученаго труда г. Тугана-Барановскаго о «Промышленныхъ кризисахъ» достаточно выразительна и полна, въ смыслѣ законченности. Но вотъ мой почтенный оппонентъ нашелъ лазейку въ «классахъ» и «сословіяхъ», которыхъ, однако, самъ не различаетъ. Дѣлать нечего, прибавлю еще нѣсколько строкъ изъ «Промышленныхъ кризисовъ». Послѣ цитированнаго мною изъ этого труда мѣста нахо-

дятся слѣдующія строки: «Самый выдающійся изъ учениковъ А. Смита, Рикардо, съ особенною энергіею настаивалъ на необходимости свободной конкуренціи и прекращеніи искусственной поддержки землевладѣльческихъ интересовъ» (стр. 393). А передъ упомянутымъ мѣстомъ читаемъ: «Споръ между Рикардо и Мальтусомъ о значеніи непроизводительнаго потребленія имѣлъ не только теоретическій характеръ. Въ сущности, Рикардо и Мальтусъ явились выразителями *двухъ соперничающихъ классовъ*» (стр. 392). Если «внимательный читатель», къ которому апеллируетъ г. Туганъ-Барановскій, вставить эти двѣ маленькія цитаты куда слѣдуетъ, то онъ безъ труда усмотритъ, что мой ученый оппонентъ совершенно напрасно путается въ «классахъ» и «сословіяхъ», каковое путаніе только лишній разъ побуждаетъ его высказать два мнѣнія объ одномъ и томъ же предметѣ.

Нн и это еще не все. Вся затѣянная г. Туганомъ-Барановскимъ полемика о «сочувствіяхъ» Ад. Смита напоминаетъ рассказъ почтмейстера о капитанѣ Копѣйкинѣ. Намѣреніемъ почтмейстера было доказать тождество Чичикова съ капитаномъ Копѣйкинскимъ, но подъ самый конецъ оказалось, что весь длинный и чрезвычайно занимательный рассказъ почтмейстера «не въ то мѣсто попадаетъ»: почтмейстеръ забылъ свою исходную точку. Такъ и г. Туганъ-Барановскій. Онъ ухватился за мое замѣчаніе, брошенное мимоходомъ, въ скобкахъ, въ двухъ строкахъ, и упустилъ изъ вида слѣдующее мое обвиненіе:

«Читатель статьи г. Тугана-Барановскаго долженъ вывести такое заключеніе объ А. Смитѣ и его роли въ наукѣ: хорошій, благонамѣренный человекъ былъ этотъ «творецъ экономической науки», но всю его науку пришлось потомъ передѣлывать, что и исполнено рабочими... Г. Тугану-Барановскому, какъ специалисту по политической экономіи, должно быть извѣстно, что это совершенно не вѣрно. Не буду говорить о томъ, насколько Смитъ способствовалъ выясненію «значенія экономического фактора въ исторіи», но напомнимъ трудовую теорію цѣнности, начало которой положено Ад. Смитомъ, съ которою рабочимъ не приходилось «бороться», которую если кто и старался «передѣлать», то ужъ, конечно, не рабочіе или ихъ защитники, и которая, наконецъ, въ дополненномъ и развитомъ видѣ составляетъ прочное достояніе науки. Умолчавъ объ этой сторонѣ дѣла, г. Туганъ-Барановскій даетъ своимъ читателямъ вполне извращенное понятіе объ исторической роли «творца экономической науки».

Это мое обвиненіе, увлекшись рассказомъ о капитанѣ Копѣйкинѣ, который онъ считаетъ «аргументомъ по существу», г. Туганъ-Барановскій оставилъ втунѣ, и передъ читателями «Міра Божія» образъ Ад. Смита такъ и остается вполне извращеннымъ, какъ и образъ Луи Блана, и многое, многое другое...

Sapienti sat. Но удовлетворень-ли г. Тутанъ-Барановскій,—за это я не поручусь.

Задача полемики состоитъ въ выясненіи той или другой мысли, того или другого факта. Г. Тутанъ-Барановскій полемизируетъ дурно, ибо, по простодушію своему, не въ то мѣсто попадаетъ, а это не можетъ способствовать выясненію чего бы то ни было. Есть писатели, которые полемизируютъ дурно совсѣмъ въ другомъ родѣ, ибо они совсѣмъ не простодушны и отлично попадаютъ въ намѣченное ими мѣсто, но все таки ничего не выясняютъ, а только мутятъ воду, въ которой и вылавливаютъ нужную имъ рыбу. Въ майской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» есть и прекрасный образецъ этого рода полемики, и тутъ же рядомъ ея оправданіе, ея, такъ сказать, теорія.

Въ одномъ изъ предыдущихъ номеровъ «Русскаго Вѣстника» были напечатаны «Литературно-общественныя замѣтки», подписанныя какимъ-то К. М—скимъ, въ которыхъ, между прочимъ, обсуждалось «профессорское представленіе о самодержавіи». Г. К. М—скій доказывалъ что наши профессора имѣютъ неправильное и неблагонамѣренное представленіе о самодержавіи. «Русская Мысль» назвала эту замѣтку «политическимъ доносомъ». Въ майской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» «Литературно-общественныя замѣтки», на этотъ разъ уже никѣмъ не подписанныя, возражаютъ «Русской Мысли». Анонимъ «Русскаго Вѣстника» не согласенъ признать упомянутую замѣтку доносомъ. Онъ говоритъ: «Въ чемъ же здѣсь доносъ и что такое вообще политическій доносъ, появляющійся на страницахъ журнала, иными словами произносимый громогласно передъ аудиторіей въ нѣсколько тысячъ и даже десятковъ тысячъ человѣкъ. Тому, кто дѣлается жертвою подобнаго открытаго «доноса», предоставляются всѣ средства защиты и прежде всего то средство, которымъ пользуется «доносчикъ», т. е. печатное слово. Наконецъ, если бы это средство оказалось недостаточнымъ, то никто не мѣшаетъ привлечь защитника (?) къ уголовной отвѣтственности и судебнымъ порядкомъ доказать, что онъ не только доносчикъ, но и клеветникъ... Наши оппоненты не даютъ себѣ труда доказать (ибо это трудъ совершенно невозможный), что мы указали кого либо изъ ихъ цитированныхъ авторовъ, что мы зачеркнули одно и подчеркнули другое. Слѣдовательно, вся наша вина заключается, во первыхъ, въ томъ, что мы осмѣлились понять профессорское опредѣленіе такъ, какъ его понять надлежало, и во вторыхъ, что съ выводами гг. профессоровъ кореннымъ образомъ разошлись... Мы думаемъ, что, коснѣя въ своемъ упорствѣ дикой нетерпимости и стремленіи зажать противнику ротъ грубымъ браннымъ словомъ, либеральная журналистика рѣшительно ничего не выиграетъ. Даже сочувствующая ей публика остается равнодушною къ изступленнымъ крикамъ: «доносъ, доносчики, ату его!» потому что эти крики раздаются безъ всякаго серьезнаго по-

вода и служить дешевымъ средствомъ отдѣлаться отъ противника, котораго оспаривать по существу—не хватаетъ пороха. Приемы либеральныхъ полемистовъ слишкомъ избыты; имъ необходимо придумать что нибудь новое. Никто больше не вѣритъ, что «опасно» вести споръ съ консервативными журналами и что консервативные журналы на всѣ аргументы отвѣчаютъ доносами и злокозными инсинуациями».

Я совершенно понимаю, что анонимъ «Русскаго Вѣстника» не желаетъ, чтобы его считали «доносчикомъ». Хотя законъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ обязываетъ каждого русскаго подданнаго доносить подлежащей власти о совершенномъ или готовящемся преступленіи, и даже караетъ недонесеніе; хотя съ другой стороны чистѣйшее нравственное чувство можетъ найти удовлетвореніе въ доносахъ, напримѣръ, на истязующихъ ребенка, на злоупотребленіе властью и проч.; однако со словомъ «доносчикъ» у насъ всетаки ассоціировалось представленіе чего то низменнаго и презрѣннаго достойнаго. Это не какое нибудь переживаніе школьнаго періода, когда мы всѣ презирали «доносчиковъ», «ябедниковъ», «фискаловъ» и даже—что грѣхъ таить—поколачивали ихъ. Вотъ что читаемъ мы, напримѣръ, въ «Курсѣ русскаго уголовного права» Н. С. Таганцева, мнѣніе котораго, какъ профессора и сенатора, теоретика и высокопоставленнаго практика, вдвойнѣ цѣнно: «Съ одной стороны, при современныхъ государственныхъ условіяхъ исчезла необходимость въ привлеченіи всѣхъ гражданъ къ участию въ преслѣдованіи преступниковъ. Матеріальныя и иныя тягости, которыя каждый гражданинъ несетъ на содержаніе полицейскихъ органовъ разнаго рода, служатъ достаточнымъ основаніемъ для сложения съ общества натуральной повинности доноса, тѣмъ болѣе, что спеціальныя органы могутъ вести дѣло преслѣдованія преступниковъ и съ несравненно большимъ успѣхомъ, и съ меньшею затратою силъ. Съ другой—существующее во всякомъ не отжившемъ еще нравственно обществѣ презрѣніе къ доносу и доносчикамъ не можетъ быть игнорируемо закономъ. Нельзя завѣдомо противопоставлять требованія закона и общественной нравственности, тѣмъ болѣе, что это отвращеніе къ доносу не составляетъ предразсудка, съ которымъ нужно бороться государству. Не надо забывать, что здѣсь дѣло идетъ не о гласномъ обвиненіи преступника, при которомъ обвинитель несетъ и всю тягость послѣдствій легкомысленнаго или недобросовѣстнаго привлеченія кого либо къ отвѣтственности, и даже не о добровольномъ заявленіи органамъ суда о преступленіи, котораго заявитель былъ очевидцемъ, или о которомъ онъ имѣетъ несомнѣнныя свѣдѣнія, а о тайномъ доносахъ, вынуждаемыхъ угрозою наказанія. Обязанность доноса имѣетъ необходимымъ и естественнымъ дополненіемъ награду за доносъ, всевозможныя поощренія доносчиковъ *). Конечно, несомнѣнно, что такая

*) На это указываютъ еще и Генке, Handbuch, стр. 262, справедливо прибавляя, что желаніе получить эти «деньги крови», Blutgeld, или, какъ

система может иногда содействовать раскрытію преступленій, борьба съ которыми оказалась не подъ силу специальнымъ органамъ, но горе той странѣ, которая ради этого обратитъ доносъ въ необходимый элементъ общественный жизни, выдвинетъ шпионовъ и доносчиковъ на видное мѣсто въ государствѣ. Ради временныхъ выгодъ правительство посябеть въ обществѣ сѣмена страшной правительственной заразы, которая грозитъ или вымираніемъ государственнаго организма, или потребуетъ громадныхъ и долгихъ жертвъ на его исцѣленіе.» (Курсъ русскаго уголовного права, вып. III, 170).

Н. С. Таганцевъ рѣшаетъ специально-юридическій вопросъ о наказуемости или ненаказуемости недонесенія. Намъ здѣсь этотъ вопросъ не занимаетъ, но въ высшей степени цѣнны указанія столь компетентнаго ученаго и практическаго дѣятеля, во-первыхъ, на самый фактъ презрѣнія къ доносчику, и во-вторыхъ, на причины этого презрѣнія. Последнія отмѣчены у г. Таганцева мимоходомъ и не полно, такъ какъ не въ нихъ и дѣло въ специальномъ юридическомъ вопросѣ. Безъ сомнѣнія тайна, въ которой совершается доносъ, и денежное или иное вознагражденіе за него — составляютъ почву, не благоприятствующую расцвѣту достойныхъ уваженія чертъ въ доносчикѣ. Но этого мало. Разумѣется, совершенно независимо отъ вопроса, рѣшаемаго г. Таганцевымъ, никакая власть не откажется и не можетъ отказаться воспользоваться свѣдѣніями, доставленными доносчикомъ, если, конечно, они вѣрны и достаточно цѣнны. Совершенно также поступить и всякое частное лицо въ соответственныхъ условіяхъ. Припомните когда-то знаменитую «Черную палъ» Пушкина, которую такъ усердно распѣвали наши бабушки. Герой стихотворенія получилъ доносъ на свою возлюбленную гречанку: она ему измѣняла. Онъ воспользовался сообщенными ему свѣдѣніями, но объ доносчикѣ вспоминаетъ такъ: «я далъ ему злата и проклялъ его». Это сочетаніе злата и проклятія въ высшей степени характерно. Можно бы было думать, что доносчикъ въ этомъ случаѣ проклятъ просто какъ человѣкъ, принесшій обидное и горькое извѣстіе. Но это не вѣрно или, по крайней мѣрѣ, не вполне вѣрно: поэтъ называетъ доносчика «презрѣннымъ». И это вполне понятно. Доносчикъ долженъ былъ выслѣживать «невѣрную дѣву» въ ея свиданіяхъ съ «армяниномъ», подползать, какъ змѣя, вилать хвостомъ, какъ лиса, предательски цѣловать, какъ Іуда, можетъ быть другихъ подкупать, можетъ быть обманнымъ образомъ вступать въ дружбу съ армяниномъ и выпытывать у него тайну, или съ тою же цѣлью вкрасться въ довѣріе «дѣвы»; можетъ быть, онъ самъ же и сосводничалъ гречанку съ армяниномъ, съ цѣлью получить «злато» и съ нихъ, а когда этого ему показалось мало, онъ получилъ злато и за доносъ; можетъ быть, кромѣ корыстолюбія,

называетъ ихъ *Berner, Judageld*, порождаетъ профессію лицъ, возбуждающихъ къ преступленію, ради будущихъ выгодъ. (Примѣчаніе Н. С. Таганцева).

его душу жгло чувство злобной зависти къ обоимъ счастливымъ, «лобзавшимъ» дѣву, или мечь этой дѣвѣ, отвергнувшей его собственныя «лобзанія», или мечь герою стихотворенія или армянину за какую нибудь старую обиду и т. д., и т. д. Читатель знаетъ, что все это возможно, что все это бываетъ. И вотъ почему доносчикъ получаетъ у Пушкина не только «злато», а и «проклятіе» и именуются «презрѣннымъ». И вотъ почему, хотя люди и пользуются свѣдѣніями, доставляемыми доносчиками, и часто не могутъ ими не пользоваться, г. Таганцевъ говорить о «существующемъ во всякомъ не отжившемъ еще нравственно обществѣ презрѣніи къ доносу и доносчикамъ». Слишкомъ скользка и грязна та извилистая, узенькая, трудно проходимая тропинка, по которой доносчикъ по необходимости долженъ идти къ своей цѣли, въ чемъ бы эта цѣль даже ни состояла.

Естественно, что анонимъ «Русскаго Вѣстника» не хочетъ называться «доносчикомъ». Да и какой же онъ доносчикъ? Онъ «во-первыхъ, осмѣлился понять профессорское опредѣленіе, какъ его понять надлежало, и во-вторыхъ, съ выводами гг. профессоровъ кореннымъ образомъ разошелся». Затѣмъ, онъ вѣдь не тайно докладываетъ что нибудь властямъ предержащимъ, а говоритъ громко-гласно въ журналѣ: пусть ему такъ же громко-гласно отвѣчаютъ въ печати, пусть даже «судебнымъ порядкомъ доказываютъ, что онъ не только доносчикъ, но и клеветникъ».

Грамматическая неловкость послѣдней, поставленной въ ковычки, фразы не позволяетъ, конечно, думать, что анонимъ считаетъ возможнымъ «судебнымъ порядкомъ доказывать, что онъ доносчикъ». Этого нельзя. Есть однако судъ, къ которому можно обратиться и въ данномъ случаѣ: это—судъ общественнаго мнѣнія, въ частности судъ собратьевъ по профессіи. Въ этотъ то судъ я и призываю г. анонима. Въ спискѣ сотрудниковъ «Русскаго Вѣстника» значатся такія имена, какъ К. Н. Бестужева-Рюмина, Д. В. Григоровича, А. Н. Майкова, Л. Н. Майкова, К. П. Побѣдоносцева, Я. П. Полонскаго и проч. Все это писатели, на благосклонность которыхъ ко мнѣ и къ представляемому мною образу мыслей я не имѣю никакого права рассчитывать. Но все это — заслуженные писатели, много лѣтъ работающіе на литературномъ поприщѣ и, совершенно независимо отъ направленія, конечно, достаточно компетентные въ вопросахъ литературной чести. Я не мечтаю, разумѣется, объ томъ, чтобы они печатно выразили свой вердиктъ. Съ меня совершенно достаточно сознанія, что въ этомъ дѣлѣ я и къ нимъ могу обратиться съ полною увѣренностью хотя бы въ невысказанномъ отвѣтѣ: да, анонимъ виновенъ и не заслуживаетъ снисхожденія.

Не по дѣлу о «профессорскомъ опредѣленіи» зову я г. анонима на судъ общественнаго мнѣнія и свѣдущихъ людей: я не успѣлъ съ этимъ дѣломъ достаточно познакомиться, да и «гг. профессора» сами на лицо. Я полагаю, впрочемъ, что они просто никакого вни-

манія не обратятъ на г. анонима, и хорошо сдѣлають. Въ иномъ положеніи находится нашъ журналъ, которому въ тѣхъ же майскихъ «Литературно-общественныхъ замѣткахъ» анонимъ посвящаетъ главу подъ заглавіемъ: «Изъ радикальной журналистики».

Анонимъ говоритъ «Русскому Богатству» нѣсколько любезностей относительно «строго выдержанной программы» и «послѣдовательности редакціи и энергіи сотрудниковъ». Но бѣда въ томъ, что мы послѣдовательны и энергичны въ дѣлѣ «коварныхъ умысловъ» и зловредныхъ «идей»; «разсужденія авторовъ нужно понимать иносказательно». Вотъ, напримѣръ, статья г. Иванова о Тэнѣ, вотъ корреспонденція изъ Франціи, вотъ «Дневникъ журналиста», вотъ «Въ мірѣ отверженныхъ» нѣкоего Мельшина, вотъ «Литературно-общественныя замѣтки» (?) г. Михайловскаго,—все какъ будто и ничего, но пронипательный взоръ анонима въ каждой изъ этихъ статей усматриваетъ «коварный умыселъ» и зловредную идею. И въ концѣ концовъ анонимъ умозаключаетъ: «Наши либералы и въ частныхъ разговорахъ, и въ журналахъ постоянно жалуются на отсутствіе у насъ свободы печати. Эти жалобы проникаютъ и за рубежъ, появляются и на страницахъ иностранныхъ періодическихъ изданій. Русская «свобода печати» сдѣлалась синонимомъ чего то невѣроятно курьезнаго и уродливаго. Но вотъ передъ нами «Русское Богатство», являющееся живымъ опроверженіемъ подобныхъ сѣтованій. «Русское Богатство» даже не освобождено отъ предварительной цензуры. Каждая его статья просматривается цензоромъ, имѣющимъ право вычеркивать сколько угодно. И что же? Читая журналъ гг. Михайловскаго и Короленки, совершенно забываешь о существованіи у насъ не только предварительной, но и послѣдующей цензуры. Не доказываетъ ли это, что наши либералы жалуются и ропщутъ только по привычкѣ вѣчно роптать и жаловаться».

Вотъ статья, которую никакъ нельзя назвать доносомъ,—не правда ли? Авторъ не тайкомъ какъ нибудь, а во всеуслышаніе излагаетъ свои мысли, намъ предоставляется право опровергать его тѣмъ же путемъ громогласнаго изложенія своихъ мыслей, а въ случаѣ недостаточности этого средства мы можемъ «судебнымъ порядкомъ» доказывать, что авторъ не только доносчикъ, но и клеветникъ».

Прибѣгнуть въ данномъ случаѣ къ суду намъ, какъ сейчасъ увидимъ, довольно трудно, а опровергнуть кое что громогласно—можно и даже нисколько не «опасно». Прежде всего, какія удивительныя понятія у анонима о «свободной печати»! Воображаю недоумѣніе иностранцевъ, еслибы такая защита русской свободы печати появилась «на страницахъ иностранныхъ періодическихъ изданій». Эти безтолковые иностранцы рѣшительно въ тупикъ стали бы: какая же это у нихъ свобода печати, если она должна прибѣгать къ «коварнымъ умысламъ», если ея разсужденія «нужно понимать иносказательно» и если «цензоръ имѣетъ право вычеркивать сколько угодно»!! Очевидно, анонимъ пересолитъ въ своемъ усердіи и не

только не объявить передъ иностранцами русскую свободу печати, а даже отчасти оклеветать ее; ибо напрасно онъ думаетъ, что цензоръ имѣетъ право «вычеркивать сколько угодно». И прежде всего цензоръ не имѣетъ права читать, подобно духовнику, въ сердцахъ, выслѣживая «коварные умыслы» и возможность «иносказательнаго пониманія разсужденій». Это не возбраняется лишь добровольцамъ въ родѣ анонима, проницательный взоръ котораго контролируетъ «не только предварительную, но и послѣдующую цензуру», и нѣтъ предѣловъ этому добровольческому усердію; права же и обязанности цензора опредѣлены закономъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ анонимъ напрасно думаетъ, что «не только предварительная, но и послѣдующая цензура» нуждается въ его контролѣ: смѣетъ его увѣрить, что спеціальныя органы надзора за печатью дѣйствуютъ достаточно энергично. Намъ, въ особенности намъ, даже не освобожденнымъ отъ предварительной цензуры», это слишкомъ хорошо извѣстно...

Какъ ни щекотливо положеніе, въ которое ставить насъ анонимъ «Русскаго Вѣстника» своею, по самой скромной оцѣнкѣ, грубо безтактною и неприличною выходкою, мы считаемъ однако возможнымъ и ни мало не «опаснымъ» сказать слѣдующее. Правительство, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, въ оцѣнку которыхъ мы входить не можемъ, кладетъ извѣстныя ограниченія свободѣ печати и, естественно, усугубляетъ эти ограниченія для органовъ печати, на коихъ значится надпись «дозволено цензурою». Мы не можемъ не подчиняться этимъ ограниченіямъ, но никто и ничто не обязываетъ насъ радоваться имъ или даже находить ихъ недостаточными, какъ находятъ г. анонимъ. Напротивъ, самое званіе писателей обязываетъ насъ по совѣсти желать возможно большей свободы печатнаго слова. И не только насъ, обвиняемыхъ г. анонимомъ въ злоупотребленіяхъ нашею несвободою, но и всѣхъ и cadaго изъ писателей, въ томъ числѣ и г. анонима. Какъ сейчасъ увидимъ, трудно сказать, что именно не нравится анониму въ «Русскомъ Богатствѣ» и въ какомъ именно направленіи желалъ бы онъ большей, по отношенію къ нашему журналу, бдительности «не только предварительной, но и послѣдующей цензуры». Но самое это указаніе на недостатокъ бдительности есть поступокъ по существу своему не литературный и писателя недостойный. Писатель, сколько нибудь вѣрающій въ свое дѣло, естественно долженъ желать, чтобы неприятная для него или ошибочная, по его мнѣнію, мысль была предъявлена въ своемъ полномъ, неурѣзанномъ логическомъ и фактическомъ вооруженіи, дабы онъ имѣлъ возможность сразиться съ ней «въ открытой и честной борьбѣ», по выраженію Ивана Аксакова.

Кстати объ Аксаковѣ. «Русскій Вѣстникъ» еще недавно (въ мартѣ) посвятилъ теплую статью его памяти, и потому ссылка на него должна быть особенно поучительна для анонима «Русскаго Вѣстника». Но то, что я сейчасъ приведу изъ сочиненій Аксакова,

и вообще поучительно. Это истинно блестящія иллюстраціи къ тому положенію, что никакая, самая глубокая рознь въ вопросахъ религіозныхъ, политическихъ, національных и т. д.—не должна отзываться ущербомъ на знамени литературной чести. Аксаковъ былъ въ этомъ отношеніи настоящимъ рыцаремъ. Въ 1865 г., по поводу одной статьи «Современника», онъ писалъ: «Едвали кто, при защитѣ своихъ убѣжденій, терпѣлъ болѣе отъ цензурной строгости, чѣмъ писатели славянофильскаго направленія; никто болѣе насъ не испытывалъ той неловкости, того неудобства, въ которое ставитъ истину непрощенная помощь грубой вѣншней силы, полицейское вторженіе въ область духа». Или въ 1883 г. по поводу запрещенія «Голоса» на шесть мѣсяцевъ: «Мы можемъ лишь сожалѣть, не о «Голосѣ» собственно, но о противникѣ, не нами, къ сожалѣнію, въ открытомъ бою, а постороннею силою обезоруженномъ... Сумерекъ мысли не слѣдовало бы допускать, а слѣдовало бы вызвать мысль на бѣлый день, на публичный споръ... Запретите, пожалуй, всѣ газеты, работа общественной мысли будетъ все же производиться, но во тьмѣ, подспудно, при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ для торжества правды: обезоруженными явятся лишь тѣ, которые неспособны защищать истину иначе, какъ при свѣтѣ, въ открытой и честной борьбѣ».

Патріотизмъ Аксакова стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній и не анонимамъ разнымъ съ нимъ въ этомъ отношеніи мѣряться. Но Аксаковъ вѣрилъ въ свою истину и считалъ бы для себя унижительною «свидѣтельствомъ о бѣдности» призывъ специальныхъ органовъ по надзору за печатью къ вышшей бдительности. Оттого то онъ пользовался уваженіемъ и въ тѣхъ сферахъ, которыя не раздѣляли его взглядовъ на благотворность свободы печати: то были, независимо отъ ихъ истинности или ложности, примѣнимости или непримѣнимости, —честные взгляды.

Но—говорить анонимъ—я что-жъ? я открыто указалъ факты и высказалъ объ нихъ свое мнѣніе, а если что невѣрно понялъ или извратилъ, такъ опровергайте меня въ печати, а если и этого мало, — преслѣдуйте меня судебнымъ порядкомъ за клевету... Такъ, мы видѣли, признаки, отличающіе работу анонима отъ доноса.

Какіе же однако факты указалъ анонимъ? какія мнѣнія высказалъ? что въ его статьѣ можно опровергать? за что можно преслѣдовать судебнымъ порядкомъ?

До сихъ поръ мы достаточно близко видѣли только одно мнѣніе и одинъ фактъ: «наши либералы» совершенно напрасно жалуются, потому что вотъ «Русское Богатство», при чтеніи котораго «совершенно забываешь о существованіи у насъ не только предварительной, но и послѣдующей цензуры». Что же мы можемъ сдѣлать съ этимъ указаніемъ и съ этимъ мнѣніемъ? Если тутъ есть клевета, то она относится не къ намъ, а къ цензурному вѣдомству, недо-

статочнo бдительному, а опровергнуть указаніе мы могли бы только опубликованіемъ тѣхъ отдѣльныхъ мѣстъ въ разныхъ статьяхъ, которыя г. цензоръ нашелъ для печати неудобными, и тѣхъ цѣлыхъ статей, которыя признаны таковыми, какъ г. цензоромъ, такъ и цензурнымъ комитетомъ. Но разъ эти отдѣльныя мѣста и цѣлыя статьи признаны для печати неудобными,—мы ихъ опубликовать не можемъ. И такимъ образомъ изъ трехъ признаковъ, отличающихъ работу анонима отъ доносительства, остается только одинъ, не имѣющій однако, при отсутствіи двухъ другихъ, никакого значенія: анонимъ дѣлаетъ свое указаніе дѣйствительно «громогласно», но ни опровергнуть его въ печати, ни преслѣдовать судомъ мы не можемъ.

Обратимся къ другимъ фактамъ и мнѣніямъ анонима. Начинаетъ онъ свой обзоръ со статьи г. Иванова о Тѣнѣ. Онъ говоритъ: «Авторъ прилагаетъ всѣ старанія, чтобы доказать несостоятельность эстетической теоріи Тѣна, различныхъ сужденій его объ искусствѣ, но вовсе не съ тою цѣлью, чтобы установить болѣе правильный взглядъ на явленія въ данной области, а для того, чтобы легче дискредитировать Тѣна, какъ автора капитальныхъ сочиненій, изображающихъ великую французскую революцію и ея значеніе совершенно иначе, нежели изображаютъ ее наши русскіе радикалы». Таковъ первый камень воздвигаемаго анонимомъ зданія, первое свидѣтельство чрезмѣрной свободы нашего слова, не сдерживаемой даже и предварительною цензурой, и первое приглашеніе: опровергайте въ печати, тащите въ судъ, а вѣдь громогласно говорю! Позвольте однако. По дѣйствующимъ законамъ цензура не только не обязана проникать въ тайныя намѣренія автора и утруждать себя вопросомъ объ томъ, съ какою «цѣлью» онъ пишетъ объ эстетикѣ Тѣна, а и не имѣетъ на это права. Еслибы однако такое и было ей закономъ предоставлено и еслибы она въ данномъ случаѣ приняла именно къ тому заключенію, къ которому привела анонима его добровольческая проницательность, то «дискредитированіе» историческаго труда Тѣна о революціи само по себѣ вовсе не представляетъ чего нибудь запретнаго.

Анонимъ «Русскаго Вѣстника» чрезвычайно проницателенъ. Я, одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ «Русскаго Богатства», не знаю, съ тою ли именно цѣлью г. Ивановъ занялся эстетикой Тѣна, какую ему приписываетъ анонимъ. Думаю, что онъ просто хотѣлъ характеризовать Тѣна вообще, и какъ критика, и какъ философа, и какъ историка. Но еслибы онъ дѣйствительно имѣлъ приписываемый ему «коварный умыселъ» и обратился бы ко мнѣ за совѣтомъ на этотъ счетъ, я бы отвѣтилъ ему: да зачѣмъ же вамъ «коварно умышлять»? Сочиненіе Тѣна о французской революціи не неприкосновенное что нибудь, не каноническая книга, а просто одно изъ сотенъ и даже тысячъ сочиненій объ этой эпохѣ; конечно, судя по бывшимъ примѣрамъ, цензоръ найдетъ можетъ быть мно-

гое въ вашей статьѣ неудобнымъ, но собственно «дискредитировать» Тэна, какъ историка, можете безъ всякихъ «коварствъ», даже если цензоръ, въ противоположность вамъ, величайшій почитатель Тэна.

Спрашивается, что же можетъ опровергать г. Ивановъ въ замѣткахъ анонима? Никакихъ своихъ мнѣній ни объ Тэнѣ-историкѣ, ни объ Тэнѣ-философѣ, ни объ Тэнѣ-критикѣ анонимъ не выразилъ, никакого опредѣленнаго сужденія о достоинствахъ или недостаткахъ работы г. Иванова не произнесъ,—опровергать нечего. Ну, такъ судебнымъ порядкомъ за клевету преслѣдуйте!—требуется анонимъ. Клевета можетъ быть и есть въ указаніи на «цѣль», которую прочиталъ въ сердцѣ г. Иванова анонимъ, но какая то ужъ очень дрянненькая и ничемная клевета, ибо, повторяю, ни въ какихъ «коварныхъ» сокрытіяхъ цѣли нѣтъ надобности для произнесенія отрицательнаго сужденія объ исторіи революціи Тэна. Такъ что во всемъ «громогласіи» анонима не за что уцѣпиться. Это все равно, что ловить руками налима или угря; послѣ такого упражненія остается однако на рукахъ слизь и специфическій запахъ. Такой запахъ оставлять по себѣ и замѣтка г. анонима: ничего существеннаго, а все такъ... «революція», «россійскіе радикалы»... Вообще пахнетъ неблагонаимѣренностью...

На этотъ именно результатъ и рассчитываетъ анонимъ. Онъ продолжаетъ подобныя же операціи надъ двумя нашими корреспондентами изъ Франціи (причемъ «вовсе не намѣренъ вступать въ споръ съ авторомъ по существу»), надъ одной главой «Дневника журналиста» (причемъ: «что онъ тамъ напуталъ и что исказилъ—объ этомъ не стоитъ беспокоиться»), надъ одной главой «Міра отверженныхъ» (о которомъ «упоминаетъ лишь для того, чтобы показать, какъ въ «Русскомъ Богатствѣ» старательно приговяютъ статью къ статьѣ»), пристегиваетъ въ концѣ меня, пишущаго эти строки, и затѣмъ восклицаетъ: какая необузданность! и чего только цензура смотреть?! Читатель избавить меня отъ пристального разсмотрѣнія всѣхъ обвинительныхъ пунктовъ анонима: довольно съ насъ сказаннаго по поводу статьи г. Иванова и собственныхъ признаній анонима, что онъ «не вступаетъ въ споръ по существу» и не считаетъ нужнымъ «беспокоиться» объ томъ, что вѣрно или невѣрно въ критикуемыхъ (!) имъ статьяхъ. Онъ дѣйствительно не спорить и не беспокоится, чѣмъ и устраняетъ всякую возможность опроверженія, а только все подмигиваетъ и намекаетъ на неблагонаимѣренность. Позволю себѣ остановиться только на строкахъ мнѣ лично посвященныхъ. Ихъ всего три: «Нечего и говорить, что «Литературно общественныя замѣтки» (?) г. Михайловскаго дополняютъ букетъ и по временамъ сообщаютъ ему особенную пикантность». Вотъ и все. Въ виду этого едва ли есть надобность разъяснять ту смѣсь лицемѣрія и наглости, съ которою г. анонимъ рекомендуетъ своимъ собесѣдникамъ опровергать его или преслѣдовать судебнымъ порядкомъ за клевету. Опровергать

нечего, преслѣдовать не за что, а между тѣмъ я втиснуть въ «букетъ» какой то неопредѣленной, но совершенно необузданной неблагонамѣренности, да еще придаю ему «особенную» пикантность». «Громогласность» указаній анонима при этихъ условіяхъ ни мало не скрашиваетъ его поступка. А если принять въ соображеніе, что бездоказательный доносъ можетъ быть занесенъ въ протоколъ «для вѣдома впредь», то надо признаться, что анонимъ, при всей вздорности своихъ указаній, попадаетъ именно то мѣсто, въ которое намѣтилъ: *il en restera toujours quelque chose*. Если однако поведение анонима цѣлесообразно, то, съ точки зрѣнія для всѣхъ направленій равно обязательной литературной чести, оно—позорно.

Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» печатается романъ редактора (Д. И. Стахѣва, которому, къ слову сказать, уже въ силу его многолѣтней литературной карьеры не должно быть чуждо понятіе литературной чести), подъ заглавіемъ: «Духа не угашайте». Я не успѣлъ познакомиться съ самымъ романомъ, но заглавіе его такъ же прекрасно, какъ позорно поведение анонимнаго сотрудника «Русскаго Вѣстника». Анониму особенно хочется пристегнуть насъ къ «великой французской революціи» и къ якобинскому теченію въ особенности. Ему нѣтъ дѣла до того, что событія мировой важности, опредѣляющія собою дальнѣйшее теченіе исторіи, всегда отличаются чрезвычайною сложностью. Ему нужны только страшныя слова: «великая революція», «якобинцы», собственно для составленія «букета». Не для парирования его дрянныхъ намековъ, а въ назиданіе ему напомнимъ одну изъ позорныхъ страницъ исторіи революціи: якобинскій декретъ о «подозрительныхъ» (*loi des suspects*) 17 сентября 1793 года. Декретъ этотъ предписывалъ немедленный, безъ суда и слѣдствій, арестъ всѣхъ «подозрительныхъ», каковыми объявлялись: всѣ, кто своими поступками или связями или рѣчами или писаніями выказали себя сторонниками «тиранніи или федерализма или врагами свободы»; всѣ, не могущіе доказать, что они исполнили свои гражданскія обязанности; всѣ, кому было отказано въ свидѣтельствѣ о гражданской благонамѣренности (*certificats de civisme*); всѣ уволенные или временно отрѣшенные конвентомъ или его комиссарами отъ какой нибудь должности; всѣ дворяне, ихъ жены, родители и дѣти, не обнаружившіе приверженности къ революціи. Впослѣдствіи эти признаки «подозрительности» получили еще болѣе точныя и дробныя опредѣленія и Франція опозорилась безчисленными арестами безъ слѣдствія и суда, единственно на основаніи доносовъ на «подозрительныхъ» и «неблагонамѣренныхъ». Вотъ документъ изъ исторіи революціи, который, конечно, не буквою своею, а духомъ долженъ очень нравиться анониму «Русскаго Вѣстника». Букву онъ, разумѣется, измѣнилъ бы и именно въ такомъ родѣ: подозрительными и неблагонамѣренными считаются всѣ, кто пытается «дискредитировать» Тѣна, какъ историка, а затѣмъ и разныя другіе, съ которыми онъ «вовсе не намѣренъ» вступать въ споръ по существу, объ опроверженіи которыхъ «не стоитъ беспо-

коиться» и о которыхъ «нечего и говорить». А тѣмъ временемъ редакторъ «Русскаго Вѣстника» все бы благородно возглашалъ въ заглавіи своего романа: «Духа не угашайте!»...

Очень тѣсны рамки, въ которыхъ намъ приходится дѣлать свое дѣло, и даже обидной ироніей звучать нехлѣбныя рѣчи анонима о нашей необузданности. Но, къ счастью, это еще не обязываетъ насъ быть благонамѣренными во вкусѣ перваго встрѣчнаго анонима.

Въ заключеніе,—маленькая справка. Я все время называю анонима анонимомъ, потому что собственно то, что относится къ «Русскому Богатству»—не подписано. Но нѣкоторые другія «Литературно-общественныя замѣтки» «Русскаго Вѣстника» подписаны такъ: «К. М.—скій», и анонимъ очевидно признаетъ свою полную солидарность съ этимъ К. М.—скимъ, такъ какъ безъ всякихъ оговорокъ горячо поддерживаетъ затѣянное послѣднимъ обличеніе «профессорскаго опредѣленія». Это напоминаетъ мнѣ нѣкоторыя статьи въ журналѣ «Наблюдатель», подписанныя «К. П. Медвѣдскій» и «К.—скій». Анонимъ «Русскаго Вѣстника» такъ благородно говорить объ открытости и «громогласности» своихъ указаній (вслѣдствіе чего именно и отказывается признать ихъ доносами), что, конечно, только по какой нибудь случайности не подписался подъ своимъ обличеніемъ «Русскаго Богатства» въ необузданности и, въ случаѣ надобности (вѣдь онъ даже на судебное преслѣдованіе напрашивается), не откажется опредѣлить свои отношенія къ К. П. Медвѣдскому, К. М.—скому и К.—скому. Но, въ ожиданіи этого благороднаго акта, посмотримъ на нѣкоторое совпаденіе приведенныхъ подписей, какъ на *lusus naturae*, какъ на любопытную игру природы. Она въ самомъ дѣлѣ любопытна. Въ статьѣ К. П. Медвѣдскаго «Повѣсть честнаго гражданина», («Наблюдатель» 1894, мартъ), написанной по поводу извѣстнаго дневника А. В. Никитенка, между прочимъ, читаемъ: «Нельзя упрекать молодого адъютанта (Никитенко) за то, что онъ принялъ мѣсто цензора. Еслибы, принявъ мѣсто цензора, А. В. обратился въ одного изъ «офицеровъ, сурово управляющихся съ истиной», и забылъ о преимуществахъ свѣтлой головы передъ свѣтлыми пуговицами,—тогда другое дѣло. Ничего подобнаго съ Никитенкомъ не случилось. Наоборотъ, его цензорская дѣятельность вызываетъ безусловное уваженіе и симпатію. Ни на минуту Никитенко не забывалъ, что онъ прежде всего литераторъ и ученый и что на его обязанности лежитъ отстаивать интересы науки и литературы до послѣдней возможности». Дневникъ А. В. Никитенко, дѣйствовавшаго, въ качествѣ цензора, въ одну изъ самыхъ трудныхъ и мрачныхъ полосъ исторіи нашей литературы, даетъ, конечно, К. П. Медвѣдскому много поводовъ для подобныхъ, несомнѣнно «либеральныхъ» заявленій. Но я удовольствуюсь приведенной фразой. Какая разница между К. П. Медвѣдскимъ съ одной стороны и К. М.—скимъ и анонимомъ «Русскаго Вѣстника»—съ другой! Первый едва извиняетъ

Никитенко за то, что онъ принялъ мѣсто цензора, и то только потому, что онъ «до послѣдней возможности» отстаивалъ интересы науки и литературы. К. М.—скій и анонимъ, наоборотъ, изумляются бездѣятельности «не только предварительной, но и послѣдующей цензуры». Не менѣе любопытно сопоставить нѣкоторые мнѣнія К.—скаго въ «Наблюдателѣ» и К. М.—скаго и анонима въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Въ статьѣ «Наша журналистика» («Наблюдатель» 1893, ноябрь) К.—скій пишетъ: «Переходъ журнала «Русское Богатство» къ новой редакціи, состоящей изъ нѣкоторыхъ прежнихъ сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ» съ Н. К. Михайловскимъ во главѣ, сулитъ нѣкоторые пріятныя надежды. Ужъ слишкомъ «все темно и сѣро» въ нашей журналистикѣ, говоря стихомъ Кузмы Прутова. Умѣренный либерализмъ «Вѣстника Европы», тупое ретроградство «Русскаго Обзорѣнія» и окончательная непристойность «Сѣвернаго Вѣстника» вопіютъ объ освѣженіи атмосферы. Думалось, что преобразованное «Русское Богатство» до извѣстной степени послужитъ длѣу освѣженія. Надежды эти не оправдались. Въ «Русскомъ Богатствѣ» также «все темно и сѣро».. Г. Михайловскій имѣетъ право на признательность со стороны русскаго общества, но послѣдніе годы его литературной дѣятельности отмѣчены усталостью... «Русскій Вѣстникъ» отличается отъ прочей «консервативной» компаніи своею литературностью, но не чуждъ и крупныхъ промаховъ. Такими промахами мы считаемъ помѣщеніе статей ультра-консервативныхъ авторовъ, тщетно пытающихся выставить черное бѣлымъ и бѣлое чернымъ. Трудъ напрасный и неинтересный. Какой-нибудь ультра-консервативный авторъ беретъ, напримѣръ, на себя трудъ доказывать, что либеральное движеніе, ознаменовавшее цѣлую громадную эпоху, было «незаконнымъ». Нелѣпость подобной задачи очевидна сама собою; можно-ли говорить о незаконности либеральнаго движенія, охватившаго не отдѣльные кружки, а все общество «отъ верхняго края до нижняго»? Можно-ли также проливать украдкой горючія слезы по такому безчеловѣчному институту, какъ крѣпостное право?.. Пора бы нашимъ «консерваторамъ» выбросить за бортъ истрепанную мѣрку полицейской благонадежности; пора бы воспитать въ себѣ хоть малую толику уваженія къ обществу просвѣщенныхъ и кое-что понимающихъ людей. Пора бы перестать и лгать».

Видите, до какой степени могутъ быть различны мнѣнія и желанія и какъ трудно угодить на всѣхъ. К. П. Медвѣдскій называетъ Никитенку «честнымъ гражданиномъ» и, въ лицѣ его, ставитъ какъ бы идеалъ передъ цензурнымъ вѣдомствомъ: вотъ человѣкъ, который «до послѣдней возможности» отстаивалъ интересы литературы. Но если цензурное вѣдомство, весьма далекое отъ «послѣдней возможности», допустить «дискредитированіе» Тѣна, то К. М.—скій и анонимъ упрекнуть его въ бездѣятельности. К.—скій ожидаетъ отъ «Русскаго Богатства» яркости и огорчается его блѣд-

ностью, а К. М.—скій находитъ его необузданно-яркимъ. К.—скій полагаетъ, что Михайловскій «заслуживаетъ признательности русскаго общества», а только какъ будто усталъ, а К. М.—скій и анонимъ заявляютъ: «нечего и говорить», что статьи Михайловскаго придаютъ «особенную пикантность» «букету» неблагонамѣренности. К.—скій рекомендуетъ нашимъ «консерваторамъ» отказаться отъ «истрепанной мѣрки полицейской благонадежности» и «перестать лгать», а К. М.—скій и анонимъ находятъ, напротивъ, «избытки» «приемы либеральныхъ полемистовъ»: въ «спорѣ съ консервативными противниками» они кричатъ о доносахъ («мѣрка полицейской благонадежности?»), но это только «дешевое средство отдѣлаться отъ противника, котораго оспаривать по существу — не хватаетъ пороха»...

Мудрено найти двѣ литературныя фizioноміи, болѣе различныя, чѣмъ К. П. Медвѣдскій и К.—скій съ одной стороны и К. М.—скій и анонимъ—съ другой. Какая странная игра природы это совпаденіе подписей. Допустить, чтобы все это писало одно и то же лицо—нельзя, ибо это лицо пришлось бы признать не только человекомъ безъ всякихъ убѣжденій, но и провокаторомъ, подстрекающимъ въ одномъ органѣ и доносящимъ въ другомъ. Неужели же и въ литературѣ возможна та профессія, о которой, какъ мы видели, съ такимъ презрѣніемъ говоритъ сенаторъ Таганцевъ: «профессія лицъ, возбуждающихъ къ преступленію, ради будущихъ выгодъ»?—«Никогда не повѣрю», какъ говорила въ подобныхъ случаяхъ одна невинная дѣвица. Желательно бы знать, повѣрятъ-ли этому редакціи «Наблюдателя» и «Русскаго Вѣстника»...

Въ дополненіе къ сказанному въ прошлый разъ о разнообразіи толкованій теоріи Дарвина и выводовъ изъ нея въ области нравственно-политическихъ вопросовъ,—остановимся на много напущеннѣйшей книгѣ Бенжамена Кидда «Общественная эволюція». Книжка она извѣстна въ нѣмецкомъ переводѣ Пфлейдерера (*Soziale Evolution*. Jena, 1895). Переводъ этотъ представляетъ нѣкоторый самостоятельный интересъ, въ виду предисловія, написаннаго тоже гремящимъ нынѣ натуралистомъ Авг. Вейсманомъ. Не содержаніемъ своимъ важно это предисловіе, занимающее всего двѣ странички, а какъ фактъ рекомендаціи со стороны одного изъ самыхъ выдающихся современныхъ біологовъ.

Книга Кидда—говоритъ Вейсманъ—представляетъ «попытку свести развитіе человѣческаго общества къ тѣмъ принципамъ, которые, по воззрѣніямъ современныхъ біологовъ, управляютъ развитіемъ самихъ формъ жизни. Доселѣ никто не дѣлалъ этого съ такою ясностью и послѣдовательностью и съ такой многообъемлющей точки зрѣнія».

По мнѣнію Кидда, «западная цивилизація» переживаетъ кри-

зисъ. Въ исторіи нѣтъ параллели концу XIX вѣка. Задачи, стоящія передъ человѣкомъ на порогѣ новаго столѣтія, своею грандіозностью превосходятъ все, что доселѣ предстояло цивилизаціи: все заставляетъ думать, что Европа изжила извѣстный періодъ развитія и находится наканунѣ новой эры. Одну изъ замѣчательнѣйшихъ чертъ нашего времени Киддъ видитъ въ новомъ, по его мнѣнію, отношеніи къ религіи, въ новой точкѣ зрѣнія на ея роль и значеніе *). Внутри различныхъ западныхъ церквей замѣчается стремленіе къ признанію того факта, что религія имѣетъ въ виду не только будущую жизнь, а и настоящую, земную, и не личную жизнь, а жизнь людей, какъ членовъ одного общественнаго организма. При этомъ конфессіональныя различія отступаютъ на второй планъ, уступая первое мѣсто общимъ основамъ всѣхъ церквей. Выстъ съ тѣмъ съ разныхъ сторонъ слышится утвержденіе, что социальный вопросъ есть въ сущности (im Grunde) религіозный вопросъ. Но и въ церковныхъ кругахъ мы встрѣчаемъ чрезвычайно знаменательныя новыя теченія. Было бы большою ошибкою, говорить Киддъ, видѣть въ бурномъ невѣріи Брэдло и тому подобныхъ явленіяхъ нѣчто наиболѣе характерное для нашего времени. Это отзвуки нѣкоторыхъ теченій мысли конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка, а къ концу вѣка мы замѣчаемъ, напротивъ, въ обществѣ совершенно иное отношеніе къ религіи. Мы видимъ тяготѣніе многихъ умовъ къ консервативнѣйшей и наименѣе глубокой изъ всѣхъ церквей,—католической, видимъ стремленіе укрыться подъ сѣнь разнообразныхъ формъ мистицизма. Правда, наука, повидимому, произвела значительныя опустошенія въ рядахъ вѣрующихъ и въ системъ вѣрованій, но по отношенію къ религіозному чувству вообще это одна лишь видимость. Вопросъ о границахъ науки и религіи, рѣшавшійся прежде въ смыслъ непримиримаго ихъ противорѣчія, готовится вступить на новую почву. А именно болѣе или менѣе безсознательно пробивается признаніе того, что религія имѣетъ совершенно опредѣленную задачу въ исторіи человѣчества и что она есть могущественный факторъ социальнаго развитія. Но какова эта задача въ настоящемъ и будущемъ,—на этотъ вопросъ наука не даетъ отвѣта. Не даетъ, однако, не потому, что не можетъ дать, а потому, во-первыхъ, что доселѣ недостаточно внимательно относилась къ религіи, какъ къ общественному фактору, и потому, во-вторыхъ, что разныя отрасли социальныхъ наукъ стоятъ на слишкомъ одностороннихъ точкахъ зрѣнія, не охватывающихъ человѣка и человѣческое общество въ ихъ сложной цѣльности. Киддъ полагаетъ, что социальные науки должны почерпнуть новыя

*) Прошу замѣтить, что все нижеслѣдующее относится къ западно-европейской цивилизаціи. Киддъ настойчиво и многократно это подчеркиваетъ и двумъ главамъ своей книги прямо даетъ заглавіе: «Западная цивилизація» (Die westliche Civilisation въ нѣмецкомъ переводѣ).

силы въ биологіи, въ приложеніи ея методовъ и выводовъ къ явленіямъ общественной жизни. Къ этому онъ и приступаетъ во второй главѣ.

Мы встрѣчаемся здѣсь съ общими принципами дарвинизма, но въ той болѣе односторонней и рѣзкой формѣ, какую имъ въ послѣднее время старается придать Вейсманъ. Съ момента возникновенія жизни, говоритъ Киддъ, прогрессъ совершался всегда однимъ и тѣмъ же путемъ и никакой иной путь немислимъ. Прогрессъ есть результатъ подбора однихъ и устраненія другихъ. Никогда не существовало и не существуетъ двухъ вполне одинаковыхъ представителей одного и того же вида. Напротивъ, мы вездѣ встрѣчаемъ, въ извѣстныхъ узкихъ предѣлахъ, безконечное разнообразіе: одни индивиды стоятъ въ какомъ нибудь отношеніи выше средняго уровня, другіе—ниже. И вотъ, если первые встрѣчаютъ благопріятныя условія для своего размноженія,—но только въ этомъ случаѣ,—становится возможнымъ прогрессъ въ какомъ нибудь отношеніи. «Гдѣ есть прогрессъ, такъ необходимо долженъ быть подборъ, а подборъ въ свою очередь необходимо предполагаетъ какое нибудь соперничество». Но этого мало. Ссылаясь на работы Вейсмана, Киддъ считаетъ прочнымъ достояніемъ науки слѣдующее положеніе: еслибы постоянно совершающійся въ высшихъ формахъ жизни подборъ былъ устраненъ, то формы эти не только не имѣли бы никакого побужденія къ дальнѣйшему совершенствованію, но неизбѣжно регрессировали бы. Другими словами: «еслибы совокупность индивидовъ каждаго поколѣнія какого нибудь вида имѣла возможность размножаться равномерно, то средній уровень каждаго поколѣнія имѣлъ бы постоянную тенденцію понижаться въ сравненіи въ предъидущимъ поколѣніемъ, и получилось бы медленное, но несомнѣнное вырожденіе». Въ большей или меньшей степени подборъ и соперничество необходимы, но чѣмъ они рѣзче, безпощаднѣе, тѣмъ сильнѣе прогрессируетъ видъ. Въ общемъ мы вездѣ видимъ прогрессъ, «но путь къ нему покрытъ всѣми несчастливцами и неудачниками, падшими въ этомъ поступательномъ движеніи». Такъ всегда было, такъ и будетъ. Очевидно, прогрессъ несовмѣстимъ съ благополучіемъ большей части представителей даннаго вида. И еслибы эти индивидуальныя представители вида могла размышлять объ общемъ ходѣ дѣлъ, то, конечно, ихъ собственное благополучіе было бы для нихъ гораздо дороже, чѣмъ совершенствованіе или вообще будущее вида. Въ мірѣ животныхъ и тѣмъ паче растений процессъ совершается безъ участія сознанія, но человѣкъ вноситъ въ эту мировую и вѣковую картину двѣ новыя силы: свой разумъ и свою способность совмѣстной дѣятельности въ организованныхъ обществахъ. И спрашивается, какимъ же образомъ обладаніе разумомъ совмѣщается въ человѣкѣ съ рѣшимостью подчиняться тяжелымъ условіямъ существованія, требующимъ полного и постоянного жертвоприношенія своего личнаго благополучія про-

грессирующему развитію, въ которомъ индивидъ не имѣетъ никакой личной выгоды?

Эволюція на всемъ своемъ протяженіи сохраняетъ свои главные черты. Люди собираются въ первобытныя общества, и такъ какъ разумъ человѣка достигаетъ высшихъ успѣховъ, когда онъ работаетъ въ сообществѣ себѣ подобныхъ, то онъ приобретаетъ извѣстныя социальныя привычки. Но и общество слѣдуетъ тому же общему закону подбора и соперничества. «Побѣдоносныя общества истребляютъ постепенно своихъ соперниковъ, слабѣйшіе народы исчезаютъ передъ сильнѣйшими, поработеніе и устраненіе менѣе сильныхъ остаются главнымъ теченіемъ человѣческаго прогресса». Само собою идетъ соперничество внутри обществъ, и наконецъ возникаютъ «наиболѣе жизнеспособныя социальныя системы, въ которыхъ полное подчиненіе интересамъ социального организма соединяется съ высшимъ развитіемъ личности». Въ то же время, однако, «эволюціонистъ нигдѣ не находитъ прекращенія жесткихъ условій, господствующихъ съ самаго начала жизни. Напротивъ, замѣчается тенденція поставить ихъ еще уже и строже. Вездѣ и всегда прогрессъ сопровождается одними и тѣми же неизбѣжными явленіями неудачи большей части индивидовъ и устраненія ихъ отъ высшихъ ступеней жизни».

Естественно, что это большинство не находитъ въ своемъ разумѣ оправдательнаго основанія для такого порядка вещей. Можно утверждать, что таковы необходимыя условія всякаго прогресса, что ихъ упраздненіе неблагоприятно отзовется на будущихъ интересахъ общества и даже всей нашей расы. Но для индивидуума, занятаго своими собственными интересами въ настоящемъ, а не возможными интересами общества или расы въ будущемъ,—это соображеніе не имѣетъ вѣса. Сравнивая мозгъ современнаго европейца съ мозгомъ низшихъ дикарей и мысленно возстановляя промежуточные ступени развитія, наука констатируетъ несомнѣнный прогрессъ, но нѣтъ доводовъ, которые могли бы убѣдить разумъ американскихъ краснокожихъ или новозеландскихъ маорисовъ въ необходимости ихъ исчезновенія съ лица земли. Обращаясь къ тому періоду европейской исторіи, когда процвѣтали могущественныя военныя аристократіи, угнетавшія народъ, мы увидимъ то же самое. Тщетно было бы доказывать угнетеннымъ, что этотъ общественный строй есть естественный продуктъ своего времени и что безъ такой организаціи данная социальная группа погибла бы подъ ударами мощныхъ соперниковъ... Когда социалисты и демократы изображаютъ намъ тяжкое положеніе низшихъ классовъ, наукѣ трудно имъ возражать. Но она можетъ, и притомъ «безъ малѣйшаго затрудненія», доказать, что социалистическіе планы не осуществимы, а въ случаѣ осуществленія повели бы къ окончательной гибели человѣчества. «Эволюціонистъ убѣжденъ, что такъ называемая *Massenausbeutung* есть только современная форма соперничества,

наблюдаемого съ перваго проявленія жизни, и что жертвоприношеніе единицъ грядущимъ интересамъ всего соціального организма есть необходимый элементъ нашего прогресса». Нельзя однако требовать, чтобы приносимыя въ жертву это сознавали. «Интересы индивида и соціального организма очень различны», говоритъ Киддъ и еще рѣзче выражаетъ это положеніе на той же страницѣ (73): «интересы соціального организма и составляющихъ его индивидовъ всегда противостоятъ одни другимъ, какъ враги». Поэтому въ разумѣ индивида нѣтъ оправданія для порядковъ, существующихъ въ прогрессирующемъ обществѣ.

Но разумъ не есть единственная сила, дѣйствующая въ исторіи. «Центральный пунктъ исторіи человѣчества, доселѣ неоцѣненный надлежащимъ образомъ ни наукою, ни философій, лежитъ въ борьбѣ, которую человѣкъ въ теченіе всего своего соціального развитія велъ съ цѣлью подчиненія своего собственнаго разума. Движущая сила въ этой борьбѣ дается религіозными вѣрованіями». Ихъ вліяніе опредѣлило поведеніе въ качествѣ сверхъ-разумной (*über die Vernunft hinausgehende*) нормировки и санкціи. Никакое вѣрованіе не можетъ функціонировать въ обществѣ, какъ религія, если оно не даетъ этой сверхъ-разумной нормировки соціального поведенія человѣка. Поэтому и соціальный организмъ есть не политическая организація, часть которой мы составляемъ, и не раса, къ которой мы принадлежимъ, и не весь родъ человѣческій въ процессѣ его развитія; онъ есть соціальная система, покоящаяся на какой нибудь формѣ религіознаго вѣрованія. Въ такомъ организмѣ возникаетъ двойственность: разлагающій отрицательный принципъ, представляемый самоопредѣленіемъ индивидовъ, и обновляющій, положительный, содержащій религіозное вѣрованіе, которымъ нормируется и санкционируется соціальное поведеніе. Этотъ послѣдній принципъ лежитъ очевидно за предѣлами разума, и функція его состоитъ въ томъ, чтобы въ борьбѣ развитія осуществлять и нормировать подчиненіе интересовъ индивидуальнаго существованія болѣе широкимъ интересамъ долѣе живущаго соціального организма, къ которому мы принадлежимъ. Въ зависимости отъ нравственныхъ нормъ, устанавливаемыхъ этимъ принципомъ, находится роль соціальныхъ группъ въ дѣлѣ развитія расы. Въ нихъ, въ этихъ нравственныхъ нормахъ, и въ ихъ исторической смѣнѣ коренится множество явленій жизни, законы которыхъ еще не изучены. Что же касается религіи, то она, — независимо отъ тѣхъ или другихъ догматовъ, составляющихъ предметъ богословія, — какъ соціальное явленіе, получаетъ слѣдующее опредѣленіе: «Религія есть форма вѣрованій, создающая сверхъ-разумныя нормы для поведенія индивидуума въ тѣхъ случаяхъ, когда его интересы стоятъ въ противорѣчій съ интересами соціального организма, и подчиняющая первыхъ послѣднимъ въ общихъ интересахъ эволюціи

расы» (97). Таково основаніе каждой религіи, говоритъ Киддъ, но само собою разумѣется, что для исповѣдующихъ ту или другую религію этимъ не исчерпывается ея содержаніе.

Заручившись этими общими положеніями (я, разумѣется, передаю ихъ и весь ходъ аргументаціи очень бѣгло), Киддъ приступаетъ къ анализу того, что онъ называетъ «западной цивилизаціей». Та сложная система, то огромное органическое цѣлое, въ которомъ живетъ современный цивилизованный человѣкъ, не приурочивается ни къ какому національному или расовому границамъ. Ее, эту громадную и сложную систему, можно бы было, пожалуй, назвать «европейской цивилизаціей», но и это будетъ не точно. Поэтому Киддъ, за неимѣніемъ лучшаго обозначенія, даетъ ей названіе «западной цивилизаціи».

Многое изъ того, что мы видимъ теперь вокругъ себя, съ чѣмъ мы сжились и на что смотримъ, какъ на необходимую часть своего ежедневнаго обихода, — очень недавняго происхожденія. Наша торговля, банки, вся система кредита — не старше двухъ столѣтій, пути сообщенія, которыми мы пользуемся, наши системы образованія, міровой рынокъ, большинство завоеваній техники, прикладной науки, не насчитываютъ себя и этого возраста. Все это есть не больше, какъ одинъ краткій эпизодъ въ исторіи западной цивилизаціи, и нельзя составить себѣ объ ней даже самое общее представленіе, принимая во вниманіе лишь эти такъ недавно выступившія на историческую арену силы. Надо обратиться къ прошлому.

Не трудно, по мнѣнію Кидда, указать историческое начало «западной цивилизаціи»; это — первые вѣка нашей эры. Это было время паденія одного типа цивилизаціи и возникновенія новаго. Вѣкъ, предшествовавшій христіанской эрѣ, и вѣкъ, непосредственно за ней слѣдовавшій, выставили рядъ блестящихъ именъ на всѣхъ поприщахъ умственной дѣятельности: Цицеронъ, Вергилій, Катулъ, Гораций, Лукрецій, Овидій, Тибуллъ, Саллюстій, Цезарь, Ливій, Ювеналъ, оба Плинія, Сенека, Квинтиліанъ, Тацитъ. И тѣмъ не менѣе римскій геній уже переступалъ пору своего разцвѣта, римская цивилизація достигла своей вершины. Всѣ усилія вдохнуть жизнь въ старыя формы были напрасны; и мы вездѣ видимъ явственные симптомы упадка, разложевія. Но на развалинахъ отцвѣтшей жизни возникаетъ новая, съ самаго начала имѣющая огромное общественное значеніе. Столѣтія прошли прежде, чѣмъ получилась ясная идея о томъ общественномъ организмѣ, который предстояло создать христіанской религіи, но уже съ самаго начала обнаружилось ея необыкновенное значеніе, какъ историческаго фактора. Новая сила стирала границы классовъ, національностей, расъ, безразлично вводя ихъ представителей въ новое общественное цѣлое, исповѣдующихъ христіанство, и ради этого цѣлаго они готовы были на всякое самопожертвованіе. И эта новая сила от-

нюдь не была продуктомъ разума или разсудка. Она увлекала по преимуществу низшіе, наименѣе образованные и умственно развитые слои общества. Представители ума и знанія были далеки отъ сознанія важности того, что происходило передъ ихъ глазами. Они относились къ новой силѣ или враждебно, или съ высокомернымъ презрѣніемъ. Но не эти представители разума наложили свою печать на дальнѣйшій ходъ общественной эволюціи. Мы видимъ быстрый ростъ церковной организаціи, полное и добровольное подчиненіе разума, постепенное паденіе личнаго, независимаго сужденія и торжество аскетическаго идеала. Вся западная Европа обратилась въ огромную теократію, всѣхъ и каждого обязывавшую безпрекословно повиноваться авторитетамъ и строго каравшую всякое сомнѣніе или отклоненіе. Все, созданное гениемъ Греціи и Рима, погребено, и люди даже не знаютъ, что нѣчто подобное существовало. Между старою жизнью и тою, которая заняла ея мѣсто, нѣтъ никакой органической связи. Лишь въ XII, XIII вв. начинается пробиваться другой факторъ соціальнаго развитія, въ XV в. наступаетъ эпоха «возрожденія», въ XVI в.—развертывается реформація, давшая новый толчокъ религіозному чувству. Невозможно обсуждать принципы, лежащіе въ основѣ новѣйшей цивилизаціи, не принимая въ соображеніе религіознаго движенія, съ котораго началась новая исторія. Эволюціонистъ долженъ признать, что оно въ теченіи многихъ вѣковъ способствовало и способствуетъ росту однихъ элементовъ и препятствуетъ росту другихъ, и что каковы бы ни были наши личные взгляды на принципы христіанства и содержаніе его вѣрованій, мы во всякомъ случаѣ составляемъ продуктъ этого движенія. Вся современность есть только часть явленій, съ нимъ связанныхъ. Говорятъ объ теоретической бесплодности первыхъ вѣковъ церковной организаціи западной Европы, но это совершенно не вѣрно,—этотъ историческій періодъ былъ періодомъ накопленія альтруистическихъ чувствъ, школьнымъ періодомъ подчиненія самоопредѣляющейся личности иному, высшему началу, и плоды его, обильные и благотворные, сказались позже.

Не входя въ подробности дальнѣйшей аргументаціи Кидда и его анализа нѣкоторыхъ фактовъ западно-европейской исторіи, остановимся только на главныхъ и общихъ сторонахъ его работы, находящихся въ непосредственномъ отношеніи къ вышеизложенному.

Древній міръ, на развалинахъ котораго выросла новая, западно-европейская цивилизація, покоился на рабствѣ;—на рабствѣ въ собственномъ смыслѣ, рабствѣ женщинъ, рабствѣ дѣтей,—на презрѣніи ко многимъ отраслямъ труда, на замѣнутости общественной жизни. Все это создавало искусственныя препятствія для сво-

бодной игры борьбы за существование и естественного подбора, а потому неизбежно понижало уровень расы. Христианство внесло въ исторію новую этическую систему прирожденного равенства всѣхъ людей и братской любви, снабдивъ притомъ эту этическую систему чрезвычайною силою сверхъ-разумнаго фактора. Построенная на этой системѣ цивилизація призываетъ къ участию въ борьбѣ за существование всѣхъ дотолѣ отстраненныхъ. Такимъ образомъ западно-европейская цивилизація не только не обрываетъ вѣковѣчнаго космическаго процесса, но составляетъ прямое его продолженіе. Этимъ именно объясняется энергія, сила, духъ предпримчивости, характеризующіе европейскіе народы. И процессъ долженъ идти и впредь въ томъ же направленіи. Многие уже сдѣлано на этомъ пути приобщенія разныхъ общественныхъ слоевъ къ открытой и свободной борьбѣ за существованіе; многое и теперь дѣлается, и въ этомъ отношеніи особенно поучительна новѣйшая исторія Англіи, постепенно, но твердо расширяющая поле естественнаго подбора привлеченіемъ народныхъ массъ къ активной политической жизни. Но очень многое еще остается сдѣлать. И Англія, и европейская цивилизація вообще еще очень далеки отъ такого состоянія, при которомъ каждая сила и каждая способность находили бы себѣ надлежащее приложеніе, не будучи стѣсняемы посторонними, случайными условіями. Послѣднихъ еще весьма много даже въ сферѣ политическихъ отношеній, не говоря уже объ отношеніяхъ экономическихъ. Они должны исчезнуть въ видахъ уравниванія шансовъ соперничества и борьбы за существованіе, дабы побуждали дѣйствительно лучшіе, сильнѣйшіе. Съ этою цѣлью подлежатъ, напримѣръ, пересмотру наследственное право, но именно и исключительно съ этою цѣлью, которая состоитъ отнюдь не въ упраздненіи соперничества, борьбы и подбора, а напротивъ, въ ихъ вѣдшемъ обостреніи. Доктрина, имѣющая своимъ девизомъ «laissez faire», оказала много услугъ человѣчеству, но нынѣ она уже требуетъ поправки, въ смыслѣ необходимости государственнаго вмѣшательства, но съ цѣлью не ограниченія поля свободной конкуренціи, а его охраненія отъ вліянія случайныхъ причинъ. Приведа известное, часто цитируемое предсказаніе Энгельса о грядущей рѣзкой перемирѣ общественныхъ отношеній, причемъ должна исчезнуть борьба за личное существованіе, Киддъ утверждаетъ, что это исчезновеніе и невозможно, и не желательно, такъ какъ оно знаменовало бы собою паденіе цивилизаціи.

Мы уже видѣли отчасти отношеніе Кидда къ школѣ Энгельса. Признавая неопровержимымъ ея фактическое изложеніе современнаго экономическаго строя, говоря ей по этому поводу много комплиментовъ, Киддъ отвергаетъ едва ли не всѣ историческія положенія школы. *Tu Massenpausbeutung*, которую школа считаетъ особливою принадлежностью капиталистическаго строя, Киддъ нахо-

дѣтъ и въ феодализмѣ, и въ античномъ мірѣ, словомъ, на всемъ протяженіи исторіи, и полагаетъ, что она не прекратится и въ будущемъ. Она только принимала и принимаетъ разныя формы въ разные историческіе періоды, но въ существѣ своемъ составляетъ неизбѣжную основу общественной эволюціи. Затѣмъ, экономическое обоснованіе всѣхъ историческихъ явленій Киндъ считаетъ слишкомъ узкимъ и недостаточнымъ. Впрочемъ, на эту матеріалистическую точку зрѣнія онъ обращаетъ мало вниманія, сосредоточиваясь главнымъ образомъ на исторической роли разума и науки съ одной стороны, этики и религіи—съ другой.

«Западная цивилизація» представляетъ собою нѣкоторое единое органическое цѣлое; процессъ его развитія состоитъ въ постепенномъ высвобожденіи личныхъ силъ для состязанія на аренѣ борьбы за существованіе; движущая сила, лежащая въ основѣ этого развитія, есть извѣстный фондъ альтруистическихъ чувствъ; этотъ фондъ есть продуктъ связанной съ западной цивилизаціей религіозной системы. Интеллектуальный элементъ играетъ при этомъ важную, но лишь второстепенную, подчиненную роль. Онъ имѣетъ задачей только развивать то, что приобрѣтено другими силами, и не можетъ даже удержатъ приобрѣтенное этими другими силами, когда послѣдніе иссякаютъ. Мы видѣли рядъ блестящихъ именъ дѣятелей мысли во времена упадка римской цивилизаціи,—они ея не спасли. Мы знаемъ рядъ еще болѣе блестящихъ представителей интеллектуального элемента въ древней Греціи, во многихъ отношеніяхъ не превзойденныхъ никѣмъ въ европейской исторіи, и однако греческая цивилизація исчезла, и даже этнографически населеніе древней Греціи расплылось безслѣдно въ другихъ, чуждыхъ элементахъ. Черезъ значительную часть XIX в. проходитъ пламенная надежда на благотѣльную роль, которую умственный элементъ долженъ сыграть въ исторіи человѣчества. Существуетъ убѣжденіе, что вышеупомянутый процессъ политическаго, экономическаго, соціальнаго высвобожденія личности происходитъ главнымъ образомъ на интеллектуальной почвѣ. Но присматриваясь къ дѣлу ближе съ эволюціонной точки зрѣнія, мы должны признать, что движущей силой этого процесса является не разумъ. «Отнимите вышеуказанныя этическія вліянія, и мы можемъ себѣ представить то циническое равнодушіе и разсудочную гордость, съ которымъ сильный характеръ отнесется къ этому освобожденію отъ вульгарнаго и рабскаго, при такихъ условіяхъ, предразсудка. Если наше сознательное отношеніе къ міру измѣрять краткимъ поприщемъ нашего личнаго существованія, то разумъ признаетъ только одну обязанность индивида: обязанность по отношенію къ себѣ, обязанность по возможности воспользоваться немногими драгоценными годами сознательной жизни. Всякая другая точка зрѣнія окажется юродскою и смѣшною. Каждое избѣгнутое въ эти годы страданіе, каждое полученное наслажде-

ніе—есть выгода, рядомъ съ которою стремленіе способствовать космическому процессу, безразличному для интересовъ индивида, ничтожно». Указываютъ на многочисленныя исключенія, — на людей, отнюдь не стоящихъ подъ влияніемъ религіознаго движенія, составляющаго основу нашей цивилизаціи, которые однако одушевлены благородными мотивами и ведутъ безупречную жизнь. Но это только кажущіяся исключенія, ибо въ нихъ сказывается всетаки тотъ же общій фондъ альтруистическихъ чувствъ. Если наматовать, что съ эволюціонной точки зрѣнія наша цивилизація есть единый организмъ, исторія жизни котораго подлежитъ изученію въ цѣломъ, то ясно, что нельзя разсматривать отдѣльные индивиды, какъ независимые отъ процесса, влияющаго на общество въ теченіи вѣковъ. Слѣдуетъ думать, что раціоналистическая школа, поющая нынѣ хвалы разуму и предсказывающая ему полное и окончательное господство, потерпитъ крушеніе. Рано или поздно проникательные умы поймутъ, что всѣ приобрѣтенія разума, всѣ наши открытія и изобрѣтенія могутъ быть усвоены и такъ называемыми низшими расами, и что если передовыя, прогрессирующія расы не будутъ имѣть иного орудія въ борьбѣ, то онѣ утратятъ свое первенство, и весь эволюціонный процессъ западной цивилизаціи задержится или даже повернется назадъ. «Отличительная черта человѣческой эволюціи, какъ пѣлаго, состоитъ въ томъ, что, въ силу закона естественнаго подбора, раса должна становиться все болѣе и болѣе религіозною». (226). Прогрессъ совершается постепеннымъ подчиненіемъ непосредственныхъ интересовъ самоопредѣляющагося индивида интересамъ общества. Такимъ путемъ слагается то, что называется «религіознымъ характеромъ». И побѣждаютъ въ борьбѣ тѣ расы, въ которыхъ этотъ религіозный характеръ является наиболѣе развитымъ, а среди нихъ въ свою очередь тѣ, которыя обладаютъ и наилучшей этической системой; а эта послѣдняя, подчиняя интересы индивида интересамъ общества, вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляетъ арену борьбы всѣмъ силамъ и способностямъ на равно свободномъ основаніи. Такимъ образомъ, мы видимъ въ исторіи два параллельные процесса: развитіе религіознаго характера индивидовъ и развитіе характера самыхъ религій. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи западная цивилизація пережила два важныхъ момента, представляемыхъ торжествомъ католицизма и затѣмъ реформаціей. Фондъ альтруистическихъ чувствъ, накопленный въ первые вѣка христіанства, получилъ съ теченіемъ времени ложное направленіе въ католицизмъ, но возродился съ новою силою, какъ бы вернувшись къ своему чистому источнику, въ реформаціонномъ движеніи XVI вѣка. Онъ вступилъ здѣсь на естественный, не подавляемый авторитетомъ путь развитія. Оттого то мы и видимъ рядъ судорожныхъ революціонныхъ взрывовъ въ странахъ, оставшихся вѣрными католицизму, главнымъ образомъ во Франціи, и спокойную.

но неустанную эволюцію странъ протестантскихъ, главнымъ образомъ Англіи. Киддъ не знаетъ, кажется, достаточно сильныхъ словъ для восхваленія, какъ внутренняго строя англійской жизни, такъ и ея иностранной и въ особенности колоніальной политики. Конечно, и Англіи предстоитъ еще многое совершить, но она навѣрное это многое совершитъ, потому что стоитъ на вѣрной дорогѣ, отъ вѣка намѣченной космическимъ процессомъ. Низшія расы, съ которыми Англія сталкивается въ колоніяхъ, конечно, должны или погибнуть или состоять подъ верховнымъ руководствомъ метрополіи. Но и эта гибель, и эта подчиненность, во-первыхъ, вполнѣ естественны, а во-вторыхъ, совершаются на почвѣ альтруистическаго призыва всѣхъ силъ и способностей на арену свободной борьбы за существованіе. Если при этомъ, напримѣръ, мѣстная промышленность не выдерживаетъ конкуренціи съ англійскою, то это лишь естественное и мирное торжество сильнаго надъ слабымъ, а насилій тутъ не бываетъ. И все это благодаря основному религіозному фактору англійской исторіи, который называется и во внутреннихъ дѣлахъ выработкою благородныхъ характеровъ въ высшихъ, правящихъ классахъ, добровольно дѣлающихъ одну за другою уступки низшимъ, дабы и ихъ привлечь къ участию въ борьбѣ за существованіе на равно свободномъ для всѣхъ основаніи...

Я далеко не исчерпалъ всего содержанія книги Кидда, минуя многія побочныя мысли и фактическія иллюстраціи, хотя къ нѣкоторымъ изъ нихъ намъ придется еще обратиться. Боюсь, что и въ такомъ, освобожденномъ отъ многихъ подробностей видѣ, концепція Кидда представляется читателю очень неясною. Слишкомъ ужъ непривычны нѣкоторыя изъ его сближеній, въ особенности для насъ, русскихъ, но не только для насъ. Излагая теорію Кидда, такой основательный и добросовѣстный писатель, какъ Де-Греефъ, въ одномъ мѣстѣ говоритъ: «Киддъ, признавая, что разумъ есть отличительное свойство человѣка, думаетъ, что онъ станетъ главнымъ орудіемъ подбора»,—а черезъ двѣ страницы пишетъ: «по Кидду функція религіи состоитъ въ подчиненіи разума и личныхъ интересовъ коллективному организму; она есть центральный факторъ эволюціи человѣчества» (*Le transformisme social. Essai sur le progrès et le regrès des sociétés*, 1895, стр. 249 и 252). Мы видѣли, что только послѣдняя изъ этихъ фразъ выражаетъ настоящую и притомъ основную мысль Кидда, а первая ей прямо противорѣчитъ. Тотъ же Де-Греефъ мимоходомъ упрекаетъ Кидда въ томъ, что онъ, «прилагая къ общественному развитію принципъ естественнаго подбора, удѣляетъ слишкомъ малую, даже въ первобытныхъ цивилизаціяхъ, долю вліянія общественному чувству (*socialité*), во многихъ случаяхъ являющемуся

благоприятнымъ моментомъ для развитія и сохраненія общества» (247). На самомъ дѣлѣ, въ данномъ случаѣ Киддъ заслуживаетъ упрека не за забвеніе роли общественнаго чувства, а за произвольность и невидержанность терминологіи. Въ слѣдующій разъ мы убѣдимся въ этомъ.

Ник. Михайловскій.

Хроника внутренней жизни.

Современная самозванщина.

I.

Минимые сборщики, странники, каліки переходіе.

— Прочитать газетный листъ,—сказалъ, если не ошибаюсь, Щедринъ,—все равно что полчаса поговорить съ сумасшедшимъ.

Пишущій эти строки самъ не мало работалъ и продолжаетъ работать въ газетахъ и, разумѣется, я цитирую этотъ сурово-преувеличенный отзывъ отнюдь не въ укоръ моимъ собратьямъ. Газета—уже теперь крупная общественная сила, и если-бы областная пресса была поставлена хотя-бы только въ условія столичной печати,—то я увѣренъ, что въ нѣсколько лѣтъ самая физіономія провинціи подверглась бы весьма значительнымъ измѣненіямъ и притомъ несомнѣнно—къ ея авантажу. Нужно, однако, сказать, что въ отзывѣ сатирика есть доля истины. Дѣло даже не въ томъ, умно или глупо ведется самая газета, а въ томъ, что она вынуждаетъ читателя разбросать вниманіе между десятками разнородныхъ фактовъ, несоизмѣримыхъ и не связанныхъ никакою внутреннею связью. Великосвѣтская свадьба, мрачное убійство, соображенія о денежной реформѣ, результаты скачекъ, засоренная городская труба, вымираніе сибирскихъ инородцевъ, бѣгство кассира, политика трансваальскихъ буровъ... Попробуйте полчаса безъ перерыва глядѣть на пеструю смѣну калейдоскопа и вы почувствуете, что у васъ разбалчивается голова, стучить въ вискахъ и глаза застилаетъ туманомъ. Такъ-же приблизительно должна дѣйствовать на умъ и на чувство столь-же пестрая смѣна явленій, мельбающихъ въ печатномъ калейдоскопѣ, называемомъ газетой. Читатель счастливъ: онъ кладетъ калейдоскопъ въ сторону, когда захочетъ. Но представьте себѣ положеніе газетнаго хроникера или фельетониста, обязаннаго просматривать десятка три газетъ ежедневно, чтобы выудить изъ этой бумажной рѣки то, что стоитъ части отъ немедленно наступающаго забвенія. Совершенно

понятно, что ему приходится поневоле довольствоваться двумя-тремя болѣе или менѣе пикантными выдержками: выдающееся убійство, крахъ банка, драматическое судебное засѣданіе, внезапная смерть въ общественномъ мѣстѣ, пожаръ... Глядишь, хроника или фельетонъ готовы, часть матеріала, пестрившаго въ глазахъ за недѣлю,—фиксирована еще разъ, чтобы еще на день привлечь скучающій или внимательный, разсѣянный или вдумчивый взглядъ читателя, пробудить въ немъ вспышку мимолетнаго чувства или мысли—и ушестись опять за неостанавливающейся струей чудовищной газетной Леты. Нужно совершенно экстраординарное трудолюбіе и сильно развитое гражданское чувство, чтобы, не ослабѣвая, слѣдить за этимъ пестрымъ потокомъ, чтобы, не уставая, выхватывать у Леты соответствующій матеріалъ, выбирать и располагать его по какому нибудь руководящему плану, въ какую нибудь связную картину. И нельзя не сказать, что хотя часть нашей прессы исполняетъ эту работу добросовѣстно и честно. Жизнь сама, разумеется, при всей своей пестротѣ, движется востановителными болѣе или менѣе глубокими началами и въ ней, какъ въ колеблющемся океанѣ, внимательный и чуткій наблюдатель способенъ уловить и нѣкоторый ритмъ и основную болѣе или менѣе глубокую ноту. Поэтому, на широкой поверхности прессы, охватившей уже значительное пространство нашего отечества,—далеко не все случайно; а корреспондентъ, берущійся за перо въ глухомъ городишкѣ,—очень часто побуждается къ этому непосредственнымъ ощущеніемъ той или другой, общей глухой углемъ боли. «У кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ»,—и несомнѣнно, что самая повторяемость тѣхъ или другихъ темъ указываетъ ясно на общность ихъ мотива...

Вотъ почему въ этой тучѣ газетъ, ежедневно выходящихъ и ежедневно погибающихъ въ пучинѣ забвенія, подобно бабочкамъ-сфемеридамъ, нѣсколько часовъ сверкающимъ своими крылышками на солнцѣ,—далеко не все заслуживаетъ немедленной смерти. Несомнѣнно, есть не только мысли, но и главнымъ образомъ факты, новѣстія, отмѣтки, разбросанныя черточки типическихъ явленій, которыя можно было-бы фиксировать съ большою пользою. Даже болѣе: есть такіа черта въ этомъ газетномъ морѣ, которыя сами по себѣ скользнуть совершенно незамѣтно, но, накладываясь одно на другое, суммируясь въ своей однородности на протяженіи извѣстнаго времени, приобрѣтають свой иногда очень глубокой смыслъ и свое значеніе.

Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, слѣдя за прессой, главнымъ образомъ провинціальной, я старался, насколько это доступно единичнымъ усиліямъ и притомъ не исключительно этимъ дѣломъ занятаго человѣка,—отбирать и классифицировать часть газетнаго матеріала въ извѣстномъ порядкѣ. Въ предлагаемыхъ очеркахъ я пытаюсь теперь набросать въ общихъ контурахъ нѣсколько типич-

ческих явлений, сложившихся изъ этого, на первый взгляд случайного и какъ будто лишеннаго всякой связи матеріала. Для перваго очерка беру явленіе, которое не могло не броситься въ глаза даже не особенно внимательному читателю. Я говорю о случаяхъ то и дѣло повторяющихся у насъ самозванства и хлестаковщины въ смыслѣ присвоенія власти.

Самыя мрачныя страницы нашей исторіи и одно изъ гениальныхъ произведеній родной литературы связаны съ этимъ мотивомъ. Намъ кажется, что это не случайно. Свирѣпая фигура Пугачова, до сихъ поръ еще осѣненная мрачнымъ нимбомъ жестокихъ воспоминаній, возбуждающихъ невольную дрожь,—и добродушный Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, гениально глушій подъ хохотъ всего театра,—самозванный царь и самозванный ревизоръ по недоразумѣнію,—это два крайнихъ олицетворенія одного и того же «самобытнаго», чисто русскаго мотива, нигдѣ кажется съ такой интенсивностью не выражавшагося въ Европѣ, по крайней мѣрѣ въ Европѣ современной, въ Европѣ, читающей газеты и пишущей комедіи. Страхъ и суевѣріе,—вотъ два основныхъ элемента, изъ которыхъ вырастаетъ это явленіе. Суевѣріе религиозное и сопряженные съ нимъ жупелы дѣлаютъ изъ религіи свѣта и надежды—религію грозы и неожиданныхъ казней;—суевѣріе гражданское заставляетъ робко преклоняться не передъ закономъ и правомъ, а передъ всякимъ, кто крикнетъ погромче...

Темнота и глубокое невѣжество народа даетъ общую почву, на которой буйно разрастаются эти удивительные по своей фантастичности, порой очень смѣшные, но по большей части мрачные и дико-нелѣпные бытовые эпизоды...

Передъ нами прежде всего самозванцы «прозванія духовнаго». Самый простой и самый безхитростный видъ этого довольно таки мрачнаго типа—многочисленные «сборщики», якобы аеонскіе каліоты и мнимые посланцы іерусалимскаго патріарха. Черномазы, загорѣлые, вида иностраннаго—жителей «Палестины или земли греческой», происхожденія довольно таинственнаго, съ еще болѣе загадочнымъ прошлымъ, порой прямо уголовнаго характера, они внушаютъ народу чувство суевѣрнаго, нѣсколько робкаго почтенія и широко пользуются своимъ почти гипнотическимъ вліяніемъ.

Вотъ напримѣръ иѣкто Никодимъ, Никодимусъ, батюшка-Никодимуша, въ дѣйствительности-же Константинъ Оглу или еще Кеворкъ-Ивановъ. Это черномазый субъектъ, въ клобукъ и рясъ, съ красивыми волнистыми волосами и бородой, съ выразительными черными глазами, фигура живописная и колоритная, неотразимо дѣйствующая на нервныхъ дебелихъ купчихъ и благочестивыхъ старушекъ. Выдаетъ себя то за аеонскаго, то за іерусалимскаго монаха, страивущаго съ благословенія самого іерусалимскаго патріарха. Мѣсто его подвиговъ—преимущественно столицы,—онъ слишкомъ великолѣпенъ для убогой деревни. Къ сожалѣнію, съ

столичной полиціей у него какіе-то старые счеты. Въ 1892 году задержанъ въ Петербургѣ за мошенничество, самозванство и подлоги, подъ именемъ Кеворка-Иванова. Однако,—говорится въ одной газетной замѣткѣ,—обаяніе его было такъ сильно, что вскорѣ-же нашелся благодѣтель, взявшій іерусалимскаго батюшку на поруки. «Батюшка», разумѣется, немедленно скрылся, перенесъ свою дѣятельность въ Бѣлокаменную. Однако, странное дѣло: наблюденія Никодимуса совершенно расходятся со всѣмъ, что намъ было извѣстно до сихъ поръ относительно Москвы съ ея знаменитымъ Замоскворѣцьемъ: Кеворка-Никодимуса она совершенно не удовлетворила. Въ Москвѣ, по его словамъ, стало теперь много похуже прежняго, тогда какъ, наоборотъ, въ Петербургѣ немало «богомольныхъ старушекъ» и народъ куда щедрѣе. Причину этого парадокса мы увидимъ послѣ. Во всякомъ случаѣ отоцавшій въ Москвѣ іерусалимскій батюшка, въ нѣсколько дней до своего злополучнаго ареста, успѣлъ отослать изъ Петербурга 100 рублей своей возлюбленной въ Москву и на рукахъ у него тоже найдены даянія разнкой цѣны и вида. Кромѣ купеческихъ домовъ, онъ посѣщалъ фабрики и заводы на окраинахъ,—и здѣсь то бѣдный Никодимушка встрѣтилъ свою судьбу. Погубила его, впрочемъ, случайность. Гдѣ-то у Смоленскаго кладбища зашелъ Никодимусъ къ огороднику, провозглашая «миръ дому сему». Оказалось, что у огородника недавно былъ кто-то изъ Іерусалима и выманилъ изрядную толику; огородникъ находился поэтому въ періодъ рефлексіи и скептицизма: услышавъ, что и сей человѣкъ тоже изъ Іерусалима, онъ просто представилъ его въ участокъ, гдѣ Кеворка-Иванова встрѣтили, какъ стараго знакомаго (Новости, апр. 94.—Волгарь).

Въ «селахъ Заславскаго уѣзда (дек. 1894 г.)» появился субъектъ восточнаго типа, называвшій себя священникомъ изъ Назарета, и собиравъ на поминкованіе о здравіи и упокоѣ, по такъ». До какой степени многимъ кажется соблазнительнымъ поминкованіе въ самомъ Назаретѣ, видно изъ того, что, напр., одна крестьянка отдала 60 рублей; столько-же отдалъ и ея братъ. Назаретскаго гостя принимали очень радушно, «но вотъ теперь (заключаетъ корреспондентъ) разнесся слухъ, что священника этого преслѣдуютъ, какъ самозванца» («Волгарь» 17 дек. 1894).

Въ с. Липцахъ, Харьковскаго уѣзда, въ началѣ поста (1894 года) разнесся слухъ, что по сосѣднимъ селамъ ходитъ нѣсколько аеонскихъ монаховъ. Жители съ нетерпѣніемъ ждали ихъ, чтобы внести свою лепту, хотя болѣе интеллигентная часть и относилась скептически къ подлинности ихъ званія. Монахи пришли; это оказались оборванцы съ испитыми фізіономіями, могущими внушить что угодно, только не уваженіе... Тѣмъ не менѣе—пожертвованія поступали обильно, бабы чуть не толпами шли за благословеніемъ. Одинъ изъ лже-монаховъ показывалъ выжженный на рукѣ крестъ; мужики благоговѣнно крестились и клали въ эту руку

кто сколько могъ. Такъ прошло дней 5, послѣ чего «монахи» не выдержали и закутили во всю. Составленъ былъ протоколъ и дѣло поступило къ земскому начальнику, который приговорилъ ихъ въ тюрьму («Харьк. губ. Вѣд.», Орл. Вѣстн. № 92,—1894).

Въ июлѣ 1895 писали о двухъ самозванцахъ-сборщикахъ, ходившихъ по Воронежу. Они разносили по городу святую воду, продавая ее «для исцѣленія отъ всѣхъ болѣзней души и тѣла», а также вымѣнивая на салфетки, скатерти, полотенца. Одинъ изъ нихъ былъ одѣтъ въ длинную рясу; приходя въ домъ, они клали на столъ крестъ и рассказывали, что прибыли изъ Іерусалима и собираютъ на бѣдный монастырь, разрушенный турками. На другой день сборщики неизвестно куда скрылись, но предварительно пропьянствовали на собранныя деньги до глубокой ночи («Нижегородская Почта», 1895, № 3).

Въ сентябрѣ того же года, два монаха бродили въ Ливнахъ. Набравъ подаяній въ должномъ количествѣ,—отцы тоже вздумали попиоровать и въ это время ихъ накрыла полиція. Минимые монахи оказались персидскими подданными; въ сообществѣ съ ними находилась крестьянская дѣвица изъ Ливенскаго уѣзда, на которой одинъ «монахъ» обѣщалъ жениться. Составленъ, разумеется, протоколъ, но въ ту же ночь оба монаха успѣли скрыться (Волгарь, 12 сент. 1895) и теперь вѣроятно «собираютъ» въ другомъ мѣстѣ.

Мы, разумеется, не станемъ приводить дальнѣйшихъ выписокъ этого рода, гласящихъ все о томъ же предметѣ съ утомительнымъ однообразиемъ: появляются, молятся, вздыхаютъ, рассказываютъ всякую небывальщину, а затѣмъ, закончивъ операцію въ данномъ мѣстѣ, цинично распоясываются и устраиваютъ оргіи, чтобы опять идти дальше. «Съ лица святъ мужъ, а на дѣлѣ вскую штатшеса»—говоритъ поговорка. До какой степени, однако, явленіе это широко распространено, показываетъ масса циркуляровъ и воззваній, которыми власти считаютъ нужнымъ предупредить о немъ населеніе.—«Неоднократно замѣчается,—писалъ напр. въ 1894 году смоленскій полиціймейстеръ, что въ городѣ появляются персидскіе подданные, выдающіе себя за грековъ изъ Старога Іерусалима (!), которые вымогаютъ у обывателей разными мошенническими путями деньги и устраиваютъ затѣмъ оргіи. Предлагается таковыхъ лицъ немедленно забирать и привлекать къ отвѣтственности («Смолен. Вѣстн.», № 146,—1894 г.). Нѣсколько разъ уже въ газетахъ публиковались извѣщенія отъ министра внут. дѣлъ и св. синода, направленные противъ этого зла, достигшаго размѣровъ настоящаго бытового явленія. «Министерствомъ внутр. дѣлъ,—читали мы въ газетахъ (іюль, прошлаго года) было уже сдѣлано распоряженіе, чтобы полицейскія власти, въ случаѣ появленія какихъ-бы то ни было сборщиковъ на св. мѣста Палестины—предавали-бы этихъ лицъ судебнымъ властямъ для поступленія по закону». Въ томъ же году газетами цитировалось интересное сообщеніе об.-прокурора

св. синода, гласившее, что «въ Россію ежегодно прибываетъ значительное число персидскихъ подданныхъ, преимущественно уроженцевъ Урміи, именующихъ себя лицами духовнаго сана правосл. исповѣданія, тогда какъ, по отзыву нашего консула въ Азеръ-байджанѣ, въ дѣйствительности въ Азеръ-байджанской провинціи нѣтъ ни одного православнаго (всѣ они принадлежатъ къ такъ назыв. несторіанскому вѣроисповѣданію)... Большею частію они выдають себя за посланныхъ іерусалимскимъ патріархомъ для собора на Гробъ Господень, показываютъ ящики, на которыхъ имѣются печати, будто-бы патріаршія; продають образки или предлагаютъ поставить у Гроба Господня «годовую свѣчу» и т. д. «Появляясь вторично у крестьянъ, сдѣлавшихъ болѣе или менѣе значительные взносы,—привозятъ имъ (поддѣльные, разумѣется) благодарственные письма» и при этомъ стараются выманить вновь. Въ иныхъ мѣстахъ эти персидскіе самозванцы, по свидѣтельству цитируемаго сообщенія,—позволяютъ себѣ даже причащать православныхъ.

Деревня, разумѣется, газетъ не читаетъ, съ полиціей оборотники во многихъ мѣстахъ, повидимому, умѣютъ ладить, да и усмотрѣть ихъ всякій разъ полиція трудно. И идетъ по старому эта черная рать, облагающая обильными даями малпе легковѣріе и невѣжество. «Изъ дошедшихъ до министерства свѣдѣній,—читаемъ въ официальномъ сообщеніи,—усматривается, что, несмотря на прежнія распоряженія, случаи злоупотребленій по сбору пожертвованій въ пользу іерусалимскаго патріарха продолжаются. Вслѣдствіе этого департаментъ полиціи... сообщаетъ, что единственнымъ уполномоченнымъ іерусалимскаго патріарха въ Россіи состоитъ архимандритъ Арсеній, и другихъ повѣренныхъ отъ гроба Господня въ Россіи нѣтъ (цитирую изъ Смоленскаго Вѣст., 1895, № 81). А оберъ-прокуроръ св. синода извѣщаетъ съ своей стороны, что самъ іерусалимскій патріархъ обращался черезъ своего представителя къ духовному начальству съ просьбой принять мѣры противъ самозванныхъ сборщиковъ, которые, по его словамъ, «съ прежнимъ успѣхомъ вымогають у простолюдиновъ деньги и цѣнныя вещи, посредствомъ обмановъ, сплосъ и рядомъ сопровождаемыхъ святотатственными и кощунственными поступками». Сам. Газ., 1895,—18 іюня).

Въ послѣднее время,—писали въ «Приазовскомъ краѣ»,—передъ праздниками поступила масса писемъ (болѣе 200) изъ Константинополя, отъ какого-то отца Матѣя съ братією для разсылки по земской почтѣ. Всѣ они литографированныя и во всѣхъ невѣдомый отецъ Матѣй Воронковъ, поздравляя съ праздникомъ, повѣствуетъ о бѣдственномъ положеніи своей обители и приглашаетъ къ пожертвованіямъ «отъ своего усердія». Въ концѣ приложена и «такса чинопоминовенія». За 30 рублей отецъ Матѣй поминаетъ вась вѣчно и ежедневно; за 15 тоже вѣчно, но лишь разъ въ недѣлю, за 5 рублей—по разу въ годъ и т. д. Полиціей эти письма за-

держаны, такъ какъ обнаружено, что въ Константинополѣ организована цѣлая шайка, которая разсылаетъ во всѣ концы Россіи такія письма, расписывая въ нихъ бѣдственное положеніе несуществующихъ обитателей. Въ важнѣйшихъ городахъ Россіи у этой шайки имѣются агенты, собирающіе точные адреса и отправляющіе ихъ въ «главное бюро». Какъ видите, это цѣлая организація. Да, глубоко еще видно море нашей темноты, если стоять для него заводить такіе сложные и широкія мрежи... А стоять несомнѣнно. «У насъ,—пишутъ «Волгарю» изъ Емагашской волости, Васильскаго уѣзда,—все получаютъ «восточныя корреспонденціи» изъ разныхъ келлій и обитателей Аеонской горы»... Черемисы при получении этихъ писемъ (адресованныхъ съ точнымъ обозначеніемъ уѣзда, волости, деревни и даже скромнаго черемисскаго имени)—приходятъ, разумѣется, въ умиленіе, приписывая это обстоятельство чуть-ли не сверхъестественной прозорливости аеонскихъ старцевъ,—и стараются поскорѣ выслать деньги (вложивъ ихъ въ готовый конвертъ)... Нѣкоторые не довольствуются даже и этимъ: считая сборъ для святыхъ старцевъ богоугоднымъ дѣломъ, они ходятъ по деревнямъ съ аеонскими письмами, собираютъ пожертвованія и добросовѣстно отсылаютъ ихъ «на Аеонъ». Корреспондентъ самъ встрѣтилъ такого сборщика-добровольца. Онъ зналъ также женщину-келейницу, которая одна набрала и отослала 200 рублей («Волгарь», 1895, № 78).

Особенно пикантно слѣдующее извѣстіе «Астраханскаго Листка». Оказывается, что фантастическій о. Матей Воронковъ, недовольный разоблаченіемъ сборщицкихъ махинацій, вступаетъ въ полемику съ разоблачителями, т. е. съ мнн. внутр. дѣлъ и оберъ-прокуроромъ св. синода. Въ Астрахани получена масса писемъ отца Матея, «съ перепечатками изъ одной константинопольской газеты, наполненными самыми дерзкими выходками противъ лицъ, предостерегающихъ легковѣрныхъ людей отъ этихъ «келліотовъ». Газетѣ доставленъ одинъ экземпляръ, обнаруживающій далеко не монашескіе чувства и аппетиты («Волгарь», 1895, № 114).

Однако всѣ эти урмійцы, персы, турецкіе греки, патріаршіе послы и келліоты, раскинувшіе свои хитрыя мрежи на обывательское и главнымъ образомъ крестьянское легковѣріе—далеко еще не самые вредные изъ тѣхъ людей «духовнаго прозванія», которыхъ сила и задача—въ эксплуатаціи темнаго и непросвѣщеннаго религіознаго чувства. За ними идетъ гораздо болѣе серьезный и вредный отрядъ самозванныхъ чудотворцевъ и чудодѣевъ-странниковъ. Келліоты и патріаршіе посланцы со своими ящичками, печатами и книжками посягаютъ прямо и непосредственно на мѣды и кредитки. «Чудотворцы» же странники, не довольствуясь одними непосредственными результатами, сами еще сѣютъ новыя сѣмена невѣжества и суевѣрій. Мрачные слухи и толки, наувѣрскія выдумки, омрачающія простые умы и темныя души—вылетаютъ отъ нихъ

цѣлыми стаями, точно вороны, закрывающіе свѣтъ солнца и карающіе надъ святою, но все еще очень темною «Русью»!..

Съ однимъ изъ такихъ «чудотворцевъ» связано у меня, хотя и косвенно, личное воспоминаніе.

Въ 1890 году довелось мнѣ идти вмѣстѣ съ богомольцами изъ одного монастыря, расположеннаго на югѣ Нижегород. губ. Шло насъ дорогой четверо. Одинъ былъ «поклонникъ» изъ недалнихъ мѣстъ, двое другихъ пришли сюда издалека и все искали исцѣленія отъ болѣзней, которыми маялись долгіе годы. У одного была скорбь поясничная («схватывало»), у другого болѣло что-то внутри, что именнно онъ самъ не зналъ, но только лютое, глубокое и жгучее страданіе глядѣло изъ впалыхъ глазъ этого богомольца. Шли они тихо и вели печальную бесѣду. Ходить уже мѣсяцы, исходили много свѣту. Одинъ изъ Соловковъ успѣлъ перебраться въ новый Аеоноѣ, да еще не прямо, а черезъ Херсонѣ, идя все берегомъ моря, вдоль всей изогнутой линіи Крыма, причемъ дорогой его все «схватывало», и онъ отлеживался на камняхъ или въ татарскихъ сакляхъ... Не помогло въ Соловкахъ, не подѣйствовало въ Новомъ Аеоноѣ, и теперь о. Серафимъ Саровскій, которому онъ заказывалъ молебны и панихиды въ трехъ монастыряхъ—тоже не сдѣлалъ легче. Они тихо бесѣдовали, съ тоской перебирая въ умѣ тѣ мѣста, на которыхъ еще оставалась надежда... Въ этомъ мѣстѣ разговора, мужикъ, догнавшій насъ на дорогѣ, перебилъ рассказчика и соообщилъ очень увѣренно, что имъ теперь идти ужъ вовсе не далеко. И онъ рассказалъ намъ чудесную исторію, которую мы слушали всѣ съ одинаковымъ изумленіемъ.

Близъ с. Ревезени, Нижегородской губерніи Княгининскаго уѣзда, стоитъ надъ ручьемъ, въ рошѣ, часовенка, а въ той часовнѣ вотъ уже немало годовъ является святой старецъ отшельникъ, дающій благословеніе народу. Есть гдѣ-то у того старца пещера, но никто и никогда изъ простыхъ людей ея не видалъ. Появляется старецъ въ ночное время изъ рощи и опять уходитъ въ рошу, пока народъ продолжаетъ молиться, стоя на колѣняхъ. Много уже видѣли отъ него помощи и чудесъ. Воли ли у кого приключится, коровенку-ли свѣдутъ лихіе люди, сердцемъ-ли кто измается, или нашіютъ кому порчу по вѣтру—со всѣмъ этимъ обращаются къ старцу. Для этого нужно найти нѣкую келейницу Устинью, которая уже вызоветъ святого отшельника. Поставить человѣка на колѣни, уйдетъ куда-то, и черезъ малое время выйдетъ старецъ и возложитъ ручку на колѣнопреклоненнаго человѣка.

Все это было такъ поразительно, что мы остановились на дорогѣ и стояли все время, пока мужикъ рассказывалъ свою чудную повѣсть. Когда онъ кончилъ, оба богомольца переглянулись и серьезно спросили, далеко-ли будетъ то село Ревезень, какого

именно уѣзду и волости и какъ туда пролегла дорога. Оказалось, что до Ревезени верстъ не такъ много, пожалуй съ сотню, а дорога ближайшая пойдетъ на восходъ. При первомъ-же проселкѣ, убѣжавшемъ отъ нашей дороги къ первой деревенькѣ на восточной сторонѣ, оба немощные поклонились намъ, пожелавъ счастливаго пути «со Господомъ», а сами побрели проселочкомъ «на восходъ», искать села Ревезени, ручья, часовенки и невидимо появляющагося старца. Я колебался нѣкоторое время: не пойти ли и мнѣ къ Ревезени, но потомъ мнѣ стало стыдно. Мой маршрутъ былъ составленъ и неужели я отступлю отъ него и сдѣлаю сотню верстъ лишь затѣмъ, чтобы лишній разъ убѣдиться, что прохожіе люди на дорогахъ рассказываютъ часто всякія бредни. Изъ дальнѣйшаго разговора съ оставшимся спутникомъ я однако убѣдился, что имѣю дѣло съ человѣкомъ серьезнымъ и правдивымъ, не ботающимъ на вѣтеръ, и что по крайней мѣрѣ одна сторона въ этомъ случаѣ—вѣра этого простодушнаго человѣка—искренна и честна. Я рѣшилъ въ этомъ же году или въ слѣдующемъ непремѣнно посѣтить Ревезень.

Какъ мои спутники достигли своей цѣли, разыскали-ли они «старку-Устинью» и помогъ-ли «святой отшельникъ» въ ихъ тяжкихъ недугахъ—я конечно не знаю, да и самому мнѣ идти въ Ревезень не пришлось. Но теперь въ той кучѣ газетныхъ вырѣзокъ, которыя я стараюсь возстановить передъ читателемъ, — лежитъ одна, вызывающая во мнѣ особенное чувство, представляющая не простой клочокъ газетной бумаги, а цѣлое, живое и трогательное воспоминаніе. Передо мной сразу оживаетъ пыльная, какъ будто истомившаяся отъ зноя дорога, солнце, палищее желтыя нивы, синія полоса саровскихъ лѣсовъ на горизонтѣ, и три обожженные солнцемъ фигуры—ведущія простодушную бесѣду о чудесахъ, совершающихся въявь силою божьей... Потомъ узкій проселокъ и утопающія среди хлѣбовъ головы и спины двухъ странниковъ, уносящихъ къ Ревезени свои скорби и свои надежды.

А теперь вотъ и содержаніе газетнаго извѣстія («Волгарь», 1891 г., № 150).

«Вблизи села Ревезени на горѣ стоитъ часовня, гдѣ въ продолженіи цѣлыхъ 30 лѣтъ (!) являлся схимникъ... Посредницей между народомъ и схимникомъ была нѣкая Устинья Балакирева, она-же Бѣсова. Съ нѣкоторыхъ поръ однако старецъ и его чудесныя появленія возбудили подозрѣніе въ нѣсколькихъ болѣе или менѣе «свободныхъ умахъ» Ревезени. Къ числу сомнѣвающихся, — пишетъ корреспондентъ,—принадлежатъ и крестьянинъ с. Ревезени Иванъ Сергѣевъ Наддаевъ, давно искавшій случая провѣрить свои сомнѣнія».

«И вотъ, однажды увидѣлъ онъ, что подъ вечеръ мимо его бы проѣхала Устинья Балакирева, съ двумя неизвѣстными женщинами, по направленію къ Лопаринской часовнѣ. «Значить, сего-

дня ночью появится народу схимникъ»—сообразилъ Наддаевъ и, захвативъ съ собою еще двухъ скептиковъ, Блажнова и Маіорова. (навѣрное учились въ «земской школѣ»—сообразить кто нибудь въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» или «Гражданинѣ»),—и отправился съ ними къ той-же Лопаринской часовнѣ. Въ то время, какъ они подошли къ мѣсту, схимника окружало уже болѣе 20 человѣкъ крестьянъ, принимавшихъ отъ старца благословеніе, стоя на когѣняхъ. Когда схимникъ, кончивъ свое дѣло, хотѣлъ уходить, къ нему подошли Наддаевъ, Блажновъ и Маіоровъ—съ просьбой показать имъ его пещеру. Схимникъ отвѣтилъ, что для этого имъ необходимо предварительно поститься 40 дней и ночей.—«Гдѣ ужъ намъ столько времени поститься. Люди мы немощные, покажи теперь»,—присталъ Блажновъ. Схимникъ молча пошелъ въ лѣсъ, но Блажновъ съ товарищами, да еще кое-кто изъ крестьянъ не отставали. Они долго бродили по лѣсу (ночью), пока не свалились въ оврагъ. Когда они выбрались оттуда,—старецъ, уставшій отъ ходьбы, легъ на землю, а Маіоровъ случайно наткнулся въ кустахъ на женскую шубу, которую крестьяне признали принадлежащей Устинѣ. Тогда подозрѣнія, конечно, усилились, стали просить старца вызвать Устиню, и наконецъ Блажновъ, осмѣлившись, приподнял скуфью на головѣ отшельника. Подъ скуфьей оказались женскіе волосы, и черезъ минуту передъ крестьянами предстала Устинья съ бородой изволна!

Финалъ этой исторіи разыгрался на судѣ, въ гор. Княгининѣ; судъ призналъ Устиню Иванову Балакиреву виновной въ томъ, что она съ корыстной цѣлью выдавала себя за схимника, употребляя для обмана предметы христіанскаго богослуженія. Приговоръ—8 мѣсяцевъ тюремнаго заключенія и церковное покаяніе. Говорятъ, обманъ длился много лѣтъ и Балакирева успѣла за это время скопить изрядное состояніе.

Такой же «святой отшельникъ» забрелъ въ недавнее время въ городъ Самару. На Волгѣ между Ставрополемъ и Самарой тянутся извѣстныя Жигулевскія горы; рѣка здѣсь течетъ межъ двухъ зеленыхъ стѣнъ, съ фантастическими очертаніями сопокъ, бугровъ и буераковъ, съ извилистыми оврагами и глубокими ущельями. Мѣсто еще и теперь пустынное, а когда то переполненное разбойниками и пустынножителями. Еще и теперь живы старики, которые помнятъ, какъ, въ виду плывущихъ по отрезню барокъ, выходили изъ ущелій древніе старцы, разстилали на берегу бѣлые платы и клали на нихъ. Съ платовъ отряхали тогда лодочки и на платки клали подаваніе: хлѣбъ и мѣдныя деньги на лампадное масло. Теперь это уже перевелось, хотя и теперь говорятъ еще, будто заблудившіеся въ Жигулевскихъ буеракахъ наткнулись на одинокіе лампадные огоньки въ глубинѣ пещеръ и видѣли «стояніе старцевъ» на молитвѣ. Только это уже послѣдніе, которыхъ еще не прибрали Господь, очень древніе, лѣтъ по 100 и больше...

Зимой 1895 года забрелъ въ Самару такой жигулевскій отшельникъ, Инчинъ, дѣтина лѣтъ 38, не менѣе 10 вершковъ ростомъ, здоровый и крѣпкій. Озабшій и совершенно босой—онъ пришелъ на кухню самарской обывательницы Шарыхиной и разсказалъ кухаркѣ Татьянѣ Соболевой, что онъ отшельникъ изъ-за Волги, что уже 15 лѣтъ онъ живетъ въ пещерѣ со старцемъ Савельемъ, которому теперь ровно 130 лѣтъ отъ роду.

Пещера та ископана глубиной 200 сажень, и живутъ они въ ней зиму и лѣто безъ одежды, а старецъ Савелій, кромѣ того, во славу Господню, носить еще на ногахъ желѣзные калоши въ 1½ пуда вѣсомъ каждая калоша; да и весь старецъ Савелій обмотанъ желѣзными цѣпями. Кухарка Савельева, разумѣется, прослезилась и дала отшельнику нѣсколько аршинъ полотна (постилать на берегу) да на масло 30 коп. На кухнѣ стали собираться еще женщины, которыя тоже давали «на масло». Потомъ босой отшельникъ попалъ въ бѣлую половину, къ самой Шарыхиной, гдѣ опять принялъ даваніе. А вечеромъ благочестивая Соболева увидѣла пустытника съ какой-то еще пустынницей въ кабацѣ, очень весело проводившихъ время. Потомъ—участокъ и судъ. На судѣ, когда негодующая Соболева разсказывала о старцѣ 130 лѣтъ, носящемъ калоши въ 1½ пуда,—въ камерѣ мирового судьи стоялъ хохотъ. Смѣялась публика, смѣялся судья, смѣялся даже и самъ отшельникъ, который, весело улыбаясь, ушелъ изъ камеры въ тюрьму. (Самарская газета, № 262, 1895 г.).

Въ огромномъ, неисчислимомъ людскомъ потокѣ, круглый годъ переливающимся по дорогамъ, ведущимъ къ монастырямъ и чудотворнымъ иконамъ,—слѣдуетъ различать три замѣтныхъ группы. Это, во 1-хъ, «поклонники», крестьяне или мѣщане изъ ближайшихъ къ монастырямъ деревень и городовъ, идущіе на поклоненіе своей мѣстно-читимой иконѣ, въ перемежкухъ между работами. Далѣе—это «богомольцы», бредущіе издалека и порой переходящіе изъ монастыря въ монастырь, по обѣту или для избавленія отъ болѣзней. Наконецъ—это «странники», всю свою жизнь мѣряющіе дороги, очень плохо принимаемые въ монастыряхъ, братія которыхъ всегда косится на этихъ «полудуховныхъ» бродягъ, въ мурмолахъ и подрысничкахъ, какъ будто намекающихъ въ глазахъ толпы на принадлежность къ монашескому званію; въ сущности они чувствуютъ глухой антагонизмъ къ настоящимъ монастырскимъ обителямъ, тѣмъ болѣе, что въ большинствѣ случаевъ сами они монастырскіе изгнанники, тщетно старающіеся вновь попасть въ спокойную келію, а порой искренно разочарованные въ монастырской жизни и не умѣющіе приспособиться «къ міу».

Эта среда представляетъ уже очень глубокое бытовое явленіе и, конечно, русскую дорогу долго еще будетъ трудно представить себѣ безъ живописной фигуры такого странника. Лѣтомъ они бродятъ чѣзъ монастыря въ монастырь, причемъ монастырскіе «гостинники»

зорко наблюдать, чтобы «шатающие» не заживались болѣе 3-хъ дней на даровой трапезѣ. Въ привольныхъ саровскихъ лѣсахъ лѣтомъ заводятся цѣлые таборы «странниковъ» и «странницъ», проводящихъ время болѣе или менѣе беззаботно за счетъ легковѣрія окрестныхъ жителей и богомольцевъ. Осень выгоняетъ ихъ отсюда—искать на зиму пріюта въ городскихъ притонахъ—и тогда дороги около крупныхъ монастырей усеяны ихъ жалкими озябшими фигурами. «Точно осенній листъ по вѣтру,—такъ ихъ несетъ въ сентябрѣ изъ лѣсу»—образно и съ сожалѣніемъ въ голосъ говорила мнѣ благодушная дивѣнская инокиня, сознававшая, что это жизнь очень грѣховная, но и очень несчастная...

Народъ любить, по старой памяти, эту бродячую, но бывалую голь, и на этой почвѣ все еще вырастаютъ удивительные типы. Нѣтъ, разумеется, недостатка и въ самозванщинѣ, дѣлающей изъ этого бытового явленія и его эксплуатаціи правильный промыселъ.

Въ дер. Оедоровкѣ, Лаишевскаго уѣзда, среди деревенскихъ обывателей есть нѣкто Гаврила Михеичевъ,—пишетъ корреспондентъ «Волжскаго Вѣстн.» (№ 138, 1894).—Въ лѣтнее время это просто торговецъ на базарѣ въ с. Алексѣевскомъ, ничѣмъ не отличающійся отъ другихъ торговцевъ. Но у него есть особый талантъ, которымъ онъ пользуется зимой. Онъ умѣетъ, не простуживаясь, ходить босымъ по снѣгу. И вотъ, съ наступленіемъ холодовъ онъ отправляется въ одеждѣ странника, босой, по деревнямъ. Тамъ, подъ видомъ старца, не то съ Афона, не то съ другихъ святыхъ мѣстъ—читаетъ крестьянамъ какую-то книжку, поетъ каноны и молитвы и т. д. Темный людъ надѣляется его чѣмъ можетъ, а съ наступленіемъ весны Михеичевъ возвращается къ семьѣ, сортируетъ добычу и въ первомъ-же патниці выступаетъ опять въ качествѣ торговца на базарѣ. Талантъ, разумеется, дается не всякому. Пробовалъ Михеичевъ «пріучить къ своему дѣлу» своего односельца, но тотъ простудился и умеръ. Уговаривалъ другихъ,—дѣло, молъ, нетрудное, а прибыльное («даже и пачпорта святому человѣку не требуется»). Какой тутъ пачпортъ, ежели человѣкъ босой по снѣгу ходить!). Но болѣе охотниковъ не сыскалось.

Въ Новомъ-Куванѣ, Бугульминскаго уѣзда въ концѣ 1894 года ходилъ странникъ, возвѣщавшій близкій конецъ міра. Онъ носилъ съ собой ящикъ (панораму), гдѣ освѣщенные восковой свѣчкой потрясающія картины страшнаго суда являлись передъ испуганными зрителями... Разумеется, подаваніе единственное средство спасенія отъ жупеловъ, и получивъ лепту, странникъ уносилъ конецъ міра дальше (Сам. Газета, 1895, № 9).

Въ началѣ 1894 года мы имѣли случай прочитать во многихъ газетахъ, что изъ глубины Сибири шествуетъ нѣкоторый странникъ о. Антоній, считающій своею миссіей водрузить колоколъ, и не гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, а именно въ гор. Кронштадтѣ, и будто-бы самый сборъ на этотъ колоколъ производится съ непосредственнаго

благословенія отца Іоанна. Въслѣдствіе этихъ слуховъ, послѣдній обратился въ газеты съ письмомъ слѣдующаго содержанія: «М. Г. Въ виду появившихся статей о странникѣ Антоніѣ, въ которыхъ упоминается и мое имя, покорнѣйше прошу помѣстить мое ниже-слѣдующее заявленіе: странника Антонія я только однажды посѣтилъ, потому что ѣзжу ко всѣмъ, кто меня призываетъ для молитвы, но жизнь его мнѣ неизвѣстна. *Ни ему и никому другому я никогда не поручалъ дѣлать сборовъ отъ моего имени или доставлять какихъ бы то ни было пожертвованій.* Прошу покорнѣйше на будущее время не связывать мое имя съ дѣятельностію странника Антонія, мнѣ вообще неизвѣстнаго, и не помѣщать въ своихъ статьяхъ какихъ-то моихъ разговоровъ о немъ, которые передаются неточно и могутъ вводить въ заблужденіе читающихъ». (Цит. изъ Русск. Вѣд. 1894 г., № 83).

Письмо это, весьма прозрачно намекающее на самозванство странника Антонія, — отнюдь однако не помѣшало успѣху послѣдняго. Та самая мелкая пресса, которая прославляла о. Іоанна и на основаніи нѣкѣмъ не провѣренныхъ слуховъ распространяла извѣстія объ исцѣленіяхъ и другихъ чудесахъ, имъ творимыхъ, — теперь стала усиленно пропагандировать свѣжую новинку, разсчитанную на специфическую публику. На страницахъ мелкой прессы сообщались заранѣе самыя фантастическія подробности біографіи о. Антонія, подробности его путешествія пѣшкомъ изъ глубины Сибири, его подвиговъ, и наконецъ разумѣется — «силы его молитвы». Нужно сказать вообще, что дѣятельность этой части прессы, направившей своихъ юркихъ полуграмотныхъ репортеровъ на поиски чудесъ и исцѣленій, способна была вызвать на самыя мрачныя размышленія. «За послѣднее время, — писалъ въ 1894 году даже «Сынъ Отечества», — фабриковка репортерскихъ оцѣнокъ, съ разными прикрасами и фактическими описаніями чудесъ, усилилась. Подобныя статьи писались не на основаніи дѣйствительныхъ фактовъ, а лишь по разсказамъ сомнительнаго поведенія бродяжекъ, странниковъ и странницъ» (Цит. изъ Вечерняго Листка «Волгара», 19—20 апр. 1894). «Какое ошачіе, — писалъ по этому же поводу одинъ провинціальный фельетонистъ, — что въ древней Руси не было газетъ. Можно представить себѣ, что это было бы, если бы у Никиты Пустосвита былъ еще вдобавокъ свой «органъ», который бы прославлялъ его дѣянія, а нѣсколько десятковъ репортеровъ бѣгали бы за нимъ по пятамъ и — по десяти копѣекъ за строчку — воспѣвали бы каждый шагъ, который онъ дѣлаетъ своими босыми ногами».

Можно было бы, разумѣется, очень много сказать на эту тему, — но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что Никитѣ Пустосвиту, именуемому странникомъ Антоніемъ, дѣйствительно посчастливилось имѣть свои собственные «органы» и что нѣсколько десятковъ репортеровъ дѣйствительно бѣгали за нимъ и воспѣвали каждый шагъ, который онъ дѣлалъ своими босыми ногами. Это заставило осталь-

ную прессу обратить довольно суровое вниманіе на загадочную особу такъ шумно выступавшаго странника и, благодаря этому обстоятельству, мы имѣемъ возможность возстановить передъ читателемъ нѣкоторыя черты этого единственнаго въ своемъ родѣ эпизода. Прежде всего два слова о самой личности.—«По Россіи,—писали «Одесскія Новости» въ 1894 году,—давно уже расхаживаетъ сибирскій крестьянинъ Антоній Исаевъ Петровъ. Ходитъ онъ босой, въ длинномъ черномъ подрясникѣ, подъ которымъ на груди носить запертые на мѣдный замочекъ желѣзные пояса и цѣпи. Въ рукахъ у него большая дубина, на верху облитая свинцомъ, съ изображеніемъ креста. Интересная черточка: «при немъ находятся всегда *нѣсколько экземпляровъ газетъ*, гдѣ описаны его благодѣянія, нѣсколько телеграммъ, якобы отъ о. Іоанна Кронштадскаго, а въ дѣйствительности фiktивныхъ, нѣсколько фотографическихъ карточекъ, на которыхъ этотъ странникъ снятъ въ различныхъ геройскихъ позахъ... Самъ онъ здоровый дѣтина, 42 лѣтъ, грузноватый, а въ особенноти прикидывающійся такимъ, когда ему предлагаютъ вопросы, по какому праву онъ преподаетъ благословеніе мірянамъ» (цит. изъ «Волжскаго Вѣстника», № 110, 3 мая 1894).

Мелкая пресса въ Петербургѣ почему то обратила особенное вниманіе на этого предприимчиваго челоѣка, подъявшаго на себя необыкновенный подвигъ: водруженія колокола непремѣнно въ Кронштадтѣ! Послѣ многихъ предупрежденій о его многотрудномъ путешествіи, онъ наконецъ прибылъ въ Петербургъ. «До этого «сенсационнаго» событія (читаемъ въ «Русской Жизни» отъ 7 апр. 1894 г.)—однѣ петербургскій специальный органъ современныхъ чудотворцевъ и уличныхъ скандаловъ изо дня въ день оповѣщалъ о старцѣ, подогревая интересъ къ нему въ специфическихъ слояхъ публики». Оказалось однако, что, во 1-хъ, старецъ Антоній прибылъ въ столицу совсѣмъ не «per pedes apostolorum», какъ объ этомъ писали, а самымъ благополучнымъ образомъ—по жел. дорогѣ... Остановился онъ на углу Невскаго и Полтавской улицы, въ д. Дрябина, куда сейчасъ же нахлынула толпа народа, встрѣтившая старца съ облаженными головами. Это еще далеко не старый челоѣкъ, одѣтый въ потертой одеждѣ, босой. Лицо его худое и истомленное, глаза блуждающіе... Его ждала карета, въ которой онъ тотчасъ-же отправился сначала на водочный заводъ г. Петрова, а затѣмъ въ д. № 42, по Загородному проспекту». Въ листкѣ, о которомъ упомянуто выше, сообщалось между прочимъ, что этого старца «развезить» г-жа З—ая, живущая на Николаевской улицѣ; «но тамъ же,—прибавляетъ авторъ замѣтки въ «Русской Жизни»,—живетъ и г-жа Зайцевская». Последняя является чѣмъ-то въ родѣ импрессаріо для такихъ случаевъ; къ ней же должны обращаться желающіе увидѣть отца Іоанна Кронштадскаго».

3 и 4 апрѣля старецъ провелъ въ Кронштадтѣ. Здѣсь онъ оста-

новился въ одномъ изъ домовъ, специально принимающемъ многочисленныхъ кронштадтскихъ паломниковъ. Еще недавно (въ 1895 году) «Новое Время» цитировало оригинальное объявленіе изъ Кронштадта, въ которомъ нѣкто г. Пельдсъ извѣщалъ гг. прѣзжающихъ въ Кронштадтъ и желающихъ имѣть «свободный доступъ» для свиданія съ о. Іоанномъ, что въ его, г. Пельдса, меблированныхъ комнатахъ «батюшка бываетъ почти ежедневно» и что онъ, г. Пельдсъ, «принимаетъ горячее усердіе, чтобы посѣтители его меблированныхъ комнатъ не засиживались и видались бы съ о. Іоанномъ возможно скорѣе» (цитирую изъ «Волжск. Вѣстника», 1895 г., № 191).

У одного изъ такихъ домовъ 3 и 4 апрѣля, въ дни пребыванія странника Антонія, стояла громадная тысячная толпа народа, не расходившаяся до глубокой ночи. У ворота, при входѣ, стояли хозяйки съ хозяйкой, — стража весьма бдительная, — пропускавшая лишь тѣхъ, кто оставлялъ нѣчто въ пожимаемой рукѣ. Это днемъ. Вечеромъ и ночью допускались всѣ за входную плату—30 коп. съ человѣка. Корридоръ сажень 10 длиной и шириной аршина въ 2, — былъ биткомъ набитъ народомъ. Говоръ, плачь дѣтей сливались вмѣстѣ, давка была страшная, въ корридорахъ темно, толпа поддавалась впередъ очень тихо, по мѣрѣ того, какъ св. старецъ отпускалъ переднихъ счастливицевъ... Корридоръ былъ съ заворотомъ—и въ концѣ его корреспондентъ увидѣлъ новоявленного святого. «Мы добрались наконецъ,—продолжаетъ онъ,—до цѣли. Впереди меня было всего нѣсколько человѣкъ.

— Батюшка, отецъ Антоній, мужъ мой, Василій пьянствуетъ и тиранитъ меня,—говоритъ какая-то женщина.

— Укrotи, Господи, строптивость раба Божіа Василя. Да будетъ тебѣ по вѣрѣ твоей, иди съ миромъ.—При этомъ онъ взялъ голову женщины обѣими руками, коснулся своимъ лбомъ до ея лба и такимъ образомъ сдѣлалъ крестообразное движеніе». Далѣе слѣдовала мать съ больнымъ ребенкомъ, какой-то грѣшникъ, которому старецъ рекомендовалъ отправиться въ монастырь, а затѣмъ подошелъ къ старцу корреспондентъ.

— Да будетъ вамъ по вѣрѣ вашей,—напутствовалъ старецъ и его, удостоивъ поцѣловать корреспондента въ високъ.

Корреспондентъ отмѣчаетъ при этомъ интересную подробность. Въ обыкновенное время у такихъ квартиръ можно видѣть по десятку, по два человѣкъ, ожидающихъ проѣзда о. Іоанна. Другіе, способные шибко бѣгать, выслѣживаютъ его экипажъ на пути и стараются ухватиться за него на бѣгу. Отъ нихъ избавляются, бросая на мостовую мелкія деньги. Всѣ кидаются искать ихъ, происходить свалка, ругань, пинки. Изъ слѣдующихъ улицъ и переулковъ выбѣгаютъ новые охотники и т. д. Въ тотъ вечеръ, когда Кронштадтъ былъ завоеванъ странникомъ Антоніемъ, отецъ Іоаннъ проѣхалъ мимо два раза. «И дивное дѣло,—прибавляетъ корреспондентъ,—

за «батушкой» пробыжала только одна женщина; у подъездовъ домовъ для богомольцевъ никого не было,—всѣ были около того дома, гдѣ былъ странникъ Антоній». (Р. Жизнь, № 96, 1894 г.).

Какъ видите, о. Антоній выросъ во всероссійскую фигуру. Его обаяніе въ это время было такъ велико, что стоило ему придти въ домъ, положить руку на голову человѣка, и за нимъ шли, бросая семьи (тамъ же). Это уже не злощастный Михенчевъ, ходящій по снѣгу босикомъ, лишь для того, чтобы потомъ скромно ступешаваться на базарѣ въ селѣ Алексѣевскомъ. Это—всероссійская знаменитость, о которой трубятъ газеты, къ которой переходить хоть на нѣсколько дней поклоненіе толпы. Я очень хорошо понимаю, конечно, что въ этой простодушной толпѣ были не однѣ истерическія «богомолки», что она искренно несла страннику свои горести и печали. Я говорю въ настоящей статьѣ лишь о той сторонѣ движенія, на которой находятся сами «святые отцы Антонія и Никодимуса». А въ этомъ отношеніи, къ сожалѣнію, нѣтъ особенной надобности въ психологическихъ изысканіяхъ: дѣло разясняется довольно просто письмомъ, присланнымъ въ «Гражданинъ» изъ Сибири относительно «моднаго странника». Авторъ—простой деревенскій обыватель, односельчанинъ «странника». Жилъ онъ со странникомъ бокъ-о-бокъ и и многіе годы знаетъ его за лядшаго мужичонку, даже нечистаго на руку (sic). Пьянствовалъ онъ у нихъ, бродяжничалъ, путался съ «солдатками»; авторъ приложилъ даже фотографію, гдѣ онимъ странникъ снятъ въ сообществѣ двухъ «жрицъ любви». И вдругъ этотъ непутевый и ничего не стоящій человѣкъ объявляется жертвователемъ и цѣлителемъ, предметомъ восторженныхъ статей столичной газеты... Недоумѣваемъ, восклицаетъ удивленный обыватель,—и какъ быть, не знаемъ. Разрѣшите и научите!» («Гражданинъ». Перепеч. въ «Волжск. Вѣстникъ», 24 апр. 1894 г., № 101).

Гдѣ теперь странникъ Антоній и что съ нимъ происходитъ, мы не знаемъ. Вершиной его славы слѣдуетъ считать тотъ день, когда онъ, босой и въ своихъ веригахъ, участвовалъ вмѣстѣ съ бравыми боцманами въ поднятіи колокола въ какомъ-то флотскомъ экипажѣ.

Послѣ этого, онъ какъ-то исчезаетъ, по крайней мѣрѣ съ газетныхъ столбцовъ и его мѣсто занимаютъ другіе.

«Вмѣсто отсутствующаго странника Антонія,—писали опять въ «Кронштадтскомъ Вѣстникѣ»,—у насъ появился какой-то новый и съ цѣлымъ хвостомъ ханжествующихъ богомолковъ и богомольцевъ. Онъ ходитъ босикомъ, въ шелковомъ зеленомъ халатѣ... Надо полагать, — прибавляетъ газета, — что если этотъ халатникъ пустить пыль въ глаза легковѣрному народу разказами или баснями о какомъ нибудь многотрудномъ путешествіи своемъ на карачкахъ отъ «чудова къ юдову», то онъ пойдетъ далеко» (цит. изъ «Волгари», 17 сент. 1894).

«Кронштадтъ кипитъ странниками,—писали въ «Русской Жизни»,—наиболѣе извѣстны изъ нихъ братья Иларіонъ, Іаковъ, Іоаннъ

и Вася Трясоголовый, а также сестры Ириша и Матреша... Братъ Іаковъ изгонялъ бѣса изъ больной, такъ что она впадала въ безпамятство. За больную вступилась прислуга, но яродивый докончилъ свое дѣло и затѣмъ спокойно спросилъ: за мной еще не пришли? Проворливецъ угадалъ: за нимъ какъ разъ пришли, чтобы взять его въ участокъ» (изъ Волжск. В-ка, 1894, — № 133).

Затѣмъ, разумеется, Кронштадтъ, пританувшій къ себѣ всю эту рать, отдаетъ ее обратно провинціи, — и мы то и дѣло встрѣчаемъ въ газетахъ извѣстія о появленіи новоявленныхъ «святыхъ» и подражателей знаменитаго Антонія, или мнимыхъ посланцовъ о. Іоанна, эксплуатирующихъ его популярность. Въ Ростовѣ-на-Дону, крестьянинъ Андрей, торговавшій въ разносъ ленточками и тесьмами, въ одно утро надѣлъ на себя вериги, желѣзный колпакъ, взялъ въ руки тяжелый желѣзный посохъ и началъ ходить по уѣзду, собирая приношенія. Съ этихъ поръ онъ сталъ «Андрюша желѣзный колпачокъ», «божій человекъ», а его портретъ въ страническихъ доспѣхахъ красуется на вывѣскѣ мѣстной фотографіи на лучшей улицѣ Ростова. Примѣръ Андрея показался соблазнительнымъ портному Алексѣю Гладкому, который бросилъ иголку и объявилъ себя врачевателемъ. (Волжск. Вѣстн. 1894 г., 12 мая).

Въ гор. Гжатскъ вернулся изъ Кронштадта мѣстный крестьянинъ Иванъ Васильевъ. Здѣсь онъ объявилъ, что «пріѣхалъ сюда по благословенію о. Іоанна Кронштадтскаго». Впрочемъ, въ Гжатскѣ «нашли его дѣятельность неумѣстной», и поэтому Васильевъ переселился въ село Рождество, въ 12 верстахъ отъ Гжатска, и здѣсь занялся «исцѣленіями». Лѣчить онъ «осѣненіями». Слава его растетъ, и въ лѣсочкѣ, гдѣ онъ поселился, основалось даже нѣчто въ родѣ окита. (Смоленск. Вѣстникъ, 1895, № 159).

И т. д., и т. д. Я не стану утомлять читателя перечисленіемъ всѣхъ случаевъ, указывающихъ на то, какъ искрами разлетается по Россіи это странное движеніе, отбрасывающее насъ сразу въ глубину прошлыхъ вѣковъ. Сознательный обманъ съ одной стороны, темная вѣра съ другой, — таково основное содержаніе явленія, которое прошло передъ читателемъ въ этомъ рядѣ характерныхъ фигуръ въ «потертыхъ подрясникахъ», босыхъ, съ веригами и желѣзными цѣпами на тѣлѣ, съ пудовыми кляпами въ рукахъ. И такъ странно смотрѣть на все это. Точно поднялись изъ могилъ старыя яродивыя, пошли опять по Руси пустосвяты, только еще на этотъ разъ прибѣгающіе къ газетной рекламѣ и фотографическимъ иллюстраціямъ, усиливающимъ значеніе кладбищенскаго карканья и мрачныхъ предсказаній.

Я знаю, что пустосвятствомъ и грубымъ самозванствомъ не исчерпывается это явленіе даже съ одной его активной стороны. Наша литература любила останавливаться на типахъ этихъ смиренныхъ «божійхъ людей», а даже еще недавнее настроеніе общества заставляло порой отыскивать въ нихъ загадочныхъ рѣченійхъ

какой-то особый мистическій «смыслъ жизни», проблескивающій будто-бы слабымъ свѣтомъ изъ темной глубины этой якобы народной мудрости... Я знаю также, что порой въ этой оболочкѣ нетрудно встрѣтить младенчески чистое сердце — для этого стоитъ только вспомнить чудесный разсказъ Г. И. Успенскаго. Это не мѣшаетъ, однако, признавать явленіе въ общемъ — глубоко прискорбнымъ и даже прямо опаснымъ симптомомъ. Чистое сердце, — въ тѣхъ случаяхъ, когда оно дѣйствительно чисто, — не устраняетъ вреда отъ застоявшейся, темной мысли.

Есть, конечно, много указаній этого рода въ томъ матеріалѣ, которымъ я пользуюсь для настоящаго моего очерка. Я возьму только одинъ. Это нѣкто Петя, слѣпой начетчикъ и толкователь Священнаго писанія въ селѣ Хрящевкѣ, Ставропольскаго уѣзда. Представьте себѣ, — пишеть о немъ корреспондентъ «Самарскаго Вѣстника», — высокаго, тонкаго, какъ жердь, бѣловолосаго парня, одѣтаго во все бѣлое. Прибавьте къ этому грубый голосъ, рѣзкіе и нервные жесты слѣпца — и передъ вами портретъ Петя, современнаго мужицкаго подвижника и учителя»...

Судьба Петя — довольно трагична: деревня какъ будто собрала воедино всѣ горестныя случайности и невагоды, осаждающія крестьянскую жизнь отъ молодыхъ ногтей, и всѣ ихъ намила на злополучнаго Петю. Во первыхъ за свои странности и неопредѣленныя порыванія къ чему-то высшему и невѣдомому окружающимъ — его били и вѣроятно забывали. Затѣмъ два раза его кусали бѣшенныя собаки, разъ укусила змѣя, разъ свиньи прокусили животъ, «такъ что кишки были наружу», — наконецъ онъ ослѣпъ. И однако, несмотря на все это, онъ вышелъ здравъ изъ этого убійственнаго дѣтства и вынесъ изъ него свою собственную, безсмысленными горестями вскормленную философію!

Петя начитанъ или вѣрнѣе «наслышанъ» и съ большой охотой и еще большей смѣлостью берется объяснять хрящевцамъ Священное писаніе. Хрящевцы, надо замѣтить, извѣстны своей любовью къ чтенію и толкованію божественнаго и готовы слушать Петю всѣ вечера напролетъ. Но Боже мой, — восклицаетъ корреспондентъ, что это за толкованіе! Слышалъ напримѣръ Петя, что въ писаніи сказано о Христѣ: «пришелъ въ униженіи» — и вотъ онъ выводитъ, что Христосъ былъ маленькаго роста: «меньше всѣхъ апостоловъ». Въ этомъ родѣ и другія его объясненія. Съ особенной любовью останавливается онъ на мрачныхъ и темныхъ комментаріяхъ, относящихся къ грозному пришествію антихриста. «Петя почти всегда говорить притчами. Мысли въ образахъ, высказанныя аллегорически, сначала поражаютъ воображеніе слушателя, а затѣмъ уже Петя пытается овладѣть и его умомъ. Оказывается изъ петиныхъ толкованій, что всѣ мы беззаботно ходимъ среди опасностей, что каждый нашъ шагъ, невѣдомо для насъ, ведетъ къ гибели, что каждое наше самое повидимому невинное движеніе обставлено анти-

христовыми «прелестными» сѣтями и злобными хитростями. Жестокая и темная Петина философія казнить васъ не въ міру завѣдомой и сознанный вами вины,—а на основаніяхъ чисто формальныхъ... Тайными стопами ходить антихристъ по свѣту и налагаетъ свои печати. Вотъ, вы коснулись предмета съ такой печатью, даже не зная о ея присутствіи, и дѣло ваше уже проиграно. «Слышалъ я,—говорить, напримѣръ, слѣпой толкователь,—слышалъ я отъ старыхъ людей, которые читали въ старинныхъ книгахъ: будетъ такое время,—втащутъ въ домъ красную собаку, станетъ она рѣвѣть. Вокругъ собаки—бѣлые кутята, хвостъ крючкомъ. Хозяева погладятъ, погладятъ ихъ, а они разозлятся, разорвутся, ихъ и выкинутъ въ окошко». Это аллегорія. А вотъ ея истолкованіе. Красная собака—самоваръ; кутята—чайныя чашки, которыя хозяева могутъ, перетирая, разбить, а потомъ выкинуть. Какъ дѣтская загадка для упражненія ума, это, конечно, очень наивно. Но Петя прибавляетъ къ этому жестокаго толкованія, дѣлающія изъ «красной собаки» знаменіе антихристового пришествія; оно и видно: «самоваръ каждую недѣлю чистите, а вконѣ и двухъ разъ въ годъ не хотите облагодѣлать». Антихристъ самоваромъ отыскать отъ Бога. (Самарскій Вѣстникъ 1895 г., № 126).

Разумѣется, это только очень бѣглый и неполный портретъ, но по этимъ чертамъ, мнѣ кажется, нетрудно дорисовать себѣ остальное. Этотъ деревенскій страдалецъ, чистый сердцемъ и темный головою схоластикъ—истинный представитель застоявшейся мудрости прошлыхъ вѣковъ, мудрости, отрицающей всю нашу съ вами жизнь, отъ самыхъ основъ ея и до послѣднихъ потребностей. «А ситцы тѣ французскіе собачьей кровью крашены»—шипить некрасовская старушка, ставя въ связь исчезновеніе домотканки и появленіе французскихъ ситцевъ—съ стихійными невзгодами. Это смѣшно, но не въ такой степени, какъ кажется сначала.

Безъ всякаго сомнѣнія, было бы жестокой клеветой—отождествлять мудрость Пети съ мудростью народной. Да и что такое эта «народная мудрость»? Народъ не есть что либо единое, и его «мудрость» есть комплексъ идей необыкновенно сложный, однимъ концомъ примыкающій къ нашему міровоззрѣнію и нашимъ умственнымъ запросамъ, другимъ—теряющійся въ темномъ сумракѣ древнѣйшихъ вѣковъ. Сотни ежедневно оглашенныхъ фактовъ свидѣтельствуютъ о стремленіи народа къ книгѣ, къ образованію, къ рациональной школѣ, это съ одной стороны. Съ другой—развѣ мы, культурные, читающіе и даже пишущіе классы не выдѣлили изъ своей среды цѣлой группы, почти цѣлаго общественнаго теченія, которое проповѣдуетъ прелесть невѣжества. Такимъ образомъ, вопросъ совсѣмъ не въ качественномъ различіи какихъ-то двухъ специфическихъ мудростей,—вопросъ въ различной возможности удовлетворять естественному стремленію къ познанію міра, вложенному въ каждую человѣческую душу, составляющему несомнѣнно ея выс-

ашую «божественную» долю, освобождающему ее постепенно от страха передъ безсмысленными силами природы, очищающему самую религиозную вѣрованіа народа. Съ этой точки зрѣнія представляется чистѣйшимъ недоразумѣніемъ идеализація мистической петвиной и всякой иной—«страннической», отшельнической, скитнической, философій,—отъ которой были не вполне свободны даже прогрессивныя теченія нашей литературы. Скажу даже болѣе: недоразумѣніе это—даже и для теченій консервативныхъ. Я понимаю, конечно, что «Гражданину» или «Московскимъ Вѣдомостямъ» можетъ быть пріятно встрѣчать темныя наивности Пети и думать о томъ, какая дистанція отдѣляетъ ихъ еще отъ «раціонализма» и прочихъ жупеловъ. Но не надо забывать, что въ сущности между самымъ яркимъ «раціоналистомъ» и самымъ яркимъ ретроградомъ во вкусѣ «Московскихъ Вѣдомостей» разстояніе гораздо меньше, чѣмъ между обоими и Петей! Я полагаю и даже увѣренъ, что если-бы была какая нибудь возможность свести когда нибудь Петю и кн. Мещерскаго, такъ чтобы послѣдній хоть на минуту призналъ въ Петѣ не только «лѣтняго субъекта», имѣющаго неодолимую потребность въ поркѣ, а человѣка, у котораго есть и другіе запросы и свои собственные мысли,—то оба всетаки вскорѣ ототупили бы другъ отъ друга съ нѣкоторымъ ужасомъ. До такой степени князь, не смотря на проповѣдь невѣжества, показался бы Петѣ свободомыслящимъ, до такой степени Петьа показался бы князю—*risum teneatis*—«отсталымъ»... И дѣйствительно, въ лицѣ этихъ Петей и Микитушекъ, въ лицѣ странниковъ Антоніевъ и ихъ даже чистыхъ сердцемъ послѣдователей,—передъ нами выворачивается такая «глубина» якобы народной мудрости, на которой залежались тина и отстой времени, почти до-историческихъ. Нѣтъ такого, самаго «консервативнаго», но все-таки «современнаго» государственнаго и общественнаго уклада, который бы Петьа сознательно могъ признать соответствующимъ своимъ идеаламъ. И нѣтъ такого государственнаго порядка, который бы могъ безопасно довѣриться космогоническимъ и социологическимъ представленіямъ Пети, если-бы они стали дѣйствительно и фактически «народной мудростью»...

Мы переживаемъ теперь, хотя и не отмѣчаемую крупными событіями, но несомнѣнно знаменательную, переходную эпоху нашей народно-общественной жизни. Отъ многовѣковой опеки народъ призывается все настойчивѣе къ самостоятельной дѣятельности, требующей сознательнаго примѣненія къ новымъ правовымъ, экономическимъ и культурнымъ условіямъ жизни. А всякая переходная эпоха отмѣчается всегда глубокими, часто не замѣтными на первый взглядъ, колебаніями и противурѣчіями. Вотъ чѣмъ объясняется это совершенно неожиданное для «конца XX вѣка» обостреніе вопросовъ о «пользѣ просвѣщенія», о безнравственности порки и т. д. и т. д. Въ литературѣ аксіомы внезапно становятся «вопросами», а параллельно въ народной массѣ тревожно встаютъ и заявляютъ

о себѣ отживающіе свой вѣкъ призраки старыхъ временъ, до тѣхъ поръ покоившіеся спокойно въ нетронутой глубинѣ. Мнѣ кажется, что это совпаденіе не случайное, какъ не случайно быстрое движеніе облаковъ и одновременная зыбь на океанѣ. Совокупность жизненныхъ условій данной минуты, скорѣе улавливаемая настроеніемъ, чѣмъ сознаваемая мыслью,—заставляетъ столичныхъ публицистовъ, «волнуясь и спѣша», нападать на земскую школу, эту скромную представительницу свѣтскаго образованія,—и она же вызываетъ странника Антонія изъ далекихъ тобольскихъ дебрей, выносить его на самую вершину всероссійской извѣстности и рождаетъ его послѣдователей въ разныхъ углахъ нашего обширнаго отечества. Она то заставляетъ наивнаго Петю разсуждать о самоварѣ, а философа «Моск. Вѣдомостей» К. Н. Леонтьева—о вредѣ грамотности и зловредности желѣзныхъ дорогъ, по которымъ онъ, конечно, продолжалъ путешествовать со всѣми удобствами, предоставляемыми вагономъ 1-го класса...

Пусть смѣется, кто можетъ, намъ это не кажется смѣшно ни въ одной, ни въ другой сторонѣ. Мы глубоко вѣримъ, конечно, въ здравый смыслъ и проснувшіяся трезвые стремленія народа къ образованію и свѣту. Но... но съ этимъ нельзя торопиться достаточно. Мы улыбаемся или лицемѣрно радуемся наивностямъ Пети и его единомышленниковъ, а между тѣмъ всюду, гдѣ общественный барометръ падаетъ почему либо слишкомъ быстро и горизонтъ заволакивается тучами,—мы видимъ, какъ изъ взволнованнаго народнаго моря проглядываетъ внезапно все еще слишкомъ сильная фантастическая «мудрость» до историческихъ временъ. Тѣ самые люди, въ которыхъ обыкновенно мы видѣли трезвую терпимость и даже цорыванія впередъ,—внезапно становятся доступны темнымъ голосамъ старины и изувѣрства. Выходитъ такъ, что въ спокойное время народъ склоненъ учиться и думать вмѣстѣ съ нами; но въ тревожныя мгновенія своей жизни онъ чувствуетъ вмѣстѣ съ Петей и склоняетъ встревоженный слухъ къ шипѣнію старицъ и мнимыхъ странниковъ, нашептывающихъ ему о зловредности «ученыхъ докторовъ», пускаемой по вѣтру изъ культурной среды въ среду народную.

И вотъ почему, помимо всякихъ другихъ соображеній, необходимо пользоваться спокойнымъ временемъ для того, чтобы трезвымъ и свѣтлымъ взглядомъ на явленія природы и на сущность общественныхъ отношеній—разлагать темные призраки, связанные съ старыми инстинктами тѣмы и изувѣрства. Газеты то и дѣло несутъ намъ извѣстія о частныхъ вспышкахъ поразительнаго суевѣрія. Въ холерное время мы имѣли случай наблюдать то же самое въ такихъ широкихъ размахѣхъ, что даже на страницахъ «Гражданина» раздавались нервно-торопливые призывы къ «просвѣщенію массы», а на страницахъ «Московскихъ Вѣдомостей» можно было встрѣтить пожеланія, чтобы народъ съ его «чистой вѣрой» хоть немного «повѣ

рилъ и въ микробу»... Но мы недолго помнимъ эти уроки: пока не видно зарева пожара, мы забываемъ пользу страховой премии и вновь безпечно ожидаемъ минуты, когда широкій горизонтъ покроется тучами, а тревога всколеблетъ опять глубокіе слои темной народной массы. Тогда опять мы увидимъ, какіе еще уродливые кошмары способны вставать изъ этой глубины, а въ лицѣ чистыхъ сердцемъ Петей и Микитушекъ встанетъ передъ нами полное отрицаніе самыхъ основъ современной общественности... А тамъ, за «чистыми сердцемъ» танутся уже вереницы совсѣмъ не чистыхъ Михенчевыхъ и Игичныхъ, старцевъ въ калошахъ по 1¹/₂, пуда, старцевъ съ клюками и веригами, всѣхъ этихъ самозванцевъ духовнаго прозванія, жадно высматривающихъ гдѣ вода помутнѣе, а невѣжество глубже. Картина, согласитесь, похожая на мрачный кошмаръ, перспектива, гораздо опаснѣе всякихъ призраковъ рационализма и иныхъ псевдоконсервативныхъ «страхованій»...

Настоящій очеркъ занялъ неожиданно для автора такіе размѣры, которые заставляютъ меня на этотъ разъ поставить точку. Въ одномъ изъ слѣдующихъ очерковъ надѣюсь провести передъ читателемъ галерею портретовъ изъ другой области. Это будутъ уже «самозванцы гражданскаго вѣдомства»—собраніе персонажей, быть можетъ, не менѣе интересныхъ и поучительныхъ, чѣмъ тѣ люди въ мурмолахъ и подрясникахъ, которые прошли передъ читателемъ этотъ разъ.

Вл. Короленко.

II.

Вопросъ о всеобщемъ обученіи въ Московскомъ губернскомъ земствѣ.—
Старая и новая школа.—Преобразование комитетовъ грамотности.

Въ послѣднюю сессію Московскаго губернскаго земства, въ апрѣлѣ настоящаго года, состоялось рѣшеніе, имѣющее огромное значеніе въ дѣлѣ народной земской школы. Губернское собраніе, по докладу губернской управы, постановило приступить къ немедленному осуществленію такой школьной сѣти, которая обезпечила бы *всему населенію* губерніи возможность получить школьное образованіе. Съ осуществленіемъ этой сѣти начальное обученіе въ Московской губерніи сдѣлается *всеобщимъ*.

Какъ извѣстно, за послѣднее время вопросъ о всеобщности начального образованія очень живо заинтересовалъ многія земства. По справкѣ, приведенной въ московскомъ губернскомъ собраніи г. Духовскимъ, вопросъ этотъ, въ той или иной формѣ, обсуждался въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ (1895 и 1896 гг.) на 19 губернскихъ и 129 уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ. Московскому губернскому земству выпала почетная доля сдѣлать начинъ въ практиче-

скомъ осуществленіи плана организаціи начальной школы, доступной для всего населенія губерніи. Планъ этотъ представляется при этомъ и очень разработаннымъ, и широко поставленнымъ. Московская школьная сѣтъ рассчитана на удовлетвореніе потребности въ обученіи не только одного мужского населенія: она должна сдѣлать школьное обученіе доступнымъ для *всего* сельскаго населенія и мужского, и женскаго. Затѣмъ недостающее для полного удовлетворенія потребности населенія число школъ въ проектѣ московскаго земства предполагается восполнить устройствомъ новыхъ школъ исключительно *нормальнаго* земскаго типа. Первоначально и московское земство—подобно многимъ другимъ—останавливалось на мысли объ организаціи вспомогательныхъ къ земскимъ школамъ школъ грамоты съ неполнымъ курсомъ и учителями безъ той педагогической подготовки, которая считается обязательною для учительскаго персонала нормальныхъ школъ. Но въ окончательномъ проектѣ эта мысль была оставлена. Для небольшихъ районовъ, вмѣсто такихъ школъ, предполагено устраивать болѣе дешевыя школы обычнаго земскаго типа. Наконецъ, третьей характеристическою чертою московской школьной организаціи является активное участіе губернскаго земства въ школьномъ дѣлѣ.

Участіе это прежде всего выразилось въ широкихъ подготовительныхъ мѣрахъ, сдѣлавшихъ возможнымъ осуществленіе плана всеобщаго начального обученія. Проектъ рациональной сѣти школъ, т. е. опредѣленіе самого числа необходимыхъ школъ и такое распредѣленіе ихъ по территоріи, при которомъ съ наименьшими затратами достигалась бы доступность ихъ для населенія всѣхъ мѣстностей—этотъ проектъ выработанъ былъ губернскимъ земствомъ. Въ основу его легли данныя обширныхъ статистическихъ изслѣдованій въ области народной школы и народной грамотности, не разъ уже выполнявшихся московскимъ земствомъ. Еще 12 лѣтъ тому назадъ издана была капитальная работа покойнаго В. И. Орлова, посвященная статистикѣ народнаго образованія въ Московской губерніи. Продолженіемъ и дополненіемъ ея явились новѣйшія изслѣдованія, специально организованныя для выясненія вопросовъ, связанныхъ съ осуществленіемъ всеобщности начального обученія. Этими изслѣдованіями установлены между прочимъ два крупныхъ факта, принятые въ соображеніе при составленіи плана школьной сѣти. Это во 1-хъ, районъ тяготѣнія каждой школы. Такой районъ, при условіяхъ Московской губерніи, опредѣлился радіусомъ въ 3 версты. Далѣе 3-верстнаго разстоянія сельская школа уже не привлекаетъ къ себѣ учащихся. Во 2-хъ, статистическими изслѣдованіями выяснено было, что нормальный контингентъ учениковъ для народной школы—40 человѣкъ—могутъ дать 120 крестьянскихъ дворовъ. Исходя изъ этихъ двухъ фактовъ и принимая въ соображеніе число всѣхъ существующихъ уже сельскихъ школъ—какъ земскихъ, такъ и остальныхъ: церковно-приход-

сихъ. частныхъ, министерскихъ и т. п.—и были намѣчены тѣ районы, въ которыхъ необходимо устройство новыхъ школъ. Всѣхъ такихъ районовъ оказалось 277. Изъ нихъ въ 186 насчитывается не менѣе 120 крестьянскихъ дворовъ въ каждомъ, т. е. каждый изъ этихъ районовъ можетъ дать нормальное число учениковъ для земской школы. Въ этихъ районахъ предполагается устроить по школѣ съ нормальнымъ бюджетомъ. Затѣмъ 91 районъ образуютъ такія слабо населенныя мѣстности, гдѣ на площади, опредѣляемой трехверстнымъ отъ центра радіусомъ, находятся отъ 60 до 120 крестьянскихъ дворовъ. Въ каждомъ изъ такихъ районовъ проектируется устроить болѣе дешевую школу (обычнаго земскаго типа). Въ этихъ районахъ остаются еще нѣкоторыя мѣстности, съ населеніемъ настолько рѣдкимъ, что въ нихъ не можетъ быть устроена самостоятельная школа даже и на 20 учениковъ. Для такихъ районовъ заводить особыхъ школъ не предполагается: для ихъ школьнаго населенія начальное обученіе должно быть обезпечено облегченіемъ посѣщенія ближайшей земской школы (при помощи устройства при этой школѣ ночлежныхъ пріютовъ для учениковъ и другихъ тому подобныхъ мѣръ). Общая сумма добавочнаго земскаго расхода на ежегодное содержаніе всѣхъ предполагаемыхъ 277 новыхъ школъ (186 съ полнымъ и 91 съ уменьшеннымъ бюджетомъ) вычислена въ 127,740 руб. Въ Московской губерніи расходы по содержанію земскихъ школъ дѣлятся между мѣстнымъ крестьянскимъ населеніемъ, уѣздными земствами и земствомъ губернскимъ. Хозяйственные расходы на наемъ сторожа, отопленіе, освѣщеніе, страховку и ремонтъ школьныхъ зданій въ большинствѣ случаевъ покрываются подушнымъ сборомъ съ крестьянъ. Этотъ же источникъ покрытія расходовъ данной категоріи предполагается и для вновь открываемыхъ школъ. На уѣздныхъ земствахъ лежитъ расходъ на жалованье учителю и законоучителю и на учебныя пособія. Наконецъ, изъ бюджета губернскаго земства производится приплата къ жалованію учителей и законоучителей.

Для нормальной школы (съ полнымъ содержаніемъ) въ проектѣ губернскаго земства общая сумма земскихъ расходовъ вычислена въ 540 р., по такому расчету: жалованье учителю—основное, отъ уѣзднаго земства 240 р. и приплата отъ губернскаго земства 120 р., законоучителю—основное жалованье 60 р. и приплата 60 р., на учебныя принадлежности 50 р. и на мелочные расходы 10 р. Расходы на школы съ числомъ учениковъ менѣе 40 намѣчены въ размѣрѣ 300 р., по расчету—200 р. жалованье учителю, 50 р. законоучителю и 50 р. на учебныя принадлежности и другіе мелкіе расходы. Губернская приплата къ жалованью учителямъ и законоучителямъ на эти маленькія школы не распространяется. На всѣ 186 нормальныхъ школъ новый расходъ составитъ по приведенному расчету 100,440 р., а на 91 школу съ уменьшеннымъ содержаніемъ—27300 р. При обычномъ распредѣленіи

расходовъ на школы между губернскимъ и уѣзднымъ земствами на бюджетъ губернской должно бы пасть изъ упомянутой общей суммы 83,480 р. (по 180 р. на каждую изъ 186 нормальныхъ школъ), а на бюджеты уѣзныхъ земствъ 94,260 р. Но, въ виду того, что нѣкоторые изъ уѣздовъ могли бы встрѣтить финансовыя затрудненія для осуществленія предполагаемой сѣти школъ, губернское земское собраніе рѣшило принять на губернской бюджетъ большую долю необходимыхъ для этого расходовъ. Для всѣхъ тѣхъ уѣздовъ, въ которыхъ процентъ земскаго обложенія *не ниже средняго по губерніи* (10,8%) предполагаемы добавочныя пособія со стороны губернскаго земства въ размѣрѣ 80% всего новаго расхода на школы, который долженъ бы падать на нихъ при обычномъ распределеніи расходовъ по содержанію школъ (именно въ такихъ уѣздахъ уѣзныя земства должны будутъ вносить на содержаніе нормальной школы 72 р. вмѣсто 360 и на содержаніе школы дешеваго типа—60 р. вмѣсто 300; остальные расходы упадутъ на губернскій бюджетъ). Изъ 12 уѣздовъ губерніи 6 должны воспользоваться такимъ пособіемъ въ полной мѣрѣ. По отношенію къ 4 уѣздамъ произведенные расчеты показали, что, при доведеніи своего обложенія до средней по губерніи нормы, они будутъ имѣть возможность выполнить всѣ упдающіе на нихъ расходы. Поэтому для этихъ уѣздовъ добавочныхъ пособій изъ губернскаго бюджета (кроме обычной приплаты по 180 р. на каждую школу съ нормальнымъ содержаніемъ) не предполагается. Наконецъ 2 уѣзда могутъ воспользоваться губернскимъ пособіемъ послѣ того, какъ устроятъ на счетъ собственного бюджета: одинъ—пять, а другой 2 новыхъ школы. При такомъ распределеніи расходовъ на счетъ губернскаго земства будетъ упадать 85,776 р., за счетъ земствъ уѣздныхъ 41,964 р., изъ общей суммы въ 127,740 р., необходимой для осуществленія сѣти школъ, дѣлающей начальное обученіе доступнымъ для всего населенія губерніи.

Помимо вопроса о *всеобщности* начального обученія, московское губернское земское собраніе касалось и вопроса о его *обязательности*, причемъ собраніе остановилось на совершенно благоразумномъ рѣшеніи, что «обсужденіе вопроса объ обязательности обученія для дѣтей опредѣленнаго школьнаго возраста въ Московской губерніи представляется въ настоящее время преждевременнымъ». Дѣйствительно, при настоящемъ положеніи вещей, когда государственныя и общественныя учрежденія не могутъ еще удовлетворить и существующаго запроса на школу со стороны массы населенія, какъ то странно звучать проекты мѣръ принудительнаго обученія. *) Увеличеніе числа училищъ настолько, чтобы въ

*) Болѣе подробно намъ приходилось уже касаться этого вопроса въ другомъ мѣстѣ. См. «Хроника внутр. жизни» въ № XI «Русск. Богатства» за 1895 г. («Земскія дѣла»)

нихъ возможенъ былъ доступъ для всѣхъ желающихъ учиться дѣтей—вотъ единственный правильный *земскій* путь для достиженія всеобщности начального обученія. На этотъ путь, какъ мы видѣли, и становится московское земство.

Конечно, приведеніе въ исполненіе выработаннаго московскимъ губернскимъ земствомъ плана школьной организаціи потребуетъ извѣстнаго времени. Для осуществленія предположенныхъ мѣръ необходимо содѣйствіе уѣздныхъ земствъ и самихъ крестьянскихъ обществъ. Но во всякомъ случаѣ дѣло поставлено на твердую практическую почву. Возможность его доведенія до конца безъ особаго напряженія платежныхъ силъ земскихъ плательщиковъ выяснена, и главная доля необходимыхъ расходовъ, падающая на губернской бюджетъ, уже принята губернскимъ собраніемъ. Надо думать, что рѣшеніе губернскаго земства послужитъ толчкомъ для соответственныхъ постановленій и со стороны земствъ уѣздныхъ*) и что не далеко уже время, когда хотя въ одной изъ земскихъ губерній всеобщность начального обученія сдѣлается не пожеланіемъ только, а дѣйствительнымъ фактомъ.

Любопытно сопоставить настоящее положеніе начального обученія въ Московской губерніи съ фактами недавняго еще прошлаго. Земская школа въ Московской губерніи имѣетъ уже свою исторію, хотя и недлинную по времени, но очень поучительную,—поучительную особенно теперь, когда начинаютъ усиливаться теченія, стремящіяся вернуть народную школу къ тому положенію, въ которомъ ее застало земство, къ старымъ «дореформеннымъ» порядкамъ, уступившимъ мѣсто теперешнему земскому школьному строю.

Когда, 30 лѣтъ тому назадъ, вѣдѣніе народною школою перешло въ руки земства, народныя школы Московской губерніи не отличались ни многочисленностью, ни благоустройствомъ. Въ 1867 г. всѣхъ сельскихъ школъ въ губерніи насчитывалось 268, учащихся въ нихъ—мальчиковъ и дѣвочекъ—9411, весь школьный бюджетъ не превышалъ 55780 р. **). Школы эти—изъ какихъ бы источниковъ ни покрывались расходы на ихъ содержаніе—носили попрежнему

*) Починъ частной помощи земству въ этомъ дѣлѣ также можетъ уже быть отмѣченъ. На другой же день послѣ принятія губернскимъ собраніемъ изложеннаго выше постановленія, клинскій уѣздный предводитель дворянства довелъ до свѣдѣнія гласныхъ, что В. А. Морозова, учредившая уже въ теченіе 4 послѣднихъ лѣтъ три народныхъ школы въ Клинскомъ уѣздѣ, теперь, узнавъ о рѣшеніи губернскаго земства сдѣлать начальное образованіе общедоступнымъ, выражаетъ желаніе вести начатое ею дѣло далѣе и содѣйствовать земству въ устройствѣ училищъ въ такихъ мѣстахъ Клинскаго уѣзда, гдѣ земство встрѣтитъ затрудненія къ открытію школъ. Можно разсчитывать, что этотъ примѣръ не останется единственнымъ.

**) Заимствуемъ эти данныя, также какъ и всѣ послѣдующія, относящіяся къ исторіи школьнаго дѣла въ Московской губ. изъ книги В. И. Орлова (упомянувшейся уже выше): «Народное образованіе въ московской губерніи» М. 1884.

шеству характеръ церковный. Учительскій персоналъ въ нихъ составляли почти исключительно священно-и церковнослужители. Въ 168 училищахъ вѣдомства государственныхъ имуществъ было 146 учителей—священниковъ, въ 22 школахъ учителями были частію діаконы, частію свѣтскіа лица. Должность помощниковъ при учителяхъ священникахъ занимали обыкновенно члены причта: діаконы, дьячки и пономари. Школы и помѣщались часто въ домахъ приходскихъ священниковъ. Преподавались въ школахъ: Законъ божій, чтеніе по церковной и гражданской печати и первыя четыре дѣйствія ариметики.

Въ первые годы земскаго завѣдыванія, устройство начальныхъ школъ оставалось то же. Земства выдавали только изъ своихъ средствъ извѣстныя пособія на содержаніе школъ. Веденіе преподаванія оставалось по прежнему преимущественно въ рукахъ приходскаго духовенства. Но крайняя неудовлетворительность такого преподаванія и вообще всей постановки школьнаго дѣла въ этомъ его фазисѣ заставляли перейти къ инымъ порядкамъ. Отчеты училищныхъ совѣтовъ, доклады земскихъ управъ и журналы земскихъ собраній за эти годы полны самыхъ неблагопріятныхъ отзывовъ о ходѣ учебнаго дѣла въ начальныхъ школахъ и объ успѣхахъ учениковъ. Самое число учениковъ, показывавшееся въ отчетахъ, часто было фиктивнымъ. Можайскій училищный совѣтъ обнаружилъ, что въ одномъ училищѣ, вмѣсто 40 учениковъ по отчету, было въ дѣйствительности только 13, въ другихъ — вмѣсто 30 учениковъ 15, способы обученія въ школахъ были крайне неудовлетворительны. «Мальчики, пробывъ до двухъ лѣтъ въ школѣ, едва могли читать, причемъ чтеніе ограничивалось только псалтиремъ при совершенномъ непониманіи прочитаннаго». «Большинство училищъ существовавшихъ до 1876 г.—говорится въ училищномъ отчетѣ по Клиноскому уѣзду за 1878 г.—было весьма слабо организовано; многіа изъ нихъ занимали до невозможности неудобныя помѣщенія; внѣшняя обстановка ихъ была не приспособлена и не приноровлена къ училищнымъ нуждамъ. Еще печальнѣе было состояніе учебныхъ пособій: все это находилось въ самомъ ограниченномъ количествѣ и жалкомъ видѣ. Все дѣло въ училищахъ предоставлено было личному усмотрѣнію наставниковъ—священниковъ. Ученіе въ училищахъ по нѣскольку лѣтъ и безъ всякой пользы шло неудовлетворительно не потому, что было въ рукахъ лѣнивыхъ и неопытныхъ преподавателей, а отъ того, что ученіемъ занимались одни священники, которые въ одно и то же время занимали должность учителя и законоучителя, не говоря уже о томъ, что едва-ли одному священнику, отвлекаемому требами, было возможно выполнять всѣ требовательныя и довольно сложныя обязанности школьнаго учителя». Притомъ же многіа изъ нихъ совершенно незнакомы были съ новыми приѣмами обученія». Въ Дмитровскомъ уѣздѣ «въ 26 училищахъ, существовавшихъ въ 1871 г., пре-

подаватели были священно и церковно-служители. Въ большей части этихъ училищъ грамота преподавалась по старому, давно отжившему способу; осмысленнаго чтенія вовсе не было; многіе ученики на третій годъ ученія не могли объяснить самой простой прочитанной фразы, нѣкоторые на второй годъ ученія не знали молитвы господней. Въ рѣдомъ изъ этихъ училищъ старшее отдѣленіе учениковъ знало, въ память чего мы празднуемъ тотъ или иной двенадцатый праздникъ. Учебныя пособія, подходящія для первоначальнаго обученія, были лишь въ немногихъ училищахъ. Разосланныя губернской управой картины для нагляднаго обученія висѣли на стѣнахъ въ училищахъ, но пользоваться ими не умѣли. Указанія на несовѣстность обязанностей священника съ обязанностями учителя народной школы встрѣчаются чуть не во всѣхъ отзывахъ о положеніи школьнаго дѣла въ губерніи въ концѣ шестидесятыхъ и началѣ семидесятыхъ годовъ.

Съ начала семидесятыхъ годовъ обнаруживается поворотъ въ направленіи учебнаго дѣла, настоятельно подсказывавшійся очевидно неудовлетворительностью существовавшей его постановки. Земства сосредоточиваютъ усилія на подготовкѣ особыхъ, специальныхъ учителей для народныхъ школъ; священникъ остается только законоучителемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ развивается и болѣе активное участіе земства въ самомъ *завѣдываніи* школами (по сколько оно допускалось существующими узаконеніями).

Поворотнымъ пунктомъ въ этомъ отношеніи является 1875 г., когда вступило въ дѣйствіе новое положеніе объ училищахъ, Высочайше утвержденное въ 1874 г. Съ этого года школы стараго типа во всѣхъ уѣздахъ стали быстро закрываться или преобразовываться въ правильно организованныя училища, по образцу одноклассныхъ училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія; при чемъ на обязанности священнослужителей возлагалось лишь преподаваніе закона Божія, а всѣ другіе предметы преподавались особыми учителями или учительницами, окончившими курсъ въ специально педагогическихъ учебныхъ заведеніяхъ, или же имѣющими свидѣтельство на знаніе учителей. Съ 1875 г., начинается слагаться типъ собственно *земской школы*, господствующей теперь въ Московской губерніи. Насколько успѣшно пошло затѣмъ учебное дѣло въ земствѣ, можно судить по тому, что чрезъ 20 съ небольшимъ лѣтъ мы встрѣчаемся уже съ разработаннымъ планомъ сѣти земскихъ школъ, обеспечивающимъ доступность начальнаго образованія для всего населенія губерніи.

Но рядомъ съ этимъ мы встрѣчаемся и съ попытками воскресить, въ нѣсколько приукрашенномъ видѣ, старый, казалось бы самымъ опытомъ осужденный типъ школы.

Исторія школьнаго дѣла въ московскомъ земствѣ даетъ драгоценныя указанія для сравненія обоихъ этихъ типовъ школы, стараго и новаго. Очень важнымъ пособіемъ такого сравненія могутъ

служить данным, сгруппированным въ не разъ уже цитированной нами превосходной работѣ покойнаго В. И. Орлова «Народное образованіе въ Московской губерніи». Обслѣдованіе, давшее основной матеріалъ для этой книги, относилось къ 1882—1883 учебному году. Этотъ моментъ представляется очень удобнымъ для сравненія, о которомъ идетъ рѣчь. Традиціи старой школы тогда еще были живы и ея результаты еще можно было прослѣдить на дѣйствительныхъ фактахъ. Съ другой стороны, въ то время еще не было и мысли о соперничествѣ между земскою и церковно-приходскою школою, поэтому данную работу нельзя заподозрить ни въ какихъ предвзятыхъ выводахъ и полемическихъ увлеченіяхъ.

Мы не имѣемъ никакой возможности въ настоящей бѣглой замѣткѣ входить въ какія бы то ни было подробности по затронутому вопросу. Отметимъ только одну установленную упомянутымъ статистическимъ изслѣдованіемъ черту различія въ воздѣйствіи старой и новой школы. Касается она не самаго школьнаго дѣла, а того вліянія, которое оказываетъ школа на выборъ и обращеніе тѣхъ или иныхъ книгъ въ народѣ. Особымъ распространеніемъ въ средѣ сельскаго населенія Московской губерніи, въ моментъ выполненія статистическаго обслѣдованія школьнаго дѣла, пользовались книги духовнаго содержанія. И между ними преимущественно *псалтырь*—на церковно-славянскомъ языкѣ. «Псалтырь есть почти въ каждомъ домѣ, гдѣ имѣется взрослый грамотѣй»—значилось въ большинствѣ полученныхъ изслѣдователями отвѣтовъ. По объясненію нѣкоторыхъ учителей и священниковъ, предпочтеніе псалтыри предъ другими книгами духовнаго содержанія основывалось на нѣсколькихъ соображеніяхъ. Такъ а) въ прежнее время обыкою книгою при обученіи дѣтей чтенію была псалтырь, а потому грамотѣи привыкли къ ней съ дѣтства и эта привычка остается у лицъ, обучавшихся въ прежнихъ школахъ грамотности и до настоящаго времени. «Псалтырь особенно любятъ читать пожилые люди, причемъ смыслъ читаемаго для многихъ остается не понятнымъ». б) Псалтырь имѣетъ практическое примѣненіе въ домашнемъ обиходѣ: ее читаютъ надъ покойниками; в) относительно чтенія псалтыри въ большинствѣ мѣстностей существуетъ предразсудокъ, заключающійся въ томъ, что человѣку, прочитавшему ее отъ доски до доски сорокъ разъ, прощается известное количество грѣховъ; такимъ образомъ съ чтеніемъ псалтыри связывается нѣчто таинственное. Наконецъ, г) въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напр., въ Русскомъ уѣздѣ) псалтырь является средствомъ для гаданія, и въ особенности тогда, когда дѣло идетъ объ открытіи похитителя чужой собственности. Есть нѣсколько способовъ гаданія по псалтыри. Тутъ, очевидно, съ понятіемъ о псалтыри связывается представленіе о чемъ-то магическомъ. Послѣ псалтыри довольно распространенною книгою является *часословъ* или *часовникъ*. Книга эта, какъ и псалтырь, въ прежнее время была книгою для чтенія при обученіи грамотѣ, а потому и пользуется среди населенія уваженіемъ.

«Только въ послѣдніе годы (читаемъ мы въ книгѣ В. И. Орлова, относящейся къ 1882—1883 г.) стало распространяться среди сельскаго населенія *Евангеліе на русскомъ языкѣ* и вообще Новый завѣтъ. Распространенію этому всего болѣе способствуетъ *новая сельская школа*, гдѣ толковое, осмысленное чтеніе Евангелія и посланій апостольскихъ входитъ въ кругъ обязательныхъ предметовъ преподаванія. При томъ же попечители нѣкоторыхъ школъ раздають дѣтямъ, окончившимъ курсъ въ училищѣ, новый завѣтъ въ видѣ подарка». «Вообще,—заключаетъ В. И. Орловъ—изъ всѣхъ указаній и замѣчаній, имѣющихся въ нашихъ матеріалахъ, вытекаетъ тотъ несомнѣнный фактъ, что какъ прежняя школа, имѣвшая преимущественно характеръ церковный, содѣйствовала распространенію среди сельскаго населенія псалтыри, такъ новая, преимущественно земская школа является распространительницею Евангелія и другихъ книгъ Новаго завета. Псалтырь—это фундаментъ старой народной школы: Евангеліе Спасителя и посланія его апостоловъ—основаніе новой школы».

Это сближеніе очень важно и характерно для выясненія того теченія къ возстановленію старой церковной школы, которое обнаруживается въ послѣднее время. Старая школа есть школа *ветхого завета*, несущая его духъ и его традиціи и въ народную среду.

6 апрѣля 1861 года при Императорскомъ Вольно-Экономическомъ Обществѣ былъ учрежденъ особый Комитетъ, съ цѣлью «распространенія грамотности и разныхъ полезныхъ знаній, преимущественно въ крестьянскомъ сословіи» (§ 1 Устава). Подробнѣе задачи его опредѣлялись: — собираніемъ свѣдѣній о сельскихъ школахъ, пріютахъ, воскресныхъ классахъ и т. п., объ ихъ положеніи, средствахъ и встрѣчаемыхъ ими затрудненіяхъ; изысканіемъ мѣръ къ удовлетворенію школьныхъ нуждъ и доставленіемъ школамъ возможности успѣшнаго дѣйствія; сношеніями съ учредителями и преподавателями школъ, снабженіемъ ихъ указаніями и пособіями; обсужденіемъ разныхъ методовъ преподаванія, рассмотрѣніемъ учебниковъ, руководствъ и книгъ для народнаго чтенія, поощреніемъ полезныхъ и преслѣдованіемъ «печатною гласностью» изданій книжной спекуляціи и устарѣвшихъ методовъ преподаванія; напечатаніемъ книгъ для народнаго чтенія, руководствъ и лист-

Изъ нихъ, «одобренные Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для духовнымъ вѣдомствомъ, по принадлежности рассылаются отъ комитета желающимъ и въ училища за деньги и бесплатно, о книгахъ же, не рассмотрѣнныхъ еще Министромъ Народнаго Просвѣщенія, Комитетъ сообщаетъ свои мнѣнія въ это Министерство и можетъ разсылать въ училища только съ разрѣшенія Министерства Народнаго Просвѣщенія» (§ 2, а—е).

Съ этихъ поръ въ теченіи 35 лѣтъ Комитетъ Грамотности работалъ съ различнымъ успѣхомъ. Въ послѣдніе годы, съ оживленіемъ общественнаго интереса и вниманія къ дѣлу просвѣщенія—

дѣятельность Комитета грамотности стала тоже гораздо интенсивнѣе и энергичнѣе, а въ разныхъ городахъ стали возникать общества различныхъ наименованій, но съ тѣми же задачами. Такъ, въ Москвѣ образовался Комитетъ Грамотности при обществѣ сельскаго хозяйства, а затѣмъ мы имѣемъ общества для содѣйствія народному просвѣщенію въ Харьковѣ, Кіевѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Омскѣ и др. городахъ, причемъ нельзя не замѣтить, что все растущее пробужденіе общественнаго интереса къ просвѣщенію родного народа—сказывается то и дѣло или фактическимъ возникновеніемъ новыхъ обществъ, или ходатайствами и проектами уставовъ, посылаемыми на утвержденіе въ соответствующія инстанціи. Газеты то и дѣло сообщаютъ о новыхъ и новыхъ попыткахъ провинціи въ этомъ направленіи.

За исключеніемъ, быть можетъ, «Гражданина», который, какъ извѣстно, имѣетъ по этому вопросу два совершенно противоположныхъ мнѣнія, высказываемыхъ по разнымъ поводамъ съ одинаковой категоричностью, — никто, кажется, не выступалъ въ нашей прессѣ съ прямымъ осужденіемъ этого скромнаго просвѣтительнаго движенія. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы у него не было тайныхъ и открытыхъ враговъ. Тактика извѣстной части нашей прессы въ этомъ отношеніи весьма своеобразна, и еще недавно мы имѣли случай читать на страницахъ «Московскихъ Вѣдомостей» цитаты извѣстнаго стихотворенія А. Толстого:

Надъ вольной мыслью Богу неутодно
Насиліе и гнѣтъ;
Она—въ душѣ рожденная свободно,
Въ оковахъ не умретъ.

Цитата была сдѣлана съ живѣйшей симпатіей, изъ чего слѣдовало, что газета является поборницей свободы мысли, вмѣстѣ съ авторомъ стихотворенія. Нужно только условиться, что разумѣть подъ свободой вообще и подъ свободой мысли—въ частности. Свободой, какъ извѣстно, слѣдуетъ считать ту «внутреннюю свободу челоѣческаго духа», которая наилучшимъ образомъ можетъ проявиться именно при вѣншихъ стѣсненіяхъ и даже въ узникахъ. А мысль свободна, — пока она мысль, т. е. скромно ютится подъ черепомъ мыслителя. Но разъ она выразилась словомъ или письменами, — она уже перестаетъ быть «мыслію» и подлежитъ привлеченію въ участокъ.

Подобный пріемъ открываетъ, разумѣется, очень широкій просторъ для платоническихъ сочувствій и практическихъ нападокъ на то самое, что признается «симпатичнымъ». Симпатично и стремленіе къ образованію,—слѣдуетъ только закрыть по возможности всѣ реально-существующія образовательныя учрежденія и запретить всѣ на дѣлѣ уже изданныя книги... И дѣйствительно, по многимъ поводамъ и въ очень многихъ случаяхъ газеты этого лагеря выражали свой «ужасъ» передъ развитіемъ народно-издательскаго дѣла «отравляющаго деревню самыми вредными книгами». Если вы пой

жете эти заявленія въ томъ смыслѣ, что народъ издавна уже, чуть не съ открытія на Руси первыхъ типографій — отравляется невѣжественной лубочной пачкотней; — то вы сильно ошибетесь. Рѣчь идетъ какъ разъ о той литературѣ, которая стремится замѣнить лубочныхъ Милордовъ и Еруслановъ и стремится дать народу хоть что нибудь, похожее на настоящее печатное слово.

Если принять въ соображеніе приведенный выше § устава комитета грамотности, — то подобныя же нападки на его изданія способны, конечно, внушить только улыбку. Какъ извѣстно, всѣ вообще книги для народнаго чтенія подвергаются особенно строгой цензурѣ. Для того, чтобы попасть въ школу и сельскую бібліотеку, — этой цензуры еще мало: нужно специальное одобреніе того или другого вѣдомства по принадлежности. Совершенно, кажется, понятно, что, при такомъ порядкѣ можетъ быть рѣчь развѣ объ излишнихъ затрудненіяхъ въ народно-издательскомъ дѣлѣ, а никакъ не о недостаткѣ надзора въ этой области. Между тѣмъ еще недавно мы читали въ той же газетѣ, будто комитетъ грамотности является въ своей издательской дѣятельности совершенно безконтрольнымъ. «Народно-просвѣтительная дѣятельность земства поставлена подъ контроль министерства народнаго просвѣщенія. Даже церковь, компетенція которой не подлежитъ въ глазахъ правительства ни тѣни сомнѣнія, олируется, однако, столь могущественнымъ органомъ, какъ пр. атура Св. синода. Однимъ только комитетамъ грамотности предоставлена полнѣйшая безконтрольность». (Моск. Вѣд. 24 февр. 1896). *Отсутствіе контроля*, выражающееся въ строгой цензурѣ каждой книги, издаваемой комитетомъ, и въ необходимости для того, чтобы книга проникла въ школу или бібліотеку, — еще другой специальной цензуры того или другого вѣдомства, — неправда-ли, это «безконтрольность» совершенно особаго рода! А между тѣмъ, весь этотъ смѣшной алармъ, по поводу «вредныхъ книгъ», отравляющихъ народъ съ разрѣшенія общей и специальной цензуры — производитъ всетаки свое дѣйствіе и вноситъ изумительную смуту въ тѣхъ областяхъ, гдѣ книга соприкасается уже съ народной массой. Столичному читателю трудно даже представить тѣ затрудненія, какія порой совершенно неожиданно встрѣчаетъ на мѣстѣ уже однажды разрѣшенное, а порой и дважды «одобренное» изданіе. Нижегородскія газеты въ прошломъ году, въ отчетахъ о губернскомъ земскомъ собраніи, рассказали напримѣръ слѣдующій эпизодъ, имѣвшій мѣсто въ публичномъ засѣданіи. Гласный отъ духовнаго вѣдомства, состоящій также и наблюдателемъ за школами, заявилъ категорически, что онъ ходилъ въ школахъ «запрещенныя книги». — Это, разумѣется, не могло не встревожить собранія. Запрещенныя книги, да еще распространеныя такъ широко и беззастѣнливо, что онѣ то и дѣло попадаютъ на глаза официальнымъ ревизорамъ, — это конечно было бы очень серьезно. Оказалось, однако, что дѣло не зашло еще

такъ далеко, и почтенному гласному отъ духовнаго вѣдомства пришлось смягчить свой отзывъ на двѣ степени. Книги, о которыхъ шла рѣчь, собственно, нѣтъ «запрещаемы» не были. Наоборотъ, онѣ изданы съ дозволенія цензуры. Этого еще мало. Дальнѣйшее изслѣдованіе обнаружило, что «запрещенная» книга имѣетъ даже специальное одобреніе отъ министерства народнаго просвѣщенія. Однимъ словомъ,—рѣчь шла просто напросто о руководствѣ для первоначальнаго чтенія г. Баранова «Наше родное»,—издавна употребляемомъ въ министерскихъ школахъ и только не принятомъ церковно-приходскими. Судите изъ этого, какова-же должна быть «смута» въ умахъ людей, такъ или иначе прикосновенныхъ къ дѣлу народнаго просвѣщенія, если возможны такіа «недоразумѣнія» даже въ публичныхъ засѣданіяхъ. Разумѣется, въ собраніи все кончилось смѣхомъ, но... представьте положеніе учителя, у котораго гдѣ-то въ глухомъ селѣ строгій «наблюдатель» находитъ эту ужасную «запрещенную» книгу, на которой, однако, стоитъ одобреніе министерства нар. просвѣщенія! Вѣдь учителю смѣяться надъ мнѣніемъ наблюдателя, какъ смѣялись въ собраніи,—не приходится!

Примѣровъ, подобныхъ указанному, можно было-бы привести безчисленное множество. Мы ограничимся однако еще однимъ курьезнымъ эпизодомъ изъ области прессы. Въ № 28 «Гражданина» за текущій годъ мы встрѣтили статью «Школа и училище», а въ этой статьѣ слѣдующее замѣчательное мѣсто,—относящееся до того-же злополучнаго учебника г. Баранова: «кстати,—пишетъ авторъ статьи,—о сближеніи земскаго училища съ церковно-приходской школой, дышащемъ не истиннымъ желаніемъ дать въ немъ церковное (sic) направленіе воспитательной части, но, какъ необходимостію (sic) сдѣлать уступку времени. Учебники, составлявшіе въ дореформенное школьное время педагогическій образецъ... подвергнуты въ послѣднихъ изданіяхъ коренному исправленію, причемъ не безъ желчи помѣщены въ первыхъ отдѣлахъ уроки по церковно-славянской грамотѣ въ статьяхъ, заключающихъ исторію Ветхаго завіта, житія святыхъ и т. д.,—какъ будто учебники церковно-приходской школы исключительно содержатъ уроки по церковно-славянской лишь грамотѣ, между тѣмъ, какъ въ нѣкоторыхъ учебникахъ для сихъ школъ онъ (она?) совершенно отсутствуетъ. («Приходская школа», Ермина и Волотовскаго). Итакъ, г. Барановъ сдѣлалъ въ данномъ направленіи даже больше, чѣмъ Ерминъ и Волотовскій, но и тутъ онъ оказалъ весьма виновенъ,—ибо прибавилъ житія святыхъ съ желчью! Менъ у тѣмъ самый текстъ житій, разумѣется, не искаженъ, желчныя примѣчанія къ нимъ, конечно, тоже не имѣется, остается, значитъ, предположить, что авторъ «министерскихъ» учебниковъ прибавилъ желчь въ типографскую краску, которой печаталъ свои ужасы и изданія! Вся эта тирада, въ которой презрѣніе автора къ се-

«Своей грамотѣ доходить, какъ видите, до полной безграмотности,— конечно только смѣшна столичному читателю. Подумайте однако опять объ авторѣ этихъ ужасныхъ книгъ, человѣкѣ, безъ всякаго сомнѣнія, весьма благонамѣренномъ, который, однако, обвиняется въ томъ, что священное писаніе приводитъ не иначе какъ съ жолчью. Ну, какъ же не «запрещенная» книга!..

Очевидно, что смыслъ всѣхъ этихъ нападокъ совсѣмъ не въ «очищеніи» тѣхъ или иныхъ книгъ отъ вредныхъ яко-бы примѣсей, которыхъ въ нихъ, послѣ столь тщательнаго просвѣщанія черезъ общія и спеціальныя цензуры—и быть, конечно, не можетъ. Всѣ эти аспираціи тяготеютъ очевидно къ полному прекращенію того «симпатичнаго» общественнаго движенія къ просвѣщенію народа, противъ котораго стыдно возставать прямо, и въ свѣденіи всего народнаго чтенія—на часословъ и псалтирь. Мы уже говорили выше, — въ какой мѣрѣ стремленіе это опасно и нездорово съ общественной и государственной точки зрѣнія,—и вотъ почему всякій истинно-благонамѣренный человѣкъ не можетъ не желать отъ души прекращенія этой мрачной смуты, стремящейся породить тревогу и недовѣріе тамъ, гдѣ для нихъ нѣтъ мѣста и гдѣ алармистамъ приходится прибѣгать къ объявленію «опасными» книгъ, одобренныхъ спеціальными вѣдомствами, и отыскивать «либеральную» «желчь» чуть не въ типографской краскѣ!..

Нельзя по этой же причинѣ не желать скорѣйшаго выясненія вопроса о дальнѣйшемъ существованіи и дѣятельности комитетовъ грамотности, нынѣ переименованныхъ въ общества грамотности и отданныхъ въ вѣдѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія. Передъ нами новый «Уставъ С.-Петербургскаго и Московскаго обществъ грамотности», утвержденный 12 марта 1896 года г. министромъ народнаго просвѣщенія. Параграфомъ 3 этого устава названнымъ обществамъ предоставляется «а) собирать и издавать статистическія свѣдѣнія о существующихъ по разнымъ вѣдомствамъ начальныхъ народныхъ училищахъ и школахъ, народныхъ читальняхъ и библіотекахъ, центральныхъ учительскихъ библіотекахъ, народныхъ чтеніяхъ, складахъ книгъ для народнаго чтенія и мѣстностяхъ, нуждающихся въ открытіи поименованныхъ выше училищъ, школъ и учреждений; б) ходатайствовать передъ училищнымъ начальствомъ подлежащихъ вѣдомствъ о поддержаніи и улучшеніи существующихъ или объ открытіи вновь сего рода училищъ, школъ и учреждений; в) назначать изъ своихъ средствъ въ распоряженіе училищныхъ начальствъ денежныя суммы и другого рода пособія на потребности народнаго образованія; г) учреждать, съ надлежащаго по законамъ разрѣшенія, на свои средства народные училища и школы, народные библіотеки и читальни, народные чтенія, склады книгъ, центральныя учительскія библіотеки, а также имѣть свои библіотеки при обществахъ; д) оказывать пособія учащимся въ народныхъ училищахъ и школахъ, учащимъ и учившимся въ

нихъ, а также семействамъ послѣднихъ; е) разсматривать существующія учебныя руководства и пособия и вообще книги, назначаемыя для школьнаго употребленія или для народнаго чтенія и ходатайствовать передъ подлежащимъ вѣдомствомъ объ одобреніи или допущеніи сего рода книгъ къ употребленію въ названныхъ выше училищахъ, школахъ и учрежденіяхъ; ж) издавать на свои средства означеннаго рода книги; з) снабжать названныя училища, школы и учрежденія книгами, одобренными или допущенными къ употребленію въ нихъ надлежащими вѣдомствами; и) разсматривать существующія и составлять или издавать новыя планы школьныхъ зданій; і) обсуждать педагогическіе вопросы и мѣры къ народному образованію и к) поощрять денежными средствами и другими способами заслуживающихъ такого поощренія авторовъ означеннаго рода книгъ.

Итакъ,—задачи обществъ грамотности не сдѣланы по отношенію къ прежнимъ комитетамъ, а въ нѣкоторыхъ пунктахъ онѣ опредѣлены подробнѣе и точнѣе прежняго, такъ что въ этомъ отношеніи не можетъ быть никакихъ недоразумѣній. Къ сожалѣнію, совершенно другое приходится сказать относительно той части устава, которая опредѣляетъ организацію и способъ дѣйствій будущихъ обществъ. Здѣсь, прежде всего обращаютъ вниманіе слѣдующіе пункты, наложенные въ § 4:—а) статистическія свѣдѣнія собираются не иначе, какъ по программѣ, утвержденной г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія; б) на изданіе обществами книгъ необходимо разрѣшеніе сего министерства, в) сношенія съ училищами производятся не иначе, какъ черезъ мѣстныхъ начальства училищъ; г) училища, содержимыя обществами или получающія отъ нихъ пособия, могутъ быть посѣщаемы уполномоченными общества, но лишь въ *неучебныя часы* и д) помощь учащимъ — общества могутъ оказывать лишь съ согласія училищнаго начальства».

Такимъ образомъ, большая часть этихъ пунктовъ имѣетъ значеніе, несомнѣнно ограничивающее прежнія права комитета и сильно затрудняющее дѣятельность новыхъ обществъ.

Одинъ пунктъ, въ особенности, даетъ поводъ къ недоразумѣніямъ, это именно п. б), гласящій, что на изданіе обществомъ книгъ необходимо разрѣшеніе Министерства Народнаго просвѣщенія. Если бы это избавляло изданія общества отъ всякой иной цензуры, то пожалуй можно бы видѣть въ этомъ нѣкоторое упрощеніе издательской процедуры. Но тогда, конечно, это было бы оговорено въ уставѣ.

Если же цензура министерства не отмѣняетъ общей цензуры, тогда это является прибавкой, лишаящей членовъ общества одного изъ правъ, нынѣ несомнѣнно принадлежащихъ всякому: издавать книги, цензурой одобренныя—безъ всякихъ другихъ разрѣшеній... Нельзя не замѣтить, что другіе пункты даютъ членамъ общества лишь тѣ права, которыми несомнѣнно могутъ пользоваться и не

члены (напр. посѣщеніе школьных помѣщеній съ надлежащаго разрѣшенія въ учебное время и т. д.).

Та же ограничительная тенденція замѣтна и въ организаціи общества. Это какъ будто стремленіе къ «разорганизованію» бывшихъ комитетовъ, къ сведенію ихъ на простыя собранія жертвователей, не имѣющихъ затѣмъ никакихъ особыхъ правъ въ области дѣйствій «общества». Эта тенденція особенно ясно сказалась въ способѣ, какимъ комплектуется составъ дѣйствительныхъ членовъ и членовъ сотрудниковъ: «Лица, — говорится въ § 9 устава, — желающія поступить въ число членовъ общества, дѣйствительныхъ или сотрудниковъ, заявляютъ о томъ правленію общества и, по уплатѣ установленнаго членскаго взноса, включаются правленіемъ въ списокъ членовъ общества, съ выдачею имъ печатнаго экз. настоящаго устава». Если прибавить къ этому, что предсѣдатель общества прямо назначается, а товарищъ предсѣдателя, члены правленія и секретарь подлежатъ утвержденію г. министра; что правленію и даже предсѣдателю единолично предоставлена значительная власть по отношенію къ постановленіямъ общества, которыя могутъ быть представлены предсѣдателемъ, независимо отъ законности этихъ постановленій, на вторичное разсмотрѣніе, а затѣмъ еще, если вторично-принятое постановленіе не нравится предсѣдателю, — на заключеніе г. министра, — то станетъ совершенно ясенъ общій характеръ преобразованія и основная его идея. Это именно сведеніе всей дѣятельности бывшихъ комитетовъ къ простому пожертвованію, съ правомъ лишь совѣщательнаго голоса въ направленіи этихъ пожертвованій и въ распоряженіи ими. Препятствія противникамъ комитетовъ особенно нравятся именно эта черта; такъ, «Моск. Вѣд.» (въ № отъ 2 апр.) находятъ, что «чѣмъ свободнѣе доступъ къ извѣстному дѣлу со стороны частныхъ лицъ, тѣмъ болѣе это дѣло заслуживаетъ названія общественнаго... До сихъ поръ, — ядовито прибавляетъ газета, — это считалось аксіомой», Что дѣлать, приходится напоминать иногда, что не всякій «свободный доступъ» непременно гарантируетъ устойчивость и успѣшность дѣла, что мы имѣли случай наблюдать много разъ въ акціонерныхъ собраніяхъ. Наконецъ, задача общества грамотности — не въ одномъ «свободномъ доступѣ», а въ работѣ, требующей извѣстной преданности дѣлу, а не внесенія только 5 рублей... И, конечно, если случайный составъ даннаго дня можетъ сразу опрокинуть планы, на которые потрачена любовь къ дѣлу, энергія, инициатива дѣйствительно работающей группы даннаго общества, — то всего вѣроятнѣе, что эти качества, — т. е. инициатива, энергія и настойчивость изъ этого общества исчезнутъ, а съ одними взносами многого сдѣлать нельзя.

Теперь газеты приносятъ намъ извѣстіе о первомъ собраніи новаго общества въ Петербургѣ. Было извѣстно уже ранѣе, что громадное большинство членовъ бывшаго петербургскаго комитета

50 р. и въ 1 случаѣ 25 р. (въ дополненіе къ пособию, выданному изъ фонда Императора Николая II). Всего на сумму 175 р.

Неденежныя пособия, оказанныя за отчетный періодъ заключались въ слѣдующемъ: 1) жена одного писателя, по ходатайству Комитета, помѣщена бесплатно въ психіатрическую лечебницу. 2) по просьбѣ одного писателя Комитетъ вступилъ въ посредническія сношенія съ редакціею журнала, въ который была представлена для напечатанія рукопись этого писателя (сношенія еще продолжаются) и 3) по просьбѣ одной писательницы Комитетъ прискивалъ для нея занятія.

Для *увеличенія средствъ* Общества Комитетомъ а) устроенъ былъ 4 февраля спектакль въ пользу Общества и б) приступлено къ новому изданію 3-й книги разсказовъ В. М. Гаршина и стихотвореній С. Я. Налсона.

II. Съ 1-го января по 25-е апрѣля поступило:

Въ капиталъ неприкосновенный и въ именныя 2.090 р. 50 к.

Въ капиталъ расходный:

1) Годовыхъ членскихъ взносовъ	440	»	—	»
2) Пожертвованій	395	»	—	»
3) Отъ предпріятій Общества (чистая прибыль отъ вечеровъ 30 дек. и 4 февраля)	976	»	20	»
4) Въ возвратъ безсрочныхъ ссудъ	500	»	—	»
5) Пособіе отъ Мин. Народн. Просвѣщенія . . .	1.000	»	—	»
6) Пропентовъ съ капиталовъ и по срочнымъ ссудамъ	4.759	»	56 1/2	»
7) Разныхъ	26	»	50	»
8) Оборотныхъ	315	»	—	»

Всего же въ расходный капиталъ поступило . 8.412 р. 26 1/2 к.

Израсходовано:

1) На пенсіи	1.702	»	—	»
2) На продолжительныя пособія	950	»	—	»
3) Стипендіи	245	»	—	»
4) Обученіе и воспитаніе	775	»	50	»
5) Пособія единовременныя	1.425	»	—	»
6) Ссуды безсрочныя	650	»	—	»
7) Выдачи по духовному завѣщанію Г. З. Елисеева	400	»	—	»
8) Расходы общіе, почтовые, страхованія, храненія и проч.	204	»	73	»
9) Разные: расходы писателя и писательницы въ домѣ душевныхъ больныхъ и похороны писателей	340	»	—	»
10) Оборотныя	199	»	25	»

Всего израсходовано. . 6891 р. 48 к.

Въ расходномъ капиталѣ на 1 января былъ перерасходъ въ 1.702 руб. 14 $\frac{1}{2}$ коп., по 25 апрѣля въ капиталъ этотъ поступило 8.412 р. 26 $\frac{1}{2}$ к., выдано же изъ него 6.891 р. 48 к.; перерасходъ къ 25 апрѣля составляетъ такимъ образомъ 181 р. 36 к.

Въ срочныя ссуды было выдано 200 руб., получено же въ возвратъ срочныхъ ссудъ 1.550, остатокъ ссуднаго капитала составляетъ 1.350 руб. На счетъ переходящихъ суммъ поступило 6.467 р. 80 к., выдано съ этого счета 1.320 руб. и считается на немъ 8.203 руб. 65 коп.

За симъ совокупность средствъ общества съ долгами по ссудамъ и съ суммами переходящими составляла на 25 апрѣля 333.151 руб. 83 $\frac{1}{4}$ коп.

СОЧИНЕНІЯ

Вл. В. ЛЕСЕВИЧА.

Опытъ критическаго изслѣдованія основоначалъ позитивной философіи. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Письма о научной философіи. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Этюды и очерки. Цѣна 2 р. 60 к., съ перес. 2 р. 80 к.

Что такое научная философія? Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

ИЗДАНІЕ Вл. В. ЛЕСЕВИЧА:

«Дѣтскій сборникъ». Очерки и разсказы для дѣтей старшаго возраста. Съ 8 картинками и 3 политип. Спб. 1892 г. Ц. въ коленкор. пер. 2 р., съ пер. 2 р. 40 к.

СОДЕРЖАНІЕ: Никита и его дочери. В. И. Водовозова. Морскія и прѣсноводныя животныя. А. М. Никольскаго. Въ березкѣ и подъ березкой. А. Е. Кутузовой. Дѣтство и юность Томаса Скиннера. Дорджи, бурятскій мальчикъ. А. В. Потаниной. Жертва. А. Н. Вѣничкова. Падающія звѣзды и метеориты. В. К. Агафонова. Въ деревнѣ на Рождество. А. Н. Анненской. Барбось въ роли героя. Юліи Безродной. Адамовъ Пикъ. Эрнеста Генкеля.

Продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, въ Петербургской конторѣ журнала «Русское Богатство», и въ Московскомъ отдѣленіи конторы.

Подписчики «Русскаго Богатства», пользуются уступкой, равной стоимости пересылки.

Изданія Ф. ПАВЛЕНКОВА.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ПУШКИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

Русланъ и Людмила. Съ 8 картинками, ц. 10 к. — Кавказскій плѣнникъ. Съ 3 карт., ц. 3 к. — Братья Разбойники. Съ 3 карт., ц. 2 к. — Бахчисарайскій фонтанъ. Съ 3 карт., ц. 3 к. — Цыгане. Съ 3 карт., ц. 3 к. — Полтава. Съ 5 карт., ц. 6 к. — Галубъ. Съ 2 карт., ц. 2 к. — Сказка о царѣ Салтанѣ. Съ 3 карт., ц. 4 к. — Сказка о попѣ и работникѣ Балдѣ. Съ 2 карт., ц. 2 к. — Сказка о мертвой царевнѣ. Съ 2 карт., ц. 2 к. — Сказка о золотомъ пѣтушкѣ. Съ 2 карт., ц. 2 к. — Сказка о рыбацкѣ и рыбкѣ. Съ 2 карт., ц. 2 к. — Пѣсни западныхъ славянъ. Съ 3 карт., ц. 4 к. — Евгений Онѣгинъ. Съ 11 карт., ц. 20 к. — Графъ Нулинъ. Съ 3 карт., ц. 2 к. — Домикъ въ Коломнѣ. Съ 2 карт., ц. 2 к. — Мѣдный всадникъ. Съ 3 карт., ц. 3 к. — Анжели. Съ 3 карт., ц. 3 к. — Борисъ Годуновъ. Съ 9 карт., ц. 10 к. — Скупой рыцарь. Съ 2 карт., ц. 2 к. — Моцартъ и Сальери. Съ 2 карт., ц. 2 к. — Каменный гость. Съ 3 карт., ц. 3 к. — Пиръ во время чумы. Съ 2 карт., ц. 2 к. — Русалка. Съ 4 карт., ц. 3 к. — Выстрѣлъ. Съ 2 карт., ц. 2 к. — Метель. Съ 2 карт., ц. 3 к. — Гробовщикъ. Съ 2 карт., ц. 2 к. — Станціонный смотритель. Съ 3 карт., ц. 3 к. — Барышня-крестянка. Съ 2 карт., ц. 4 к. — Пиковая дама. Съ 3 карт., ц. 5 к. — Дубровский. Съ 5 карт., ц. 10 к. — Арапъ Петра Великаго. Съ 3 карт., ц. 6 к. — Капитанская дочка. Съ 11 карт., ц. 20 к. — Исторія Пугачевского бунта. Съ мног. карт., ц. 20 к. — Всѣ поэмы. Съ 21 карт., ц. 25 к. — Всѣ сказки. Съ 6 карт., ц. 10 к. — Всѣ баллады и легенды. Съ 4 карт., ц. 10 к. — Всѣ драматич. произведенія. Съ 17 карт., ц. 20 к. — Повѣсти Бѣлкина. Съ 7 карт., ц. 10 к. — Всѣ письма. Съ 26 портретами лицъ, которыми писалъ Пушкинъ, ц. 25 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛЕРМОНТОВСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

1) Демонъ. Съ 9 рис. Ц. 6 к. — 2) Ангелъ Смерти. Съ 5 рис., Ц. 3 к. — 3) Измайль Вей. Съ 9 рис. Ц. 10 к. — 4) Хаджи-Абрекъ. Съ 5 рис., Ц. 3 к. — 5) Вояринъ Орша. Съ 7 рис. Ц. 4 к. — 6) Пѣсня про купца Калашникова. Съ 7 рис. Ц. 3 к. — 7) Мцыри. Съ 7 рис. Ц. 4 к. — 8) Аулъ Бастунджикъ. Съ 5 рис. Ц. 3 к. — 9) Латинка. Съ 5 рис. Ц. 3 к. — 10) Каллы. Съ 3 рис. Ц. 2 к. — 11) Кавказскій плѣнникъ. Съ 3 рис. Ц. 3 к. — 12) Корсаръ. Съ 3 рис. Ц. 2 к. — 13) Черкесы. Съ 3 рис. Ц. 2 к. — 14) Джулио. Съ 3 рис. Ц. 3 к. — 15) Казначейша. Съ 5 рис. Ц. 4 к. — 16) Герой нашего времени. Съ 23 рис. Ц. 25 к. — 17) Вала. Съ 9 рис. Ц. 8 к. — 18) Тамань. Съ 5 рис. Ц. 3 к. — 19) Княжна Мери. Съ 9 рис. Ц. 12 к. — 20) Фаталистъ. Съ 3 рис. Ц. 2 к. — 21) Призракъ. Съ 3 рис. Ц. 3 к. — 1) Маскарадъ. Съ 5 рис. Ц. 10 к. — 23) Испанцы. Съ 5 рис. Ц. 10 к. — 24) Ашикъ-Керибъ. Съ 5 рис. Ц. 2 к. — 25) Княгиня Лиговская. Романъ. Съ 5 рис. Ц. 8 к. — 26) Люди и страсти. Трагедія. Съ 5 рис. Ц. 8 к. — 27) Станный человекъ. Драма. Съ 5 рис. Ц. 8 к. — 28) Два брата. Драма. Съ 5 рис. Ц. 5 к. — 29) Всѣ баллады и легенды. Съ 3 рис. Ц. 5 к. — 30) Повѣсти изъ современной жизни. Съ 9 рис. Ц. 7 к.

ЛИТЕРАТУРНОЕ РАЗВИТИЕ

РАЗЛИЧНЫХЪ ПЛЕМЕНЪ И НАРОДОВЪ.

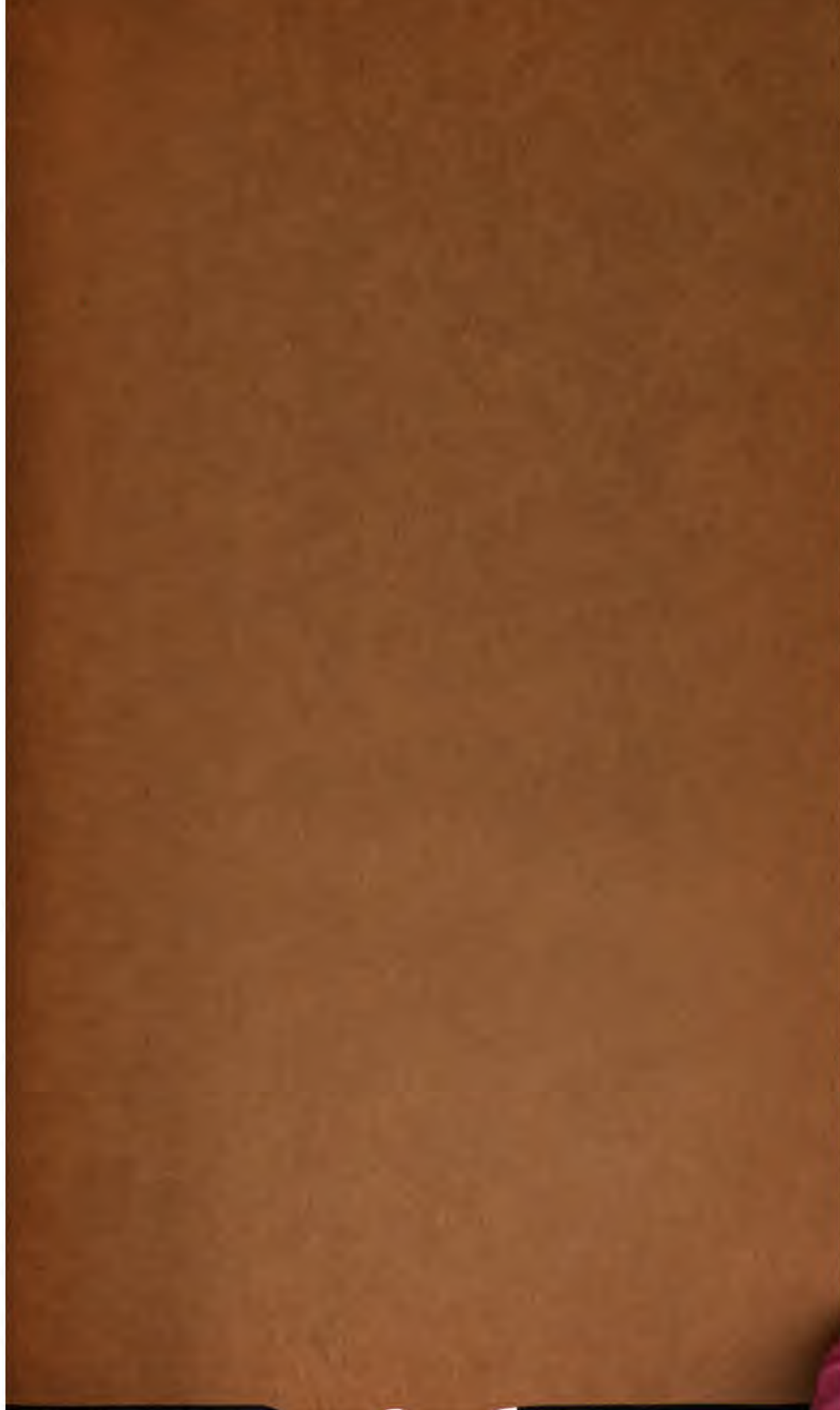
Шарля Летурно.

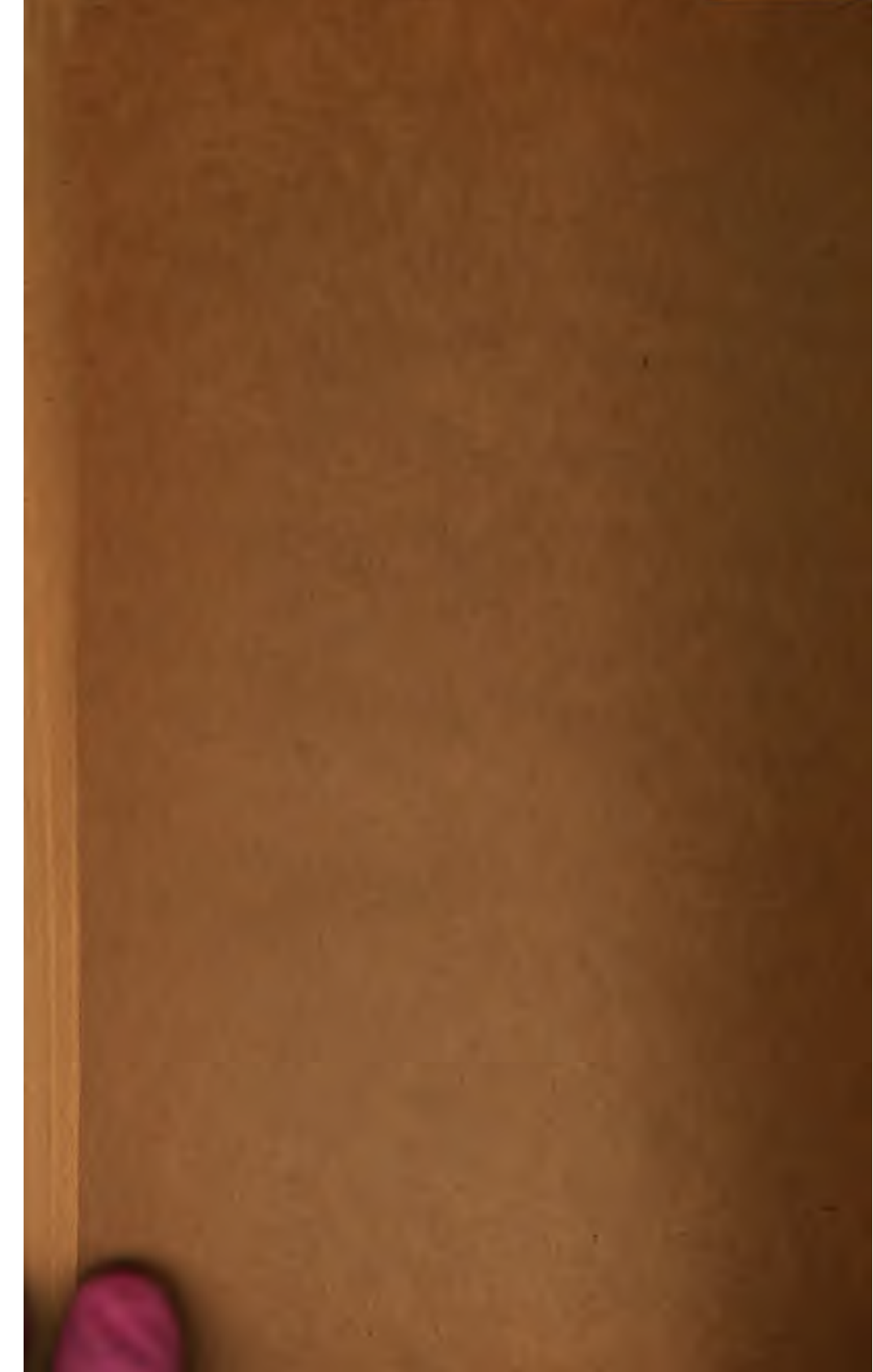
Содержаніе. Начало литературы. — Литература черныхъ расъ. — Литература желтыхъ расъ. — Литература народовъ бѣлой расы. — Прошлое и будущее литературы. Переводъ съ франц. В. СВАТЛОВСКАГО. Цѣна 1 р. 50 к.

Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. Луковникова.

(Спб., Лештуковъ пер., № 12).

Издатели: Н. Михайловская.
Вл. Короленко.Редакторы: П. Быковъ.
С. Поповъ.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

HALL USE
CANCELLED

MAR 16 1978

3 2044 098 421 688